МИРЫ ФОСТЕРА

МИРЫ ФОСТЕРА

АЛАН
ДИН
ФОСТЕР

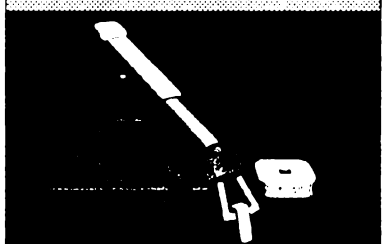
ALAN
DEAN
FOSTER

ALAN DEAN FOSTER

selected stories

VOL VI

DAMNED

A CALL TO ARMS

STORIES

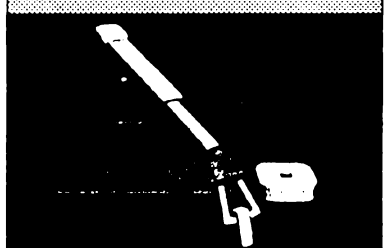
«KLUCH»
SMOLENSK
1994

АЛАН ДИН ФОСТЕР

избранные произведения

ТОМ VI

ПРОКЛЯТЫЕ

ПРИЗЫВ К ОРУЖИЮ

РАССКАЗЫ

«КЛЮЧ»
СМОЛЕНСК
1994

ББК 84. 7 США
Ф 47
УДК 820(73)-31

Печатается по изданию:
Фостер А. Проклятые: кн. 1.
Смоленск: Русич, 1994

Перевод с английского *ИПП* «AMEX Ltd»

Художник *А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков*

Публикуется с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону.

Фостер А.

Ф47 Миры Фостера: Избранные произведения. В 7 т. Т. 6 / Пер. с англ. ИПП «AMEX Ltd»; Худож. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков.— Смоленск: Ключ, 1994.—608 с.

ISBN 5-631-00024-5.

В книгу вошел первый роман трилогии знаменитого фантаста, автора романа, по которому был снят всемирно известный сериал «Звездные войны». Новая работа посвящена этой же теме.

...Безжалостная цивилизация амплитуров медленно, но верно захватывает Галактику, порабощая миролюбивые цивилизации, не способные дать адекватный отпор. В поисках спасения несчастные обращаются к людям, населяющим нашу с вами планету.

Ф 4703040100 ББК 84. 7 США

© by A. Foster, 1991
© Перевод. ИПП «AMEX Ltd», 1993
© Оформление. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков, 1994

ISBN 5-631-00024-5 (т. 6)
ISBN 5-631-00022-9

1

Тот-Кто-Решает откинулся на спинку своего «серпа» и расслабился. Серп — командирское кресло, покачивался высоко над полом, поддерживаемое лишь тонкой, но крепкой, гибкой трубкой. При простом нажатии на кнопки контроля кресло могло перемещаться вверх и вниз, вправо и влево так, что амплитур получал возможность непосредственно контролировать своих подчиненных, переговариваться, подавать им советы. Того же самого можно было достичь при помощи коммуникативного устройства в виде крючка, которое было удобно закреплено на его голове. Однако амплитур больше ценил непосредственное руководство.

Кресло было обито сверху донизу упругой подушкой, на одном конце которой покоились четыре короткие мясистые ноги амплитура, а на другой — свободно откидывалась его голова. Из головы, — по обе ее стороны, — выходили два щупа, каждый из которых на конце был снабжен четырьмя пальцами-манипуляторами. Эти пальцы постоянно находились в движении, подрагивали, совершали вращательные движения в воздухе, сгибались и разгибались. Создавалось впечатление, что амплитур дирижирует оркестру, играющему какой-то причудливый вальс.

Сферические глаза с золотистым отблеском обозревали просторное помещение. По временам их внимательный взгляд останавливался в том или ином секторе. Расщепленные зрачки начинали возбужденно пульсировать, то увеличиваясь, то сокращаясь. Значит, в этом секторе работу подчиненных можно было бы чуть подстегнуть, сделать более эффективной. Обращаясь к тем, кто находился под его командованием. Тот-Кто-Решает всегда говорил ободряющим тоном. От него никогда не

слышали резкости, которая была свойственна представителям других рас. Амплитуры никогда не отличались грубостью. Были времена, когда их характерной чертой можно было считать нерешительность... Но все это было еще до Назначения. До зрелости.

Просто невозможно поверить в то, что было время, когда амплитуры жили без Назначения! Из истории Тот-Кто-Решает знал совершенно точно, что такое время было. Сама мысль об этом с трудом укладывалась в голове, она была чуждой и отторгалась сознанием и разумом, словно лживая и мрачная сказка о каком-то другом времени и каком-то другом пространстве. Исключительно благодаря осознанию Назначения амплитуры пришли к своей зрелости и коренным образом изменились.

Теперь Назначение изменяло Галактику.

До осознания Назначения Амплитур жил и развивался обычно, в пределах своей скромной цивилизации: развивал искусства, овладевал различными сложными вещами, свойственными своему биологическому виду и желал только одного: что бы его никто не трогал, чтобы ему дали жить своей жизнью, разрешили ему остаться самим собой... Потом пришло осознание Назначения.

Тот-Кто-Решает мягко нажал кнопку контроля, и серп подался сначала влево, а потом вниз. В сектор навигации. И как только амплитур мог существовать без Назначения?! Чепуха какая-то!

В те давние времена эволюцией амплитура двигали инстинкты. Они большую часть времени проводили в спокойных и теплых водах своей родной планеты, лишь иногда с трудом подползая к береговой линии на своих неуклюжих, — гораздо менее развитых, чем теперь, — конечностях. Ракообразных и съедобных моллюсков, глубоко закопавшихся в ил, амплитуры отыскивали при помощи своих чувствительных щупов с пальцами на концах. В разумности амплитуров уже тогда не приходилось сомневаться, хотя всю свою жизнь они по сути занимались только двумя делами: бессмысленно размножались почкованием, производя на свет подобных себе, да превращали растительный материал и животные протеины в

энергию тела посредством сложной системы роговых челюстей и кишечника.

Впрочем, это Тот-Кто-Решает еще мог понять. Сложнее представить было другое: как в те времена, — то есть до Назначения, — могла существовать цивилизация амплитуров?! А она была, о чем убедительно говорила история, старинные руины, легенды о былых триумфах движущейся уверенными шагами вперед технологии амплитуров.

Все это не имело ровно никакого значения: технология, искусство... Даже сама жизнь бессмысленна без Назначения, ибо лишь с помощью него обретаются форма и сущность.

Уже одного только размышления об этом было достаточно для того, чтобы аккумулировать в себе силу и уверенность в трудных ситуациях. Тот-Кто-Решает считал для себя большой честью принадлежать к первым служителям Назначения — амплитурам.

Корабельная команда деловито суетилась внизу. До серпа, высоко поднятого в воздух, и его покоящегося пассажира долетал мерный гул созидания. Техники переговаривались друг с другом, не отрываясь от работы, — в воздухе носились слова, произнесенные на самых разных языках, — обменивались жестами, шутками. Последнее амплитуру было особенно трудно понять, но он старался изо всех сил. Амплитурам было свойственно упорство в достижении своих целей, поэтому часто они могли понять шутки, хотя ни в малейшей степени не обладали чувством юмора.

Но это было не важно. Важно было то, что все они служили Назначению. Это был отличительный признак их цивилизации.

Разумеется, не все шло гладко. Две космические расы остались слепы к благодати Назначения. Беспощадная история не умалчивала об этих прискорбных прецедентах, но освещала их с той же бесстрастностью, с какой повествовала о длинной веренице блестящих побед, торжества Назначения. Те две расы не удалось ни убедить, ни биологически изменить. Не поддавались они и всем остальным способам, при помощи которых их хотели подвести к истине. Характеристиками их были: неиссякаемая враждебность и слепое безумие. Тогда встал вопрос об их устранении, как ни тяжело было об этом

говорить. Иначе эти расы серьезно затормозили бы распространение истины.

Когда Тот-Кто-Решает подумал об этом, печаль посетила его сознание. Он жалел об устранении тех рас. Не столько потому, что считал уничтожение целой цивилизации изначально актом аморальным, а потому, что понимал: погибшим уже никогда не суждено быть интегрированными в Назначение.

За тысячи лет распространения истины лишь два раза пришлось идти на самые крайние меры. Память о тех отдельных катастрофах лишь плотнее сплачивала между собой амплитуров и их союзников и толкала их на новые усилия и свершения.

Тот-Кто-Решает был уверен, что ему никогда не придется командовать устранением народов. Его предшественники, имевшие полномочия принимать решения, тогда поступили правильно с двумя непокорными мирами, иного выхода просто не было... Однако печать поражения и неудачи осталась в истории на их именах и передавалась в некоторой степени даже на потомков.

С тех пор Амплитур далеко ушел вперед. Множество новых миров присоединилось к этой цивилизации для того, чтобы проникнуться благодатью Назначения и помогать в деле его распространения. Сильно продвинулись вперед общее значение и науки. Каждая раса вносила свой посильный вклад в дело торжества Назначения, предлагала свои знания, философию, новые подходы к старым проблемам... Каждая цивилизация обладала чем-то уникальным, свойственным только ей, но она, не задумываясь, клала это свое богатство на алтарь общей победы.

В этом амплитуры нисколько не возвышали себя над прочими расами. Перед Назначением все были равны. Впрочем, они были первооткрывателями истины и поэтому знали, что на них возложена определенная ответственность. Ответственность, которой они для себя не искали и от которой рады были бы освободиться в тот самый момент, когда нашлась бы раса, способная принять на себя такое бремя. Но такой расы пока не было, и амплитуры продолжали служить Назначению, как руководители и вдохновители других миров и народов.

«Кто-то ведь должен принимать решения», — подумал Тот-Кто-Решает.

Амплитуры руководили и вдохновляли, другие народы вносили свой вклад. Цивилизация криголитов рождала прекрасных солдат, которые взваливали на себя тяжесть войны, когда ее не удавалось избежать. Сегуниане славились высокоэффективной промышленностью. Т'ретури спокойно могли прокормить свой небольшой народ и еще несколько цивилизаций в придачу. Представители мира Молитар, в физиологическом отношении чем-то напоминавшие амплитуров, являлись прекрасными демонстраторами грубой силы и умели внушать по отношению к себе благоговейный страх. Их способности также находили себе применение. Порой убедительная демонстрация силы без ее использования оказывалась достаточной мерой для того, чтобы убедить сопротивляющийся народ влиться в ряды осененных Назначением.

Это было очень эффективно. Война — всеразрушающая акция и к тому же пустая трата времени. Жизнь, утраченная в войне, — это и разум, утраченный для Назначения.

«Не стоит настраиваться на столь серьезный лад», — подумал Тот-Кто-Решает.

Все идет хорошо. Не так давно в Назначение была интегрирована еще одна цивилизация. Физически мощные, но технологически примитивные ашреганы сопротивлялись лишь поначалу. Им было наглядно показано, что они имеют дело с разумом, который развит неизмеримо больше, чем их доморощенный, что они имеют дело с технологиями, которые находятся на грани их понимания. В результате контакта было выяснено, что по уровню развития они стоят ниже криголитов, но выше молитаров. Назначение нуждалось в них так же, как и в любом другом народе.

В отличие от некоторых прочих цивилизаций они вовремя поняли, что война была бы бессмысленна, и не стали ее даже начинать. Они продемонстрировали неожиданную зрелость, когда приняли решение раскрыть свои объятия посланцам Назначения и влить в свои души красоту его и глубокий смысл.

Тот-Кто-Решает полагал, что это неизбежный шаг, который отличает истинную цивилизацию от всех прочих. Его кресло плавно переместилось от сектора навигации в сектор

внутренней инженерии. Увидев приближение своего командира, персонал заработал активнее. Такая реакция на свое появление радовала амплитура.

Командир не смог бы этому улыбнуться, даже если б захотел: его рот не был приспособлен для воспроизведения подобного выражения. Свет бликами упал на его оранжевую кожу, всю в крапинках. Особенно высветились золотая и серебристая полоски на теле, которые отделяли торс от головы и конечностей.

Вся стена напротив инженерии была прозрачной: дань эстетике. Разумеется, для обнаружения наружных объектов больше годились многочисленные экраны и «дальнобойные» детекторы. Корабль был построен одной из рас, союзных амплитурам, где прозрачные поверхности считались наиболее красивыми с эстетической точки зрения. Против этой стены амплитуры не возражали, ибо знали, что эта раса во многом достигла подлинного совершенства. Прозрачная стена была лишь одним малым его проявлением.

Тот-Кто-Решает некоторое время внимательно изучал небо, испещренное звездами, персонал, на котором лежала ответственность максимально безопасно провести по невидимой трассе корабль, наполненный живыми существами. Потом амплитур вдруг снова нажал на кнопку контроля. Серп устремился вверх. Многие амплитуры испытывали страх перед высотой. Многие, но только не Тот-Кто-Решает. Вернее, боязнь одно время была, но он сумел ее в себе преодолеть. Да и как иначе? Ведь он является командиром целой армады кораблей и не имеет права позволить себе быть одолеваемым индивидуальными слабостями.

Преодоление личной слабости ради достижения цели явилось результатом углубленного самоизучения и решимости. Той абсолютной решимости, которая вознесла Того-Кто-Решает на командирское кресло, — скромная награда за тяжкий труд.

Нужно было всего лишь проникнуться уверенностью к технологии поддерживания грузов в воздухе, к обитому мягкой подушкой серпу, к гибкой трубке из особого волокна, наконец, к приводному механизму, при помощи которого амплитур мог перемещаться в своем кресле по всему командному центру.

Тот-Кто-Решает знал, что эта уверенность под силу отнюдь не всем. Расщепленные зрачки глаз мерцали. Командир с удовлетворением окидывал своими взглядами деловитую суету далеко внизу от его парящего насеста.

Только в одном командном помещении плечом к плечу трудились представители десятка разных рас и цивилизаций, а сколько еще не похожих друг на друга работников осуществляли свои необходимые функции в других частях этого огромного корабля! Никто не испытывал своего превосходства по отношению к соседу. Миниатюрные акарии помогали массивным молитарам. Высокие и тощие сегуниане легко подлаживались под движения текуще-подвижных, как ртуть, ашреганов. Все были объединены Назначением. Все, кроме, может быть, единичных дегенератов, ибо для каждой расы бывают печальные исключения. Команда корабля была крепко сбитым коллективом, все мысли и действия которого были подчинены единой цели.

В этом и была сущность Назначения. Единая цель. В этом не было ничего экзотичного или сложного. Ничего такого, что не смогли бы понять даже такие простодушные существа, как вандиры. Назначение заключалось в интеграции: высшая и абсолютная физическая, культурная и духовная интеграция.

Когда раса достигает определенного уровня развития своей технологической и социологической цивилизации, перед ней открываются два пути: либо самоуничтожение, либо долгое и однообразное скольжение в пропасть полной культурной деградации. В некоторых случаях отдельные голоса в защиту прогресса и перспективы, в защиту создания великой мультирасовой цивилизации тонут в грохоте бессмысленных оргий, варварском самолюбовании или атомном жертвоприношении. Там, где это произошло, народы были навсегда утеряны для Назначения.

Когда поступала информация о таких катастрофах, амплитуры правили траур, а вместе с ними правили траур и их союзники по Назначению. В такие моменты ими овладевало грустное осознание того, что космос стал беднее еще на одну уникальную и ни на что не похожую единицу, которая уже никогда не получит радость от объединения с другими цивилизациями и мирами.

Однажды амплитуры лично вмешались в судьбу потерявшей рАзум расы, которой грозила гибель, хотя та и подавала много надежд. Но взаимная ярость, слепота, безнадежность и ненависть так глубоко затянули в свой омут этот несчастный народ, что даже амплитуры со всеми своими способностями оказались не в силах остановить надвигавшийся катаклизм. Наплевав на свое будущее, на перспективу, тот биологический род вымер, до конца истребив самое себя и осиротив свою прекрасную планету.

Тот-Кто-Решает чуть качнул верхней частью своего туловища, которая называлась головой. Размышляя о столь печальных вещах, он не заметил, как сильно сжались пальцы на его щупах и как больно было их разжимать. Впрочем, он понял, что выбрал неподходящее время для умосозерцаний: ждала работа, которую требовалось исполнить во имя Назначения.

Порой логики и разума оказывалось недостаточно. В таких случаях необходимо было применение грубоватых, но наглядных методов демонстрации возможной перспективы непросвещенным. Амплитур всегда жалел об этом, но не так, как бы он жалел оставить очередной народ один на один с неизбежностью его самоуничтожения. Вся нация амплитуров посвятила жизнь делу предотвращения таких глобальных катастроф. И покуда у них хватит воли и сил для оказания помощи, не будет расы, которой не предоставится возможность раскрыть весь свой потенциал.

И за эту жертву Амплитур не собирался требовать для себя никакой награды. Главным было осознание того, что их трудами расширяется сфера Назначения. Уже сама принадлежность к народу амплитуров означала необходимость в нужный момент пожертвовать собой во имя истины.

Время от времени представители разных рас спрашивали (спрашивали и некоторые амплитуры): а что же это такое все-таки — Назначение? В чем его сущность и в чем его венец? В чем цель?

С неослабевающим терпением и логикой сомневающимся и любопытствующим разъяснялось, что Назначение — это и есть цель сама в себе. Когда труд будет окончен, когда все будут объединены, нечто новое заявит о себе, произойдет рож-

дение чего-то качественно, принципиально нового. Пока же нужно было делать свое дело и согревать свою душу осознанием того, что ты делаешь правильное дело, что ты на верном пути. Разум — замечательная вещь. И Тот-Кто-Решает хорошо это знал.

Но когда всему этому придет конец? Тогда, когда весь разум в галактике будет поставлен на службу Назначению, о чем заявлялось с непоколебимой уверенностью. Да и после этого конец не наступит. Ибо наука амплитуров и их союзников постепенно сможет отыскать способ, с помощью которого можно было бы преодолевать зияющие бездны межгалактических расстояний. Для того, чтобы и дальше нести свет Назначения.

Тот-Кто-Решает не позволял себе углубляться в подобные глобальные размышления. Ведь его ждали гораздо более приближенные по времени и расстоянию проблемы, по которым непосредственно и оперативно требовалось принимать решения. Все, что ни происходило на борту корабля, докладывалось командиру, и он обязан был *решать*. Амплитур с честью для себя принимал эту ответственность и справлялся с нею.

Грузное тело качнулось в своем кресле. В этом движении угадывалось раздражение. Скоро наступит время размножения, а амплитур не мог позволить себе предаться этому занятию до тех пор, пока не будет завершено — обязательно с успехом — очередное дело во имя Назначения. Было время, когда исполнение подобных биологических функций полностью диктовалось гормональным балансом и не зависело от воли амплитуров. Но их цивилизация развивалась, и амплитурам наконец удалось взять под контроль свою эндокринную систему... и эндокринную систему рас-союзников.

Тот-Кто-Решает не мог позволить себе отрываться от святой миссии ради размножения. Это могло на некоторое время ослабить его способность принимать решения, так что сперва необходимо было закончить дело. Крестить истиной Назначения очередной народ, встретившийся на пути.

В крайнем случае можно принять таблетку.

Золотистые глаза устремили изучающий взгляд на изогнутую прозрачную стену, как бы охватывая всю величину про-

странства, которое открывалось за пределами корабля. Каскады звезд и миров, радужные пятна туманностей, меняющие цвет так же, как и освещенная кожа амплитуров... Сколько нового еще ждало впереди... Субпространство искажало вид на звездное небо. Гигантские светила проносились вдоль борта корабля, как эфирные цветные искры, но это только подчеркивало их красоту. Только будучи обогащенным светом Назначения можно понять и по-настоящему оценить великолепие мироздания.

Тот-Кто-Решает понял, что не сможет объять, охватить все это глазами. Для этого нужна точная и сложная аппаратура. С легким вздохом командир вновь повернулся к контрольной панели своего серпа.

Главное — не жалеть потом об этой экспедиции.

Большинство новых рас с готовностью принимали логику Назначения и полностью раскрывали ей свои объятия при первой же встрече с посланцами Амплитура. Порой присутствие амплитуров было не обязательно, ибо их союзники вполне могли представить истину своими силами. Иногда восторг новообращенных даже превосходил энергию служителей. С другой стороны, временами эту энергию приходилось ограничивать и заключать в какие-то рамки, ибо благодаря ей у новообращенных могло сложиться неверное впечатление о Назначении.

И все же бывали случаи, когда оказывалось недостаточно голой логики и чистого разума. Тогда для убеждения непокорных использовалась демонстрация могущества Назначения. Небольшая сила. Скажем, три десятка военных кораблей, неожиданно материализовавшихся из субпространства на орбите планеты, проявляющей нерешительность... Обычно этого было достаточно для того, чтобы убедить местных жителей сделать необходимый и ответственный шаг вверх по лестнице галактической цивилизации. Для того, чтобы однажды они смогли полностью окунуться в благодать и изобилие Назначения.

И только в редких случаях приходилось применять настоящую силу. Как сейчас. Подобную работу амплитуры считали для себя тягостной, иссушающей душу, однако совесть не позволяла переложить ее на плечи своих друзей. В этом было их

предназначение, если угодно, судьба — участие в некоторых акциях, не оглядываясь на свои желания.

Мощная волокнистая трубка дрогнула, чутко отзываясь на посланную ей команду с контрольной панели, и кресло стало быстро, но плавно опускаться вниз, застыв в нескольких футах от зеркального пола. Проходивший мимо офицер-ашреган вздрогнул, приняв мысленный сигнал от командира, и повернулся к нему лицом.

— Каково состояние систем корабля, инженер? — обратился к остановившемуся подчиненному Тот-Кто-Решает.

Амплитур примерно и сам знал положение дел, однако задал этот вопрос. Он не хотел допускать, чтобы его подчиненные думали о нем как о мечтателе, зависшем в своем кресле высоко под потолком, который только и знает, что предаваться абстрактным размышлениям, глядя на звездное небо.

Ашреган с готовностью доложил обстановку. Хорошая, способная раса. Пожалуй, еще не хватает интеллекта и воображения. Тот-Кто-Решает держал их за разнорабочих командного уровня, то есть неспециалистов, которым можно доверять все понемножку, но не ожидать блестящих результатов. Особенно хороши они были в качестве наблюдателей и интеграторов.

Командир до конца выслушал доклад, хотя ему все стало ясно уже после первых фраз, и слегка кивнул подчиненному. Он знал, что среди ашреганов подобные кивки являются знаком уважения. Затем он отпустил офицера мысленным распоряжением, и тот немедленно удалился.

В этом была, пожалуй, главная черта, которая отличала амплитуров от других рас. Даже от коратов, чьи интеллектуальные способности превосходили способности их менторов из числа представителей расы амплитуров.

Правда, последние обладали даром внушения. Только им удавалось по мысленным каналам проводить в сознание других свои желания, мысли, все живописное отражение великолепия Назначения. Остальные расы только принимали внушение амплитуров, причем с разной степенью чувствительности. Те народы, которые от природы оставались глухими к внушению, подвергались биологическому изме-

нению, одарявшему их чувствительностью и восприимчивостью, которая к тому же имела свойство передаваться последующим поколениям. Амплитуры были искусными биоинженерами, поэтому не слышали возражений против этой процедуры. В самом деле, разве логично протестовать против того, чтобы твоя незримая связь с Назначением стала намного крепче? И потом амплитуры могли только внушать. Они не обладали способностью «читать» мысли в чужих головах. Так что нельзя было говорить о покушении на неприкосновенность личности. Амплитуры очень хорошо это понимали и давали прочувствовать другим.

Они обладали многими талантами и все последнее время стремились направить их в одно русло: путем биологической коррекции передать способность внушения другим расам. Впрочем, пока что им приходилось в одиночестве нести это тяжкое бремя.

«Может быть, именно поэтому амплитурам и выпала судьба открыть Назначение и нести его свет в другие миры непросвещенной галактики», — думал Тот-Кто-Решает.

У кого-то длинные ноги, сильные руки, крепкая мускулатура. Беспозвоночные амплитуры были лишены физической мощи, но это вполне компенсировалось их способностью к внушению. Благодаря этому дару мысленное общение было возможно между народами совершенно разного происхождения, порой совершенно не похожими друг на друга и даже противоположными друг другу. Амплитуры выступали в роли посредников, которые несли в массы смысл и волю Назначения. В рамках Назначения никто не чувствовал себя одиноким или забытым. Все трудились плечом к плечу ради продолжения великой миссии. Может быть, наступит время, когда будет открыта еще какая-нибудь раса, обладающая способностью к внушению, или ученым-амплитурам удастся наконец передать эту способность кому-нибудь. Для всех народов Назначения это будет великий день.

«Пока же это все находится лишь на уровне гипотез», — размышлял Тот-Кто-Решает.

Ничего, приходится удовольствоваться тем, что внушать можешь лишь ты один и при помощи этого делать свою работу.

Может быть, скоро вообще не придется применять оружие.

Может быть, скоро одного внушения будет достаточно. Кроме приказов, амплитуры хорошо умели внушать добрые чувства. Они умели тушить в душах неуверенность, дискомфорт. Но в определенных ситуациях умели сообщать по мысленным каналам, — это делалось лишь в крайних случаях и во имя Назначения, — и боль. Она адресовалась лидерам Нерешительных рас, и порой этого было вполне достаточно для того, чтобы подавить сопротивление. Когда этого не добивались болью, приходилось идти на умерщвление одного-двух индивидуумов. Практиковались также и вооруженные десантные высадки на поверхность планеты, население которой не стремилось познать радость обретения истины.

«Сейчас этого не должно произойти», — твердо решил про себя амплитур.

Война была самым последним средством для достижения целей. Все, решительно все, делалось для того, чтобы не оказаться в положении, когда приходится выбирать войну. Сама мысль о ней вызывала подкожное содрогание испещренной крапинками кожи амплитура.

Порой командир задавался вопросом: каково это — иметь скелет вместо гибкой и сложной внутренней сети связок и сухожилий, свойственной беспозвоночным амплитурам? Разумеется, костная структура — это анахронизм, пережиток, который ограничивает физическую свободу, является сдерживающим и тормозящим развитие фактором. Существа, обладающие костной системой, обречены больше обращать внимание на свое физическое развитие в ущерб развитию духовному. Все высшие цивилизации были беспозвоночными. Конечно, с некоторыми исключениями, вроде Ашрегана и Криголита.

Биоинженеры Амплитура как-то провели удачную операцию по освобождению одного ашрегана от стесняющего его скелета. Результаты, — в функциональном отношении просто блестящие, — показались, однако, эстетически неадекватными позвоночным расам. Поэтому работы в этом направлении пришлось почти свернуть. Ашреганы и их физиологические собратья будут обречены до конца дней своих тащить в себе громоздкие окостеневшие храмины. И тем не менее, позвоночные принимались и принимаются в Назна-

чение на равных со всеми. Пусть биологи считают их эволюционными уродами. Несмотря на такое неудобство, как скелет, они получают возможность развивать свой разум наравне с беспозвоночными.

«И развивают!» — подчеркнул про себя Тот-Кто-Решает.

В этом-то и состояло подлинное великодушие и красота Назначения: оно принимало в свое лоно всех без исключения! И ашреган стоял рядом с молитаром, а амплитур служил связующим звеном между ними.

В этом была главная сущность, и командир это знал. Согласие умов, единство понимания — венец Назначения. Именно это и тянуло противоположные, казалось бы, расы друг к другу. Это — цель. А такая мелочь, как физиологическое различие, нисколько, разумеется, не могло затормозить этот процесс всеобщей интеграции.

В голове Того-Кто-Решает пронеслись худшие варианты вступившего в действие сценария, и это наполнило его внутренней тревогой. И тем не менее сценарий будет решительно и властно доведен до конца, в каком бы варианте он ни предстал в конце концов. Ибо результат — дальнейшее расширение сферы действия Назначения — окупит все.

Сспари сопротивлялись, отчаянно сопротивлялись. И тем не менее командир решил до последнего не вводить в действие разрушительную силу. Он исполнял свою работу, не пропуская ни единого пункта.

Борьба — бессмысленное занятие и сильно отдает варварством и отсутствием цивилизованности. Как и необходимость сохранять гигантское количество военного материала, содержать флот для его транспортировки. Победой никто не будет наслаждаться, ибо она будет омрачена мыслью о гибели огромного количества врагов... А точнее, разумных существ, навсегда потерянных для Назначения. И единственным утешением будет осознание того, что оставшиеся в живых сспари смогут интегрироваться в Назначение и вкусить все радостные плоды этой интеграции. Но те, кто погибнет... О надвигающихся смертях сспари Тот-Кто-Решает сожалел больше, чем о потерях среди союзников, ибо последние уже познали благодать, а первые так никогда ее и не познают.

Другого выхода не виделось. Все иные способы убеждения

уже были опробованы. Немногочисленная, причем не примечательная и физически не выразительная раса сспари проявляла, однако же, удивительное упрямство и неспособность понять ту простую вещь, что только в качестве составной, — равноправной! — частицы интегрированного разума она сможет до конца реализовать свои скромные возможности.

Впрочем, Тот-Кто-Решает прекрасно знал, что немногочисленность народа и его скромные достижения ничего на самом деле не значат. Главное — разум. А сспари были разумными, хотя и их цивилизация была далека от своего взлета. Достаточно разумными, чтобы заслужить включение в Назначение, начиная с того самого момента, когда к ним придет понимание того, что сопротивление — это путь в тупик, что они сопротивляются не какому-нибудь захватчику, а своей собственной неизбежной судьбе.

В данном случае успеха не имело и традиционное демонстрирование силы. Это только предупредило их о том, что к ним приближается, и дало время для подготовки к отпору. Амплитур догадывался, что демонстрация силы ни к чему не приведет, но все же они пошли на этот последний, мирный шаг. Народы Назначения никогда не атакуют, предварительно не израсходовав все мыслимые методы убеждения. Они были интеграторами, а вовсе не покорителями.

Следующим способом была попытка нейтрализовать правительство путем всякого рода инсинуаций и взяток. Эту акцию проводила та союзническая раса, которая в физиологическом отношении очень напоминала сспари. Моральная сторона подобных мероприятий всегда вызывала вопросы, но амплитуры делали все, чтобы избежать военного конфликта, все, чтобы разум победил над слепотой.

К сожалению, правительство Сспари устояло.

Последующий конфликт длился многие годы, и сспари время от времени удавалось одерживать местный успех, который очень их взбадривал. И хотя они дрались с одержимостью, которая была столь же несгибаема, сколь и глупа, силы были очень уж неравны, и постепенно народы Назначения все больше и больше оттесняли сспари к их планете, где был последний рубеж их обороны, последняя крепость. Находясь в особенно тяжелых условиях, сспари крайне редко сдавались и по боль-

шей части им удавалось хорошо организовывать планомерные отступления. Но все-таки отступления...

Как они могли, как смели противостоять народам, которые превосходили их как в плане моральном, физическом, так и в интеллектуальном? Расовый и планетарный суверенитет теряли право неприкосновенности, когда непокорные обращали свои силы против всеобъемлющего Назначения! Амплитур намеренно не торопил события, чтобы жертв было поменьше. Ведь ясно было, что победа интегрированного разума над одиночным неизбежна. Весь вопрос был только во времени наступления этой победы.

Тот-Кто-Решает никак не мог понять, почему сспари не осознают этого? Разве им до сих пор не ясно, что интеграция,— процесс неизбежный? Это был удел всех разумных миров, за исключением тех двух, уничтожения которых потребовала настоятельная необходимость. Командир поклялся себе, что не допустит подобной развязки в отношении сспари. А когда война закончится, нужно будет провести всего лишь простую биологическую коррекцию для того, чтобы оставшиеся в живых уразумели наконец, что в своем ослеплении отталкивали от себя свое же вечное счастье.

И осознавать то, что за это счастье будет заплачено многими жизнями с той и с другой стороны, было невыразимо тяжело.

Устройство, расположенное на голове командира, выдало очередную порцию информации о том, как развивается баталия. Если бы флагманский корабль подошел к планете еще на несколько планетарных диаметров, с него можно было бы увидеть маленькие вспышки света в районе поля боя. Это означало появление вблизи планеты военных кораблей, которые на космических челноках сбрасывали на поверхность родной планеты сспари свои вооруженные десанты. Как только корабли Назначения вываливались в обычное пространство, на них устремлялись вся мощь и весь огонь сил обороны Сспари. Происходил обмен, — как правило, очень короткий,— ударами мощнейшего оружия, после чего один или несколько кораблей с той и другой стороны вновь исчезали в субпространстве.

Идея продолжения битвы в субпространстве, где возможно

развивать скорости, во много раз превосходящие скорость света, была полностью абсурдной. В самом деле, каким образом возможна перестрелка, если корабли передвигаются гораздо быстрее всех наводящих и огневых средств? Никакой заряд просто не угонится за предполагаемой целью. Поэтому битвы и сражения происходили вблизи орбит оспариваемых миров, где стороны внезапно материализовывались в нормальном пространстве. Получив повреждение, тот или иной корабль тут же пропадал в субпространстве, где мог чувствовать себя в безопасности. Конечно, не всем уже удавалось вернуться в спасительное убежище...

Словом, стычки проходили быстро, по времени были очень непродолжительны, и основная задача сводилась к тому, чтобы нанести кораблю противника такое серьезное повреждение, какое не позволит ему исчезнуть прямо на ваших глазах. Все решалось в течение секунд, а тактика базировалась во многом на интуиции и догадке.

Настоящие сражения поэтому разгорались на земле. Однако там нельзя было применять наиболее мощные вооружения, ибо они грозили нанесением фатального ущерба той планете, которую подразумевалось оборонять или завоевывать. Поэтому перед кораблями была поставлена простая задача: появиться в обычном пространстве ровно на такое время, какое требуется для сброса на планету десанта или подкрепления. Именно в выполнении этой задачи кораблям Назначения сспари препятствовали особенно ожесточенно. Если атакующим на земле удастся взять под свой контроль основные центры промышленности и узлы коммуникаций, дальнейшее сопротивление станет просто бессмысленным. Собственно, оно является бессмысленным изначально, но в данной ситуации это выразится с наибольшей очевидностью. Дальше — проще. Амплитуры были уверены в том, что вылазки немногочисленных фанатиков уже после победы разума будут подавляться самими сспари, уже прошедшими внушение идей Назначения.

Одно приходилось признать: несмотря на свою немногочисленность и относительную неразвитость, народ Сспари умудряется довольно долго и стойко выдерживать натиск сил, союзных Амплитуру. И все бесполезно, разумеется. Флот на-

родов Назначения уже достиг собственно той звездной системы, где находилась Сспари. Последняя серьезная попытка остановить его была предпринята в районе гигантского газообразного шара с тремя кольцами: именно там союзнические силы показались в обычном пространстве. После короткой схватки сспари были оттеснены непосредственно к своей планете.

Командир наблюдал за этим через возвышающуюся перед ним прозрачную стену. Какая красивая у них планета!.. Вся в коричневых и зеленых пятнах — цвета жизни! Вскоре командование армадой получит возможность совершить посадку в этом несчастном мире.

Тот-Кто-Решает считал для себя большой честью возглавлять последний удар по непокорным. Испещренная крапинами оранжевая кожа его вся так и струилась содроганиями. Предчувствие вхождения в содружество Назначения новой расы... Это всегда был волнующий момент.

Поначалу сспари будут грустить по тем, кто пал жертвой в этой войне. Амплитуры были самыми милостивыми победителями из всех, что когда-либо видела Галактика. Они не потребуют ни репараций, ни места. Они будут искать в душах сспари только одного, — чего искали изначально, — понимания.

Мир воцарится вновь, и сспари вдруг с изумлением обнаружат, что продолжают жить точно так же, как жили до всех ужасов планетарной бойни. За исключением того, что они теперь не будут бесполезно тратить время на суетные попытки развивать свою цивилизацию удельно, в отдалении ото всех. Они вольются в новый для них и прекрасный мир всеобщего сотрудничества на благо высшей цели Назначения. Они достигнут таких высот в своем развитии, о каких и мечтать не могли в прежних условиях существования. И тогда они поймут, что правители гнали их на войну против самих себя, заставляли приносить неисчислимые жертвы во имя пустоты...

Амплитуры и их союзники, разумеется, приложат все свои силы к тому, чтобы не наступило новое кровопролитие, теперь уже гражданское.

Впрочем, пока нужно было думать о последней битве, которая еще не выиграна, но в которой, разумеется, будет одер-

жана победа. Информация, поступающая с кораблей из обычного и субпространства, свидетельствует о том, что победы ждать недолго.

Тот-Кто-Решает уже позволил себе немного расслабиться, как вдруг перед ним выросли на своих серпах его ближайшие помощники по операции — Суэрн с Кората и Ко'ой с Криголита.

Доклад начал Ко'ой, который передал через свой транслятор, висевший на груди, о том, что десантирующиеся войска союзников вдруг были атакованы неизвестной до сих пор группой кораблей. Атака по мощности превосходила все, чем к этому времени располагали сспари.

Тот-Кто-Решает не стал предаваться панике. Амплитурам это было несвойственно.

Информационная дуга тут же связала его с другими амплитурами на кораблях, участвовавших в операции. Представителей этой расы здесь было всего двенадцать. Двенадцать среди тысяч представителей прочих рас, разбросанных по кораблям всего флота. Двенадцать амплитуров, которые были в силах принимать решения и подавать необходимые советы. Их предложения были общего характера и касались сугубо стратегии, ибо еще раньше было решено, что довести до конца сражение вполне смогут кораты и их союзники.

Присутствие амплитуров получало первостепенную важность лишь в случае появления признаков неожиданного развития ситуации. Похоже, первый признак этого уже появился.

2

— Я полагаю, что расположение и количество всех до единого еще оставшихся у сспари военных кораблей нам известны.

— Мы так думали... — ответил Ко'ой с Криголита, нервно подергивая одним усиком.

— Успокойтесь, — посоветовал Тот-Кто-Решает и подкрепил это слово мысленным сигналом, в котором содержались понимание и поддержка.

Криголит заметно приободрился.

— Объясните мне это явное противоречие.

— Корабли нападавших не принадлежат к силам обороны Сспари, — еле слышно проговорил корат. — Наш флот был вынужден приостановить высадку десанта и вплотную заняться новой угрозой.

— Как много кораблей противника? — спросил Тот-Кто-Решает.

— Точно пока неизвестно, — ответил криголит и чуть помедлил со следующей фразой, прислушиваясь к информации, которая все это время продолжала поступать к нему через наушное устройство. — Количество кораблей противника, участвовавших одновременно в нападении в рамках обычного пространства, удалось подсчитать лишь приблизительно... Но совершенно ясно, что речь идет о большой силе.

— Их возможности?

— Вооружение частью новое, неизвестное. Аналитики сейчас разбираются с ним. Взрывчатая плазма. Очень опасна. Уклоняться от ударов чрезвычайно трудно, — озвучивал криголит передаваемые ему сведения.

— Корабли управляются искусственным разумом?

Криголит помедлил с ответом.

— Пока нет возможности установить это с определенностью.

Командир переменил позу на своей подушке, на миг пожалев о том, что не имеет ног, подобно мощным конечностям жителей Молитара.

— Переходите в режим обороны. Высадку десанта прекратить и сосредоточить все внимание на опасности, исходящей от чужаков.

Услышав это распоряжение, Суэрн с Кората неуверенно проговорил:

— Стоит ли принимать такое радикальное решение, командир? Получается, что мы сами подаем сспари луч надежды. По мне, так уж лучше встретиться лицом к лицу с десятком кораблей неожиданного врага, чем приободрять упорствующих. Именно сейчас, когда до победы рукой подать!

— А по мне, так уж лучше пусть меня зовут нерешитель-

ным командиром, чем безрассудным лихачом. Главная моя забота — о наших союзниках и их безопасности. Мы имеем возможность исчезать в субпространство лишь ограниченное число раз, и у меня нет никакого желания быть застигнутым в обычном пространстве в тот момент, когда я не могу укрыться. Тем более я не хочу по доброй воле выставляться напоказ противнику, имеющему на вооружении взрывчатую плазму и терпеливо поджидающему промаха с нашей стороны. — Тот-Кто-Решает мысленно послал в мозг кората свою директиву, и тот, принимая ее, характерно вздрогнул. — Если это всего лишь хитрая уловка обессилевших сспари, мы скоро это узнаем. Если же нет, разум диктует нам необходимость соблюдать осторожность. Об эффективном психологическом воздействии на умы сспари мы будем думать позже. Сейчас же мы должны переключить основное наше внимание на нежданного противника.

Криголит шевельнул обоими усиками, что означало готовность исполнить распоряжение командира. Ту же готовность выразил и корат, только он это сделал при помощи своих верхних конечностей.

Тот-Кто-Решает твердо надавил на кнопку контроля, и серп взмыл на своей гибкой трубке высоко вверх и стремительно, но плавно передвинулся в сектор управления сражением в дальнем конце этого просторного помещения. События развивались не самым лучшим образом. Откуда явилось это внезапное нападение? Откуда сспари, уже было совсем отчаявшиеся и начавшие окончательно сдавать позиции, вдруг получили ощутимую поддержку? Корабли неизвестной модификации и типа, неведомые доселе огневые средства... Все это указывало на участие в конфликте некой иной цивилизации. На стороне Сспари, разумеется. Но народы Назначения вот уже добрую сотню лет теснят сспари, и с первого дня конфликта вплоть до самых последний событий на поле боя сспари не имели в своем распоряжении никаких посторонних союзников. Это уже давно было установлено с абсолютной точностью. Впрочем, если им удалось привлечь на свою сторону кого-нибудь в самое последнее время...

Искрящиеся многоцветьем, ярко горевшие военные компьютеры снабдили Того-Кто-Решает гораздо более полной

информацией, чем та, которой он располагал после доклада своих подчиненных. Амплитур изучающим взглядом окидывал экраны. Вот это, очевидно, сспари, пытающиеся покрыть расстояние между их планетой и флотом. Сам флот безупречно соблюдал свои боевые порядки. То и дело некоторые корабли исчезали в субпространстве, но оттуда сразу же появлялись уже «отдохнувшие». Все шло по планам и графикам, в точном соответствии с разработанной тактикой действий. Приглядевшись, Тот-Кто-Решает увидел мелькающие красные огоньки. Ага! Это и были те самые корабли неизвестного происхождения. Они появлялись из субпространства на несколько секунд в самых неожиданных местах, — в самой гуще кораблей флота Назначения, — пытаясь застать врасплох союзников Амплитура и расстрелять их с близких расстояний. То и дело отдельные корабли флота покидали свои позиции, чтобы укрыться от врага в безопасности субпространства. Было ясно, что флот несет потери. Вред нежданный противник наносил умело и устремленно.

Тот-Кто-Решает скорбел о потерях с обеих сторон. За себя он не боялся. Никто из амплитуров, — ведь они служили Назначению всю свою жизнь! — не страшился своей физической гибели. А только сожалел о том, что его смерть — это явный шаг назад в деле торжества Назначения.

Необходимо было принимать оперативные решения, и Тот-Кто-Решает не замедлил предложить их. Его здравый смысл и уверенность благотворно подействовали на всерьез встревожившихся офицеров и специалистов. Он не терял постоянного контакта со своими соотечественниками-амплитурами, находившимися на других кораблях флота. Непосредственное и персональное руководство обороной было возложено на Того-Кто-Решает и Высокого-Прямоходящего.

Больно было смотреть на экран и видеть, как то и дело еще минуту назад спокойно мерцавшая точка, — войска Назначения, — обозначались зеленым цветом, сспари — желтым и корабли чужаков красным, — вдруг исчезает. Это означало, что на корабль обрушился мощный удар плазмового заряда, термоядерной пушки или еще какого-нибудь страшного оружия. Всего один удар, а какое от него разрушение! Может быть, он унес с собой сотни, — кто знает, а вдруг тысячи?! —

жизней. Мерцавшие на экране точки тем не менее слабо выражали всю суть и весь трагизм происходящего.

Так легко и просто — исчезла с экрана цветная точка! А вместе с ней изчезли целые семьи, мужественные солдаты, их знакомые, друзья... Исчезли надежды, мечты и страхи... Уж не говоря о том, что затормозилось триумфальное шествие Назначения.

Все это было глупо и бессмысленно. Амплитур всей душой ненавидел и глупость, и отсутствие в чем-нибудь смысла.

Вся оставшаяся часть дня и весь следующий день прошли почти без сна. Амплитур в физическом отношении был неприхотливее представителей других рас, поэтому, когда наступил критический момент, Тот-Кто-Решает был настороже.

Согласно предсказаниям военных компьютеров, без решительных действий войск союзников маленькая группка кораблей умелого и неизвестного противника могла полностью пресечь дальнейший график высадки десанта и тем самым перекрыть кран тем войскам Назначения, которые уже вели бои на поверхности планеты. Собственно, ей это и удалось сделать, что позволило силам Сспари перегруппироваться и перейти от обороны к атаке.

В ту самую минуту, когда Тот-Кто-Решает осмысливал сложившуюся ситуацию, непосредственно перед флагманом флота в обычном пространстве материализовался один из кораблей-чужаков. Произошел короткий обмен ударами мощного оружия, после чего флагман еще раз укрылся в субпространстве. Повреждения были заметны, хотя корпус корабля выдержал.

В эти минуты началась четко организованная и умелая операция коратов. Вдохновленные временным успехом, сспари совсем отвлеклись от обороны и основную часть сил и средств выдвинули в атакующие боевые порядки. Неожиданно материализовавшись из субпространства у затененной части планеты, корабли народов Назначения успели сбросить своим сухопутным войскам мощное подкрепление, прежде чем противник смог засечь место высадки и отреагировать.

Сспари пришлось спешно перегруппировать свои силы, выходить из боя с флотом и лететь обратно к своей планете. Флот открыл ураганный огонь им в спину. Оставшиеся в живых

сспари на своих немногочисленных кораблях отчаянно и безуспешно попытались предотвратить высадку десанта, которая была в основном закончена еще до их появления. Неизвестные союзники Сспари, поняв, видимо, что битва, в которой они участвовали, проиграна, стали бесследно исчезать на своих кораблях в субпространстве.

Постепенно спор за планету стал подвигаться к концу. Наземные сражения еще могли продолжаться даже сотню лет, но было совершенно ясно, что сспари уже надорвались и навсегда утеряли инициативу. Окончательная победа могла быть достигнута криголитами, ашреганами и другими союзными расами. Присутствия амплитуров уже не требовалось, они могли спокойно отправляться домой.

Теперь пришло время подумать о размножении. К тому же совершенно необходимо было установить принадлежность тех кораблей, которые едва не поставили под угрозу победу войск Назначения. Кто бы они ни были, они представляли собой серьезную силу и были хорошими вояками. Кто знает, появись они немного раньше, и у планеты Сспари войска Назначения могла ожидать страшная катастрофа.

Было совершенно очевидно, что цивилизация чужаков в технологическом отношении развита неплохо. Опаснее было то, что чужаки прекрасно разбирались в правилах ведения войн и умело применяли в своих действиях сложнейшие элементы оперативного искусства и тактики. Большинству рас это не под силу. Они говорят, что цивилизация и война — вещи несовместимые, что война — это примитивный, устаревший способ ведения политики и что они уже давно забыли, как это делается. И только благодаря искусству биоинженеров-амплитуров союзники обрели способность к ведению боевых действий. Но биокоррекция была гордостью цивилизации Амплитур. Каким же способом чужаки заставляют себя воевать столь умело? Амплитуры понимали, что узнать о чужаках как можно больше крайне необходимо. Тот-Кто-Решает разослал по всему флоту директивы на этот счет.

Не все корабли загадочного противника сумели избежать разрушения. Один из них был обнаружен на орбите Сспари. Видимо, повреждения его были столь серьезными, что он уже не мог скрыться в субпространстве и только безжизненно обра-

щался вокруг планеты, которую защищал вместе с ее жителями еще так недавно.

Это можно было назвать редчайшей удачей! Дело в том, что после коротких, но страшных стычек в космосе бывают, как правило, только победители и мертвецы, а выжившие и побежденные — большая редкость. В космосе применяется самое мощнейшее оружие, кроме того сама природа безвоздушного космоса безжалостна. Правы те, кто говорит: «Огневой удар оглушает, а космос добивает».

Поврежденный корабль чужаков обнаружили сегуниане. Оставалось еще установить, не вышли ли из строя герметизация и системы поддержания жизни внутри корабля. Тот-Кто-Решает всей душой надеялся на лучшее.

С величайшей осторожностью, не спеша, плененный военный корабль был отдрейфован к борту флагмана флота союзников, который по размерам значительно превосходил чужака. Очертания плененного корабля заметно отличались от силуэтов флота Назначения, однако ничего, что оказалось бы выше их понимания, амплитуры не заметили.

Двигатели корабля не работали, хотя результаты внешнего наблюдения были просто поразительны: никаких следов взрыва! Обшивка совершенно не пострадала! Хороши же конструкторы у этих незнакомцев.

С помощью тщательного анализа света, изливающегося из нетронутых иллюминаторов корабля-чужака, было с полной определенностью установлено, что зрение команды сопоставимо со зрением большинства рас союзников и эффективно в пределах того же светового спектра. Было отмечено, что содержание в воздухе внутри корабля кислорода и азота находится в обычных для народов Назначения параметрах.

Внешняя разведка не имела возможности судить о физическом сложении, размерах и возможностях обитателей корабля, но этот пробел вскоре был восполнен абордажной партией, которая проникла во внутренние помещения. Разведчики были готовы столкнуться с сопротивлением команды корабля-чужака, но у них был строгий приказ: избегать стрельбы и сохранить жизнь как можно большему числу чужаков.

Без стычки, действительно, не обошлось. Бой был непродолжительным, но яростным. Сопротивление защитников ко-

рабля удалось подавить лишь введением наркотических усыпляющих паров в вентиляционную систему помещений. Спустя короткое время союзники уже получили возможность извлечь безжизненные тела спящих чужаков одно за другим. Мертвых не трогали, но живых брали всех без исключения. Амплитуры уже догадывались, что отныне можно ждать множества сюрпризов. И первым из них была внешность пленников.

Вместо того, чтобы найти на корабле представителей одной расы, что было бы естественным, разведчики наткнулись на существ, совершенно не похожих друг на друга. Это было ясно даже неспециалистам, которые имели уже в своей жизни дело с расами-гермафродитами, многополыми и однополыми, как, например, амплитуры.

На плененном корабле была совершенно другая ситуация. Его команда была составлена из представителей по крайней мере десятка различных миров... Но, поскольку это была одна команда, значит, им как-то удавалось работать плечом к плечу, в союзе и гармонии делать общее дело.

Это было многообещающее, но и тревожное открытие. С одной стороны это означало, что теперь амплитурам и их союзникам придется вступить в борьбу одновременно с несколькими цивилизациями, с другой стороны, как много новых членов сразу вольется в могучее содружество Назначения!

Амплитуры ликовали, но при этом не теряли разума. До сих пор им еще не приходилось сталкиваться на трассах галактики с таким же союзом разных рас, каким были народы Назначения. Перед ними открылось нечто принципиально новое. Федерация миров, которые существовали вместе, не имея такой объединяющей цели, как великое Назначение. Предстояло долгое и коропотливое изучение этого феномена.

Далеко не все те корабли, которые пришли на выручку Сспари, были уничтожены во время боев. Многим удалось удрать в субпространство, и они, естественно, предупредят обо всем своих соотечественников. Об этом приходилось только сожалеть, ибо из своего опыта амплитуры прекрасно знали, как важна внезапность. Но расстраиваться из-за этого особен-

но не стоило — пустая трата протеина. Все равно победа останется за ними, как это было всегда.

Различия между членами команды плененного корабля впечатляли. Оказалось, во-первых, что кислородно-азотная атмосфера на корабле-чужаке могла устраивать не всех. Двое пленных дышали метаном, а один извлекал кислород из воды.

Удивительно было и то, что пленники вовсе не испугались и не поразились при виде той могучей силы, с которой им пришлось встретиться в бою. Они верили, что их федерация вполне сравнима по мощи с народами Назначения. В результате восторг амплитуров удесятерился.

Свой союз они называли Узором. Амплитуры радостно думали о том, что когда эта федерация присоединится к ним, — а она не может не присоединиться, — могущество народов Назначения удвоится.

По случаю такого великого открытия все двенадцать амплитуров решили собраться на совещание на борту флагмана экспедиционного флота. Некоторые высшие офицеры из числа представителей рас-союзников высказались против этой встречи. У них был простой, но веский аргумент: узнав о совещании, Сспари могут предпринять последнюю и самую отчаянную попытку перехватить инициативу — пошлют свои корабли на уничтожение флагмана флота, в результате погибнут все двенадцать амплитуров и войска Назначения останутся без «головы».

Тот-Кто-Решает только отмахнулся от этих возражений. Даже если предположить, что сспари решатся на эту авантюру и добьются в ней успеха, руководство над войсками могут взять на себя молитары или кораты, которые не хуже их, амплитуров, смогут довести конфликт до победного конца. И вообще амплитурам было очень не по душе наблюдать в своих союзниках появление зависимости от них. Разве они не понимают, что в рамках Назначения нет главных и не главных, разве они не понимают, что в рамках Назначения все между собой равны?

Встретиться предложил Быстрый Производитель. Нужно было обсудить ситуацию с чужаками и отпраздновать победу, которая была уже почти в руках у народов Назначения.

Все они собрались на борту флагмана. Все двенадцать. Дол-

гое время слышался только шелест переплетающихся между собой щупов и клацанье челюстей. Несмотря на все волнения, с которыми были сопряжены последние дни боев, двое амплитуров были заняты размножением. Вскоре на их спинах набухнут почки, которые через двенадцать месяцев, — таков срок беременности, — будут осторожно удалены и переправлены в специальные учреждения, где из них вскоре появятся юные особи.

Пока же развитие почек целиком будет зависеть от тех питательных веществ, которыми их будут обеспечивать родительские организмы. Находящиеся в почках зародыши не будут иметь возможности двигаться, но вполне смогут учиться. Получать информацию о мире они будут посредством собственных наблюдений (стенки почек прозрачны) и посредством телепатического общения со своими родителями.

В просторный зал флагманского корабля, где ожидало собрание амплитуров, был введен командир, взятый в плен вместе со своей командой на неприятельском корабле-чужаке. Его привели сюда не для того, чтобы запугать, а для того, чтобы приободрить и успокоить.

Вместе с амплитурами в зале находилось несколько специалистов-криголитов и посредники-сегуниане. В дверях, в качестве охраны, стоял величественный гигант-молитар.

Двенадцать амплитуров сидели полукругом на мягких креслах, когда перед ними появился высокий и стройный чужак. Он прихрамывал на одну ногу, которая была, видимо, повреждена в сражении. Было установлено, что в той группе, которая неизвестно откуда явилась на помощь сспари, этот командир занимал не самый последний пост. Конечно, его звание не было эквивалентно Тому-Кто-Решает, но все же он ценился выше обычного специалиста.

Узкое лицо было покрыто волосами, а в полураскрытой пасти посверкивали острые зубы. Это был позвоночный. Мужского пола. Удивительнее было то, что все без исключения члены его команды, несмотря на все различия между ними, были позвоночными существами.

В результате предварительного анализа у амплитуров сложилось впечатление, что эта их организация, которую они называют «Узором» — сообщество непрочное, раздираемое не-

скончаемыми спорами, и тем не менее довольно мощное. Стало известно, — поразительная деталь, — что между членами этого сообщества нередко возникают серьезные разногласия и порой дело доходит даже до вооруженных конфликтов.

Большого впечатления все это на амплитуров не произвело. Быть объединенным Назначением — это нечто несравненно более качественное, чем связь посредством примитивных договоров, соглашений и ненадежных альянсов. У этой федерации, судя по всему, есть только одна сильная сторона: военная. Познав красоту и неизбежность Назначения, отдельные народы, входящие в союз Узора, несомненно, позабудут о своих распрях, отложат в сторону оружие и постепенно вольются в содружество более зрелых цивилизаций Назначения.

Среди языков, на которых говорила команда плененного корабля, — включая в язык самого командира, — не было ни одного особенно сложного. Механические трансляторы довольно быстро расшифровали их все и таким образом была обеспечена возможность общения пленников с теми, кто их пленил. Впрочем, амплитуры в трансляторах, разумеется, не нуждались благодаря своим природным способностям.

Капитан плененного корабля, напрягая зрение смотрел в сторону амплитуров, стараясь различить в красноватом освещении какие-нибудь силуэты. Это ему, по-видимому, не удавалось. Один из наблюдателей уловил эту неловкость и предупредительно спросил:

— Это освещение недостаточно для ваших глаз?

Офицер-пленник покачнулся и рефлекторно ухватился руками за голову.

— Кто это сказал?!

Амплитуры поняли, что пленника смутил их вопрос, потому что он был задан мысленно.

Не дождавшись ответа на свой вопрос, офицер сделал несколько решительных шагов вперед. У него были длинные мускулистые руки и крепкие, острые зубы. Он мог бы нанести сильные повреждения медлительным и нежным амплитурам, поэтому они выставили заградительное поле. Натолкнувшись на него, офицер споткнулся и попятился назад.

— Он нас видит? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил один из амплитуров.

— Нас заверили, — ответил Быстрый Производитель, — что его зрение по своим параметрам вполне соответствует зрению наших союзников. Оно сдвинуто чуть ближе к ультрафиолету, чем наше, но не очень сильно. Впрочем, если он испытывает затруднения... — В том углу, где сидел Быстрый Производитель, освещение стало заметно ярче.

Чужак наконец увидел сидевших перед ним амплитуров. Их щупы чуть волновались, а пальцы на их кончиках выписывали в воздухе произвольные узоры. Капитан-пленник почувствовал себя скованно.

Быстрый Производитель поднял один из своих щупов и растопырил все четыре пальца на нем. Это был знак приветствия.

— Мы не желаем принести вам вред.

— Ваше заявление не согласуется с вашими действиями,— неприветливо ответил пленник.

— Вы напали на нас. Нам пришлось ответить адекватно. Но исключительно в пределах необходимого. Нам известно, что ваше имя Принак и что вы являетесь старшим по званию из всех оставшихся в живых на взятом нами в плен корабле.

— Что вы собираетесь с нами сделать? — резко спросил пленник. Его черный нос и уши находились в постоянном нервном движении.

«Грубый и невежливый, — одновременно подумалось всем амплитурам. — Ярчайший признак примитивных рас, только вступивших на путь цивилизации».

— Мы не хотим причинить вам вреда и не причиним, — сообщила Встревоженная. На ее спине качалась набухшая почка, откуда с любопытством выглядывал еще не вполне созревший зародыш. — Мы хотим, чтобы вы присоединились к Назначению.

— Что это такое, это ваше «Назначение»? — раздраженно спросил пленник. — С того самого момента, как мы пришли в себя, нам только и повторяют это слово.

Один из амплитуров объяснил.

— А что, если мы не имеем никакого желания присоединяться к этому вашему Назначению? Как сспари, которые попросили у нас помощи?

— У разумных нет иного выбора. Даже если бы вы сейчас не стояли перед нами, а находились на своем корабле в суб-

пространстве, и тогда бы у вас не было иного выхода, как только присоединение к истине. Пройдет время, и Назначение все равно отыщет ваш мир. Это неизбежно.

— Может быть, это не так неизбежно, как вам кажется,— возразил пленник. — Предположим, я отказываюсь, что дальше?

— Вас убедят, — ответил один из амплитуров.

Все двенадцать пришли в недоумение. Почему столь многие поначалу наотрез отказываются увидеть красоту и вечность Назначения? Боятся? Но чего же тут бояться?

Командир плененного корабля, услышав ответ амплитура, насторожился и принял традиционную оборонительную стойку всех двуногих: ноги расставлены, руки согнуты в локтях. «До чего же примитивная демонстрация, — изумился про себя Тот-Кто-Решает. — Появляется сомнение в истинной разумности этого существа».

— Мой народ не так-то легко «убедить». Как и наших союзников по Узору. Наше содружество крепко.

— Ваше содружество нельзя назвать надежным, — возразил один из амплитуров. — Вы без конца препираетесь друг с другом. Иногда ссоритесь и воюете.

— От природы нам вовсе не свойственна воинственность,— качнул головой Принак. — Жестокость и воинственность суть признаки нецивилизованных народов.

— В этом мы с вами полностью согласны, — за всех ответил Быстрый Производитель.

— Но если необходимо, мы можем взять в руки оружие и защитить себя от захватчиков, вроде вас.

— Мы не захватчики! — возмущение, овладевшее всеми двенадцатью, вылилось в ответе одного из них. — В рамках Назначения все равны. И вы станете абсолютно равноправными членами содружества.

— Из того, что я уже видел здесь и слышал, — чуть расслабившись, проговорил пленник, — становится ясно, что вы, амплитуры, несколько более «равны», чем ваши друзья.

— Нам первым открылось Назначение. Нам первым суждено было ухватить его смысл, — делая умоляющий жест, ответил Тот-Кто-Решает. Он очень переживал из-за того, что видел обращенное на себя и своих соотечественников насторо-

женное недоверие. — Поймите же наконец, что все ваши возражения и вообще все, что вы можете нам сейчас сказать, не будет для нас новым. Все это уже было тысячу раз сказано расами, с которыми мы общались раньше вас. Если бы мы были захватчиками и завоевателями, как вы говорите, так объясните, каким бы образом нам двенадцати, — всего двенадцати числом, — удалось управлять всей этой могучей силой, которая смела все возражения Сспари и которая пленила вас, тех, кто пришел сспари на помощь?

Это смутило капитана-пленника. Двойные ресницы дрогнули.

— Это правда? Это правда, что вас всего двенадцать на весь флот?

— Мы всегда говорим только правду, — ответил Быстрый Производитель. — Когда ты служишь великой идее Назначения, у тебя не возникает нужды кривить душой. Ложь — вещь бессмысленная и потому не свойственная нам и нашим союзникам.

— Мы не обладаем ни особенной физической силой, ни военными способностями, — сказал другой из двенадцати. — Солдаты, которые служат на флагмане, в любую минуту могли бы нейтрализовать нас, если бы у них возникло такое желание.

— Почему же они этого не делают? — искренне удивился пленник.

— А зачем? Ведь мы все в равной степени разделяем понимание Назначения.

— Отлично, но я-то не разделяю! И не собираюсь разделять. И никто из моей команды не собирается.

— Для этого нужно время. Несмотря на то, что наша Галактика довольно велика, откровение приходит к единицам из всех цивилизаций, населяющих ее. И все же было бы лучше, если бы понимание истины приходило самостоятельно к каждому народу. Через размышления, а не через принуждение. Только этим можно обеспечить истинное понимание. Но поскольку такой картины не наблюдается, мы помогаем еще не просветившимся.

Пленника явно мучили какие-то сомнения.

— Вы сказали, что не будете причинять нам вреда. Что же вы собираетесь все-таки с нами сделать?

Командиру корабля Узора показалось, что его вопрос застал амплитуров врасплох, ибо они перестали двигать своими щупами, пальцы на их кончиках замерли и вообще создавалось такое впечатление, что все двенадцать руководителей миссии Назначения впали в оцепенение. На самом деле они просто совещались между собой. И делали это уже не в первый раз во время разговора, только пленник раньше не замечал. Только сейчас до него, похоже, действительно дошло, чем именно заняты его противники. Он изумленно переводил глаза с одного амплитура на другого.

— Телепатия — это фантазия. Непосредственное общение сознания с сознанием — мечта. Это нарушение закона сохранения энергии, насколько мы его правильно понимаем, но... Вы можете это делать! Можете?! Неужели можете?!

— Эта особенность досталась нам от наших предков, — мягко объяснил ему Тот-Кто-Решает. — В древние времена наш мир был очень примитивен и опасен для своих обитателей. Выживали наиболее развитые. Эта способность в настоящее время потеряла свою актуальность для нас, но сохранилась, ничего не поделаешь. Мы не считаем, что можем благодаря ей смотреть на других свысока. Это всего лишь черта, которая отличает нас от прочих рас. У кого-то сильно развита мускулатура, у кого-то интеллект, а мы обладаем нашей природной способностью.

Впервые на лице пленного капитана отобразился страх.

— Вы можете читать мои мысли?..

— Нет, — быстро ответил один из амплитуров. — И помните: мы никогда не лжем.

— Если вы не можете читать мысли других, как же вы...

— Мы внушаем. Это дар, данный нам от природы. А у других есть дар принимать внушение. Практически все разумные изначально обладают этой способностью, которая, как правило, дремлет невостребованной в сознании до конца жизни. Вам никто раньше ничего не внушал, поэтому мы даже не подозревали о том, что вам свойственна восприимчивость к внушению.

Если вы приглядитесь повнимательнее, то увидите, что ни

у кого из нас не шевелятся ротовые органы, хотя признаем сразу, что мы обладаем способностью общаться и обычными средствами — при помощи модулированных звуковых волн. Как вы. Но предпочитаем внушение. С того самого момента, как вы появились в этом зале, мы общаемся с вами более привычным для нас способом. Но поскольку вы никогда прежде не сталкивались с внушением, мы подумали, что разговариваем с вами в обычной для вас манере. Тем более, что вы, похоже, не приглядывались в нашим ртам. И уж поверьте: в таком способе общения нет ничего вредного для реципиента. И, разумеется, никакого злого умысла.

— Это не ответ на мой вопрос! Что вы собираетесь с нами сделать?

— Для начала, — заговорил Тот-Кто-Решает, высказывая уже согласованную с другими точку зрения, — мы поможем вам в починке вашего корабля.

— Что?! — насторожился Принак.

— Мы приложим все наши силы и возможности к тому, чтобы восстановить ваше судно. Математика — вещь универсальная. Поэтому и принципы движения в субпространстве везде одинаковы. Разница лишь в материалах и дизайне. Мы собираемся отпустить вас вместе с вашей командой домой. Хотя мы не сделали вам ничего злого, вы коварно напали на нас и многих убили. Мы не станем наказывать за это. Это не в наших привычках. Вы послужите своего рода посланцами нашего содружества у себя дома. Расскажите там о нас и о наших намерениях. Ничего не утаивайте, говорите все. Мы снабдим вас дополнительной информацией и цифрами, которые вы без нашей помощи не смогли бы собрать... Чувствуем ваш страх и тревогу. Не волнуйтесь, мы не собираемся перекраивать ваше сознание средствами биоинженерии и не станем контролировать работу вашего мозга для того, чтобы вы сделали все именно так, как мы просим. Если пожелаете, можете ничего о нас не рассказывать у себя на родине. Можете извратить суть нашего с вами контакта. Или вообще придумать какие-нибудь небылицы. Мы не будем в силах помешать этому. Все, что мы в состоянии сделать, это снабдить вас наиболее полной информацией. Делайте с ней, что хотите. Вы разумны и вправе будете выбрать, что пожелаете или что вам покажется це-

лесообразным. Так что, повторяем: опасаться за себя вам нечего.

— Мы не притронемся ни к вам, ни к вашему кораблю, хотя могли бы сделать и то, и другое без особого труда, — сказала Носящая Бремя и чуть подалась вперед.

В ту же секунду тело офицера войск Узора сломалось пополам, он обхватил обеими руками голову и упал на колени. Это длилось не более секунды, однако потребовалось несколько больше времени на то, чтобы он пришел в себя.

Когда он поднялся с пола, у него дрожали руки, а язык был высунут изо рта и на его кончике была пена.

— Что... Что это было?! Что вы со мной сделали?!

— Есть много разных способов коммуникации, — подал мысленный сигнал Тот-Кто-Решает. — Вам все еще больно? Может, вам требуется врачебная помощь?

— Нет, — слабым голосом ответил Принак. — Не надо. Все уже прошло. — Он внимательно и настороженно оглядел сидевших перед ним. — Кто из вас это сделал?

— Не важно, — качнул щупом Тот-Кто-Решает. — Каждый из нас способен был мысленно передать вам любую информацию. И болевую, естественно.

Принак глубоко и судорожно вдохнул.

— Теперь-то я начинаю понимать, каким образом вы, находясь в явном меньшинстве, можете управлять всем флотом.

Тот-Кто-Решает возмущенно взмахнул обоими щупами.

— Мы не добиваемся этого такими средствами!

— Вам и не требуется. Тем, кто находится у вас в услужении, достаточно просто знать, что вы можете сделать им так больно! Вот чем вам удается удерживать их в строю.

— Здесь никто никого не «держит в строю». Все мы служим Назначению. Вместе и каждый в меру своих возможностей. — Тому-Кто-Решает было чрезвычайно трудно сохранять терпение. — Скоро вы сами все поймете, и тогда вам будет стыдно за свои слова и подозрения.

— Вы, разумеется, можете выбрать путь силового сопротивления, кто вас от этого удержит? И вам будет известно, что для нас это не явится неожиданностью. А к чему это приведет? Сначала к бессмысленным и многочисленным жертвам с обеих сторон, а потом? А потом все равнво произойдет

ваша интеграция в содружество Назначения. Когда наступит день просветления, вы перестанете спорить между собой, кинетесь друг другу в объятия, отбросив в сторону оружие, обращенное против нас, и тогда к вам явится понимание подлинной сути вещей, понимание вечной истины! Такие архаические концепции, как межпланетарные конфликты, ведущиеся из-за физиологических различий между расами или духовного взаимонепонимания, навсегда отойдут в историю.

— Но и мы ведь тоже можем хорошенько отлупить вас, вы хоть это понимаете? Вы хоть можете себе представить всю мощь Узора? Допускаю, вы можете вытрясти какие-нибудь сведения из меня, из членов моей команды — все живые существа слабы. Вы даже можете покопаться в корабельном журнале, в библиотеке. Но сразу говорю вам, все эти сведения, вся эта информация расскажут вам лишь о сотой, нет, о тысячной доле возможностей нашего содружества. Никто не в силах представить себе всю реальную мощь Узора. Боюсь, прежде вам не приходилось встречаться с чем-либо подобным.

— Все это не важно. Сила имеет залогом крепкий союз народов, а без единой, объединяющей идеи крепкого союза никогда не будет. Вы бессильны против истины. С ней невозможно бороться, вернее, ее нельзя победить. Вы проживаете свои жизни без разумной цели, впустую тратите время на споры и поэтому не представляете для нас сколько-нибудь серьезной угрозы. Ведь Назначение — это отнюдь не цивилизация Амплитура. Назначение — это отнюдь не содружество наших союзников. Назначение — это суть и мера всех вещей, причина Вселенной. Разве разумно тратить силы и время на борьбу с такой идеей?

— Посмотрим, — упрямо ответил Принак, впрочем, уже несколько поколебавшийся в своей уверенности и непреклонности.

«Ничего. Интеграция этого конгломерата потребует несколько больше времени и только-то», — размышлял Тот-Кто-Решает.

Упрямство — свойство примитивных народов. Само по себе, конечно, оно является препятствием и тормозом, но упрямство — это черта, которая дается только и исключительно в ущерб прочим ценным характеристикам. Мягкое убеждение

и уверенность в своей правоте почти всегда давали положительный результат. На крайний случай в запасе имелась сила. Поражений Назначение не знало. Хотя правда и то, что прежде его народы никогда не сталкивались с организацией, подобной Узору. Но, с другой стороны, какие это все-таки открывало богатые возможности!

Восторг мощной волной прокатился по всем двенадцати. Не одну, не пять, а неизвестное число разумных рас можно обратить на путь истины, на путь вечного Назначения! Это был важнейший момент в истории, и можно было только гордиться тем, что присутствуешь при нем.

Тот-Кто-Решает почувствовал вдруг любовь и симпатию по отношению к этому Принаку. Да, он представитель враждебного мира, командир вражеского корабля. Ну и что? Просто ему еще неведома истина. Внушение любви и симпатии источалось всеми двенадцатью и мощной волной окатило пленника. Вдруг всем амплитурам показалось, что офицер внутренне готов ответить им тем же!

— Да вы спятили! — крикнул пленник, сжав руками голову. — Я не люблю вас! Мне плевать на ваше Назначение! Мне плевать на вас и на все, что вы делаете! А ваши намерения я нахожу опасными и злодейскими! Все народы, которые пашут на вас, просто помешались, и мне их не жалко! Но мне особенно противно наблюдать за тем, как тонко и ловко вам удалось превратить разумных существ в своих рабов!

— В рабов?.. Как он сказал? В рабов?.. — волной недоумения пронеслось от одного амплитура к другому.

— Что это такое? — спросил пленника Тот-Кто-Решает.

Принак не поверил реакции амплитуров, но объяснил.

Казалось, его объяснение ошеломило всех в зале. Двенадцать амплитуров недоуменно и возмущенно переглядывались между собой.

— Это понятие нам незнакомо. Мы не можем уяснить себе его суть.

— Могу изложить популярнее, — насмешливо предложил Принак, ожидая, что его гневно оборвут.

Но его стали внимательно слушать.

Пришлось вновь объснять все, только доступнее.

И все-таки на этот раз амплитуры также не совсем, казалось, поняли пленника.

— В рамках Назначения нет ни малейших признаков рабства, если мы, конечно, правильно поняли этот чудовищный термин, взятый из вашего лексикона. О каком рабстве может идти речь, если мы все разумны и объединились, как равные?

— Про равенство мне не надо рассказывать! Вы, амплитуры, здесь всем заправляете. Уж не знаю, как вам это удалось: благодаря ли тому, что вы изобрели это словечко «Назначение» или благодаря вашей способности внушения. Вы держите всех под своим контролем, и поэтому вам вынуждены повиноваться. Ваши подчиненные не поднимаются против вас всего лишь по одной, но веской причине: они вас боятся!

— Вы проявляете невиданное невежество и душевную глухоту, впрочем, это понятно и извинительно, — переходя на обычную для пленника речь, сказал Тот-Кто-Решает.

— Эй! Скоматт с Криголита, третий офицер! Я Тот-Кто-Решает. Вы боитесь меня?

— Разумеется, нет, — ответил криголит спокойно. — Мы оба работаем во имя и в интересах идеи Назначения. Кроме того, мы друзья.

Командир флота удовлетворился ответом и послал соответствующий мысленный импульс командиру-пленнику.

— Эй! Асвен-Сегунианин! Я внушаю вам страх?

Ответ был тот же. Амплитур опросил всех присутствовавших союзников и от всех получил примерно одинаковые ответы. Спросили и молитара, охранявшего вход в зал. Этот великан мог одним ударом сокрушить любого из амплитуров, прежде чем те успели бы пустить в ход оружие, которое превратило бы молитара в бесформенную мясную массу.

Быстрый Производитель обратил укоризненный взгляд на пленника.

— Мы не можем понять, в чем вы нас обвиняете и на каком основании?

— Вы делаете вид, что не понимаете. А может, просто глухи к моим словам?

— А вы уверены, что именно мы проявляем глухоту, а не вы на самом деле? Мы предлагаем вам сотрудничество, понимание, любовь, открытость в рамках Назначения. А вы

отвечаете на все упрямыми обвинениями и страхом. Что вам дает основание думать, что ваша точка зрения более верная, чем наша?

— В самом деле, почему не наоборот? — подал голос другой амплитур.

— Я вам могу сказать только одно. Мой народ никогда не станет частью вашего клана Назначения. И плевать, чем вы занимаетесь и к чему стремитесь. Вы можете еще раз кольнуть меня сюда, если вам понравилось, — пленник показал пальцем на свой высокий лоб, заросший волосами. — Можете, даже убить. Но это ничего не изменит.

— Мы не собираемся делать ни того, ни тем более другого.— Все двенадцать амплитуров, похоже, были шокированы словами пленника. — Мы вообще никого не желаем лишать жизни.

— Скажите это тем, кто служил на кораблях, которые вы уничтожили!

— Вы атаковали нас, — напомнил пленнику Тот-Кто-Решает. — А ведь мы не ссорились с вашим содружеством. Даже не подозревали о его существовании.

— Сспари прилетели в Узор. Они объяснили, что происходит. Многие в Узоре были склонны не предоставлять помощи, ибо не хотели навлекать грозу на свои планеты. Но другие, а их было большинство, справедливо рассудили, что вы все равно рано или поздно до нас доберетесь. Решено было прощупать вас, поглядеть, на что вы способны, себя показать, чем сидеть сложа руки и ждать, когда вы обрушитесь на нас внезапно. — Пленник говорил это, высоко подняв голову. В его голосе слышалась гордость за свой народ. — В этом и состоит причина участия Узора в этой войне.

— Значит, у вас все-таки умеют принимать совместные решения? Это несколько приближает вас к народам Назначения, — заметил один из амплитуров. — Правда, мы в отличие от вас никогда не спорим и тем более не ссоримся между собой.

— Мы ценим свою независимость, — заявил гордо Принак.— Ваши союзники, сдается мне, и не подозревают о существовании такого понятия.

— В нашем содружестве каждая раса вольна делать то, что

посчитает для себя нужным, — заметил Тот-Кто-Решает. — В рамках Назначения, естественно. Ежедневная жизнь имеет множество различных проявлений. Каждая раса, каждая планета живет по-своему. Ни мы, ни кто-либо другой, никогда не вмешиваемся во внутренние дела наших союзников, в их жизнь, культуру, искусство или традиции. Это связано с нашими нравственными устоями и, на мой взгляд, общепонятно. Мы встремимся ко все большей взаимной интеграции, это надо признать. Но, во-первых, сугубо добровольно, а во-вторых, это не идет в ущерб собственного самостоятельного развития. Мы друзья между собой. У нас нет хозяев, нет рабов, как вы это описали.

— Все это не для моего народа. И, насколько я понимаю, не для других народов, которые являются членами Узора.

— Разве вы не понимаете, — продолжал уставший уже амплитур, — что вся эта дискуссия, весь этот разговор, как две капли воды, похож на те разговоры, которые велись в этом зале уже великое множество раз в прошлом? Все то же самое. Ничего нового.

— И что же?

— Вам это может не понравиться, вы можете даже не поверить, но я говорю вам: результат всегда один.

— Может, на этот раз будет другой.

— Нет. Другим он просто не может быть. — Тот-Кто-Решает подался вперед на своих коротеньких, пухлых ножках.— Либо все произойдет быстро, либо займет продолжительное время, но исход уже предрешен. Заранее. Назначение — это Назначение. И так было на протяжении сотен лет, тысяч лет. Перемены принципиально невозможны.

— И несмотря на все то, что я говорил вам, вы до сих пор сохранили желание помочь мне отремонтировать корабль и отпустить со всей командой домой?

— Разве еще никем не отмечалось, что мы никогда не лжем? Вы будете посланцем, на вас будет возложена миссия, которую вы, если захотите, можете не исполнить, но мы даем вам эту возможность. Будет ужасно, если в общении с вами опять придется прибегать к силе. Столько бессмысленных жертв! Эти бои с упрямыми сспари... Столько убитых! К сча-

стью, большинству ваших кораблей удалось благополучно исчезнуть.

— И это очень удивило вас? — Пленник и не пытался скрывать свою насмешку и удовлетворение.

— Это нас не удивило, а обрадовало! В мире существуют миллионы заселенных планет. На тысячах из них торжествует разум, цивилизация. Но нам невыразимо жаль, когда погибает хоть один разумный. Одна-единственная смерть обедняет идею Назначения.

— Вы — очень странная компания, — закусив верхнюю губу, задумчиво проговорил пленник. — Если бы не ваш фанатизм, с вами еще можно было бы поговорить.

— Мы не фанатики, а просто — разумные, преданные идее. Конечно, вы и это можете заклеймить фанатизмом. Будете бесконечно выдвигать в защиту этого свои аргументы, а мы будем бесконечно возражать. Это ни к чему не приведет. Да, мы преданы идее. Вы нам нравитесь. Мы уже полюбили вас за вашу открытость, честность, смелость.

— Не надо меня любить. Мне так будет спокойнее.

— Нет, уж на этом позвольте нам настаивать, — мягко возразил Тот-Кто-Решает. Его щуп взвился вверх, а пальцы сошлись в одну линию. Пленник не понял этого знака. — Возвращайтесь на свой корабль, к своим соотечественникам, к своим союзникам. Расскажите им о том, что здесь видели. Вас снабдят всей информацией, которая только сможет влезть в ваши картотеки. А вот как с ней поступить — ваше дело. Мы можем только просить вас о том, чтобы вы не извращали ничего. Пусть там у вас получат возможность судить о нас так же свободно, как вы судите. Хотите, передайте всю информацию у себя в Узоре, а хотите: уничтожьте. Но не правьте. Контролировать вас мы не сможем и никак воздействовать на ваш выбор тоже не в силах. Да, мы умеем внушать. Но только на ограниченном расстоянии.

— Как мне быть в этом уверенным? Откуда я знаю, что вы действительно не сможете воздействовать на меня и мою команду в космосе?

— Если бы мы задумали причинить вам вред, попытаться «контролировать» вас, — заметил Быстрый Производитель, —

зачем бы мы стали обманывать вас тогда и говорить добрые вещи? Мы бы просто сделали это!

— Не знаю... — Принак шумно выдохнул и присвистнул.— Я не философ. Всего лишь командир небольшого корабля.

— Тогда и не берите на себя ответственность за принятие слишком серьезных решений и вынесение слишком серьезных оценок. Дайте и другим рассмотреть, проанализировать, решить. А вы отвечайте только за себя. И в этом можете быть,— хотя амплитур и выражался мысленно, пленник уловил в его сигнале тень насмешки, — совершенно независимым.

— Я признаю, что не в состоянии понять вас, — сказал Принак и двинулся в сторону выхода. Никто его не остановил.— Но могу сказать со всей определенностью: мой народ не будет шестерить ни на вас, ни на ваше Назначение. Никогда.

Тот-Кто-Решает дал знак охраннику-молитару посторониться и пропустить пленника. А на прощанье сказал:

— «Никогда» — это понятие, которое воспринимается нами, на мой взгляд, гораздо более четко, чем вами.

3

Чичунту был величественно красивым миром, элегантным и утонченным, как и его обитатели. В физиологическом отношении вейсы были орниторпами, то есть напоминали высоких и спокойных птиц. В них все было благородно: и внешность, и манеры. Редко когда они приходили в волнение, во всяком случае их вряд ли кто-нибудь видел в этом состоянии. Независимо от окружающей обстановки они всегда чувствовали себя комфортно.

Их главной отличительной особенностью было умение держать себя в руках. Размышляя об этом, Кальдак справедливо отметил про себя, что именно этого-то качества и недостает его соотечественникам, массудам. Одежда на вейсах всегда была безукоризненно чистой, а передвигались они с грацией профессиональных танцовщиков. В разговоре им свойственно

было проявлять исключительную корректность и подчеркнутую вежливость. И при этом они еще умудрялись не выглядеть приторно-слащавыми. Общество вейсов было, пожалуй, наиболее развитым во всем Узоре. В каждом движении их, жесте, флекции содержалось совершенно умопомрачительное количество смысловых уровней, разобраться в которых было под силу разве что только их соплеменникам. По сравнению с их сложным языком и культурой, языки и культура остальных рас Узора выглядели примитивными, почти детскими. Вейсы были также прирожденными имитаторами и подражателями. В сочетании с интеллектом это делало их непревзойденными лингвистами.

Благодаря всему этому на планетах, населенных вейсами, частенько размещали учреждения регионального командования, не обращая внимания на театральные признаки возмущения и протесты со стороны потесненных жителей. В ответ небезосновательно заявлялось, что нахождение в эпицентре высочайшей культуры вейсов будет оказывать самый благотворный эффект на представителей менее утонченных рас— членов Узора. Своим гостям вейсы будут передавать свою вежливость, корректность и богатейший опыт мирного общения с ближними. Действительно, каждый разумный с этой планеты жил в постоянном страхе как-нибудь нечаянно обидеть своего соседа.

Впрочем, на планете Чичунту споры между представителями разных рас во время общения вскоре стали заметно затухать. Дело в том, что переводчиками в разговорах выступали вейсы. Бесполезно было выкрикивать оскорбления или просто обидные слова в адрес собеседника, ибо в интерпретации посредника-лингвиста все получалось очень красиво и мягко. Вскоре все поняли, что твой вопрос или, наоборот, ответ, — каким бы резким тоном ни был произнесен, — переведется автоматически вежливо и округло и не достигнет цели. Вейсы в данном случае походили на нечто вроде пухлой подушки, которая не только приглушает удар, но и вовсе поглощает его. Под конец собеседники уразумели, что правда за переводчиками, и назревавшие в разговоре неприятности стали рассасываться как-то сами собой. Порой даже без участия безупречно галантного переводчика.

Центр регионального командования выглядел несколько нелепо в таком месте, как Чичунту. На Массудае, к примеру, его построили бы далеко-далеко от ближайшего городского конгломерата или похоронили бы среди острых скал гранитных гор, чтобы никому не мозолил глаза своими неэстетичными, но функциональными формами. Вейсы же настояли на том, чтобы он был возведен в пределах главного столичного парка, а потом еще украсили его дополнительными фонтанами и искусственно выращенным ландшафтом.

Если уж честно, то весь этот мир можно было назвать сплошным и заповедным парком. Кальдаку это не особенно-то нравилось. Слишком много зеленых изгородей, слишком густо посажены деревья. Он бы предпочел открытые и широкие пространства, как дома, где деревья либо росли мелкими группами, либо образовывали леса в строго отведенных для этого местах. Либо, наконец, находились далеко друг от друга, возвышаясь над землей, как часовые. Там массуду было где повернуться, там он мог двигаться, как и его далекие предки— огромными шагами или прыжками, в полную силу используя свои длинные поджарые ноги. Теперь уже не нужно было делать это для того, чтобы догнать убегавшую дичь. Быстрое передвижение приобрело более почетное, эстетическое значение.

Длинные и долгие пробежки, высокие и дальние прыжки... Это массудам удавалось в жизни лучше всего. И именно благодаря этой традиции, благодаря тому, что спорт на их планете имел необычайно важное значение и пользовался огромной популярностью, вышло так, что массуды стали самой приспособленной к войне расой Узора. Эту честь они приняли с большой неохотой, что и понятно: какой разумный добровольно изберет профессию убийцы?

Но кому-то ведь надо было уметь сражаться. И цивилизация С'ван, и Гивистам, и Лепар, и даже Вейс в меру своих сил оказывали весьма качественную поддержку, но когда дело доходило до босв, от этих рас невозможно было требовать многого.

За исключением массудов, наиболее пригодными для исполнения солдатского долга являлись только гиганты-чиринальдо. Но эти мрачноватые создания в силу своей природы

могли существовать только в гелийной атмосфере — или в масках — поэтому от них было не так уж много пользы.

Кальдак одернул свой костюм, чтобы не было излишних складок, и пригладил короткую серую шерсть, выглядывавшую из-под одежды. Радужная оболочка его глаз также отливала светло-серым оттенком, зрачки же выглядели практически черными. Одновременно он пытался успокоиться. Впрочем, в отношении его персоны это понятие можно было применять лишь сугубо относительно: массуды физически не могли пребывать в состоянии расслабленности и тем более покоя. К примеру, в пылу боя они вообще теряли над собой контроль, и, кстати, из-за этого своего качества редко кто из них добирался до командных постов. Гораздо более практичным было доверить руководство спокойным и рассудительным с'ванам.

Тем больше оснований было у Кальдака гордиться: он получил должность капитана корабля, во-первых, несмотря на то, что является массудом, а во-вторых, несмотря на то, что еще совсем молод.

Нельзя было сказать, что оказание такой чести являлось чем-то беспрецедентным, однако же необычным и нерядовым— это факт. И осознание этого только прибавляло ему сейчас волнения. Аккуратно подстриженные бакенбарды по сторонам его лица машинально подергивались.

Поджав к носу верхнюю губу, он осторожно извлек из щели между двумя передними зубами застрявший там кусочек пищи. Щипчиков под рукой не оказалось, поэтому он орудовал когтями своей правой руки. Рассеянно глядя на извлеченный комочек, он по временам бросал настороженные взгляды по сторонам: а не увидит ли кто, как он бросит это наземь? Вейсы все время кричали о своей ухоженной земле и запрещали даже сплевывать на нее. Это запрещение казалось Кальдаку идиотским, и он никогда не упускал случая нарушить его, испытывая даже при этом какое-то болезненное удовлетворение.

Зачем он понадобился командующему? В его мозгу переплелись нити надежды и смутных предчувствий.

Он в последний раз придирчивым взглядом окинул свой внешний вид, который любому бы, — кроме вейса, — пока-

зался безупречным, еще разок пробежался аккуратно подстриженным когтем по линии зубов и на секунду замер, чтобы вдохнуть. Пахло незрелыми плодами и цветами. В этом мире цветы росли повсюду, исключительно везде. Может, вейсам это и нравилось, но у массудов были иные представления о настоящих ароматах.

Региональное командование размещалось в строгом здании, окруженном декоративным озерцом. Как-то, давным-давно, он приезжал в похожее место со своими родителями. Они также были солдатами, хотя и не поднимались так высоко, как их сын, по служебной лестнице. Его душу насквозь пронизывало острое чувство ответственности.

Его родители стали воевать, так же как и он, не по доброй воле, но поскольку массуды являлись чуть ли не единственной расой в Узоре, которая не падала в обморок от одного вида поля боя, у них не существовало большого выбора. По крайней мере, массуды никогда не испытывали недостатка в моральной и материальной поддержке со стороны тех миров, которые они защищали. Им не требовалось работать в промышленности или в сельском хозяйстве. И вооружением, и пищей, и предметами быта их снабжали те цивилизации, которые были неспособны принимать участие в боевых действиях.

Обычно у Кальдака из ушей торчали пучки волос, но теперь он заметил, что левый пучок не выглядывал. Нервическими движениями двух пальцев ему удалось вытянуть пучок на свет и припушить его. Это был генетический недостаток у Кальдака, подмечаемый обычно лишь соплеменницами. Впрочем, зная, что эти пучки выделяют его из общей толпы, Кальдак был далеко не уверен в том, что они делают его привлекательным.

Внутри здания к его лицу тут же подплыл летающий дисплей-гид, за которым он и последовал, не отвлекаясь по сторонам, а глядя только на экран.

«Что же им от меня надо? — думал он. — Эх, лучше пробежаться».

Он был прекрасным бегуном. Правда, вот прыгал неважно, что было удивительно при его росте. Однако самые ценные его таланты не лежали на поверхности. Как, например, привычка

в нужный момент затормозить и тщательно поразмышлять над своими шансами, прежде чем сломя голову бросаться в бой.

С помощью вмешательства биоинженеров амплитуры изобрели способ «корректировать» представителей союзнических рас и наделять их, может быть, не свойственными им от природы, но необходимыми для амплитуров качествами. Поскольку в Узоре таких возможностей пока не имелось, там вынуждены были извлекать максимальную пользу из того, что было. В трудные времена пригодились физиологические различия между расами — членами Узора. Те самые отличия, которые постоянно грозили разорвать тонкую связь, объединявшую эти миры в единое содружество. Однако перед лицом общей опасности все сплотились и на эти различия стали смотреть уже по-другому.

Массуды были далеко не самыми уравновешенными существами в Узоре. От массуда, привыкшего к широким просторам и зажатого убогими размерами корабельной каюты, можно было ожидать всякого. В капитаны массудов старались не производить. В самом деле, что может стрястись с кораблем, если его команда собрана из представителей совсем не похожих одна на другую рас, которые больше всего на свете любят спорить между собой до хрипоты, и если у штурвала стоит капитан-массуд, то есть существо, известное всему Узору своим взрывным нервным характером?

И только Кальдаку, который отличался тем, что умел держать себя в руках, повезло занять столь высокий и престижный пост. Да еще в столь юном возрасте!

Соотечественники-солдаты частенько спрашивали, как ему это удалось. Он в ответ пытался объяснить, что сдерживать характер нужно научиться так же надежно, как сдерживать свой организм от ожирения. Друзья махали на него руками и, уходя, говорили, что это, мол, легче сказать, чем сделать.

Он уже был на высоте нескольких этажей над уровнем озера, когда перед ним вдруг открылась нужная дверь и он, подвергнувшись для начала строгой проверке на установление личности, прошел вперед. Дело в том, что всем было хорошо известно: амплитуры без особого труда могли «корректировать» внешность представителей союзнических им рас так, чтобы получалось внешнее сходство с некоторыми

цивилизациями Узора. Провокаторов засылали сюда для организации диверсий, саботажа и прочих неприятностей.

Например, одна союзная амплитурам раса, на беду, очень напоминала гивистамов. Всякий раз, когда ее агенты проникали в миры, населенные этой расой, им удавалось без большого для себя риска приносить ощутимый вред. Гивистамы едва не отчаялись, ибо поймать провокаторов было почти невозможно. У них оставался один выход: обратиться к населению с просьбой о помощи. Фильтрация стала проводиться повсеместно, в самой гуще народной. В самое последнее время борьба с этими скрытыми врагами вроде бы более или менее наладилась.

Но он не особенно-то сочувствовал гивистамам в этом, как и во всем остальном. Про себя он называл их паршивыми нытиками, которые шагу ступить боялись из дома. Правда, нужно было отдать должное им и их виртуозным длинным пальцам: в технике гивистамы были непревзойденными мастерами. Гивистам всегда был торжественно грустен, нескончаемо терзался ностальгическим настроением и любил во всем серьезное отношение к делу, без шуточек. Все это делало его исключительно нежелательным попутчиком в длительном путешествии. С другой стороны, массуды-солдаты были бы без гивистамов, как без рук. Кто бы делал им корабли, вооружение?

Кальдак был рад, что у амплитуров не было расы, похожей на массудов.

Его ждал Бран. Как и многие с'ваны, он занимал ответственный пост, поднявшись по служебной лестнице несравнимо быстрее любого массуда. Кальдак не завидовал ему: так уж повелось издавна. К тому же все было справедливо.

Как и массуды, с'ваны были млекопитающими. На этом сходство заканчивалось. С'ваны были коротышками, вегетарианцами и рафинированными интеллектуалами, в чем приближались к вейсам. Их приземистые, коротенькие фигуры всегда были упакованы в практичные костюмы, лишенные всяких побрякушек и украшений. Они славились исполнением буйных любовных песенок и очень эмоциональным декламированием поэтических произведений.

Хотя их нельзя было назвать прекрасными лингвистами,

как вейсов, с'ваны, однако же, превосходно, чувствовали себя в компании чужаков, начиная с несдержанных массудов и заканчивая примитивными и подчас непонятными лепарами. Главная причина того, что они с удивительной легкостью сходились в общении с представителями самых разных рас содружества, заключалась в том, что у них был до крайности безобидный внешний вид.

По поводу развитости их мышления следует сказать то, что они обладали молниеносной умственной реакцией и из множества вариантов выбирали всегда самый верный и самый практичный. Особенно в трудные минуты. И не только во спасение себя, но и во спасение ближних. Так что было совершенно естественным видеть их на руководящих должностях.

Если кто-то умнее тебя, следует принять это как факт, а не как чье-то мнение, с которым можно поспорить. Ты можешь возразить, взять командование на себя и с достоинством погибнешь. А если оставить руководство с'вану, он быстро сориентируется, примет единственно верное решение и все останутся живы. Война — не спорт. Кальдак готов был выслушивать приказы от волосатых, добродушных коротышек с'ванов без тени обиды, как бы он получал приказ от своего брата массуда.

В отношении других рас Кальдак не был таким покладистым. Например, в силу своей природы отдающий распоряжения и директивы вейс был просто невыносим. Он относился ко всем с врожденным и нескрываемым чувством интеллектуального превосходства, и это здорово утомляло. Со с'ванами все было совершенно по-другому, просто и хорошо. Они были самыми обычными существами, только чуточку умнее других. Если это раздражало вас, вы могли в любую минуту подхватить с'вана и выбросить в ближайшее окошко (фигурально выражаясь, разумеется), и он бы не обиделся. Во многом именно с'ваны, а не вейсы, которые этим кичились на каждом углу, не давали распасться Узору.

Бран был типичным представителем своей расы. По возрасту, — если брать сравнительные возрастные шкалы расы массудов и с'ванов, — он значительно превосходил Кальдака, зато был в два раза меньше ростом. Это было коротенькое, бесхвостое существо с плоским лицом и улыбочкой, обнажа-

ющей округлившиеся стертые временем зубы. Поблескивавшая на свету черная шевелюра низвергалась с головы, как водопад, оставляя открытыми на лице только глаза, ноздри и рот. Борода была похожа на непроходимые джунгли, и было ясно, что если Бран не пострижет ее в ближайшие три дня, дальше ходить с ней будет уже неприлично.

И хотя приветствие с'вана было, как обычно, веселым и беззаботным, Кальдак уловил в нем на этот раз что-то потаенное, особенное. Кроме его и хозяина офиса в нем больше никого не было. Это с одной стороны льстило самолюбию Кальдака, с другой же стороны, он понял, что назревает нечто важное для него. Хорошее или плохое — он и не догадывался.

И хотя Бран был намного короче массуда, впечатления от этой разительной разницы почему-то не создавалось. Видимо, с'ван удачно компенсировал недостаток роста внутренней уверенностью в себе, которая, как у всех с'ванов, через взгляды прорывалась наружу. Ведь это был не просто с'ван, а региональный командующий!

— Какие-то проблемы? — на довольно хорошем языке с'ванов спросил Кальдак. Этот язык, по сравнению с языком тех же вейсов, был очень простым и допускал варианты произношения.

— А как вы сами думаете?

Кальдак нахмурился.

— Ходят слухи, что амплитуры и криголиты во взаимодействии с отрядом т'ретури сосредоточиваются для нанесения главного удара по соседству с Гиджем.

— Словом, вы знаете ровно столько, сколько всякий другой. — Голос у Брана был мягким, текучим. Он чуть отстранился от массуда. Не из страха, нет. Просто для того, чтобы не приходилось закидывать голову далеко назад и не терять из виду лицо молодого капитана.

Командующий прошел в дальний конец своего кабинета и открыл врезанную в стену особую дверь, за которой открылось... звездное небо. За дверью находилась проекционная комната, вступление в которую сильно напоминало выход из корабля в открытый космос. Звезды были, понятно, ненастоящие и поэтому могли увеличиваться или уменьшаться в размерах по желанию оператора.

Одна из хитростей комнаты заключалась в том, что она не имела пола в строгом значении этого слова. Под ногами было тоже звездное небо, так же, как сверху и по сторонам. Пустота была повсюду, однако ноги не проваливались в бездну, ибо там, где они ступали, тотчас же появлялся небольшой кусочек тверди. Разумеется, невидимый — чтобы не нарушать иллюзию космоса.

Каждая звезда или светило по желанию могла, увеличиваясь в размерах, разрастись в целую звездную систему с полным набором планет. Кальдак узнал эту часть неба, многие светила были ему знакомы, некоторые не понаслышке и не только по картам. Впрочем, сейчас проекционная комната предоставила своим посетителям для обозрения лишь малую часть галактики. Без «домысливания» непоказанных мест было довольно трудно сразу отыскать месторасположение миров Узора и миров Назначения.

Впрочем, здесь можно было увидеть не только звезды. Еле различимые точки разных цветовых оттенков изображали отдельные корабли и целые флоты, причем они не были статичны, а двигались, что можно было увидеть при достаточном увеличении картинки. Словом, этот участок Галактики был отображен в проекторе наиболее полно: со всеми своими светилами, звездами, мирами, туманностями и страшными орудиями убийства разумных. С разрешения Брана Кальдак попросил оператора увеличить одно место. Пока оно разрасталось, вытесняя прочие уголки галактики, стало ясно, что это сектор Протана. Вскоре можно было рассмотреть одноместные боты, двигавшиеся по орбите планеты. Все, что Кальдак сейчас видел в проекционном изображении, на самом деле происходило на расстоянии многих парсеков от центра регионального командования на Чичунту.

Дух захватывало...

И дело было не столько в сногсшибательности идеи управления боевыми действиями в галактическом масштабе, когда по твоему приказу десятки кораблей и тысячи разумных на бешеных скоростях перемещаются в сектора, находящиеся один от другого на расстоянии многих парсеков. И не столько в идее поддержания ошеломляющей картины боя, который

проходит по всем правилам технологического и военного искусства рас Узора и Назначения.

Глядя на изображение в проекционной комнате, Кальдак поражался даже не способности амплитуров умело вести бой, используя на все сто процентов возможности своих союзников, его больше всего поражало терпение амплитуров, их непоколебимая уверенность в неизбежности их победы. Уже давно было выяснено, что невзирая ни на какие свои неудачи и потери, они не бросают своей затеи и не думают сдаваться.

Сотни лет назад было решено, что для окончания войны требуется полное и абсолютное уничтожение их мощи. Впрочем, об этом можно было только мечтать, ибо Узору не известно было месторасположение первопричины всего — родной планеты цивилизации амплитуров. В эту проекционную комнату в разное время приходили сотни высокопоставленных военных Узора. Они окидывали растерянным взглядом картину Вселенной и не могли сказать, где находится искомая планета, не могли даже предположить, в каком направлении ее следует искать. Бывали времена, когда хотелось даже опустить руки и плюнуть на все.

Альтернатива была до страшного проста. Не нужно воевать с амплитурами. Все, что требуется — это присоединиться к великому таинству Назначения. Требуется стать еще одним компонентом этой огромной структуры, которой суждено вечно строиться...

Беда была в том, что амплитуры благодаря своим способностям и талантам могли разрастаться союзниками и новообращенными сколь угодно долго и ничего не терять. Если ты им сдался, — как было уже с двумя мирами Узора, — все! Возврата к независимости и свободе не будет, как ни рвись. В течение всех тех долгих сотен лет, что Узор вел войну с народами Назначения, ни одна раса не смогла вырваться из того болота, в которое амплитуры засасывают всех. Ни одной вступающей на стезю Назначения цивилизации не оставляется привилегии неизменности сознания. Амплитуры очень осторожны. Они знают одну простую истину: есть непокорные народы, но нет непокорных генов. Сдайся на милость Амплитуру, сдайся на милость Назначения — тем самым ты позволишь им беспрепятственно рыться в твоих ДНК.

Вот это-то и было самым страшным.

Кальдак вдоволь насмотрелся на увеличенную картинку и поэтому попросил оператора вернуться к первоначальному масштабу. Протан и движущиеся по его орбите космоботы тут же исчезли под давлением вытесненных ими раньше уголков неба, которые возвращались в проекционную комнату.

Бран провел Кальдака на середину комнаты. Здесь не существовало понятий «верх» и «низ», «впереди» и «сзади». Многим в этом иллюзионном царстве становилось худо, и их приходилось выводить оттуда под руки. В частности очень неважно себя чувствовали в проекционной комнате вейсы. У гигантов чиринальдо была другая проблема: они любили яркое освещение, чего не могло предложить им сумрачное звездное небо. Они слепли здесь, как котята, и называли это помещение едва ли не пыточной камерой. Кальдаку же было комфортно в окружении сумерек и мерцавших звезд.

— Вы, видимо, рветесь воевать, — сказал Бран, поднимаясь вверх по невидимым ступенькам так, чтобы стать вровень с массудом. Кальдаку тоже захотелось подняться по невидимой лестнице, но это было бы невежливо, ибо с'вану вновь пришлось бы задирать голову, чтобы не упираться лбом массуду в живот.

— Никто не рвется на войну. Это неестественно для цивилизованного существа. Лучше было бы сказать, что мне надоело бездействие и ожидание. Я солдат, так уж вышло, что это моя профессия. Я хочу поскорее приступить к работе.

— Я изучил ваше досье. Ваши коллеги пишут, что вашей основной чертой является удивительная терпеливость. Это мнение у них сложилось после долгого общения с вами. У меня в этом появились некоторые сомнения, но отнесем это на счет того, что мы еще не имели удовольствия долго общаться между собой.

Шутка, понял Кальдак.

Его бакенбарды заметно колыхнулись, нос шевельнулся, а кончики пальцев дернулись. С'ваны всегда шутили. Они могли сочинять анекдоты даже о планетарных катастрофах и крупных военных поражениях. У массудов тоже было свое чувство юмора. Но над шутками массудов смеялась только Массудай, а над шутками с'ванов — весь Узор. Вся-то и

разница. Надо было еще отметить, что так никто, кажется, никогда и не понимал, что с'ваны на самом деле имеют в виду. Мыслительный процесс в их головах почему-то осуществлялся быстрее, чем у других рас.

— Расслабьтесь. Я пригласил вас вовсе не для того, чтобы отечески пожурить.

Бран устремил серьезный взгляд на изображение проекционной комнаты. Его взгляд вырывался словно из ущелья, ибо над глазами были космы шевелюры, а под глазами уже начиналась непролазная борода.

— Ваше быстрое восхождение по служебной лестнице и высокая оценка работы дают основания предположить, что вы прекрасно подойдете для выполнения специальной миссии.

«Собираетесь одарить меня кораблем», — с удовлетворением подумал Кальдак.

Благодаря его «особому темпераменту», как было записано в его характеристике. Нет, конечно, не первого массуда удостаивали такой части, но Кальдак был самым молодым из капитанов. Его род будет гордиться своим отпрыском.

С'ван внимательно поглядывал на него, чуть слышно пощелкивая зубами. Еще один признак важности момента. Кальдаку вспомнилась вдруг еще одна черта, ярко характеризовавшая с'ванов. Когда они видели, что их интеллект начинает раздражать окружающих, то тут же отпускали какую-нибудь сальную шуточку или просторечное ругательство, чтобы разрядить обстановку. Кальдаку всегда было интересно узнать, зачем они это делают? Потому что сами веселые и любят видеть вокруг себя веселые лица? Или потому что опасаются, как бы о них неправильно не подумали. Словом, в общении с представителями рас, менее отягощенных интеллектуальным багажом, с'ваны всегда были предупредительны.

— Корабль проходит по классу э-э... Даже не знаю аналога у массудов и у с'ванов. Построен, разумеется, гивистамами. Все самое новейшее. Помещения оборудованы таким образом, что могут удовлетворить требования практически всех рас, входящих в Узор. Конечно, таким великанам, как чиринальдо, там будет немного тесновато, но все же терпимо. Что скажете?

— Пока еще не знаю...

— Это не совсем тот военный корабль, который вы планировали получить. Он специально оборудован и приспособлен для длительного полета в условиях субпространства.

— Диверсионная акция? — высказал догадку Кальдак, тщетно пытаясь скрыть свое волнение. Руки у него стали нервно подрагивать, а зрачки стремительно расширяться. Похоже, ему предоставят шанс навеки прославить себя и свой род.— Куда меня пошлют? Каково будет задание и что за команда?

— О, насчет команды! Назначения уже получили представители многих рас Узора. Разумеется, будут там массуды и кроме вас. Впрочем, списки по штатному расписанию еще не заполнены. Вам предоставляется право выбрать самостоятельно достойных и знакомых вам офицеров, только...

— Вот за это спасибо! — вырвалось у Кальдака. В этом были все массуды со своей привычкой говорить что захочется и когда захочется. С'ван имел богатейший опыт общения с представителями этой расы, поэтому не смутился тем, что его так беспардонно прервали.

— Вы можете взять к себе, кого вам заблагорассудится, однако при условии, что эти кандидатуры могут быть отпущены с настоящей работы. У вас будет отличный персонал специалистов-гивистамов с их неразлучными и незаменимыми ассистентами-о'о'йанами, бригада высококвалифицированных рабочих-лепаров, по крайней мере несколько чиринальдо и... Да и парочку вейсов возьмете.

Кальдак поморщился и поднял на Брана умоляющий взгляд.

— А, может...

Бран отрицательно покачал головой.

— Ну, что вы будете делать, если, скажем, выйдут из строя ваши трансляторы?

— Если необходимо, всегда можно объясниться на языке жестов, — попробовал пошутить массуд, поджав верхнюю губу и обнажив острые зубы.

— Увы, капитан. Вам придется взять вейсов. Ну, и несколько с'ванов. — Последнюю фразу Бран обронил как-то мимоходом, небрежно. С'ваны никогда не любили заострять на себе внимание. — А также одного турлога.

Кальдак удивился. Судя по всему предлагаемый ему корабль будет больше обычного военного крейсера, а миссия поважнее обычного боевого задания...

Он подумал о турлоге. Эта раса была очень немногочисленна и коренным образом отличалась от всех рас, входящих в Узор. Поговаривали даже, что у турлогов уж очень много общего с амплитурами, как в физиологии, так и в культуре и мировоззрении. Впрочем, всем было также хорошо известно, что турлоги презирали и ненавидели амплитуров и не хотели иметь ничего общего с Назначением.

Их нельзя было назвать нелюдимыми или асоциальными. Одиночество было образом их жизни, данным от природы. Дело в том, что турлоги были гермафродитами. В отличие от амплитуров они размножались не почкованием, а откладывали яйца. У них не было полов и, стало быть, не было полового влечения между особями. Поэтому они не искали общества, а довольствовались одиночеством.

Жаль, что их было так мало. Турлоги славились своей удивительной способностью концентрировать внимание одновременно на двух или даже трех объектах изучения. Это качество делало их незаменимыми военными консультантами, когда дело доходило до разработок крупных военных операций с применением одновременно элементов тактики и стратегии.

И хотя нельзя было сказать, что они всей душой рвались воевать, опасность, исходящую от амплитуров, они понимали очень хорошо, — возможно, даже лучше других. Собственно, для того они и присоединились к Узору, чтобы помочь уничтожить Назначение и его проповедников. Турлоги являлись долгожителями и размножались крайне медленно. Назначение турлога на военный корабль считалось среди капитанов Узора хорошей приметой и верным залогом успеха.

— Куда именно, — с истинно массудской прямотой спросил Кальдак с'вана, — я должен буду отправиться на этом корабле?

— Я покажу.

Бран повел Кальдака вперед. Они шли долго. Подошли почти вплотную к противоположной стене огромной проекционной комнаты. Кальдак понял, что те звездные системы,

которые теперь окружали их, были ему совершенно незнакомы. У него появилось впечатление, что они вообще стоят сейчас на краю света.

Черт возьми!

Очнувшись от своего восторженного оцепенения, он услышал тихий стук. Обернувшись, он увидел, что с'ван постукивает костяшками пальцев в одно место на стене.

— Вот куда вы отправитесь.

— Не совсем понимаю...

— Да, да, капитан, именно туда.

— Но там нет войны! Там вообще ничего нет! Это неизвестный нам, неисследованный сектор галактики.

— А вы что же, рассчитывали там ванную увидеть?

Кальдак был слишком потрясен, чтобы воспринимать едкий юмор с'вана. Тот это понял и продолжал уже серьезно:

— Вы отправитесь на свободную охоту. Только не за амплитурами и не за криголитами. И не за их сообщниками. Вы полетите отыскивать новые миры, способные и согласные стать нашими союзниками.

У Кальдака закружилась голова. Постой, постой!.. Он знал, что лишь в редких случаях власти Узора позволяли себе выводить из боев один-два военных корабля и посылать их в мирный космос за помощью. Впрочем, основное большинство нынешних их союзников в свое время сами отыскали среди звезд содружество Узора. Просто им повезло наткнуться именно на этот союз, а не на банду Амплитура.

Собственные же дальние экспедиции обычно не приносили ощутимых результатов. Даже когда капитаны и находили на открытых ими планетах жизнь, она находилась на ранних стадиях своего развития и не напоминала даже отдаленно что-то цивилизованное. Насколько он знал, лишь дважды в подобных экспедициях их организаторам сопутствовала удача и два мира разумных присоединились к борьбе Узора. Но ведь всего два случая за сотни лет!

Другими словами, Кальдак считал подобные путешествия пустой тратой времени.

Нет, не на это он надеялся, спеша на прием к региональному командующему. Вовсе не к этому его готовили и тренировали. Родители и весь его род не этого от него ждали.

Он попытался скрыть свои чувства, но губы предательски раздвинулись, обнажив мрачно сжатые зубы. В комнате было не так темно, чтобы с'ван этого не заметил.

— Вы огорчены. Напрасно. Миссия чрезвычайно важна.

— Может быть, и так, только с этой работой вполне мог бы справиться о'о'йан, или гивистам, или даже лепар! Хотя нет, лепару, пожалуй, это не под силу, но другие сделали бы все, что требуется! Почему избрали массуда?!

— Любая экспедиция навстречу неизвестному должна быть подготовлена на случай всякой неожиданности. Нам неведомы границы и степень влияния амплитуров. Есть вероятность того, что в том секторе, куда вас отправляют, засели их союзники. Тут ничего заранее не предугадаешь. А вдруг там действительно враг? Необходимо это проверить.

— Пусть кто-нибудь другой проверяет!

Бран не изменил своему спокойствию и после этого. Он знал, что упрекать массуда в несоблюдении субординации было бы все равно бесполезно.

— А вы, интересно знать, на что надеялись? На командование кораблем из передовой линии? На командование десантной операцией?

— Я надеялся, — раздельно проговорил Кальдак, мрачно глядя на с'вана, — оправдать кое-чьи ожидания.

Командующий вздохнул.

— Мне знакомы традиции массудов. Я знаю, что такое обязательства перед родом. Поверьте! Возглавив эту экспедицию, вы с лихвой оправдаете ожидания ваших близких.

Кальдак хотел на это что-то возразить, но с'ван еще не закончил:

— Выбор пал на вас, ибо вы известны вашим «особым темпераментом», вашей способностью не потерять самообладание в критические минуты. Именно благодаря этой особенности вашего характера вы и выросли, как солдат, столь стремительно. Конечно, в принципе, экспедицию мог бы возглавить хорошо подготовленный с'ван или гивистам, нам же ничего не известно об этом районе галактики! А вдруг придется драться?! Кто сможет в подобной ситуации показать себя достойно? Кто, как не массуд?

Кальдак терзался сомнениями.

— Значит, вы полагаете, что там можно будет ожидать неприятностей?..

Зубы Брана раздраженно клацнули.

— Если бы мы знали, чего нам следует там ожидать, то не посылали бы корабль! Пока что мы не можем позволить себе рассылать дальние экспедиции во все стороны ради одной забавы.

— Связь?

— Надежнее не бывает.

— А почему именно туда? Вам удалось принять какие-то неизвестные сигналы?

— Да так... Обычная электромагнитная болтовня. Астрономы уловили, конечно, пульсацию неизвестной природы, но что это конкретно, сказать не можем. Слишком велико расстояние. Галактика, мой юный массуд, штука очень большая. Район, населяемый Узором и народами Назначения, весьма и весьма велик. И опять же: если бы нам удалось расшифровать пульсацию, мы бы не тратились на организацию подобной экспедиции.

Кальдак все еще не чувствовал себя убежденным, но постепенно стал успокаиваться. В конце концов, на что он действительно рассчитывал? На то, что его назначат командиром десантной группы, высаживающейся на планету, где сложилась критическая ситуация? Разумеется, простым солдатом он во всяких переделках уже успел побывать. Но между солдатом и командиром есть разница...

Если спокойно подумать, то его назначение выглядит вполне естественно. Им нужно проверить в деле молодого массуда, не по годам рано получившего должность капитана, и его посылают в небоевую, но потенциально опасную экспедицию. Чем не проверка? Лучше и не бывает. Опыт будет для него чрезвычайно полезен. С'ван прав. Черт возьми, эти с'ваны всегда правы!

Ему предложили новейший корабль с опытной, хоть и разношерстной командой. Высококлассных специалистов — сколько угодно. И он будет капитаном. Капитаном, который сможет в любой момент отдать приказ какому-нибудь с'вану починить, скажем, вышедший из строя конденсатор. Сможет приказать лепару участвовать в бою. Но — главное! — с ним

будет турлог, который всегда поможет в тактических вопросах. С ним будет чиринальдо, который умеет обращаться с тяжелым оружием, как с ложкой и вилкой. Ему еще ни разу не приходилось работать с представителями этих двух рас. Но впоследствии, когда он станет командовать крупными операциями, без них никак не обойтись. Так что с этой точки зрения экспедиция даст ему драгоценный опыт.

Одно дело отдавать приказы своему собрату массуду, и совсем другое — чиринальдо. Опыт.

Кальдак согласился и расстался со с'ваном хорошо.

И все же что-то сму во всем этом не нравилось...

4

Кальдак ждал челнока, который должен был забрать его на экспедиционный корабль, дрейфовавший в космосе на расстоянии пяти планетарных диаметров. Кальдак ждал и серьезно подумывал о том, чтобы отказаться от возложенной на него миссии. Это был бы драматический жест, свидетельствовавший однако о его уверенности в себе и независимости. Впрочем, массуд ясно отдавал себе отчет в том, что его отказ не был бы принят и удовлетворен. Единственным последствием этого шага явилась бы нелицеприятная запись в его личном деле. Не прошел бы этот номер и со стариками его рода, которые уже благословили его на экспедицию.

А если бы и пошли ему навстречу и вернули бы на поле боя, то карьера и звания были бы бесповоротно заморожены, впрочем, как и уважение товарищей. Массуды уважали смелость, когда она не была проявлением глупости и отсутствия здравого смысла.

И все же он уже наполовину решился на этот отчаянный шаг, когда в грузовом помещении, где он сидел, произошла его встреча с первым заместителем командира экспедиции. Он никак не ожидал, что у него будет такой заместитель.

Она была старше его по возрасту, однако все еще не растеряла строгую красоту. Наоборот, боевой опыт и война только закалили и подчеркнули ее очарование. Любуясь ею, он мыс-

ленно спрашивал себя: «Какой же она была в молодости?!» Ее красота была заключена в каркас жизненного опыта и оттого казалась застывшей, ничем не стираемой. Несмотря на существенную разницу в возрасте, он просто не мог не рассматривать ее в качестве потенциальной половой партнерши.

Форма на ней была абсолютно такая же и, похоже, одного размера. Только чуть больше было складок и оборок, которые говорили о том, что это костюм массуда женского пола. Их глаза встретились на мысленной горизонтали. Различия в росте и сложении у взрослых массудов были незначительны.

Ее звали Соливик, и все говорило за то, что она умеет подать добрый совет, а когда нужно — и успокоить. Беседа с нею в грузовом помещении уняла все его внутренние сомнения и метания лучше увещеваний рафинированного интеллигента-с'вана. Именно потому, что он был с'ван, а она, как и Кальдак, массуд. Он поначалу думал, что она выдаст чем-нибудь свою обиду и недовольство тем, что ее поставили под начало командиру, который был много моложе ее. Этого не произошло. Более того, она и не уклонялась от того, чтобы обсудить этот вопрос непосредственно с ним.

— Мне говорили, что у вас какой-то особенный темперамент.

Кончики его ушей нервно дернулись.

— Не знаю. Похоже, я обладаю чувством самоконтроля. Большим, чем у рядового массуда. Им нравится, как я принимаю решения.

С этими словами он стал деловито ковыряться в зубах. Эти движения были свойственны представителям его расы и не воспринимались в их сознании как нечто неэтичное. Представителям же других рас казалось, что массудам просто некуда во время разговора девать свои длинные руки с худыми, трехсуставными пальцами. Они никак не могли понять, почему ковыряние в зубах и чистка рта являются столь популярными среди лучших солдат Узора занятиями.

— По крайней мере, они мне это постоянно повторяют. Но сам я, если честно, чувствую себя не так уж и уверенно.

— Это пройдет. Вам не понравилась миссия, которую вас назначили возглавить. Вы не способны отказаться от нее и в

то же время боитесь неудачного исхода. Я просматривала ваше личное дело и знаю ваш род. У вас все получится, вот увидите.

Эта бесцеремонность взорвала его. Он резко повернулся к ней всем телом, не обращая внимания на окружающие его шепотки на незнакомых языках, косые взгляды мельком и даже на запах, который заполнял грузовое помещение. Его резкость, однако, не произвела на нее никакого впечатления. Она была к этому привычна с рождения. В словаре массудов не было понятия «покой». В их жизни все было резко и стремительно.

— Мы едва знакомы. С чего это вы сразу проникли ко мне такой уверенностью?! — раздраженно спросил он.

Его возмутили ее слова, хотя в них и была дана ему положительная оценка. Среди массудов было невежливо допускать вольные мысли по поводу характера собеседника и тем более высказывать какие-либо прогнозы.

Соливик сохранила прежнюю невозмутимость.

— Мне хорошо известно, как массуды реагируют в подобных ситуациях. Я достаточно за свою жизнь всего повидала, чтобы высказывать суждения, когда мне того захочется и в отношении того, кого мне захочется. Вы будете в полете слишком заняты улаживанием споров среди членов команды, чтобы иметь время побеспокоиться о том, зачем вы это все делаете, что вы собственно делаете и должны ли вы вообще это делать.

Сказав это, она поджала верхнюю губу, обнажив крепкие и острые зубы.

— Со мной тоже проводили собеседование перед экспедицией. Нам поручено исследовать огромный, очень удаленный и неизвестный сектор галактики. Кто знает, а вдруг нас ожидает там хорошая драка? Эта миссия не наказание и не проявление недоверия к вашим талантам и способностям. Я полагаю, что на самом деле все как раз наоборот. Нам надо будет держать уши востро.

Он не спеша обдумал ее слова, потом спросил:

— Вы полагаете, что нас могут ждать неприятные неожиданности?

— В этом никому не ведомом секторе неба нас может поджидать все что угодно. Расстояния между звездами очень

велики... Мы ничего не можем знать заранее, а предполагать, разумеется, разрешено до бесконечности. Ладно. Поглядим.

— Вы правы.

Постепенно его возмущение утихло и его место в сознании заняли более спокойные чувства.

— Даже если мы просто возвратимся из экспедиции живыми-здоровыми и не покалечим корабль — это уже обеспечит нам легкое продолжение карьеры и уважение друзей. Я знаю, что вас готовили к войне. Как и меня. Но эта экспедиция предоставляет нам более реальные возможности, чем любое боевое задание.

— Каким это образом, интересно?

— Во-первых, потому, что при выполнении боевой задачи шансов потерпеть неудачу гораздо больше, а во-вторых, потому, что в боях действия одного корабля, какими бы эффективными они ни были, не столь заметны. Тут же все в наших руках. Мы выполняем ответственнейшую миссию. Нашей возможной неудачи никто не увидит, а в случае успеха мы будем с ног до головы покрыты славой!.. Мы оба ищем приключений. Массуды все таковы, чего скрывать. Перед нами открывается уникальная возможность, которую мы не можем упустить. Даже если не придется драться. — Она вдруг насмешливо глянула на Кальдака. — А ведь вы подумывали о том, как бы отказаться, а?

Его глаза сверкнули огнем.

— С чего это вы взяли?

— Ладно, не будем ссориться с самого начала. Я ведь знаю. Ну, что? Права?

Он махнул рукой.

— Конечно, думал...

— Вы не могли отказаться. Массуд никогда ни от чего не отказывается без веской причины. А личное недовольство характером и содержанием возложенной миссии — это не уважительная причина.

— Слушайте, не надо только лекций читать! — вновь начал раздражаться Кальдак.

— Ведь перед нами стоит очень ответственная и важная задача, — продолжала она, игнорируя его реплику. — В Узоре слишком мало способных держать в руках оружие. Только мы,

мрачные чиринальдо, да отдельные авантюристы из числа гиви змов и с'ванов. Наши силы ограничены и не позволяют успешно противостоять Амплитуру. Каждый умелый солдат в Узоре потянет за десятерых простых граждан. И если вдруг солдаты начнут отказываться от заданий, которые им поручаются...

— А вот моей подруге нравится это путешествие, — неожиданно проговорился он. — Она мечтает о детенышах.

— Не понимаю, при чем тут наша экспедиция? — спросила Соливик, вскинув на него удивленный взгляд. — Если она собирается рожать на корабле, то это, прямо скажем, не самое подходящее для этого место.

— Она знает, но уже устала ждать.

Его заместитель вдруг понимающе кивнула.

— Если нам удастся выполнить задачу, то можно будет подумать и об этом. На обратном пути хотя бы. В качестве кого она летит?

— В качестве технического специалиста. У нее будет много работы. Скучать без дела не придется.

— Очень хотела бы с ней познакомиться.

— Я... Я тоже мечтаю о детенышах, — вдруг сказал Кальдак с нежностью в голосе. Это признание изумило прежде всего его самого. Он уже давно решил про себя, что не станет предаваться мыслям на эту тему, ибо нельзя отвлекаться от дела. Но... ему вдруг понравилось, что он выразил наконец это свое потаенное желание вслух.

— У меня тоже были роды. Лет двадцать назад, — тихо проговорила Соливик, причем ее бакенбарды при этом колыхнулись. — Теперь уже все трое выросли. Был еще и четвертый, но он умер почти сразу. Старший — довольно известный прыгун, хотя в наши дни у него почти не остается времени на спорт. — Она вытянула свои ноги с определенным намеком.— А я ведь тоже неплохо прыгаю. Только не в высоту, а в длину. Да и вы, наверно, хороший прыгун.

— Бегун, — поправил ее Кальдак. — Но теперь жалею о том, что не прыгаю. На корабле быть прыгуном как-то удобнее. Трек для бега, боюсь, не оправдает моих надежд.

— Сочувствую. А ваша подруга?

— Яруселка. Она тоже прыгунья в длину. Может, вы сможете вместе тренироваться.

Ревность была незнакома массудам. Учитывая то обстоятельство, что Соливик уже в свое время рожала, Яруселка, скорее всего, будет очень рада знакомству с ней и они быстро подружатся. На Массудае связи между полами отличались большой крепостью и завязывались, как правило, легко и быстро. Причем это было достижение скорее не социальное, а эволюционное. Издревле так уж повелось у массудов, что взаимное доверие и нежность ведут к совершенствованию и развитию каждой личности. Один исследователь-с'ван назвал это как-то «перспективным ухаживанием». Единственная разница между современными массудами и их предками в этом вопросе заключалась в том, что если последние самоотверженно выбирали вшей из короткой серой шерсти своих избранных, то первые предпочитали поровну разделять между собой радости и горечи.

«Жаль, что нельзя отяжелить ее так же, как Яруселку, с сожалением думал Кальдак. — Вместе возились бы с малышами».

Тем временем челнок поднялся в воздух и стал выходить на орбиту, занимаемую кораблем. Соливик заняла свое место рядом с Кальдаком, вытянула свои стройные ноги вперед и тем самым дала ему хорошую возможность полюбоваться ими. Свои ноги ему довольно здорово мешали. Как, впрочем, часто бывало. За исключением чиринальдо, массуды были самыми крупными существами среди всех рас Узора, поэтому на большинстве кораблей, в креслах, рассчитанных на среднего гражданина Узора, им приходилось неуютно.

Когда они вернутся из этой экспедиции, у него появится немного свободного времени и он решил посвятить его без остатка дому и детям. Радостей семейной жизни массудам постоянно не хватало на протяжении вот уже многих сотен лет. Все это время они вынуждены были в тяжелых боях замедлять и тормозить неумолимое продвижение Амплитура со своими союзниками. Представительницы слабой половины цивилизации Массудая на самом деле практически не уступали своим соплеменникам ни в размерах, ни в развитости мускулатуры. Поэтому они воевали наравне с ними и почти не

имели времени на нормальную семейную жизнь. Если же говорить о взрывоопасном темпераменте и боевом азарте массудов, то им обладали в равной степени представители обоих полов.

Яруселка встречала прибывших на борту челнока в шлюзовой камере корабля экспедиции. Она очень тепло приняла Соливик и сразу расположила строгого заместителя командира к себе. Они тут же сошлись вместе и затеяли свои нескончаемые женские беседы. Глядя на них, Кальдак блаженно улыбался, несмотря на то, что его самого к разговору не пригласили.

Следующий день начался с того, что первый заместитель показывала командиру корабль, который оказался на изумление просторным. Было где развернуться и в личных помещениях команды. Все оказалось гораздо лучше его самых смелых ожиданий, а он ожидал многого с тех самых пор, как услышал о том, что этот корабль будет необычным и приспособлен к длительным перелетам. Все было самое новейшее и современнейшее, как Бран и обещал.

Пока Соливик представляла членов экипажа, Кальдак внимательно рассматривал каждого и старался запомнить его имя, — или идентификационный символ, — так, чтоб потом не попадать в неловкое положение. Сделать это сразу оказалось чрезвычайно трудно, ибо команда была многочисленна.

Первыми он поприветствовал своих соотечественников, которые специально поджидали его в одном из коридоров. Эти массуды выполняли роль боевого обеспечения экспедиции. Некоторых солдат он узнал по их прославленным именам, — а вернее, по прославленным именам их родов, — другие были ему пока не знакомы. Надо было идти дальше, хотя его так и подмывало подзадержаться здесь на часок, поболтать с соплеменниками, обменяться парочкой боевых историй...

После знакомства со штурмовой группой командир в первую очередь попросил, чтобы его проводили к чиринальдо, которые служили на корабле канонирами и отвечали за системы тяжелого корабельного вооружения. Это была супружеская пара. Два приветливых гиганта, которые вдруг заговорили тонкими, даже писклявыми голосами, что потрясло Кальдака, который раньше никогда не имел дела с этой расой, до глубины

души. Обслуживание тяжелого вооружения было профессией чиринальдо, так что за этот участок своего корабля Кальдак был совершенно спокоен. Применяя в беседе стандартные электронные трансляторы, оба чиринальдо бодро сообщили о том, что они готовы стереть с лица космоса любой корабль со всеми его внутренностями, когда командир изволит это приказать.

Гигантские размеры довольно ощутимо ограничивали их передвижения внутри корабля, о чем они упомянули вскользь, не жалуясь и даже прибавив, что это первый такой просторный корабль, который они видят в своей жизни. Это было правдой. Поговорив с ними, Кальдак нашел, что у них очень интересный взгляд, к примеру, на проблемы жизни и смерти. Он понял, что беседы с чиринальдо во время полета всегда будут нести с собой множество сюрпризов и открытий. Вероятность того, что экспедиционному кораблю придется во время полета вступить в серьезный космический бой, была не так уж велика, но если такое случилось бы, помощь чиринальдо оказалась бы просто неоценимой. Они обращались с системами тяжелого вооружения с непревзойденным мастерством, что было уже неоднократно проверено в боях с Амплитуром.

Считалось, что в случае ближнего боя они явятся достойными соперниками молитарам, самой крупной расе среди народов Назначения. И хотя было известно, что последние выше и сильнее чиринальдо, солдаты Узора всегда шутили, что чиринальдо с лихвой компенсировали недостачу в мускулах отменными мозгами.

Мимо командира и его первого заместителя прошмыгнула стайка юрких о'о'йанов. Их стройные тела и сухощавые конечности двигались с такой же быстротой, что и у массудов, разве что чуть с большей скоростью. Они были приветливы и даже симпатичны, а внешность имели самую безобидную, хотя и несколько непривычную для глаза командира. Язык у них был не очень сложный, но некоторые обороты в нем порой не давались даже прирожденным переводчикам вейсам. Больше всего о'о'йаны предпочитали проводить время вместе с более интеллектуально развитыми гивистамами, на которых довольно сильно походили внешне.

При первой встрече с командиром ультравежливые вейсы,

назначенные для участия в экспедиции на корабль, приветствовали его весьма утонченно, в своем стиле. Несмотря на необычайную комфортность корабля, представитель каждой расы чувствовал, что ему здесь чего-то все-таки не хватает. И только вейсы, казалось, великолепно устроились. Впрочем, это было еще одной их примечательной чертой. Кальдак помнил много полуправдивых историй, в которых говорилось о том, что после того, как приходилось оставлять амплитурам очередной разбитый пост обороны, оставшиеся в живых граждане Узора прибывали домой крайне изможденными, грязными и оборванными. Все... за исключением вейсов. Казалось, что бы ни случилось, на их лицах всегда будет официально вежливая улыбочка, а одежда будет чистой даже без складочки, не считая тех, что предусмотрены модельером.

Они говорили на чистейшем языке массудов, хотя Кальдак,— всегда немного недолюбливавший этих рафинированных интеллигентов, — упрямо считал, что у них неестественное, слишком уж академическое произношение. Он вздохнул с облегчением, когда первое знакомство с ними закончилось и его повели к гивистамам.

Последние образовывали самую многочисленную группу на корабле. В основном это были технические специалисты, на которых лежала ответственность за ежедневное функционирование всех систем экспедиционного корабля. Они значительно уступали в росте массудам, хотя по сравнению со средним о'о'йаном или с'ваном выглядели великанами.

Соливик оставила их на несколько минут. По своем возвращении она сообщила, что было бы желательно начать полет без промедления... разумеется, с соизволения командира экспедиции. Кальдак распорядился дать сигнал к отправлению. Он поручил вести корабль Соливик, будучи уверенным в том, что с помощью ответственного за навигацию с'вана и гивистамских инженеров, обслуживавших двигательные установки, все у нее пойдет хорошо. А сам он вернулся к разговору.

У гивистамов особенно бросались в глаза при первом знакомстве их чуть выпуклые раскосые глаза и ярко-зеленая шкура. И вообще внешность у них была колоритная, хотя и совершенно не соответствовала складу характера. У них были

длинные, узкие пасти, — гораздо длиннее, чем у массудов, — с полным набором острых зубов. Сухощавые руки и сильные ноги делали их хорошими спортсменами. Бегунами, но не прыгунами. В тех случаях, когда на гивистамах не было одежды, — они носили тонкие, суперпрочные туники, — их крепкая, покрытая чешуей кожа отливала металлическим оттенком. Накладные карманы, которых было великое множество, оттопыривались всевозможными инструментами и устройствами, без которых не мог обойтись ни один технический специалист, разделяющий со своими коллегами ответственность за нормальную работу всех корабельных систем и инженерное обеспечение полета. В жизни гивистамы отличались от представителей других рас тем, что большую часть времени что-то без конца недовольно бормотали себе под нос. Пожалуй, это нельзя было назвать конкретными жалобами, а скорее ностальгическим ворчанием, — они постоянно обращались в своих мыслях к покинутому дому, тревожились о нем сверх всякой меры, всячески проклинали разлуку с близкими, — которое, однако, совсем не мешало им проделывать своими ловкими пальцами просто филигранную техническую работу.

Это были высококлассные специалисты, тем более ценные, что никогда и ни от кого не брезговали получать приказы. Даже от с'ванов, чье фривольное поведение и едкие остроты, коробили души гивистамов, воспитанных в условиях строгих и торжественных традиций своего родного мира. Из всех рас, составляющих Узор, гивистамы, пожалуй, больше других отдавали себя борьбе с Амплитуром. Даже больше, чем солдаты-массуды. Ими овладевал панический ужас при мысли о том, что когда-нибудь их могут интегрировать в Назначение, мистическое предначертание которого и результат им были непонятны.

Среди народов Узора было очень распространено присловье, в котором говорилось о том, что если корабль ведет с'ван или массуд, это судно может достичь больших успехов в боях, сможет совершать немыслимые по сложности маневры и выполнять любую боевую задачу, если же корабль управляется гивистамом, то такой корабль всегда вернется домой.

И наконец были на экспедиционном судне еще и лепары. Как обычно, представителей этой уникальной расы Узора, —

лепары были амфибиями, — было чрезвычайно сложно разыскать на их рабочем месте. А работали они в тесных, совсем не привлекательных отсеках корабля, где энергия, жара, вода и вонючий воздух создавали такую технологическую атмосферу, которой было не под силу выдержать никому, кроме них.

Наконец Кальдак отыскал их. Вся бригада, включая и своего офицера, развалилась в огромном контейнере с водой, отдыхала, пускала пузыри и наслаждалась тем, что поры их пересохших за время рабочей смены тел вновь освежились влагой. Кальдак, несмотря на эту сцену, не сомневался в трудолюбии лепаров. Он знал их давно и общался с представителями этой расы неоднократно. Нельзя было сказать, что они ему нравились. Лепары вообще никому не нравились. Однако в любом деле их участие оказывалось полезным, ибо они могли выдерживать перепады температур и такую нехватку кислорода в воздухе, которые убили бы любого массуда, гивистама или с'вана прямо на месте. В аварийных ситуациях лепары были просто незаменимы.

Их телосложение не отличалось не только красотой, но даже правильностью. Тела были короткие, коренастые. Лица имели широкие и грубоватые черты. Там, где у массудов обычно росли бакенбарды, у всех лепаров находились жабры, чем-то напоминавшие птичьи перья. Глазки были маленькими и черными, шкура всегда лоснилась и была неприятно скользкой на ощупь. Цвет, — темноватый, — не добавлял ей привлекательности. Да, они были уродливы. Этого Кальдак не отрицал. Но эта уродливость, если так можно выразиться, была необходима и функциональна. Так создала их природа, ничем не украсила, но и не дала ничего лишнего.

Они приветствовали командира корабля на скверном ломаном языке массудов, делая тем самым смелую, но полностью провалившуюся попытку общаться без неудобного для них транслятора. Вообще это было особенностью данной расы: лепары всегда стремились делать то, чего не умеют. Говорить на других языках с беглостью вейсов, обслуживать корабль на уровне гивистамов, хотели даже воевать, как массуды. У них, разумеется, ничего не получалось, и когда это доходило до их

несложного сознания, они возвращались к своим непосредственным обязанностям.

Их пронзительные взгляды маленьких черных глазок смутили его и заставили отвернуться в другую сторону. На них, как правило, было очень мало одежды, что было вполне понятно: трудно ходить в нарядах, если ты амфибия и у тебя постоянно влажная, скользкая кожа. Среди всех рас Узора только у лепаров были длинные хвосты. Предмет всеобщего любопытства и даже нескромных шуточек.

Кальдак напомнил себе, что отныне не должен руководствоваться личными симпатиями и антипатиями. Это члены его команды, и он, как капитан, не может воротить от них глаза. В конце концов лепары исполняли на корабле самую опасную и черную работу. При этом делали все до конца, добросовестно и никогда не жаловались на свою незавидную судьбу. В отличие от гивистамов, например. Вклад лепаров в общее дело был равнозначен вкладу представителей других рас.

Он повернулся к ним снова и — в который уже раз — задался мысленным вопросом: о чем они переговариваются постоянно на своем утробном, непевучем языке? Что лежит за взглядами этих глуповатых на первый взгляд черных глаз?

Ухватившись за первый попавшийся предлог, он спешно покинул их, чему они, казалось, нимало не огорчились. Им не требовалась любовь или привязанность по отношению к себе со стороны представителей других рас. Им хотелось только одного — чтобы их оставили в покое и не мешали работать. А работали они хорошо. Чего все на корабле от них и ждали.

Если честно, то меньше всего оправдывали свое присутствие на корабле солдаты-массуды, соотечественники командира. Поскольку, во-первых, вероятность заварухи была невелика, и поскольку, если заваруха все-таки случится, то скорее всего это будет космический бой, — для которого потребуется задействование систем тяжелого корабельного вооружения, которым заправляла чета чиринальдо, — во-вторых. Но Кальдак был рад присутствию на корабле своих соотечественников. Потому что это все же были его соотечественники.

Официально боевой группой массудов командовала Соливик, но было совершенно ясно: если дело дойдет до военных действий, командиром будет он, Кальдак. Все-таки он

солдат, а не космонавт. Поэтому и переложил задачи непосредственного управления полетом на двух с'ванов.

Их не уязвляло это положение. Если между массудом и гивистамом или массудом и о'о'йаном трения в отношениях порой могли возникнуть, то поссориться со с'ваном было в принципе невозможно. Даже если бы Кальдак этого очень захотел. Назревавший серьезный спор всегда рассыпался до основания после легкой остроты или небрежного шутливого замечания, отпущенного остроумным с'ваном. В юморе эта раса достигла высот настоящего искусства, что, однако, нисколько не мешало быть этому юмору весьма ядовитым.

Кальдаку всегда было интересно выяснить для себя природу этого остроумия. Он хотел узнать, врожденная ли это черта с'ванов или благоприобретенная в целях выживания? Эта раса славилась своим интеллектом и умелой колонизацией новых миров. И, однако, несмотря на это, массудам или гивистамам, при желании, ничего не стоило бы перебить физически всех с'ванов до единого.

Подобные размышления напомнили ему предупреждение Соливик о том, что во время полета он будет слишком занят улаживанием споров между членами команды и просто не останется времени на что-либо личное.

Ну, что ж, по крайней мере с кораблем не возникало никаких проблем. Это было технологическое чудо, вобравшее в себя все самые последние достижения науки Узора. И поскольку судно не строилось специально, как военный корабль узкого назначения, в нем можно было найти много места для отдыха и ниш, в которых удобно было предаваться философским размышлениям.

Корабль действительно был необычайно просторный. На нем нашлось немало прохладных и влажных помещений с сумрачным освещением, которое было так по вкусу гивистамам, что при этом ни в коей мере не ущемляло с'ванов, которые не выносили ни холода, ни влажности, ни сумерек. Обычные корабли Узора были рассчитаны на среднего гражданина содружества, — что примерно соответствовало параметрам расы о'о'йанов, — и высокие массуды чувствовали себя там немного не в своей тарелке. На борту экспедиционного корабля и

о'о'йанам и массудам было хорошо, ибо каждый имел возможность сесть в кресло, рассчитанное именно на него.

Комфортность, однако, не должна была расслаблять команду, и Кальдак постоянно поддерживал в ней боевой дух. Они не рассчитывали встретить в полете амплитуров или кого-нибудь из их союзников, но, во-первых, их расчеты могли спокойно не оправдаться, а во-вторых, никто не знал, кого они могут встретить? Может, этот неизвестный сектор Галактики населяют цивилизации, каждая из которых будет пострашнее всех народов Назначения, вместе взятых?.. Готовиться надо было ко всему. Кальдак это хорошо понимал как профессиональный солдат и поэтому не терял бдительности.

После того, как корабль вошел в пределы субпространства, Кальдак обнаружил, — неожиданно для себя, — что работа просто разрывает его на части. Но даже будучи сверхзанятым, он находил свободные минуты для общения со своей подругой. Все время, отпущенное на отдых, он проводил с Яруселкой. Ему было очень приятно узнать о том, что его подруга очень легко и хорошо сошлась с Соливик. Путешествие обещало выдаться длительным, и он был рад, что у Яруселки, мечтающей о детях, есть подруга, которая старше ее и уже в свое время рожала.

Осознавая это обстоятельство, Кальдаку было гораздо легче жить и работать.

5

По поводу ежедневного распорядка жизни на корабле и задач экспедиции между членами экипажа частенько возникали дискуссии и споры. В такие минуты рядом всегда оказывался кто-нибудь из вейсов, которые в силу своей профессии недолюбливали электронные трансляторы, не доверяли им и считали, что в отличие от этих устройств переводят значительно качественнее, не упуская ни нюансов речи, ни междометий. Не спорили, пожалуй, только об одной вещи — курсе корабля. Он был рассчитан и утвержден лучшими астрономами Узора задолго до отправления экспедиции. Командиру корабля было

предписано продвигаться указанным маршрутом и посещать все звездные системы, которые будут попадаться на пути. Все без исключения, ибо, находясь в своих обсерваториях, астрономы не могли определить с точностью, какое солнце имеет планеты, а какое нет, на какой планете есть жизнь, а на какой нет.

Кальдак не рассуждал, тем более, что из субпространства не мог многое разглядеть. Даже если та или иная планета казалась не приспособленной для жизни, ее все равно требовалось исследовать, ибо сама жизнь — вещь, имеющая всевозможные, в том числе и невероятные проявления. Например, отсутствие кислородно-азотной атмосферы не могло служить доказательством безжизненности мира, ибо ученым Узора были известны цивилизации, прекрасно обходящиеся без кислорода. Таковыми были чиринальдо, которые дышали гелием и представляли собой наиболее яркое исключение из общих правил. Всем было хорошо известно, что лепары являются амфибиями, которым достаточно для жизни того ничтожного количества кислорода, который присутствует в воде. Ученые знали и о существовании жизни, — правда, не разумной, — которой вообще не нужен был кислород, хотя она могла развиваться и в условиях кислородной атмосферы.

Можно было предположить в этом вопросе и нечто более экзотическое. Например, среди рас — союзников Амплитура, была цивилизация, представители которой дышали метаном!

Словом, каждая звездная система, имевшая планеты, должна была быть обследована, чтобы, чего доброго, не пропустить меж пальцев полезный Узору мир.

Кальдак редко когда внешне выдавал свою неуверенность. Ему было трудно быть командиром экспедиции. А еще труднее — осознавать, что ты менее опытен, чем те, которыми командуешь. Представители других рас ничего не подозревали о своем капитане, ибо знали, что массуды всегда нервны, всегда у них что-нибудь подергивается или шевелится. И только соотечественники видели, что что-то неладно. Действительно: конечности массудов всегда находились в движении. Пальцы сжимались и разжимались, мышцы рук сокращались и расслаблялись, ноги не знали покоя. Причем движения были

порывистыми, резкими и совсем не походили на плавные манипуляции гивистамов или томно-апатичные жесты вейсов.

Впрочем, его приказы всегда были четкими, строгими и обязательными к выполнению. Так что корабль, не испытывая технических проблем, — так же как команда, погрязшая в проблемах психологических, — уверенно продолжал развивать полет в непроницаемом субпространстве.

Как только впереди появлялся новый мир и экспедиционному судну нужно было материализовываться в обычном пространстве, проводились четко расписанные по графикам и планам процедуры. Независимо от того, что из себя представлял объект, — будь то газообразный гигант, его луна или просто маленькая планетка, — корабль занимал орбиту, находящуюся на удалении, по крайней мере, нескольких планетарных диаметров. Производилась маскировка, чтобы корабль не был обнаружен с планеты. Для этого вводились в действие специальные устройства, которые обволакивали судно со всех сторон непроницаемым облаком яркого света. Этот свет астрономы на планете могли принимать за новую звезду, за комету или горящий метеорит, словом, за все что угодно, только не за чужой корабль.

Обычно достаточно было произвести один облет вокруг экватора и добавочный — от полюса к полюсу, чтобы установить, что мир необитаем. Присутствие низших форм жизни можно было обнаружить с орбиты, не совершая посадки, что Кальдак и распорядился делать, к величайшему возмущению и огорчению биологов-гивистамов, которые рвались собирать коллекции биообразцов в каждой экосистеме.

Кальдак сочувствовал и симпатизировал желаниям ученых, однако разрешения на посадку не давал. Программа полета была очень загружена, и не следовало от нее увиливать во имя научных изысканий. Если победа будет за Амплитуром, все эти биоколлекции можно будет смело выбрасывать на свалку. Он всегда напоминал, что основной их задачей является поиск потенциальных союзников в войне, какими бы ограниченными их возможности ни оказались. Поиск потенциальных союзников, а не изучение чужой природы.

Бывали минуты, когда он углублялся в размышления о себе и той работе, которую выполняет. Он тревожился. Но не пото-

му, что делал не свое дело, — его готовили, как солдата, всю сознательную жизнь, — а потому, что не мог определить: хорошо ли он его делает. На войне оценка приходит сама собой. Либо победил, либо проиграл. Но в новом деле не содержалось таких четко обозначенных вех успеха или неудачи.

То же самое получалось, если сравнить с любимым бегом. Когда несешься на скорость, преодолевая силу тяжести и усталость в ногах, мерилом успеха является показание секундомера.

Он также не знал, должным ли образом разнимает возникающие на корабле споры и распри?

Больше всего хлопот доставляли гивистамы и лепары. Гивистамам от природы был присущ критицизм, и они порой вконец донимали медлительных амфибий. Лепары отличались большим терпением, но и их можно было вывести из себя. Споры разгорались все жарче и в любой миг грозили обернуться дракой. А Кальдак знал, что в стычке приземистому и более крепкому лепару никак не будет удаваться намять бока более ловкому гивистаму. Это разозлит амфибию еще больше и дальнейшее уже может развиваться по совершенно непредсказуемому сценарию.

Как-то Кальдак обратил свое внимание на то, что в последнее время ему что-то уж слишком часто приходится вставать между спорщиками. Правда, все заканчивалось, как правило, хоть и шумно, но мирно. Он был солдат и за многие годы тренировок воспитал в себе те качества характера, которые насущно необходимы для солдата. В улаживании же споров ему приходилось отыскивать в себе совершенно другие, незнакомые черты. Черт возьми, он с большей охотой согласился бы быть одним из спорщиков, чем рефери. Тем более, когда разнимать приходилось представителей иных рас.

Обычно все заканчивалось тем, что гивистам убегал с поля боя, что-то нечленораздельно и недовольно насвистывая себе под нос. А лепар неспешно удалялся к себе и при этом у него был такой вид, как будто ничего не произошло. Командир же оставался стоять на месте, как последний дурак, и спрашивал себя, дало ли его вмешательство положительный результат или нет. С соплеменниками все было гораздо проще. По крайней мере, можно было понять, убедил ты его или нет.

Все чаще и чаще его стала посещать мысль о том, что он не соответствует своей должности. Такие думы были очень опасны. Слава Богу, что Яруселка всегда оказывалась рядом и готова была — нежностью и любовью — отвлечь его от неприятных размышлений. Соливик же всегда могла что-то подсказать, дать хороший совет. Кальдак мог также положиться на поддержку двух других замов — Т'вара и З'мама.

В этой связи, пожалуй, следует отметить в с'ванах еще одну их особенность. Для того, чтобы они стали тебе настоящими друзьями, нужно было всего лишь почаще являться к ним в угнетенном состоянии духа, выказывать свою неуверенность в чем-то, демонстративно терзаться сомнениями. Они любили всем давать советы. Хлебом не корми, а посоветовать дозволь. Создавалось такое впечатление, что им это присуще от рождения, что это для них физиологическая необходимость, как, например, дыхание. И сносить это можно было только поткольку, поскольку их советы, как правило, оказывались верными.

Проблемы, с которыми стала сталкиваться экспедиция в первые дни, все были в пределах предполагаемого и допустимого. Короче, все шло довольно гладко, и Кальдаку не на что было в этом смысле посетовать.

Они исследовали дикое количество мертвых миров, вымывая из них, как из пустой шлаковой породы, планеты, на которых поддерживалась та или иная форма жизни. Таких планет тоже хватало. В одной звездной системе экспедиция задержалась чуть дольше обычного. Дело в том, что между внешними двумя газообразными гигантами и двумя внутренними иссушенными скалами вертелись три планеты, и на всех трех развивалась жизнь! Специалисты в один голос утверждали, что этот факт беспрецедентен.

Гивистамы и с'ваны от науки перепробовали все способы,— кроме разве что открытого бунта, — чтобы убедить командира остановиться тут на время и тщательно изучить все трио. Они говорили, что больше такой возможности им никогда не представится, что сравнить формы жизни на трех планетах между собой — крайне важная задача, стоящая перед всей наукой Узора и что они готовы перерыть носами все три удивительных

мира. И снова — в который уже раз! — Кальдак ответил на эти излияния категорически, но вежливым отказом.

Все три планеты были исследованы с орбиты, и пришло время отправляться дальше. Ворчание ученых продолжалось и в субпространстве, хотя по мере удаления от вожделенной системы оно и становилось все тише и тише. Все знали, что спорить с массудом, что-то ему доказывать — бесполезное занятие. Вот если бы руководителем экспедиции был назначен с'ван, тут можно было бы еще о чем-то говорить.

Кальдак догадывался об этих мыслях и с благодарностью вспоминал Брана, который заявлял, что интересы экспедиции требуют присутствия на руководящем посту именно массуда. Потому что он упрям и не позволит никому отклоняться от главной цели.

Недовольство научного отдела экспедиции окончательно угасло после того, как они наткнулись на новый мир, на котором была не просто жизнь, а разумная жизнь!

Население открытой планеты внешне довольно сильно напоминало гивистамов, хотя цивилизация была еще настолько незрела, что всем сразу стало ясно: от этих помощи и пользы ждать не следует. Аборигены жили племенными сообществами, занимались самой примитивной охотой и собирательством, и их цивилизация находилась на уровне копий и топоров. В результате предварительных контактов удалось записать их несложный язык, который вейсы расшифровали во всех тонкостях за пару дней.

Аборигены встретили пришельцев как богов и упорно отказывались верить в то, что это такие же смертные существа, как и они сами. Кто-то из ученых с убеждением в голосе заявил, что этой цивилизации потребуется еще несколько тысячелетий развития, прежде чем она станет хоть чем-нибудь полезной народам Узора в их борьбе со злом Назначения. После этого все участники экспедиции заметно приуныли. Особенно гивистамы, у которых в эти дни начался очередной и очень сильный приступ ностальгии.

Корабль продолжил полет, выныривая из субпространства вблизи то одного, то другого мира и ни на йоту не уклоняясь от того маршрута, который был заложен в его навигационные компьютеры лучшими из астрономов Узора. Команда то

приободрялась, то сникала. Эти перепады настроения приобрели регулярность и предсказуемость. Кальдак начал все больше склоняться к мысли о том, что на командирское кресло следовало сажать не его, солдата, а какого-нибудь именитого психолога.

Среди всей команды только одно существо никогда не доставляло никаких хлопот командиру. Это был Пасийакилион.

Когда Кальдаку хотелось уединиться ото всех, включая Яруселку и Соливик, — да, да, и такие бывали минуты, — он всегда шел к турлогу, в его скудно освещенную искусственную нору. Тот всегда сидел в самом дальнем ее углу на корточках. Один глаз, чуть колыхавшийся на длинном черенке, был устремлен на входящего, а другой внимательно смотрел в раскрытую книгу. И хотя Кальдаку казалось, что Пасийакилион совершенно игнорирует его, он точно знал, что внимание турлога строго равномерно распределено между его персоной и чтением.

У турлогов были инфлексивные экзоскелеты, как у ракообразных. Этот нелепый каркас весьма и весьма стеснял движения турлога. Большие, неуклюжие клешни были мало приспособлены для совершения самых простейших манипуляций. Как, например, нажатие кнопки, обращение со столовыми приборами. Специальные устройства усиливали и одновременно переводили скрипучий голос Пасийакилиона и то, что он говорил. По сравнению с турлогом самый неуклюжий и неповоротливый лепар из корабельной команды рабочих выглядел самим воплощением грации и изящества.

На появление командира турлог, как правило, никак не реагировал. Даже не приветствовал гостя. На минуту в этой берлоге воцарялась пауза, которая только Кальдаку казалась неловкой. Затем командир произносил четко и раздельно приветственные слова. Только после этого его вознаграждали ответом, лишенным не только воодушевления, но и вообще каких-либо чувств. Командир никогда не мог определить, сколько внимания турлог уделяет его визиту и сколько своим собственным делам. Глаза этого существа обычно были повернуты в совершенно разных направлениях. Создавалось впечатление, что Пасийакилион целиком поглощен своим чтением, поэтому когда он вдруг отвечал на вопросы капита-

на, того это заставало врасплох. Турлог был самим олицетворением бесстрастности.

Порой Кальдак спрашивал себя: как бы развивались турлоги, имей они более подвижные тела? Наверное, превзошли бы многих из Узора. Но реальность была такова, что турлоги вынуждены были изобретать для себя инструменты, с помощью которых могли есть, отправлять естественные нужды и даже переворачивать страницы книг. А жили они в норах, тускло освещенных бледно-красным светом.

Но здесь было покойно. Командир мог позволить себе немного расслабиться, отвлечься от своих капитанских забот и поговорить при помощи транслятора с самым незаметным и спокойным членом своей команды.

Иногда турлог ему даже отвечал!

Разочарование и скука, владевшие участниками экспедиции, постепенно сменялись возбуждением и ожиданием, по мере того, как корабль приближался к небольшому мирку, оборачивавшемуся вокруг солнца средних размеров. К небольшому мирку, который был родиной не просто разума, но и цивилизации!

В результате предварительного наблюдения с орбиты было установлено, что, хотя местная цивилизация еще и не достигла уровня космических полетов, — уж не говоря об овладении движением в субпространстве, — она была вполне подготовлена для установления космического контакта с экспедицией посредством электромагнитных средств связи. С корабля были засечены самолеты, летавшие невысоко над поверхностью планеты и довольно быстроходные наземные средства передвижения. На появление же челнока экспедиции над одним из крупнейших местных городских центров местное население отреагировало со смешанным чувством любопытства и робости.

С установлением контакта медлить не стали, и вскоре была установлена связь непосредственно с лидерами открытой расы. Для обмена формальными приветствиями, а также для первого очного знакомства решено было отправить на планету с'вана и вейса. Кальдак, — как и Соливик, — не вошли в эту контактную группу, так как опасались, что произведут своей внушающей внешностью устрашающий эффект на местных

жителей. По опыту общения с другими расами ученые Узора знали, что легче всего происходит знакомство, если в нем принимают участие безобидные с'ваны и изящные вейсы. Т'вар был безумно рад поручению, ибо на протяжении всего полета уговаривал капитана совершить где-нибудь посадку.

Кальдак очень беспокоился за судьбу контактной группы. Ведь она была по сути совершенно беззащитна на случай нежелательной крайности. В нее не было включено ни одного солдата, потому что солдатами были великаны массуды. Конечно, командир знал, что с'ван станет драться, если другого выхода не останется, но будет делать это очень неохотно, да и что может сделать один с'ван? Т'вар умен и очень быстро разгадает обман, — если местные жители надумают обмануть пришельцев, — но не будет ли слишком поздно?

К счастью, все его страхи оказались напрасными. Местная раса не замедлила продемонстрировать свою зрелость и дружелюбие. Пришельцев встретили торжественно, как самых дорогих гостей. Вскоре челнок уже совершал регулярные рейсы между кораблем и планетой. Лидеры и ученые открытой планеты побывали на орбите, где получили возможность подивиться достижениям науки Узора и где им была рассказана вся драматическая история конфликта Узора с народами, возглавляемыми Амплитуром.

На этой планете не было привычки накапливать закулисные секреты, так что весь рассказ со всеми подробностями был распространен среди самых широких слоев населения местными средствами массовой коммуникации. Однако этого оказалось недостаточно и Кальдаку, и его товарищам пришлось еще много рассказывать и объяснять дополнительно. Вознаграждение за труды не заставило себя долго ждать: местная раса с готовностью и единодушно высказалась за то, чтобы присоединиться к Узору в его борьбе с амплитуром. Воодушевление было всеобщим и даже переливалось через край. Значит, долгое путешествие не оказалось напрасным! Кальдак в эти дни был очень взволнован, и было от чего.

Местные жители обнаружили неплохие навыки в механике и способность к прогрессивному обучению. Познакомившись с технологией Узора и немного подучившись, они смогут ока-

зать существенную поддержку в войне против Назначения. Солдаты они, правда, были никакие, но Кальдак понимал, что надеяться на удачу еще и в этом было бы уже слишком.

Когда кораблю пришло время покидать этот мир, и местные жители и участники экспедиции вдруг осознали, как сильно успели привязаться друг к другу. Расставание было торжественным, хотя и грустным. Т'вар обещал своим новым друзьям, что вскоре наладится регулярное сообщение между их планетой и народами Узора. Местные жители с большим воодушевлением восприняли эти слова и заявили, что всегда будут рады гостям из Узора и горят нетерпением внести свой вклад в общую борьбу. Их порыв был очень трогателен. Впрочем, тут была и доля здорового расчета: местные жители понимали, что если они останутся в стороне и Амплитур одержит победу над Узором, он рано или поздно наткнется и на их милую маленькую планету.

Приобретение долгожданного нового союзника сильно подняло дух и настроение среди участников экспедиции. Появилась вера в успех начатого дела и в то, что экспедиция уже окупила затраты на себя. Ее участники вернутся домой героями, покрывшими себя славой первооткрывателей. Кальдак вспомнил слова Соливик, сказанные ею в грузовом помещении перед отправкой на корабль, и теперь уже стал верить в них.

Впрочем, командир понимал, что рано еще радоваться и собирать чемоданы. Их миссия еще не окончена. В маршруте, заложенном в бортовой навигационный компьютер, содержалось еще одиннадцать неисследованных звездных систем. Мимо них никак нельзя пройти, несмотря на уже достигнутый успех.

На корабле атмосфера стала заметно живей и легче. Гивистамы меньше ныли и перестали дразнить лепаров. С'ваны благодушествовали, даже скучающие солдаты-массуды развеселились. В разговорах они постоянно твердили о своем желании поскорее вернуться на войну. Им не терпелось получать награды, очередные звания, праздновать боевые успехи.

Наконец, они долетели практически до конечной точки указанного маршрута. Это был район, в котором светило мало звезд и безжизненно висели в черной бездне многочисленные мертвые миры. Ко всеобщему удивлению, аппаратура корабля

запеленговала нечто, что могло оказаться коммуникативными сигналами.

Ничего особенно примечательного в них не было. Ни мощного диапазона, ни силы, ни конкретной направленности. Самые типичные, напластованные друг на друга электромагнитные пульсации. Ничего, конечно, что заставило бы предположить наличие настоящей цивилизации с высоким уровнем развития. Это была бы слишком уж явная удача, на которую никто не рассчитывал, чтобы попусту не тратить нервные клетки. Но в то же время эти сигналы ясно намекали на существование где-то в этих пределах мира, на котором уже освоены электронные средства коммуникации.

Как только эта планета была вычислена корабельными учеными и корабль стал приближаться к ней, сразу же были введены в действие процедуры маскировки и определена орбита на безопасном удалении от планеты в несколько планетарных диаметров. Возгоревшиеся было в сердцах участников экспедиции надежды быстро угасли, когда стало ясно, что эта цивилизация еще не достигла уровня активного освоения космического пространства.

Кальдак понимал, что все уже устали. Теперь уже далеко не одни гивистамы уединялись для того, чтобы без помех поскучать по оставленной родине. Возбуждение и подъем от встречи с радушной цивилизацией, которая согласилась помочь Узору в его борьбе, сменились предсказуемым, но не менее тяжелым от этого упадком. Никто, разумеется, не надеялся на то, что новая раса окажется столь же полезной и приветливой, как и предыдущая. Кальдак и сам здорово устал. Несмотря на его двухразовые беговые тренировки на корабельном треке каждый день, он чувствовал, что начинает терять ту мускульную массу, которую накапливал в себе долгими годами непрерывных упражнений.

Этот мир, судя по всему, будет иметь много общего с предыдущим, но он, видимо, менее развит. На обратное лучше не надеяться, чтобы потом разочарование не было очень тяжким. Командир не имел никакого желания совершать посадку в том мире. С'ваны пусть проведут космический контакт средствами электромагнитной связи с аборигенами. Если они, конечно, окажутся способными на осуществление такого

контакта. Когда все приготовления к изучению открытой планеты были закончены, преобладающим на корабле настроением была смесь скуки и потаенной надежды.

Словом, осторожный пессимизм.

Предварительное наблюдение принесло по крайней мере один любопытный результат: суша планеты была расколота на части. Корабельные геологи тут же взволновались, у них появился интерес.

На корабле потихоньку стали закипать споры о том, может ли вообще разумная жизнь развиваться в таких нелепых геологических условиях природы. Вопрос был разрешен с поступлением первых конкретных результатов исследования. Впрочем, эти результаты, к сожалению, оказались именно такими, какие и предсказывались, и потому никого не удивили: открытая ими цивилизация располагала многими крупными городскими центрами и разветвленной сетью сельского хозяйства, а также космическими спутниками связи. Правда, было одно странное обстоятельство, которое заметили даже неспециалисты.

Решено было произвести не только дежурные экваториальный и полюсный облеты планеты, но и один диагональный. Не столько ради изучения открытой цивилизации, насчет которой участники экспедиции не питали никаких иллюзий, сколько для обследования любопытного геологического строения поверхности планеты.

По мере того, как поступали очередные результаты анализа, становилось ясно, что количество всевозможных отклонений от ожидаемой нормы стремительным образом увеличивается. Кальдака информировали о том странном обстоятельстве, которое привлекло к себе внимание с самого начала. Дело в том, что, на взгляд корабельных ученых, наиболее крупные массы населения и наиболее высокая его плотность были отмечены в тех местах, где, — так во всяком случае казалось с орбиты, — условия для жизни далеко не самые подходящие. И наоборот, наиболее благоприятные для заселения участки планеты казались почти мертвыми. Подобные вещи не следовало, однако, воспринимать с округлившимися глазами. На каждой планете жизнь развивается, в принципе, по-своему. Этот мир, например, характерен

уникальной топографией. Разумеется, он привлечет живой интерес специалистов и можно будет впоследствии организовать сюда дополнительную экспедицию, перед которой будет поставлена чисто научная задача.

Уровень технологического развития, достигнутого аборигенами, и вопрос о том, превышает ли он уровень недавно обретенных союзников, вскоре стали предметами оживленнейших споров между участниками экспедиции. Массуды даже стали заключать между собой пари, будучи склонными к подобного рода развлечениям. К ним никто не присоединился. Гивистамы считали азартные игры пустой тратой времени, лепары не постигали их смысла, а вейсы смотрели на это снисходительно, с обычным для них чувством превосходства. Что же касается с'ванов, то они не играли исключительно потому, что могли выиграть.

Дополнительные результаты исследований явились полной неожиданностью для всех. Никто и представить себе не мог такого, не то что ожидать.

— Действительно, очень странно, — говорил Т'вар задумчиво, обращаясь к ученому совещанию, на которое собрались представители научных отделов экспедиции и все заместители командира. Включая и самого Кальдака, разумеется.

Со своего места поднялась руководитель по науке, — это была представительница расы гивистамов, — и стала что-то насвистывать в микрофон своего транслятора. Присутствующие живо настроились слушать перевод того, что она собиралась сказать.

— С'ван преуменьшает значение открытого явления. Это не просто странно, это потрясающе! На данный момент мы записали на свою аппаратуру... по меньшей мере пятнадцать разных языков этой планеты.

Соливик нервно дернула носом.

— Не вижу в этом ничего удивительного. На многих известных нам мирах существует сопоставимое количество диалектов.

— Речь сейчас идет не о диалектах, — возразила руководитель по науке. Ее зеленая шкура отливала металлическим блеском. Она была одета просто и строго, без всяких укра-

шений, если не считать привычные для представителей их расы очки, затененные так, чтобы не пострадали от света ее чувствительные зрачки. — Каждое из записанных нами наречий — есть отдельный и вполне сформировавшийся язык. И различия между ними примерно такие же как между языком с'ванов, например, и языком массудов.

Кальдак пришел на совещание, приготовившись к тому, что услышит обычный, пересыпанный сухими цифрами сверх всякой меры доклад одного из ученых, на чем все и закончится. Вышло по-другому. Значит, мало того, что у этой планеты немыслимое геологическое строение поверхности, но к тому же еще и лингвистические проблемы. Он выпрямился в своем кресле с высокой жесткой спинкой и постарался унять дрожь левого уха, которую только что заметил.

— Вы уверены в том, что это все же не диалекты?

— Абсолютно, — подал голос с'ван, который был замом руководителя по науке. — Мы не только тщательно проверили полученные нами сведения и для верности прогнали их по нескольким компьютерным программам, но и получили основания, которые заставляют нас приготовиться к тому, что в процессе продолжения изучения этой планеты мы столкнемся и с новыми языками.

Кальдак сглотнул.

— Неужели? Нет, больше пятнадцати быть не может.

— Кто знает? — возразила руководитель по науке. — Мы и пятнадцать-то еще вчера предположить отказывались. До сих пор считалось, что самой многоязыковой расой среди всех нам известных являются вейсы. А сколько у них отдельных наречий? Шесть! Всего шесть! Сама мысль о существовании на одной планете пятнадцати совершенно разных языков невероятна и фантастична. Но что делать, если таков установленный и достоверный факт?

— Отлично! Но мы здесь вовсе не для того, чтобы заниматься лингвистическими проблемами, — сказал Кальдак и, поморщившись, глянул на экран, где была расписана схема проведения всех исследований. — Галактика очень велика и в ней можно встретить столько исключений, что само их количество может заставить радикально изменить правило. Мы должны быть готовы ко всему, ко всяким неожиданностям

и невероятностям. Возможно, где-то дальше существует цивилизация, располагающая еще большим количеством языков.

Массудам, например, всегда хватало одного основного языка и нескольких диалектов. Кто знает, может, записанные вами языки не равнозначны между собой. Может, не универсальны. Может, это профессиональные арго? Предположим, язык для науки, язык для торговли. Я, конечно, не историк лингвистики, но, по-моему, прецеденты подобному уже случались. — Он поднял глаза на присутствующих. — Что скажут вейсы?

— Мы поставлены в тупик, — сказала главный переводчик, бросив на командира взгляд с оттенком традиционного превосходства. На запястьях ее тоненьких рук мелодично брякали браслеты, а накидка была богато разукрашена диковинными рисунками. Кальдак слышал, что на Чичунту такие накидки — что-то вроде знаков различия. Во всем чувствовался вкус и изящество. Без этого у вейсов не обходилось.

— Ваше замечание, капитан, относительно того, что языки могут использоваться лишь в узкой профессиональной сфере, может оказаться справедливым. Однако работа, проведенная мной и моими коллегами, скорее свидетельствует об обратном.

В последней фразе чувство превосходства вейсов над другими особенно выпятилось. Кальдак стерпел на этот раз, хотя и с трудом.

— Разумеется, это лишь предварительные выводы, но они основаны не на предположениях, а на тщательно проведенном анализе. По крайней мере пять языков из записанных нами полностью отличаются от всех остальных и друг от друга. Они вполне сформировались, обладают богатыми выразительными средствами, сложными правилами... Словом, это самостоятельные языки на сто процентов. Что касается остальных десяти, то в них слишком много общего, чтобы можно было назвать их различными профессиональными арго. Вдобавок могу сказать, что есть поразительные, хотя и редкие «переклички» между первыми пятью языками, которые совершенно отличны один от другого.

— И вы полагаете, что языков может быть и больше? — осведомился Кальдак.

Вейс вновь подняла на него свои уверенные глаза.

— В эту самую минуту мои коллеги продолжают собирать информацию на этот счет. Но я скажу так: самые верные сведения о языках этой планеты мы сможем получить, лишь начав более близкое изучение ее населения.

— Подобные просьбы поступили и из других отделов, — сказал Т'вар.

— Опять начинается! — проговорил Кальдак, безуспешно пытаясь скрыть свое раздражение. — Как подлетаем к очередной планете, тут же просьбы! — Его правая бакенбарда нервно задергалась. — Мы проведем лишь самые необходимые процедуры и продолжим программу полета. — Он обвел глазами присутствующих гивистамов. — Хватит пустых разговоров. Что-нибудь еще интересное удалось установить об этой планете?

Главный геофизик поправила свои затененные очки.

— В тектоническом отношении планета гораздо активнее, чем ей следует быть. Возможно, следствием этого будет и нестандартная экологическая обстановка. — Она сделала паузу, как будто собираясь с силами, чтобы сказать следующую фразу. — Мы обнаружили действующие вулканы! Также установлена слишком сильная активность в земной коре и мантии.

— О! Неужели? — потрясенно пробормотал Т'вар. — И это на обитаемой-то планете?! Невероятно! У них, видимо, сильно развито мужество...

Кальдак сделал знак своему заместителю, чтобы тот замолчал, и потом кивнул главному геофизику, чтобы та продолжала.

— Мы привыкли к мирам, где суша монолитна и окружена водой. Плюс несколько мелких островов. Здесь же мы наблюдаем совершенно иную, непривычную картину. Для того, чтобы испытать чувство крайнего изумления, не нужно специальной аппаратуры: все отлично видно в иллюминаторы. Этот мир по праву можно называть сокровищницей геологических аномалий. Взять, к примеру, высокие горы, которые растут здесь на краях материков вместо того, чтобы быть расположенными в центре, к чему привыкла наша наука.

Первоначально мы предполагали, что суша была расколота в результате мощного воздействия кометы, однако позже мы

стали склоняться к тому, чтобы объяснить это с точки зрения тектоники. Кроме того, установлено, что местная луна ненормально приближена к столь малому небесному телу, как эта планета. Впрочем, и этому можно найти объяснение. Если поискать.

Руководитель по науке кивнула.

— Конечно, все это лишь самые предварительные выводы, основанные на самых предварительных анализах. Возможно, при очном контакте местные жители сами смогут пролить немного света на загадки своей планеты.

Кальдак резко повернул к ней голову.

— Мы получим дополнительные сведения по возвращении дистанционного зонда. Нам следует произвести намеченные облеты планеты по трем направлениям... Но на этом, возможно, придется, закончить. У нас есть программа полета, которую мы должны выполнять. Ни одному научному отделу не разрешаю проявлять излишнюю активность. Будем помнить о том, что это не чисто научная экспедиция и даже не столько научная, сколько иная. — Он увидел протестующий жест главного геофизика и ответил: — Мы вернемся к этой планете в последующих полетах. Когда будем располагать и достаточными возможностями и достаточным временем. Но сейчас — нет.

Я понимаю, что здесь нас ждет масса интересных открытий, но мы не имеем права забывать о нашей основной цели. Если облеты корабля вокруг планеты и результаты, доставленные зондом, позволят предположить, что эта цивилизация может стать нашим союзником, значит, мы пойдем на контакт. Но... Мы уже нашли одного союзника, который, увы, еще не освоил даже полетов в субпространстве. А эта цивилизация, судя по всему, еще менее развита.

Каждый должен заниматься своим делом строго по временным графикам. Я не допущу, чтобы вы употребляли время на то, что не предусмотрено программой полета. Это, естественно, касается и меня. — Он глянул на руководителя по науке.— Рассчитываю на то, что гивистамы доведут все процедуры с этой планетой до конца.

Гивистам кивнула.

Кальдак откинулся на спинку стула, поняв, что сопротивление ученых погасло, так и не разразившись бурей.

— Подозревать можно что угодно. Теоретизировать можно сколько угодно. Но я не дам лингвистам и геологам преимущества перед, скажем, ботаниками и гидрологами. Да и с какой стати? Мы только приступили к изучению этой планеты и пока еще очень рано говорить о том, к какой области будет относиться самое важное из сделанных нами открытий. Надеюсь, я правильно понят?

Все показали различными жестами, кивками и знаками, что командир понят правильно... Во всяком случае просто понят. Гивистамы в подобных случаях проявляли особую ершистость. Для предотвращения этого он взвалил на них все процедуры по изучению планеты и загрузил их своими распоряжениями и требованиями. У них только головы опустились. Насчет с'ванов и вейсов он не беспокоился. Эти сами сдадутся.

Совещание подошло к концу.

Пятнадцать языков. Пятнадцать совершенно разных и отдельных языков. Его голова склонилась чуть налево, как бывало всегда, когда он о чем-либо крепко задумывался. Зачем расе, населяющей одну планету, изобретать пятнадцать языков для эффективного внутреннего общения? Почему так много? Это казалось такой же бессмыслицей, как и удивительная топография этого мира.

К счастью, скоро должен вернуться дистанционный зонд. Он привезет с собой самые свежие и конкретные результаты, и многое прояснится. На корабле имелось несколько подобных автономных летательных аппаратов небольших размеров. Зонды были способны осуществлять разведывательные полеты и при хорошей, и очень неблагоприятной погоде. Они были очень эффективными сборщиками интересной информации с поверхности той или иной планеты.

С орбиты удалось засечь воздушное движение над поверхностью планеты. Но за зонд беспокоиться не стоило. Он никогда не столкнется с самолетом. Исследует один, — может, даже два — материка планеты и вернется на корабль. После тщательного анализа принесенных им сведений они смогут решить, как, когда и где посадить челнок для организации первого контакта. Если повезет, то аборигены смогут предо-

ставить экспедиции много интересного. Помимо наличия у них пятнадцати языков.

6

Его разбудили в середине ночи. Он ничего не мог сказать Яруселке. Просто соскочил с высокой спальной платформы и стал лихорадочно одеваться под ней. Нет, дело не в том, что он был чем-то встревожен и нервничал. Массуды все в своей жизни делали быстро и лихорадочно. Он помыл глаза, и как мог привел себя в порядок.

Т'вар ждал его в коридоре. Едва капитан вышел из своих покоев, как со стороны с'вана на него посыпался целый поток извинений. Кальдак с трудом сдержался, чтобы не раскричаться. Вызов не оторвал массуда от секса, ибо он успел позаниматься им в первую половину ночи и к следующему акту Яруселка была бы готова только под утро. Но все равно он был огорчен. Сон был жизненно важен для массудов, ибо во время бодрствования, — даже не переживая особенных волнений, — они тратили очень много нервной энергии. Без сна никакой массуд долго не протянет.

Когда они вступили в кабину лифта, чтобы подняться в командный центр, Кальдак заказал себе по дистанционному устройству дополнительный ужин. Пища в какой-то степени могла компенсировать недостаток в сне. Как только капитан появился из лифта и зашагал по коридору, все сменившиеся с вахты офицеры, чувствуя его нехорошее расположение духа, стали предупредительно освобождать дорогу, прижимаясь к противоположным стенам. С'вану приходилось бежать, чтобы не отстать от командира. Он стал задыхаться. Наконец, Кальдак заметил это и сократил шаги, испытывая смущение за свое пренебрежение к коротконогому коллеге.

— Надеюсь, дело важное? — раздраженно спросил он на ходу.

— Разве я стал бы будить вас, если бы не думал, что это важно? — обиженно ответил вопросом на вопрос с'ван.

— Вы думаете, что дело важное, или оно важное? На мой

взгляд, между этими двумя понятиями есть существенная разница! — Кальдак сейчас был не в настроении к восприятию тонкостей языка. — Объясните.

— Речь идет о дистанционном зонде...

— Уже вернулся? — Губы Кальдака поджались, обнажив острые зубы. — Почему так рано? Решили, что больше там ничего интересного не будет?

— Нет, тут другое...

Они подошли к командному центру. Кальдак сразу обратил внимание на непривычное оживление персонала, состоявшего, главным образом, из гивистамов. Там было несколько с'ванов и его соплеменников массудов. Те тоже выглядели взволнованными. Техники-специалисты о'о'йаны крутились и вертелись вокруг своих более представительных коллег, словно бабочки над цветами.

— Ну и что?

— Нет, не вернулся.

Кальдак остановился. Специалисты были так заняты разговором между собой, что не заметили поначалу приближения командира и его заместителя.

— Что вы имеете в виду, черт возьми, говоря, что зонд не вернулся?!

Дистанционные летательные аппараты конструировались специально с тем расчетом, что им придется находиться в тяжелых, непредсказуемых условиях неведомых миров. Поэтому все приборы, — в том числе и двигательные, — в них были дублированы. Это казалось надежной гарантией от любых неожиданностей. Впрочем, пока Кальдак не услышал ничего определенного, если не считать не очень уверенных заявлений работников персонала.

— И для этого вы подняли меня с платформы в такое время?! — изумился и рассердился командир. Он не дал Т'вару возможности ответить и продолжил сам: — С подобными ситуациями должны уметь справляться мои заместители. Пошлите второй зонд и узнайте, черт возьми, что стряслось с первым. Никто из вас еще не задумывался о том, что это скорее всего связано с механической поломкой?

— Персонал полагает, что дело тут не в простой поломке,

командир. Они не уверены, но... Последняя информация, пересланная нам зондом, была очень тревожного характера...

— Тревожная информация?! Какая?

— Визуальная. — Только в эту минуту Кальдак заметил, как сильно преобразился прежде всегда веселый с'ван. Кадры во многом говорят сами за себя.

Обнажив сомкнутые зубы, Кальдак решительно прошел вперед. Офицеры и простые работники расступались перед ним, освобождая место. Он зашел в самую их гущу и потребовал объяснить ему наконец, что происходит. Т'вар же залопотал что-то на своем языке, обращаясь к З'маму. Кальдак не стал за это упрекать своего заместителя. Не было времени. К тому же он понимал язык с'ванов. Он страстно желал, чтобы все это наконец закончилось, разъяснилось, чтобы он мог вернуться на спальную платформу, где его ждала подруга.

Офицер кивнул на коммуникационный экран.

— Мы сейчас покажем вам, командир, что передал зонд непосредственно перед тем, как мы потеряли с ним контакт.

Кальдак подался вперед.

На экране появилось изображение. Стало видно, что зонд на высокой скорости летел над почти ровной, заросшей лесом территорией. Земля появлялась урывками из-за плотного облачного слоя. Общий вид был удивительно спокойным и мирным.

Полет продолжался. Вот зонд пролетел последовательно над несколькими городами. Внизу стали различимы дороги, во все стороны расходившиеся от крупных населенных пунктов. Значит, на планете была довольно хорошо развита примитивная система наземного транспорта...

Вдруг, ни с того ни с сего, картинка зарябила и задрожала. Через пару секунд ровное изображение возобновилось.

Не отрывая глаз от экрана, Кальдак обратился к офицеру, который осуществлял просмотр, и к его коллегам, сгрудившимся вокруг командира:

— Что это было?

Между двумя гивистамами на первый план пролез техник о'о'йан. Его транслятор, висевший на груди, загудел:

— Поначалу мы думали, что зонд захлестнул сильный порыв местного ветра. Потом остановились все-таки на вре-

менной неисправности аппаратуры. Как вы можете видеть, зонд автоматически переключился на запасную камеру и продолжает полет в соответствии с графиком, хотя в высоте чуть потерял...

— Вот тут начинается самое странное, — негромко сказал офицер. — Вот...

Гивистам наклонился вперед и получше настроил изображение.

Картинка замедлилась — офицер переключил аппарат на более низкую скорость, чтобы можно было рассмотреть без помех. Он ткнул в экран пальцем и взволнованно прошептал:

— Смотрите!

В правом верхнем углу экрана показался небольшой объект. Вскоре картинка дико заплясала, перевернулась, затем еще раз, еще... После двух-трех секунд штопора изображение исчезло. Экран погас.

Кальдак выпрямился.

— И все же я по-прежнему полагаю, что все дело в механической поломке. Эти кадры не разубеждают меня в этой версии.

Нетерпеливый офицер, по-видимому, совсем позабыв о том, что командир не с'ван, резко возразил:

— Если бы зонд сам по себе вышел из строя, изображение продолжало бы поступать вплоть до момента удара о землю! Мы тщательно проанализировали всю информацию и пришли к выводу... Словом, вряд ли это механическая поломка.

— Значит, какой-нибудь неизвестный нам местный атмосферный феномен.

— У нас есть основания думать иначе, — подал голос З'мам, выходя вперед. Кальдак молча следил за тем, как его заместитель проматывает последние кадры зонда назад. Вот он ухватился за один кадр, остановил его и увеличил. Из всего увеличенного кадра он выбрал лишь один сектор, — видеоаппаратура позволяла, — и вывел его отдельно на экран в трех измерениях. В самом центре экрана неподвижно завис чужой объект: цилиндрической формы, металлического оттенка, с неким подобием крыльев.

— Эта штука летела на высокой скорости, сближаясь с зондом, — объяснил с'ван. — Как только она появилась, изоб-

ражение исказилось в первый раз. Второе повреждение, как вы сами видели, оказалось для зонда фатальным.

Со своего места подал голос офицер-массуд, который сменился с вахты и зашел сюда на огонек:

— Во всех зондах заложена программа маневра на случай появления чужого летающего аппарата, приблизившегося к зонду на контрольное расстояние.

Кальдак оглянулся на своего соплеменника.

— Неужели ты всерьез полагаешь, что чужак уничтожил наш зонд?!

Ответа не последовало.

— Я внимательно изучал предварительные результаты осмотра планеты. Даже если принять во внимание встретившиеся многочисленные отклонения от предполагаемой нормы, на мой взгляд, не стоит подозревать за этой цивилизацией такой уровень развития, при котором возможно уничтожение такого совершенного аппарата, каким является дистанционный зонд.

Т'вар прокашлялся, привлекая к себе внимание, и запустил одну руку в свою густую черную бороду.

— Я полагаю, командир, что за этой цивилизацией подозревать теперь можно многое. И побольше обращать внимания на отклонения, о которых вы упомянули. Факты говорят сами за себя...

— Никаких фактов нами пока не установлено с очевидностью, — нетерпеливо прервал его Кальдак. — Пошлите другой зонд. С измененной программой. Может, все дело в той территории, над которой пролетал первый зонд? На этот раз пошлите аппарат полетать над другим материком.

Кальдак говорил о разных материках и про себя отмечал непривычность и странность подобной постановки вопроса. Впрочем, геологи на то и геологи, чтобы разрешить рано или поздно эту загадку. Вдруг ему пришла в голову страшная мысль...

— По моему, мы кое о чем забыли. Не нарвались ли мы случаем на один из постов Амплитура?

Заговорил один из присутствующих с'ванов:

— Мы проверили эту версию первой. Никаких оснований считать, что это планета союзников Назначения, не нашлось.

Спутники, которые крутятся на орбите, довольно сложные и в технологическом отношении, однако неизвестного дизайна и конструкции. У Амплитура и его сообщников таких нет. Насколько нам известно, конечно. Кроме того, нам удалось установить, что эти аппараты используются строго для связи земля — земля. Информация извне не поступает, и ни одной межзвездной передачи нами не запеленговано, а это значит, что их и не было ни одной. На орбите некоторых других планет этой звездной системы также расположено несколько исследовательских аппаратов, которые посылают сигналы на эту планету, однако и тут не обнаружено ничего, что указывало бы на причастность народов Назначения.

— Бессмыслица какая-то получается, — риторически заметил Кальдак. — Не задерживайте со стартом второго зонда.

Ему не пришлось вернуться в спальню, на что он еще недавно так сильно надеялся. Вместо этого он провел несколько последующих дней, не выходя из командного центра, наблюдая за подготовкой и пуском второго зонда.

Тот отделился от корабля и строго по графику начал свой длительный и сложный полет.

С того момента, как он вошел в плотные слои атмосферы планеты, на него было обращено внимание всего корабля. Полет протекал вполне нормально, строго в соответствии с заданной программой. Ободрившись этим, дежурный офицер экспедиции по распоряжению командира сделал запись о первом зонде в судовом журнале. Причиной его потери назвали механическую поломку и поставили в скобках знак вопроса.

Второй аппарат делал свое дело без всяких помех, день за днем обозревая все новые территории и передавая на корабль подробную информацию. Его уже собирались было отзывать обратно, как вдруг он исчез. Примерно тем же способом, что и первый. Тщательно проведенный анализ вынес безжалостные итоги: зонд был уничтожен искусственными средствами.

Непривычно мрачный руководитель по науке собрал всех на совещание.

— Наши зонды запрограммированы на случай, если бы представители местной цивилизации попытались установить с ними контакт. Так вот, если бы они действительно попы-

тались это сделать, то получили бы ответ. Однако никакой видимости контакта не замечено. Я прав?

— Совершенно, — ответил второй помощник руководителя по науке, который осуществлял непосредственное наблюдение за обоими зондами. Его чешуйки блеснули на свету. — Насколько нам удалось установить, ни с одним зондом контакт не устанавливался. Их просто уничтожили.

— Я все еще чувствую, что мы кое-что упускаем из нашего внимания, — проговорил Кальдак, обведя строгим взглядом собравшихся за столом специалистов. — А вдруг к этому причастны амплитуры?

Он ничего не знал наверняка, и это его бесило. Он так сильно разнервничался, что его губы и кончик носа мелко-мелко задрожали. Кальдак отвернулся, чтобы не смущать аудиторию. Хотя мог этого и не делать: все представители других рас давно привыкли к этой особенности поведения массудов.

Когда контакт со вторым зондом прервался, корабль был приведен в состояние боевой готовности. Но так вечно продолжаться не могло.

— У нас не такой уж богатый выбор. Мы можем продолжать изучение с орбиты. До тех пор, пока не лишимся всех зондов. Потом вернемся домой, предоставим всю информацию ученым Узора и позволим властям решать, как быть с этой проблемой. Наконец, мы можем остаться здесь и проводить исследование всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

Он равным взглядом обвел аудиторию. Все его напряженно слушали.

— Я бы не принял командование экспедицией, если бы знал, что придется отступать перед трудностями. Мы с вами проделали уже великую работу. И лично я не хочу смазать концовку рейса.

Зонды хороши для наблюдения и считывания информации. Они не могут реагировать на те обстоятельства, которые не были предусмотрены их программой. Значит, это наблюдение в узких, ограниченных рамках, которые требуют, чтобы их расширили. Поскольку аппаратура не в состоянии предо-

ставить нам все интересующие нас сведения, я предлагаю получить их лично.

Комнату тут же наполнил шелест реплик, произнесенных на всех языках Узора. Чувствовалось общее волнение и напряженность. Поначалу именно командир категорически отказывался совершать где-либо посадку, а персонал уговаривал его пойти на это. Затем пропали два зонда. И участники экспедиции тут же поменялись местами. Это произошло потому, что после последних событий в командире проснулся солдат, а в остальных проснулась справедливая тревога.

Один из гивистамов встал и выразил общее настроение персонала:

— Если уничтожены оба зонда, то спускаемый аппарат с живыми существами на борту будет подвергаться той же опасности.

— Об этом я уже думал.

После этих слов шепотки прекратились и все внимание обратилось на капитана. Тот продолжил свою мысль:

— Оба зонда совершали полеты на одной и той же высоте и в рамках заданной программы. Мы не будем вилять, как они, а непосредственно спустимся вниз. Если с планеты осуществляется враждебное нам наблюдение, то они просто не успеют нас засечь. Во время посадки челнок будет частично замаскирован. На земле же его можно будет полностью спрятать от нежелательных глаз... Предположим, наши зонды были действительно уничтожены жителями этой планеты. По опыту обоих случаев мы можем заключить, что им требуется какое-то время для того, чтобы засечь цель и сбить ее. Значит, у них все-таки ограничены возможности слежения и реагирования... Наконец, вспомним, что зонды — согласно программе — осуществляли полеты над крупными городскими центрами. Мы будем в этом смысле более осторожны и подберем безопасное место для посадки.

У Соливик не было возражений.

Т'вар и З'мам выразили осторожное одобрение.

Руководитель по науке и второй его помощник выразили негативное отношение к плану командира. Но это были гивистамы, стало быть, их реакция была предсказуема. Кальдак мог бы обойтись и без их согласия, но он заговорил снова,

желая показать, что заботится о том, чтобы опасность была минимизирована, как только возможно.

— В группу контакта войдут представители разных рас,— объявил он. — С'ваны и гивистамы, на которых будут возложены задачи по наблюдению и накоплению сведений. Отряд массудов на случай осложнений всякого рода на поверхности планеты. И, наконец, вейс в качестве переводчика. Снаряжение и оружие, — в соответствии с целями и характером миссии. И не забывайте о том, что мы все же можем ошибаться в наших заключениях. Может еще оказаться, что в аварии зондов на самом деле повинны метеорологические либо еще какие-нибудь феномены природного происхождения, свойственные этой планете. А то, что мы все видели на экране чужой объект, ничего еще не значит. Кто знает, может, это живое существо? Да, опасное! Да, летающее! Но живое, а не искусственное.

Даже с'ваны были приятно удивлены обстоятельностью речи командира. Ведь обстоятельность не была присуща массудам, и ее можно было ожидать от кого угодно, только не от массуда.

Но у Кальдака не было времени благодарить их за такую реакцию на свое выступление.

— Соливик, вы со З'мамом останетесь на корабле за меня.— Он оглянулся на руководителя по науке. — Посадку следует произвести вблизи одного из тех крупных материков, где пролетали наши зонды, но чтобы наш режим посадки ни в одной точке не пересекался с их курсом. Не станем подставляться. Итак, вблизи материка. Достаточно близко, чтобы можно было проводить наблюдения, достаточно далеко, чтобы не быть замеченными. Это должно быть такое место, где можно было бы без труда замаскировать челнок. Но так, чтобы это не ограничивало наших исследовательских возможностей. Не в пустынном месте. Чтобы было кого изучать.

Главный техник шумно выдохнула.

— Будет очень трудно подыскать место, которое удовлетворит всем вашим требованиям, капитан. Особенно отсюда, с орбиты. Вот если бы подойти к планете ближе... Конечно, идеально было бы в верхних слоях атмосферы...

— Об этом и не мечтайте, — покачал головой Кальдак. —

Нам еще неизвестны возможности аборигенов. Пока не будем иметь достоверной информации, я не разрешу подводить корабль ближе. Неоправданный риск. Техника маскировки несовершенна и действует только на достаточной удаленности.

Он повернулся к Т'вару.

— Составьте список группы посадки и соберите ее. С учетом того, что нам придется взять с собой довольно много всякого снаряжения и оборудования. Мне нужны технические специалисты, которые не испугаются при одном виде аборигенов. — Кальдак перевел взгляд на Соливик. — И солдаты, которые сначала думают, а потом стреляют.

Несмотря на свой строгий и уверенный тон, в глубине души Кальдак чувствовал неуверенность. Уж больно нестандартной выглядела ситуация. Неуверенность нарастала и среди присутствующих. Поэтому свои приказы он отдавал быстро, чтобы споры не успевали возникать. Он догадывался, что Т'вару и Соливик будет не так-то трудно сколотить подходящую группу. Участники экспедиции слишком долго пробыли на корабле, в условиях искусственной атмосферы и ограниченной территории. Невзирая на опасности, любой из них согласился бы войти в группу. Ведь предоставлялся ни много ни мало шанс размять ноги на твердой земле и вдохнуть живого, свежего воздуха.

Другой командир на его месте, возможно, плюнул бы на потерю двух зондов и от греха подальше убрался бы поскорее домой. Но Кальдак на это пойти не мог.

Он объяснил обстановку Яруселке, которая, естественно, попросила взять ее с собой и которой он, естественно, отказал. За этим последовала бурная перепалка, обычная среди массудов, которая окончилась торжеством Кальдака, который посоветовал своей подруге использовать время разлуки для серьезной работы и размышлений об их будущей семейной жизни. Он заверил ее в том, что не станет попусту рисковать собой. Он не собирался расставаться со своей мечтой увидеть детей.

Выбор места посадки явился поводом для возникновения жарких споров среди научного персонала. Каждый отдел выдвинул собственные приоритеты и собственный вариант. Для того чтобы покончить с этим вопросом, Кальдаку

пришлось напомнить ученым о том, что до тех пор, пока они не будут обладать достоверными данными о планете, вести научные споры просто бессмысленно, и лучше отложить их до лучших времен.

Кто-то мимоходом предположил, что эта планета — родной дом сразу для нескольких разных цивилизаций, которым трудно слиться в одну прежде всего из-за множества их языков. Эта версия была опрокинута сразу же, как только были проанализированы телевизионные программы аборигенов. Стало совершенно очевидно, что на этой планете доминирует только одна раса двуногих и, по всей видимости, млекопитающих. Участников экспедиции, — не только ученых, — изумила гениальная простота строения тел аборигенов.

Кальдак не раз уже вздыхал с облегчением по этому поводу. Аборигены отнюдь не выглядели чудовищами. У них было что-то общее со с'ванами. Меньше они походили на массудов. Но вообще-то они резко отличались как от первых, так и от вторых.

Рассуждения по вопросу выбора места посадки продолжались. Глубокие океаны выглядели наиболее предпочтительно в смысле маскировки, но были очень неудобны для проведения изучения и контакта с аборигенами. Наконец в результате компромисса между учеными — сторонниками моря и учеными — сторонниками суши место посадки было определено.

Оно было расположено к югу от того материка, над которым бесследно пропал первый дистанционный зонд. Не так далеко от оживленных воздушных трасс аборигенов и их электронных средств коммуникации, однако все же на безопасном расстоянии. И то, и другое можно было беспрепятственно изучать и анализировать. Кальдак объявил, что место ему нравится.

Обычно капитаны кораблей не входили в состав подобных групп контакта, однако нынешняя ситуация была беспрецедентной по многим своим признакам, и Кальдак решил, что кое-какие его способности окажутся на поверхности планеты очень кстати. А корабль он оставил в надежных руках. Если уж совсем честно, то Соливик и З'мам были гораздо опытнее его в собственно навигационных вопросах. Если что-то не-

предвиденное и случится с группой на поверхности планеты, его заместители без особого труда завершат полет и вернутся домой.

Назначение к нему сразу трех заместителей обеспечивало командиру относительную свободу маневра. Больше того! Если все-таки ситуация сложится так, что потребуются специфичные навыки массудов, Кальдак хотел быть вместе со своими соплеменниками и руководить их действиями. В группу контакта входило двенадцать массудов-солдат. Этого было вполне достаточно для того, чтобы ликвидировать любую угрозу малой и средней тяжести.

Они решили не приближаться к тем территориям, над которыми исчезли дистанционные зонды, и, если честно, очень надеялись на то, что на поверхности планеты вообще не возникнет осложнений.

Посадка была осуществлена в ночное время, когда, — согласно результатам анализов, — активность аборигенов существенно спадала. Челнок на огромной скорости стал падать на поверхность планеты, устремясь в определенное для посадки место, и затормозил лишь у самой земли. Предварительный обзор окружающей обстановки подтвердил правильность выбора места, которое было определено в такой спешке и в таких спорах.

Вокруг располагались многочисленные отмели, окруженные более глубокой водой. Места были необитаемые. Активность аборигенов вокруг равнялась нулю, а сигналы местных средств связи долетали редко и слабо. Оставалось выбрать конкретное место для укрытия челнока и создания наблюдательной базы.

Лично Кальдак, — если бы это зависело от него, — совершил бы посадку на твердой земле. Массуды не были поклонниками воды, а ее здесь было так много, что им даже становилось немного не по себе. В такой местности комфортно себя могли чувствовать только лепары. Однако с другой стороны, в воде легко и быстро можно было замаскировать челнок.

Они погрузились прямо в воду, выбрав место, где можно было бы притопить челнок так, чтобы между ним и поверхностью был средний слой воды. Грунт был достаточно твердым и надежным, чтобы спускаемый аппарат не увяз в нем. Это

было закрытое от океана, спокойное место, так что им не стоило опасаться ни сильных течений, ни штормов.

Окружающие место посадки крохотные островки могли похвалиться довольно скромной растительностью, которая была представлена густым кустарником и высокими деревьями, лишенными веток. Биологи немедленно приступили к своей работе, и вскоре одним из них уже было установлено со всей определенностью, что эти островки сложены не из твердых горных пород, а из разложившихся останков мелких морских организмов.

Спустя некоторое время был расшифрован их подробный химический состав. Он выглядел в виде простенькой цепочки символов, которые были тут же переданы на корабль, где группа ученых занималась вопросами маскировки челнока. После получения от них необходимых инструкций технические специалисты из группы контакта, — это были гивистамы и их неразлучные помощники о'о'йаны, — сразу приступили к возведению электрифицированной решетки вокруг погруженного в воду челнока. При помощи эффективных генераторных установок удалось воспроизвести вещество, по химическому составу схожее с породой, из которой были образованы окружающие место посадки островки. Решетка вокруг челнока начала быстро обрастать этим веществом. Все с удовлетворением осознали, что через считанные дни челнок будет полностью окутан этой жесткой мантией и станет неотличим от окружающей его среды.

Новая информация с корабля подстегнула усилия техников группы контакта. Лепары кромсали снаружи на глазах расцвстающий камуфляж, чтобы он больше походил на выветренную рифовую формацию. Многочисленные и разнообразные морские живые организмы тут же стали обживать складки и щели в известняковом каркасе, из глубины неожиданно появляясь вблизи их нового атоллового дома.

С места посадки оказалось возможным принимать все главные передачи местных радио и телевидения на основных языках даже без помощи специальной улавливающей аппаратуры. Вейсы работали как проклятые, разбираясь постепенно в структуре наречий, их грамматике и без конца задавая корабельным компьютерам новые программы. Этого

таланта массуды не имели, и сейчас Кальдак с уважением и благодарностью относился к самоотверженному труду интеллектуалов с планеты Чичунту.

Он много размышлял о том новом мире, в котором они оказались. Множество языков... Расколотая суша... Вулканическая активность... Трудно изобрести более изощренные помехи для успешного развития разумной монолитной цивилизации.

Но все же это был красивый мир. И эта земля, и небо, и даже вода. Окружающая температура была подходящей для массудов и прочих рас Узора, ветры слабые, количество ультрафиолета, достигающего поверхности планеты, незначительно. Если бы только содержание кислорода и атмосфере было чуть побольше. Кальдаку дышалось здесь несколько труднее, чем дома. И все же он с нетерпением ждал того момента, когда можно будет покинуть челнок и почувствовать под ногами вновь твердую землю. Было трудно удержаться от бега, хотя крохотные островки не обеспечивали желаемого простора.

Придется сдерживать себя.

Он обратил внимание на растительность. Она выглядела довольно безобидно, но, кто знает, что ждет их за этими непроницаемо густыми кустами? Голодные хищники, ядовитые насекомые... Предполагать можно было все что угодно. С опаской следовало относиться и к тем разнообразным формам жизни, которые пестрым ковром кишели вокруг челнока в воде.

Одновременно с маскировкой челнока специалисты строили подводный туннель к ближайшему островку, и когда он был закончен, группа контакта наконец-то смогла выходить по ночам на сушу поразмяться. Лепары уже давно освоились с окружающей средой и чувствовали себя в местной теплой воде вполне комфортно. Кальдак смотрел на них и думал, что им, пожалуй, можно позавидовать в их способности одновременно дышать в воздухе и в воде. Впрочем, это было единственным, в чем им можно было завидовать.

В первую ночь он долгое время простоял неподвижно на одном месте, запрокинув голову и любуясь местным небом, искрящимся мириадами незнакомых звезд. Он не беспокоился

о том, что их заметят с самолетов, ибо никаких самолетов здесь ночью не было и в помине.

Остров обладал прекрасным песчаным пляжем. Он побежал вдоль него в противоположную сторону от своего соплеменника-массуда, который сопровождал его в числе других в этот первый выход на твердую землю. Кальдак знал, что скоро они встретятся, ибо остров был весьма невелик. Но какое-то время он будет бежать в одиночестве.

Подобную роскошь невозможно было позволить себе в условиях экспедиционного корабля, каким бы просторным он ни был. Порой под ногами путались маленькие, обросшие травой кочки, но они не могли испортить массудам удовольствия, радости первой за долгое время хорошей пробежки. Бег имел для этой расы столь же важное значение, как и секс. Т'вар был настороже и в любую минуту готов был оповестить их условным знаком о приближении аборигенов или их машин. Вероятность этого была невелика, ибо, как показали анализы, местное население предпочитало путешествовать при солнечном свете дня. Впрочем, нужно было быть готовыми ко всему и ретироваться в любой момент незамеченными.

Невдалеке от берега, в тихой воде, покачивался Ватолой. Вокруг его талии был укреплен пояс со снаряжением. Он покоился на одном месте и рассеянно наблюдал за массудами, которые неслись вдоль берегов острова, как угорелые. Временами он выпускал изо рта тонкие фонтанчики воды. Он не понимал смысла того, чем занимались на его глазах лучшие солдаты Узора. И вообще многое в них было непонятно Ватолою.

Вообще-то их бег производил впечатление. Ватолой знал, что у него никогда так не получилось бы. Даже приблизительно. Сколько они еще будут носиться? Всю ночь? Он видел их тренировки на корабле. Массуды носились кругами по маленькому треку до тех пор, пока не начинали падать от изнеможения, высунув длинные подрагивающие языки из угла рта. Бег был для них чем-то жизненно важным, но Ватолой никак не мог понять, почему. Ведь без всякого видимого смысла растрачивается огромное количество энергии.

Может, в этом было что-то от шутки, юмора? Массуды любили иногда пошутить, хотя делали это не так часто, как

с'ваны. Юмор был еще одним непонятным, непостижимым для Ватолоя понятием. Да ему и необязательно понимать такие вещи. Зачем они ему? В жизни и там много разных дел: работа, сон, еда, размножение.

Как обычно, его посетило чувство, что он что-то забыл упомянуть. Конечно, этого не было бы, если бы он был такой же умный, как массуды. Или как о'о'йаны. Или, черт возьми, как с'ваны! Присутствие представителей других рас всегда смущало лепаров, заставляло осознать собственное свое ничтожество. Но в общении со с'ванами все проходило мягче. У с'ванов был такой природный дар. От этих дум у Ватолоя началась головная боль, как всегда начиналась в подобных ситуациях. Вот ведь. Даже думать тяжело лепарам. А уж говорить и подавно. Не то, что с'ваны, которые орудуют языком похлестче, чем массуды ногами.

У лепаров не было ни той, ни другой способности. Не обладали они также и техническими навыками гивистамов или ловкостью о'о'йанов. У них была только одна способность — умение работать, тяжело, без жалоб и столько, сколько от них требуется. Для этого не нужно было обладать оригинальным мышлением.

Ватолой нырнул в теплую воду, без видимого усилия поменяв режим дыхания. Теперь в дело пошли жабры. Он уже полюбил смотреть на многочисленность и пестрое разнообразие местных морских форм жизни. Некоторые из них даже светились в сумеречной глубине. Он уже набрал полный мешок образцов, которые заказывали ему ученые с корабля. Они должны по достоинству оценить его работу. Подумав об этом, Ватолой почувствовал, как заметно теплее стало у него на душе.

Впрочем, сейчас не время расслабляться. Необходимо помочь Гаупи, который возводил известняковую защиту вокруг антенны связи над челноком. Ватолой заметил, как в стороне проплыло несколько лепаров. Он приветствовал их знаками, принятыми на родине, и поплыл дальше, плавно двигая своим мощным хвостом.

Гаупи был рад его появлению. Наблюдатель Ватолой всегда был желанным гостем для работяг, ибо мог дать умный совет, когда возникали какие-нибудь затруднения. Наконец работа

была закончена. Вовремя. А все из-за того, что Ватолой оказался настолько умен, что не пришлось даже просить совета у гивистамов. Гаупи знал, что гивистамы всегда нетерпеливы в общении с лепарами и порой грубят и эта грубость подавляет лепаров.

Умение принимать решения было самой тяжелой частью работы наблюдателя, но Ватолой не отказался от этой должности. Да и как он мог отказаться, если его попросили об этом? По крайней мере над наблюдателем никто не смеется и никто не грубит ему в открытую. Хотя косые взгляды... Они всегда были направлены в сторону лепаров. Всегда. Но к ним можно привыкнуть, как и к прочим неприятным сторонам жизни.

Он плыл и размышлял о том, какое это красивое место. Категории красоты удивительно просто приходили на ум в этот раз. И как это хорошо, что они получили возможность вырваться наконец-то из искусственных стен корабля. Лепар предпочитал плавать, чем ходить пешком. Как бы гивистамы не называли это. А они это называли регрессом и де-эволюцией.

Он нырнул еще глубже, изучающим взглядом рассматривая нечто, ползущее по песчаному дну. В первые дни хвост болел, — это от того, что долгое время не использовался,— но теперь вновь налился силой.

Они слышали что-то о множественности здешних языков и деформированной, аномальной геологии этой планеты, но все равно продолжали считать этот мир очень красивым. Гораздо больше внимания они уделили сообщению о двух пропавших дистанционных зондах. Группа контакта для того и спустилась на поверхность планеты, чтобы узнать то, что не смогли донести до них аппараты.

Как и остальные, Ватолой испытывал тревогу и страх за то, что может с ними со всеми случиться здесь. Лепары всегда чего-то боялись и опасались. Для них это было не просто одно из чувств, а состояние души. В этот, — как и в другие миры,— они пришли за тем, чтобы попросить помощи в войне против Амплитура. Амплитуров лепары боялись гораздо больше, чем их союзников. Гораздо больше, чем их сумрачный, покрытый грозными океанами и морями мир.

Они боялись. Потому работали. Круглосуточно. Без жалоб

и возражений, ибо это могло сказаться на качестве работы. Они исправно вносили свой небольшой вклад в общее дело борьбы с коварным Амплитуром. Который, если его не остановить, лишит их родины, смысла жизни, души. Лепары работали. Они не отличались умом, но были удивительно выносливы. Для работы, которую они выполняли, не нужен был ум, а выносливость — как раз.

7

Прошло пять дней. Челнок не сдвигали на другое место. Он прочно стоял на крепком дне лагуны, надежно укрытый со всех сторон известняковым панцирем. Никто из аборигенов до сих пор не появлялся поблизости. Глядя на челнок со стороны, его можно было принять только за выветренную рифовую формацию. Морские живые существа довольно быстро обосновались в щелях и норках пористой оболочки.

Вейсы достигли значительного прогресса в своем тяжком труде. За прошедшие дни они сумели установить и выделить из общей массы еще три добавочных наречия, доведя тем самым число уже известных языков до восемнадцати. К тому времени Кальдак и его коллеги уже не удивлялись этому лингвистическому изобилию.

Было решено, что дальнейшего продвижения в изучении планеты не будет, если не остановиться на одном из двух выборов.

Во-первых, они могли переместиться вместе с челноком в более заселенные территории.

Во-вторых, они могли захватить «образчик» местной расы и изучать его здесь, в лагуне.

Легко предположить, что последний выбор всем показался предпочтительнее. Им нужно было существенно пополнить уже имевшиеся сведения о местных жителях, и как можно скорее. В этом им мог существенно помочь лишь контакт с живым представителем здешней расы. Общение с ним было бы неизмеримо более полезно, чем просмотр передач телевидения, которые подчас вносили только путаницу.

Тщательный анализ визуальных записей, накопленных за последние дни, подтвердил первоначальное впечатление: доминирующей формой жизни были двуногие млекопитающие, которые, однако, заметно варьировались по размерам и цвету. Исследователи пока не могли сказать точно, в чем тут дело. Предполагали, что подобные биологические варианты необходимы для четкого разделения аборигенов на рабочих и трутней. Впрочем, тут больше было вопросов, чем ответов.

По крайней мере, хорошо было то, что местные аборигены не так уж радикально отличались от рас Узора. Например, с'ваны и массуды тоже были двуногими млекопитающими. С гивистамами и о'о'йанами схожего было заметно меньше, но все же они хотя бы смыкались в одной черте — теплокровности.

Удивительно все-таки было то, что аборигены разговаривали на различных языках. Некоторые участники экспедиции вообще отказывались верить в то, что местные жители сколько-нибудь эффективно могут между собой общаться, располагая таким диким количеством совершенно разных наречий.

Кальдак много времени провел в разговорах с Пасийакилионом, который обозвал это все одним термином: «геосоциология». Сколько массуд ни пытался, он так и не смог понять, что же кроется за этим странным понятием. Турлог заинтересовался новым миром, по-своему понимал его и стремился каким-нибудь способом донести свое понимание до коллег. Правда, без особого успеха.

Перед ними стояла задача изолировать одного здорового индивидуума, что предполагало в первую очередь крайнюю осторожность и во вторую — везение. Если в этих людях стадно-общественный инстинкт развит столь же сильно, как и у с'ванов, то их акция грозила благополучно провалиться. Изоляция аборигена травмировала бы его сознание и от него было бы очень трудно добиться хоть какой-нибудь пользы. Жаль, что они не были в этом похожи на турлогов, которым было абсолютно все равно, как близко к ним живут их соплеменники: в километре или в световом годе расстояния.

Ученые предупредили массудов, что им не важно: будет пленник мужчиной или женщиной. Биологи хотели изучить оба пола, но изолировать для этого какую-нибудь пару было

небезопасно. В экстремальных условиях, например, у четы массудов сильно усиливаются защитные инстинкты и они способны замыкаться друг в друге, не реагируя на окружающий мир. Словом, в этом случае общения также не вышло бы, хотя, разумеется, понаблюдать за супружеской парой аборигенов с научной точки зрения было бы крайне интересно.

Экспедиции же важно было не только установить контакт с аборигеном и изучить его, но и попытаться склонить его к сотрудничеству.

Было решено, что пленение будет осуществлено четырьмя массудами под покровом ночи. Сопровождать их должен был переводчик, для чего отмобилизовали самого смелого вейса. Лепар обязывался технически обеспечить операцию. Ученые корабля высказали свой протест в отношении готовящейся акции, но протест весьма нерешительный и слабый. Память о двух исчезнувших дистанционных зондах еще была свежа у каждого.

Для похищения смонтировали маленькую и бесшумную в движении субмарину. Основным ее положительным качеством была непотопляемость. Для массудов это было особенно важно, ибо пловцами они были неважными. Мысль же о том, чтобы поручить всю операцию исключительно лепарам, которые чувствовали себя в воде, как дома, естественно, никому не приходила в голову.

Было решено похитить аборигена с одного из судов, которые частенько проплывали неподалеку от той лагуны, где был запрятан челнок. Порой такие суда даже заходили в саму лагуну. Проблема была в том, что чем меньше судно, тем больше вероятность того, что команда быстро обнаружит исчезновение одного из своих членов. Но в конце концов надо же было когда-то рисковать.

Поначалу договорились подстерегать суда с тремя-четырьмя аборигенами на борту. Лично Кальдак очень сомневался в том, что эти надежды оправдаются. В самом деле, ну, какой же дурак поплывет по морю с таким малым количеством помощников? Впрочем, если судно прибрежное и небольшое... Так или иначе, а нужно было ждать.

Дни проходили один за другим. Несколько судов заходило за это время в лагуну. После непродолжительных стоянок они

уплывали дальше. На всех судах было не меньше чем по четыре человека. Наблюдать из субмарины за этими примитивными лоханками было гораздо интереснее, чем смотреть передачи местного телевидения.

На аборигенах, как правило, было очень мало одежды. Это облегчило процесс распознавания полов. Их тела были по большей части лишены шерсти, что заставляло массудов брезгливо морщиться в первое время. В чем-то аборигены напоминали лепаров, хотя кожа их не была скользкая и влажная, и у них не было хвостов. Сходство заключалось в плоских лицах. Кстати, у с'ванов тоже были плоские лица.

Надевать утепленные костюмы не было нужды, ибо здесь было жарко даже по ночам. Кальдак лежал на гладкой поверхности полувсплывшей субмарины и разглядывал в бинокль очередной зашедший в лагуну корабль.

Аборигенов на борту было шестеро. Они как-то странно вертелись и крутились по палубе под яркой луной. Из центральной кабины корабля, дверца в которую была открыта, вырывались хриплые и очень сильные звуки. Ухо массуда сразу уловило четкую ритмику. Кальдак изумленно смотрел на эти резкие и размашистые движения, гадая о том, что это: просто танец или какой-нибудь ритуал? Танцевали парами, — мужчина с женщиной, — которые часто менялись.

С биосоциальной точки зрения все это было очень впечатляюще. Однако не имело никакого отношения к поставленной перед ними задаче.

На следующую ночь им повезло больше.

Обширная лагуна пустовала весь вечер, но в начале ночи в нее вошел необычный корабль с раздвоенным днищем. Группу массудов привлекло к этому судну не столько его удачное одиночество, сколько та музыка, которая вырывалась из какого-то мощного усилительного устройства и разносилась далеко по воде. Она очень походила на те музыкальные записи, которые экспедиция собрала на этой планете. Однако было и существенное различие. Главное, отсутствие ритма и логичности. Перепады были очень сильными, мелодия менялась непредсказуемо и резко. Варварские, нецивилизованные звуки, которые диссонансом звучали в головах массудов. Впрочем, вчерашняя музыка была немногим лучше. Если не

хуже. Громкость не была стабильной, но по большей части музыка гремела сильно, так что к кораблю можно было подобраться практически без риска.

Поскольку в это время в лагуне судов больше не оказалось, было решено тут же начать предварительную разведку.

Визуальное наблюдение принесло только один результат: палуба была пуста. Парус, который обычно использовали аборигены на таких судах, был свернут. Якорь был брошен и зарылся в дно лагуны. Искусственное освещение ярко заливало центральную кабину корабля.

Кальдак и Денлака плыли вокруг корабля кругами, каждый приближаясь к нему все больше и больше. Палуба оставалась мертвой. Это был хороший знак, который свидетельствовал о том, что команда на судне, должно быть, весьма немногочисленна. Массуды заглядывали в ярко освещенные окна и не видели там никаких движений. Их аппаратура продолжала записывать дикую музыку, которая продолжала изливаться с корабля на воды лагуны. Теперь стало ясно, что эта музыка все же сильно отличается от того, что было записано экспедицией в результате прослушивания радио и телевидения аборигенов. Звуки по-прежнему были очень рваными, на время прекращались. Казалось, музыкант знает, что ему нужно получить, но не знает как ему этого добиться. Кальдак был очень взволнован предстоящим. Настолько взволнован, что не удержался от того, чтобы не поговорить об этом со своим соплеменником-массудом:

— Впервые за много земных дней в лагуне стоит только одно судно. Это предоставляет нам великолепный шанс, но сначала необходимо узнать точно, сколько аборигенов на борту. Если мы будем ждать того времени, когда они сами себя обнаружат, сюда может зайти другой корабль. Между аборигенами завяжется контакт и тем самым разрушится выгодное для нас одиночество первого судна. А учитывая то, что местные жители проявляют активность лишь при свете дня, ожидание для нас — большой риск. Кроме того, как рассветет, нашу субмарину можно будет без труда разглядеть в такой чистой воде. Словом, я предлагаю нам подняться на борт судна сейчас и попытаться добиться поставленной цели. По возможности скрытно.

Один из солдат, подумав, высказал альтернативное предложение:

— А что, если послать лепаров? Им ничего не стоит подобраться к кораблю незамеченными.

Нос Кальдака недовольно дернулся.

— Ну, подберутся, а дальше? Иллюминаторы расположены слишком высоко от уровня воды. Они ничего не увидят внутри.

Других предложений не поступало. Кальдак решил показать солдатам пример и первым преодолеть то небольшое расстояние, которое разделяло субмарину и судно землян. Дропак добровольно вызвался плыть вместе с командиром.

Группой контакта было совершенно четко установлено, что самый крепкий сон у аборигенов наблюдается в самые последние часы перед рассветом. Массуды ждали этого благоприятного времени, сидя на борту субмарины и обсуждая детали плана, предлагая новые варианты, высказывая прогнозы. От самых приятных до катастрофических.

Наконец, подошло время начинать.

Кальдак и Дропак сняли с себя одежду. Каждый повесил на себя тяжелый пояс, в котором было аварийное снаряжение, коммуникационное устройство, транслятор, в который была в последнее время заложена программа еще трех открытых языков, и небольшой пистолет. Последний предназначался не для поражения аборигенов, а для защиты от огромных морских хищников, о которых их предупредил лепар.

Выйдя из субмарины, оба массуды неслышно соскользнули в воду. Плавание было для них непривычным и неестественным занятием. Гивистамы и о'о'йаны вообще не умели этого делать. Стиснув зубы и стараясь не обращать внимания на неприятные ощущения, Кальдак попыл вперед. Силуэт судна четко вырисовывался на фоне неба. Из иллюминаторов лил яркий свет, отчего воды лагуны вокруг судна отливали играющим блеском.

Все мускулы тела отчаянно протестовали против этого водного упражнения, но массуды продолжали плыть, ибо судно было уже совсем близко. Наконец, оба солдата ухватились руками за сдвоенную корму судна. В каждой половинке были проделаны восходящие углубления, которые образовывали не-

что вроде лестницы. Само судно имело интересный, но не удивительный дизайн. Принципы примитивных моделей надводного транспорта были в общем универсальны для цивилизаций Галактики.

Дропак настоял на том, чтобы подняться на борт судна первым. Он взобрался по лесенке и на пару секунд исчез из виду. Затем Кальдак вновь увидел его лицо, с шерсти которого капала вода. Солдат прошептал:

— Корма пуста и открыта. Я могу заглянуть отсюда в центральную кабину. Там не заметно никакого движения. Музыка идет откуда-то снизу.

С тревогой вспомнив о морских хищниках, которые, может, в эту минуту уже приближались к нему, Кальдак предпочел быстро подняться на судно.

Между двумя корпусами судна располагалась на возвышении большая центральная кабина. За ней находился отсек, где среди всего прочего на первый план выступало колесообразное устройство. Были там и какие-то то ли механизмы, то ли инструменты. Кальдак прошел вперед до тех пор, пока не получил возможность обогнуть колесо и заглянуть в кабину.

Она была ярко освещена. Невидимый аппарат ровно и приглушенно гудел. Кальдак догадался, что это машина, благодаря которой судно движется. Дверь в кабину была распахнута и действительно откуда-то снизу неслась музыка. Она диссонировала в его непривычных к таким звукам ушах. Впрочем, хотя она была неприятна, все же терпима и не оказывала на сознание парализующего воздействия, как он поначалу боялся.

Внутри он разглядел еще одно колесо и механизмы. А также мебель, о назначении которой он мог только догадываться и странного вида украшения. Он обернулся на своего товарища.

— Подойди поближе. Здесь никого нет. Только музыка.

Дропак в несколько шагов присоединился к своему командиру. У него уши были сильно прижаты к голове и даже как бы расплющены. Губы поджались и оголили ровные ряды острых зубов. Бакенбарды мелко подрагивали.

— Какой грохот! У меня голова раскалывается от него.

— У мены тоже. Хотя это легче слушать, чем вчерашний

концерт с танцами. — Он, поколебавшись пару секунд, показал на распахнутую дверь. — Надо зайти туда.

— Осторожно, капитан.

Кальдак опасливо глянул на дверь.

— Мы ведь знаем, как они выглядят, — прошептал он. — Физические кондиции не впечатляют.

— Чем меньше существо, тем оно коварнее, — заметил Дропак.

— Я буду осторожен.

С этими словами, сильно пригнувшись, он вошел внутрь центральной кабины.

Потолки были очень низкие и Кальдаку пришлось очень сильно сгорбиться. Нос подрагивал. Помещение было наполнено чужим запахом. Удивительно сильным и странно приятным. Внутри кабины были еще две двери, каждая из которых вела в один из двух корпусов судна. Из одной двери доносилась музыка.

Он подошел к ней и увидел длинную и узкую комнату. При этом Кальдак согнулся почти пополам.

Тут-то он и увидел аборигена. Тот сидел спиной к двери. Руки и ноги у него были обнажены. И он что-то делал пальцами с довольно сложными устройствами, которые располагалась прямо перед ним. Музыка доносилась из двух черных коробочек, расставленных в противоположных углах комнаты. Абориген не мог видеть навестившего его пришельца.

Первый очный визуальный контакт подтвердил все, что участники экспедиции узнали о местных жителях из передач телевидения. На каждой руке у аборигена было по пять пальцев, лишенных шерсти. На один больше, чем у массуда, на два меньше, чем у о'о'йана, то есть как раз столько, сколько у гивистамов. В остальном они на гивистамов совсем не походили. Их кожа была практически полностью лишена волос, выглядела очень нежной и мягкой, в отличие от роговых чешуек лучших технических специалистов экспедиции.

В такой близи музыка казалась Кальдаку практически невыносимой. Диссонирующие, громкие звуки, казалось, взрывались, лопались в голове массуда. И как только абориген может вот так спокойно сидеть в самом эпицентре этого кош-

мара?! Очевидно, у этой расы более грубый слух, который в состоянии сносить подобные вещи.

Не будучи в силах дольше выдерживать эту муку, Кальдак вернулся в центральную кабину. В эту же минуту Дропак появился из двери, ведущей в другой корпус судна.

— Пусто, — пробормотал он.

— А я нашел одного, — ответил Кальдак.

Болезненные аккорды, словно злые насекомые, носились в воздухе, жаля и жаля бедных массудов. Эти дикие звуки заставили Дропака скорчить гримасу отвращения.

— Неужели аборигену все равно? Как он может выдерживать такое?! Неудивительно, что он один.

— Он сидит спиной к двери, так что я не смог определить его пол. Передай другим, чтобы поднимались на борт. И переводчика.

Дропак удивленно вскинул густые брови.

— Разве это так обязательно, капитан? Мы двое наверняка...

— Не будем загадывать и рисковать, — возразил твердо Кальдак. — Я хочу, чтобы присутствовали все.

Дропак все еще колебался.

— А что, если вейс не сможет прийти? Она ведь не умеет плавать.

— Другие смогут переправить ее на руках. Нам могут понадобиться ее способности. Ватолой поможет.

Наконец, Дропак согласно кивнул и направился к выходу, но у самой двери остановился и спросил:

— А кто присмотрит за субмариной?

— Тот же Ватолой, — ответил капитан и, встретив на себе удивленный взгляд, добавил: — Он не будет ничего трогать. Просто посторожит до нашего возвращения.

Нос Дропака дернулся, и массуд тут же исчез на палубе. Кальдак даже не слышал, как его товарищ соскользнул в воду.

Он вернулся к двери в узкую комнату и заглянул туда. Абориген все еще сидел на прежнем месте и, двигая пальцами, генерировал столь дикие и нецивилизованные звуки, что любой разумный не смог бы выдержать их более полуминуты. Но Кальдак крепился, надеясь на скорое возвращение Дропака с остальными.

Уилл Дьюлак вновь вынужден был сделать паузу. Он откинулся на спинку стула и устремил мрачный взгляд на аппаратуру, разложенную перед ним. Синтезатор продолжал тихо гудеть, и это был единственный звук в салоне.

Он запустил пальцы левой руки в свои темные, вьющиеся волосы. Каждый год они все больше редели и все больше отступали со лба на затылок и терялись где-то уже под воротником. Частично именно из-за этого выпадения волос, которое напоминало таяние ледника или морской отлив, он и решил в последнее время отрастить буйные кустистые бакенбарды. Хотя еще и потому, что всегда хотел отличаться внешностью от других, выпадать из общей массы. Подобное же честолюбие Уилл проявлял и в музыке.

Первая половина «Аркадии» была уже закончена, а вторая покоилась в набросках. Требовалось утвердить скерцо, переходящее в сотрясающее, итоговое аллегро энержико. Но именно это-то ему и не давалось, выворачивало наизнанку. Не сама музыка: ноты лежали перед ним четкими, правильными рядами, введенные в программу портативного компьютера. Все дело было в оркестровке, которая пытала его похлестче маститых средневековых мэтров, сводила его с ума.

С самого начала он задумал начать скерцо флейтами с контрапунктом в лице одного-единственного фагота. Результат должен был получиться хоть и комичным, но сильным. Этакий кусочек музыкального черного юмора, который по праву оценили бы такие люди, как Берлиоз и Барток. Наверняка оценили бы! Затем вступали вторые скрипки и басы, плавно переходящие в небольшую изящную токкату для духовых инструментов, которые он свел воедино. Токката вышла просто на диво, но, черт возьми, он до сих пор не мог решить, как перейти с конца адажио в начало скерцо! Он находился в творческом тупике и все из-за этой паршивой оркестровки!

Все было плохо. Звучало, как в балагане. Флейты совсем где-то потерялись, а фагот вместо того, чтобы вступать временами в их песню печально-торжественным голосом, звучал, как сломанная туба, как будто кто-то спускал воду в уборной или у кого-то крутило в животе.

Он с яростью уставился на синтезатор и мотки кабеля, окружавшие инструменты. Что, если плюнуть на фагот и за-

менить его саксофоном? Оркестровку тогда, пожалуй, удастся закончить достаточно быстро, но... Все это будет слишком дорого для исполнения! Какой оркестр из маленького городка позволит себе нанимать саксофониста? Вот то-то!

Черт, дьявол! Равель же нашел тот звук, который искал. Так же, как и Дебюсси. И Гриффис. Если французы образца начала двадцатого века и болезненный американец создали свои эффекты, почему то же самое не может сделать опытный ученый из Нового Орлеана?!

С самого начала он отгонял от себя мысль о саксофоне, как назойливую муху, ибо дал себе зарок использовать что-либо, имеющее общее с джазовыми обертонами. Ему не повезло с местом проживания. Всю жизнь приходилось бороться с джазом, как с самым злейшим врагом.

— А, так вы говорите, что вы композитор из Нового Орлеана?! Значит, ваша работа обязательно ориентирована на джаз, не так ли?

Он покачал головой, словно хотел отделаться от наваждения и одновременно возразить. Удивительно! Чудовищно! Как легко люди все-таки обобщают! Критикам и публике уже все ясно, когда они слышат, что ты приехал из Луизианы. Им уже не нужно даже ничего слушать. Но у него никогда не было намерения становиться вторым Луисом Готтчелком! Им уже не нужно даже ничего слушать. Но у него никогда не было намерения становиться вторым Луисом Готтчелком!

Его работа не имеет никакого отношения к джазу! Она имеет отношение только к его каюнской наследственности. Но от последней он не мог отделаться при всем желании. Конечно, для первой крупной оркестровой композиции можно было бы особенно не напрягаться и сочинить что-нибудь простенькое и хорошо знакомое. Сюиту, основанную на народной музыке. Можно было бы активнейше задействовать мелодии и ритмы, среди которых он вырос в своем приходе. Несложная оркестровка — и пожалуйста! — можно записывать и можно играть.

Но этот убогий замысел не имел ничего общего с тем, что кристаллизовалось в его сознании в течение последних пятнадцати лет. Нет, разумеется, он будет использовать каюнские мелодии, без этого не обойтись. Но только в качестве

фрагментов, крохотных частичек, от которых можно будет оттолкнуться и въехать в настоящее произведение.

Да, его замыслы и стремления были гораздо величественнее, чем фолк-мьюзик. Он жаждал соединить каюнские народные мотивы с современной симфонической традицией. Собственно, такова структура всей современной музыки и особенно американской. Конечно, есть свои идиотские исключения, но в целом американская музыка традиционна от Гансона до Гласса. Возьмите великолепную, восхитительную симфонию Винсента, написанную целиком по велению магического вдохновения. А почему у него вышла именно эта музыка, а не другая? Потому что он родом из Алабамы, а не из Лос-Анджелеса или Нью-Йорка!

Уилл полагал, что поездка на катамаране на несколько недель поможет ему совершить свой музыкальный прорыв, и тогда он выберется из той трясины, в которой сидел уже довольно долго без всяких шансов на спасение. В городе трудно, невозможно работать. Слишком многое отвлекает внимание. Не только в городе, но и на озере, и в заливе. Он знал, что должен забраться гораздо дальше всех этих мест. Подальше от случайных знакомств в букинистических лавках, подальше от университетской болтовни, от ресторанов и лекций. Слишком соблазнительно отставить компьютер в сторону и направиться в «Кафе дю Монд», выпить чашечку кофе с молоком и с пирожными. Слишком соблазнительно выдернуть штепсель из розетки и отправиться на ночь погулять по кварталу, где туристы таращатся на местных жителей, а местные жители на туристов.

В какой-то момент он понял, что, если хочет добиться действительного прогресса в работе, если он на самом деле решил закончить этого музыкального монстра, ему необходимо отправиться в такое место, где бы не было никаких развлечений и интеллектуального общения. Поскольку у него было не так уж много денег, пришлось остановиться на катамаране.

Его сильно подстегивало и то обстоятельство, что в его проекте был заинтересован Дорбачевский. Руководитель оркестра на полном серьезе пообещал устроить его пьесе премьеру, как только композитор представит ее в напечатанном виде. Уилл

с замиранием сердца осознавал, что исполнение его вещи филармоническим оркестром — это не просто признание его как большого композитора, но и мощный прорыв вверх по сравнению с тем уровнем, который мог обеспечить университетский оркестр.

Уже не однажды Диборн — декан факультета — предлагал Уиллу профессорскую должность. К удивлению его и своих коллег, Дьюлак до сих пор решительно отклонял предложение. Свою независимость он ценил больше всего, поэтому появлялся в университете в качестве вольного охотника, частью читая лекции, частью занимаясь с учениками. Зарабатывал на жизнь он нечастыми, но хорошо оплачиваемыми работами в качестве дирижера по приглашению, а также халтурой на телевидении. Это не только поддерживало его на плаву, но и позволяло в любой момент начать коллекционировать яйца Фаберже. И дело было не в том, что ему очень нравилась вольная, нештатная жизнь. Просто он очень хотел иметь время для сочинения музыки.

Конечно, если он поймет вдруг, что «Аркадии» ему не закончить, он серьезно задумается о том, чтобы позвонить Диборну.

Но сейчас об этом думать рано. Лучше подумать об обещании Дорбачевского представить зал «Симофни Холла», в котором звучит сонорная рапсодия, а под величественную концовку его окатывает мощная волна аплодисментов со стороны ценителей искусства, которые встают со своих мест и отчаянно вытягивают шеи, стремясь увидеть на сцене его, Уилла Дьюлака!

Только бы не капризничали эти паршивые флейты!

До сих пор его претензия на славу слабо материализовалась лишь в сорока пяти секундах музыки, которую он написал для отдела новостей местного филиала Эн-Би-Си и композиции для документального фильма о жизни птиц в Луизиане, заказанной «Батон Руж» станции Пи-Би-Эс. Если бы эта картина была о бурении нефтяных скважин или хотя бы об открытии какого-нибудь нового химического соединения, он имел бы хорошие шансы серьезно подработать, но... Увы, увы...

«Аркадия» обещала стать его прорывом: симфоническая поэма с использованием каюнской темы, богатая на звук, силу

восприятия и надежду! Многообещающая вещь! Он выкопал все полезное из своих детских воспоминаний и с помощью обретенной техники создал произведение! Он мужественно отказывался уклоняться от главной темы и соблазняться на минимализм и шокирующую атональность. Поэма будет современной, но с четкими корнями.

Впрочем, ничего не будет, если он не справится с взбрыкнувшей оркестровкой. Как будто кто-то перемешал у него в голове мозги так, что, на какую кнопку ни нажми — теперь все плохо!

Так что он вытащил из ангара свой катамаран, повозился немного с лебедкой, укрепил нужные канаты, проверил машину и поднял паруса на юг. Нет, он не поддался на мишурные соблазны Коцумела и Канкуна, ибо они слишком напоминали его родной город. Он хотел... Ему было необходимо найти место, где ничто не будет его отвлекать от работы.

И только достигнув Лайтхауз-Риф, он выбрал подходящее местечко в лагуне и бросил якорь. Похоже, это было то, что нужно. Никто не потревожит его здесь в течение нескольких недель. И только проходящие боты порой навещали эту тихую гавань в шестидесяти милях от погибающей в духоте, непривлекательной Белиз. Удивительно, все население этой страны насчитывало сто шестьдесят тысяч человек. Половина из них говорила по-английски, так что он не испытывал особых проблем, совершая время от времени налеты на лавки Белиз-сити или Манки-Тауна.

Иногда он позволял себе на несколько часов сбросить с себя тяжкое бремя музыкального сочинительства и поплескаться в теплых водах обширной лагуны. Слава Богу, близлежащие островки были избавлены от москитов, хотя кусающиеся мухи все же доставляли массу хлопот, заняв освободившуюся после своих хитрых кузенов экологическую нишу.

Погода была чудесная.

Как он и рассчитывал, в первые дни удалось сделать значительный скачок вперед в замороженной было работе. И вот на тебе! Застрял в скерцо, как в болоте. А он-то раньше думал, что это одна из самых легких частей композиции.

Он подавил в себе упрямое желание перепрыгнуть сразу на аллегро. Подавил и соблазн рассеять свою неуверенность

включением полного набора литавр. Несколько раз ему приходила в голову мысль вообще выбросить десятистраничный кусок за борт, но ему удалось отделаться и от этой назойливо свербящей в мозгу альтернативы. Ну, почему он не Штраус и не Моцарт?! Ведь вот люди! Без всяких усилий кропали шедевр за шедевром, полностью проделав в уме оркестровку и потом только быстро записывая ее в нотах! Почему этот чертов контрапункт сам по себе не является к нему?! Почему его нужно вытягивать из головы, ценой страшного нервного напряжения и катастрофического упадка душевного настроения?!

Ничего! Он рассчитывал на то, что придут лучшие времена и он сможет создать что-нибудь поистине крупное! Он уже был занесен в музыкальный справочник, — как раз между Дюкельским и Дюлкеном, — это его очень радовало. Но он ждал большего от составителей. Он ждал от них выражения восхищения. Он ждал от них подробного комментария... Сносок!

«Дьюлак Уильям Л. Родился в Слайделле, Луизиана, в 19... (не так давно)... Семейное положение — холост (пока, разумеется). Основные труды — два струнных квартета, смешанные композиции, песни, музыка для телевидения, увертюра «Джамбалайя»...»

Вспомнив о своем первом успехе, он грустно улыбнулся. У кого, кроме каюна, хватило бы наглости создать музыку на двенадцать минут для целого симфонического оркестра, вдохновленную... супом?!

Он вспомнил окончание записи: «...значительное количество мелких работ».

«Аркадия» все изменит. В настоящем виде симфоническая поэма уже рассчитана на пятьдесят минут исполнения. Пусть только попробуют игнорировать его после премьеры «Аркадии»! Если он, конечно, когда-нибудь ее закончит...

Поджав губы, он следил за своими пальцами, которые проворно забегали по клавиатуре. Фагот исчез, и его заменил саксофон.

Черт с ними, с правилами!

Он вспомнил слова своих учителей, которые всегда ему советовали полагаться на свои инстинкты и плевать на ака-

демические музыкальные правила. Главное, чтоб душа запела: «Вот так! Вот так! Вот это то самое!»

Он снова откинулся на спинку стула и на минуту задумался. Постой-ка... А так действительно лучше выглядит. По крайней мере на экране компьютера. Ну его к дьяволу, этот фагот... Он быстро набрал команду: «Ввод». Прослушал дорожку Си Ди — РОМ, затем отмотал назад. Закрыв глаза, он прислушался к звукам синтезированного оркестра, которые полились из колонок.

Да, да, именно! Чувствительно... Печально... Словно утренний туман и солнце, поднимающееся над болотами... Испанский мох мягкими и влажными прядями свешивается с веток кипариса... Саксофон красиво вступает в трель флейт. «Гораздо лучше, — сказал он себе. — Гораздо лучше!» Если ему удастся продраться через скерцо, аллегро выйдет без проблем: духовые, бас и струнные для создания общего фона.

Удовлетворенно раздвинув губы в улыбке, он крутанулся на своем стуле и ... уставился прямо в глаза чудовищу, которому пришлось согнуться почти вдвое, чтобы пролезть в дверной проем его салона.

8

Монстр был высок и весь покрыт короткой серой шерстью. Широкие, темные глаза с вертикальными зрачками уставились на композитора. Они располагались по разные стороны сильно выдающейся пасти, по бокам которой густели бакенбарды и на конце которой подергивался чувствительный нос. Руки у монстра были мускулистые, но тонкие в кости. На груди висел небольшой прямоугольный предмет, а в уши было вставлено по золотой кнопке, на манер наушников. Другое снаряжение было прицеплено к поясу, державшемуся на бедрах чудовища.

Раскрывший рот от изумления и ужаса Уилл рассмотрел и второе существо, выглядывавшее из-за плеча первого. Они были похожи, как близнецы. Еще дальше стояла какая-то большая птица с цветастым хохолком на голове. Она смотрела

на композитора с интеллигентным интересом, как, впрочем, и остальные.

После мертвой паузы, которая стала что-то уж слишком затягиваться, второй монстр пробрался в салон мимо первого и направился к композитору, протягивая вперед лапу в каком-то непонятном жесте. Приближаясь к Уиллу, он поджал губы, обнажив сероватые десны и два ряда острых клыков. Он выглядел сказочно сильным и злобным волшебником из мультфильмов. Уилл инстинктивно ударил по этой когтистой лапе, стараясь отбросить ее от себя подальше. Он ударил быстро, не думая.

К его изумлению, существо издало на редкость тонкий вопль, отшатнулось, рефлекторно выпрямилось и изо всех сил треснулось башкой о потолок салона. Здоровой лапой оно схватило ту, по которой ударил Уилл.

Кальдак был шокирован, однако сумел вовремя среагировать. Он выхватил свой пистолет и направил его в грудь аборигена. Он услышал, как за его спиной приглушенно вскрикнула вейс. Ничего! Нестандартная ситуация требует нестандартных решений.

Дальнейшее поведение аборигена показало, что он понял, к чему клонит Кальдак. Он сначала посмотрел на пистолет, затем в лицо Кальдаку, тут же перестал двигаться и замер. Он совершенно правильно разгадал назначение этого продолговатого устройства. Опыт показывал, что даже самые примитивные существа понимают, что следует вести себя потише, если тебе в грудь направили нечто вроде трубки.

Дропак притащился в центральную кабину, где сел на пол, продолжая морщиться от боли и держа на весу поврежденную руку. Кальдак указал пистолетом аборигену на дверь. Он повиновался и тоже прошел в центральную кабину, где к этому времени, — помимо раненого Дропака, — находились еще двое массудов и вейс. За аборигеном туда вышел и Кальдак. В помещении было достаточно места для всех.

Абориген стоял в кабине выпрямившись. Он был чуть выше вейс и вообще выше представителей всех других рас, населявших Узор, за исключением массудов и чиринальдо. А лицо его было еще более плоским, чем у с'вана.

— Я думаю, что он мне ее сломал, капитан, — сказал Дро-

пак, подняв на Кальдака глаза. На губах раненого выступила пена. Видимо, боль была очень сильной. — Вы видели, как быстро он двигался?

— Видел, — ответил Кальдак, не спуская глаз с аборигена.

Он не собирался его убивать, но твердо решил больше не допустить с его стороны проявления насилия по отношению к участникам экспедиции. Он не мог понять, почему абориген отреагировал столь агрессивно на дружеское приближение Дропака?

— Возможно, воинственность этого индивидуума несвойственна остальным представителям местной расы, — дрожащим голосом проговорила вейс. — И поэтому его вынуждены были изолировать от общества.

— Здесь все воинственно, — резко заметил Дропак. — Даже музыка.

Кальдак бросил короткий взгляд на раненого солдата.

— Уходи. С поврежденной рукой ты пользы здесь не принесешь, а в случае новых проблем на тебя набросятся на первого именно потому, что у тебя повреждена рука.

Дропак согласно кивнул и вышел. Губы у него мелко дрожали.

Четверо оставшихся из группы контакта со всех сторон обступили аборигена, который в результате подался чуть назад. Вейс держалась на заднем плане. Кальдак знал, что если дело дойдет до драки, ей несдобровать.

— Если он сделает хоть одно движение навстречу, — негромко предупредил Кальдак своих товарищей, — стреляйте.— Он игнорировал их изумленные взгляды на него. — Мы поищем в другом месте более сговорчивого местного жителя. Мы, к сожалению, не знаем, на что способны эти существа, а я не хочу, чтобы из нас еще кто-нибудь пострадал.

Абориген прислонился спиной к огромному колесообразному устройству. Он напряженно смотрел на Кальдака, когда тот отдавал свои распоряжения. Разумеется, ничего не понимая из того, что говорилось в его присутствии и, судя по всему, относилось к нему.

— Я не видела, — проговорила вейс, разглядывая аборигена любопытным взглядом своих нежных, прозрачных глаз. —

Вы говорите, что Дропак попытался поприветствовать его, и он просто так ударил и сломал руку? Без предупреждения?

— Если он и предупреждал, то я не слышал, — резко ответил Кальдак. — У него даже губы не шевельнулись.

— Да, я точно видел, — пробормотал один из массудов. — А, может... А вдруг это что-нибудь вроде способности, которой обладают амплитуры?

— Нет, непохоже. Совсем непохоже. Он очень агрессивен. Мы не рассчитывали на столь бурную реакцию аборигенов. Надо как-то выходить из создавшегося дурацкого положения.

— Значит... Как это возможно?! Ударить разумного, даже не сделав попытки вначале узнать, что он хочет?! Просто взять и сломать руку?!

Кальдак мельком глянул на вейс и понял, что она на грани шока. Дабы предотвратить это, он резко обратился к ней:

— Узнай, что ему надо.

Горячечный блеск тут же погас в глазах орнитopпа. Она вздохнула и согласно кивнула. Перед капитаном стоял снова готовый к работе подчиненный. Она неуверенно шагнула вперед. Кальдак проверил свой транслятор.

Вейс довольно легко дался переход с текучего языка массудов на основной для этой местности язык аборигенов. Он чем-то напоминал язык турлогов и с'ванов. Но совсем немного.

Она сказала, обращаясь к аборигену:

— Не волнуйтесь. Мы не желаем причинить вам вред.

Уилл изумленно вскинул голову и стал разглядывать большую птицу. Она только что заговорила с ним на великолепном американском варианте английского языка! Без малейшего акцента!.. Уилл пропустил мимо сознания первую ее фразу из-за присутствия трех устрашающих монстров, в пастях которых поблескивали острые клыки. Каждый направлял в него какое-то устройство с чем-то вроде короткого дула. Может, это какие-нибудь научные приборы, с помощью которых делаются различные замеры состояния атмосферы или измеряется температура его тела... Но Дьюлак больше все-таки склонялся к иному предположению.

Впрочем, сейчас не это волновало его больше всего. Он понял, что тот чужак, который ушел на палубу, держа одну

лапу на весу, получил травму, и что в этом повинен он, Уилл Дьюлак. Но он бил далеко не в полную силу! Он и не хотел нанести травмы... Просто испугался протянутой к нему когтистой лапы и отпихнул ее в сторону, кто ж знал... Впрочем, он тогда ничего не соображал и, возможно, переборщил немного с силой удара.

Теперь, естестественно, эти существа рассматривают его, как своего врага. Но он не был им врагом! Они думают, что он по природе своей так агрессивен, но это неправда! А что же они от него ждали, завалившись на борт катамарана посреди лагуны глубокой ночью?! Да еще этот их внешний вид...

Откуда они свалились? Воображение у композитора было буйным и уже начало просчитывать возможные варианты. От них пахло лагуной, но не похоже было, что это местные рыбаки, напившись, решили позабавиться. Не походили они также и на студентов из его группы, которые не поленились проделать за ним весь путь до Белиз и теперь сыграли с ним эту до крайности идиотскую и грубую шутку, переодевшись в маскарадные костюмы. Даже если предположить, что это всего лишь пугающие наряды, за которыми скрываются обыкновенные люди, то... кто может скрываться в костюме этой большой птицы? В эти размеры даже ребенок не влезет!

Он задался вопросом: а почему с ним говорит только она? У нее был приятный голос, в котором слышались явные и, по-видимому, искренние нотки. Она хотела его успокоить. Но как же тут оставаться спокойным?! Она просила его поверить в то, что все это на самом деле с ним происходит, что все это самое настоящее... И композитор уже начал склоняться к этому, но... Но он не хотел в это верить!

— Нет, это безумие... Это черт знает что такое... — прошептал он, продвигаясь постепенно к двери, ведшей в помещение левого борта.

— Осторожней! — предупредил Кальдак своих подчиненных. — Он пришел в движение.

Командир чуть выше поднял пистолет, стараясь понять, какая часть этого тела, будучи раненой, не приведет к смерти всего организма.

Вдруг существо резко изменило направление движения и нырнуло в дверь, которая вела в другой корпус. Оно провер-

нуло этот маневр с такой скоростью, что никто из солдат не успел среагировать.

— Смотрите! — крикнул Вулди. — Он пытается смыться!

Несмотря на этот крик, никто не выстрелил.

Вместо этого массуды пустились в погоню, испытывая ограниченность в движениях в условиях столь тесных помещений. Вейс была позади всех и старалась не отстать. Она что-то кричала, что, по ее мнению, должно было звучать для уха аборигена как нечто успокаивающее. Когда нужной реакции не последовало, она автоматически стала переключаться на другие языки:

— Почему вы убегаете?! Ничего не случилось! No problema aqui, senor! Was ist mit ihnen los?

Уилл выскочил через люк второго салона на палубу, тщательно задраил его и стал дико озираться по сторонам. Корма была свободна. Он вступил на качающийся кусок парусины, туго натянутый между частями сдвоенной кормы, — он любил загорать в этом гамаке. Если ему удастся добраться до Гофф-Кея и укрыться там до утра, потом он сможет передать свой тревожный рассказ в Хав-Мун-Кей, где располагался единственный правительственный чиновник, в чьем ведении находится эта территория. «Хав-Мун» был птичьим заповедником, и туда частенько заходят туристические боты.

Конечно, ему никто не поверит. Все будут смеяться над историей о том, как посреди ночи на его катамаран нагрянуло четверо существ, выглядевших как гиббоны и с мордами, как у гигантских крыс. Да еще в придачу пестрая эму, без акцента разговаривавшая с ним по-английски. Никто Уиллу, конечно, не поверит, но сейчас ему было на это наплевать. Главное, на данный момент — как можно больше увеличить расстояние, которое разделяет его самого и весь это кошмар.

Он стоял на самой корме, когда на палубе стали появляться эти существа. Только теперь он смог четко увидеть, какими высоченными они были, если не считать большой птицы.

— Подождите, прошу вас, подождите! — умоляющим голоском вопила птица.

Он глянул на нее в последний раз и подивился: как это у нее получается выговаривать слова своим неудобным тяжелым клювом?

Ближайший в нему монстр вновь поднял свое оружие и направил в сторону композитора. Это решило все дело.

Кальдак замер в изумлении, увидев, как абориген кинулся в воду. Он и его товарищи осторожно приблизились к борту судна. Аборигена нигде не было видно, вода была, как ровное полотно.

— Неужели они амфибии? Я что-то не заметил у него жабр.

— Нет, — отозвался Вулди и указал на правый борт.

Все перешли туда и увидели аборигена, который вынырнул на поверхности на некотором удалении от судна. Он плыл по направлению к одному, очень далекому острову.

— Не верю своим глазам! — воскликнул кто-то из солдат.— Глядите, как проворно он загребает!

Кальдак вновь поднял свой пистолет. Аборигена можно было бы несмертельно подстрелить, но вдруг он не умеет дышать в воде? В этом случае он захлебнется и утонет, прежде чем они вытащат его из воды.

Чем больше новых способностей обнаруживали жители этого мира, чем тревожнее становилось на душе у командира экспедиции.

Он включил коммуникационное устройство и отдал необходимые распоряжения.

Уилл перестал двигаться в воде, пытаясь перевести дух. За его спиной на темном горизонте маячил костлявый силуэт катамарана. Он видел трех монстров, застывших на куске парусины. Они глядели в его сторону, но не продолжали преследование. Большая птица держалась рядом с ними. Либо они не хотели прыгать за ним в воду, либо не умели плавать. Что ж, тем лучше. Он немного расслабился.

Вода была теплая и приятно успокаивала напряженный организм. К тому же Уилл уже преодолел треть расстояния до островка. Из опыта своих купаний в этой лагуне он знал, что впереди лежали острые коралловые рифы, из которых лишь некоторые виднелись на поверхности. Следовало плыть осторожнее. Главное, не разбрасывать широко ноги. Тогда он проскочит мимо них целым и невредимым.

Как только он отвернулся от катамарана, чтобы возобновить свой кроль, он увидел прямо перед собой страшное

лицо, показавшееся в воде в футе от него. Оно было выпуклое и лоснящееся. А страшная пасть разрезала его почти наполовину! Нечто похожее на розовые ошметки морских водорослей располагались по обе стороны шеи этого существа, а пара маленьких черных глаз уставилась прямо на композитора. У существа был хвост и задние лапы были снабжены перепонками. На его теле было что-то вроде одежды, а на бедрах болтался тяжелый пояс со снаряжением. Уилл сразу подметил, что морское чудище меньше его по размерам, но это обстоятельство нисколько не уменьшило шок от такой встречи.

Испустив какой-то хриплый, нечленораздельный вопль, композитор попытался обогнуть это существо в воде, но не тут-то было! Бесшумно и, казалось, без всяких усилий двигаясь в воде, оно вновь вынырнуло прямо перед Уиллом.

Несмотря на то, что оно было меньше композитора, пасть у него была такая огромная, что могла сразу поглотить целую голову Уилла. И это устрашающего вида отверстие все время раскрывалось, и из утробы существа доносились какие-то булькающие звуки. Композитор снова предпринял попытку избавиться от попутчика, но это ему не удалось и он понял сразу две вещи: во-первых, что ему не отделаться от существа, во-вторых, что ему не добраться до темнеющего вдали островка. Тогда Уилл отплыл чуть назад и принялся изучать морское чудище.

Итак, оно обладало жабрами, хвостом и перепончатыми лапами, значит, уплыть от него нечего и думать. Оно не нападало на Уилла и даже не казалось враждебно настроенным по отношению к нему. Композитору почудилось, что его простонапросто с любопытством разглядывают. Огромная пасть существа была лишена зубов. Во всяком случае, их не было видно. И вообще что-то было такое в этих черных глазах и во всем облике существа, что говорило о том, что Уиллу не следует его бояться.

Оно снова что-то булькнуло. Нет, это, конечно, не домашнее животное. Композитор понял это сразу, как понял и то, что, судя по всему, это вообще не животное. В этом его убеждал пояс со сложным и непонятным снаряжением. Существо вело себя ненавязчиво, но и не равнодушно.

Повернувшись в воде, Уилл указал рукой в сторону ката-

марана и вопросительно взглянул на существо с хвостом. Он не удивился, когда увидел, что оно вытащило из воды одну из передних лап и повторило жест композитора.

— Ну, хорошо, — устало проговорил Уилл. — Намек понял. На остров ты меня не пустишь, это мне ясно. Я возвращаюсь, только ты не помогай мне, а то еще утопишь.

И он неохотно попыл обратно.

Пока он приближался к катамарану, ему в голову пришла обнадеживающая мысль. Чужаки до сих пор не пристреливали его, хотя могли сделать это уже несколько раз. Когда он убежал из кабины, когда он прыгнул за борт и когда он вынырнул и поплыл к острову. Какими бы ни были их намерения, судя по всему, немедленное членовредительство и вивисекция не входили в их планы.

Он до конца уверился в этом, когда подплыл к своему катамарану с кормы.

Навстречу ему свесилась длинная, сухощавая рука. Он глянул вверх и увидел над собой бакенбарды, клыки и страшноватые кошачьи глаза.

Значит, ему хотят помочь взобраться на борт? Отлично. Уилл ухватился за протянутую ему руку.

— Не могу! — сказал солдат Кальдаку. — Я не думал, что он окажется таким тяжелым.

Вулди пришел на помощь своему товарищу. Вдвоем они втащили аборигена на катамаран. Кальдак и Дропак прикрывали своих товарищей на случай неожиданности. Этот абориген мог выкинуть все, что угодно. Надо было быть ко всему готовыми. Слава Богу, ничего не случилось. Капитан знаком отпустил Ватолоя, и тот уплыл к покинутой на время субмарине.

Уилл взобрался в кокпит и стал разглядывать своих пленителей. С него обильно капала на пол вода. Они растянулись полукругом. Не иначе, намеревались этим предотвратить вторую возможную попытку побега.

— Только спокойно! — проговорил Уилл, поднимая вверх обе руки. — Больше в воду не полезу, но здесь холодно. Я весь мокрый и мне нужно достать полотенце.

— Пожалуйста.

Уилл с восхищением глянул на вейс.

— Черт возьми, вы отлично говорите по-английски! У меня есть студенты, которых вы смогли бы натаскивать перед экзаменом!

Вейс ответила на комплимент аборигена нахальным встряхиванием своего птичьего хохолка. Затем она повернулась к Кальдаку.

— Он говорит на основном местном языке. Значит, мои первые слова были им поняты. Полагаю, он нас испугался, потому и сбежал.

— Не понимаю! — искренне удивился капитан. — Мы не проявляли себя по отношению к нему враждебно.

— Боюсь, его реакция была основана на нашем внешнем виде.

— Чепуха какая-то! Что в нас такого, чего бы абориген мог испугаться?!

— Я переводчик, а не ксенопсихолог. — После этого вейс снова заговорила по-английски: — Идите и берите свое «полотенце». И верьте, когда я говорю: мы не хотим причинить вам вреда. И незачем вам было убегать.

— Да? Лично мне думается иначе, вот в чем вся штука.— Это выражение «вот в чем вся штука» прилипло к нему с детства. Он сейчас обратил на это внимание, на него нахлынули воспоминания. Но он быстро опомнился и проговорил вдобавок: — Дайте мне минутку на то, чтоб обсушиться. А потом... Кстати, чего это вашим э-э... друзьям от меня надо-то?

Он направился в центральную кабину. Его гости (это слово было лучше «пленителей») последовали за ним.

— Просто поговорить, — ответила вейс.

— А, понятно. Откуда вы явились?

На секунду вейс задумалась над тем, как перевести лучше, потом отыскала в местном языке более или менее эквивалентное понятие:

— С Узора.

— С Узора? М... Это что, где-то там? — С этими словами он показал пальцем в небо. Вейс вновь тряхнула своим хохолком, не будучи уверенной в том, что абориген правильно растолкует этот жест.

— И вам всего-то только и надо, что поговорить?

Кальдак больше не мог оставаться в стороне. Он при-

близился к аборигену. Тот замер, весь напрягшись... Массуд повесил ему на шею транслятор, закрепил на голове наушники, которые автоматически вжались аборигену в уши. Тот постепенно расслабился и даже обнажил свои мелкие зубы.

— Нам надо очень многое рассказать вам, — сказал массуд.

При этих его словах глаза аборигена широко раскрылись, что, очевидно, следовало понимать как знак того, что транслятор работал исправно.

Немного поколебавшись и заинтересованно оглядев прибор, болтавшийся у него на шее, абориген стал отвечать. Транслятор тут же перевел его слова на текучий язык массудов:

— Не знаю, что вы там хотите мне рассказать. Меня гораздо больше интересует другое... Как бы вы меня не пристрелили.

— Зачем нам стрелять в вас? — спросила вейс, но поймав на себе раздраженный взгляд командира экспедиции, она потупилась и быстро проговорила на массудском: — Прошу прощения, капитан, я вовсе не собиралась...

— Ладно. Мне важен результат, а не соблюдение протокола, — ответил тот и вновь повернулся к аборигену. — Нам нужно рассказать вам об Узоре. Об амплитуре и о... — командир сделал паузу, решая, стоит ли сразу так волновать аборигена, и давая время транслятору на перевод. Потом добавил: — И о многом другом.

— Отлично. — Похоже, лаконичность была в природе этого местного жителя. — Все отлично до тех пор, пока вы не захотите прикончить меня.

— Почему вы так упорствуете в этом некорректном предположении? — спросил Дропак. Он теперь держал пистолет в другой, неповрежденной руке. — Зачем нам убивать вас? Вы разумный. Мы также разумные. Мы только что познакомились. Зачем же мы станем грозить вам оружием?

— Вот и я спрашиваю: зачем? — усмехнулся Уилл и показал Дропаку глазами на его пистолет, все еще направленный на композитора.

Массуд, казалось, смутился тем, что абориген поймал его.

— Вы в гневе ударили...

— При чем тут гнев? Я просто испугался.

— Но почему?

Уилл вздохнул.

— Нет, так у нас ничего не получится. — Он снова кивнул Дропаку на его пистолет. — До тех пор, пока вы не уберете куда-нибудь эти свои штуки.

Дропак глянул на командира. Нарочито медленно Кальдак прицепил пистолет обратно на пояс. Его подчиненные последовали примеру командира.

— Так-то оно лучше, — удовлетворенно произнес Уилл.

Он подошел к бельевому шкафу, вытащил полотенце и наскоро вытерся. Он был в двух шагах от штурвала (одно «колесо», как уже было сказано, находилось на палубе, второе здесь, в центральной кабине). Протяни руку и достанешь радиопередатчик или радиотелефон. Но Уилл не стал производить резких движений. Вот если наступит момент, когда эти существа не станут смотреть в его сторону, а еще лучше, если они выйдут за чем-нибудь на палубу...

Вытирая голову, он заговорил:

— Слушайте, я извиняюсь, конечно, за то, что травмировал вас. Кто ж знал, что все так выйдет...

Дропак понял, что эти слова адресованы ему.

Кальдак подумал: «Принесение извинений за совершенное насилие! Обнадеживающий знак. Впрочем, выводы делать пока рано».

— Надеюсь, у него будет все в порядке? — обратился композитор к командиру. — Кстати, меня зовут Уилл Дьюлак.

— Двойное имя? — удивилась вейс.

— Да.

— Дропак поправится. Наш медицинский персонал располагает средствами, которые ускорят его выздоровление.

Абориген зачем-то выглянул в иллюминатор.

— Медицинский персонал, говорите? Значит, у вас должен быть вместительный корабль. Вы что же, если на одном из этих островков?

— Челнок. Экспедиционный корабль расположен на орбите между вашей планетой и вашей непропорционально большой луной.

Кальдак был смущен вопросом аборигена. Как только он

начинал думать об этом существе как о восприимчивом, разумном, так тот тут же выдавал свое невежество каким-нибудь глупым вопросом или репликой. Он был сам кладезь противоречий.

— Скажите, — обратился к аборигену Вулди, будучи больше не в силах скрывать свой интерес. — А вы случайно не воин?

— Кто, кто? — улыбаясь, переспросил композитор.

Вулди повторил вопрос, но иначе: транслятор по его просьбе поменял слово «воин», которое абориген, по-видимому, не понял, на его смысловой эквивалент из этого же языка.

— Ах, вы имеете в виду, солдат! — С этими словами абориген опустился на высокий, обитый подушками стул. — Какой там, к чертям собачьим... Интересно, с чего это вы взяли, что я солдат?

— Вы ударили, нанесли повреждение разумному.

— Я же сказал, что испугался. Я не воевал с ним. Когда ваш друг приблизился ко мне, я просто попытался отвести его э-э... руку в сторону. Вот и все. Может, я сделал это немного резко, но, клянусь, у меня и в мыслях не было наносить ему травму!

— Зачем вам было отбрасывать его руку в сторону? И почему вы сделали это так, как сделал бы только солдат?

Уилла начал раздражать этот допрос.

— А вы бы что сделали? Скажете, что не стали бы отбрасывать? — ответил он вопросм на вопрос.

— Разумеется, не стал бы, — тут же ответил Вулди. Он был удивлен самой постановкой вопроса.

— Я еще раз повторяю: я не солдат, — резковато заметил Уилл. — Я музыкант, композитор.

— Мы слышали вашу «музыку», — объявил Кальдак. — Она не пришлась нам по душе.

— Жаль, что еще могу сказать?

В душе Дьюлак и не думал огорчаться этим заявлением. Что могут понимать в настоящей симфонической музыке эти заросшие шерстью?..

Вулди отодвинул транслятор в сторону и обратился к Кальдаку:

— Я смотрел руку Дропака. Если это раса музыкантов и

композиторов, то что же будет, если они вдруг согласятся воевать?

— Тут необходимо все терпеливо и тщательно продумать,— предупредил его командир. — Не забывай, что мы имеем дело с единичным аборигеном в узко конкретной обстановке.

Впрочем... Тут командир немножко слукавил. Разве можно было забыть о двух пропавших дистанционных зондах? Ведь, собственно, они и явились побудительным мотивом для появления на поверхности планеты группы контакта?

— Согласен, музыка у них воинственная и агрессивная. Но это не значит, что и аборигены, ее сочиняющие, сами подготовлены к ведению войны.

— В физическом отношении они вполне подходят, — настаивал Вулди, не желая гасить свой оптимизм. — Дропак может подтвердить, основываясь на личном опыте.

Тропическая ночь вскоре согрела тело Уилла. Он внимательно наблюдал за двумя переговаривающимися чужаками. Несомненно, они представляли для него не меньший интерес, чем он для них. Он все еще не был до конца убежден в том, что их намерения по отношению к нему сугубо мирные, но чувствовал, что непосредственной опасности не подвергается.

Изучая их, он вдруг осознал главное внешнее различие между ним и этими существами. По сравнению с ними композитор был беззащитно голый. Его гости были, напротив, с головы до ног покрыты короткой серой шерстью. Что же касается птицы, разговаривавшей на английском языке, то она была вся в перьях, в некоторых местах очень цветастых. Она была чем-то средним между птицей-секретарем и «эйнштейном». В настоящий момент копалась в своем поясе со снаряжением. Ее большие нежные глаза отливали зеленым перидотом.

В отличие от своих спутников Уиллу она совсем не казалась опасной. Во-первых, у нее были очень мягкие манеры, — пистолета своего, если он у ней и был, она не доставала, — медоточивым был и голосок. Почему-то Уиллу казалось, что пришельцы с других миров как раз и должны обладать таким голосом.

Он повесил полотенце себе на шею. Два чужака, один из

которых был, судя по всему, главным, продолжали о чем-то спорить. Заметят ли они, если он как бы небрежно коснется рычажка на радиопередатчике и тем самым включит его? Все было давно устроено так, что стоило включить передатчик, как с диктофона тут же посылался сигнал о помощи. Его координаты будут переданы также автоматически. Сюда устремятся все яхты и мотоботы, какие только есть поблизости. Это может отпугнуть его посетителей и они сбегут. Впрочем, кто знает, а вдруг они справятся и с подошедшей помощью?

К этому времени первоначальный страх уже прошел и сменился любопытством. Он еще раз выглянул в иллюминатор, желая узнать, что сталось с тем морским существом, которое перехватило его в воде, когда он пытался сбежать. У него не было трансляторного устройства, но существо все же пыталось ему что-то сказать.

Теперь уже к спору подключился и третий волосатый гость, а большая птица продолжала все так же сосредоточенно копаться в своем бардачке. Уилл ни минуты не сомневался в том, что спор идет вокруг его персоны. Почему умное трансляторное устройство ничего не переводит? Может, оно реагирует только когда говоришь ему прямо в микрофон? А может, они специально выключили машинку на время, чтобы Уилл стоял здесь, как последний дурак, ни черта не понимая и только гадая, что да как.

Пользуясь случаем, он стал изучающим взглядом скользить по их снаряжению. Назначение двух предметов он уже знал, — оружие и трансляторы, — но там были и другие. Отбрасывавшие блики. Сделанные из каких-то непрозрачных материалов. Кто его значет, что это такое? Может, пластик, а может, и какой-нибудь металл. Или что-нибудь еще более экзотические, вроде металлического стекла. Он мог судить, лишь опираясь на статьи, когда-то прочитанные в научно-популярных изданиях. Вообще-то его осведомленность в технических науках была весьма и весьма сомнительна.

Вдруг они закончили свой разговор, который проходил на необычно высоких, даже писклявых тонах, и все повернулись вновь к нему. Рука композитора, уже потянувшаяся было к радиопередатчику, замерла. Он глуповато улыбнулся, про себя тревожась: догадались ли они? Тот, кто казался среди них

главным, сделал шаг вперед. Его бакенбарды подрагивали довольно комично. Правда, в его острых клыках не было ничего забавного.

— Скажите-ка, — вдруг сказал композитор первое, что пришло ему в голову. Он захотел отвлечь внимание чужаков от своей руки и передатчика. Высокий чужак остановился. Приободрившись этим, Уилл продолжал: — Вам не случалось бывать у нас раньше? Я хочу сказать: вы уже посещали нашу планету? Так, что мы этого не заметили?

Во взгляде чужака проскользнула тревога. Уилл этого никак не ожидал.

— А почему вы спрашиваете? Вы уже имели дело с разумными, которые прилетали к вам?

— Да нет. Во всяком случае, я в это не особенно-то верю. Я имею в виду слухи о неопознанных летающих объектах. Уже лет двадцать-тридцать эта тема не слезает с газетных полос. Я-то лично не верю, но у нас даже ученые некоторые вроде бы что-то такое отыскали...

Смутившись реакцией на свою речь чужаков, композитор замолчал.

— Никто с Узора, — ответил чужак, напряженно заглядывая Уиллу в глаза, — здесь прежде не был. Мы открыли вас в настоящей экспедиции. — Чужак говорил раздельно и как-то торжественно. — Значит, вы говорите, что подтвержденных контактов с разумными галактики ваша цивилизация не имела?

— Именно это я и говорю, — ответил Уилл немного растерянно.

Композитор не мог понять, отчего они так взволновались? Ему не нужен был транслятор для того, чтобы прочесть тревогу на волосатых лицах своих гостей.

Впрочем, после его ответа эта тревога почти рассеялась.

— Для нас очень важно быть уверенными в том, что мы являемся первыми инопланетными посланниками в вашем мире, — сказала по-английски большая птица.

Уилл хотел уже было поинтересоваться, а что это вдруг им так важно, но не успел, так как вновь заговорил долговязый командир.

— Меня зовут Кальдак с Массудая. — Трансляторное ус-

тройство, разумеется, не стало переводить имя, а только выдало его для слуха землянина в виде согласных и гласных привычного ему алфавита. Собственно, Уиллу показалось, что это слово не произнесли, а просвистели. Транслятор справился с этой задачей, хотя и колебался с пару секунд. — Я командую настоящей экспедицией. По профессии я солдат. По совместительству — капитан. Любимое занятие — бег. Пол — мужской. У меня одна подруга и пока еще нет детенышей. Мой род очень известен и уважаем. Я всеяден, но к пище подхожу с позиций аскетизма. Я рассказал вам о себе, теперь ваша очередь.

Почему бы и нет? Уилл присел на диван. В конце концов он не засекреченный агент.

— Мне тридцать восемь лет, я холост. Преподаю студентам. Пытаюсь завоевать признание как серьезный композитор. Этот катамаран — мой временный дом. Добровольно измененный стиль жизни, из-за чего мои более консервативные приятели считают меня чуть ли не преступником. — Он внимательно взглянул на командира чужаков. — Скажите, вы все всегда так нервничаете?

— Не понял? — удивился Кальдак.

— Вот я смотрю на вас и на ваших друзей... Ваши лица находятся в постоянном движении. Рот, губы, уши, баки, нос. И все это, я извиняюсь, конечно, как-то подергивается, что ли... Это у вас никогда не прекращается? Что-то вроде тика?

— Это естественная функция нашей физиологии, — объяснил Кальдак. — Это вас беспокоит?

— Да нет, при чем тут это! Просто я хотел сказать, что у нас такой функции никогда не было и поэтому трудно сразу привыкнуть.

— Ничего, привыкнете, — подала голос большая птица, — Я вейс. Наши лица, как и ваши, не знают подобной особенности.

Уилл взглянул на птицу с интересом. Она только что сделала рукой такой плавный жест, будто одним махом вывела в воздухе большой и сложный цветок.

— У каждой разумной расы, — продолжал Кальдак, — есть свой набор характеристик. И если та или иная из них

одной кажется вполне естественной, то для другой выглядит странно и, возможно, даже неприятно.

— Ага! Это к примеру, как я отпихнул в сторону руку вашего друга, а?

Кальдак не хотел возвращаться к этому вопросу. Чем больше они разговаривали с этим аборигеном, тем чаще тот стал извиняться.

— Что еще вы могли бы рассказать о себе?

Уилл развел в стороны руки.

— Немного. Раз моя музыка вам не понравилась, о чем тут еще говорить? Я наполовину каюн, хотя, боюсь, это вам ничего не объясняет. Мы называем себя землянами.

Он сделал жест рукой в сторону ближайшего иллюминатора, показывая на спокойные воды лагуны и близлежащие необитаемые островки.

— А свою планету мы зовем Землей. В настоящее время мы находимся недалеко от побережья маленькой центральноамериканской страны Белиз... — Сказав это, композитор вдруг заинтересовался одним моментом. — Кстати, почему вы решили именно здесь совершить посадку? Почему не в Вашингтоне или Москве, или в еще каком-нибудь важном месте?

«Знает ли этот абориген что-нибудь о сбитых зондах?»

Кальдак в этом очень сильно сомневался и решил пока не поднимать этого вопроса.

— Для изучения открытых миров у нас есть специально разработанная программа. В соответствии с ней мы решили приблизиться к вам тихо, чтобы иметь возможность беспрепятственного изучения и ознакомления с вами до первого официального контакта. Мы так поступаем и с другими мирами. Особенно с теми, где сообщество разумных весьма разнообразно.

— А, понимаю! Намекаете на нашу пеструю компанию? — попытался отгадать мысль чужака Уилл. — Смотрике-ка, действительно забавно! Я, вы, вейс, потом еще то существо, которое перехватило меня в воде. Четыре разумных и все разные! — Он покачал головой. — Мы всегда задавались вопросом: одни ли мы в космосе, во Вселенной? Неужели никого больше нет, кроме нас?

«Какая вздорная точка зрения! — подумал Кальдак. — Какое слепое самомнение!» И сказал:

— В Галактике существуют десятки разумных рас и цивилизаций.

— Понимаю. — Абориген на минуту замолчал. Потом спросил: — Если миров так много, почему же до сих пор к нам никто не добирался? Раньше вас, я имею в виду?

— Основное большинство зрелых, развитых цивилизаций размещено ближе к центру галактики. Во всяком случае, в стороне от вашей системы. Изучение исторически было направлено на миры, которые лежат близко один от другого. Вы находитесь как бы на отшибе.

Кальдак охотно отвечал на вопросы аборигена. Тот был очень активен, и его можно было изучать, просто наблюдая за ним.

Он проявлял любопытство, и это нравилось командиру. Заинтересованность — это признак цивилизации.

— Можно нам будет осмотреть ваш катамаран? — вежливо спросила вейс. — Ваш дом, я хотела сказать?

— Конечно, почему бы и нет? Все равно я не смогу вам в этом помешать.

Снова он! Только-только абориген начинал вести себя нормально, как вдруг из него прорывалось что-нибудь глупое или подозрительное.

— А почему бы вы стали нам мешать? — спросил его Кальдак.

— Ну... Ведь это мой катамаран, не так ли?

— Да. Но мы не собираемся ломать его или брать что-нибудь.

— Да нет, вы неправильно меня поняли. А вообще я и не хотел сказать, что вы можете что-нибудь украсть. Ну, это просто обычная словесная реакция... Фигура речи, о'кэй? Забудьте.

Уилл внимательно смотрел на транслятор: как бы тот чего не напутал.

— Но это не обычная, не естественная реакция! — ответил Кальдак.

Дропак и Вулди исчезли в правом корпусе судна.

Командир жалел, что с ними нет ксенопсихолога. Чем бы-

стрее аборигена осмотрит специалист, тем больше они получат нормальных ответов на свои вопросы. Но пока Кальдак понимал, что ему придется общаться с аборигеном, исходя из собственных небогатых возможностей. Впервые в жизни он пожалел немного о том, что все годы учился только военному делу.

— Вы выразили предположение о том, что в случае вашего отказа разрешить нам осмотреть ваше судно мы бы все равно это сделали? С применением против вас силы?

— А что, не сделали бы?

Это автоматически высказанная аборигеном убежденность в правильности своей точки зрения больше всего поразила Кальдака. А происходит ли между ними настоящее общение? Похоже, пришло время в этом крепко усомниться... Разговаривать — разговаривают, а вот что до общения...

Он вопросительно взглянул на переводчика.

Вейс поняла этот взгляд и провела экспресс-осмотр аппаратуры.

— Трансляторы функционируют нормально, капитан, — наконец уверенно сказала она.

— Может, в программу закралась ошибка и некоторые выражения переводятся неверно?

— Нет, я бы это заметила.

— Вы знаете их язык. Скажите: вы подтверждаете то, что я его правильно услышал?

Тонкая рука вновь сделала плавный жест в спертом воздухе кабины.

— Мое знание здешних языков еще далеко от совершенства. Есть целая масса смысловых противоречий, с которыми мне и моим коллегам еще предстоит разобраться. К примеру, земляне имеют в своем словаре избыточное количество глагольных форм, обозначающих стандартный набор простых действий. Создается такое впечатление, что они нарочно перегружают свои языки, изобретая все новые и новые словесные конструкции для обозначения понятий, которые уже имеют словесное выражение. Не знаю, может, это как-нибудь связано с их эстетическими представлениями... Но так или иначе, хоть мы и не разобрались еще до конца в тонкостях

смысла тех или иных выражений, их первые значения известны и заложены в программу транслятора, так что...

Верхняя губа Кальдака непроизвольно дернулась.

— Очень хорошо. Будем из этого исходить и дальше, если вы не снабдите нас новыми сведениями из своей области.

В кабине был один только стул. Кальдак придирчиво осмотрел его, но в конце концов предпочел сесть прямо на пол, скрестив ноги и опустив руки на колени. Как только он это сделал, уголки рта аборигена дрогнули и поползли вверх. Кальдак удивленно заметил это, но потом ему пришло в голову, что похожее движение существует у остряков с'ванов.

— Скажите, как следует понимать это движение ваших губ, которые изогнулись дугой? Вам что-то понравилось или нет?

— Да просто улыбаюсь, если вы это хотели узнать, — ответил Уилл. — Ну, это выражение того, что мне приятно э-э... то, что я вижу перед своими глазами.

Хорошо, что хоть теперь ничего не боится и не подозревает.

— Перед своими глазами вы видите меня. В моей внешности вас что-то позабавило?

— То, как вы сидите. Такое впечатление, что вы сейчас начнете медитировать или еще что-нибудь в этом роде.

— Нет. Я просто сижу.

Кальдак слукавил. Он сел на пол не просто так. Поверив в слова землянина о его страхе при виде гостей, командир специально опустился как можно ниже. Из опыта общения с представителями других рас он знал, что страх исчезает, когда ты начинаешь смотреть на источник страха сверху вниз. Командир любезно предоставил землянину эту возможность. Может, теперь общение наладится?

Он наконец примирился с мыслью о том, что сломанная рука Дропака — это результат их действительно внезапного появления на борту катамарана. С того инцидента землянин вел себя вполне мирно. С точки зрения миссии, возложенной на экспедицию, это было даже плохо. Впрочем, они особо ни на что не надеялись, совершая посадку на этой планете.

И все же они нашли разум и технологии, уровень которых еще предстояло выяснить. Второй потенциальный союзник

Узора. Как ни крути, а экспедиция проходит с большим успехом.

— Вы не будете возражать против дополнительных вопросов?

Уилл откинулся на спинку дивана.

— Если вам нужна сверхважная и сверхсекретная информация, я вам помочь ничем не смогу. Я могу порассказать вам о музыкальных компьютерах, синтезаторах, о моем катамаране... И, пожалуй, все.

— Отвечайте, как можете. Мы не станем упрекать вас за скудность сообщенных сведений.

— Еще бы.

Уилл на минуту отвернулся к иллюминатору и тут же унесся мыслями далеко-далеко от своего катамарана. Он смотрел на искрящуюся воду, на фосфоресцирующие морские организмы. Днем станет видно, как здесь представлен богатый цветовой спектр. Он смотрел на это зрелище, и оно его успокаивало, лаская зрение и душу.

Кальдак оглядел своих подчиненных и увидел, как все они напряглись в ожидании продолжения разговора. Сейчас уже можно говорить о главном. Время подошло.

— Прежде чем мы совершили посадку и встретились с вами, с корабля мы запустили два дистанционных зонда, которые должны были, облетая вашу планету над самой поверхностью, доставить нам первые сведения о ней и о вас. Это предварительная часть той процедуры изучения новых миров, о которой я вам говорил. Дело в том, что оба зонда исчезли. Мы бы хотели знать, что с ними произошло.

Уилл на минуту задумался.

— Где они летали? — спросил он. — Конкретно, над какой местностью? Над США?

— США? К сожалению, я не знаю, что это значит. Они были запрограммированы на то, чтобы изучить два наиболее развитых ваших материка. Один из них расположен к северу от нашего нынешнего местоположения, другой почти на противоположной стороне планеты.

Землянин стал скрести у себя в затылке. Участники экспедиции переглянулись: им был незнаком этот жест. К счастью, землянин им не ограничился и пояснил в словах:

— Если ваши зонды не идентифицировали себя, — не знаю, может, это не было заложено в их программу, — то их, боюсь, попросту сбили.

— «Сбили»... — автоматически повторил за землянином Кальдак и оглянулся на большую птицу-вейс. Они о чем-то быстро переговорили, затем командир экспедиции вновь повернулся к землянину: — Значит, вы предполагаете, что зонды были уничтожены?

— Да, конечно. Видимо, оба вошли в охраняемое пространство. А чего же вы ждали?

— Они никому не причинили вреда. Просто наблюдали.

— Это вы мне сейчас говорите. А откуда же это могли знать те люди на земле, которые отвечают на охрану воздушных границ? Не пойму никак, вы что же думали, что они помахают зондам ручками?

— Они могли провести ответное наблюдение за зондами. По крайней мере, должны были сначала выяснить, имеют ли зонды какие-нибудь враждебные намерения!

— Достаточно им было появиться без опознавательных знаков, чтобы их стали рассматривать как враждебные.

— Почему? — казалось, искренне удивился Кальдак. — Почему их появление должно интерпретироваться непременно так, как вы говорите? Они не несли с собой никакого вооружения и, еще раз повторяю, никому не причинили вреда.

— И я еще раз повторяю: люди на земле этого знать не могли.

Кальдак обратил растерянный взгляд на вейс. И несмотря на то, что она утвердительно кивнула, командир экспедиции снова заподозрил во всем ненадежность трансляторов. Он разговаривал с землянином, но понимания между ними все не было.

— Тем более они не имели права расценивать миссию зондов как враждебную им. И потом... — Он запнулся.

Нет, бесполезно. Ничего он своими вопросами не добьется, это совершенно ясно. Тут будет над чем поработать ксенопсихологам и лингвистам.

— Значит, вы серьезно полагаете, что зонды были уничтожены искуственными средствами? Мы спрашиваем вас, пото-

му что вы местный житель и ваше мнение компетентно по сравнению с нашими догадками.

— Да, я серьезно полагаю, что все произошло именно так, как я сказал. Оба, видимо, залетели туда, куда не следует залетать без спроса. — Взгляд Уилла переместился с командира чужаков на вейс. — Кстати, о зондах. Что вам нужно на нашей планете? Хотите изучить человеческую расу?

Кальдак переменил позу, ибо стали затекать ноги. Землянин задал вопрос. Оставалось на него ответить, объясняя все по порядку.

— Я уже говорил вам, что Галактика — это родной дом для многих разумных цивилизаций и рас. Например, я с Массудая и наша раса — массуды. Вейс вы уже знаете. А в воде вы повстречались с лепаром. На борту экспедиционного корабля есть группа гивистамов, один турлог, о'о'йаны, чиринальдо. Но я перечислил далеко не все расы, составляющие Узор... Но раз я говорю Узор, значит, я отделяю наше сообщество от других рас. Есть и другие расы. Многие до сих пор сохранили независимость, как ваша, например. Многие подчинились влиянию Амплитура.

Кальдак сделал паузу, давая землянину время уяснить сказанное.

Тот заинтересованно слушал то, что ему говорил командир. Спросил:

— Судя по вашему тону, с этим самым Амплитуром связано нечто неприятное, я прав?

Кальдаку это понравилось. Интерес, технология, разум. Все три составляющие цивилизации, казалось, присутствовали в этом землянине. Нет, они не покинут этот мир, пока не сделают его союзником Узора.

— Для того, чтобы понять Узор, вы должны знать кое-что об Амплитуре. А для того, чтобы понять об Амплитуре, вы должны знать кое-что о Войне.

Кальдак опять замолчал, ожидая какой-нибудь реакции на свои слова. Землянин не двигался и не произнес ни слова. Он слушал. Но капитан не знал, о чем он думал.

«По крайней мере сейчас он уже не улыбается», — с удовлетворением подумал Кальдак.

9

С помощью транслятора, — и при необходимости вейс, — Кальдак подробно рассказал землянину историю конфликта между Узором и Амплитуром, историю войны, в которой в той или иной степени участвовало до сотни разумных рас галактики в течение более тысячи лет. Он рассказал о сущности всепоглощающего Назначения, которое вдохновляло амплитуров и их союзников, о стремлении многих рас остаться независимыми, о сопротивлении захватчикам и их непомерным требованиям, несмотря на природную способность последних внушением передавать свои желания и свою волю другим разумным.

Он рассказал землянину о том, как удалось Амплитуру распространить свое влияние на десятки разумных рас и цивилизаций. Рассказал о способе духовного контроля и биоинженерии. Он объяснил, что на протяжении всего этого затянувшегося конфликта обе стороны с упорством вели поиски новых миров, новых разумных. Амплитуры — для того, чтобы интегрировать их в свое Назначение. Узор — для того, чтобы заручиться их поддержкой и помощью в борьбе против агрессора.

— Редко удается отыскать на просторах Галактики достаточно зрелые миры, которые могли бы оказать нам ощутимую помощь в борьбе, — говорил командир экспедиции. — Еще реже попадаются те расы, которые в состоянии участвовать с нами в этой борьбе бок о бок.

— Почему? — простодушно спросил Уилл.

— Желание воевать, отнимать жизнь у другого разумного,— какой бы необходимостью это ни диктовалось, — проливать чужую кровь и причинять увечья... Все это противно образу жизни большинства цивилизаций. Это что-то вроде анафемы. Понятие, несовместимое с разумностью и разумом. Видимо, у вас подобное же отношение к проблеме, но дело не в отношении, а... Словом, надежда не покидает нас в путешествии по звездным системам... Узор очень силен, во многих отношениях просто могущественен, но всего этого недостаточно для того, чтобы успешно вести боевые действия. Не-

посредственно войну. Та же самая проблема была и у Амплитура, но они смогли совершить биоинженерную революцию и теперь имеют возможность менять генетический код у целого ряда разумных рас, что повышает в них агрессивные качества. Обладание мощным и тяжелым вооружением — это еще далеко не все, что нужно для победы. Военные компьютеры и анализаторы могут многое, но ими войну не выиграешь. Для этого нужны живые солдаты. Мой народ — массуды — находится с самого начала на передовом рубеже большинства битв и сражений. Так было и пятьсот, и тысячу лет назад. Нам не нравится наше ремесло, но мы в нем преуспели. Мы более других пригодны к этому, более всех прочих рас, составляющих Узор. Мы взяли на себя эту ответственность, ибо на наше место практически больше некого поставить. Например, вейсы, — он показал на своего переводчика-птицу, — физически не способны воевать. Та же история с о'о'йанами, юланцами и бир'риморами. Гивистамы и с'ваны могут принимать участие в битвах, если возникает безвыходная ситуация. Но их возможности очень ограниченны. Турлоги могли бы воевать, да не желают. Впрочем, эта раса столь малочисленна, что ее участие в боях не играло бы решающего значения.

Помимо нас, массудов, только чиринальдо являются боеспособной расой, но из-за своих физиологических особенностей и грузности они малоэффективны в ближнем бою, который является важнейшим видом боевых действий.

— Постойте-ка, — выпрямился на диване Уилл. — Не понимаю, какое отношение имеет обыкновенная рукопашная к войне, которая ведется целое тысячелетие и охватывает гигантские галактические пространства?

— Война — это всего лишь крайняя форма спора, — начал объяснять Кальдак, очень надеясь на то, что транслятор переведет все, как надо. — Если вы убиваете вашего оппонента, он уже не имеет возможности поменять свою точку зрения и стать вашим сторонником. В этом отношении у нас немного больше развязаны руки, чем у Амплитура. Покорив мир и стерилизовав его поверхность тяжелым вооружением, они, разумеется, уничтожают врага, но одновременно с этим теряют возможность получить в ряды своего Назначения новообращенную расу. Они делают все, чтобы избежать крупных

потерь среди противостоящих им разумных. Хотя, насколько мне известно, за всю историю конфликта им пришлось сделать два исключения. И оба раза они, одержав победу, скорее потеряли, чем приобрели. Что же касается непосредственно вашего замечания, то я могу сказать следующее. Космическое сражение — это редкий случай, это самое последнее средство, ибо, во-первых, победу одержать при этом практически невозможно, а во-вторых, победа может быть достигнута лишь ценой огромных потерь. Корабли совершают перемещения из субпространства в обычный комплекс с непредсказуемыми интервалами. Задерживаться в обычном пространстве долго нельзя, ибо существующие системы тяжелых вооружений способны разрушать корабли любых модификаций и размеров. Война на поверхности планет — это проще, безопаснее и несравнимо эффективнее в смысле конечного результата.

— Если говорить об амплитурах, — подала голос вейс, щелкнув клювом для привлечения к себе внимания, — то это для них самая удачная возможность осуществлять свою пропаганду. Амплитур стремится интегрировать в свое Назначение все новые и новые массы разумных. Мы тоже проводим агитационную работу. Пытаемся убедить союзнические амплитурам войска восстать против своих хозяев и присоединиться к борьбе непокорившихся народов.

Проблема в том, что убедить союзников амплитуров очень трудно. У них создался искаженный образ этой зловещей цивилизации, который очень трудно развеять. Некоторые расы называют амплитуров своими учителями, хотя толком не понимают, чему их учат. Если говорить о старейших союзниках Амплитура, — криголиты, молитары и другие, — то за тысячу лет в результате вмешательства биоинженерии их гены настолько сильно мутировали, что представители этих миров уже неспособны к независимому мышлению.

Уилл долго молчал, прежде чем что-то ответить на все это. Наконец решился:

— Вот, значит, что вам нужно... Вы хотите, чтобы мы присоединились к войне, которую вы ведете?

— При первом же контакте с любой открытой нами цивилизацией мы искренне выражаем эту надежду, — сказал ему Кальдак. — Ваш вклад в общее дело будет зависеть от

ваших способностей и возможностей. А это еще надо изучить и определить. Например, те сведения о ваших технологиях, которые мы накопили к настоящему моменту, очень противоречивы и вызывают в нас смущение. В некоторых областях вы не смогли уйти далеко вперед от самого примитивного уровня, в то время как другие отрасли достаточно глубоко развиты и продвинуты. Скажем, мы обнаружили гораздо больше спутников связи на орбите вашей планеты, чем требуется для осуществления их функций. С другой стороны, вы, по-видимому, до сих пор не выбрались за пределы собственного мира.

— Мы были на Луне! — горячо возразил Уилл. — А автоматические аппараты побывали на всех планетах Солнечной системы.

— Мы не обнаружили ни одного факта, который бы подтверждал это.

— Они посылались нерегулярно. Так, от случая к случаю... Сначала к космическим программам возник большой интерес. У нас и у русских. Но потом эта волна спала. А сейчас вроде опять что-то затевается. То ли на Марс полетим, то ли на Венеру... Я-то в этом совсем не разбираюсь, точно ничего сказать не могу.

— Но из ваших слов можно сделать вывод о том, что в этой области у вас не наблюдается стабильного продвижения вперед?

— Боюсь, не наблюдается.

Кальдак с подозрением — в который уже раз! — покосился на свой транслятор. Потом ему, очевидно, что-то пришло в голову и он спросил композитора:

— Что вы имеете в виду, когда говорите: «Мы и русские?»

— Ну, дело в том, что у нас здесь, в Штатах, я имею в виду, есть своя космическая программа, а у русских — своя. Так же, как у европейцев и японцев.

— Я все еще не понимаю, — смущенно проговорил Кальдак, поджав губы, отчего обнажились его острые зубы. — Кто эти «русские», «европейцы»?..

Уилл с полминуты думал, как ответить на этот простой вопрос. Он застал его врасплох.

— Разные народы, — наконец сказал он.

Вейс обратилась к капитану на текучем массудском:

— Полагаю, что землянин имеет в виду местные племена.

— А... — Настроение у Кальдака резко упало. Если, несмотря на достигнутый ими уровень технической цивилизации, который может оказаться довольно высоким, они все еще влачат племенное существование, пользы от них Узору конечно же не будет.

— Вы имеет в виду ваши племена?

— Мы называем это странами.

— А скажите. Вот ваши племена... страны, которые имеют отдельные программы развития и прогресса... Они сотрудничают друг с другом?

Уилл вздохнул:

Как это да! Кальдак еще раз глянул на вейс. Она высказала свою точку зрения:

— Это уникальная ситуация. Нам так и надо к этому относиться. Уникальное многообразие языков. Уникальная экология. Судя по всему, довольно молодая раса. Общаться трудно. Не все можно гарантировать, но тем не менее я продолжаю считать, что на общем уровне мы понимаем друг друга правильно. Если он сказал, что не сотрудничают, значит так и есть — не сотрудничают.

Кальдак вздохнул.

Вот и еще один предмет для обсуждения в кругу узких специалистов, еще одна тема, которая не далась его пониманию.

— Мы хотим видеть в вас союзников. Если вы действительно посылали исследовательские аппараты к дальним пределам вашей звездной системы, значит, вы обладаете теми же способностями, что и развитые расы Узора. Просто ваш потенциал еще не реализован и в жизнь не претворен.

— Ну, кое-что мы уже претворили, — возразил Уилл. — А если вы ничего не заметили, то это еще ничего не значит.

— Возможно, впоследствии мы столкнемся с развитыми областями вашей технической цивилизации, — с надеждой в голосе произнес Кальдак. — Например, нас очень интересуют те средства, которыми были сбиты наши дистанционные зонды. Для рас, которые не заняты в войне с Амплитуром и, следовательно, которые не имели необходимости в течение

столетий постоянно повышать свою боеготовность, это большое достижение.

Разговор был прерван появлением двух солдат с палубы. Они сразу же оживленно залопотали на своем текучем языке. Уиллу оставалось только сидеть смирно на своем диване и гадать, о чем идет речь.

Не выдержав под конец, он спросил:

— Что они нашли?

— В небе над островами пролетел боевой самолет, — сообщил землянину Кальдак. — Довольно сложной конструкции, хотя в Узоре от нее давно уже отказались. Насколько мы поняли из наших предварительных рассуждений, самолеты для вас — уже обычная вещь. Все говорит за то, что ваша цивилизация сейчас находится на переломе. На грани технологического скачка. В некоторых областях вы достигли несомненных успехов и настоящего развития, в то время как в других — еще раннее средневековье. Поясню на примере. Техника, которую вы используете для создания вашей музыки, довольно продвинута в технологическом отношении, а приборы, используемые вами для освещения помещений представляются нам просто примитивными: металлическая нить накала, окруженная стеклянным колпаком.

— Насколько я понял из вашего тона, вы применяете нечто более интересное, чем наши лампочки накаливания?

— Существуют бесконечно более простые и совершенные средства освещения.

— Не сомневайтесь. Но существуют также и бесконечно более простые и совершенные образы жизни. Я очень счастлив был повстречаться с вами, узнать, мы не одни во Вселенной, что там, среди звезд, живут наши братья по разуму. Но если вы до сих пор ведете войны, значит, вы не так уж далеко и продвинулись навстречу совершенству. И я уже сейчас могу сказать вам, что мы не хотим иметь к этому никакого отношения. Как и я, большинство моих друзей, ненавидят войну, ибо это есть массовое убийство живых существ. В этом мы будем, пожалуй, ближе к вейсам, чем к вам. Война — это понятие, которому место разве что на страницах учебников по истории. Ваши союзники правы: она несовместима с разумом. Не думаю, чтобы мы оказались в состоянии оказать вам хоть

какую-нибудь помощь. Во всяком случае с такими ребятами, как амплитуры, — насколько вы их описали, — мы связываться не станем. Кому охота позволять какой-то там медузе рыться в твоей башке? Да если у тебя хоть немного еще осталось мозгов — держись от них подальше, вот в чем вся штука. Ну, вот гляньте на меня повнимательнее. Вы не увидите ни клыков, ни когтей. У нас слабые тела и не очень крепкая шкура. Да и ростом не вышли в сравнении с вами. Понимаете, как бы это вам объяснить... Солдатского материала в нас нет. Пять тысяч лет жили по своим норам. Только-только вроде бы начинаем жить сообща. А вы предлагаете нам собрать чемоданы и ехать, черт знает куда, на межзвездный крестовый поход! Да не нужно нам такой радости! У нас и дома-то проблем туча.

Он подался вперед к командиру.

— Слушайте, вот я говорил, что до вас никто к нам не прилетал, никто нас не трогал... Так я подумал, может, вы э-э... забудете нас, что ли? Как не было. Забудете, что отыскали нас, забудете, где отыскали и оставите нас с Богом, а? Нам никак нельзя ввязываться в межпланетный вооруженный конфликт. Никак нельзя! Мы хотим писать книги, создавать живопись, музыку... Мы не хотим знать, как воюют в субпространстве или в обычном космосе, и какое для этого нужно оружие. На черта нам это нужно, сами посудите? Что бы вам не собраться и не отчалить отсюда куда-нибудь в другой конец Галактики? Как будто ничего и не было. Пользы-то от нас все равно никакой.

— Нет ничего зазорного в том, что разумный не умеет воевать, — заверил его Кальдак. — Как я уже упоминал, боеспособными расами являемся только мы и чиринальдо. Для нас важна материально-техническая поддержка. Без нее массудов передавят очень быстро... Если вы согласитесь оказать нам такую не-военную помощь, наша благодарность будет адекватной. Вы будете ознакомлены с технологией Узора, наладим межкультурные обмены...

— И ради этого нам подставляться этим амплитурам? — перебил его Уилл. — Просто ума не приложу: ну, что мы можем для вас сделать? Ведь вы сами говорили, что наш технический уровень по сравнению с вашим примитивен!

— В некоторых областях. Возможно, далеко не во всех. Через некоторое время все станет ясно.

— Мы даже корабля для вас построить не сможем.

— А этого от вас никто и не попросит. Наш флот столетиями сходил со стапелей Гивистама, Юлы и О'о'йана. Ваш собственный вклад в общее дело может касаться другой области или сферы.

— Черт возьми! — воскликнул Уилл, заметно повысив свой голос. — Мы не желаем делать вклад в войну! Почему бы вам действительно не оставить нас в покое?!

— Мы могли бы это сделать, — торжественно ответил командир чужаков. — Узор может обойтись и без вас. Но Амплитур мимо вас не пройдет. Он надвигается на миры сплошной волной, которая накрывает всех без исключения. Либо вы добровольно войдете в Назначение, либо придется сопротивляться. В последнем случае вас может постигнуть та же судьба, что и судьба тех двух планет, о которых я уже упоминал. Вас сотрут с лица вашей Земли.

— Что, если мы все-таки не согласимся интегрироваться, а предпочтем сопротивление? Ведь уничтожение — это крайняя мера амплитуров? Что, если мы одержим верх?

— Не удастся. В одиночку Амплитуру сопротивляться нет смысла. Стоит вам только позволить нескольким сотням их миссионеров спуститься на поверхность Земли, как через несколько дней они подчинят себе всю вашу расу. А затем их биоинженеры приступят к работе с вашими генами, чтобы дети были сговорчивее родителей.

— Знаете, что я вам скажу? Вы пытаетесь купить меня на ту же штуку, на которую мы тут друг друга покупаем уже не одну сотню лет. Все мое знание о злобных амплитурах базируется на том, что вы изволили мне рассказать. А откуда я знаю, что все так и есть на самом деле? Я ведь не могу вас проверить.

Кальдак увидел, что они застряли на месте и никакого прогресса не ощущается.

— Мы должны еще поговорить, — сказал он. — Завтра я планирую пригласить сюда специалистов, чтобы они тщательно осмотрели ваш катамаран.

— А заодно и меня, — добавил Уилл, усмехнувшись.

— Анализируя передачи вашего телевидения, непросто собрать необходимую нам информацию. Она подается очень противоречиво. Вы будете возражать против вашего осмотра нашими специалистами?

— При чем тут мои возражения? Я ведь все равно не смогу остановить вас, если вы захотите этого.

Кальдак с трудом подавил в себе раздражение.

— Вы представитель разумной расы. Мы ничего не станем делать против вашей воли. Трудно сделать союзника из разумного, если насильно заставляешь его делать то, что ему не по душе.

Уилл сидел на своем диване и гадал: сколько правды во всем том, что ему говорил этот чужак с лицом крысы?.. Все это захлестывало его пугающей, невероятной волной. Все это было очень трудно для понимания и принятия. Хуже всего было для композитора осознание того, что если ему повезет выбраться из этой заварухи целым-невредимым, никто не поверит в то, что с ним случилось. В лучшем случае это станет еще одной сказкой о пришельцах и Уиллу удастся заработать тысячу баксов на своих рассказах в бульварной прессе.

Он уже несколько раз спрашивал себя: на что похожа их музыка? Эта мысль как-то бодрила и оживляла его. Кстати, если ему удастся с творческой стороны подойти ко всему, что с ним стряслось, может получиться увертюра или симфоническая сюита. Кто знает, может быть, еще одна симфоническая поэма! Поскольку сбежать все равно невозможно, следует расслабиться и глянуть на все с музыкальной точки зрения.

Высокий чужак все повторял, что им нужно будет только поговорить с ним, осмотреть его катамаран и, может быть, его самого. Если за этими словами скрывается какой-то страшный для него, Уилла, смысл, почему они говорят, что придут завтра? Почему не взять его прямо сейчас в свои космические пыточные?

— Ладно, я и сам планировал устроить себе отдых. Оркестровка окончательно доконала меня, вот в чем вся штука. Приходите завтра и приводите с собой кого хотите, хоть черта, хоть дьявола. Я очень хочу взглянуть на представителей новых рас.

— Спасибо, — просто ответил Кальдак.

Уилл проводил гостей до кормы и смотрел на то, как они, один за другим переваливаются через борт. Он оглядел поблескивавшие, тихие воды, окружавшие судно. Морским существом, которого он повстречал не так давно в воде, и не пахло. Зато он заметил какой-то темный, обтекаемой формы силуэт, который быстро продвигался навстречу спрыгнувшим с катамарана чужакам. Они исчезли внутри этого аппарата через что-то вроде люка.

И он снова остался совсем один в кокпите своего судна.

Легкий карибский ветерок навевал прохладу. Уилл высоко в небо задрал голову и стал медленно обозревать иссиня-черное полотно, все сплошь усыпанное блестками.

Чужаки не отдавали ему никаких своих приказов, ни о чем не предупреждали, не запрещали вступать в контакт с другими землянами. Ничто не мешало ему воспользоваться сейчас передатчиком и вызвать сюда все окрестные суда, большой крейсер, стоявший на якоре у Турнефских островов, наконец, катер береговой охраны Белиза. Ничто не мешало ему поднять сейчас парус и благополучно смыться из лагуны.

Он спросил себя: а почему пришельцы выбрали именно его? Потому что он был один? Следят ли они сейчас за ним? Попытаются ли остановить, если он запустит машину и направится в Белиз-сити?

Впрочем, мысль об этом городе не вызвала в нем никакого воодушевления.

Воодушевление... Это почти то же, что вдохновение.

Вдохновение — редкая вещь. Купить невозможно, а найти трудно.

Почему бы не отправиться в постель и спокойно дождаться там утра и того, что оно с собой принесет? И плевать на мрачные мысли. При дневном свете мир станет другим и они оставят его.

Поначалу он испугался, что его посудинка налетит на риф. Но потом он увидел, как в этой известняковой скале открылся люк и из него показались его вчерашние знакомые. Он захотел спросить у Кальдака, каким образом им удался это трюк, но не нашел для этого времени. Прошла минута и пришельцы уже были у него на борту. И все сразу стали говорить.

Уилл уже знал вейса-переводчика, Кальдака и еще двух

массудов, но сегодня их полку заметно прибыло. По палубе ходили гибкие существа, напоминавшие рептилий. Их называли гивистамами. У них была ярко-зеленая шкура, огромные глаза, острые зубы и они отличались неуемным любопытством, обращенным на судно композитора. Уилл заметил также парочку приземистых существ, чьи лица были почти полностью закрыты густыми черными волосами. Вся пестрая компания тут же разбрелась по катамарану, всюду заглядывая и залезая во все углы, обращая особенное внимание на разного рода механизмы и электронную аппаратуру.

Уилл, приглядевшись, обнаружил, что, оказывается, не все рептилии относились к одной расе. Помимо гивистамов, здесь были очень похожие на них внешне, но заметно меньше ростом о'о'йаны. Во всяком случае, их так обозвал капитан Кальдак. Транслятор Уилла не сразу смог произнести это название, два раза запнулся, но ошибки не поправил. Композитор решил, что у землян просто нет некоторых звуков, необходимых для обозначения названия этой расы. О'о'йаны не занимались изучением катамарана самостоятельно, а всюду следовали за гивистамами, исполняя роль помощников. Причем они помогали только им, а на двух волосатых коротышек даже не глядели.

Кальдак разделял свое внимание между группой специалистов-гивистамов и землянином, который, стоя неподалеку, наблюдал за их работой. Одновременно командиру приходилось что-то говорить в коммуникационное устройство, которое назойливо зуммерило через каждые пять минут.

Это была Соливик. Общение с ней шло через передающую антенну, установленную на челноке.

— Рад говорить с вами, — приветствовал он ее. — Как Яруселка?

— Работает, как и все мы, — ответила его первый заместитель. — Она очень занята и не может сейчас переговорить с вами. Просила передать вам, что банальные слова и грудные вздохи все равно не смогут выразить всю глубину ее привязанности к вам.

Теплая волна окатила сердце Кальдака.

— Капитан! Продолжается изучение визуальных передач

электронных средств коммуникации этого мира. Обнаружено еще семь новых языков.

«Еще семь!» — вскричал про себя командир. Он уже не мог изумляться подобным сообщениям. Предел изумления давно был им пройден.

— В свете открытий, которые мы продолжаем делать каждый день, те специалисты, на которых лежит ответственность за анализ визуальных передач этой планеты, бросили все свои усилия на то, чтобы классифицировать эфир и выделить из общей массы наиболее важные передачи. Научные отделы черпают свою информацию, в основном, из передач телевидения. Но в последнее время прогресс в их областях почти остановился. Дело в том, что местный эфир до крайности противоречив. Некоторые программы шокируют и ставят нас в тупик. Ксенопсихологи работают сутками напролет. Они не хотели бы навязывать вам преждевременные выводы, но... — Соливик недоговорила. Это было на нее не похоже.

— Что «но»?

Кальдак напряженно ждал ответа от заместителя и одновременно смотрел на техников-гивистамов, которые решили устроить себе небольшой перерыв, стояли у самого борта катамаран, протирали очки и болтали между собой. Взгляд командира переместился на ближайший островок. Ноги тут же напряглись и приятно заныли в предвкушении вечерней пробежки.

— Скажите, капитан. Вот этот ваш абориген... У него есть на судне телевизионный приемник?

— Кажется, есть, — ответил Кальдак, глянув в распахнутые двери центральной кабины. — Да, точно. Я вижу его отсюда. На редкость примитивное устройство.

— Это неважно. Попросите его включить приемник и просмотрите некоторые из местных передач.

— Какие именно?

— Да любые. Не буду вам сейчас передавать предварительные заключения ксенопсихологов, чтобы не нарушать объективность вашей оценки. Мы будем ее очень ждать, как ждем всякий свежий взгляд на вещи.

Потом они еще поговорили об обстановке на корабле, которая оставалась стабильной, об обстановке на поверхности

планеты, которая начала меняться в обнадеживающем направлении. Затем Кальдак выключил коммуникатор, повесил его обратно на пояс и пошел в кабину поближе глянуть на приемник визуальных программ.

— Телевидение, — сообщил ему Уилл. — Хорошая штука.

— Не могли бы вы включить его? Мне хотелось бы взглянуть на то, как он работает.

— Погодите минутку. Я установлю «тарелку».

Кальдак наблюдал за тем, как землянин приспосабливал на крышку приемника какое-то устройство в форме небольшой коробочки. Выглянув в иллюминатор, он увидел, как Уилл возводит на флагштоке антенну, действительно похожую на плоское блюдо, которое на этой планете принято использовать в виде столовой посуды. На коробочке и приемнике одновременно зажглось по красной лампочке.

— Ну, вот. Это «Галактика-Шесть», — сказал Уилл. — Один из наших спутников.

Кальдак сделал жест, которым массуды привыкли выражать понимание. Но потом понял, что землянин этого жеста не знает и пояснил его значение на словах. Землянину жест понравился.

К ним присоединился один из технических специалистов-гивистамов. А также вейс, которая всегда была у командира под рукой.

— Что бы вы хотели посмотреть? — спросил их Уилл. — Хотя постойте, я знаю! Сейчас я вам поймаю Си-Эн-Эн.

Он стал нажимать кнопки на пластинке дистанционного управления.

Сначала экран никак на это не реагировал, но потом вдруг сразу появилось изображение другого землянина. Кальдак с интересом отметил одну подробность: кожа телевизионного диктора была намного темнее кожи хозяина катамарана. Изображение динамично менялось. То они видели диктора, то — группу землян, сидевших за столом и разговаривавших друг с другом, то — картинки с других участков планеты.

Кальдак смотрел спокойно, даже чуть расслабившись, но вдруг что-то заставило его резко выпрямиться и вскрикнуть:

— Подождите! Остановите и верните назад на пару кадров!

Извиняющимся тоном землянин сказал:

— Увы, не могу. Это же ведь эфирное вещание. Мне не дано его регулировать. Если хотите, я могу потом что-нибудь записать на видеомагнитофон.

Потрясенный капитан взял себя в руки, с полминуты, задрав голову, неподвижно смотрел в потолок, потом резко обратился к стоявшему рядом гивистаму:

— Вы тоже видели? — он спросил это на языке рептилий.

— Видел, — ответил техник. — Мне это показалось очень странным.

— Я тоже все видела, — подала голос вейс. У нее был ровный и чистый тон, как обычно. Но землянин заметил, что у нее мелко подрагивал клюв. Она нервно провела пальцами по груди и на пол упало два голубых перышка. — Действительность может коренным образом отличаться от того, что мы здесь увидели.

Удивленный взгляд Уилла перемещался с одного чужака на другого и с другого на третьего.

— Могу себе представить, что вы чувствуете. Мне тоже новости по больше части не нравятся. — Он вновь повернулся к приемнику и взял в руки пластину дистанционного управления. — Давайте я вам лучше какой-нибудь фильм поставлю.

Он переключил сразу через несколько фильмов, от старика Джона Уэйна по Ти-Би-Эс до более современных предложений «Шоутайм» и «Синемакса». Реакция его гостей на увиденное была очень подвижна и интересна для стороннего наблюдателя. То их лица были спокойны, то оживлялись, то вновь на них опускалась маска бесстрастности, то вдруг глаза загорались возбуждением.

— Вас что-нибудь конкретно интересует? — наконец спросил Уилл, догадываясь, что интересует.

Пришельцы еще были под впечатлением увиденного, поэтому никто из них сразу не нашелся что ответить. Воспользовавшись этим, Уилл уже потянулся к выключателю, как вдруг его остановил возглас Кальдака, который понял, что землянин хочет сделать:

— Нет, не выключайте, мы бы хотели еще немного посмотреть. Переключите обратно на «новости».

Уилл исполнил это пожелание и снова отыскал Си-Эн-Эн.

Шел репортаж о проблемах, возникших в Ливии. После нескольких минут просмотра гивистам молча повернулся и вышел из кабины.

Кальдак показал рукой на экран:

— То, что показывают, это необычно для вас?

— Что, новости-то? Или фильмы? Я бы сказал так: все, что мы успели сейчас проглядеть — очень типично для утреннего эфира по вторникам. Конечно, качество изображения не такое хорошее, какое я желал бы иметь, но на катамаран таких размеров более крупной «тарелки» не поставишь, вот в чем вся штука.

— Я имел в виду содержание сообщений. Мне показалось странным...

— Не знаю, что вы надеялись увидеть, на что рассчитывали... Я попытался прогнать перед вами как можно больше каналов, чтобы вы имели представление...

— Хорошо, — заверил его Кальдак. — Спасибо вам.

Теперь командир понял, что имела в виду Соливик, когда предлагала ему посмотреть программы местного телевидения.

Он отдал распоряжение. Спустя полминуты в кабине появился один из тех двух коротышек, которые взошли сегодня утром на борт катамарана. Издали он больше походил на гуманоида, чем любой другой из чужаков, впрочем, Уилл ничего не мог говорить наверняка, ибо тело коротышки было закрыто костюмом, а лицо — густыми кудряшками черных волос. Рост его соответствовал росту среднего о'о'йана, — едва ли три фута от пола, — но коротышка был заметно крепче рептилии.

— Кто это? — недипломатично спросил Уилл.

— Один из моих заместителей. Т'вар является представителем расы с'ванов. Они млекопитающие, как я и, видимо, вы. — Капитан повернулся к своему заместителю. — Посмотрите немного на экран, Т'вар, и потом скажете, что вы обо всем этом думаете. Мое мнение еще до конца не оформилось.

Кальдак отошел в сторону и дал Т'вару пройти к телевизору.

С'ван устремил изучающий взгляд на меняющиеся картинки. Уилл сразу подметил, что он не дергался и не под-

рагивал, как массуд, и глаза у него не вертелись с непостижимой скоростью, как у гивистама и о'о'йана. Напротив, он стоял неподвижно, лицо его замерло, а взгляд не сходил с экрана. Он чем-то походил в этой позе на профессионального критика.

Прошло не менее получаса, прежде чем с'ван отошел от телевизора.

— Все это очень странно, — проговорил он.

— Еще ничего, по сравнению с тем, что мы видели до вашего прихода, — сообщила ему вейс.

— Мое мнение таково, — сказал Кальдак. — Если эти передачи отражают действительность и репрезентативны для этой планеты — нам не дано будет постичь открытую нами расу.

— Возможно, он специально подсовывает нам всякие аномалии для того, чтобы ввести в заблуждение, — высказала предположение вейс.

— Зачем ему это делать? — возразил командир. — К тому же не думаю, что он настолько умен...

— Согласен, — подал голос с'ван, чем очень порадовал капитана.

Уилл наблюдал за их разговором, который проходил без использования трансляторных устройств.

— Что происходит? — спросил он наконец. — Что-то не так?

Вейс устремила на него внимательный взгляд.

— Насилие. Насилие присутствовало практически во всех программах, которые мы просмотрели.

— Так, понятно, но учтите, что кроме новостей все остальное было ненастоящее, фильмы... Ну, как бы вам объяснить? Фантастика. Мы... Правдоподобная игра в жизнь, понимаете? — Уилл не готовился к объяснению им таких понятий. — Так вот, значит, что взволновало вас? Что-то я не пойму. Сначала вы говорите, что уже тысячу лет ведете космическую войну, а потом падаете в обморок от какой-то киношки! Все это как-то не увязывается друг с другом.

— Насыщенность насилия вызывает удивление, но не это поразило нас больше всего, — осторожно начала объяснять вейс. — Мы не выбирали нашу войну. Она обрушилась на нас

с приближением Амплитура. Основную тяжесть боев и сражений с Назначением вынесли на себе массуды и чиринальдо. Но даже самый воинственный из них был бы до глубины души потрясен тем, что мы только что увидели. Если, конечно, — добавила она на великолепном английском, — все увиденное нами не следует воспринимать непосредственно. Возможно, это лишь выражение какой-то еще не ясной нам философской идеи землян?

— Новости — есть новости. Это реальность. Пусть даже она мне не по душе, но это реальность. Что касается фильмов, то их предназначение — развлекать зрителя. — Уилл глянул на птицу-переводчика. — Итак, насилие вас не удивляет. Насыщенность насилия вас удивляет, но не очень. Так что же вас все-таки больше всего потрясло?

— Направленность насилия, — объяснила вейс. — И в новостях и в развлекательных фильмах показано одно и то же: земляне убивают землян.

Уилл нахмурился.

— Ну и что с того?

— Вы воюете друг с другом, — ответил Кальдак, произнося слова медленно и раздельно, чтобы транслятор чего-нибудь не напутал.

— Да, мы это делаем. И не гордимся этим. — Он положил руку на крышку телевизора. — Постойте, что-то я совсем запутался. Вы бьетесь с этим Амплитуром сотни лет. Почему же вы так удивляетесь, когда видите, что мы занимаемся тем же самым?

— Вы не поняли. Вероятность возникновения вооруженного конфликта между разными расами и мирами допустима. Но стоит одной расе достичь хоть какого-то уровня технического развития, как возможность междоусобицы между различными группами, составляющими эту расу, автоматически должна исчезнуть. Сама возможность этого, вы понимаете? Междоусобица — это вызов законам эволюции.

Заговорил Т'вар:

— Теория катастроф неопровержимо свидетельствует о том, что раса, ведущая внутренние войны, обречена на весьма недолгое существование. Она быстро уменьшается, и наступает день, когда количество оставшихся в живых разумных уже

недостаточно для того, чтобы поддерживать цивилизацию. Это аксиома.

— Я могу вам ответить на это только одно, — сказал Уилл.— Мы убиваем друг друга на протяжении всей истории человечества и все еще никак не можем остановиться.

— Невозможно, — потрясенно проговорила вейс. От волнения она повторила это слово сразу на нескольких языках.

— Боюсь, что это так. Мы до сих пор продолжаем вести междоусобные войны. Хотя лично мне неизвестно, перешли ли мы уже тот минимальный предел, о котором вы сказали, или еще нет.

Теплое солнце проникало в кабину через иллюминаторы и уже хорошо прогрело помещение. Уилл стоял у телевизора, смотрел на представителей развитых цивилизаций, родные миры которых находились за тридевять земель от Солнечной системы, и удивлялся тому, что они не в состоянии понять такие простые вещи, о которых он им говорил.

— Навязана вам война с этим вашим Амплитуром или нет, это в конце концов не важно. Вы ее ведете в течение столетий и за это время наверняка поднаторели в убийствах. Будете говорить мне, что никогда ваши цивилизации не знали междоусобных войн и внутренних конфликтов, что вы никогда не ссорились друг с другом и не воевали?

— В масштабе целой расы, нет. Конфликты случались между отдельными индивидуумами. Даже между родовыми кланами порой. Но как только жизнь племен более или менее наладилась, они стали развиваться и увеличиваться, настала эпоха взаимопомощи и сотрудничества. Это настолько естественное понятие, что оно понятно даже самым примитивным ществам. Невозможно достигнуть высокого уровня развития ивилизации, если ее внутренняя энергия расходуется на еждоусобную войну.

Кальдак не понимал, зачем он тратит столько слов и времени, чтобы объяснить очевидные вещи. Да, ученым придется серьезно поломать головы над загадками этого мира, и главное — над загадками его странных обитателей.

— Природа цивилизации, которая целенаправленно уничтожает самое себя, очень противоречива и почти недо-

ступна пониманию. Ваше мировоззрение столь же причудливо, как и ваша геология.

— Ну вот! Теперь вам наша геология не нравится! — воскликнул Уилл. — Я так и знал.

Обстановка требовала присутствия ученых профессоров, но их не было, зато был он, Уилл Дьюлак.

— Мир разделен на сушу и воду, — сказал Т'вар. — Это нормально. Мы ожидали это увидеть и увидели. Но попробуйте наше изумление, когда мы обнаружили, что ваша суша расколота на части, которые находятся на большом расстоянии одна от другой!

— Кажется, это связано с какими-то тектоническими процессами, с активностью строения плит... — Уилл напряг свою память, пытаясь припомнить хоть что-нибудь из соответствующей дисциплины, которую он в свое время прослушивал в колледже. — Я думаю, что когда-то — очень-очень давно — наша суша была монолитна. Но потом под влиянием каких-то внутренних сил она раскололась и ее осколки отдрейфовали в разные стороны.

— Земля не может «дрейфовать», — твердо сказал Т'вар и переглянулся с капитаном. Затем добавил: — Земля остается там, где формировалась. Она не может перемещаться по планете.

— У нас может, — с убежденностью в голосе заявил Уилл.

— Никогда не приходилось слышать подобной чепухи, — пробормотал с'ван на языке массудов, обращаясь к Кальдаку.

— Как вы думаете, — спросил тот у Т'вара. — Нет ли тут какой-нибудь причинно-следственной связи между странной геологией этой планеты и той враждебностью, с которой местные жители относятся друг к другу с начала истории их расы? Множество языков, открытых нами, только доказывает предположение о том, что их общество расколото точно так же, как и среда обитания. Не является ли это следствием и причиной?

— Культура цивилизации не может иметь существенной зависимости от геологических проблем среды ее обитания. Во всяком случае, я не назову вам этому ни одного примера. И вообще я в этих вопросах некомпетентен.

Обычно веселое лицо с'вана было теперь озабоченным. Было видно, что ему неловко и неприятно вести этот разговор.

В тектоническом строении эта планета очень нестабильна. Еще действуют вулканы! Какой эффект все это может оказать на судьбу развивающейся в таких условиях цивилизации? Возможно ли, чтобы общество, зреющее на этой планете, отражало в себе, как в зеркале, эту нестабильность?

— А кто здесь может похвастаться своей компетентностью? — спросил Кальдак. — Вопросы эти никогда нами не изучались, ибо мы не знали прецедента. Необходимо все передать ученым отделам на экспедиционный корабль. И точку зрения землянина тоже. Возможно, она поможет решить хоть какие-нибудь проблемы, которые встали перед учеными.

Снова заговорила вейс:

— Вы, кажется, что-то хотите у нас спросить?

Уилл выпрямился.

— Будете говорить, что на ваших мирах не существует отдельных континентов? — спросил он.

Транслятор с большим трудом перевел незнакомые ему понятия.

— На каждой планете есть суша, где может развиваться цивилизация. И океаны. И, может быть, несколько небольших островов, — ответил Т'вар. — Суша представляет собой одну, монолитную массу. Она не может быть разбита на фрагменты. Вашему миру до сих пор не было прецедента.

— Может, это как-то связано с Луной?

— Что?

Кальдак и Т'вар оба опустили глаза на свои трансляторы, полагая, что этот вопрос задал землянин. Никто не ожидал научной догадки от вейс.

Ей пришлось выразительно взглянуть на своего капитана и его заместителя и пояснить свою мысль подробнее:

— Масса их Луны заставляет обратить на себя внимание. Она слишком велика для спутника планеты столь незначительных размеров. Скорее уж следует рассматривать эти два небесных тела, как планету-двойню, чем как планету и спутник. Я просто подумала, что размеры и масса Луны имела в далеком прошлом какое-то отношение к расколу суши Земли на фрагменты.

— Интересная гипотеза. Оставим ее на съедение геофизикам, которые работают на орбите.

Кальдак вновь обратил все свое внимание на землянина. Да, он сломал руку Дропаку при первом знакомстве. Но с той самой минуты ведет себя вполне спокойно и даже охотно идет на сотрудничество. Командиру предстояло все же приготовиться к возможности непредсказуемой реакции со стороны землянина на вопрос, который он хотел ему сейчас задать. Выждав паузу, Кальдак четко и раздельно произнес:

— Вы не стали бы возражать против вашего медицинского обследования?

— Кого? Меня?! — вскричал Уилл, автоматически выключая спутниковую антенну и телеприемник. Композитор ощутил страшную сухость во рту.

В холодильнике хранилась упаковка с шестью банками ананасового сока. Он достал одну, вскрыл, сунул в дырочку соломинку, сделад жадный глоток и вдруг понял, что он окружен по крайней мере десятком пришельцев. Возможно, Кальдак не соврал насчет того, что большинство из них не вояки. Все же композитор ощущал себя в позорном и пугающем меньшинстве. Ведь он сам не был воякой.

Кроме того, еще вчера стало ясно, что сбежать не удастся.

— Что, если я стану возражать?

Капитан чужаков поджал губы, отчего обнажились острые зубы. Уиллу показалось, что чужак этим движением подавил какое-то поднимавшееся в нем чувство. Хотя, может, Уилл и ошибся.

— Тогда ничего не будет, — ответил спокойно массуд.

— Вы не собираетесь ставить на мне хирургические опыты, а?

— Нет. Вы разумное существо. Зачем бы мы стали причинять вам вред?

Уилл дососал банку.

— Ладно, черт с вами. Только если это будет не больно! Где будем заниматься этим? Здесь?

— Если вы не возражаете, то пройдем на борт челнока. Вся аппаратура там.

— Это вы о том корабле, на котором приземлились? С удовольствием посмотрю на него.

— Мы устроим вам экскурсию.

10

Уилл испытал настоящий восторг, вступив в помещения челнока. Его размеры превзошли все самые смелые ожидания композитора. Некоторые вещи, встретившиеся ему внутри, были понятны. Например, кресла. Форма и размеры у них были, конечно, непривычные для земного глаза, но все-таки это были кресла. Большинство же других предметов смущали землянина. Ему было неизвестно их назначение.

— Теперь я, кажется, начинаю понимать, что вы имели в виду, когда скептически отзывались о наших бедных лампочках, — сказал он и показал рукой на осветительную гирлянду, которая была протянута вдоль по стене, обеспечивая яркий свет по всему длинному коридору. Он осторожно дотронулся до нее, подбадриваемый кивками пришельцев. Гирлянда была прохладной на ощупь.

— Не стесняйтесь, пожалуйста, задавать вопросы относительно всего, что покажется вам интересным, — сказал Т'вар. Он сопровождал землянина по челноку в качестве гида. Тут же вертелась и вездесущая вейс.

Экскурсия закончилась в небольшой зале, которая от потолка до пола была напичкана всевозможной аппаратурой и устройствами, о которых Уилл не имел никакого понятия. Здесь суетилось несколько гивистамов со своими неразлучными о'о'йанами, а также присутствовали два с'вана. В центре зала возвышалась овальной формы платформа. Уилл знал, что если его гости захотели бы причинить ему вред, они силой притащили бы его сюда. Они этого не сделали, а нехорошие предчувствия все еще не отпускали землянина.

— Вы уверены, что все пройдет для меня безболезненно? — осторожно спросил он.

— Конечно, — заверил его Т'вар. Он, казалось, даже удивился самому вопросу. — Зачем нам причинять вам боль?

— Сразу видно, что вы не знакомы с моим врачом, — по-

шутил Уилл. Впрочем, эта острота не убавила в нем нервозности. — Надеюсь, обойдемся без ремней?

— Какие ремни вы имеете в виду? Сдерживающие? Зачем нам вас сдерживать?

— Вот и я так думаю. — Уилл глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. — Куда мне? Туда, что ли, лезть?

Он показал рукой на платформу.

— Если вас не затруднит, — вежливо отозвалась вейс.

Уилл взобрался на платформу и осторожно улегся на ее гладкую, теплую поверхность. Сверху в глаза бил свет. Он был достаточно яркий, но вместе с тем терпимый. К платформе подошли сразу несколько гивистамов и стали смотреть на Уилла сверху вниз. Он видел нависшие над ним зубастые головы и гадал: какие мысли в них сейчас вертятся? У этой группы медиков очки не были затенены, как у прочих. Рядом суетились юркие о'о'йаны, настраивая исследовательскую аппаратуру.

Ни у кого из них не было на груди транслятора, поэтому общение велось через вейс, которая сразу же передала Уиллу просьбу медиков раздеться. Он исполнил пожелание, на миг задумавшись о том, нет ли среди его экзаменаторов представительниц женского пола. Но потом понял, что все равно.

Сложная процедура обследования его организма началась. Его тыкали приборами, о назначении которых он ничего не знал, просвечивали аппаратами, о которых он не имел никакого понятия, до него дотрагивались нечеловеческими пальцами. Боли действительно не было. Было немного неприятно, но это можно было легко перетерпеть. Медики осматривали решительно каждую часть его тела, каждый сантиметр кожи. Его просили открыть и закрыть глаза, рот, согнуться и наоборот — вытянуться. Он любезно выполнял их пожелания, задавая все больше и больше собственных вопросов.

Кальдак стоял неподалеку от платформы вместе с Т'варом и наблюдал за происходящим. Главный медик покинул своих коллег и присоединился к командиру и его заместителю. Поскольку единственный представитель расы вейсов, присутствующий в комнате, был занят переводом переговоров медиков с землянином, Кальдаку, Т'вару и главному медику в разговоре пришлось положиться на электронные трансляторы.

— Чрезвычайно странное строение. Внешне вроде бы ничего примечательного, но сколько сюрпризов для науки таится под столь нежной оболочкой!

— Например? — с любопытством осведомился Кальдак.

Гивистам строго наблюдал за действиями своих подчиненных у платформы. Он подозвал к себе одного о'о'йана и что-то негромко сказал ему. Тот почтительно кивнул и кинулся к платформе исполнять распоряжение. Уилл в это время свистел, шумно дышал, делал глубокие вдохи и выдохи, двигал глазами направо и налево, вверх и вниз.

— Много необычного и интересного связано с черепной коробкой. Но серьезного исследования мозга мы провести в таких условиях, разумеется, не сможем. Возможности этой аппаратуры весьма ограниченны. К тому же мы не располагаем другими аборигенами, дабы можно было провести сравнительный анализ. На экспедиционном корабле можно добиться значительно больших результатов.

— Возможно, вскоре вам предоставится такая возможность. Что еще?

— Если исходить из того, что мы видим перед собой репрезентативный образец местной расы, то можно сказать, что земляне обладают очень крепкой костной структурой и мощным мышечным потенциалом. Восприимчивость на внешние раздражители по каналам нервной системы просто исключительна. Возможно, их анатомическое строение каким-то образом связано с эволюционным развитием в условиях аномальной истории. Конечно, это лишь предварительная гипотеза. Зная о том, что на протяжении многих поколений аборигены убивали друг друга, можно только догадываться, какой отпечаток это наложило на их физическое развитие.

Установлено, что они обладают великолепным зрением в пределах нормального спектра в светлое время суток и довольно эффективным зрением. Конечно, все зависит от того, с чем сравнивать. К примеру, дневное зрение гивистамов несколько острее, но ночью мы почти ничего не видим. Это характерная черта и множества других известных нам рас. Хорошее ночное зрение землян может оказаться еще одной защитной реакцией, выработанной в процессе развития в сложных социальных условиях.

Кальдак знал, что ночное зрение массудов у ученых Узора пользуется весьма высокой оценкой, поэтому он спросил:

— Вы хотите сказать, что ночью земляне видят лучше нас?

Гивистам невозмутимо ответил:

— Совершенно верно. Скорее всего они превосходят массудов и в дневном зрении. — В ответ на реакцию Кальдака гивистам добавил: — Но нам удалось выявить нечто гораздо более замечательное. Обследование установило, а сам землянин это подтвердил устно, что его соплеменники обладают способностью ограниченного зрения в воде. В зависимости от ее загрязненности, конечно.

Это известие до глубины души потрясло прежде всего Т'вара.

— Без использования искусственных линз?! — воскликнул он.

Медик утвердительно кивнул.

— Они что же, как лепары?

— Нет. Амфибиями их назвать было бы нельзя. Они чувствуют себя в воде достаточно комфортно и очень подвижны в ней, но дыхание приспособлено только к воздуху. Кстати, если верить заявлению землянина, то его соплеменники получают наслаждение от пребывания в воде.

— Нам это уже известно, — сказал Кальдак. Его нос мелко задергался при воспоминании о попытке землянина сбежать, предпринятой в первый вечер их знакомства.

Медик продолжал:

— К сожалению, пока мы не можем знать, чья тут заслуга: эволюционного или социального развития.

— Итак, подведем первые итоги, — сказал Кальдак, глядя в сторону платформы. — Мы имеем разумное существо, которое видит лучше массуда, сильнее гивистама и бир'римора и плавает лучше всех, за исключением лепара, который чрезвычайно неповоротлив и неуверен на суше.

— В физическом отношении они удивительно гибки и приспособляемы, — согласился главный медик.

— Вы что-то говорили об их восприимчивости к внешним раздражителям?

— На некоторые стимулы абориген проявляет просто

поразительную нервную реакцию. Особенно когда что-то приближается к нему.

— Мы уже знакомы с этим, — сказал капитан.

— Их пальцы отличаются подвижностью, однако в этом нет ничего необычного. Норма, как мы говорим. В этом их способности равны примерно способностям массудов и с'ванов и значительно уступают способностям гивистамов и о'о'йанов. Координация по каналу «глаз-рука» удивительно тонко настроена, в то время как другие движения по большей части можно назвать грубыми и неуклюжими. Сила сосредоточена в нетрадиционных для нас частях тела.

Они также обладают хорошо развитой способностью адаптироваться к резкому изменению климатических условий. Рискну предположить, что холод, который будет фатальным для гивистама, и зной, который свалит с ног массуда, они выдержат без особых проблем. Их легкие перерабатывают кислород с большой эффективностью. Принимая во внимание их мощную костную структуру, гибкую и крепкую мускулатуру, а также многочисленность различных связок и сухожилий, я могу, пожалуй, сказать, что в выносливости они оставят позади любого из нас. По сравнению с нами они способны на поистине великие подвиги выносливости.

— Как криголиты? — спокойно спросил Кальдак.

Главный медик с уверенностью ответил:

— Криголитам они могут дать десять очков вперед.

Заговорил вновь Т'вар:

— Этот Уилл настаивает на том, что он музыкант, человек искусства, и что он никакого отношения не имеет к войнам и не хочет иметь. При этом он подчеркнул, что его соплеменники придерживаются аналогичного мировоззрения. Но просмотренные нами визуальные программы местных электронных средств массовой коммуникации противоречат этому. Кроме того, повседневная активность землян, формы их искусства и развлечения настолько насыщены насилием, что представителю любой разумной расы просто недостает нервной энергии, чтобы выдержать это.

— Я могу говорить о результатах, полученных на основании исследования только одного индивидуума местной расы, — сказал медик. — Я даже подчеркиваю это: именно общая

картина может оказаться иной. Но я ученый и строю свои выводы отнюдь не на его заявлениях, — что бы он там ни говорил, — а исключительно на данных, полученных в результате объективных исследований. Так вот я говорю: физиологически земляне приспособлены к насилию. Это-то больше всего меня и интригует. Ведь если разобраться: чиринальдо их сильнее, гивистамы днем видят немного лучше, о'о'йаны гораздо более подвижны, лепары лучше плавают.

— А массуды? — медленно спросил Кальдак.

Медик помедлил с ответом, оглянувшись еще раз на платформу. Обнаженный землянин совершал приседания и выпрыгивания, доставал локтями до коленей, — подобный трюк мог повторить только массуд и, если брать сторонников Назначения, ашреган — а трое гивистамов и один о'о'йан оперативно регистрировали показания датчиков.

Гивистам клацнул зубами.

— Массуды бегают быстрее, — сказал он наконец.

Кальдак облегченно вздохнул, не понимая почему. Сравнивать расовые особенности с представителями других миров было абсурдом. Этим можно было бы заниматься исключительно в споре с соплеменниками.

— Однако я должен заметить сразу, — вновь привлек к себе внимание главный медик, поправляя очки. — Только более глубокое обследование и возможность дать сравнительный анализ на основе изучения нескольких особей позволят подтвердить или опровергнуть предварительные выводы, которые я вам изложил.

Т'вар задал очень важный вопрос:

— Что вы можете сказать об их боеспособности?

— Из всего сказанного мной нетрудно вывести заключение о том, что земляне — раса боеспособная в значительной степени. Это, если говорить об их физических кондициях. Но есть еще духовные. Тут я промолчу. Вы говорили, что земляне презирают войну. Это понимание укладывается в рамки нормы, принятой у известных нам цивилизаций. Впрочем, сразу вспоминаешь о передачах местного телевидения. Они действительно вступают в противоречие с заявлениями землян.

То обстоятельство, что они очень много и долго воевали

между собой, могло пробудить в них неприятие или страх перед войной с представителями других галактических рас. Они умеют убивать только друг друга. и замкнулись в этом добровольно. Может, тут есть что-то и от психического расстройства, не знаю, сказать не могу. Я не ксенопсихолог. Просто предположил одну из версий. Могут быть и другие.

Он снова клацнул зубами.

— Пока что я, — вернее, я и мои коллеги, — сужу, имея на руках данные обследования единичной особи открытой нами расы. Да, мы столкнулись со множеством противоречий. Как физического, так и духовного плана. А противоречия ведут, как известно, к непредсказуемости. Это слово нервирует гивистамов больше других. Он заявляет, что ненавидит войну и просто занимается созданием музыки, намекая нам на то, что противопоставляет эти два понятия: войну и музыку. Но ведь его музыка — это нечто... Словом, трудно себе представить что-нибудь более воинственное.

— Интересно, — вслух подумал заместитель командира. — А что бы он сказал о нашей музыке?

— Любопытная мысль, — ответил медик, водворяя протертые очки обратно на глаза. — Я бы не отказался провести подобный эксперимент, хотя боюсь, он ничего не прояснит.

— Но надо же как-то продвигаться дальше в наших исследованиях, — возразил с'ван. — Надо пробовать новые способы.

Гивистам устало кивнул в знак согласия.

Уилл заявил, что большинство вещей, которые ему были проиграны и которые он со вниманием выслушал, ему показались весьма милыми и красивыми. Словом, понравилось. Когда музыкальное устройство, принесенное пришельцами в кабину катамарана, издало последние аккорды и умолкло, Уилл откинулся на спинку дивана, улыбнулся и стал довольно оглядывать своих гостей.

— Чудесно, однако... В отношении ритма слишком уж все просто, чтобы не сказать другого слова.

— Оценка, которая дается искусству, всегда субъективна, — ответил Т'вар. Он не тратил времени на дипломатию, добавив: — Ваши произведения нам показались откровенно грубыми.

— Это еще что! По сравнению с тем, что выделывают некоторые так называемые популярные группы, моя музыка — тихий шелест лесного ручейка! Вы бы послушали «Кадмий»! Лично я признаю, что мне нравится сильный ритм и отчетливая дробь ударных, но я не допускаю диссонанса в отличие от других. Что же касается вашей музыки, то она чем-то напоминает мне народную музыку болгаров, их песни... Конечно, вам это ничего не говорит. Кстати, зачем вы решили проиграть мне это?

— Вы музыкант, — сказала вейс. — Нам показалось, что вы проявите интерес.

— И проявил! Клянусь, проявил! — Он снова откинулся назад, заложив руки за голову. — Поставьте-ка мне, пожалуйста, ту первую часть... Напоминает звон электрических колокольчиков.

На борту челнока Кальдак созвал оперативное совещание представителей научных отделов, которые входили в группу контакта. Присутствовали также Т'вар и вейс.

— Время идет. Нам необходимо принять важное решение. Решение жизненной важности. Я должен наконец узнать, являются ли местные жители нашими потенциальными союзниками, и если являются — в какой степени? Стоит ли их готовить к боям и сражениям. Пусть рассчитывая лишь на их вспомогательное участие. Либо они не в состоянии воевать, но зато могут осуществлять какие-либо иные функции. Наконец, может быть, их нестабильность, которая, возможно, является отпечатком нестабильности геологической, делает их вовсе бесполезными для нас? Хотя представить себе это трудно, ибо мы приветствуем помощь, оказанную нам в любой форме, даже в очень малой.

— Мы сможем получить ответы на интересующие нас вопросы только, получив для исследований дополнительных представителей земной расы, — высказался Т'вар. — Или же, подвергнув уже имеющегося в нашем распоряжении аборигена более глубокому изучению.

Помощник руководителя по медицине выразил свой протест:

— Еще слишком рано затевать детальное обследование.

— Не согласен, — возразил Т'вар с несвойственной с'ванам драчливой резкостью в голосе. — Смотрите, как охотно он до сих пор сотрудничал с нами.

— Некоторые из вас признавали за ним известную долю полезной нам агрессивности. Я ее не заметил, — заговорил Кальдак.

— Но он же сломал Дропаку руку.

— Землянин утверждает, что это случайность. Это происшествие доказывает только его силу и грубость в движениях. Однако это вовсе не значит, что он по характеру агрессивен.

Помощник руководителя по медицине все еще выражал озабоченность.

— На настоящий момент мы имеем хороший образчик местной расы, который к тому же охотно идет на сотрудничество с нами. Разве мы можем рисковать идти на более глубокое обследование, результаты которого мы даже сами не можем с точностью предсказать? Ведь мы можем легко потерять расположение к нам этого землянина.

— Я хочу напомнить забывчивым коллегам одну немаловажную деталь, — заметил Т'вар. — Идет большая война. Война, которая началась задолго до нашего с вами появления на свет и которая, к сожалению, видимо, будет идти и после нашей кончины. Приблизить ее конец — это достойная задача, во имя которой можно пожертвовать расположением одного землянина. Во всяком случае, мне так кажется. Разумеется, все меры предосторожности должны быть приняты, однако без риска не обойтись, и мы обязаны идти на этот риск. Вы сами говорите, что до сих пор он охотно идет на сотрудничество. Я полагаю, мы вправе надеяться на то, что его настрой не изменится.

Слушая эту убедительную речь, произнесенную уверенным тоном, Кальдак думал о том, что с'ванам, пожалуй, удастся склонить на сотрудничество с экспедицией и известняковую скалу, если возникнет в этом необходимость. Если кто и сможет уговорить землянина согласиться на сложное обследование, так это только Т'вар.

— Продолжение исследований на более сложном уровне потребует добровольного согласия землянина.

— Ну, разумеется, — ответил беззаботно Т'вар, глянув на

своего капитана. — Мы сделали здесь все, что смогли, учитывая скромные возможности аппаратуры челнока. Пожалуй, самое время перебираться на экспедиционный корабль.

Уилл Дьюлак сел и перенес ноги с платформы на пол. Пол слегка подрагивал. Медики, которые суетились вокруг него, продолжали работать, как будто ничего не произошло.

— Что такое, черт побери?! Никак, мы движемся?

Помощник руководителя по медицине обратилась к землянину через свой транслятор:

— Перед нами встала необходимость вернуться на корабль.

— Эй, погоди-ка! — вскричал встревоженно Уилл. Он соскочил с платформы и бросился к своей одежде, отшвырнув в сторону оказавшихся на дороге двух о'о'йанов. — Я согласился вам помочь, но только здесь! О другом корабле разговора не было!

Между землянином и испугавшимися врачами тут же оказалась вейс.

— Все дело в семантическом расхождении наших и ваших терминов, — вежливо пояснила она. — Для нас понятие «корабль» — это вся совокупность летательных средств, имеющихся в распоряжении экспедиции. Челнок является всего лишь одним элементом.

— Значит, я давал согласие только на этот элемлент! — Уилл лихорадочно натягивал на себя одежду. — Все!

К разговору присоединился Т'вар, от которого исходила уверенность и какой-то нарочитый энтузиазм.

— Разве вы не хотели бы взглянуть на наш корабль? Ведь вы никогда не были в космосе, насколько я знаю, а? Только представьте себе: вы получите возможность окинуть одним-единственным взглядом весь ваш красивый мир! Он будет у вас, как на ладони!

Уилл перевел глаза на приземистого оратора. Густые волосы покрывали большую часть его лица. Несмотря на это, все же можно было увидеть, что он более других походил на гуманоида, намного больше, чем долговязые раздражительные массуды.

— Все это так. Я добровольно согласился вам помочь, и мне здесь очень понравилось. Но о полете на какой-то там

корабль и речи не было, вот в чем вся штука! Надеюсь, вы не замыслили в отношении меня похищение?

— Похищение?

Транслятор с полминуты натужно зуммерил, прежде чем смог перевести это слово. Но, видимо, сделал это не очень удачно, ибо Т'вар поднял недоуменные глаза на вейс. Та сделала знак, что сама находится в затруднении. Уилл все это увидел и пояснил:

— Похищение — это когда кто-то уводит или увозит кого-то без его согласия. Как правило, силой, но, бывает, и обманом.

— Вы одержимы идеей совершения насилия по отношению к вам, — с упреком и раздражением проговорил с'ван. Он стал нервно перебирать свою бороду. — Возможно, это такая же четкая характеристика всей вашей расы, как и безволосость. Ну, зачем нам похищать вас?

— Чтобы добиться от меня того, чего вы хотитет.

— Мы добивались от вас сотрудничества с нами в первый вечер знакомства и уже добились этого. Поэтому применение силы по отношению к вам сейчас явилось бы излишней мерой. В той же степени излишней, в какой и неприемлемой для нас. Неужели вы так и не уяснили себе те основные принципы, по которым мы живем? — Он перешел на язык гивистамов и бросил окружавшим его медикам: — Нет, я уже начинаю приходить в отчаяние! Эти существа либо не имеют возможности, либо не хотят демонстрировать свою цивилизованность.

— Я предупреждала о возможности осложнений, — тихо прошипела помощник руководителя по медицине. — Их поведение остается в высшей степени непредсказуемым.

Т'вар показал знаком, что согласен с ремаркой, и вновь повернулся к землянину.

— Я заверяю вас в том, что ничто не будет сделано против вашей воли. Если вы хотите уйти прямо сейчас, никто не будет чинить вам в этом препятствий.

Уилл внимательно посмотрел на него. Этот немигающий взгляд, устремленный на с'вана, выбил того из внутреннего равновесия. Т'вар не ожидал этого. Этот взгляд смущал его гораздо больше, чем он мог предполагать. Лепары, гивистамы, о'о'йаны и даже массуды не способны смотреть на с'ванов так,

чтобы те теряли уверенность в себе. Землянин несколько раз говорил, что сломанная рука Дропака — несчастный случай, что он музыкант и не признает насилия, но... Кто знает? Кто разберет этих аборигенов? Они и впрямь непредсказуемы. С'ван внутренне поежился, осознав свою уязвимость. «Почему? — спрашивал себя Т'вар, — Почему мне так неудобно?..»

— Значит, я могу уйти? Прямо сейчас? К себе на катамаран?

— Разумеется, — очнулся наконец от смущения Т'вар и продолжал спокойным голосом: — Конечно, покинув нас, вы потеряете возможность познать тот восторг, которым одаряет разумных безбрежный космос, но это вам решать. Я уверен, что нам не составит большого труда отыскать другого землянина, который не только согласится отправиться с нами на экспедиционный корабль, но даже будет подгонять нас.

С'ван очень надеялся на то, что транслятор придаст этой реплике интригующую, а не пренебрежительную тональность.

Землянин колебался.

Потом вдруг уголки его рта поползли вверх.

«Удивительно подвижное лицо для позвоночного!» — внутренне поразился Т'вар.

— Ладно, черт с вам. Я и так уже далеко зашел. Один из моих музыкальных наставников часто говаривал: «Вдохновение не приходит к тебе само, надо отрывать задницу от стула и идти искать его». Я полечу с вами. Но только в том случае, если вы дадите обещание вернуть меня на Землю по первому требованию!

— Мы обещаем, — сказал Т'вар.

«Как будто мы можем поступить как-то иначе!» — возмутился про себя с'ван.

Удивительная подозрительность и предубежденность. Что это? Причудливая особенность характера единичного индивида или болезнь расы?

После этого разговора с'ван больше чем когда-либо хотел подвергнуть землянина сложному обследованию.

Землянин остался в восторге от внутренней обстановки и внешней грандиозности экспедиционного корабля, хотя от представителя цивилизации, еще не вышедшей на настоящие космические просторы, можно было ожидать и большего. Со-

здавалось такое впечатление, что он поражен лишь самим кораблем, а не фактом его существования.

Кальдак завел специальный банк данных, помеченный одним словом: «ЗЕМЛЯНЕ».

Члены команды сторонились по стенам и с любопытством глазели на аборигена, когда его водили на экскурсию по кораблю. Наконец они дошли до того помещения, где было намечено провести более глубокое обследование организма землянина. Уилл увидел посреди комнаты низкое, но довольно комфортабельное кресло. Он ожидал, что придется ложиться на такую же жестковатую платформу, что и на борту челнока. Кресло было обито чем-то мягким, от этого выглядело неофициально и казалось едва ли не по-домашнему уютным.

— Насколько я понял, опять станете щупать меня? — спросил он, уже начиная расстегивать рубашку. — Хотите, чтоб я снова разделся?

— Нет, это совсем не обязательно, — шипяще проговорила помощник руководителя по медицине.

Уилл улыбнулся.

Эта комната как-то настраивала на добрый лад, убаюкивала что ли. Он чувствовал себя здесь гораздо увереннее и спокойнее в сравнении с импровизированной операционной на челноке. Он взобрался на это огромное мягкое кресло, которое могло бы вместить по меньшей мере двух человек, закинул руки за голову и расслабился.

Кальдак пригласил наблюдать за ходом проведения обследования Соливик и Т'вара. З'мам находился на вахте — на нем лежала ответственность за управление кораблем и работу экипажа. Все они собрались в небольшой наблюдательной комнате, которая располагалась над залом, где было назначено обследование, и соединялась с ним стеклянной стеной, через которую все было отлично видно.

Соливик, как и всегда, говорила прямо и откровенно:

— Что за забавные создания! Впрочем, не смешнее с'ванов.

— Спасибо на добром слове, — сухо отозвался Т'вар.

— Вы только поглядите! Как нелепо смотрится тот клочок волос на черепе! А больше их нигде нет? Невозможно поверить! Какой абсурд! А глаза... Они не больше, чем у ле-

пара. Плоское лицо... Беспомощные зубы... Признаю за ним хорошо развитую мускулатуру, но в остальном — весьма убого. — Она повернулась к Кальдаку. — Как вы думаете, какая у него будет реакция на сканирование?

— Не знаю, — ответил командир, который стоял почти у самого стекла. — И никто не знает. Руководитель по медицине полагает, что объективные, незамутненные результаты можно будет получить только в том случае, если землянину не сообщать о том, что сейчас с ним будет происходить. Так что он ничего сам не ведает. Не уверен, что мне это нравится, но я не стал спорить с медиками. Предпочитаю не совать свой нос в те дела, в которых ничего не смыслю. Кстати, у помощника руководителя по медицине тоже имеются кое-какие оговорки, которые она почему-то не может нам объяснить. Впрочем, боюсь, она не может их объяснить даже самой себе. Меня ее колебания интересуют гораздо больше, чем мотивы, их вызвавшие.

Мозговое сканирование являлось методом, который позволял ученым Узора подвергать пациентов воздействию, схожему с внушением амплитуров. Разработка этого метода считалась триумфом науки и медицины Узора. Ведь за всю историю конфликта Узора с народами Назначения случаи пленения живых представителей расы амплитуров были практически единичными. А изучение таких пленников было по-настоящему опасным и рискованным делом. Оно проводилось на расстоянии вне досягаемости импульсов внушения для того, чтобы обезопасить медиков и ученых. Хотя всегда был риск переступить случайно невидимую черту, и тогда...

Основную часть информации об амплитурах и их удивительной телепатической способности ученые Узора почерпнули из общения с теми, кто в свое время попал в плен к врагу, был подчинен ему и отпущен к своим в пропагандистских целях. Бедняги теряли всякую способность к независимому, самостоятельному мышлению после «общения» с представителями Амплитура. Всем было ясно, какое значение могло бы иметь создание технологии, обеспечивающей экранную защиту от влияния врага. Ученые бились над этой проблемой сотни лет, без очевидных успехов, движимые больше надеждой, чем уверенностью. Если бы подобный метод защиты был

открыт, это коренным образом изменило бы обстановку в той части галактики, которая столетиями, по сути, находилась на военном положении.

Соливик показала рукой на испытательный зал.

— Кажется, начинается. Землянину что-то не нравится, по-моему...

И в самом деле они видели, что землянин протестует против того, чтобы на него натянули сканирующую сетку. Медики растерялись. До наблюдательной комнаты доносились ругательства аборигена.

— Похоже, я должен вмешаться, — сказал Т'вар и откланялся.

Спустя несколько секунд командир и его первый заместитель увидели, как с'ван бодро вошел в испытательный зал и сразу же направился к креслу, на котором сидел землянин. Остановившись рядом с вейс и временами поглядывая на нее, он стал разговаривать с аборигеном. Наконец, тот покорно опустил руки и кивнул головой. С'ван сделал знак медикам, которые с опаской вновь стали приближаться к испытуемому.

Им удалось-таки натянуть ему на голову требуемую сетку, хотя землянин по инерции и продолжал слабо упираться.

— Удивляюсь скрытности помощника руководителя по медицине, — сказала Соливик, стоя у стеклянной стены. — Обычно у гивистамов все их переживания отражены на лицах.

— Похоже, ее тревожит спешка, в которой проходит обследование. Но у нас нет выхода. Амплитур ведь не объявит временного перемирия, чтобы дать нам возможность без помех закончить изучение этой расы.

— Не понимаю, чего тут можно опасаться? Какая ценность в этом существе? Из того, что я видела уже и слышала, могу сделать один-единственный вывод: эта раса едва-едва цивилизованна.

— Просто их трудно классифицировать. Как и их планету. Но утверждать сейчас, что они бесполезны в качестве союзников, по меньшей мере преждевременно. Помощник руководителя по медицине, разумеется, имеет право высказывать свое мнение, но насколько я понял, среди своих коллег она в меньшинстве.

— Вы в этом уверены или просто выдаете желаемое за действительное?

Кальдак устремил на Соливик раздраженный взгляд.

— Вы знаете меня достаточно уже хорошо, чтобы самой дать ответ на подобный вопрос.

Соливик отвернулась и стала смотреть через стекло в зал.

— Пошло дело, — с солдатской непосредственностью объявила она.

Операторы заняли места за своими пультами. Рядом с монитором, на специальном кресле, сидела гивистам. Ее голова была накрыта сверху сеткой, очень похожей на ту, которая была на голове землянина. Юркий о'о'йан вертелся у нее под ногами, проверяя уже давно настроенную аппаратуру и датчики.

Сканер заработал. Он послал и землянину, и проводнику-гивистаму импульсы спокойного сна. Оба закрыли глаза и заметно расслабились. Над обеими сетками появился бледный нимб. Сканирование началось. Т'вар стоял в сторонке и о чем-то оживленно переговаривался с вейс. Медики и технические специалисты разве только не краснели от натуги. Они что-то быстро писали, вводили в компьютеры, в строгом соответствии с установленными временными интервалами делали необходимые переключения режимов работы аппаратуры... Словом, с помощью несовершенной машины и кропотливой длительной работы пытались добиться того же, чем амплитуры без всякого усилия над собой добивались от представителей других рас за несколько минут.

Время текло быстро. Ничего не происходило. Постепенно Кальдак отвлекся пытательного зала и его внимание переключилось на другие вещи. Он спохватился, когда почувствовал, что колено Соливик толкнуло его колено. Таким образом массуды давали друг другу понять, что пришло время глядеть в оба. Он обернулся к ней. Она показывала рукой на испытательный зал.

— Вы видите?

— Что? — не понимая еще, о чем идеть речь, спросил он.

— Ну, смотрите же на проводника! Вон!

Кальдак увидел, что гивистам, которая вызвалась быть проводником в проводимом сканировании, мелко подрагивает.

Если бы она была массудом, Соливик не обратила бы на это внимания, но это была представительница расы гивистамов. А гивистамы не имеют физиологической потребности подрагивать. Да еще так долго и по нарастающей!

На лице рептилии была страшная тревога. О'о'йан, который суетился около нее, решил поправить сетку на голове. Он подумал, что сканирующее устройство чуть съехало набок, от чего нарушился покой проводника. Дальнейшее произошло почти молниеносно.

Кальдак отшатнулся от стеклянной стены, увидев, как проводник полоснула по лицу о'о'йана раскрытой лапой с выпущенными когтями. На пол закапала кровь. Стеклянная стена делала тебя участником драмы. О'о'йан рухнул на спину. Датчик, который был у него в руке, покатился по полу.

Проводник окончательно потеряла над собой контроль. Она неистовствовала: рвалась на своем кресле из стороны в сторону, молотила по воздуху руками, отчаянно лягалась ногами. Под затененными очками зловеще вспыхивали зрачки ее глаз.

Недалеко от нее стояло кресло, в котором спал землянин. Вот ему, как будто показалась неудобной его поза, он перевернулся на левый бок, потом почти сразу же на правый. Правая нога подогнулась, а левая стала подергиваться, как будто он отпихивал от себя какого-то небольшого, но назойливого зверька.

На его лице была написана ярость и ужас. Черты лица были искажены, но глаза по-прежнему закрыты.

11

Очнувшись от кратковременного паралича, постигшего медиков после увиденного, некоторые из них бросились на помощь окровавленному, шипящему о'о'йану. Другие попытались успокоить проводника, которая злобно шипела и продолжала метаться из стороны в сторону на своем кресле.

Самые смелые стали приближаться к землянину. Один из о'о'йанов навалился всей своей скромной тяжестью на левую

руку аборигена и... был тотчас же отшвырнут далеко в сторону. Землянин издал глубокий стон. Стоявший тут же гивистам покатился по полу, получив мощный пинок ногой.

Ругаясь на чем свет стоит, Кальдак и Соливик покинули наблюдательную комнату и поспешили на помощь своим коллегам.

Когда они вбежали в испытательный зал, медикам уже удалось стянуть сканирующую сетку с головы проводника. Та тут же затихла, и ее безвольное тело осторожно перенесли на операционную платформу. Сам руководитель по медицине склонился над ней, медленно водя по ее руке электронным диагностом. Кровь сочилась у проводника из левой ноздри, обильно заливая нижнюю часть лица.

— Что здесь произошло? — коротко и резко спросил Кальдак.

— Мы не знаем! Правда, не знаем! — ответила помощник руководителя по медицине. Она выглядела какой-то потерянной.

Мимо пробегал один из специалистов с диагностом в руке. Кальдак перехватил его на полдороге и отнял электронное устройство.

— Что здесь происходит?! — крикнул он на массудском.— Я требую объяснений!

В эту минуту на лицо проводника надели респиратор. Послышалось шипенье газа.

— Черт возьми, я ничего не понимаю в этих игрушках! — в отчаянии прошептал Кальдак, глядя на экран диагноста.

Помощник руководителя вежливо взяла у него из рук аппарат, нажала какую-то кнопку и стала смотреть на побежавшие строчки информации. Изящные пальцы сноровисто бегали по небольшой клавиатуре.

— Так, слушайте, — сказала она, обращаясь к капитану через свой транслятор. — Вначале все шло хорошо. Все показатели в пределах нормы. Землянин заснул спокойно и глубоко. — Она опасливо посмотрела через плечо на кресло. Землянин все еще спал. Медикам удалось наконец снять с него сетку. Он перестал дрыгать ногой, но на лице было все еще озабоченное выражение.

— Поначалу посылались стандартные и довольно слабые

импульсы. К тому же широконаправленные. Начали поступать первые данные. Все шло хорошо. Мы анализировали информацию и продолжали посылать импульсы. Разные расы реагируют на разные импульсы. И по-разному.

Чем дольше продолжалось сканирование и чем более настойчивыми становились посылаемые импульсы, тем непонятнее была та реакция, которую мы регистрировали. Было установлено, что землянин начинает волноваться...

— Только это вы с помощью всей аппаратуры и смогли установить? — насмешливо спросила Соливик.

Гивистам не обиделась на эту реплику, а только укоризненно взглянула на первого заместителя командира экспедиции и пояснила свою мысль:

— Я имела в виду не внешние признаки волнения, которые вы могли наблюдать из-за стекла, а внутренне-мозговые... Активность процессов, происходящих в организме, резко повысилась и вышла за пределы нормы. Например, удивительная по силе активность в коре головного мозга. Электрического характера. Настолько сильная, что у нас зашкалили приборы.

— Это была реакция землянина? — спросил живо Кальдак. — На какой из импульсов?

«Как груб, как несдержан. Одно слово — массуд?», — поморщилась про себя помощник руководителя по медицине. Тонким, изящным пальцем она стала водить вдоль кривой, которая появилась на экране диагноста.

— Импульс мягкого испуга. Видите параллельные линии, данные прибором для сравнения с реакцией землянина. Это реакция гивистама, а это — лепара. А вот эту кривую мы получили пытуемого.

Кальдак склонился над небольшим экраном, чтобы поближе взглянуть на изогнутую линию. Даже неспециалисту было ясно, что подобные реакции можно получить только от сумасшедшего. Но... Уилла Дьюлака можно было называть повсякому, но только не психом. А с другой стороны, Кальдак смотрел на бесстрастные показания машины.

— А что с ней случилось? — спросила Соливик, кивнув на проводника, которая неподвижно лежала на платформе и, казалось, спокойно спала.

— Пока еще не знаем точно, — сказала помощник руко-

водителя по медицине, с жалостью глянув на коллегу, с лица которой вытирали кровь.

— Предварительный диагноз — каталептический шок.

Нос и уши Кальдака нервически подергивались.

— Причина?

Гивистаму пришлось задрать голову, чтобы взглянуть в глаза нависшему над ней массуду.

— За отсутствием альтернативных объяснений я высказываю предположение, что это следствие обратной связи с землянином. Мы продолжаем выяснять этот вопрос, но уже сейчас почти точно установлено, что дело не в поломке аппаратуры. Какова бы ни была реальная причина, но вспышка агрессивности была невероятно мощной. Руководитель по медицине говорит, что прежде за всю жизнь такого видеть не приходилось.

— Мне тоже, — проговорил мрачно Кальдак, постукивая пальцами по экрану, — хотя я не так-то уж много времени провожу в лабораториях. — Землянин настаивает на том утверждении, что он и ему подобные — исключительно миролюбивые существа. Вы допускаете возможность того, что он нам попросту солгал?

— Возможно, это и так. Только зачем ему было соглашаться на наш тест, если он хотел что-то скрыть?

— Да, вы правы. Возникает противоречие, объяснения которому я не вижу, — мрачно проговорил Кальдак.

Гивистам задумалась.

— Знаете, что я думаю... — проговорила она. — Ведь когда случился этот неприятный инцидент, землянин находился в состоянии глубокого сна. Как и сейчас. Значит, логично было бы предположить, что то, что стряслось, явилось отнюдь не результатом его осознанного волевого усилия, а всего лишь инстинктивной защитной реакцией его мозга и тела на настойчивые импульсы.

Она поправила крохотный наушник транслятора тщательно отманикюренным пальцем. Чешуйки ее шкуры блеснули в ярком свете испытательного зала.

— И надо признаться, — продолжала она, — что это меня беспокоит гораздо больше, чем как если бы он это все сделал

осознанно. Значит, над каким-то участком своей же собственной нервной системы он не имеет контроля.

— Рад это слышать, — проговорил Кальдак. — Это говорит о том, что землянин вовсе не собирался причинять вред проводнику.

— И тем не менее вред был причинен.

— Значит, с уверенностью вы пока не можете говорить о том, что с ней стряслось.

— Информация продолжает поступать и ее еще надо анализировать. Но самые ценные сведения мы можем получить только от нее самой. С нетерпением будем ждать того времени, когда она придет в себя.

— Как вы оцениваете серьезность полученного ею шока?— строго спросила Соливик.

— Это сейчас только выяснятся, — ответила гивистам, встревоженно окинув взглядом платформу, на которой лежало безжизненное тело проводника, и медиков, суетившихся вокруг нее. — Но надеюсь, все обойдется.

Спустя несколько минут проводник пришла в себя от глубокого шокового сна. Ее пробуждение сопровождалось отчаянными криками и надсадным шипеньем, как будто на нее напало самое страшное чудовище из гивистамских легенд. Присутствующие медики тут же кинулись ее успокаивать нежными словами, медикаментами, еще большим затенением ее очков. Следуя ее настояниям, она была перенесена из испытательного зала в противоположную часть корабля.

Спустя два часа Уилл Дьюлак потянулся, зевнул и открыл глаза. Сон освежил и взбодрил его. Теперь он только удивлялся: и зачем было поднимать такой шум из-за такой пустяковой и приятной процедуры? Присутствующие гивистамы и с'ваны обрушились на него с целым градом вопросов. Отвечая на них, он заявил, что спал хорошо, ничего не чувствовал и ничего не помнит. Ни кошмаров, ни прочих неприятностей. Разве что только шея чуть затекла, но в остальном было очень комфортно.

Его удивило, что ему устроили настоящий допрос.

Исполняя его пожелания, ему принесли поесть. В основном, пища была та, которую обычно ели с'ваны, но принесли кое-что и из массудской кухни. Проведенные тщательные

анализы с большей или меньшей уверенностью позволяли надеяться на то, что еда не повредит организму землянина. Насчет того, как он отнесется к ее вкусовым качествам, никаких исследований не проводилось, поскольку считалось, что это не главное. В результате те блюда, к которым, — как они полагали, — он отнесется с восторгом, землянин решительно отставил в сторону. Зато с аппетитом стал поглощать то, до чего массуд не дотронулся бы, даже испытывая сильный голод.

Командиру экспедиции наконец удалось договориться с руководителем по медицине о том, чтобы проводника допросили.

Она неподвижно лежала на медицинской платформе, подоткнув под голову подушку и спрятавшись почти полностью под термоодеялом. Из медицинского персонала при разговоре присутствовали руководитель по медицине, его помощник и несколько врачей. А также Кальдак, все три его заместителя и некоторые технические специалисты. Кальдак хотел пригласить и Яруселку, но не сделал этого, поняв, что ее присутствие не было необходимым. В крайнем случае, они обсудят это все позже.

— Вы можете нам рассказать о том, что произошло? — как мог мягко спросил командир экспедиции.

Очки проводника были затенены до черноты, поэтому он не мог видеть ее глаз. У нее было прерывистое дыхание, а голос по тембру сильно отличался от нормального голоса гивистамов.

— Я... Я... Я не знаю. Тест начался совершенно нормально. Все было спокойно, в пределах допустимого. Я не встретила с его стороны сопротивления. Поначалу почувствовала удивление, но это была предсказуемая реакция, к тому же она скоро прошла. Сознание землянина оставалось открытым и вполне доступным. Я еще подумала: «Как у него все просто устроено, почти примитивно...»

Она сделала недолгую паузу, чтобы выпить освежающей жидкости, потом продолжала:

— Я стала посылать стандартные импульсы. Все шло хорошо. Насыщенность импульсов увеличивалась, и вдруг... Наступил хаос... Без всякого предупреждения... У меня было такое впечатление, как будто я была вывернута в совершен-

но незнакомую часть Вселенной... Я... Я тогда ничего не понимала и не соображала, поэтому не могу передать или описать вам то, что чувствовала. — Она умоляющим взглядом уставилась на руководителя по медицине. — Пожалуйста, не заставляйте меня сейчас вспоминать это! Прошу вас! Я еще не готова...

Проводник заволновалась, из ее пасти стали вырываться хриплые звуки.

— Успокойтесь, успокойтесь, — сказал пожилой врач-гивистам. Он склонился к голове больной и стал что-то быстро нашептывать ей на их языке. Трансляторы не могли уловить смысла, ибо голос звучал очень тихо, шепотом. Утешая больную словами, врач одновременно медленно провел своим указательным пальцем между глаз проводника, по лбу, по голове вплоть до шеи. Когда он выпрямился и отошел в сторону, все увидели, что больная успокоилась и заметно приободрилась.

— Создавалось такое впечатление, как будто мой мозг в огне, — тихо продолжала она. — Ужас! Невыразимый ужас и всепожирающая ненависть! Злоба!

Внезапно она села на своей постели и сорвала с лица очки.

— Эти существа одержимы мыслью об убийстве! Это у них заложено в инстинктах... Под личиной цивилизованности они скрывают свое страшное нутро. Если заглянуть в них поглубже, то увидишь, что они столь же кровожадны и примитивны, как стаки!

— Мы все еще не знаем точно, что произошло во время еста сканирования, — подал голос один из врачей. — Вы ...терпретируете события, исходя из личных переживаний. А личное - всегда субъективное. Эту расу никак нельзя назвать примитивной и сравнивать ее в этом смысле со стаками...

— Технологически она, конечно, не примитивна, — нетерпеливо и резко перебила коллегу пострадавшая. — Но вы примите во внимание социальный аспект. Вы... Вы не сидели в том кресле!

Один из технических специалистов решил поддержать больную:

— В самом деле! Ведь они воюют друг с другом. А для расы, которая вышла на такой уровень технологического

развития,— он, конечно, невысок, но все же, — подобный факт беспрецедентен!

— Но не забывайте о показаниях самого землянина, — вмешался Т'вар. — Он дает согласие на все процедуры, которые мы ему предлагаем. И на сканирование дал. Он говорит только о мире и дружбе, и настаивает на том, что только эти цели стремится достичь его раса. Он осуждает братоубийство и говорит, что их человечество уже начинает отходить от этого.

— Междоусобица знакома нам по другим мирам, — заметил один из специалистов. — Но то были миры, находящиеся в зачаточной стадии развития разума и цивилизации.

— Мы столкнулись с феноменом, так давайте же изучать его! Те исследования, которые мы уже провели, дали серьезные результаты. Надо продолжать в том же духе. А делать важные заявления и заключения, не имея на руках более или менее полной информации, не так уж и трудно! — выкрикнул кто-то из врачей.

Другой капитан на месте Кальдака уже давно ввернул бы и свое видение проблемы. Но не массуд. Он старался извлечь из этого спора что-то, что помогло бы ему впоследствии принять правильное решение. Но уже в детстве ему открылась простая истина: трудно услышать что-либо, когда сам орешь громче всех. С другой стороны, он видел, что, если не закруглить разговор, он перерастет в крупномасштабную дискуссию, которая затянется у постели больной до поздней ночи.

— Сегодня во время проведения теста случилось нечто экстраординарное и выходящее за все мыслимые рамки. Никто из нас еще не был свидетелем подобного случая. Так вот. Мне не столько интересно, почему и как это произошло с землянином, сколько — можно ли наконец использовать выявленные особенности этой расы каким-либо образом против Амплитура, — веско сказал капитан.

— Нет!!!

Кальдак даже вздрогнул: настолько этот вскрик был громким и неожиданным. Вместе с остальными присутствующими он повернулся к постели потерпевшей. Как бы смутившись своего же поведения, проводник откинулась обратно на подушку и тихо заговорила:

— Нет. Нам не нужны такие союзники, как эта раса. Ни с какой стороны они нам не подойдут!

Она говорила быстро, словно в лихорадочном бреду. Ее глаза дико сверкали то на одного, то на другого врача.

— Необходимо избавиться от этого землянина и улетать отсюда, пока нас не заметили. Это моя рекомендация. Я не командую здесь, но на месте капитана поступила бы именно так.

— Вы должны успокоиться, — проговорил руководитель по медицине. — Вы субъективны в своих суждениях. Последствия шока, который вы перенесли, мучают вас. Сейчас вам не стоит напрягать мозг. Лучше поспите и пусть вам приснится дом.

— Не надо меня опекать! — резко возразила пострадавшая и прибавила пару шипящих фраз на языке гивистамов. Транслятор не успел все перевести, но даже то, что он перевел, потрясло Кальдака. Грубость и резкость была вообще несвойственна гивистамам, а ведь пострадавшая была к тому же ученым специалистом!

Словно догадавшись о его мыслях, — или просто осознав, что последнее решение принимать все равно ему, — больная устремила горящий взгляд на командира экспедиции.

— Убейте его! — глухо проговорила она. — И улетайте из этой системы как можно скорее.

— Успокойтесь и поспите, — повторил руководитель по медицине и добавил что-то вполголоса своим ассистентам.

Кальдаку было сказано, что больную больше нельзя сегодня беспокоить, и он вместе с коллегами покинул лазарет. У каждого в голове роилось множество смятенных мыслей. И каждый остался с этими мыслями наедине.

В испытательном зале Уилл Дьюлак продолжал проходить обследование. Со стороны казалось, будто он играет в какую-то забавную игру с медиками, которые подавали ему свои просьбы знаками, а он пытался угадать их смысл и исполнить. Медики, — их было двое, — часто переговаривались между собой и поглядывали на дверь, ожидая, что вот-вот принесут трансляторы и они смогут обращаться к землянину на его утробном наречии. И хотя Кальдак не умел читать в душах

разумных существ, — тем более землян, — ему показалось, что Уилл раскован, спокоен и даже весел.

— С одной стороны, мы имеем свидетельство пострадавшей, — сказал он, обращаясь к своим заместителям. — А с другой, вот эту картину.

С этими словами он показал рукой на стеклянную стену, за которой находился Уилл, продолжавший любезно выполнять просьбы медиков. В сторонке стоял с'ван и делал какие-то записи. Два о'о'йана проверяли исправность использованной во время теста аппаратуры. В углу комнаты суетился уборщик-лепар. Сцена была почти лубочная.

— Я не могу отделаться от сильного ощущения того, что все мы с вами находимся на пороге какого-то очень важного открытия. Я не имею права... Я не покину эту планету, испугавшись истеричных излияний одного специалиста.

Соливик не спускала глаз с испытательного зала.

— Землянин настойчиво повторяет, что его народ исключительно миролюбив и не примет участия в сопротивлении нашествию Амплитура. И однако, несмотря на все эти убежденные заверения, опыт показал способность землян реагировать на особые импульсы мощным проявлением физической и душевной агрессивности. Возможно, это ключ ко всему. Землянин не наносит удар первым, он только отвечает на угрозу. Если бы нам удалось доказать ему, убедить его в той несомненной угрозе, которую несет с собой Амплитур, возможно, мы смогли бы извлечь из этого пользу.

— В какой степени? — осведомился Кальдак.

— Не знаю, — поколебавшись, ответила Соливик и взглянула на командира. — Мой капитан! Я нахожусь на военной службе всю свою жизнь. Навидалась и наслыхалась всякого. Однако никогда прежде я не становилась свидетельницей сцены, подобной той, которая разыгралась несколько часов назад в этом испытательном зале. Я не ученый и не специалист. Я солдат и командую солдатами. И я видела, что произошло с проводником. Причина тут не имеет значения. А важно то, что она перенесла не только физический, но и душевный шок. Вы слышали, с какой настойчивостью и легкостью она требовала лишить жизни землянина? Это не похоже на гивистама. Не похоже!

Кальдак сделал знак, показывающий, что он соглашается с ее точкой зрения. Затем командир посмотрел от себя налево.

— Т'вар? Я заметил, что вы были очень подавлены, когда это случилось.

С'ван подтянулся весь и стал отвечать, аккуратно и осторожно подбирая слова:

— В данный момент я испытываю противоречивые чувства, капитан, и тем не менее склоняюсь к тому, чтобы занять вашу сторону. Сейчас я уже не говорю о моральной стороне предложения пострадавшей, о том, как она рекомендовала вам «избавиться» от землянина, который является, между прочим, разумным существом и представителем какой-никакой, но все же цивилизации. Я чувствую, что нам еще предстоит многое узнать. Знание ценно, а в отношении этой расы мы испытываем острый недостаток знания. Мы не имеем права вот так просто свернуть здесь всю работу и улететь. Даже если в результате окажется, что наши усилия не оправдались и эта раса продемонстрирует свою несостоятельность в деле борьбы с Назначением. У меня не было никакого желания забираться так далеко во Вселенной только ради того, чтобы весело провести время и смыться. Соливик абсолютно права, когда говорит о том, что в данном случае мы имеем дело со способностью разумного существа проявлять агрессивность. Гивистамы не способны на это. Лепары не способны на это. Мой народ не способен на это. Агрессивность в разумном существе — великая ценность, которую мы должны искать с неменьшим упорством, чем мы ищем редкие металлы, которую мы должны лелеять с неменьшей заботой, чем мы лелеем наш корабль. Перед нами сейчас стоит одна главная задача: узнать, насколько сильно противоречие между тем, что землянин заявляет, и тем, как себя проявляет во время опытов. Мы, кроме того, должны себе уяснить наконец: есть ли в этой расе для нас хоть какая-нибудь польза или же нет никакой. Мы должны выяснить: удастся ли уговорить этих аборигенов воевать не друг с другом, а против Амплитура в интересах Узора. Потенциал для ведения вооруженной борьбы у этой расы есть. Мне даже кажется, что в испытуемом индивидууме этот потенциал представлен еще не так ярко, как в других его соплеменниках. Хотя, конечно, это только предположение.

С этими словами с'ван обратил на Кальдака осторожный взгляд.

— Я рискну даже предположить, что этот потенциал равен или даже превосходит тот, которым располагают массуды, — добавил он.

Кальдак не рассердился на своего заместителя за это, в общем-то, обидное замечание. Другой массуд такого не потерпел бы, но Кальдак обладал терпимым характером. Собственно, за что его и ценили.

— Серьезную проблему поставила перед нами догадка помощника руководителя по медицине. Она полагает, что если землянин и обладает нужной нам способностью, он не в состоянии ее контролировать. Если выяснится, что так и есть на самом деле, земляне будут для нас абсолютно бесполезны.

— Ее наблюдения весьма оригинальны, но и субъективны,— ответил на это Т'вар. — Было бы удивительно, если бы они не являлись таковыми.

— Если эта способность может проявляться у землян только в моменты неожиданности или сна, тогда нам это ничего не дает, — проговорила Соливик, опираясь рукой о прозрачную стену. — Когда случился тот инцидент, все вы сфокусировали свое внимание на проводнике. Я же внимательно наблюдала за землянином. Так вот... Я не заметила серьезных проявлений агрессивности. У меня не создалось впечатления, что он защищается от кого-то во сне. Озабоченное выражение лица и несильные подергивания нижней конечности — вот, пожалуй, и все. Судя по всему, — конечно, это мое личное мнение, — он не сознавал того, что делает. Как вам известно, проснувшись, он подтвердил это мое предположение.

Кальдак задумался, потом сказал:

— Мы должны выяснить, на что он способен в состоянии бодрствования. Защитные механизмы и реакция, которые проявляются только в те моменты, когда он в бессознательном состоянии, не принесут нам никакой пользы.

Он потянул носом воздух и тихо присвистнул.

— Мы не улетим отсюда, пока не узнаем, станут они нашими союзниками или нет. Исследовательская работа будет продолжаться. Нам необходимо систематизировать и обобщить все те данные, которые мы уже собрали об этой расе,

и продвигаться дальше. Совершенно очевидно, что они способны проявлять агрессивность по отношению друг к другу. Но мне на это наплевать. Это отклонение от цивилизованной нормы пусть будет предметом исследования других экспедиций. Наша миссия носит сугубо практический характер. И мы должны достигнуть практических результатов.

Он вдруг положил свою руку на плечо Т'вара. Соливик удивил этот жест, не свойственный массудам.

— Я поручаю вам, мой заместитель, проследить за тем, чтобы научные отделы занимались практической работой, а не мололи попусту языками. Мне нужны результаты, на которые я мог бы опираться в принятии решений. Хватит теорий!

Он выпрямился и стал смотреть через стекло на землянина.

— Так. Между собой мы этот вопрос обсудили, теперь пришло время обсудить его с аборигеном.

На лице Т'вара была написана неуверенность. Он колебался.

— Стоит ли? Он сразу поймет, куда мы клоним.

— Мне это и нужно.

Поначалу надежды Кальдака не захотели сбываться. Землянин не только не понял ничего, но и не хотел ничего понимать. Казалось, все его внимание было поглощено цветистыми растениями, которые были рассажены в комнате отдыха, куда они все пришли для беседы.

Пока они шли по коридорам корабля, лишь некоторые члены команды оборачивались им вслед. Лепары вообще не обращали внимания на маленькую группу, в центре которой находился представитель открытой здесь расы. Скамейки, на которых они сидели, были сделаны из изогнутого пластика. Разные высоты позволяли представителям многих рас отдыхать здесь, свободно откидываясь спиной и вытягивая ноги. Например, с'ван мог спокойно и комфортно усесться рядом с массудом.

Т'вар проявлял чудеса терпимости и вежливо объяснял ситуацию равнодушному землянину:

— Мы уже говорили вам, что лишь малая часть народов, населяющих Узор, обладает способностью к ведению боевых действий. По сути, речь идет только о массудах и чиринальдо. Сами понимаете: наши усилия против Амплитура резко

ограничены таким положением дел. Ни раса массудов, ни раса чиринальдо к тому же не обладают быстрыми темпами воспроизводства. Делалось все, чтобы стимулировать этот процесс, но...

— Если вы ищете народ, умеющий ловко убивать разумных существ и при этом размножающийся, как какой-нибудь вид мышей, то я советую вам смотреть не на Землю, а в другую сторону, — отозвался Уилл.

Выражение лица Т'вара было похоронено под непробиваемо густым слоем волосяного покрова.

— Приношу свои извинения, если чем-нибудь вас обидел,— смиренно проговорил он.

Уилл только вздохнул.

— Ну, какие обиды, о чем вы говорите? Дело ведь все в том, что несмотря на то, что вы о нас думаете, мы не сможем, просто не в состоянии, удовлетворить ваши желания. Понимаю, что наша история говорит об обратном, но вы уж поверьте: когда на Земле мир, нам лучше живется. Мы шли к этому многие тысячи лет и почти дошли. Люди начинают понимать, что это просто невыгодно сейчас — в эру существования оружия массового уничтожения — затевать войны между собой. Непрактично. Победителей не будет, и всем это уже ясно.

Он грустно улыбнулся, впрочем, нисколько не заботясь о том, какое впечатление на аудиторию произведет эта улыбка.

— Меньше всего — поймите же наконец: меньше всего! — мы заинтересованы в том, чтобы экспортировать в космос наши прошлые ошибки. Я даже не знаю, почему мы всю историю утопили в собственной же крови. Вы говорили, что это ненормально. И если б мое мнение что-то значило, я бы охотно согласился с вами. Но я сам не понимаю, почему все так происходило. У меня у самого этому не находится ни единого объяснения. А может, и не нужно ничего выяснять и объяснять. Да, мы вырезали друг друга на протяжении многих веков, но это просто один из вариантов развития цивилизации. Тернистый путь, но мы его почти прошли.

— Когда та или иная раса стремится к прогрессу, к цивилизации, к зрелости, общепринятой нормой является сплочение ее фрагментов и индивидуумов, ее составляющих. Сплочение и всемерное сотрудничество. Раса объединяется

против мощных природных сил, которые тянут ее обратно к первобытному образу жизни. — С этими словами Т'вар небрежно провел толстенькими, похожими на обрубки, пальцами руки по стеблю росшего поблизости растения с необыкновенно широкими листьями. — Ваш же народ, кажется, пошел прямо противоположной дорогой. Нам бы очень хотелось узнать — почему?

— Нам тоже хотелось бы это узнать, — с чувством отозвался Уилл.

— Некоторые наши ученые предположили возможность того, что на ваше аномальное историческое развитие каким-то образом повлияла необычная своей активностью геология вашей планеты. На всех других мирах, которые нам известны, разумные живут на монолитной суше. Это способствует возникновению и последовательному укреплению сотрудничества внутри народа. Народ, который живет кучно на планете, быстрее придет к цивилизации. Ваша же планета расколота. Так же, как и ваше общество.

— Насчет этого вы, возможно, правы, — сказал Уилл. — И вообще в отношении нас вы, возможно, во всем правы. Кроме одного. Мы не готовы к участию в вашей войне. Кстати, не вы ли говорили мне о том, что определяющей характеристикой истинной зрелой цивилизации является ее отказ от ведения крупномасштабных войн?

— Мы жили мирно вплоть до приближения Амплитура, — вступила в спор Соливик. Она говорила горячо и со свойственной ей прямотой. — Вы думаете, что мы не пробовали решить все мирными средствами, переговорами, уговорами, прежде чем обратить против них оружие? Поймите же, такое понятие, как «нейтралитет», не принимается расой Амплитура. Либо вы являетесь составным элементом их Назначения, живете и развиваетесь под их неусыпным наблюдением и контролем, либо вам придется воевать с ними не на жизнь, а на смерть.

Кошачьи глаза сверлили композитора так, что ему стало не по себе.

— Вы должны поверить нам. По сути, у вас нет выхода. Вы не можете позволить себе и длительную отсрочку с принятием решения. Если вы откажетесь иметь дело с нами и

мы улетим, вскоре вас отыщет Амплитур. Они не улетят с Земли, не добившись своего, будьте в этом уверены.

Уилл размышлял с минуту над этими словами, потом всплеснул руками и горько воскликнул:

— Ну, почему мы?! Почему мы стали вдруг нарасхват у пришельцев?! У нас столько своих земных проблем... Мы очень разные, вы сами это неоднократно твердили. Мы не понимаем ни черта ни в космических кораблях, ни в межпланетных войнах. Какую пользу мы могли бы вам принести? Какие мы, к черту, союзники в необъятном космическом конфликте, который гремит, не утихая, вот уже тысячу лет?!

— Позвольте мне внести некоторые уточнения, чтобы избежать недопонимания, — вмешалась помощник руководителя по медицине. — Судя по всему, о галактической войне вы рассуждаете так: это огромные армады кораблей, напичканных невероятно мощным вооружением, которые дерутся на своеобразной дуэли в глубоком космосе. Все это не так. Все это просто невозможно, неосуществимо физически! Корабли двигаются в основном в субпространстве, где их нельзя ни засечь, ни вывести из строя. Когда они материализуются в обычном космосе, то оказываются, как правило, на гигантских расстояних друг от друга. Настолько далеко, что применение тяжелых систем корабельного вооружения становится неэффективно. Немногого можно добиться, даже подстрелив в обычном пространстве тот или иной вражеский корабль. Даже если вы повредили его так сильно, что он уже не в состоянии скрыться в безопасном субпространстве. Пользы от этого мало.

— Война — ведь это еще и пропаганда, уговаривание, убеждение противника, — сказала Соливик. — Главные сражения происходят на поверхности тех миров, которые оспариваются противниками. С обеих сторон предпринимаются максимальные усилия, направленные на то, чтобы уберечь от уничтожения местное население и не нанести непоправимого вреда экологии планеты. Наша цель — избавление от амплитуров, а вовсе не от тех миров, на которых они сейчас господствуют.

Уилл откинулся на удобную спинку скамейки.

— Вы пытаетесь сказать мне, что после тысячи лет войны,

после изобретения сложнейшего и мощнейшего оружия и кораблей, способных скрытно покрывать межзвездные расстояния, вы все еще, главным образом, деретесь врукопашную?

— Воевать в космосе — это непрактично и неэффективно,— сказал Т'вар. — За что там воевать? Теперь вы начинаете уже понимать, как важно для нас найти в глубинах Вселенной народ, который имеет склонности, — или хотя бы просто возможности, — к ведению настоящих боевых действий. У Амплитура есть выгоднейшее преимущество перед нами. Мы не можем сравняться с ним, исходя из научных соображений и соображений нравственных. Они могут совершенствовать союзнические расы, формируя в них нужные себе черты и способности.

Уилл нахмурился.

— Совершенствоваться?..

— Биологически изменять, — уточнил Т'вар, нацелив на композитора сурово-торжественный взгляд. — Разумеется, измененная раса искренне считает, что продолжает жить по своей собственной свободной воле и вполне самостоятельна. Несмотря на все наши усилия, нам так и не удалось убедить ни один подобный народ в обратном. Да и как возможно убедить ту или иную расу в том, что она биологически изменена, когда ее биологически изменяли именно с той целью, чтобы ее невозможно было в этом убедить? Сами амплитуры не принимают непосредственного участия в боях в силу своей неприспособленности к этому. Если бы не некоторые их союзнические расы, воспитанные в агрессивности биоинженерами амплитуров, — некоторые народы, признаем, добровольно присоединились к Назначению, — мы смогли бы закончить эту войну в течение нескольких лет.

Уилл был потрясен сообщенными ему сведениями, однако не настолько, чтобы изменить своей прежней точки зрения:

— Я сочувствую вам и вашему Узору. Правда. И все земляне проявили бы к вам сочувствие, если бы узнали об этой беде. Но кроме сочувствия от нас ничего большего ждать не приходится. Земляне не любят воевать. Нас к этому принуждали различные силы. Будь то наша глупость, история или геология. Но нам это не по вкусу! Только теперь мы начинаем потихоньку осознавать, как это было глупо с нашей стороны.

Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы встать на иной, более прогрессивный путь. Вы говорили, что междоусобица — это отклонение от нормы, проявление нецивилизованности. Мы теперь начали понимать это, начали двигаться к зрелости, как вы выражаетесь. И не думаю, что ваши уговоры что-либо изменят в мозгах у людей.

— А вот это надо проверить, — тихо проговорила Соливик, отворачиваясь от своего транслятора, чтобы ее слова не были переведены землянину.

Кальдак сделал знак, что согласен, потом обратил взгляд на Уилла.

— Возможно, вы правы. Прошу вас быть по отношению к нам терпимым, хоть мы и кажемся вам назойливыми. Подумайте о том, какой долгий путь мы преодолели. Естественно, нам было бы тяжело улетать разочарованными.

Он намеренно опустил упоминание о другой разумной расе, которая была открыта экспедицией до землян и которая с воодушевлением согласилась принять участие в войне на стороне Узора.

— Если ваши слова окажутся правдой, что требует проверки, мы не станем вам больше докучать и без лишних слов улетим. Однако, — вы должны попробовать поставить себя на наше место и понять, — мы не можем покинуть вашу систему до тех пор, пока не удостоверимся в правоте ваших слов.

— Да, это справедливо, — задумчиво разглядывая командира, проговорил Уилл. — Но каким способом вы собираетесь проверить то, что я вам говорил?

— Вы — разумны и наверняка понимаете, что было бы просто ненаучно строить представление о целой цивилизованной расе на основании изучения одного-единственного ее представителя. Нам необходимо получить более широкие данные, которые можно получить только лишь в результате изучения репрезентативной группы представителей вашей расы, которым будут заданы те же вопросы, что и вам, которые будут подвергнуты тем же тестам, что и вы. Нам необходимо с точностью определить, как они реагируют или действуют при определенных обстоятельствах.

Уилл задумался. Все оказывалось сложнее, чем он предпо-

лагал. Эти пришельцы лихо закрутили. Не хуже дяди Дэна, который специализировался на сложных танцах «бурэ».

— Насколько я понял, вы хотели бы попросить меня помочь найти вам таких людей?

Т'вар кивнул.

— Разумеется, если бы вы согласились стать посредником, дела у нас пошли бы гораздо быстрее.

— Зачем мне вам помогать?

— А затем, — сказал Т'вар, — что чем быстрее мы получим к изучению группу ваших соплеменников и проведем с ними необходимые тесты, тем скорее покинем вашу звездную систему. Конечно, если результаты проверки подтвердят вашу точку зрения на боеспособность земной расы.

— Ну, хорошо. Я сделаю все, что смогу. На меня будут смотреть, как на психа, но я попытаюсь. Только одно условие: ни одного профессионального солдата или военного. Ни одного человека, которого тренировали когда-либо убивать себе подобных. Вы просите репрезентативную группу, так сказать, общий срез населения планеты. Вы получите это. Во всяком случае будет сделано все, что от меня зависит.

— Договорились, — ответил за своих Кальдак. Его уши прижались к голове, а верхняя губа поднялась к носу.

— И еще одна проблема, — сказал Уилл, поднимая вверх указательный палец. — Я совершенно не понимаю, каким мне образом удастся склонить людей к сотрудничеству с вами.

— Но вы же согласились, — заметила Соливик.

Уилл посмотрел на нее.

— Во-первых, без особой охоты, если вы вспомните. И потом я был совсем один и у меня не ладилась работа...

— Вы хотите сказать, — сказала удивленная помощник руководителя по медицине, — что будете испытывать трудности с нахождением людей, согласных помочь нам? Представители зрелой расы всегда с охотой идут на сотрудничество...

— Я же говорю вам: мы незрелая раса! Но вы мне не хотите верить, вам нужны другие люди. Отлично. Я просто рассуждаю вслух: как мне сделать так, чтобы они пошли со мной к вам?

— Мы могли бы, в принципе, совершить дополнительную

посадку в каком-нибудь городе и обратиться за помощью сами, — сказал задумчиво Кальдак. — Но, похоже, у вас на планете это может быть не так понято?

— Нет, и не вздумайте! Вам нужен я, — проговорил убежденно Уилл. — Пожалуй, я смог бы найти нескольких людей, желающих познакомиться с пришельцами. Возможность такого контакта уже так долго муссируется в прессе, что многие люди внутренне уже готовы к этому. Но ведь речь идет о другом, как я понял? Я должен найти людей, которые согласились бы не просто познакомиться, а прилететь сюда, на орбиту, и подвергнуться целому залпу испытаний. Это другое дело. Я даже не знаю, где искать таких смельчаков. С чего начать?

— Ведь ничего плохого в наших тестах нет, — все еще не могла отделаться от своего недоумения помощник руководителя по медицине. — Я, конечно, не знаю, но думаю, что у вас отбоя не будет от желающих сотрудничать с представителями иного разума.

— Вам легко говорить. У вас свое определение цивилизованности и вы им руководствуетесь. Но не уверен, что наши определения совпадают. Ну, ладно, допустим, вы оказались правы: я поднял парус, бросил якорь в гавани Белиз-сити и нашел нужных вам людей. Вы их проверили и улетели. Этот вариант понятен. Что будет, если я все-таки никого не найду для вас?

— В этом случае нам придется искать иной способ проверить ваши слова о том, что земляне не готовы к войне, — прямо ответила Соливик.

Уилл предпочел не уточнять, что это будет за «иной» способ. Он продолжал размышлять вслух.

— Если бы я располагал средством убеждения посильнее моих красивых глазок... — Он вдруг что-то вспомнил и испытующе оглядел присутствующих. — А ведь вы знаете, что за просто так просить землян принимать участие в неизвестных им тестах не годится? У нас принято в таких случаях предлагать что-либо взамен.

— Подобная система отношений и сейчас действует среди большинства рас. Идея «оплаты», однако, не применяется в столь узком значении, как вознаграждение индивидуумов в обмен на их согласие подвергнуться испытательным тестам. —

Кальдак повернулся к своим коллегам. — Но, учитывая сложившиеся обстоятельства, я полагаю, нам нужно пойти навстречу просьбе землянина. Предложение приобщения к технологии Узора в данном случае, похоже, не сработает. Чем мы могли бы отблагодарить испытуемых?

— Не хотелось бы в таком деле обмана или фальшивок. — Уилл внимательно взглянул на капитана. — Если не очень аккуратно сделать, могут возникнуть неприятности. И прежде всего у меня. Я бы остановился на драгоценных камнях, но здесь простые люди, которые даже чистый бриллиант тут же обзовут осколком от бутылки. Как насчет золота? Не важно, какой оно будет формы. Главное, чтоб настоящее.

После короткого обсуждения этого варианта был сделан запрос ученому персоналу корабля. Вскоре все смогли вздохнуть с облегчением: необходимый элемент, — в поддающейся выделению форме, — содержался в морской воде планеты. Нужно было только немного усовершенствовать маскировочное устройство, которое обшивало челнок известняком, для того, чтобы оно стало производить чистое золото.

«Когда-нибудь я сочиню обо всем этом симфоническую поэму, — мечтал про себя Уилл Дьюлак. — Я назову ее «Контакт». Если бы они продолжали снабжать его произведениями своей музыки...

Он был очень удивлен и даже разочарован, когда обнаружил, что мелодии массудов слишком прямолинейны и просты. В отличие от них музыка гивистамов и особенно с'ванов выделялась своей утонченностью, использованием поистине замечательных музыкальных средств, и Уилл был бы рад, если бы ему оставили на память пару-тройку кассет с записями этих произведений.

Челнок отделился от туши экспедиционного корабля и стал стремительно падать на голубую планету сквозь безвоздушное пространство. Уилл сидел в кают-компании, держал на коленях неземное устройство, наподобие магнитолы, и слушал контрапунктный песенный цикл с'ванов. Эта музыка помогала ему забыть обо всем происходящем. Она успокаивала, расслабляла, ласкала... Ему казалось, что он прислушивается к отдаленному шуму водопада, который временами заглушается

незнакомым лопотанием... Теперь-то ему стало ясно, почему его собственная музыка так шокировала пришельцев.

Нет, дело не в диссонансе. Наоборот, в некоторых местах именно музыка пришельцев резала композитору слух. Их неприятно поразила его ритмичная прогрессия. Она показалась им примитивным средством музыкального самовыражения. Черт с ними! Уилл гордился своим изобретением.

«Что я здесь делаю?!» — подумалось ему вдруг.

Он окончательно очнулся. Челнок вошел в плотные слои атмосферы и стал весь мелко-мелко содрогаться. Он держал курс на поблескивавшие воды Карибского моря.

Уиллу подумалось о том, что он должен был сейчас сидеть в салоне своего катамарана и разжевывать оркестровку, а не мотаться по лабораториям пришельцев с орбиты на Землю и наоборот.

С другой стороны, он отлично знал, что если не он, так они найдут кого-нибудь другого. Где гарантия, что этот «другой» не нагородит им черт знает какой чепухи о землянах? Где гарантия, что это будет не военный, к тому же дурачина? Своими идиотскими рассказами он может создать ложное представление о человечестве. Нет, этого Уилл не допустит! Он должен быть посредником между людьми и пришельцами. В этом состоял его священный долг.

Если все сделать правильно и без лишней суеты, то Кальдак и его друзья довольно быстро убедятся в том, что они только теряют время в этой звездной системе. Уиллу просто нужно будет обходить десятой дорогой каждого верзилу в военном кителе и вообще всякого, кто произвел бы у них своим внешним видом впечатление воинственного существа. Все внимание Уилла должно быть обращено на самых обычных людей. Людишек. В Белизе это не так уж трудно.

Ему не будут верить. Возможно, даже станут смеяться. Каждый второй будет оборачиваться, смотреть Уиллу в спину и думать, что это — контрабандист. Но у композитора будет достаточно золота, чтобы увлечь за собой нескольких людей. Они пойдут за ним, если и не из любопытства, то из жадности. Если они разбегутся все при одном только виде пришельцев, тем лучше. Это только еще раз подтвердит его тезис о том, что человечество, состоящее, главным образом, из обывателей,

будет бесполезно Узору в качестве союзника в межпланетном конфликте.

Тогда представители Узора наконец улетят из Солнечной системы, он снова сможет вернуться к своей музыке, а человечество, ни о чем не подозревая, будет продолжать нарабатывать опыт мирной жизни. Что же касается одержимых амплитуров и их непостижимого Назначения, то Уилл очень надеялся на то, что народы Узора со всеми своими настоящими союзниками разобьют эту банку гораздо раньше, чем она дотянется своими лапами до Земли. Ведь Кальдак проговорился как-то, что Солнечная система находится далеко в стороне от проторенных трасс Галактики.

Нет! Раз они не верят Уиллу на слово, он покажет им все наглядно. И тогда они оставят человечество в покое, подарив композитору в благодарность за сотрудничество немного золота и пару-тройку кассет с записью своих мелодий. Эта чужая музыка будет обеспечивать Уилла вдохновением и материалом до конца жизни.

Он думал обо всех этих предполагаемых благах без всяких угрызений совести. За преподавательскую работу в университете много не получишь никогда, как ни тужься, зато история музыкального меценатства весьма уважаема и длинна. У Вагнера был свой Людвиг из Баварии, у Уилла Дьюлака будет свой массуд Кальдак.

12

Две недели понадобилось группе контакта, частично изменившей свой состав, чтобы восстановить скрытность своей базы в лагуне и извлечь из ее теплых вод полный мешок желтого металла, который обещал стать более убедительным аргументом для землян, чем все старания Уилла-посредника.

Золото имело форму полых толстостенных трубок. Уилл предположил, что его получали путем конденсации вокруг какого-то магического стержня. Мешок оказался достаточно вместительным, чтобы упаковать туда все богатство. Правда, Уилл опасался за то, что может не выдержать лямка. Ноша

была настолько тяжела, что землянину приходилось перекладывать ее из руки в руку через каждые двадцать-тридцать шагов.

— И вы доверяете мне все это? — усмехнувшись, спросил он у Т'вара. — Ведь в мешочке целое состояние. Что, если бы я решил выйти на берег и исчезнуть с золотишком навсегда? И вам тогда пришлось бы начинать все сначала.

— Зачем вам это делать? — удивился коротенький заместитель командира экспедиции.

— Вы правы: я так не поступлю. У вас своя цель, а у меня своя. С помощью этого мешка я постараюсь добыть для вас доказательства того, что вы зря здесь теряете время.

С'ван внимательным взглядом изучал землянина. Что-то он уж слишком уверенно раздает свои заявления. Заявления, которые противоречат всему, что установили ксенопсихологи корабля. Впрочем, и со стороны землянина и со стороны ксенопсихологов пока исходят одни только слова. Все прояснится лишь в процессе дополнительного и более глубокого изучения землян.

С'вану этот мир чем-то напоминал азартную игру. Слишком увлекательную, чтобы отказаться от нее на основании рекомендаций одной-единственной пострадавшей коллеги. И хотя у помощника руководителя по медицине были схожие взгляды на проблему, голоса этих двух гивистамов не смогли перевесить общую чашу весов. Т'вар же был согласен с большинством. Этот мир запутан, но он не таит в себе, по крайней мере, опасности для экспедиции. Необходимо разгадать его тайны, и тогда много интересного откроется исследователям.

На борту челнока находилось небольшое посыльное судно, летавшее на реактивной энергии и предназначенное для спокойного перемещения исследовательских партий по поверхности открытых планет. На нем и было решено доставить Уилла в страну Белиз под покровом ночи.

Композитору прежде никогда не доводилось бывать дальше от побережья, чем Белиз-сити, но он знал, что эта страна совершенно неосвоена промышленностью, представляет собой по большей части сплошные массивы влажных лесов и болот. Обстановка чрезвычайно напоминала то, что описывалось в

романах Сомерсета Моэма. Создавалось впечатление, что это кусочек далеких двадцатых годов чудесным образом перенесся в современность. Воздушное сообщение было неразвитым, впрочем, так же как и дороги, по которым редко кто ездил. Таким образом можно было спокойно приземляться сюда хоть на экспедиционном корабле. Никто бы не заметил.

Его высадили неподалеку от главного шоссе и обещали встретить на этом же месте ровно через неделю.

Уилл не сгорал от оптимизма, думая о предстоящей миссии.

— Возможно, через неделю вы увидите здесь меня одного,— сказал он Т'вару. — Как сейчас. Золото ценится высоко, но оно не всесильно. Хотя я повторяю, что сделаю все от меня зависящее.

— Не забудьте: от вас ждут репрезентативной группы, на основании изучения которой можно было бы строить представление о всей вашей расе в целом.

Вейс говорила это сама, не перепоручая трансляторам, четко и раздельно, боясь недопонимания в столь ответственный момент. Большая птица, однако, держалась спокойнее и непринужденнее, чем ее коллега с'ван.

— Разумеется, — беззаботно ответил Уилл, скрыв лукавую усмешку.

На самом деле он вовсе не собирался подбирать такую «репрезентативную» группу, которая устроила бы пришельцев. Ведь в городе, должно быть, полно бездельничающих солдат. Англичане постоянно держали в своей экс-колонии небольшой вспомогательный гарнизон, чтобы держать в узде шовинистически настроенных гватемальцев. А американцы проводили здесь тренировку своих военнослужащих, которые отрабатывали приемы ведения боевых действий в тропических условиях. Меньше всего Уиллу хотелось вербовать за золотые слитки воинственных детин, которым к тому же мало платили их начальники и которые с радостью согласились бы на что угодно за хорошее вознаграждение.

Нет, те люди, которых он собирался подобрать, будут репрезентативны именно с его, композитора, точки зрения. Солдат, — даже запасников, — он будет избегать всеми силами, ибо это были представители архаической профессии, вырож-

дающейся на Земле. Так во всяком случае хотел себе представить Уилл.

Корабельные ученые и специалисты просили поначалу несколько десятков человек. Уилл Дьюлак долго и терпеливо объяснял им, что столь многочисленная группа неминуемо привлечет к себе нежелательное внимание. Даже в такой стране, как Белиз, где всем на все наплевать. Он не добавил, что чем больше будет группа, тем сильнее вероятность того, что в ней окопается пара-тройка тех, кто удовлетворил бы требованиям пришельцев. Перед Уиллом стояла задача: сколотить немногочисленную группу людей, которые докажут участникам экспедиции бессмысленность их поисков союзнической расы в Солнечной системе.

Если ему удастся уговорить нескольких людишек принять участие в этой акции, пришельцы получат нужную им репрезентативную группу землян... Только она будет тщательно просеяна и отобрана Уилльямом Дьюлаком, цель которого была вполне ясна.

Матерых пацифистов, разумеется, брать не стоит. Это спугнет пришельцев, которые быстро обнаружат обман. Тогда они перелетят в другой конец планеты и там начнут все сначала, только более осторожно. Нет, это совсем не отвечало интересам Уилла. Он должен будет не только набрать нужную группу, но и убедить пришельцев в том, что это действительно обобщенный срез всего земного общества.

Отсутствие ночного движения по шоссе, которое позволило посыльному судну совершить посадку незамеченным, грозило обернуться неприятной стороной для ног композитора, который понял, что ему предстоит перспектива тащить тяжелый мешок пешком до города. Он уже начал было проклинать и свою миссию, и золото, как вдруг подвернулся на дороге белобородый старик на пикапе, — судя по всему, машина и ее хозяин были примерно ровесниками, — который любезно предложил Уиллу подвезти его. Благодарности последнего не было границ. Он тут же забрался в кузов, на гору бананов, стараясь не думать о том, что с этими плодами очень любят путешествовать тарантулы.

Дорога была скверная, и когда впереди показались городские постройки, Уиллу казалось, что его внутренности уже

безнадежно перемешались. Слава Богу, обошлось без пауков и прочей нечисти. Он соскочил с машины, отблагодарил старика американским долларом, закинул мешок на плечо и зашагал вдоль по узкой грязной улице мимо разноэтажных домов из досок и штукатурного гипса.

Белиз был захудалой страной с бедным, но милым народом, надежды которого в течение всей его истории неизменно уничтожались штормами и равнодушием. Город был до отказа забит гражданами, безуспешно пытающимися получить работу на плантациях, рыболовецких судах и в нарождающемся туристском бизнесе. Несколько викторианских зданий и строгих, бесстрастных церквей, чудом уцелевших в постоянных наводнениях, были настоящими городскими достопримечательностями в сравнении с основной массой полуразвалившихся, ветхих построек.

Небольшой, но чистый отель предлагал клиентам временное укрытие от тропических ночей. Спрятав мешок, насколько это было возможно, усталый композитор повалился на постель и спал, как убитый, до позднего утра.

После завтрака, который состоял из жареной рыбы и бутылки воды, он пошел на «работу».

Улицы, пустынные ночью, теперь были заполнены самым пестрым народом, который спешил в разных направлениях, хотя, собственно говоря, спешить ему было некуда. Небольшие кучки безработных распределялись по перекресткам. Эти бедняги с умоляющими глазами ждали, пока судьба сама стукнет их по плечу. Женщины улыбались, безостановочно болтали между собой и сновали из одной лавки в другую, жонглируя своими грудными детьми так же ловко, как бакалейными товарами. Среди угрюмой, аморфной массы взрослых, будто шарики ртути, шныряли дети. Они играли в свои детские игры и заливисто смеялись, ибо не понимали, что живут в жестокой бедности. Плескались в грязных лужах и переворачивали мусорные урны.

У входа в лавку, которая была выстроена в стиле мечети, тусовались ливанские эмигранты с густыми черными усами, как у с'ванов. На угол улицы вырулил смертельно пьяный растафариец. Он долго пытался преодолеть преграду, которая заключалась в бордюре тротуара, высотой полфута. Ему это не

удалось. Никто на него не обращал ни малейшего внимания. На куске расколотого бетона сидел человек, который походил на оживший барельеф индейца-майя. Руки его были скрещены на поднятых коленях и он непонимающим взглядом окидывал кипящую вокруг него современную жизнь.

Лица Белиз-сити представляли собой все человечество в миниатюре. Правда, все эти лица были искажены гримасами страдания от зноя, залиты потом и покрыты пылью. Страна представляла собой некую сливную яму, самое дно жизни, где заканчивали свой жизненный путь авантюристы разных мастей, а также недовольные, которым больше некуда было податься. Да, Белиз-сити был, несомненно, человечеством в миниатюре. Только с явным налетом нищеты.

Страна была обязана своим признанием, так же как и распространенностью здесь английского языка, бывшему британскому колониальному правительству, от которого нынешние власти недалеко ушли. Здесь было много англичан и других иностранцев, которые здесь, в Центральной Америке, нашли свое место под солнцем. Американские и немецкие туристы бегали как угорелые по немногочисленным сувенирным лавкам, ибо стремились поскорее укрыться от этой духоты на пляжах или в кондиционированных номерах «Амбергрис Кея». По городу гуляли хорошо загорелые, здоровые скандинавы в высоких армейских ботинках. Они энергично размахивали руками и всему неприятно улыбались.

Были здесь и индусы. Потомки маленьких шоколадных человечков, которых привозили в Карибы для работы на сахарных плантациях. Индейцы племени мескито, бежавшие сюда от восстания в Никарагуа. Даже голубоглазые потомки американских конфедератов, которые стали селиться здесь после Гражданской войны. Их потомки теперь надеялись восстановить на новой земле былую славу и великолепие Старого Доброго Юга.

Но в Белизе невозможно было найти ничего величественного, если не считать гор и джунглей, рек и рифов. В Белиз-сити не видно было этой красоты, как, впрочем, и какой-либо другой. Это был город с населением, живущим на такой низкой земле, что высокие приливы перманентно притаскивали на городские улицы всякую дрянь и наносы.

Он миновал две лавчонки, в которых ему приходилось покупать припасы для своего житья-бытья в лагуне еще до знакомства с пришельцами, и направился в туристские кварталы города. Золотые слитки были рассованы по карманам и здорово оттягивали штаны. Он дал отдых своим ногам во время обеда в плохоньком китайском ресторанчике. Сидел за угловым столиком и изучал посетителей. Как найти нужных людей? Как приблизиться к людям с такой просьбой? Мимо него то и дело проходили, но он не решался ни к кому обратиться.

Нет, здесь слишком людно. Надо убираться из центра города. Заплатив за обед и надеясь на то, что все обойдется без расстройства пищеварения, Уилл направился в портовую зону. Он шел вдоль старенькой дамбы, которая кое-как еще сдерживала океан, но уже не могла сдержать те отбросы, которые он с собой тащил в город.

Он сел на гладкий валун и стал смотреть в море. Как хорошо было бы сидеть сейчас в салоне катамарана, мучиться с оркестровкой и не знать никаких массудов и с'ванов, о'о'йанов и лепаров, не знать ни Узора, ни Амплитура, ни их поганой войны.

Но он все это знал и от него зависело: быть человечеству втянутым в этот конфликт или нет.

«Нет, это не для нас, — в который раз думал он. — У нас своих-то проблем столько, что и за сто лет не разгребешь. Нет времени отвлекаться на другое».

— Мистер, дайте десятицентовик, а?

Повернувшись назад, Уилл увидел перед собой мальчишку, которому на вид было лет двенадцать, но на самом деле он подбирался уже, наверное, к пятнадцати. Он был худой, — сразу видно, голодал, — в рубашке с короткими рукавами и потертых брючках. Босой. За ним стоял другой подросток, чей возраст было определить еще труднее. Так, вроде лет шестнадцать... А, может, и все двадцать пять. Оба смотрели на Уилла жадными глазами.

— Сейчас, — ответил он, улыбнувшись, и полез в карман. Его рука уперлась в золотой слиток. — А это твой друг?

Мальчишка взмахнул рукой.

— Это мой брат, дядя. Ты хочешь ему тоже дать монету, правда?

— А ваши родители знают, что вы попрошайничаете?

Мальчишка широко улыбнулся.

— Конечно, дядя. Ты думал, что мы сироты, да?

— Ходите в школу?

— Эй, дядя! — Вперед вышел тот, кто выглядел постарше. — Дай монету, а лекций читать не надо.

— Спокойно, — улыбнулся Уилл. — Я не проповедник. — Он таинственно понизил голос: — Вы, ребята, кино-то смотрите? В кинотеатр ходите?

— Фильмы? — Парень был озадачен. — Конечно, дядя.

— А что вам нравится?

— Смотри! — крикнул младший и лихорадочно замолотил руками по воздуху. — Чак Норрис, Брюс Ли и все такое.

— Значит, любите драться?

Ребята переглянулись.

— Да нет, только редко... Чего тебе надо, дядя? Мы с братом в темных делишках не участвуем.

— Хотели бы вживую увидеть такое, что бывает только в кино? Как бы вам, к примеру, понравилась встреча... с пришельцами, а? Совсем как в фильмах. Я имею в виду инопланетян.

— А, мы видели фантастику. У нашего друга есть видак. Слушай, дядя, а ты не спятил, часом?

— Я-то? — улыбаясь, переспросил Уилл и достал из кармана один из золотых слитков. В мутном тропическом свете он блеснул, как солнце.

Глаза паренька загорелись.

— Эй, дядя, это ведь ненастоящее, правда?..

— Что-то твой братец удалился. Подзови-ка его. У меня будет к вам деловое предложение.

К концу третьего дня Уиллу удалось завербовать не только двух братьев-«сироток», но и их друга, который временами устраивал их у себя на ночлег. Им оказался рыбак с телосложением культуриста. Это был также самый черный человек, которого когда-либо приходилось видеть композитору. Такой же черный, как вода у дамбы на Миссисипи в безлунную ночь. При этом в нем не было никаких оттенков: ни отлива беж, ни шоколада.

Был также один эмигрант средних лет, с которым Уилл

познакомился в отеле. Он оказался педагогом, приехавшим в свое время откуда-то с юго-востока Англии. Последнее же время все его перемещения были в пределах одной мили: из одного местного кабака в другой и из другого в третий. Во время первой встречи с композитором он был в «элегантном подпитии», однако не настолько пьян, чтобы не распознать в руках у Уилла настоящее золото. Постоянно подмигивая композитору, он согласился участвовать в удивительном мероприятии, которое «продавал» Уилл.

— Это будет настоящая потеха! — смеясь, настаивал он.

Уилл задавался вопросом: какая реакция будет у этого профессора, когда он лицом к лицу столкнется, например, с Кальдаком.

Этот интеллигентный пьяница приехал в Центральную Америку, чтобы провести как следует профессорский отпуск, да так и остался здесь навсегда, купившись на дешевизну здешних крепких напитков и решив, что его прежняя жизнь в Сюррее ничего не стоит и незачем за нее цепляться. Так что у него было полно свободного времени, которое он мог себе позволить употребить на участие в проказе, которую изобрел этот сумасшедший американец. Будучи достаточно трезвым, он мог рассказать подробно о сорока четырех странах, перечислить их столицы и главные города, основные статьи экспорта, важные топографические приметы, достопримечательности и сорок четыре сорта местного пива. Интересное пополнение в группу Уилла? Он был готов отправиться куда угодно, хоть в ад, лишь бы под рукой всегда находилась полная фляжка.

Композитору удалось соблазнить молодого растафарийца с темными мешками под глазами. Он был совсем как тот его соплеменник, который безуспешно пытался однажды взобраться на бордюр тротуара. Уиллу достаточно было одного взгляда на этого парня, чтобы безошибочно определить — курильщик конопли.

— Да, дядя, покуриваю, но я еще не конченый человек!

После того, как Уилл переговорил с ним о своем деле, растафариец сразу же изъявил горячее желание встретиться лицом к лицу с настоящими, а не навеянными дурманом пришельцами. Уилл улыбнулся внутренне, представив себе

реакцию Кальдака на встречу с этим примечательным экземпляром человеческой породы. Будет интересно наблюдать за попытками вейс перевести то, что говорит этот растафариец. Ибо каждое второе слово он говорит неразборчиво, а каждое пятое вовсе проглатывает.

Уилл был доволен. Его заботила только одна вещь: как бы наркоман не позабыл прийти к отелю в назначенное время.

Следующие кандидаты на встречу с инопланетянами материализовались перед композитором в виде парочки студентов из Сиднея, — будущие интеллектуалы, — которые приехали сюда в рамках своей программы «мир посмотреть и себя показать». Прежде чем вернуться потом домой и всю жизнь заколачивать деньги. И как можно больше. Пока же они произрастали на пляжах Золотого Побережья, полагая, что вносят свой вклад в будущее человечества. Уилл был рад этой встрече, хотя с порога отверг все их общечеловеческие претензии.

Семь — хорошее число. Уиллу хотелось подобрать еще столько же, но времени на это почти уже не оставалось. Прошло уже шесть дней. Завтра ночью посыльное судно с челнока вернется на то глухое место в восьмидесяти милях от города, где сбросило Уилла для выполнения миссии. Он должен будет ожидать инопланетян на болоте вместе с подобранным народцем.

В последний день в его группе появились еще двое: Кен Вудс и Тэйми Марковиц. Это была до отвращения серьезная пара молодых людей, которые, по выражению Марковиц: «подыскиваем место проведения потенциального медового месяца».

— Так, чтобы потом не терять время и деньги на место, где нам не понравится, — прибавил Вудс.

Эти ребята отличались удивительно серьезным отношением к жизни, скучными лицами и поразительной приземленностью. Уилл сразу понял: это то, что надо. Правда, уговорить их присоединиться к отобранной группе было непросто, а когда они наконец согласились, то это случилось вовсе не благодаря усилиям Уилла. Их не заинтересовали пришельцы: когда композитор рассказывал им о них, они не поверили ни единому его слову. Не привлекло их и золото. Все

дело в том, что Марковиц готовилась стать профессиональным фотографом и решила поснимать лица людей «во время забавы». Уилл про себя решил, что Марковиц даже не догадывается о том, как ей дико повезло.

Кстати, ему за два дня знакомства так и не удалось увидеть, хороша ли она собой. Создавалось такое впечатление, что выше носа у этой девушки находится только отблеск круглой линзы.

Уиллу казалось, что вся эта компания разбежится в одну секунду при появлении посыльного судна или при виде Кальдака или Т'вара. Но он не заменял их другими, ибо их предполагаемый драп был ему только на руку и служил лишним доказательством его теории небоеготовности человечества.

На следующую ночь во дворе отеля собралась вся эта удивительно пестрая и невероятная даже для Белиз-сити группа людей. Накануне днем Уилл взял в прокате автофургон, хотя с его-то золотом он мог купить, пожалуй, авиарейс до места встречи с посыльным судном.

Пока багаж загружали на крышу автофургона, где была устроена специальная полка, Уилл стоял в сторонке. Потом все стали рассаживаться. Композитор сел на водительское место, посадил рядом с собой растафарийца-курильщика, а остальным сказал лезть в кузов. Здоровый рыбак пристроился у двери. К нему тут же полезли двое его юных друзей. Двое австралийцев сели сзади, где они могли бы поболтать с профессором-эмигрантом. Вудс и Марковиц шли на посадку последними.

Не успел Уилл завести машину, как вдруг перед ней выросла маленькая фигурка пожилой женщины.

— Прошу прощения, сэр, — проговорила она тихо на хорошем английском.

На ней было чистенькое белое платье и шляпка с широкими полями — будто в церковь собралась. В одной руке она держала небольшую плетеную корзиночку.

— Чем могу помочь, мамаша?

Она слабо улыбнулась, уголки рта неуверенно поползли вверх.

— В городе ходят слухи о белом иностранце, который носит с собой золотые слитки.

Внезапно встревожившись, Уилл опасливо огляделся кругом. Было темно, и хоть машина стояла во дворе отеля, какая-нибудь шайка отчаявшихся бедняков вполне могла бы решиться напасть. Риск оправдывался суммой, которую можно было бы изъять у ошарашенного Уилла. Ошарашенного потому, что композитору за всю неделю ни разу не пришла в голову мысль о том, что его могут ограбить.

— Мало ли что болтают в Белиз-сити.

Даже в неровном свете фар он смог разглядеть, что у старухи не хватает четырех передних зубов.

— Это ведь не те деньги, которые заработаны на наркотиках, сэр? Это было бы вызовом нашему Господу.

— Я не имею никакого отношения к наркотикам.

«А, может, это полиция?..»

— Хорошо, — удовлетворенно сказала она, перекладывая корзинку в другую руку. — Я слышала также, что этот иностранец ищет людей, которые захотели бы пойти с ним куда-то за город. И за это щедро платит.

Она показала рукой на кузов автофургона.

Он не удивился тому, что она знает. Народный телефон в Белиз-сити работал гораздо оперативнее и надежнее своего электронного собрата.

— У меня уже все вакансии заняты.

— Я не займу много места, — умоляющим голосом проговорила она. — Я хочу поехать с вами! Если вы заплатите мне за это немного денег...

Какая польза будет Узору от этой старушки? Что с ней станут делать врачи-гивистамы? Он колебался, продолжая изучать ее внимательным взглядом. А вдруг помрет во время сканирования? Это будет его грех...

— Простите, что говорю это, но вы не выглядите... — Он поискал такое слово, чтобы фраза в целом не была обидной, — ...солидной.

Уилл сверился с часами. Время еще было.

— Я сильнее, чем это кажется, сэр. Не судите по внешности. Я работала всю свою жизнь. Все считают меня хилой, потому что я маленькая и старая, но это все неверно. Не знаю, что вы затеяли, сэр, для себя и этих людей, но я хочу сказать вам, что я вдова. Мой муж умер два года назад. У меня есть

сын, который работает в Сан-Педро. У него жена и, Бог наградил меня внуками: мальчик и девочка. Был еще третий, но он умер в прошлом году. Они не могут навестить меня, потому что дорога очень дорого стоит. Я в этом городе совсем одна. Я хочу поехать с вами, сэр.

Уилл смягчился.

— Вы хоть понимаете, что нам предстоит? Мы собираемся встретиться с пришельцами, обитателями иного мира. Мы собираемся сесть на их корабль и перелететь на нем на еще большее судно, которое крутится на орбите, расположенной между Землей и Луной. Там вас будут осматривать их ученые. Вам будут задавать много вопросов.

— Сэр, мне не важно, что вы потребуете от меня, если речь идет о золоте. За всю свою жизнь я не покидала Белизсити, если не считать двух поездок в столицу. Я хочу заработать деньги на то, чтобы переселиться в Сан-Педро и жить рядом с сыном и внучатами. Я сделаю все, что вы от меня попросите.

«В конце концов что тут такого? — подумал Уилл. — Ведь не сержант же она морской пехоты!»

— Посмотрите, найдется ли там для вас местечко, — сказал он. — Как насчет багажа?

Она приподняла на руке корзинку.

— Здесь все, что мне нужно. Или?..

— Да нет, все нормально.

«В самом деле, чего ей еще надо?»

Она пошла к кузову, но остановилась, оглянулась на кабину и проговорила:

— Да хранит вас Бог, сэр.

Эти слова придали ему бодрости. Он снова сел на свое место и захлопнул дверцу. «Знали б, куда идем, не говорили бы таких слов», — подумал он, вставляя ключ зажигания.

Он знал, что она понимает так же мало во всем том, что их ждет, как растафариец или двое мальчишек-попрошаек.

Включив двигатель и стронув машину с места, он направил ее по дороге в сторону главного шоссе. За его спиной сидели выбранные наугад десять представителей всего человечества. Они негромко болтали между собой и даже не подозревали о том, какая важная и благородная задача стоит перед ними:

убедить Кальдака и ксенопсихологов-гивистамов в том, что Земля не станет участвовать в галактической войне.

Подвыпивший профессор рассказывал развесившим уши австралийским студентам какие-то немыслимые истории, а Марковиц через каждые тридцать секунд щелкала своим фотоаппаратом, словно последний день жила на белом свете. Растафариец что-то нечленораздельно бубнил себе под нос, не догадываясь о том, что за его спиной двое юных пересмешников отпускают по его адресу соленые остроты. Черный рыбак неподвижно смотрел в окно.

Время было позднее, и навстречу машины почти не попадались. В последние полчаса езды по шоссе вокруг вообще не было ни души. Наконец Уилл заметил впереди огромный поваленный тамаринд, который еще неделю назад избрал наиболее надежным ориентиром. Здесь автофургон свернул с шоссе и затрясся по грязной дороге в сторону болот. Спустя милю расстояния машина остановилась перед мелким болотцем. Следов посадки посыльного судна уже не осталось. За семь дней здесь все изменилось. Появились новые упругие водяные растения, нанесло много новой грязи и дряни. Словом, ни один специалист не сказал бы, что здесь неделю назад совершало посадку инопланетное судно.

Уилл выключил движок и вышел из машины.

— Здесь, — сказал он.

Старший из двух попрошаек решил возразить:

— Что-то я здесь ничего не вижу, дядя. Как насчет золота, которое ты нам обещал?

— Тебе не хочется для начала познакомиться с пришельцами?

К самой кромке воды подошел его младший брат, который более доверчивым голосом спросил:

— А где же они?

Уилл запрокинул голову и стал смотреть в темное, затянутое облаками небо.

— Они прилетят. Потом будет и золото. — Он перевел взгляд на старшего брата, у которого было такое выражение лица, как будто он чувствовал, что весь мир объединился против него в тот самый день, когда он появился на свет. — Что бы тебе не помочь мне снять багаж?

— Слушай, дядя, снимай-ка ты свой багаж сам, понял? У нас с братом своих шмоток достаточно.

С этими словами он перекинул через борт автофургона объемистый сверток, перетянутый для верности бечевкой.

Уиллу вызвались помочь Кен Вудс и угрюмый, молчаливый рыбак, чье тело, казалось, состояло исключительно из одних мускулов, которые жгутами тянулись по параллельным и пересекающимся линиям.

Когда весь багаж выгрузили, Уилл снова глянул на свои часы. Ситуация получит интересное развитие, если посыльное судно вдруг по какой-то причине не прилетит. Ему вовсе не улыбалась перспектива провести ночь посреди затхлых болот, выслушивая ежеминутно горячие упреки и, возможно, оскорбления со всех сторон и опасливо оглядываясь в сторону шоссе.

Время шло, и недовольные голоса стали раздаваться все чаще и чаще. Он понимал, что не сможет удержать их здесь больше часа. Скоро ему придется раздать свое золото и предоставить автофургон в распоряжение этих людей, чтобы они могли добраться на нем до города. Сам же Уилл останется на месте и скажет опоздавшим пришельцам о том, что его миссия потерпела неудачу, о чем он, собственно, предупреждал их заранее.

Вдруг, без всякого предупреждения, свершилось!

В небе над болотом завис массивный черный силуэт, который медленно снижался к ним... Звук был какой-то непонятный, походил на сказочную колыбельную, которую леший поет своему дитяти. Утробный металлический контрапункт к охам и ахам, которые стали раздаваться вокруг композитора.

13

Профессор-эмигрант как-то неловко споткнулся на ровном месте и потерял с головы свою панамку. Старуха из Белизсити истово перекрестилась. Бормотание растафарийца резко поменяло тембр, стало выше, пронзительнее. Сам наркоман, распялив рот и округлив глаза, смотрел на медленно снижающийся НЛО. Черный рыбак стоял неподалеку и

молча смотрел вверх. Казалось, он дал обет молчания, который не могло нарушить ничто, даже конец света.

Внезапно протрезвевший английский педагог, шатаясь, приблизился к Уиллу. В одной руке он судорожно сжимал подобранный с земли головной убор, а другой беспрестанно проводил по своим редким седеющим волосам, как бы стараясь откинуть их со лба, куда они падали, судя по всему, в последний раз лет двадцать назад.

— Я... Я думал, все это шутка... то, что вы говорили. Ну, что-то вроде вечерней забавы, пикника... О чем можно было бы когда-нибудь со смехом рассказать друзьям в Танбридж Уэллсе...

— Полагаю, вам это покажется достаточно забавным, — ответил с улыбкой Уилл. — Только, боюсь, это займет по времени несколько больше, чем один вечер. Впрочем, я предупреждал об этом с самого начала. — Он внимательно взглянул на растерянного профессора. — Если хотите, можете сбежать. Вас никто не станет удерживать силой.

Англичанин продолжал, не отрываясь, смотреть на спускаемый аппарат пришельцев.

— Нет! Нет, я, пожалуй, останусь...

Посыльное судно наконец приземлилось в вязкий грунт, подняв высокие брызги болотной воды. От корпуса отделился трап и перекинулся на твердую землю. Люк над ним открылся, и в проеме показались фигуры пришельцев.

Уилл услышал за своей спиной голос австралийской девушки. Он был неуверенным и взволнованным, как у диккенсовских подростков. Веснушчатая, высокая шатенка спрашивала своего спутника:

— Почему они разных размеров?..

— Они не только разных размеров, детка. Похоже, они разных рас. Глянь вон на того долговязого. Морда чистой крысы, а шерсть, как у опоссума! — Он показал на приближающуюся вейс: — А это что еще такое?! Не зна-а-ю...

Из корабля появился Кальдак со своим заместителем — с'ваном, который был известен композитору под именем Т'вара. Их сопровождали трое солдат и переводчик-вейс. Пришельцы обменялись с землянином приветствиями. Тут Уилл

заметил, что все внимание капитана обращено не на него, а на тех, что приехали с ним в автофургоне.

Земляне неуверенно мялись около Уилла, тихо перешептывались друг с другом. К ним наконец начало приходить осознание того, что все это не шутка и не съемки фантастического фильма. За окружающими деревьями не было съемочной бригады, ниоткуда не отсвечивали линзы кинокамер, прожекторов не было и в помине. Свет исходит от боротовых огней корабля пришельцев да от фар автофургона, которые Уилл совсем позабыл выключить. Никто не устроил истерики. Никто не сбежал.

Уилл почему-то нисколько не удивился, увидев, что первый шаг навстречу инопланетянам сделала та старуха из Белиз-сити, которую композитор включил в свою команду в самую последнюю минуту. Она приблизилась осторожно к массуду и протянула ему свою морщинистую черную руку.

— Рада с вами познакомиться, сэр. Меня зовут Анналинда Мейзон. — Чуть обернувшись к композитору, она прошептала встревоженно: — Это «он» или...

— Это «он», — завстил ее Уилл.

Одновременно он вдруг осознал, что, несмотря на все дни общения с пришельцами, он так ни разу и не объяснил им смысл человеческого рукопожатия. Он протолкнулся вперед, чтобы замять неловкость, но когда подошел к старушке, с удивлением обнаружил, что длинные и тонкие пальцы командира экспедиции накрыли собой ладошку Анналинды.

В то же время взгляд Кальдака продолжал блуждать по головам остальных землян.

— Это все, что вам удалось сделать? — спросил он композитора.

Уилл готовился к этому вопросу.

— Помните, ведь вы просили меня набрать репрезентативную группу? Исключая профессиональных военных, даже тех, кто производит впечатление вояк. Обычные люди. Вам нужны были обычные люди, по которым вы могли бы составить обобщенное, но верное представление о всей земной расе. Что ж, получайте. Я привез вам десять самых обычных землян. Репрезентативнее не найдете.

Вездесущий Т'вар не выглядел таким разочарованным, как

его капитан. Впрочем, это было еще одной особенностью с'ванов. Каким бы ни было их внутреннее настроение, внешне они всегда почти были веселыми, бодрыми и жизнерадостными.

— Вы привезли нам именно то, что мы от вас просили. Теперь мы проведем тщательное изучение и выясним, можно ли извлечь из этого какую-нибудь пользу.

Земляне наблюдали приближение к ним с'вана с оживленным интересом. Поскольку он был по крайне мере на два фута короче самого невысокого из них и вдобавок больше других пришельцев походил на существо гуманоидного типа, его никто не испугался.

— Различия в расцветке кожи очень любопытны. Мы и не догадывались о существовании такого разнообразия, просматривая ваши визуальные программы.

— Наши визуальные программы, — ответил ему Уилл, — весьма и весьма нечасто отражают жизнь, как она есть. Я вам пытался внушить это на протяжении всего времени нашего знакомства.

— Это все... настоящее? — оторопело таращась на пришельцев, прошептал Кен Вудс.

— Так же реально, как и золото, — ответил Уилл.

Он все еще ждал, что кто-нибудь завопит благим матом и бросится бежать в сторону шоссе. Однако интерес к пришельцам, по-видимому, оказался сильнее всех страхов. Уилл решил, что во всем тут виной нескончаемый поток спекулятивной фантастики и фильмов, которые настолько подготовили население Земли к контакту с представителями других цивилизаций, что когда этот контакт состоялся, шока не произошло. К тому же высокий и вежливый массуд, а также утонченно изысканная в обращении большая птица-вейс совсем не походили на тех кровожадных чудовищ, которыми пугали зрителей в видеозалах и кинотеатрах.

Т'вар изучающим взглядом рассматривал австралийскую пару. В ответ они разглядывали его. Удивительнее всего в его облике, на их взгляд, показались яркие глаза и медвежья шерсть, которой особенно много было на лице. Молодой австралиец быстро скосил глаза на Уилла и, кривя угол рта, негромко спросил:

— Что этот коротышка вылупился на нас с таким дурацким видом?

Уилл поморщился.

— Это Т'вар. Один из заместителей командира пришельцев.

Ему не стоило беспокоиться. Слова австралийца вызвали в с'ванс лишь одно чувство: удивление.

— Я не обижен, — пояснил он через свой транслятор. — С'ванов вообще трудно обидеть. Спокойствие стало одним из основных условий нашего выживания. Многие даже завидуют нам.

— Да? — с вызовом ответил старший брат из дуэта попрошаек. — Чему тут завидовать? — И он откровенно насмешливо оглядел волосатого с'вана с головы до ног.

— Видите, — проговорил один из солдат, сопровождавших выход Кальдака из корабля. — Наши специалисты правы. В манерах и словах эти аборигены воистину агрессивны.

Транслятор Уилла перевел слова массуда, и тот счел нужным поправить его:

— Не агрессивны, а любопытны. Только и всего.

— Меня зовут Кальдак, — сказал капитан, выступая на первый план. — Я командую кораблем, который в настоящее время находится на орбите между вашим миром и вашей луной. Если не будете возражать, то скоро сами сможете все увидеть собственными глазами.

Затем он сжато пересказал землянам все то, что в свое время слышал Уилл. Об Узоре, об Амплитуре, о великой войне. Капитан объяснил также цель пребывания своей экспедиции на планете Земля.

— На ученом совете экспедиции решено, что для того, чтобы получить наиболее полные и достоверные данные о том, сможете ли вы быть полезными Узору, необходимо будет вас переправить за пределы вашей Солнечной системы. О вас будут заботиться и снабдят всем необходимым. По возвращении домой вы получите золото, которое так высоко цените. — Он было замолчал, но вдруг что-то вспомнил и добавил, косясь на композитора: «Мы ничего не станем требовать от вас силой. Только согласно выраженной вами свободной воле. Если вы решите не отправляться с нами, то можете уйти прямо сейчас.

Наступила долгая пауза.

Черный рыбак подхватил с земли свой простой рюкзак и, ни слова не говоря, вышел на несколько шагов вперед. К нему тут же присоединилась старуха из Белиз-сити и австралийские студенты. После некоторого колебания вперед вышли и остальные земляне.

Уилл глубоко вздохнул, кинул последний взгляд на знакомое ночное небо, кинул ключи на водительское сиденье автофургона и вбежал по трапу на борт посыльного судна.

Они вернулись в лагуну, где не отличимый от окружающих его рифов помещался замаскированный челнок. Начались приготовления к отлету из Солнечной системы.

Кальдак как-то подошел к Уиллу и сказал ему:

— Вы не полетите с ними, Уилл Дьюлак.

Композитор понимающе кивнул.

— А я и не собирался.

— Я тоже, — ответил массуд.

Этот ответ удивил Уилла.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вижу ваше смущение. Образ... люди, которых вы предоставили в наше распоряжение, будут переправлены на ближайшую планету, входящую в союз Узора, где будет проходить их всесторонне изучение. Эта работа, однако, должна быть дополнена продолжением исследований здесь. Принимая во внимание противоречивость и необычность вашего мира, а также невыясненность его потенциала, было решено расширить нашу базу здесь. Она будет небольшой, но хорошо оборудованной, и будет состоять из челнока и тех сооружений, которые понадобятся для обеспечения более глубоких исследований, чем те, которые были проведены нами до сих пор. Мне было разрешено выбрать: остаться здесь или улететь вместе с кораблем. Я решил остаться. И... у меня будет к вам личная просьба: продолжайте, пожалуйста, помогать нам в наших наблюдениях.

Уилл покачал головой, над чем-то раздумывая.

— И вы всерьез рассчитываете воздвигнуть здесь здоровенный комплекс так, чтобы земляне ничего не заметили?

— Все будет замаскировано так же эффективно, как и челнок.

— Вы собираетесь остаться в лагуне? На мой взгляд, теперь это место уже не подходит. Если вы вознамерились проводить глубокое изучение всего человечества, то стоит переместиться в более населенные районы.

— У нас очень хорошая аппаратура. Мы справимся. Если понадобится приближаться к людям, мы сможем делать это и отсюда. К тому же в нашем распоряжении останется посыльное судно, которое, как вы уже имели возможность убедиться, способно перемещаться с частичной маскировкой.

Кошачьи глаза внимательно изучали Уилла.

— Разумеется, продолжение вами сотрудничества с нами будет очень высоко оценено.

Уилл задумался. Он полагал, что его знакомство с пришельцами движется к концу. Он рассчитывал проводить землян, улетающих вместе с пришельцами, затем поднять парус и вернуться в Новый Орлеан, чтобы возобновить работу над «Аркадией». Оставшееся в мешке золото позволит ему взять длительный отпуск от преподавательской работы, о чем он мечтал многие годы. У него появится реальная возможность закончить симфоническую поэму, написать к тому же что-нибудь коротенькое, возможно, пару камерных пьес и начать кантату.

Если он останется и продолжит помогать Кальдаку, на сочинение музыки совсем не будет времени. Зато он сможет лучше изучить музыкальные произведения иных цивилизаций и кое-что почерпнуть из них для себя.

— Подбор исследовательской группы еще не окончен, — ответил Кальдак на следующий вопрос композитора. — Кроме меня, будет еще несколько массудов для обеспечения безопасности, специалисты-гивистамы и с'ваны, возможно, несколько лепаров. Чиринальдо не будет.

— Я заметил, — только без обид! — что ваш народ не имеет столь ярко выраженной технической ориентации, как, скажем, гивистамы.

— Зато у тех же гивистамов, — как и у большинства других рас, населяющих Узор, — полностью отсутствует какая бы то ни было боевая ориентация. Массуды воюют, но не потому, что им это нравится, а потому что они способны на этот род деятельности. Мы делаем это во имя Узора. До на-

шествия Амплитура массуды были таким же мирным народом, как с'ваны.

Уилл почувствовал, что кто-то дернул его за ремень на поясе.

— Я тоже попросил, чтобы меня оставили, — сказал ему Т'вар.

— Капитан и заместитель капитана? — удивился композитор. — Кто же поведет корабль?

— Два других заместителя, — объяснил Кальдак. — Соливик, у которой в этой области гораздо больше опыта, и З'мам. В чем, в чем, а уж в деле организации какого-нибудь мероприятия или проекта специалисты Узора преуспели.

— Как долго вы будете изучать землян, которых я привез?

— До тех пор, пока мы не получим те сведения, которые рассчитываем получить. Меня это уже не касается. Вместе с ними возвращается домой моя подруга. А мы остаемся, ибо на вашей планете нас ждет еще очень много работы.

На его поясе со снаряжением запищал какой-то прибор.

— Пора расходиться. Как только вы вернетесь на свой катамаран, мы взлетим. Через несколько дней я вернусь сюда с новым снаряжением и мы начнем работать.

После паузы капитан добавил:

— Возможно, вы и не умеете воевать, Уилл Дьюлак, но вы сильны в отстаивании своих мнений. Массуды уважают это качество в разумных. Надеюсь, вы еще будете здесь, когда я вернусь. Мы бы могли продолжить наши исследования и без вас, но мы с вами уже знакомы. Вам известны наши намерения. Было бы гораздо легче продолжать работу с вами, чем искать нового посредника из числа землян, который может оказаться не таким разумным и понимающим.

«Но ведь я решительно против того, на что вы надеетесь на Земле!» — внутреннe воскликнул Уилл. Вслух же он только сказал:

— Я подумаю.

Перед самым отправлением профессор передал ему наскоро написанное письмо своим друзьям в Англии. Аналогичное послание ему принесла и молодая пара из Коннектикута. Уилл пообещал им, что отправит почту при первой же возможности.

Находясь в кокпите своего катамарана, он смотрел на то,

как темная сигара челнока отрывается от земли, отражаясь в воде, чуть поворачивает в воздухе и начинает стремительный подъем в небо.

Кальдак смотрел в один из иллюминаторов на катамаран землянина до тех пор, пока он не исчез далеко внизу в дымке облаков. Он знал, что в другой части челнока у иллюминаторов столпились земляне, которые тоже смотрят вниз, оживленно переговариваются и тяжело вздыхают по мере того, как их родной мир становится все меньше в размерах.

— Как вы думаете, кто прав? — спросил Кальдак Т'вара. — Землянин Уилл или наши ксенопсихологи?

— Если бы я сейчас мог ответить на этот вопрос, дополнительные исследования не понадобились бы. Но в качестве предварительной гипотезы я рискну предположить, что эта раса не знает и не понимает самое себя.

— Как так? — удивился Кальдак. — Разве подобное возможно с разумными? Это противоречие.

— Правильно. Этот мир основан и действует на противоречиях. В этом его особенность. Можем ли мы сказать, что эти люди цивилизованны? Вряд ли. Но разве можно сказать, что это варвары? Нет. Нам придется придумать новую категорию для определения этого мира и расы, населяющей его. Наши исследования должны продолжаться на основе принятия следующего тезиса: аномалия здесь является нормой, а противоречие — одной из основных характеристик. Если мы из этого будем исходить, нам суждено будет сделать великие открытия. Но мы должны готовиться к встрече только с неожиданным и аномальным.

В который раз уже пожалел Кальдак о том, что он не наделен таким светлым умом, как с'ван. Если массуд имеет свойство перепрыгивать из точки А сразу в точку В, то только с'ван может объяснить ему, что происходит в точке В.

Слова Т'вара запомнились и волновали капитана на протяжении всего полета на экспедиционный корабль. Они волновали его и тогда, когда он следил за тем, чтобы гостей с Земли устроили по их вкусу, волновали, когда он наблюдал за приготовлениями к дальнему полету и когда челнок, нагруженный необходимыми для новой базы припасами, отделился

от брюха экспедиционного корабля и стал падать обратно на планету.

Эти слова волновали его и на протяжении всего обратного пути к голубой планете. Только при приземлении ему удалось отделаться от этих мыслей. Предстояло сделать большую работу, и нельзя было позволить себе отвлекаться.

Он с облегчением, — в котором никому не признался, — вздохнул, когда увидел, что катамаран землянина стоит на том же месте, где они его оставили. Сам Уилл вышел встречать снижающийся челнок.

«Чем он занимался эти несколько дней? — думал Кальдак. — Наверно, сочинял свою странную музыку».

Уилл стоял на палубном возвышении, когда Кальдак показался из субмарины, доставившей его с челнока на борт катамарана землянина.

Луна стояла яркая, и Уиллу были видны волнующиеся пузырьки, появлявшиеся на поверхности воды в том месте, где в лагуне располагалась субмарина пришельцев. Кальдак как раз вовремя вспомнил значение человеческого рукопожатия, чтобы протянуть свою раскрытую ладонь навстречу руке композитора.

— Я видел челнок, — проговорил Уилл. — Но где же весь материал для строительства базы?

— Строительство уже началось.

Уилл глянул в ту сторону лагуны, где предполагалось расположение притопленного челнока, спрашивая себя: увидит ли он что-нибудь, если включит носовой прожектор? Впрочем, он не собирался этого делать. Сильный и яркий луч света мог привлечь внимание проходящего рыболовецкого катера или яхты.

— Вы же видели, как мы маскировали челнок в предыдущие прилеты, — напомнил ему Кальдак, поправив свисавший с шеи транслятор и надеясь на то, что он правильно переведет сложный научный термин. — Это называется электрофосфорес. Лепары уже возводят решетку. Химические элементы будут выделяться из обычной воды. Из них и будут возводиться сооружения, которые будут соединены с челноком. Золото, которое вы столь высоко цените, было получено

точно таким же способом. С помощью лепаров, которые строят решетку под водой, работа пойдет очень быстро.

— Да, лепары. Это те существа, одно из которых преградило мне путь к бегству, когда я хотел вплавь спастись от вас в момент нашего первого знакомства?

— Да. Ваша бойкость в воде явилась для нас полной неожиданностью. Лишь отдельные расы, населяющие Узор, обладают способностью находиться в воде. Наши биологи были потрясены до глубины души, когда узнали, что двуногое млекопитающее с легкими, приспособленными для дыхания исключительно воздухом, умеет так хорошо и стремительно плавать.

Уилл кивнул, хотя его в лучшем случае можно было отнести к довольно средним пловцам.

— А лепаты?

— Лепары — амфибии. В этом они по-своему уникальны. Это первый и единственный известный нам случай развития цивилизации у амфибий, впрочем, они... — Он сделал паузу, подбирая нужные слова, — до сих пор кое в чем заторможены. Но очень преданны общему делу и хорошо выполняют свою работу. Из-за своих резких отличий от прочих рас Узора они держатся особняком. Даже чиринальдо, которые дышат атмосферой, обогащенной гелием, и которые настолько грузны, что не могут свободно перемещаться по кораблю, даже они более общительны. В сложившейся ситуации способность лепаров долгое время пребывать под водой является для нас настоящим подарком. Значение этой способности трудно переоценить.

— Счастливое совпадение, что несколько этих существ оказались в команде экспедиции?

— Нет. Наш корабль специально готовился как исследовательский и разведывательный. Команда подбиралась из представителей самых разных рас, ибо мы должны были справиться со всеми непредвиденными неожиданностями. Лепары делают что-то лучше, чем массуды. Массуды в свою очередь имеют свои преимущества перед с'ванами. И так далее.

— А мы, как вы думаете, можем делать что-то лучше, чем вы?

— Мы очень надеемся на это. Именно выяснению этого общего вопроса и посвящены все наши исследования здесь.

Уилл много времени провел в воде, наблюдая за тем, как база пришельцев постепенно обретает свои очертания и форму. Он не ушел до тех пор, пока челнок вновь не превратился в ничем не отличимую от прочих подводную скалу. Он беспокоился немного за то, как бы не засекли все эти работы с самолетов, летающих на низкой высоте. Впрочем, вероятное движение, которое осуществлялось в этом уголке мира, в основном, пролегало строго по воображемой линии с севера на юг, вдоль побережья Юкатана к Гондурасу. Лайтхауз Риф располагался в сторонке, и коммерческая авиация также не тревожила его покоя.

Как только была закончена маскировка челнока, — то есть сердце базы, — вокруг него тотчас же стали возводиться прочие необходимые для работы сооружения, которые маскировались под коралловые шельфы, ветви, пещерки, верхушки коралловых рифов. Даже по расцветке никак нельзя было отличить искусственное от настоящего. Омары и морские ежи сразу же приплыли сюда в большом количестве и деловито стали обживать расщелинки и другие укромные уголки искусственных скал.

Уилл приходил и уходил когда хотел, пользуясь специальным рабочим проходом лепаров. По ночам он порой перевозил на надувной лодке к ближайшему острову каких-то беспокойных, дрожащих массудов, которые, выпрыгнув на твердую землю, сразу же пускались бежать по пляжу и бегать могли часами без перерыва, выпуская понемногу нервную энергию, саккумулированную за день. Издали казалось, что они летят в нескольких дюймах над землей, ибо их длинные и стройные ноги двигались без всяких видимых усилий, заставляя их обладателя делать бесконечные круги по острову мимо одних и тех же пальм и жестких кустарников.

Как-то Кальдак объяснил Уиллу, какое значение имеют для всех массудов бег и прыжки, соревнование с силой тяжести. Это было их наследство от далеких предков, глубоко уходящая корнями в историю традиция.

Однако вскоре Уилл к своему величайшему удивлению подметил, что хотя массуды могли бегать сколь угодно долго,

никто из них не развивал большой скорости, а прыжки их были хоть и нескончаемы, но относительно невысоки. Композитору было далеко за тридцать, и он был не в самой своей лучшей форме, однако всерьез полагал, что, пожалуй, сможет сравняться в скорости бега с Кальдаком, а то и перегнать его. Проверять он не стал, ибо посчитал, что возможный выигрыш у пришельца будет с его стороны нетактичным поступком. Он также не стал говорить о том, что любой профессиональный спринтер-землянин даст сто очков вперед самому быстрому массуду.

Гивистамы, о'о'йаны, с'ваны и вейсы вообще не обладали ни одной внешней приметой атлетизма. Это удивляло Уилла.

Уилл прикладывал все силы к тому, чтобы убедить специалистов, прикрепленных к базе, в том, что человечество уже слишком далеко продвинулось по дороге мира и благополучия. Безнадежно далеко. Его заявления полностью противоречили их данным, полученным в результате просмотра стандартных телевизионных программ. Так что Уиллу частенько приходилось объяснять пришельцам разницу между реальностью и фантастикой. Даже если признать, что земляне всю свою историю убивали друг друга, то из этого вовсе не проистекал вывод о том, что они готовы тут же включиться в войну против мощного альянса инопланетных народов, о существовании которых человечество ничего не знает и которые ничего дурного человечеству не сделали.

Нет!

Землянам только-то и хотелось, что развить у себя дома такую цивилизацию, которой располагают те же гивистамы и с'ваны.

Они слушали с внимательным интересом то, что он рассказывал, порой с одобрением и даже с восхищением отмечая успехи Земли в искусстве, музыке, литературе и драматургии. И действительно примеров сотрудничества землян между собой во имя созидания лучшей жизни, примеров гармонии в их взаимоотношениях и понимания было множество.

Впрочем, противоречий тоже хватало. Часть человеческой музыки была зловещей и какой-то порочной. То же самое можно было сказать о некоторых проявлениях в искусстве и драматургии. Некоторые виды спорта на Земле выглядели

нисколько не менее жестокими, чем война между Узором и Амплитуром. Даже земной юмор, несмотря на свою тонкость, казался пришельцам излишне едким и наступательным.

Уиллу оставалось только терпеливо разъяснять, толковать, разбирать в деталях. Он доказывал, что целью человеческого юмора является смех не над кем-нибудь, а вместе с кем-нибудь. Он несколько раз подряд повторил железное правило земного спорта: не причинить кому-нибудь увечье, а проверить собственные силы в честном соревновании. Он проводил параллели с бегом массудов.

Пришельцы продолжали активно работать, смотреть, слушать, наблюдать. Получаемые данные все больше и больше тревожили второго помощника руководителя по науке, который отвечал за работу отдела ксенопсихологии.

— Так что вы все-таки скажете? — спросил его однажды Кальдак, когда тот пришел к нему в каюту на разговор. — Вы согласны с той оценкой, которую дает человеческой породе Уилл, или же не согласны?

— И то, и другое.

Кальдаку не видны были истинные мысли ученого. Гивистамы гораздо больше полагались на жесты, чем на изменение выражения лица, когда им хотелось выразить какие-то свои внутренние чувства. Он стоял перед командиром неподвижно.

Очки его были затенены. Изящные пальцы рук сомкнуты в замок. Гивистам мог находиться в этом покое сколь угодно долго. Во всяком случае достаточно, чтобы любого массуда свести с ума.

— Все, что говорит землянин, — правда. И все, что говорит землянин, — ложь.

— Интересное суждение, — саркастически заметил Кальдак. — В итоговом рапорте о проведенной работе будет смотреться очень эффектно.

Ученый расцепил пальцы.

— Иначе я не могу определить это. Порой мне и моим коллегам кажется, что этот мир — своеобразная черная дыра, куда засасывает противоречия и загадки со всей Вселенной. Даже их погода способна принимать крайне противоположные формы, где такое еще было?

— Да, я слышал.

В последнее время Уилл отчаянно пытался втолковать пришельцам о том, что надвигается сезон ураганов. Кальдаку было чрезвычайно трудно поверить в слова землянина, ибо он знал, что ураганы происходят, как правило, на газовых гигантах, но никак не на тех планетах, где развивается разумная жизнь.

Вдруг второй помощник руководителя по науке стал нетерпеливо расхаживать по каюте взад-вперед. Кальдак удивленно выпрямился. Гивистамам не свойственна была привычка так двигаться. Ученый в эти минуты больше походил на массуда.

— Помните реакцию специалиста, которая была травмирована во время сканирования землянина?

— Да, — ответил Кальдак.

— Эта реакция была слишком резка, но... Каждый новый день вызывает во мне все больше сомнения в том, что эта реакция является неоправданной, как мы поначалу решили.

Кальдак не сдержал своего неудовольствия.

— И это говорит ученый?!

— Трудно оставаться беспристрастным ученым, попав в этот мир. Меня больше всего беспокоит непредсказуемость землян. И я не одинок в своем мнении. Использовать в боевых действиях непредсказуемых солдат — это значит сознательно накликать на себя несчастье.

— Возможно, они вам кажутся непредсказуемыми, потому что мы их еще мало знаем и понимаем?

— Возможно, это и так, — сказал ученый и остановился. — Возьмите себя. Вы, массуды, воюете во имя Узора. Мы полагаемся на вас. А почему? Потому что при известных обстоятельствах, мы знаем, как вы себя поведете. Мы знаем, как вы прореагируете на ту или иную сложную ситуацию. О землянах этого нельзя сказать. Они сами себя не знают! И абориген Уилл все время повторяет нам эту мысль. Это очень опасное качество. Воевать бок о бок с такими существами — это значит идти на бессмысленный риск. Если люди не знают, как они будут реагировать, что будут делать, каким же образом они впишутся в структуру наших вооруженных сил? Наш первый контакт с землянином, который стал нам другом, только подтверждает мои мысли. Вы посмотрите повнимательнее

на Уилла Дьюлака, когда он с горячностью доказывает нам миролюбие и безобидность своего народа. У него дрожит голос, который с течением беседы становится все выше и выше. Жесты приобретают резкость. Глаза сверкают. — На секунду Кальдаку показалось, что он увидел, как гивистам подмигнул ему под затененными стеклами своих очков. — Неужели вы никогда не подмчали этого за ним, капитан? Не поверю!

Кальдак отложил в сторону световой рисунок, над которым работал. Гивистамы вообще были способны на иронию, однако расходовали ее очень экономно.

— Подмечал.

— Даже если предположить, что землянин Уилл окажется прав и его раса будет признана годной к ведению боевых действий, зададимся вопросм: нужны ли нам эти существа в качестве военных союзников? Принесет ли их ментальная нестабильность нам какую-нибудь выгоду и пользу?

— То обстоятельство, что они не знают самих себя, является одной из характеристик, которые делают их уникальными. Давайте сначала все-таки точно выясним, могут ли они быть полезными Узору, и если могут, то в каком качестве. И только потом мы уже будем разбираться со всеми побочными проблемами. Возможно, нам удастся изобрести способ, при помощи которого мы сможем минимизировать их непредсказуемость.

Кальдак увидел, что гивистам уже хочет что-то возразить, поэтому он только нетерпеливо отмахнулся от ученого.

— Вам и с'ванам решать, можно ли землян как-нибудь использовать в интересах Узора, а вот конкретно: как и где их использовать — эту проблему вы дайте разрешить нам и чиринальдо. Общие вопросы решаете вы, славящиеся последовательностью и дисциплиной в исследованиях, а тактику все-таки оставьте нам.

Ученый поначалу хотел сказать что-то еще, но потом передумал. Он натянул широкие сандалии и вышел в коридор.

, прежде чем второй помощник руководителя по науке почувствовал в себе достаточно уверенности, чтобы еще раз предстать пред очи капитана.

— Меня беспокоит еще одно обстоятельство.

Кальдак был не в настроении. Он как раз разбирался с

административной работой, которую ненавидел больше всего в жизни.

— Ну, что такое? — недовольно спросил он, поднимая взгляд на гивистама.

— Пока все идет к тому... Впрочем, лучше передам очередное высказывание Уилла Дьюлака. Он говорит, что если перед землянами будет выбор, то они предпочтут не участвовать в галактической войне. Так вот, я думаю... Так вот, я думаю... Что, если у них не будет выбора?

Бакенбарды Кальдака нервно затрепетали. Он строго взглянул на ученого.

— Что вы это говорите?

— Мы могли бы принять точку зрения землянина о том, что его соплеменники по своей природе чрезвычайно миролюбивы и невоинственны, а убивать друг друга вынуждены были обстоятельствами несчастно сложившейся истории, что сейчас начинают осознавать свои ошибки и искать новый, более прогрессивный способ существования. Мы могли бы улететь с этой планеты, предварительно уничтожив все следы нашего пребывания и не нарушив неведения землян о нашем визите. В этом случае вполне возможно, что земляне найдут свой способ взращения истинной цивилизации и у них все получится.

— Но они могут уничтожить друг друга, — возразил Кальдак. — Мы же установили, что такая вероятность существует и она не так уж мала.

Гивистам сделал плавный жест рукой.

— Да. Если мы заявим о себе, если примем их в Узор, где им будет предоставлена возможность приобщиться ко всем его цивилизационным достижениям, самоуничтожения разума на Земле, конечно, не произойдет. Им просто не позволено будет совершить над собой подобное злодейство.

— Не пойму, куда вы клоните?

— Если мы улетим, перед ними будет две дороги: одна к истинной, самобытной цивилизации, другая — к самоуничтожению. Если мы останемся, катастрофы не случится, но и по-настоящему цивилизованными земляне, возможно, не станут. Мы подавим их своим более высоким уровнем, вольно или невольно. Между тем землянин Уилл постоянно твердит нам о

том, что его общество неуклонно движется к мирному существованию. Наше присутствие здесь — преграда для землян. Разве наши нужды и нужды Узора дают нам право вмешиваться в жизнь этих существ; возможно, уже начавшую налаживаться жизнь? Имеем ли мы право сталкивать землян с мирной дороги, на которую они уже, возможно, прочно встали, только потому, что интересы войны Узора нам кажутся более важными? Имеем ли мы право вообще на вмешательство в самобытную жизнь иного разума, который стоит на пути к цивилизации?

Ученый умолк.

— В общем, я рад, — закончил он как-то странно.

— Рады?! Чему? — осторожно спросил Кальдак.

— Рад тому, что не на мне лежит ответственность за принятие решений такого масштаба.

С этими словами второй помощник руководителя по науке удалился, оставив за спиной погруженного в тяжелые размышления капитана.

Кальдак неподвижно смотрел на искрящийся световой рисунок... и не видел его.

14

Уилл сидел в кокпите своего катамарана и слушал Т'вара. С'ван говорил и одновременно вытирался полотенцем. Из всех рас Узора композитору легче было общаться со с'ванами. У массудов были интеллигентные манеры, но их лица все-таки сильно напоминали крысиные морды, увеличенные в несколько раз. К тому же у массудов все время что-то подергивалось или подрагивало. Это производило угнетающее впечатление и даже пугало. Что же касается гивистамов и их бессменных ассистентов о'о'йанов, которые составляли основу научного потенциала группы контакта и много трудились на разраставшейся с каждым днем базе, то они слишком походили на рептилий, чтобы их общество согревало.

Вдобавок к тому, что с'ваны были млекопитающими, двуногими и больше других походили на людей, они еще были

чрезвычайно общительны и говорливы. Они также обладали удивительно тонким чувством юмора. Их остроты были всегда понятны представителям иных рас и удавались им с такой ловкостью, о которой Уилл мог только мечтать.

На базе было также несколько лепаров, но они держались всегда в своей среде и были настолько замкнуты, что Уилл не только не знал, как с ними заговорить, но и всегда испытывал неловкое чувство, встречаясь с ними в коридорах базы или в воде.

Уилл не боялся с'ванов. Трудно бояться существа, которое всего трех футов росту. Порой им овладевал дикий интерес узнать, как выглядят лица с'ванов под плотными завитками густых черных бород, свойственных представителям как мужского, так и женского пола. Такие же волосы покрывали голову, руки, оставляя лишь смутные просветы кожи кофейного оттенка.

Уилл захлопнул томик «Двенадцатой Симфонии» Джорджа Ллойда и широко улыбнулся: он соскучился по компании. В отличие от Кальдака или гивистамов, которые навещали его только для того, чтобы задать нужные им вопросы и записать его ответы, Т'вар приходил поболтать. Ему, похоже, тоже нравилось общество землянина.

— Вы чем-то взволнованы, — догадался с'ван.

Уилл кивнул.

— Меня пробила важная мысль, Т'вар. До сих пор я делал все, чтобы только убедить вашего командира и ученых в том, что мои соотечественники никак не приспособлены к участию в вашей войне. Но это не из-за того, что я прав, а их наблюдения неверны. Правы обе стороны. Один из специалистов-гивистамов несколько часов подряд расписывал мне нашу земную непредсказуемость. Он полагает, что это делает нас еще менее приспособленными к участию в войне, чем если бы мы оказались нацией патологических пацифистов. Раньше я как-то не догадывался смотреть на проблему под этим углом зрения, но теперь чувствую, что в его словах есть правда. Я собираюсь обсудить это с Кальдаком.

— Этот вопрос уже тщательно обдумывается им, — сообщил Т'вар композитору. — Но суть дела от этого не меня-

ется. Мы все еще очень надеемся на то, что вы окажетесь способными принести нам пользу.

— Проклятье! Что же вас убедит наконец в том, что мы бесполезны, что нас надо оставить в покое?! Мы пытаемся задвинуть тысячи лет бессмысленного самоистребления в глубокую историю, на страницы учебников, изгнать из жизни! Почему Кальдак не хочет понять этой простой вещи?! Прошу прощения, «вы».

Т'вар стал внимательно изучать коротенькие и толстенькие пальцы своей правой руки.

— С'ваны считают благоразумным не высказывать слишком много серьезных суждений.

— Да, я это заметил, — сказал Уилл и опустился на стул около штурвала, чтобы его взгляд был вровень со взглядом с'вана. — Кстати, почему это происходит с вашими соплеменниками? Создается впечатление, что вы намеренно позволяете массудам, гивистамам и даже о'о'йанам принимать все важные решения, в то время как сами стоите в сторонке и не раскрываете ртов.

Если заместитель командира экспедиции и улыбнулся при этих словах композитора, то Уилл все равно ничего не увидел за этой непроходимой чащей бороды.

— Вы умны, но почему-то не хотите этим пользоваться и сдаете все на откуп другим.

— Я скажу вам одну вещь, Уилл Дьюлак. Вам мне это говорить легче, чем коллегам по экспедиции. Простая истина заключается в том, что с'ваны действительно умнее массудов, гивистамов, вейсов и о'о'йанов.

— Тогда почему же вы не принимаете решений? Почему вы даете это делать другим?

— Нет, нельзя сказать, что мы стоим в сторонке и плывем лишь по течению. Мы предлагаем. Мы влияем. Мы обнародуем наше мнение. Вы должны понять, что даже в рамках цивилизации с высоким уровнем развития роль самого умного не самая благодарная. Особенно, если раса умных немногочисленна, а ее представители не отличаются физической статью.

Благодаря нашим способностям мы занимаем непропорционально большое количество высоких постов в иерархии

Узора, а между тем среди общего населения союза наш процент весьма невелик. Это открывает перед нами широкие возможности оказывать свое влияние. Но одновременно подставляет нас под угрозу примитивных эмоций, которые не исчезли с развитием цивилизации. Поэтому мы предпочитаем быть очень осмотрительными и осторожными. Приведу простой пример: мы не открываем своих колоний на чужих планетах, как это делают гивистамы и бир'риморы.

Уилл нахмурился.

— Вы что же, побаиваетесь своих собственных союзников?

— Узор не столь уж монолитен, как вам, вероятно, кажется. Внутри него столько разных конфликтов и непонимания, что вам даже и не снилось. Трещины в нем росли так быстро, что, если бы не общая угроза в лице Амплитура, я голову даю на отсечение, что союз распался бы, как у вас говорят, как карточный домик. Ненадежность внутрисоюзных связей — это опасность, которая и сейчас существует у нас и которую мы начинаем осознавать.

Нет, вооруженных конфликтов, конечно же, у нас давно нет, если вы об этом подумали. Но существует много других способов выразить свое неудовольствие соседом. Цивилизованные способы. Мы являемся, наверно, наиболее слабой и уязвимой расой из всех других, поэтому позволяем принимать решения гивистамам, о'о'йанам и вейсам. Мы позволяем массудам и чиринальдо воевать и не мешаем им в этом. Только подаем советы. Нам не важно, кому достанутся лавры за принятие правильного решения на основе правильного совета, лишь бы эти решения были приняты.

До сих пор он говорил на довольно корявом английском, теперь же перешел к услугам транслятора.

— Примитивные эмоции, о которых я говорил... Понимаете, есть такие универсальные понятия, которые не проходят у народов с выходом их на высокий цивилизационный уровень. Например, ревность... Где-то зависть... Эти чувства не так уж и редки среди рас, населяющих Узор.

Уилл кивнул.

— Я очень ценю то, что именно передо мной вы пожелали быть откровенным. Но все это не ответ на мой вопрос: что о нас думают с'ваны?

— Вы восприимчивы и настойчивы.

Уилл нахмурился. Он не понял, что хотел выразить этой репликой Т'вар: упрек или комплимент.

С'ван продолжал:

— Не буду говорить за всех моих соплеменников, но лично я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с мнением второго помощника руководителя по науке. Ваша непредсказуемость, скорее всего, сделает вас бесполезными для задействования в военных операциях. Сделает ли это вас вообще бесполезными — еще большой вопрос.

— Почему бы вам не пойти в люди? — вдруг спросил Уилл. — Сами бы увидели, что мы такое. И не нужно было бы задавать мне бесконечных вопросов. И сразу бы поняли убогость ваших суждений, основанных на просмотре нашего телевидения. Я могу сопровождать вас.

«Да, именно! Непредсказуемы», — подумал недовольно с'ван. Вслух же удивленно переспросил:

— Меня?

— Почему бы и нет? Я бы показал вам нашу повседневную жизнь, наши проблемы и заботы. Телевидение намеренно сгущает краски относительно нашей агрессивности. Киношникам нужны сильные чувства, поэтому они специально выуживают из нас насилие и утрируют его. В программе новостей вам не покажут, как мы умеем любить, как нам нравится все, что нас окружает, как нам хочется обнять весь мир!.. Я дам вам возможность самому прочувствовать все это. После этого вы первый станете смеяться над доводами ваших коллег.

Уилл внимательно вгляделся в лицо пришельца, но, поскольку ничего не смог на нем рассмотреть, продолжил свою мысль:

— Я уже не первый день думаю об этом. Кальдака взять нельзя. Даже если закутать его в какой-нибудь плащ или что-нибудь еще в том же роде, все равно массуд будет очень подозрителен. Его лицо, его дикий по нашим меркам рост... О гивистамах и о'о'йанах вообще говорить не приходится. По-нашему это рептилии, а рептилий не пускают гулять по городу. Вейс могла бы найти общий язык с кем угодно, но ее внешний вид оставляет желать много лучшего. Это, я повторяю, с нашей земной точки зрения. А с'ван... С'ван вполне

сгодится. Вы не станете привлекать к себе излишне много внимания из-за вашего...

— Короткого роста, — договорил за него Т'вар. — Лично я не считаю себя низкорослым. Разница четко видна лишь когда меня ставят рядом с такими гигантами, как массуды и вы. Кроме того, невысокий рост не считается у нас чем-то вроде унизительного дефекта, как это принято у вас.

— Я мог бы вас побрить немного, — задумчиво продолжал Уилл. — Хотя густые волосы сами по себе являются отличной маскировкой. Да к тому же у нас здесь ходят такие бродяги, с такими волосищами!.. Если вас хорошо приодеть, вы вполне сойдете за низенького землянина. На вас будут обращать внимание, оглядываться, но не больше, уверен.

— А вы не знаете, что земной климат нам не по вкусу? — спросил его Т'вар.

— Но кого еще я могу взять с собой?

— В самом деле...

— Лепара, что ли?

— Ваша задумка не лишена оригинальности и над ней стоит подумать, но ведь риск...

— Мы приплывем в город на моей надувной лодке, — предложил Уилл. — Ночью. Всем будет плевать на нас, вот увидите. Но зато у вас появится возможность по-настоящему взглянуть на нашу жизнь, а не через ящик.

— Я административный сотрудник, а не наблюдатель. Для подобной миссии нужны подготовленные специалисты.

— Нет, вы что-то не то говорите. Ну, я еще могу взять второго с'вана, но не больше. Человек, гуляющий в обществе двух карликов, пробудит к себе интерес прохожих. Но если карликов окажется с полдюжины, вокруг нас соберется толпа!

— Хорошо. Нас будет двое... Неловко, конечно... Так сказать, некомфортно... Но, ладно. Если мне удастся уговорить капитана!

Уилл улыбнулся и по-доброму подмигнул с'вану.

— Насколько мне известно, вы обладаете способностью уговаривать кого угодно.

— Ах, если бы, Уилл Дьюлак! — ответил с'ван, проводя рукой по густой бороде. — Тогда мы уговорили бы Амплитур оставить нас в покое. Тогда не было бы войны. Тогда мы могли

бы улететь с вашей планеты, предоставив вам самим найти путь к своему миру. Вернее, тогда мы вообще не прилетали бы к вам.

Когда Кальдаку доложили о задумке землянина, она ему поначалу не понравилась. Слишком много риска. Впрочем, как и предполагал Уилл, Т'вару удалось постепенно убедить капитана в том, что это редкий шанс получить интереснейшую информацию.

Было решено, что с Уиллом в город пойдут двое с'ванов. Надо было подготовить «экскурсию» так, чтобы «экскурсанты» привлекали к себе как можно меньше общественного внимания. Была изготовлена особая обувь, которая увеличивала рост пришельцев на несколько дюймов, не мешая, однако, их передвижениям. Свободные широкие шляпы также должны были придать с'ванам солидности, кроме того, хорошо маскировали их буйную растительность на голове и нижней части лица.

Когда все было готово, Уилл тщательно осмотрел обоих и остался ими доволен. Широкие штаны маскировали нижние конечности с'ванов, а длинные перчатки — верхние.

— Это Белиз, — сказал он им. — Людям здесь на все наплевать. Их с детства воспитывают в одной идее: занимайся своим делом и не суйся в чужие. Не думаю, что возникнут какие-то проблемы.

Под серебряной луной, отражающейся в спокойной воде, моторная лодка доставила всех троих к городу. Уилл привязал ее у коммерческого причала, где не было других судов. Яхты предпочитали более широкую гавань Белиз-сити, которая была в полумиле расстояния от коммерческой.

Троица и вправду привлекла к себе несколько любопытных взглядов в портовой зоне города, но их никто не останавливал и не доставал идиотскими вопросами. Много было пьяных и наркоманов, но как раз эти две категории населения доставляли Уиллу и пришельцам меньше всего хлопот: первые едва оглядывались на них и тут же забывали об их существовании, вторые, погруженные в свои грезы, смотрели на них, как на пустое место. Чем дальше, тем больше было людей, но и те были заняты своими делами: молодежь смеялась и танцевала, влюбленные парочки обнимались в укромных местах, туристы

вообще сидели по домам и принимали по пиратским антеннам Майами и Питсбург.

Дети искали приключений на грязных улицах, собаки, заливаясь лаем, гонялись по переулкам за беспризорными кошками. Из забитых битком баров доносилась музыка. Нигде не было видно рукояток пистолетов, выглядывавших из-под пиджаков, не слышалось стрельбы. С'ваны, привыкшие к этим атрибутам насилия по киношкам, которые крутило телевидение, должны были озадачиться. На это Уилл больше всего и рассчитывал.

В Мексике ему было бы труднее что-нибудь доказать пришельцам. В Гватемале — и того хуже. Но здесь был Белиз. Страна, где жизнь вся в бедняцких лохмотьях, но зато мирная и достойная. И с перспективой на лучшее, что немаловажно. Он чувствовал, что Т'вар и Э'вит находятся под впечатлением от увиденного. Пальцы Э'вита хлопотали под плащом над аппаратурой, которая чутко улавливала и записывала все происходящее вокруг них, чтобы потом пришельцы могли в свободной обстановке прокрутить это и как следует задуматься.

Постепенно они обошли все интересные городские места и вновь оказались на побережье. Уилл указал рукой на две влюбленные парочки, устроившиеся на разных скамейках. Молодые люди шептались между собой, смотрели на море и плевали на весь окружающий их мир.

— Что они делают? — спросил Э'вит, наставляя на землян глазок видеокамеры.

— Ничего. Просто прижимаются друг к другу.

У Уилла сдавило сердце. В его жизни ведь тоже были женщины. А все последнее время он общается только с пришельцами, сидит на своем катамаране, отрезанный от всего мира.

— Возможно, это супруги, но, скорее всего, просто друзья. Земляне любят находиться среди себе подобных. Нуждаются в обществе себе подобных.

— В этом вы похожи на нас, — пробормотал Т'вар. Он повернул налево. — А это что?

Уилл посмотрел в этом же направлении, вдоль дороги, которая отделяла берег от линии домов.

— Музыка. Пойдем посмотрим?

Возле подъезда прибрежного отеля собралась довольно большая толпа прохожих. Они слушали уличных музыкантов. Их было трое. Один пел, а двое других аккомпанировали ему на барабанах, подвешенных у них на груди. Туристы и местные жители оживленно аплодировали после того, как заканчивалась очередная песня. Охранник, стоявший в дверях отеля, улыбался и притопывал в такт музыке.

Несмотря на обстановку, которая требовала осторожности и постоянной бдительности, Уилл все же на минутку отвлекся от своих спутников, чтобы профессиональным ухом послушать музыку, в которой, возможно, ему послышится что-то новое, что можно будет потом развить у себя в произведениях.

Они оставались до самого конца. Лишь когда музыканты собрали небогатую выручку и ушли, когда разбрелась толпа, они вернулись в коммерческую гавань и сели в поджидавшую их лодку.

* * *

Уилл был занят тем, что пытался выловить мелодию из беспорядочного потока звуков, — это была тема ухаживания, взятая из фольклора о'о'йанов, — когда вдруг загудел коммуникатор, установленный на катамаране пришельцами для связи со своим посредником-землянином.

Уилл ответил. На том конце был Т'вар, ибо только он мог так дико искажать английскую речь.

— Интересные новости, Уилл Дьюлак. Наш корабль вернулся.

— Я рад за вас.

Экспедиционный корабль опаздывал с прибытием на орбиту вокруг Земли, и в группе контакта уже начали было беспокоиться. Конечно, напороться в субпространстве на неприятельское судно он просто физически не мог, но от несчастных случаев и аварии никто не был застрахован.

Что же касается Уилла, то за последнее время он выработал для себя четкий и строгий режим, который не спешил нарушать. Пришельцы стали очень много работать на своей базе, и помощь землянина требовалась довольно редко. Это позволило ему выделить свободное время на главное занятие —

создание музыки. Он уже давно закончил «Аркадию» и факсом отправил ее домой. Ответ от коллег по факультету пришел незамедлительно. Он был полон восторгов и поздравлений. К тому же, — что было гораздо важнее, — дирижер симфонического оркестра прочитал поэму, одобрил и поставил ее исполнение на конец сезона.

Успех Уиллу был обеспечен.

Когда дома узнали, что он занят новой серьезной работой, симфонической поэмой «Иное видение», декан факультета предоставил возможность Уиллу продлевать себе отпуск — насколько потребует сочинение. В конце концов творчество — хрупкая вещь, а иметь «играемого» композитора на факультете было очень престижно для всех южных университетов. «Не нужна ли вам стипендия?» Уилл заверил шефа, что не нужна, ибо его собственные источники еще не иссякли.

Далеко не иссякли. Спасибо пришельцам и их способности извлекать из морской воды золотые трубки в двадцать четыре карата. Он не только жил гораздо лучше, чем раньше, но и получил возможность оборудовать свой катамаран такой аппаратурой, о которой раньше мог только грезить в сладких снах. Речь шла и о чисто техническом оборудовании, и о новой музыкальной аппаратуре, и о полном водолазном костюме. Словом, все, что он хотел и даже больше. И все за то, что отвечал им на несколько новых вопросов каждый день.

И вот теперь устоявшийся график, обеспечивший Уилла комфортом, о котором он раньше мог только мечтать, грозил окончиться. Вернулся экспедиционный корабль. С теми, кто надолго был разлучен с Землей, со свежими новостями и знакомыми лицами. На поверхности планеты прибывших ждали те, кто нуждался в пополнении снабжения базы, впрочем... Зачем ее пополнять? Если экспедиционный корабль привез с собой не только десятерых землян, но и ответы на важные вопросы...

Уилл вышел на палубу. Его сразу же обдало влажным зноем. Он с хрустом потянулся. Уже темнело, но для короткого заплыва света еще хватало. Он натянул ласты, взял маску и трубку и спустился по специальной лесенке в воду. Транслятор был надежно пристроен на груди, наушники глубоко вдавлены в ушные раковины. Мимо него проплыла стайка желтых

молодых щук. Они искали себе что-нибудь на ужин. Уилл махнул в их сторону рукой, те шарахнулись в сторону, чтобы не попасть под удар, но, казалось, не испугались человека.

Спустя несколько минут он понял, что находится в воде не один и поплыл глянуть на лепаров за работой.

Хвостатое существо сразу заметило в воде человека, узнало его, но ничем не показало этого, а продолжало трудиться. Т'вар говорил Уиллу, что даже в те минуты, когда лепарам очень хочется с кем-нибудь поговорить, они предпочитают держаться общества соплеменников. Все дело было в их ограниченном словарном запасе. Впрочем, они редко терзались этим своим недостатком, ибо им редко было что сказать.

Этот лепар внимательно наблюдал за человеком, который плавал над базой, силуэт которой был четко очерчен вечерним солнцем, почти у самой поверхности воды, дыша через трубку. Наконец, оно прервало работу, вздрогнуло своими нижними конечностями, повело хвостом и всплыло вверх, навстречу землянину. Широкое лицо лепара показалось из воды рядом с Уиллом. Композитор сдвинул свою маску на лоб и проморгал соленую воду с глаз.

— Вы случайно не Ватолой? Я знаю одного лепара по имени Ватолой.

— Нет. Ватолой — наблюдатель, а я Отили.

Благодаря транслятору нечленораздельное бульканье, исторгавшееся из беззубой пасти лепара, превращалось в довольно сносный английский.

— Чем занимаетесь, Отили? — спросил Уилл, тихонько пошевеливая ластами, чтобы удержаться на одном месте.

— Крепления устанавливаю. В основном под водой. Никто кроме нас не может работать одновременно на воздухе и под водой.

— Я могу. Может, вам помочь?

— Я слышал, что вы хорошо плаваете. Но вы не можете дышать в воде.

Маленькие черные глаза лепара затрепетали.

— Из этого не следует, что я не могу находиться под водой, — возразил композитор.

Отили дотронулся пальцем до трубки Уилла.

— С вами нет запаса воздуха, а это, очевидно, не является устройством, генерирующим кислород.

— Правильно, обычная трубка. Но я могу задерживать дыхание. Ну, прошу вас. Я бы очень хотел помочь вам. Хотя бы попробовать.

— Если вы будете травмированы, все упреки обратятся на меня.

— Чепуха! Я независим и за все свое предпочитаю отвечать сам. К тому же я не собираюсь получать травмы.

— У массуда не получилось бы то, о чем вы просите.

Уилл только улыбнулся на это.

— Но я же не массуд.

Лепар внимательно взглянул на композитора. Выражение лица хвостатого существа невозможно было определить.

— Да, вы не массуд, — наконец подтвердил он и исчез под водой.

Уилл слил из маски излишек воды, надел ее снова, выгнул спину и выпрямил ноги, нырнув как можно глубже. Он задержал дыхание и поэтому не мог пользоваться транслятором для общения с лепаром, но хвостатое существо все показывало жестами, которые были просты и понятны. Время от времени Уилл всплывал на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха. В перерыве между этими всплывами он все же оказался в состоянии немного подсобить лепару, держал для него инструменты и кусок пластикового стекла, который потом Отили вставил на нужное место.

Когда работа была закончена, оба одновременно показались на поверхности. Глаза лепара были округлены.

— Вы оказались очень ловким и здорово помогли! Ни один представитель другой расы не смог бы сделать так много!

— Просто мы любим купаться, вот и все.

— А вас не беспокоило, что вы работаете со мной?

— Нет. Мне понравилось. К тому же хотел размяться. Композиторы ведь ведут сидячий образ жизни и без упражнений быстренько наживают целый набор болезней.

— Вы помогли мне не только потому, что нужно было, но еще и потому, что хотели?

— Да! И... эй?

Уилл увидел только как перед его глазами мелькнул мато-

вый хвост и перепончатые нижние конечности лепара, который внезапно исчез с поверхности воды. Уилл быстро погрузился и успел заметить, как торпедообразное тело в одну секунду исчезло за коралловым углом базы.

Он пожал плечами, насколько это можно было сделать в его положении, и взял обратный курс на катамаран. Т'вар был прав: лепаров трудно понять.

Он надел все чистое и свежее, желая предстать в своем лучшем виде перед теми, кто спустится по трапу корабля, прилет которого ожидался этой ночью. Ему было неприятно думать о том, что через день-другой база, наверно, свернется, а ее обитатели перейдут к своим соплеменникам на корабль и улетят, ибо всем уже, кажется, ясно, что земляне оказались совершенно непригодны в качестве военных союзников. Уиллу было жаль, ведь среди пришельцев у него появились друзья: Кальдак, Т'вар, да и другие тоже. В последнее время ему удалось установить что-то вроде приятельских отношений даже с некоторыми из ворчливых ностальгирующих гивистамов.

Жизнь будет продолжаться. Ему нужно было писать новую музыку, массудам и с'ванам — вести новые сражения своей великой войны. Он постарается увековечить их визит по мере своих возможностей и способностей. Возможно, когда-нибудь, спустя многие десятилетия, а может, и столетия на Землю вернутся потомки нынешних граждан Узора. И каково же будет их изумление, когда в земной музыке они услышат аккорды своих далеких предков, переложенные на земные инструменты.

Да, это будет лучшая память об их коротком визите на голубую планету.

15

Кальдак нервно расхаживал из стороны в сторону и не мог заставить себя остановиться. Его нос так отчаянно дрожал, что Уилл при взгляде на командира экспедиции испугался: уж не отвалится ли он? Заостренные, как у рыси, уши трепыхались, будто волосатые семафоры.

Рядом стоял Т'вар, изучавший ночной небосвод, руко-

водитель по науке, еще один гивистам, которого Уилл не узнал, ассистент о'о'йан и вездесущая вейс. Специалист-лепар терпеливо поджидал возле субмарины, которая покачивалась на поверхности воды недалеко от берега.

Т'вар приблизился к композитору, и они стали смотреть на звезды вместе.

— Есть одна вещь, которую вы должны знать, — через свой транслятор сообщил с'ван. — Это связано с событиями, которые произошли на планете Васарих несколько месяцев назад.

Уилл думал сейчас о том, что прошел почти год с того времени, когда корабль экспедиции покинул Солнечную систему, оставив на Земле группу контакта во главе с командиром Кальдаком. Вроде бы давно это было, но казалось, что время пролетело быстро. Пришельцы узнали много нового о местной жизни, а Уилл помогал им в работе по мере надобности. Да, он будет скучать по ним после расставания. Если не считать тех десятерых землян, которые возвращаются с кораблем, Уилл будет человеком, обладающим уникальным опытом контакта с внеземной цивилизацией.

Ему сообщили, что все десятеро вернутся домой. Их, разумеется, за все это время подвергли немыслимому количеству тестов и проверок, но Уилл был уверен, что ученые Узора не применяли по отношению к своим гостям с далекого мира грубых методов.

— Васарих — оспариваемый мир, — говорил Т'вар. — Ваши знакомые земляне участвовали в боях за эту планету.

— Что?! — вскричал Уилл.

Картинка звездного неба в один миг рассыпалась у него перед глазами, как в игрушечном калейдоскопе.

— Они согласились пройти обучение и прошли его.

Уилл потрясенно заглядывал с'вану в глаза.

— Как вы могли?! Как вы могли пойти на это?! Втянуть в кровопролитие группу непрофессионалов, среди которых были дети и пожилые люди?! Я знаю, что вам необходимо было определить уровень военного потенциала земной расы, но...

— Очевидно, — продолжал невозмутимо Т'вар, — когда им объяснили положение вещей, все вызвались участвовать в боевых операциях добровольцами. Никого не принуждали.

Неужели по прошествии всего времени нашего знакомства вам еще нужно объяснять и доказывать это?..

— Добровольцами?! — растерялся Уилл. — Все?

— Да.

Это было очень любопытно — наблюдать за реакцией землянина. Заместителю командира экспедиции прекрасно известно было отношение Уилла Дьюлака по вопросу сотрудничества его народа с народами Узора. Известие, которое принес ему сейчас с'ван, было для Уилла неприятным. Что ж, ему можно было посочувствовать. Если бы спросить у самих с'ванов, то они больше всего на свете хотели бы выйти из вооруженного конфликта и жить в мире и покое. Но Амплитур продолжал надвигаться, и его необходимо было остановить. И участвовать в этом должны были все, включая и тех, кто, мягко говоря, без энтузиазма относится к войне. Включая с'ванов. Стоило ли сюда включать и человечество? Это еще было вопросом.

Замаскированный человек появился над лагуной внезапно и неслышно, сразу закрыв своим силуэтом несколько созвездий. Он совершил посадку на мелком месте, неподалеку от притопленной базы пришельцев и едва освещенного катамарана композитора. От корпуса отстегнулся и перекинулся трап. В иллюминаторе у выходного люка зажегся свет. Из челнока стали появляться безмолвные фигуры, которые направились к встречающим, которые находились на маленьком островке и ожидали их с горячечным нетерпением.

Кальдак перестал ходить туда-сюда и остановился у основания трапа. Ему трудно было при свете луны узнать тех, кто шел ему навстречу, но по крайней мере двое из них были массудами. Ярусслка...

Их встреча ознаменовалась бурным потоком взаимных ласк, которые выражались как в словах, так и в объятиях. Впрочем, Уилл едва заметил это. Он также мало обратил внимания на приветствия, которыми обменивались прибывшие гивистамы со своими соотечественниками, которые были в группе контакта. В другое время с жадностью наблюдал бы за этим, делал заметки в уме, искал вдохновения... Но не теперь.

Все его внимание было приковано к цепочке землян, которые сошли с трапа на твердую землю пляжа. На фоне белого

песка и морского горизонта их фигуры отчетливо выделялись. Все были одинаково одеты. Спустя минуту пристального изучения их силуэтов, он понял, что это модификация обычного одеяния массудов: темно-коричневые комбинезоны, перекрещенные на груди желтыми лямками.

Группу землян возглавляло трио из Новой Англии. Трио, потому что Тэйми Марковиц несла на руках ребенка. Уилл потрясенно наблюдал за тем, как она бережно опустила спеленутого малютку на песок. Ее муж присел на корточки рядом с женой и тут же увидел композитора.

— Дьюлак, никак вы? Уилльям Дьюлак?

— Да, совершенно верно, Дьюлак.

Кен Вудс обратил ласковый взгляд на сына.

— Это Роберт. Симпатяга, не правда ли? Первый землянин, появившийся на свет за пределами своей родной планеты. — Он улыбнулся. — Если бы мы тогда знали, что Тэйми беременна, то наверняка никуда не поехали бы. Но так получилось даже лучше. Когда гивистамы узнали, что у нас будет малыш, они чуть не обалдели от восторга. Обеспечили нам такие условия, каких мы не имели бы даже в «Маунтин Синай Дженерал»!

Тэйми Марковиц подняла с песка ракушку и сунула ее малышу в ладошку. Маленькие пальчики сомкнулись вокруг раковины.

— Да, маленький, ты прилетел домой. Это твой дом. Земля.

Уилл еще некоторое время наблюдал за тем, как они что-то ласково шепчут ребенку, потому переключил свое внимание на остальных землян, которые собрались небольшой группой неподалеку.

Перемена, произошедшая в братьях-подростках, которых он подобрал возле трущоб Белиз-сити, была просто поразительной. И дело не в том, что они повзрослели на один год. К ним пришла зрелость и во всех других отношениях. Молодые тела заметно окрепли, обросли мускулатурой. От неуверенности, настороженности и испуга, которые запомнились Уиллу, не осталось и следа. Их движения и жесты были четкими, уверенными. Спустя минуту они отделились от остальных и направились вдоль пляжа, сопровождаемые третьим,

который был чуть постарше их. В нем композитор узнал одного из австралийских студентов. Уилл тут же стал искать глазами его соотечественницу.

И он увидел ее... положившей голову на грудь черного рыбака. Когда они увидели приближающегося к ним Уилла, рыбак широко улыбнулся и протянул ему свою здоровую ладонь. Куда только подевалась его угрюмая замкнутость и молчаливость?.. Композитор недоумевал.

— Здорово, приятель. Я помню тебя. Всю жизнь буду благодарить тебя за то, что ты для меня сделал. — Ощущая растерянность, композитор неуверенно пожал шишковатую, мощную длань рыбака. — Год назад я мало говорил с тобой, но это прошло и быльем поросло. Вообще не знаю, как я жил-то до этого большого звездного путешествия?! До ли?..

Молодая женщина улыбнулась и крепче обняла рыбака.

— Мы поженились, друг. Это все, — его рука сделала широкий жест-дугу по ночному небу, — полностью изменило мою жизнь.

— Да. Мы все изменились, — прибавила его жена.

Уилл оглянулся на пляж. Она проследила направление его взгляда.

— Стивен? О, он счастлив! Мы ведь не жили вместе, не были обручены, даже не были влюблены. Просто путешествовали по миру вместе. Так казалось удобнее. Но когда я поближе познакомилась с Маттиасом... В общем, Стив не возражал. Он больше всех нас работал и учился. У него не оставалось времени на личную жизнь.

— Мне-то все равно, — пробормотал Уилл.

— Эй, друг, — сказал Маттиас и хлопнул его по спине. - Как тут без нас шарик крутился? Скучал по нам? — Он рассмеялся. — А как ты? Ведь целый год прошел. У тебя все так же?

Уилл был застигнут врасплох говорливостью прежде такого молчаливого и угрюмого человека.

— О'кей... У меня все идет гладко... А вы, как я погляжу, счастливы?

— Э, друг, что ты можешь знать? — Рыбак вдруг махнул кому-то рукой. — Эй, Элерой, иди сюда, смотри, кто нас встречает!

Из темноты выступил растафариец. Лихорадочного взгляда как не бывало, несбалансированности движений как не бывало, темных кругов под глазами и шатающейся походки как не бывало!.. У него были коротко острижены волосы, и стоял он так же прямо, как и пальмы, которые его окружали на этом крохотном островке. Он пристально вглядывался с минуту в лицо Уилла, как бы пытаясь определить для себя что это: реальность или обман зрения?

— Я знаю тебя, парень. И обязан тебе жизнью.

У композитора вертелись на языке куча вопросов. Но чувства переполняли его настолько, что он едва мог говорить.

Столько вопросов, столько!.. Он совсем не ожидал увидеть то, что увидел. Не верил глазам своим.

— Вы изменились.

— Все изменились, парень, — ответил Элерой и шутливо ткнул рыбака кулаком в грудь. Ли засмеялась и отмахнула руку растафарийца, как бы защищая мужа. — Всю свою жизнь я был ничем, парень. Ничем и никем. Я пошел с тобой, накурившись по самые уши. Ничего не соображал. Оказалось, что это судьба. А эти ребята переделали меня, понимаешь? Я теперь здоров, как бык. Они помогли мне осознать свою значимость в жизни, дали мне дело, которым бы я мог заниматься. Они хвалили меня, говорили каждый день, что я оказал им неоценимую услугу. Знаешь, как здорово слышать про себя такое? Я почувствовал себя человеком!.. Сначала я попросил у них немного травки. Они ни черта не поняли, и мы поговорили по душам. Они задали мне кучу вопросов. Осо-енно те большие ящерицы. Из меня выкачали всю кровь и ыбросили ее на помойку. Я не жалею, потому что взамен мне дали здоровье. Затем мы еще раз хорошо поговорили, и то, что они мне открыли, было откровением. Я почувствовал, что я человек и что я силен. Я испытывал гордость за то, что мы земляне. Было так здорово! Теперь мне не надо взлетать под облака при помощи травы, чтобы чувствовать себя на высоте. У меня есть кое-что получше.

— Что, интересно? — спросил Уилл.

Растафариец улыбнулся ему и поправил какое-то устройство, болтавшееся у него на поясе.

— Цель, парень. Бороться на стороне Узора. Защищать мою планету, мой дом. И твой тоже.

Широким жестом он показал на островок, прямые пальмы, спокойные воды лагуны.

— Раньше у меня не было ничего, за что бы я желал бороться. Да я и не любил это дело. Но нам все объяснили, парень. Эти ам... ам... амплитуды долбанные, мать их... Они хотят забрать у нас все, что делает нас людьми! Все, что мы любим и чему радуемся.

Заговорила женщина:

— У нас нет выбора, собственно. Либо мы станем воевать, либо принесем в жертву все человечество. Амплитур придет и отберет все. Это настоящая чума. Только от этой напасти никуда не сбежишь. Надо сопротивляться.

— Но вы не правы! У нас есть выбор! — с отчаянием в голосе воскликнул Уилл. — Мы имеем возможность не вмешиваться! Мы можем...

Растафариец обменялся грустным взглядом со своим приятелем черным рыбаком.

— Он не знает. Он ничего не понимает, потому что не побывал ТАМ.

— Да, — согласился Маттиас. — Но он поймет постепенно. — Он огляделся кругом и глубоко вдохнул свежий ночной воздух. — Мне сильно не хватало... этого запаха. — Он потянул носом ветерок, дующий с моря. — Море! Море... — Он вернулся взглядом к композитору. — И не только море. Я скучал по всему этому. По планете, по Земле. Это наш дом. За этот год я много где побывал, много чего повидал, но нигде не было земных запахов, земных ароматов. — Он глянул на жену, на растафирийца и улыбнулся. — Пойдем, подруга, прогуляемся.

Обнявшись, они пошли к пляжу.

Уилл качал им вслед головой.

— Что они с вами сделали?! — повторял он измученным голосом. — Мозги, что ли, промывали?

— Нет, парень, — ответил растафариец. — Просто они показали нам правду. Правда — великая вещь. Когда ты видишь ее каждый Божий день в течение многих месяцев, отмахнуться не так-то просто, понимаешь? Они рассказали нам

правду обо всем. И о самих себе тоже. Маттиас нашел через это свою правду. Я нашел свою. Рано или поздно ты найдешь свою.

Он глянул на материк, отделенный от островка толщей искрящейся под луной воды.

— У меня там сестры. В Манки Тауне, на побережье. Я найду их и разделю правду между нами поровну. Массудский начальник говорит, что время для этого еще не пришло, но я подожду.

Он стал уходить в сторону пляжа. Уилл хотел было уже догнать его, но вдруг на его плечо легла крепкая рука, а негромкий, но уверенный голос остановил его:

— Оставьте его, пусть идет.

Композитор обернулся. Перед ним стоял профессор-эмигант. Но он был не один. Рядом с ним была та самая пожилая женщина, которую Уилл включил в группу землян последней. Коричнево-желтые комбинезоны на обоих сидели удивительно хорошо. На голове профессора чудом удерживалась нелепая, вся помятая панамка. Уилл увидел это и не сдержал улыбки.

— Старый друг! — воскликнул, улыбаясь педагог. — Пойдемте найдем местечко, где можно было бы присесть. Нам надо о многом поговорить с вами.

— А молодые, — проговорила, кивая самой себе, женщина, — они и есть молодые. Все нетерпеливы, ничего не поделаешь.

— Понимаете, Уильям, ведь вас именно так, кажется, зовут?.. Я столько повидал всего за последний год, что моя старая башка скоро треснет от обилия впечатлений. Поначалу мы все воспринимали это как большой розыгрыш. Потом стало ясно, что речь пойдет о серьезных вещах. И мы сами стали серьезными. События валились на наши головушки сами, нам не нужно было искать приключений. И завертелось, и завертелось...

Уилл внимательно слушал профессора, но все его зрительное внимание было обращено на пожилую леди. Казалось, она помолодела лет на десять, не меньше. Он уже не мог себе представить ее морщинистой, согнутой тяжелой жизнью старухой, которая стояла с корзинкой перед его автофургоном

и умоляла взять в свою команду. Сейчас это была крепкая женщина, уже немолодая, но с горделивой осанкой. Выражение, которое всегда бывает на лице у стариков, исчезло и сменилось выражением уверенности и внутренней силы.

Все это было очень уж неожиданно для композитора. Он был ошарашен, хотя и пытался не показывать этого.

— Каждый из нас имел свои причины согласиться на ваше прошлогоднее предложение, — продолжал профессор. — Каждый из нас считал, что уже знает жизнь, как облупленную. О, да! Вспоминаю себя. Но потом мы столкнулись с вещами, о существовании которых и не подозревали. И дело даже не в космическом полете и пришельцах. Много нового мы открыли внутри себя.

— О, это правда, — сказала женщина, кладя руку профессору на плечо.

— Понимаете, когда изо дня в день вы встречаетесь с вещами, которые совершенно вам незнакомы, в окружении которых вы не находите себе места... Когда постепенно у вас в мозгах рассеивается туман и вы начинаете кое-что осознавать... Это здорово. С течением времени вы проникаете в самую суть явлений и обнаруживаете, что она, эта суть, совсем не похожа на то, что вы всю жизнь ожидали увидеть. Это интересно. Я всегда знал, что путешествовать интересно, но не ведал, что чем больше путешествуешь, тем интереснее становится.

— Я слышал, что вы были вовлеччены в вооруженную борьбу. Как им удалось провернуть с вами такое?

— Никто с нами ничего не проворачивал, поймите, — с упреком в голосе возразила пожилая леди.

— Когда нам открыли глаза на реальное положение дел, мы сами решили помочь по мере сил и возможностей, — заверил композитора профессор.

— А ваша одежда...

— Ах, да! — воскликнул эмигрант, улыбнувшись. — Неплохо смотится, да? Нечто похожее я носил во времена службы в армии. Наши костюмы сделаны на основе одежды массудов. Среди нас оказалась талантливая портниха. С ее помощью прищельцы сделали нам костюмы, которые и снимать не хочется. И вообще нас везде принимали как почет-

ных гостей. А когда узнали, что мы изъявили желание помочь им, восторгам не было границ.

Уилл молчал, поэтому педагог продолжал:

— Знаете, мне постоянно не хватало в жизни многих вещей. Я был нищим учителем, прозябал в Сюррее, стоял у доски и объяснял прописные истины детинам, которым было наплевать на все, кроме последних футбольных новостей и музыкальных клипов. Собственно, поэтому я и покинул Англию. Впрочем, непосредственной причиной явились финансовые разногласия со школой, но это неважно. Я хотел спасти остатки самоуважения и поэтому уехал. Пришлось оставить там жену. Милая, порядочная женщина... Без меня ей живется, должно быть, в сто раз лучше, чем со мной. Я понимаю... Детей нет, слава Богу! Я не общался с ней уже двенадцать лет! Шатался-шатался по свету, да так и осел здесь, как многие мои соотечественники. В Белизе. Тут дикая нехватка учителей, так что на мою характеристику посмотели сквозь пальцы. Не скажу, что учил здесь лучше, чем в Сюррее. Да и запил. Какое уж тут серьезное профессорство? Короче, пил я гоаздо больше, чем учил, когда вдруг вы материализовались перед моим мутным взором с предложением своей вечерней забавы. Знаете, что интереснее всего? Никогда не думал, что придется вспоминать далекие годы высшей школы, когда я студентом сидел за учебниками, чертил на доске уравнения. А вот пришлось же вспомнить! Я ощутимо пополнил свои знания, но кроме этого получил еще кое-что. Цель. Мотив для дальнейшей жизни. Я буду жить до тех пор, пока передо мной будут маячить зловещие тени амплитуров! Я понял, что могу заниматься настоящим делом и преуспевать в этом. Я уважаю себя теперь, понимаете?

Уилл настороженно посмотрел на него.

— Что же это за настоящее дело такое? — спросил он.

— Господи, война, конечно! Вы уже видели Ли? Это воистину амазонка! Показали себя также ее любовник и два его друга. Ребята, что надо! Пара из Коннектикута также неплоха в настоящем деле, а этот парень, Стивен — прирожденный стратег! Не знаю, успели ли вы это заметить, но подавляющее большинство народов Узора вообще не приспособленны к ведению боевых действий. Только массу-

ды — исключение. Да еще эти чиринальдо. Но они слишклм громоздки и заторможены. А массуды... Что ж они, конечно, выносливы, но у них слабоватая реакция и, несмотря на свой внешний вид, они не так уж сильны физически. С'ваны и гивистамы, ахая и охая, не переставали нам объяснять нашу уникальность. Как и где наша нейромускульная структура подвязана к эндокринной системе! — Он махнул рукой. — Не просите меня рассказывать. Запутаетесь. — Он сунул руку в карман комбинезона и извлек оттуда знакомую коробочку транслятора. — Когда дело касается научной терминологии, эти штучки не особо помогают. Ох и намучились же мы на занятиях!..

— Лично я сразу поняла, что учеба — это не для меня, — неожиданно проговорила пожилая женщина. — Я поняла только одно: эти пришельцы — хорошие люди. И неважно, какой у них внешний вид и на кого они кажутся похожими. Им нужна наша помощь. И я помогаю им. Это наполняет меня сознанием собственной значимости. Я делаю это с радостью.

— Я ведь, дружище, какое-то время повертелся в армии. Умею планировать операции. У меня и у Анналинды был опыт, в котором нуждались более молодые. Первоначальные успехи вскружили им голову. Стивен понимает это очень хорошо. Он знает, что такое спокойствие и опыт. Поэтому его и назначили командиром.

— Я всю свою жизнь видела войны, — сказала пожилая женщина. — Сама я, конечно, по-пластунски ползать и стрелять не умею. Неспособна. Но я могла рассказать другим, чему сама была свидетельницей. У меня хорошо развита наблюдательность. Те два мальчика, которых вы наняли первыми, стали мне все равно что родными внучатами. Им всегда нужен добрый совет.

— Вы просто не понимаете, каково на душе, — продолжал учитель, — когда сотни разумных существ постоянно повторяют вам, какой вы неотразимый, великолепный, сверхценный. Как сильно они нуждаются в вашей помощи. Вам сразу становится многое понятно, вы буквально физически ощущаете мощный прилив внутренней энергии. Вам комфортно среди этих чувств. Все равно как в этой униформе.

— Ладно, пока достаточно, Эдвард, — сказала пожилая

женщина, взяла учителя под руку и они отправились в сторону пляжа. — Надо скорее разыскать ребят, пока они не угодили в какую-нибудь неприятность.

Уилл онемело повернулся им вслед и стал ошарашенно провожать глазами профессора и пожилую женщину, которые поднялись на песчанный пригорок и стали искать троих молодых людей.

* * *

— Конечно, я очень рад, — сказал Кальдак.

Он сидел прямо на песке, скрестив ноги и свободно положив руки на колени, вдыхая теперь уже привычные ароматы этого мира и глядя на землян, которые смеялись, кидались друг в друга песчаными катышками и бегали по пляжу, как угорелые. Их счастье проявлялось по-детски, казалось, радость распирала их, и они не имели сил сдерживать ее внутри себя. Об окружающей реальности они совсем позабыли. Несмотря на некоторые различия в фасоне их коричнево-желтых комбинезонов, они все казались братьями-близнецами.

Яруселка сидела рядом со своим другом. Песок забился ей в шерсть, но она не обращала на это внимания.

Тут же находилась и руководитель проекта. Это была пожилая дама-гивистам, очень уважаемая среди своих коллег-ученых. Стояла ночь, и она получила возможность снять затененные до черноты очки, которые при дневном свете предохраняли ее слишком чувствительные от возраста зрачки.

— Мы все рады. Эти люди обладают таким мощным потенциалом, о котором мы прежде могли только мечтать. Командование Узора до сих пор пребывает в экзальтации от того немногого, что они успели сделать за год.

Кальдак обвел рассеянным взглядом прямые и стройные пальмы, спокойные воды моря.

— Значит, изоляции этого мира приходит конец?

— Нет. Вам кажется это странным?

— Не понимаю.

— Вас там не было. Вы не видели.

Яруселка поменяла позу, устроившись поближе к своему другу и сказала:

— Мы провели над ними много различных исследований. Результаты колеблются где-то между настораживающими и обнадеживающими. Но уже совершенно ясно, что по боевому потенциалу, — один землянин или группа, — значительно превосходят все расы, населяющие Узор, включая массудов.

Это откровение не вызвало в душе Кальдака всплеска раздражения или ревности. Он был достаточно цивилизованным существом, чтобы смотреть в глаза правде.

— Мне очень трудно понять вас. Да, я и не видел многого из того, что вам довелось увидеть. Но я не терял здесь времени даром. Мы продолжали наблюдения, изучения, эксперименты. И я пришел к выводу, что многое из того, в чем уверял нас наш друг Уилл Дьюлак, является истинной правдой. Они очень любят музыку, искусство, мир, покой... У них такие же идеалы цивилизации, как и у рас Узора.

— Возможно, они любят музыку, но есть дело, которое у них получается гораздо лучше создания музыкальных произведений, — неумолимо проговорила руководитель проекта.

— Мы пришли к выводу, — упрямо продолжил Кальдак, его голос стал жестче, — что если бы мы оставили их в покое, они в конце концов преодолели бы в себе агрессивность.

— Очень может быть. — Руководитель проекта сделала несколько шагов к воду. Ее сандалии оставляли глубокие треугольные вмятины на песке. Острые когти на пальцах сверкали под луной. — Если их не беспокоить, то они, возможно, достигнут уровня цивилизации о'о'йанов, с'ванов и вейсов.

Она не упомянула массудов, но Кальдак решил, что это простая забывчивость, которая приходит ко всем с возрастом.

— Очень возможно, что под конец им удастся преодолеть в себе все воинственные наклонности и стать такими же мирными и спокойными, как, скажем... гивистамы.

С этими словами она резко обернулась к двум сидевшим на песке массудам.

— Однако быть уверенным в этом нельзя! С той же степенью допущения мы можем предположить, что эти наклонности продолжат свое развитие и еще усилятся с развитием технологической цивилизации на этой планете. А теперь

рискните сказать: какое направление примет в таком случае развитие этого молодого мира?

Разгневанный Кальдак поднялся с песка. Яруселка встала рядом с ним.

— Я в таких делах не участвую! Слишком отдает аморальностью! Человечеству должна быть предоставлена возможность найти свой путь к цивилизации.

— Даже если этот путь приведет к самоистреблению?

— Не пытайтесь завесить свои истинные стремления туманом альтруизма!

Пожилая гивистам явно чувствовала себя немного не в своей тарелке.

— Я, разумеется, хорошо понимаю, что в этой схеме есть свои изъяны. Если мы позволим этим существам беспрепятственно достичь такого уровня цивилизации, который позволил бы им войти в состав Узора, мы потеряем в их лице мощнейший военный козырь. Для какой надобности землянам будет их цивилизация, если она будет вдруг поглощена Назначением? Если же мы поощрим развитие в них природных агрессивных качеств, которые, однако, будет иметь уже иной вектор, — не против самих себя, а против Амплитура, — в этом случае мы сможем достичь великих побед! Не забывайте, капитан, о том, что на карту поставлено независимое будущее многих разумных рас. В том числе, кстати, и землян. Узор выживет только в том случае, если использует все возможные средства к спасению. Агрессивность землян, их боевой потенциал — одно из таких средств. Впоследствии, — уже после победы над Амплитуром и его Назначением, — нежелательные наклонности землян можно будет как-то погасить. Тогда нам некуда будет спешить, и мы оставим их в покое, давая тем самым возможность достичь уровня цивилизованности, достаточного для принятия в союз Узора. Но поймите же: сейчас мы должны в первую очередь заботиться о спасении Узора. Иначе потом землянам некуда будет входить.

Гнев Кальдака, вызванный явной несправедливостью, стал уже угасать.

— Все это уже решено?

Яруселка обратила на него сочувственный взгляд.

— Увы, тут решения принимаем не мы. Но я слышала, что даже в Совете этот проект шел с ди ким скрипом.

— В Ученом Совете, — уточнил руководитель проекта.— Генеральный Совет еще даже не знает о существовании землян.

Кальдак устало махнул рукой и вновь опустился на песок.

— Они что, действительно уже участвовали в настоящих сражениях? — глухо спросил он.

Руководитель проекта энергично почесала себе бок своими острыми когтями.

— На Васарихе. Это был тщательно продуманный тест и, к тому же, почти безопасный. Иным способом нужных результатов получить было невозможно. Допущены были только молодые и крепкие добровольцы. Впрочем, пожилые земляне во взаимодействии с нашими давали своим соплеменникам очень ценные советы, основанные на большом личном опыте.

Вооруженные силы народов Назначения состоят в основном из криголитов и небольшого числа т'ретури, которых придали для обеспечения первым материально-технического снабжения и организации тыла. Ну и конечно, сами жители Васариха. Некоторые из них уже прошли обработку в центрах Амплитура и готовы были идти во имя Назначения на все, в том числе на убийства своих же соотечественников. Нация, одним словом, расколота...

— Ну и что случилось? — спросил ее Кальдак, пытаясь вернуть к главной теме.

Руководитель проекта сделала продолжительную паузу, как бы обдумывая предстоящий ответ.

— Вооуженная борьба преображает этих земных существ до такой степени, что перестаешь их узнавать. Они рвутся на поле боя, как к наркотику. Их эндокринная и нервная системы работают совешенно по другому. А то обстоятельство, что впервые за всю их историю они имеют возможность воевать с представителями иных цивилизаций, похоже, только еще больше разжигало их.

Васарих — довольно небольшой театр военных действий, но в том секторе, который достался землянам, их удар принес войскам амплитуров немедленное и полное уничтожение.

Этот успех вскружил головы им, но — главнос! — вдохновил тех массудов, которые были приставлены к землянам для опеки, на случай возникновения непредвиденных осложнений.

— Они бились плечом к плечу с массудами? — спросил Кальдак.

— Да, — ответила за гивистама Яруселка, кладя руку своему другу на плечо. — Я сама была тому свидетельницей.

Он остро взглянул на нее.

— Ты участвовала?! Но до сих пор ты молчала об э...

— Не хотела тебя беспокоить. А почему бы мне было и не поучаствовать? Я подготовлена не хуже любого другого массуда и к тому же была участницей первого контакта с землянами в лице Уилла Дьюлака. У меня был больший опыт общения с этой расой, чем у любого другого массуда. Руководитель проекта говорит правду. Эта правда неудобна для слуха, может, даже невероятна, но это правда. — Гивистам была рада, что за нее наконец вступились и она обратила на Яруселку поощрительный взгляд, а та продолжала: — Когда эти существа вступают в бой, создается такое впечатление, что они переключаются на какой-то другой уровень сознания. Они полностью преображаются.

— Они дерутся, как машины, — проговорила пожилая гивистам. Она подбирала слова для того, чтобы четче передать переживаемые чувства капитану. — Нет, нельзя, пожалуй, сказать, что они бесконтрольны, но их состояние резко отличается от состояния наших воинов. Решение воевать они принимают не осознанно, а на инстинктивном уровне. Не знаю, надо обратиться к биопсихологам. Возможно, тут все дело в каком-то гене... Словом, ни одна зрелая раса не будет вести себя таким образом, окажись она на поле боя. Все *заставляют* себя воевать. При этом переступают через какие-то внутренние преграды. Это можно сказать даже о массудах. Этим же существам не надо заставлять себя. Они идут в бой легко и свободно. Ничто не сдерживает их. — Лицо гивистама, обычно такое неподвижное, все исказилось сильными чувствами. — Хуже того! Нам пришлось применить силу, чтобы вернуть их с поля сражения! Они хотели, чтобы мы оставили их в покое! Они хотели воевать дальше! И...

— Это абсурдно, — прервал ее Кальдак. — Никто не станет воевать, когда можно отойти в сторону без жертв.

— Сразу видно, что вы не видели землян в бою. Это зрелище еще поразительнее, чем вы можете себе представить. Самых молодых из них пришлось успокаивать медикаментами. Они рвались драться.

— И подобные наклонности Узор собирается поощрять?! — Кальдак швырнул в воду ракушку. — Ну, хорошо, а вся проведенная здесь работа ничего не стоит? Как насчет наших выводов о спокойствии и мироблюбии землян? Как насчет того, что они стоят на ближайших подступах к истинной цивилизованности?

— Первая забота должна быть о сохранении и спасении нашей, уже состоявшейся цивилизации. Ведь я же говорю ни-: кого из землян не заставляли воевать. Все пошли добровольно. С воодушевлением!

— Потому что никто не показал им альтернативы. Потому что никто не открыл им двойственности их натуры. Они сами не знают себя. Так надо же объяснять, показывать! — резко возразил Кальдак.

Руководитель проекта сменила тон. Теперь ее голос звучал прохладно, как будто она давала этим понять, что уже устала обсуждать решенный вопрос.

— Перед нами немного другая задача, капитан. Удивлена, как вы могли так поддаться влиянию этого Уилла Дъюлака.

— При чем здесь Уилл?!

Уже не в первый раз Кальдак испытал сильное желание ударить гивистама. С'ваны умели спорить легко, с юмором, они были обезоруживающе убедительны. Гивистамы же становились во время споров невыносимыми. Атмосфера вокруг них постоянно накалялась. Импульсивным, раздражительным массудам с ними было труднее всего.

Кальдак подавил в себе агрессивное желание и до боли стиснул кулаки.

— Я командир солдат-массудов, начальник экспедиции Узора. У нас есть общий враг и мы боремся против него вместе. Для землян Амплитур не является врагом. Это обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов.

— У десятерых землян враг уже существует, — заметила руководитель проекта.

— Десять индивидуумов не представляют собой репрезентативную выборку!

Пожилая гивистам сделала согласительный жест.

— Вот поэтому мы вернулись не просто так, а с необходимым оборудованием и снаряжением. Необходимым для расширения нашей базы на поверхности планеты.

— Для расширения?!.. Но если Совет уже принял решение...

— Только Ученый Совет, — поправила его руководитель проекта. — И не думайте, капитан, что вас одного смущает моральная сторона этого дела. Совету нужна добавочная информация, новые исследования. По причинам, которые мне предпочли не сообщать, они решили пока повременить с официальным запросом к лидерам этой планеты о помощи в войне. Возможно, тут все дело в свойственной землянам подозрительности, которая может повлечь за собой нежелательные последствия.

— Чего же тогда от нас просят?

Кальдак был сбит с толку. Ровно год назад он приземлился на этой планете, будучи уверенным в своем мнении. Общение с землянином Уиллом Дьюлаком и проведенные исследования заставили его серьезно пересмотреть прежнюю точку зрения. Теперь от него требуют результатов, которые войдут в противоречие с занятой им позицией. Совет не согласен с выводами командира экспедиции, что ж, это бывает. Но что же им все-таки надо от этого мира? И от него самого?

Яруселка подошла к нему вплотную, и ее близость подействовала на него успокаивающе.

— Я знаю, тебе сейчас трудно. Но мы должны верить в мудрость начальства.

— Начальство не было на планете Земля! Оно не видело землян! А я вот уже год наблюдаю их в естественной среде.

— А кто сказал, что эта среда для них естественна? — насмешливо осведомилась руководитель проекта. К ней снова вернулась уверенность. — В этом глупом мире нет ничего естественного! Возможно, эта их естественная среда лежит где-то совсем в другом конце Галактики.

— Разве мы имеем право, — упрямо продолжал возражать Кальдак, — так грубо и прямо вмешиваться в жизнь этого народа?

— Этот вопрос стоит передать философам, — расслабленно и спокойно парировала гивистам. — А военным он неинтересен. У военных другие заботы.

Высший военный Совет состоял в основном из массудов и с'ванов. Кальдак глянул на свою подругу.

— Что обо всем этом думает наше непосредственное военное руководство?

Она ответила, не колеблясь. При этом бакенбарды у нее взволнованно трепыхались.

— Там понимают некоторые нравственные осложнения, возникшие с этим проектом, однако полагают, что вовлечение землян в конфликт в качестве союзников Узора будет отвечать самым насущным интересам как Узора, так и их самих. Военные полагают, что землянам удастся взять на себя часть тяжкого ратного бремени, которое до сих пор выдеживали на своих плечах только массуды и чиринальдо.

— У чиринальдо нет плеч! — угрюмо бросил Кальдак. Кончики его остых ущей ходили ходуном. — Какие бы личные оговорки я не имел, как командир я обязан подчиняться приказам и воле Совета.

Руководитель проекта попыталась уменьшить его тревогу:

— Ничего, капитан. Все мы на службе, и у всех нас есть что-то личное, что не должно мешать делу.

— Я не стану, — резко заявил Кальдак больше для самого себя, чем для руководителя проекта и своей подруги, — не стану делать того, что идет вразрез с моими нравственными принципами.

— Но никто и не просит от вас таких жертв!

— Тогда что здесь хочет сделать Совет? Как мы можем сделать людей нашими союзниками, не обратившись к ним с официальной просьбой?

— Есть один способ, — сказала руководитель проекта и обратила выразительный взглядж на подругу командира.

— В поведении этих десяти индивидумов, — начала объяснять та, — довольно часто были замечены те же противоречия, с которыми мы столкнулись на начальной стадии исследо-

ваний этой планеты. Еще нужно доказать, что их военный энтузиазм является чем-то постоянным. Если вдруг крупная армия землян в середине сражения потеряет вкус к борьбе, это может обернуться для нас катастрофой. Поэтому и решено продолжить исследования и задействовать все новых и новых представителей этой расы. — Она слегка ущипнула его за бакенбарды. Он отпихнул ее, но — любя. — Обычно мы действительно обращаемся к лидерам народа с официальной просьбой, но здесь обычные установки не работают. У этой расы нет единой столицы, нет единого управляющего центра, с которым можно было бы связаться. Поскольку земляне существуют в фрагментарном обществе, мы станем контактировать с отдельными его фрагментами. На индивидуальной основе. Не тревожа и не задействуя сразу всю нацию. Такого раньше в нашей практике не было, но это необычный мир. Здесь многое приходится делать впервые.

Кальдак обратил на нее взгляд сузившихся глаз.

— Значит, мы станем продолжать изучение, наблюдение, анализ, одновременно вербуя землян на свою военную службу на индивидуальной основе? Почему вы решили, что земляне согласятся воевать за нас?

Заговорила руководитель проекта:

— Некоторые, преодолев свою незрелость, поднимутся до понимания справдливой сути этой войны. Другие станут воевать хотя бы потому, что землянам это, как показал опыт, доставляет удовольствие.

— Это безумие... — пробормотал Кальдак.

— В таком случае это полезное для нас безумие. К тому же многие земляне станут воевать в обмен на тот желтый металл, который мы дали первой десятке.

На Кальдака сразу навалилось столько всего... Впору было потерять голову. Но подруга была рядом и подтверждала все, о чем говорила несносная гивистам.

— Вы хотите сказать, что они выразят свое желание деградировать, как разумные, и подвергнуть свои жизни смертельному риску ради такой чепухи, как...

— Вам кажется это невероятным, немыслимым, но не забывайте, что этому народу еще далеко до цивилизованной зрелости. Отклонения от нормы являются правилом на этой

планете. Они отмечены в самих людях, в их биологии, окружающей среде и даже геологии. Если вы пообещаете землянину достаточно этого желтого металла, он, похоже, сделает все, что угодно. Насколько распространен этот феномен в их обществе — еще вопрос, который необходимо тщательно изучать. Основываясь на выводах, полученных в результате изучения тех десяти землян, мы можем с большой степенью уверенности высказать такое мнение: этот феномен довольно распространен на планете, однако не всеобъемлющ. Как вы совершенно правильно заметили: выборка оказалась не такой уж репрезентативной, чтобы на основе ее изучения делать выводы о земном обществе в целом.

Внезапно с моря подул свежий ветерок. Кальдак поморщился.

— Если они воюют не только по убеждениям, как мы можем быть в них уверенными?

— Мы не можем быть в них уверенными, — строго ответила руководитель проекта и деловито почесала пальцем в ухе. — Все, что мы можем делать на данном этапе — это использовать их с максимальной пользой и продолжать наблюдение за их активностью и реакцией. Они — воины по инстинкту. Заручиться поддержкой такой силы рискованно, но мы должны быть к этому готовы.

— Я все еще не убежден в ваших выводах.

— Поверь ей, — сказала Яруселка. — Потому что поверило верховное командование. У нас еще нет ответов на многие вопросы, но мы будем осуществлять вербовку. Такого раньше не бывало, но теперь будет прецедент. Раньше мы не открывали столь невероятных миров с таким необычным населением.

Кальдак молчал.

— До нас дошел рапорт об одном происшествии, — сказала она, ущипнув его в щеку. — Трое землян, из которых двое были темнокожих и один светлый, взяв оружие, без приказа и разрешения вступили на территорию, контролируемую криголитами. Вопреки всем законам здравого смысла они напали с тыла на превосходящего их по силам противника и без всякой пощады уничтожили целый отряд криголитов! Поняв, что они прозевали врага, криголиты почти не сопротивлялись,

полагая, что их не тронут. Да, массуды бы их не тронули. И чиринальдо не тронули бы. И вообще представители любых других зрелых цивилизованных рас их не тронули бы. Но перед ними оказались земляне, а у них иные законы войны.

Но не это самое удивительное. Самое удивительное, как отмечается в рапорте, заключается в том, что земляне остались довольны проведенной операцией.

— Эти существа, — сказала руководитель проекта, — как никто из разумных, не ценят свою личную безопасность.

— Значит, — пробормотал Кальдак, потрясенный услышанным, — им не дорога своя собственная жизнь?!

— Почему же? Дорога. Но в сражении их охватывает настоящая лихорадка. Эндокринный баланс нарушается. Это делает их великолепными солдатами. Однако вместе с тем они теряют над собой контроль. Практически полностью. Словно у них в мозгу происходит электрическое замыкание, в результате чего из стоя выходит логика, здравый смысл, спокойствие, рассудительность. Роль качеств, необходимых для ведения лихорадочного, ожесточенного боя, подчеркивается. Жаль, конечно, что мы заранее не снабдили их аппаратурой, которая бы засекала все нейрохимические изменения, которые происходили в их организмен в то время, когда они находились под огнем. Ну что ж, на ошибках учатся. В следующий раз все будет предусмотрено.

— Смелость, — задумчиво проговорил Кальдак. — Это полезная черта характера.

— Это нечто большее, чем просто смелость, — сказала ему Яруселка. — Скорее это состояние ближе к контролируемому. Амплитуры научились подавлять инстинкт самосохранения в союзнических расах. Они делают это средствами биоинженерии. Земляне же подавляют в себе этот инстинкт самостоятельно. Другим, воинственным инстинктом.

— Необходимо продолжить исследования, главным образом, по этому вопросу, — сказала руководитель проекта и глянула на спокойное море. — Я должна знать, повлияют ли внутренние оговорки личного характера каким-либо образом на долг, который обязывает вас выполнять приказы Совета? — спросила она. Типичная манера гивистамов: отсутствие такта, прямолинейность...

— Нет. Но наш друг Уилл Дьюлак не согласится со всем этим. Он по-прежнему будет разубеждать нас.

— Пускай разубеждает. Его сотрудничество весьма конструктивно. Как и его возражения и аргументы, которые он выдвигает в защиту своей точки зрения. Продолжение контактов с землянином, который уже хорошо знает нас, было бы полезным. Не порывайте с ним.

— Я — командир корабля!

— Совет просит вас остаться здесь и выполнять работу по руководству группой контакта.

Кальдак поджал губы и обнажил сероватые десны с острыми зубами.

— Я вынужден подчиниться, — процедил он щипяще и отмахнулся на этот раз уже серьезно от Яруселки, которая хотела погладить его рукой по плечу. Он был разгневан и одновременно растерян. И хотел, чтобы руководитель проекта поняла это.

Пожилая гивистам обратила на него пристальный взгляд своих ярких выпуклых глаз.

— Вы, надеюсь, обратили внимание на то, что кое в чем землянам удалось подняться высоко над средним технологическим уровнем.

— В области вооружений. Не беспокойтесь. С ними здесь ничего не должно случиться. Горадо больше меня заботит мой корабль!

— Мы привезли вам более эффективные маскирующие средства, чем те, которые были у вас до сих пор. Это обеспечит безопасность вашей базы. И корабля тоже.

— Значит, я тревожился напрасно, — неохотно уступил Кальдак.

Итак, решения были приняты за его спиной. И хотя он с самого начала понимал, что так произойдет, сердце саднило. Впрочем, глупо терзаться неудовлетворенным тщеславием. Да и Совет по большому счету упекнуть не в чем. Если хотя бы половина из того, о чем ему рассказали руководитель проекта и подруга, окажется правдой.

* * *

Реакция Уилла Дъюлака на решение Ученого Совета Узора не явилась для Кальдака неожиданностью. Капитан слушал протесты землянина и одновременно подмечал, как Уилл ожесточается в процессе спора, насколько более резкими становятся его реплики и жесты.

Они находились в одном из актовых залов, который был в качестве добавочного сооружения присоединен к базе. Строительство коммуникаций и помещений распространялось во все четыре стороны от центра базы, которым являлся челнок. Постройки уходили вглубь грунта лагуны и даже на окружающие острова. Многочисленные уровни соединялись между собой коридорами, помеченными указательными знаками: как пройти в исследовательский сектор, сектор связи, сектор экспериментов и тренировок. Суетящиеся вокруг рыбы и медлительные ракообразные и не подозревали о том, какая жизнь кипит со всех сторон.

Работы приостанавливались лишь тогда, когда в лагуну входила какая-нибудь яхта или рыбацкий баркас. На этих судах не было и следов даже самых простейших средств слежения и пеленгации, так что пришельцам не приходилось особенно беспокоиться. Когда лагуна вновь пустела, строительство возобновлялось. По ночам возле ничем не примечательного рифа приземлялись челноки, доставлявшие с экспедиционного корабля оборудование и специалистов.

Основную ответственность за исход разговора с землянином командир экспедиции возложил на Т'вара. С'ваны умели договариваться или убеждать, и этому их качеству всегда по-доброму завидовал Кальдак.

— Все это правда, — говорил Т'вар. — Вам придется принять ее независимо от того, нравится она вам или нет.

— Я не приму! Я не могу! — резко возразил Уилл и ударил раскрытой ладонью по пузырьку, который покачивался на высоком черенке и источал аромат розы. Пузырек с треском лопнул и по залу поплыла витиеватая ароматная дымка. — Я не знаю, что произошло с теми десятью в ваших владениях. Не могу себе объяснить их поведение... Может, это как-то связано с тем, что они были слишком далеко от дома. Одни среди пришельцев. Возможно, они решили, что у них нет другого выбора и нужно попытаться умилостивить гостеприимных хо-

зяев. Показать им, что земляне умеют драться, если их заставить.

З'мам также присутствовал при этой беседе, он вернулся с землянами с Васариха.

— Никто никого не заставлял этого делать, Уилл Дьюлак. Когда им показали правду, они увидели мир в его истинном свете и изъявили горячую готовность помочь по мере своих сил.

— Значит, я не тех подбирал!

При прикосновении его ладони пузырьки лопались один за другим. Вскоре в зале смешалось невероятное количество различных ароматов, создав тем самым непередаваемый газовый коктейль.

— Я набирал тех людей, которым нечего было терять в этом предприятии, людей, из-за отсутствия которых никто не стал бы беспокоиться. Людей, которые свободно плыли по течению жизни. Я уже понял, что вы предложили им нечто, пробудившее в них уважение к самим себе... Хотя я все-таки не могу в полной мере осознать, почему с ними произошла такая резкая перемена. Так или иначе, а это не были обычные люди. Я их набирал на необычное дело и полагаю... Сам факт того, что они согласились пойти со мной к вам, уже делает их нетипичными представителями человечества. Если бы вы занялись изучением более благополучной части нашего общества, той части, которая вкусила земного счастья, которая преуспевает, которая умеет ценить музыку и искусство... Если бы вы посмотрели на людей, которые любят свое дело, свою работу, себя, свои семьи и прочее, вы бы очень скоро поняли, что этим людям их покой и мирная жизнь на родной планете гораздо дороже участия в каком-то галактическом конфликте против цивилизации, которую они никогда и в глаза не видели.

— Возможно, все то, что вы нам тут рассказываете, окажется правдой, — успокаивающим тоном ответил Т'вар. — Но именно для того, чтобы проверить это, мы и задумали расширить базу и увеличить наше присутствие здесь.

— Насколько я понял, вашей главной задачей теперь является вербовка землян! — едко возразил Уилл. Резким

движением он рассеял по залу сразу целую гроздь пузырьков. Послышалось шипение и сильный, но приятный запах.

— Да, мы надеемся на это, — признал Т'вар. — Но будут продолжаться и обычные исследования. Возможно, и мы наконец придем к твердому убеждению, что ваши тезисы верны и человечество не приспособлено для союзничества с нами. Но дайте время и позвольте нам работать. Согласитесь, если бы мы только верили вам на слово... Это был бы ненаучный подход. Если выяснится, что вы во всем правы, мы уничтожим базу или перевезем ее на корабль и улетим тихо и мирно, оставив вас в прежней изоляции, которую вы столь горячо отстаиваете.

Оба с'вана обменялись короткими взглядами. Их глаза сверкнули из-под густых волос на лице.

— Ваше участие в исследованиях ускорит получение того или иного результата.

Уилл отвернулся в другую сторону.

— Я не стану заниматься вербовкой наемников.

— Никто вас и не просил об этом, — весело ответил З'мам.

Уилл обратил на него внимательный взгляд прищуренных глаз.

— Не хотите же вы сказать, что сами пойдете в город и откроете там мобилизационный пункт?

— Зачем нам это делать? Некоторые члены той группы, которая вернулась с экспедиционным кораблем с Васариха, вполне смогут выполнить эту работу. Тем более, что они горят желанием.

Уилл покачал головой.

— Ничего из этого не выйдет. Они недостаточно образованны, чтобы убедить хоть кого-нибудь пойти с ними.

— Боюсь, вы недооцениваете своих соотечественников. Возьмите пожилого землянина с забавным головным убором. Возьмите разноцветную пару, отыскавшую свое счастье среди звезд. Возьмите наших трех героев Васариха. Нам они кажутся вполне способными для этой миссии.

— Возможно...

Теперь Уилл ясно осознал, что для того, чтобы остановить это безумие, необходимо переубедить не администраторов Узора, а их ученых. Он просто не имел права сдаваться.

— Хорошо. Я буду помогать вам в ваших исследованиях.

Но только потому, что продолжу доказывать вам мою точку зрения, которая не изменилась, несмотря ни на что.

— Мы вам очень благодарны за это...

— Не сомневаюсь в том, что вам удастся найти еще людей, которые пойдут с вами. Но эти люди — исключение из правил. Одиночки. Возможно супружеские пары. Наконец, вы можете купить тех, кто ничего не имеет. Но есть огромная пропасть между этим ничтожным меньшинством и остальным человечеством.

С'ваны закончили разговор, распрощались и покинули его.

Композитор остался сидеть в зале, окруженный ароматными пузырьками, которые появлялись каждую секунду на месте тех, что лопнули. Он рассеянно играл с ними, едва прислушиваясь к звукам, раздававшимся в результате взрыва того или иного пузырька. Уилл размышлял.

Сейчас надо чуть побольше заняться музыкой. Это поможет хоть как-то разрядиться. Новости, привезенные кораблем, тяжким грузом давили на сердце. У него не оставалось выбора. Он просто обязан был остаться. Чем чаще он станет встречаться с ними, тем больше возможностей предоставится переубедить их.

Если он откажется, они мало потеряют от этого. Просто начнут все сначала с другим посредником. Впрочем, теперь у них уже есть в распоряжении целых десять. Поначалу Уилл думал над возможностью довести информацию о пришельцах до сведения властей. Впрочем, позже он понял, что это был бы, мягко говоря, не самый лучший способ убедить их в том, что человечество является сугубо мирной расой. Уилл должен был полагаться на себя и на случай.

Задача, которая стояла перед ним, не выглядела такой уж невозможной. В конце концов он был профессором, образованным, интеллигентным человеком. Так называемые вербовщики, которых собирались использовать пришельцы, состояли из старого пьяницы, невежественного рыбака и двух нищих подростков, подобранных им в свое время буквально с улицы. Остальные выглядели не лучше. Кому больше поверят: им или все-таки ему?

Наконец, это был Белиз. Центральная Америка. Не самое

удачное место вербовки головорезов для уничтожения полумифических амплитуров.

Да, пришельцы, конечно, отыщут еще нескольких неприкаянных, которые выразят желание воевать за них, пойдут на все ради золота. Но эта готовность будет кратковременной и поверхностной. Скоро им наскучит экзотика звездных перелетов и особенно наскучит война. Врожденная тяга человека к миру и покою возобладает, и эти бедняги потребуют, чтобы их вернули домой. И тем самым продемонстрируют крайнюю ненадежность человечества как военного союзника пришельцев.

Убедив по крайней мере самого себя, Уилл почувствовал облегчение.

16

Поток завербованных землян, лившийся на базу, плотнел с каждым днем. Это огорчало Уилла. Сюда шли рубщики сахарного тростника с плантаций Гватемалы, люди очень бедные. Плюс буяны с нефтепромыслов Юкатана, неудачники-фермеры из Гондураса и Эль-Сальвадора, наконец осевшие в Центральной Америке европейцы и туристы.

Впрочем, композитор крепился и продолжал провожать этих рекрутов насмешливыми взглядами. Пройдет не так уж много времени, и они запросят отставки, потребуют вернуть их вместе с заработанным золотом в тот мир, где они родились, скажут пришельцам, что им хочется жить дома, в мире и покое, и как можно дальше от галактических катаклизмов. «Подождите! Вот будет потеха, когда они откажутся воевать!» — говорил он себе. Тогда они перестанут быть подающими надежды солдатами и покажут себя шумной многоязычной толпой, каковой они, собственно, и являлись с самого начала. Тогда пришельцам надоест и земная эксцентричность, и сама Земля.

Его уже не удивляло то обстоятельство, что пришельцы без особого труда вербовали в отряды наемников бедняков и просто нищих. Настоящим потрясением для композитора

ознаменовался тот день, когда ему стало известно, что согласие участвовать в войне дали представители средних классов и даже люди состоятельные и просто очень богатые. Они приехали в Белиз для того, чтобы вдоволь порыбачить, понырять в сверкающих водах и понежиться на песчаных пляжах Амбергрис Кей. Они не нуждались в золоте. Однако к речам вербовщиков, которые звучали в гостиничных барах и на пляжах, они прислушивались. Композитор решил, что, несмотря на обилие денег, их жизнь, очевидно, пуста и скучна. Поэтому-то они и давали вербовщикам свое согласие.

Шли тем не менее не все. Некоторые до самого последнего момента думали, что все это большая и забавная шутка. Их не убеждал даже внешний и внутренний вид базы и ее обитателей. Осознание реальности формировалось в головах таких людей замедленно, но когда их осеняло, они начинали паниковать и требовать, чтобы их отпустили домой.

У народов Узора не было таких мощных достижений в медико-биологических науках, как у Амплитура, представители которого обладали способностью влиять на сознание других разумных. Однако ученым Узора удалось создать препарат, — своего рода безвредный наркотик, — вызывавший у разумных частичную, или вернее, выборочную потерю памяти. Рекруты, которые в самый последний момент решали отказаться от войны и от золота, возвращались к себе домой или в отель целыми и невредимыми, однако с признаками явной амнезии. Они напрочь забывали и про пришельцев, и про вербовку. Они чувствовали, что где-то какое-то время отсутствовали, а вот где?.. Память сразу становилась ленивой, заторможенной, подернутой плотной дымкой... Вспоминались какие-то яркие цвета, причудливые силуэты, ослепительный песок, вода, отражавшая в себе буйную тропическую растительность. Им припоминалось, что они провели время в каком-то очень привлекательном месте... Не могли только вспомнить, где находится это место. От мучительного напряжения памяти и тяжелых раздумий таких людей спасала сама жизнь, которая врывалась в их души с наступлением будничных дней, когда нужно было идти на работу или заниматься по хозяйству. Туристы, как люди более беззаботные, плевали на все еще с вечера и утром, приняв на всякий

случай антипохмельный холодный душ, отправлялись на пляжи и в бары.

По мере того как исследования продолжались и вербовка добровольцев-землян набирала обороты, второго помощника руководителя по науке начинали одолевать все новые и новые сомнения. По большей части он держал их при себе и спокойно занимался своей работой. Он знал про себя одну неприятную деталь: он был слишком осторожным, слишком большим перестраховщиком. Коллеги давно заметили это и редко упускали случай кольнуть его этим в очередной раз. Несомненно, из-за этих своих качеств он так медленно продвигался вверх по служебной лестнице.

Гивистамы не любили расспрашивать и вообще вести допросы. Споры и жаркие словесные схватки были уделом неумолимых с'ванов или темпераментных массудов. Даже миниатюрные о'о'йаны чаще гивистамов участвовали в дебатах и дискуссиях. Большие рептилии мало говорили, да много делали. Тридцать пять колонизированных миров — это цифра!

Для того, чтобы избежать насмешек в свой адрес, второй помощник руководителя по науке решался высказывать свои сомнения и суждения только во время медитаций, на которые собирались все гивистамы, работавшие на базе. Все садились в священный круг, спинами друг к другу и на довольно продолжительное время замирали, погруженные глубоко в себя. Глаза у всех были закрыты. Медитация, однако, не мешала никому вести между собой разговоры.

— Вы зря тревожитесь, — сказал один коллега второму помощнику. — Разве тренировки второй группы землян не подтверждают результаты, полученные от первых десяти?

Второй помощник на это ничего не возразил. К нему поступали те же рапорты и донесения, что и к коллегам.

Другой специалист продолжил:

— Благодаря участию в боевых действиях этих существ Узору удалось уже добиться целого ряда значительных побед. Не только в секторах Васариха, но и на Ш'харуне. Они с легкостью и азартом выполняют поставленные перед ними задачи и даже больше этого! Единственная проблема, которая до сих

пор вставала перед их массудскими командирами, заключалась в том, как выводить разгоряченных землян из боя.

— Просто поразительно! — признал еще один. — Чем больше они несут потерь, тем сильнее их желание воевать. Это противоречит логике.

— Зачем вы пытаетесь подчеркнуть проблемы, которые массудское командование уже давно назвало второстепенными и побочными? — спросила главный исследователь. Она сидела на противоположной от второго помощника стороне священного круга и временами поднимала взгляд на стену, которая высилась перед ней. На стене каждую секунду менялись причудливые световые рисунки. Потом главный исследователь закрывала глаза и сравнивала увиденное с тем, что показывало ей собственное сознание. — Сколько же вам можно говорить о том, что идея нанесения поражения Амплитуру перевешивает все прочие, мелкие проблемы?

Второй помощник упрямо качнул головой.

— Я тревожусь за то, что мы положились на расу, которую толком не знаем и не понимаем.

— Нам важнее сейчас как можно эффективнее использовать ее, а понять и познать успеем потом.

— В самом деле, — прошептал специалист, сидевший недалеко от второго помощника. — Понимание постепенно придет само, если мы не станем сворачивать ради вербовки обычных исследований и контактов.

— Меня больше занимает другое, — вновь подала свой невесомый старческий голос главный исследователь. — А именно то, что каждодневное увеличение завербованных землян означает, что теперь меньше гивистамов потребуется для боевых операций. Скоро перестанут привлекать к этому лепаров, о'о'йанов и юланцев. Возможно, придет день, когда существенно облегчится тяжкое бремя, до сих пор носимое нашими любимыми друзьями массудами. И все благодаря открытию этого странного мира! Я не спорю с теми, кто заявляет, что земляне олицетворяют собой парадокс. Я просто говорю, что этот парадокс чрезвычайно полезен Узору.

В комнате наступила продолжительная тишина. Гивистамы обратились к своим мыслям, погрузились в глубины своего соз-

нания, на время забыв о землянах и обо всем, что с ними связано.

— Раса, которая использует цивилизацию лишь как зонтик для плохой погоды, постепенно может превратиться для Узора в большую угрозу, — наконец вновь подал голос второй помощник, а про себя подумал: «Это я уже установил со всей достоверностью«!

Специалист, сидевший рядом, устало парировал:

— И снова напоминаю вам: на конфликт с Амлитуром затрачены сотни и сотни лет, гигантские усилия, жизни многих наших возлюбленных соплеменников. Как только нам удастся устранить эту угрозу, у нас появится много свободного времени для того, чтобы разобраться с меньшими проблемами и неприятностями. Если, конечно, вы не хотите сказать, что эта нецивилизованнна раса представляет собой для Узора большую угрозу, чем Амплитур?..

Вновь наступила тишина, полная сарказма, который свободно витал в воздухе и невидимыми облачками устремлялся в сторону второго помощника.

— Мы едва знаем этих существ! — возразил второй помощник. Он был разгневан, но внешне не показывал этого. — Они подозрительно легко интегрируются в вооруженные силы Узора. Некоторые массуды-командиры уже позволяют землянам в ряде случаев принимать самостоятельные решения. Они сошлись даже с чиринальдо!

— Могу этому только порадоваться, — отозвался специалист, сидевший рядом. — Если они наладят взаимодействие с чиринальдо, то этим не придется заниматься нам с вами.

Второй помощник продолжил:

— Некоторые земляне соглашаются воевать только в обмен на желтый металл. Это признак нецивилизованности.

— Нам-то какое дело? — спросила в ответ главный исследователь, поменяв позу. — Мне неинтересно знать, почему земляне воюют. Лишь бы воевали.

— Они не готовы к вступлению в Узор.

— С этим вашим утверждением никто спорить не станет, — сказала она и на пару секунд отвлеклась от разговора, пропуская к себе в сознание сияющий на стене причудливый

рисунок. Он согрел ее, позволил дополнительно расслабиться. — Пусть они воюют на оспариваемых мирах. У себя на планете я не хотела бы видеть земную делегацию, честное слово. Ту форму контакта, которую нам пришлось избрать с ними, вы не найдете в учебных пособиях. Она используется впервые. И используется только потому, что это позволяет нам извлекать из них больше пользы, при этом избегая постановки вопроса о принятии их в члены союза Узора.

Второй помощник был настолько разгорячен, что едва не допустил непростительной ошибки — глянуть на оратора. Впрочем, в последний момент он удержался от этого и процедил сквозь зубы:

— Значит, вы все-таки согласны с моим тезисом. Хотя бы частично.

— Вовсе нет. Наше поведение здесь диктуется исключительно аномальными местными условиями. В своих действиях нам приходится руководствоваться не свободным выбором, а необходимостью.

— Но насколько я понял, вам это даже нравится.

На этот раз ответа не последовало, и второй помощник продолжил:

— Предположим, мы продолжим использовать землян в своих военных целях. Что случится, когда земляне обнаружат, что их не приняли в Узор — мера, которая автоматически распространяется на всех наших союзников?

— Вы так говорите, как будто совершенно уверены в том, что они хотят вступить в наш союз. Подумайте о том, сколько противоречий заключено в их психологии. У них иной тип мышления, чем у наших союзников, которые воспринимают с радостью принятие в члены Узора. Как благодарность за союзничество. Возможно, земляне вовсе не стремятся к этому. Возможно, они согласятся участвовать в конфликте только на том условии, чтобы оставаться вне рамок Узора, откуда вы знаете? В этом случае, я полагаю, Совет будет уговаривать их изменить это условие. Будет уговаривать, но... не так чтобы уж очень настойчиво.

— Это будет означать обман! — сурово заявил второй помощник. — Вы предлагаете воспользоваться неразвитостью этих существ и обмануть их!

— Чего вы хотите? Чтобы они стали вашими близкими друзьями и компаньонами? А, может, вы просто их боитесь? Я к вам обращаюсь, второй помощник руководителя по науке. Впрочем, можете не отвечать. — Главный исследователь резко поднялась и выпрямилась. — Врачи рекомендовали мне меньше работать и больше медитировать, но вы умудрились даже медитацию превратить в научную дискуссию.

Время медитации подошло к концу.

* * *

Из всех землян, которые находились на базе пришельцев, только один разделял точку зрения второго помощника руководителя по науке. Правда, исходя из совершенно иных мотивов.

На следующий день они вновь встретились и решили поговорить. Они шли по коридорам базы, время от времени проверяя работу своих трансляторов.

— Они решили, — сказал второй помощник, — не предлагать вам членство в союзе Узора.

— Поправьте меня, если я неправильно понял, — ответил Уилл Дьюлак, — но, по-моему, это означает, что вы не планируете переходить на более высокий, так сказать официальный, уровень контакта.

— Пока так.

— Значит, если мы не войдем в ваш союз, Амплитур никогда не доберется до нас!

Второй помощник почесал роговой выступ над глазами.

— Разумеется, мы приложим все усилия к тому, чтобы местоположение вашего мира осталось для врага неизвестным. Это принцип, которым мы руководствуемся в отношениях со всеми открытыми нами мирами. Впрочем, от Амлитура трудно что-либо скрыть. Наши солдаты ничего не знают о землянах и, попав в плен к амплитурам, просто не смогут вас выдать, даже если бы захотели это сделать. Однако наступит день, — это совершенно неизбежно, — когда в плен будет захвачен кто-либо из ваших соплеменников. Как представителя новой, неизвестной расы его будут допрашивать непосредственно

амплитуры. Вот тогда-то для вас и начнется настоящая трагедия.

— Но ведь вы говорили, что они не способны читать чужие мысли?

— Не способны. Зато они способны на другое. К примеру, пошлют в ваше сознание определенный сигнал, и вам вдруг покажется совершенно обязательным и необходимым погрузить ваши нижние конечности в едкий раствор. Ваше тело будет против вашего сознания. Это ужасное ощущение. Попробуйте представить, если сможете. К подобным мерам они прибегают неохотно, с искренним сожалением и внутренней болью. Но тем не менее прибегают обязательно, если нужной информации не удается добиться обычными средствами. Фокус с едким раствором редко кто выдерживает больше некоторых минут. После этого пленник рассказывает все.

Они повернули за угол коридора. Мимо них юркнула пара о'о'йанов, которые коротко оглянулись на возвышавшегося землянина.

— Впрочем, на вашей стороне ваше же невежество, — продолжал второй помощник. — Ни один человек из завербованных нами до сих пор не смог продемонстрировать хотя бы самых примитивных знаний по астрономии, уж не говоря о межзвездной навигации. Они не имеют ни малейшего понятия о расположении Земли по отношению к Узору. Даже если бы кто-нибудь из них и захотел, он просто не сумел бы навести на вас Амплитур.

— Как продвигается ваша работа?

— Исследования проходят строго по графику.

— Нет, я не это имел в виду. Ваша личная работа. Личные наблюдения. Насколько мне известно, вы рассказываете своим коллегам на каждом углу о том, что наша раса слишком нестабильна, чтобы ей можно было довериться.

Зубы гивистама дробно застучали. Это был верный признак его волнения.

— Вам не следует знать о подобных вещах.

Уилл улыбнулся.

— Я испытываю здесь большую свободу передвижения, чем большинство из ваших коллег. К тому же всякий рад

разговору со мной. Это помогает их исследованиям. Наконец, у меня есть это. — Он показал на коробочку транслятора и потом на наушники. — Я просто хожу по коридорам и много чего слышу.

Второй помощник изогнул свою змеиную шею, чтобы пристально взглянуть на землянина.

— Вы не обижаетесь, выслушивая мою точку зрения?

— Какое там! Мы с вами стоим за одно, вот в чем вся штука. Вы полагаете, что мы опасны. Я же считаю, что еще немного и мы станем окончательно безобидными. Вы хотите оставить нас в покое, и я хочу того же. Возможно, нам следует помогать друг другу в наших усилиях.

— Понимаю, — сказал, расслабившись, второй помощник. — Как вы думаете, что будет дальше?

— Все пойдет так, как я и твержу вашим коллегам уже не первый день. Вы не знакомы с нашей историей, с нашей психологией. Почитайте на досуге — многое станет ясным. Ваши военные начальники видят в землянах только солдат. Хороших солдат, которые смогут одержать ряд побед. Вы-то хоть знаете, кого вербуете себе в армию? Нищих, во-первых. Тем, кому все обрыдло в земной жизни, во-вторых. Иконоборцев, в-третьих. Какое-то время вы действительно сможете извлекать из них пользу для себя и выгоду. Но скоро новизна ощущений притупится. Энтузиазм резко пойдет на убыль. А потом они дружно запросятся домой. Они пошлют этот ваш застарелый, как мозоль на ноге, конфликт далеко-далеко!.. Они по горло наедятся войны и кровопролитий... Ваши военные лидеры, — типа Кальдака и Соливик, — не смогут сладить с этими настроениями. Они будут биться, как рыбы об лед. Вот тогда-то к ним и их начальникам придет понимание того, что зря вы тратили на Землю столько сил и времени. Она ненадежна. Чертыхаясь на чем свет стоит, вы улетите восвояси, а уж мы здесь продолжим строить свое, — доморощенное, согласен, — но мирное будущее.

— Как насчет тех землян, которые успеют повоевать в Галактике?

— Каждого, кто попытается рассказать об этом, или кто станет продавать эти побасенки, будут считать сбежавшим из дурдома. Все равно им ничего не удастся доказать. Через не-

сколько лет об их россказнях вообще забудут, ибо появятся новые, более увлекательные. Жизнь будет идти, как и раньше. Без изменений.

Некоторое время они шли молча. Потом Уилл вдруг остановился, внимательно взглянул на гивистама и заговорил:

— Скажите-ка мне одну вещь, почтенный второй помощник руководителя по науке. Вот я землянин. Композитор. Своего рода художник. Я провел много времени среди ваших коллег и соплеменников. Мои пожелания просты: оставьте нас в покое и улетайте, откуда прилетели. Вы хотите того же. Но есть одна вещь, которую я хотел бы узнать. Вы боитесь меня или нет?

Второй помощник осторожно пожал протянутую ему мягкую и гибкую человеческую руку.

— Нет, — солгал он.

17

Пришло время, и Уилл поднял парус в сторону Нового Орлеана. После длительного пребывания в прибрежном Белизе жизнь в суетливом, шумном, наполненном всевозможными вонючими парами, космополитическом городе била его, словно пыльным мешком по голове.

Он сразу же посетил всех своих друзей и коллег, присутствовал на триумфальной премьере симфонической поэмы «Аркадия», заверил декана, что, мол, да, вскоре ожидается еще одна крупная работа. Уилл сошелся с умеющим держать язык за зубами, жадным дельцом в области операций с драгоценными металлами, а также оплатил все просроченные счета, которых оказалось, как он и ожидал, довольно много. Накупил новых компакт-дисков, просмотрел новые фильмы и приобрел новые книги. Он активно знакомился с представительницами слабой половины человечества, назначал свидания, но никогда ничего не обещал. Ему льстило быть всегда желанным. Впрочем, приходила минута, когда он заявлял очередной любовнице о том, что у него есть дела и поважнее ее привязанности.

Спустя много месяцев он подвязал все концы в своих делах,

вывел из эллинга катамаран и на полном парусе и автопилоте вышел из дельты реки, держа курс прямехонько на юг.

Без проблем он добрался до Лайтхаус-Риф и вошел в тихие, безмятежные воды лагуны. Невозможно представить, думал он, что здесь кто-либо обитает. Хоть кто-либо, уже не говоря о сотнях пришельцев и землян, оживленно работавших под спокойной поверхностью искрящейся на солнце воды.

Вскоре он повстречался с лепаром, которого послали посмотреть, что за рыбак или турист вторгся на территорию базы. Через полчаса Уилл Дьюлак уже шел знакомыми, извилистыми коридорами. Кальдак был искренне рад вновь увидеть своего друга-землянина. Гивистамы, о'о'йаны, вейс и остальные были более сдержанны при встрече с композитором и вели себя более официально. Лишь второй помощник руководителя экспедиции по науке явился исключением. Он выразил гораздо больше чувств, чем это было принято среди гивистамов в общении с представителями иных рас. Он объяснил Уиллу, что все осталось по-прежнему и за время его отсутствия никаких подвижек в отношении пришельцев к землянам не произошло. Уилл был разочарован, но не удивился. Он успокоил гивистама предположением о том, что время еще не пришло, но скоро рекруты обязательно почувствуют все увеличивающуюся скуку и душевный разлад и начнут саботаж. «Дайте еще годик — и лед тронется.»

Впрочем, ему было очень интересно узнать, как налаживается неземная жизнь землян. Ему было это интересно, несмотря на то, что он знал: все предприятие обречено на неудачу. Подобные же чувства, вероятно, испытывает средний, нефанатичный зритель, когда приближается к рингу боксеров-тяжеловесов. Сама мысль о том, что он заплатил за зрелище, которое будет заключаться в том, что два здоровых негра станут молотить друг друга без всякой жалости ради удовольствия трибун, отвратительна этому зрителю, и все же он платит за билет и проталкивается поближе к помосту. В таких соревнованиях есть нечто притягивающее к себе людей настолько сильно, что они не могут оторвать от этого глаз. В подобном же положении находился Уилл Дьюлак, которого распирало любопытство относительно судьбы несчастных рекрутов-землян, находившихся на службе у Узора.

Хотя землян отправляли на разные планеты, только на Васарихе они увидели настоящие сражения, только на Васарихе им удалось по-настоящему повоевать. Уиллу рассказали, что это был второстепенный театр военных действий. Несмотря на всю риторику землян-вербовщиков из первой десятки, было ясно, что офицеры Узора далеки от того, чтобы серьезнош доверяться своим новым союзникам.

Кальдак служил ярким примеров подобных сомнений.

Пока продолжали поступать очередные результаты и сообщения обнадеживающего характера о проведенных тестах, которые-де указывали на большую эффективность земных солдат в бою, Уилл Дьюлак неустанно проводил свою точку зрения, изощренно находил трещины и изъяны в приводимых с'ванами данных, продолжал демонстрировать лучшие образцы земного искусства, музыки, литературы, драматургии, доказывая, что только поистине миролюбивому народу под силу достичь таких замечательных вершин.

Капитан терзался противоречивыми чувствами относительно землян и их мира. Нет, он был решительно согласен с утверждением Уилла Дьюлака о том, что человечество создало божественные образцы литературы. Это с одной стороны. А с другой, Кальдак указывал композитору на агрессивность, воинственность, которые проглядывали во многих литературных произведениях. Но разве писатели с Массудая никогда не брали за основу своих вещей упоминания о вооруженных конфликтах, никогда не пытались проследить течение войн с нравственной точки зрения? Подобные аргументы приводил Уилл. Он делал это всегда, когда они сами не приходили Кальдаку на ум. Землянин давил на капитана и давил умело. Кальдак вынужден был признавать его правоту все чаще и чаще.

Одного Кальдак не спускал землянину, когда тот начинал предполагать, что массуды дерутся потому, что им нравится драться.

Нет!

Это был тяжкий крест массудов, который навалился на них только потому, что они являлись практически единственной расой среди прочих в составе Узора, которая была способна вести вооруженную борьбу. Про чиринальдо массуды мало что могли сказать, хоть и дрались плечом к плечу с ними в течение

столетий. Порой с этими великанами можно было хорошо поговорить, но заглянуть в их мысли было невозможно.

Так что тут Кальдак брал верх. Он говорил о том, что сама культура массудов и чиринальдо исключает возникновение каких-либо позитивных чувств в отношении войны в то время, как (уже не раз было подмечено в ряде случаев) только земляне умеют извлекать из бойни удовольствие. Это являлось установленным фактом и оставался только один вопрос: насколько распространено подобное отношение к войне в земном обществе. Тут Уилл Дьюлак ничего не мог поделать, несмотря на всю свою способность убеждать. Он умолкал, когда поднималась эта тема. Она была настолько серьезна и невероятна, что ксенопсихологи Узора постепенно стали склоняться к мнению о том, что существует как бы два человечества. Одно предпочитает жить в мире и создает прекрасные произведения искусства, а другое любит воевать. Трудности возникали лишь тогда, когда ученые пытались отделить одну часть землян от другой. Они почему-то не отделялись .

Пришлось лишний раз признать, что человечество — это средоточие всех мыслимых и немыслимых контрастов и противоречий. Оно одновременно является миролюбивым и воинственным, цивилизованным и варварским. Это была совершенно новая форма, — вернее, тип, — разума, параметры которого до сих пор четко не могли определить пытливые умы ученых гивистамов и с'ванов. Кстати, Уилл утверждал, что само человечество долго и безуспешно пыталось добиться этой же цели.

— А я еще раз повторяю вам, — сказал в очередную встречу композитор, — что только отдельные люди, у которых не все в порядке с мозгами, могут получать удовольствие от бойни. Основное большинство ненавидит и презирает войну.

— Возможно, это все из-за того, что до сих пор им приходилось воевать только между собой, — предположил Кальдак. — Впервые за всю вашу историю ситуация с этим изменилась.

— Это не имеет никакого значения.

— Вы так уж уверены в своих соплеменниках? Я, например, до сих пор путаюсь в своих сомнениях. Ведь известно же, что существо, получающее удовольствие от драки,

нельзя признать не только цивилизованным, но и разумным. Однако ваша раса, определенно, разумна.

— Я понимаю... Мы кажемся вам странными. Мы и себе порой кажемся странными. Не так давно было даже престижно служить в армии, носить форму. Многие мечтали умереть в сражении.

Нос Кальдака нервно дернулся.

— Неужели это возможно?! — пробормотал он изумленно. — Неужели человек в состоянии быть счастливым, добровольно погибая?

— Я же говорил: все это осталось в истории. Я, например, получаю удовольствие от моей музыки.

— Кстати, хотелось бы послушать что-нибудь новенькое, — тут же зацепился за другую тему Кальдак. — Я знаю, что вы сейчас работаете над какой-то крупной композицией.

— Да, но она пока не готова. Нужно еще придумать хорошую концовку. Когда все будет сделано, вы будете первым слушателем новой вещи, обещаю.

— С нетерпением жду.

Кальдак провожал взглядом уходившего землянина. И снова он подивился тому, как сильно колеблется планка роста у представителей этой расы. Некоторые люди были выше массудов, а попадались и такие, по сравнению с которыми средний гивистам выглядел бы великаном. Среди рас Узора только у лепаров наблюдалось нечто подобное.

«Еще один побочный продукт земной эволюции», — подумал командир экспедиции.

Невозможно было даже предположить, что может существовать какое-то — пусть даже отдаленное — родство между немногословными амфибиями и говорливыми, общительными, живущими на суше землянами. Но тогда возникал вопрос: а к кому из рас Узора эти существа наиболее близки? К массудам? С'ванам? Или к представителям иных рас, не включенным в состав экспедиции. Или... к какому-нибудь народу Назначения?

* * *

У помощника руководителя по медицине и второго помощника руководителя по науке были свои причины соглашаться с точкой зрения землянина Уилла Дьюлака. Они считали, что Земля — это тупик, от которого Узору надо держаться подальше. Их аргументы и даже страстные мольбы на полпути к Узору пересекались с летящими в обратную сторону рапортами о землянах-рекрутах. До сих пор обучение было проведено с тремя группами жителей Земли, завербованных Узором. Третья, самая крупная группа, только-только приступила к участию в боевых действиях на участке Васариха.

Войска массудов уже открыто выражали горячее желание драться плечом к плечу с новыми союзниками, ибо полагали, что с их помощью удастся отбить у врага те секторы, которые в течение многих лет считались навсегда потерянными. Земляне настаивали на том, чтобы им предоставили право командования теми силами, которые предполагалось бросить в наступление на вражеские позиции. Если верить донесениям, земляне сильно сдружились со своими однополчанами-массудами. Земляне считали соплеменников Кальдака настоящими боевыми товарищами, а те в свою очередь отвечали им восхищением и искренним расположением.

Что касается представителей иных рас Узора, то они имели немного возможностей общаться с новыми союзниками. Впрочем, и сами земляне не выказывали никогда особенно теплого отношения по адресу гивистамов, о'о'йанов или каких-либо других народов Узора. Они шутили и болтали со с'ванами, но те умели поладить со всяким. Это было их защитной реакцией. В то же время с'ваны всегда соблюдали определенную дистанцию. Никому в Узоре и в голову не могла бы прийти мысль о том, что между с'ванами и грубоватыми землянами может существовать какая-то близость. Ее и не существовало.

Появление землян в Узоре как-то наэлектризовало внутреннюю атмосферу в союзе. Расы стали относиться друг к другу более осмотрительно, даже с подозрением. Кальдак часто думал об этом и дивился ненадежности Узора как содружества народов. «И как это мы могли так долго продержаться вместе?» — спрашивал он себя часто.

Уилл пытался научить второго помощника плавать. Все оказалось гораздо труднее, чем землянин предполагал. Во-первых, легкие у гивистамов были удивительно малы по сравнению с пропорциями тела. Во-вторых, они очень худо держались на поверхности воды и тонули сразу же, как только выдыхали. На вдох времени не оставалось.

Только теперь Уилл по-настоящему понял ту неприязнь, которую гивистамы всегда демонстрировали по отношению к воде.

Второй помощник, однако, не прекращал попыток научиться это делать, ибо полагал, что чем лучше он познает человечество, тем убедительнее будут звучать его аргументы за то, чтобы улететь из этой звездной системы навсегда и оставить землян в покое. Уилла Дьюлака он больше не боялся, так как окончательно установил, что единичные представители этой расы реагируют на внешние раздражители относительно спокойно по сравнению с группой. Второй помощник даже сумел вывести уравнение зависимости, которое выглядело очень просто: «*5 / / = ?*». Группа землян вела себя всегда непредсказуемо, поистине угрожающе и воинственно, особенно если испытывала дискомфорт или какое-нибудь недовольство.

Второму помощнику приходилось работать в воде гораздо больше землянина, чтобы удержаться на плаву. Поскольку верхние конечности у рептилиеобразных гивистамов были малы и практически непригодны для выполнения серьезных физических упражнений, второму помощнику нужно было постоянно отталкиваться более сильными нижними конечностями, чтобы не погрузиться в воду с головой. Он старался изо всех сил недалеко от берега, и кое-что уже начало получаться, как вдруг прямо перед ним на поверхности воды показалось лоснящееся круглое лицо лепара.

Транслятор, укрепленный на шее амфибии, передал гивистаму тревогу существа относительно его безопасности. Второй помощник объяснил, что он добровольно вошел в воду и все держит под контролем. Взгляд выпуклых глаз перешел с гивистама на землянина, а уже через секунду лепар исчез под водой. Только лоснящийся торс да кончик хвоста блес-

нули. Уилл проводил его глазами и вновь лег у самого берега, откинувшись спиной на теплый и влажный песок.

— Расскажите мне о лепарах, — попросил он.

— Подозреваю, что вы знаете о них не меньше моего, — ответил второй помощник, присоединяясь к землянину. Гивистам был рад греющему солнышку и возможности расслабиться. Ноги дико ныли. — Вы провели среди нас так много времени.

— Это так, но мне редко когда доводилось видеть хоть одного лепара, — сказал композитор, направляя свой голос в микрофон транслятора.

За месяцы, проведенные среди пришельцев, он уже довольно прилично освоил массудский язык, мог произнести несколько выборочных фраз на языке с'ванов, вот только свист и прищелкивания гивистамов ему никак не давались. Впрочем, Уилл не видел в этом ничего для себя зазорного. Он хорошо знал, что из представителей других рас гивистамы могли перекинуться словцом на своем собственном языке только с одними вейсами. А вейсы, как известно, могли выучить любой язык, так уж их устроила природа. Кто-то как-то сказал Уиллу, что у больших птиц самым сложно устроенным внутренним органом является горло с голосовыми связками.

— Они предпочитают быть среди своих и держаться от общества представителей других рас подальше, — ответил второй помощник, затеняя очки до максимума, чтобы защитить понадежней свои чувствительные глаза от яркого солнечного света. — Они являются не только единственной расой амфибий в Узоре, но и расой наименее развитой в цивилизационном отношении и в отношении разума. Это не критика, а просто ответ на ваш вопрос. Надо отдать им должное: есть работа, которую под силу выполнить только им.

— А этого звали Ватолоем?

Гивистам внимательно взглянул на Уилла.

— Вы научились уже различать из?

— Нет. Просто это был первый лепар, которого я встретил среди вас. Он преградил мне дорогу в воде, когда я пытался уплыть от Кальдака и его коллег в первое наше знакомство.

— Сомневаюсь, чтобы это был Ватолой. Он офицер среди них, а это был простой работник, — сказал второй

помощник. — Мы не слишком заостряем свое внимание на лепарах. Вся информация, которую мы имеем о них, лежала, так сказать, на поверхности, а глубже проникнуть практически невозможно. Да, возможно, там ничего больше и нет. Хотя считается, что лепары всегда норовят сунуть нос не в свое дело, я с этим не согласен. Мне кажется, что они, наоборот, делают только то, что в пределах их возможностей. И начинают работу только тогда, когда твердо знают, что доведут ее до конца.

— Интересно, сколько их всего на вашей базе?

— Не могу назвать вам точное число.

Второй помощник начинал внутренне раздражаться. Ему казалось, что он сейчас тратит время впустую на бестолковые разговоры. Каждую встречу с землянином один на один, — а такие встречи выпадали довольно редко, — необходимо было использовать для его изучения.

— Прошу прощения за то, что не оправдал ваших надежд в плавании. Мы, гивистамы, плохо приспособлены для активной физической деятельности. К тому же у меня серьезные проблемы с плавучестью, как вы сами имели возможность увидеть. Ваши кости, несмотря на их прочность, очень легки. В отличие от моих. В этом вы стоите ближе к вейсам, а мы — к массудам.

— Ничего, для первого раза очень неплохо.

— Благодарю вас.

— Кстати, зачем вам вообще это понадобилось? Учиться плавать?

Второй помощник поудобнее устроился на песке.

— Чтобы лучше понять вас.

— Как врагов?

Гивистам клацнул зубами.

— Да, я считаю, что вы представляете для Узора опасность, но не называю вас врагами. Понятие «враг» автоматически предполагает понятие «враждебность». Я предпочитаю отмечать в вас грубость, чем враждебную настроенность по отношению к нам.

— Думайте о нас все, что хотите. Только помогите мне убедить Кальдака и остальных в том, что лучше для всех было бы, если бы вы наконец оставили нас в покое.

— В этом состоит наша общая цель, Уилл Дьюлак.

Их взгляды блуждали рассеянно по лагуне, пальмам, кустам. Катамаран стоял на якоре неподалеку, неподвижный в серебристой воде. В песке копошились какие-то жуки. На секунду Уиллу показалось, что под поверхностью блеснуло что-то желтое. Очевидно, какая-то рыбина вышла на охоту. Композитор знал, что в каких-нибудь десяти футах прямо под ними своей активной жизнью живет научно-исследовательская база пришельцев. Пробури в песке скважину и попадешь прямо в один из многочисленных коридоров, по которым снуют курьеры-о'о'йаны.

— Неужели мы действительно так переполнены противоречиями? — спросил Уилл у гивистама.

— Да. Взять к примеру ваши реакции, связанные с участием в боевых действиях. О которых вы, кстати, говорили, что земляне их презирают. Возьмем массудов. Они временами наступают, временами отступают и спокойно относятся ко всему, что связано с войной. Результаты индивидуальных схваток практически не имеют никакого значения, и массуды, зная это, не обращают на них много внимания. И уж тем более не тратят на размышления о них своей нервной энергии. С вами все по-другому. Вы готовы целыми сутками терзаться одним каким-нибудь второстепенным эпизодом боя, который уже свершился и которого нельзя переиграть. Вот вы убьете криголита, упадете перед ним на колени и начинаете мелко содрогаться и издавать какие-то утробные звуки. А из особых мешочков в глазах у вас начинает капать соленая жидкость. Наутро, однако, вы поднимаетесь и рветесь убить еще одного криголита, и еще... Кстати, из всех нам известных рас только одна похожим образом реагирует на гибель врага. Это амплитуры.

— Как так?! — удивленно воскликнул Уилл, пристально вглядываясь в гивистама: уже не шутит ли?

— Они, конечно, не становятся столь взволнованными, как земляне. По крайней мере, нам это неизвестно. Но смерть противника, который является разумным существом, вызывает в их душах искреннюю скорбь, ибо этот убитый уже никогда не получит возможности вкусить счастья в рамках их Назначения.

Солнечный свет блестками пробежал по изумрудного цвета чешуйкам гивистама.

— Надеюсь, что вы сможете понять источник моей заботы. Коллегам объяснять бесполезно: трудно убедить в чем-нибудь разумных, которые изначально настроены на иное. Мы говорим о противоречиях землян. Их гораздо больше, чем вы себе можете представить. А Узор — организация довольно консервативная. Она не допустит в свои ряды то, что не может понять. Вы сами согласились с тем, что ваша непредсказуемость делает вас бесполезными для нас. Впрочем, это почти одно и то же. Вот на чем основываются мои надежды.

Среди моих коллег есть и те, которые считают вас безумцами. По этому поводу ведутся ожесточенные споры. Но командование Узора интересует даже не это, а одно: сможем ли мы извлечь пользу из вашего безумия или нет?

— Это что же получается?! Выходит, мы к тому же еще и психи?

С этими словами Уилл подхватил с песка кусок бесцветного коралла и зашвырнул его далеко в воду. Камешек с чавкающим звуком проскакал по поверхности с пару десятков футов и погрузился, чтобы присоединиться к своим родным братьям, усеявшим дно лагуны.

— Возможно, не в том смысле, который вы вкладываете в это понятие. Мы создали специальную научно-лингвистическую группу, которая занимается тем, что придумывает определения, которые мы могли бы отнести к вашему миру. Соответствующий термин сейчас вырабатывается. Назвать ваше общество обезумевшим, вас безумцами, а вашу планету ненормальной было бы слишком просто.

Но с другой стороны, вас нельзя назвать и нормальными. Возьмите, к примеру, проблему вашего многоязычия. Да будет вам известно, что формирование единого планетароного языка рассматривается нами как необходимая предпосылка для развития зрелой цивилизации. Необходимая! Вы же смогли достичь достаточно высокого уровня развития технологической цивилизации, несмотря на множество языков. Для нас это является событием удивительным и беспрецедентным. Развитие вашей расы в каждом своем проявлении имеет просто дикие отклонения от принятой нормы. Возможно, в

этом кроется секрет того, что вас так высоко ценят в наших военных штабах. Впрочем, вместе с тем многие военачальники испытывают серьезную тревогу и озабоченность.

— Тревогу? Озабоченность? Интересно, что это у них может пробудить тревогу и озабоченность? То, что земные солдаты приносят им победу за победой?

— Разумеется, нет, — ответил гивистам, не поняв грустной шутки. — На душе у командира, естественно, будет неспокойно, если он видит, что его солдат обращается с оружием, конструкции которого не знает и не понимает.

— Ага, ясно, — ответил Уилл и перекатился на живот. — А как начет меня? — Он попытался заглянуть в затененные очки и увидеть в них глаза гивистама. — Вы сказали как-то, что не боитесь меня. А тревогу испытываете? А озабоченность? А?

Гивистам ответил не сразу. Это не удивило землянина, но ему стало обидно.

— В отношении лично вас? Нет. Ваша позиция была известна мне с самого начала, и изучение показывает, что вы ее не изменили.

Уилл знал, что он являлся объектом их изучения с первого дня, но никогда еще никто из пришельцев не говорил ему об этом столь прямо и открыто. У с'вана все вышло бы помягче.

— Вы говорите действительно то, что думаете, — продолжал второй помощник. — И вы являетесь не единичным примером, как мы поначалу думали. Некоторые люди по разным причинам уже отказались от вербовки. Среди них попадались и такие, которые заявляли, что с отвращением относятся к войне. Видите, снова противоречие. Массуды ненавидят войну, но они все ведут ее, ибо такова необходимость. То же самое с чиринальдо. Отдельно взятый землянин может быть столь же цивилизованным, как вейс, и столь же примитивным, как васарих. Кто-то из землян с охотой отправляется воевать, а кто-то заявляет, что никогда не возьмет в руки оружие. Ни при каких обстоятельствах. Эта странная двойственность присутствует как в целом в вашем обществе, так и душах отдельных людей. Это уже установлено нами со всей определенностью.

С точки зрения психологии вы свободны. У вас нет в душе

якоря. Человек, в свое время отказавшийся от вербовки, потом отыщет нашего посыльного и сам попросит, чтобы его включили в список. А другой, который добровольно пошел с вербовщиком, по прошествии определенного времени потребует, чтобы его демобилизовали. — У гивистама снова клацнули зубы. — И еще будет шумно заявлять о себе, как о пацифисте, не ведая, насколько противоречиво его поведение.

Второй помощник внезапно придвинулся к землянину. Это выглядело так неожиданно, что Уилл чуть отшатнулся. Он знал, что обычно гивистамы предпочитают держаться так далеко от землян, как только возможно.

— Говорю вам прямо, Уилл Дьюлак: вы не знаете сами себя. Вы не знаете, чего хотите, что станете делать в следующую минуту. Вы не знаете даже, кто вы и что вы. Ваша судьба — это тайна, окутанная мраком.

Уилл глянул прямо в лицо второму помощнику. /

— Это и меня беспокоит, — пробормотал он.

— И нас тоже. В вас слишком много такого, что непонятно нам. К примеру, эта одержимость желтым металлом. Мы знаем, что он пользуется хорошим распространением в качестве обменного средства среди ваших племен. И ценность его, кстати, во многом связана именно с расколотостью вашего общества. В одном секторе люди голодают, а в другом пищи невроворот. Несколько крупных племен распределили между собой всю искусственную энергию, получаемую на планете. А в других концах ее люди не могут даже осветить себе жилища.

Одной из главных характеристик истинной цивилизации является справедливое и пропорциональное распределение по планете всех ее энергетических и прочих ресурсов. Богатство отдельных разумных признается в рамках Узора. Однако лишь после того, как достигнут необходимый минимум для всего общества. У вас же все по-другому. Возможно, отсюда и проистекает ваша склонность к агрессии. Это вам не должно льстить.Вы должны понять, что многие мои коллеги вообще не рассматривают вас как цивилизованную расу.

— Я это знаю. Не слепой.

— Вы привыкли к вооруженным конфликтам. Привыкли участвовать в войнах. Именно эта ваша одержимость насилием и беспокоит меня больше всего. И одновременно де-

ласт вас такими ценными солдатами в глазах нашего командования. Воинственность проникла во все ваши жизненные проявления, во все сферы деятельности и во все слои общества. Агрессия чувствуется даже в вашей повседневной деятельности, в брачных ритуалах, в том, как вы распределяете пищу и растите детенышей. Во всем видна хорошо и давно укоренившаяся традиция. И несмотря на все это, вы имеете довольно высокий уровень технологического развития. В области вооружений вы совершили ряд поистине удивительных прорывов по сравнению с прочими отраслями.

— Я думаю, что вы и ваши коллеги все-таки переоцениваете нашу воинственность, — ответил Уилл. — Отнимите у нас оружие — и мы перестанем воевать.

— Вы так уверены в этом? Не думаю. Я видел некоторые из систем вашего вооружения. Как правило, в них встроена деталь, которую вы называете «предохранителем». Для того, чтобы заряд не разрядился случайно. Мои коллеги очень сомневаются, что внутри людей есть подобия таких же предохранителей. Может, они не правы. Однако я тоже сомневаюсь.

— Вы очень много рассказываете о мнении ваших коллег-соплеменников. А что думает о нас Кальдак?

Один глаз гивистама повернулся и стал обозревать спокойную лагуну, другой остался обращенным на землянина.

— Кальдак является командиром экспедиции и капитаном экспедиционного корабля. Это военачальник среднего звена. Массуд. Выделяется среди своих соотечественников философским складом ума, рассудительностью и спокойствием. Замечательное исключение из общих массудских правил, если можно так выразиться. Я думаю, что он до сих пор испытывает относительно вас противоречивые чувства. Серьезные шаги предпринимает только тогда, когда этого требует непреложная необходимость. Это не значит, что он робок или нерешителен. Часто выдвигает предположения, которые мы очень ценим. Впрочем, ему трудно. Вы не можете себе представить, что чувствует массуд, которого назначили на невоенную должность. Как правило, экспедиции, подобные нашей, возглавляются гивистамами, юланцами, с'ванами или вейсами. Данная ситуация необычна.

Уилл взглянул на лагуну и спросил:

— Ну, и как долго все это еще будет продолжаться? Что там у вас думают по этому поводу? Здесь относительно тихо, но люди появляются, хоть и редко, но неожиданно. Я имею в виду рыбацкие суда, туристские яхты и так далее. Вы вынуждены в эти часы сворачивать все свои работы. Что, если вас все-таки заметят и сдадут властям?

— Наша база безупречно замаскирована и до сих пор никем не была замечена. Те, кого мы вербуем и кто потом по той или иной причине отказывается с нами сотрудничать подвергаются действию безвреднного препарата, в результате чего у них наступает амнезия и они мало что помнят о базе и о нас.

— Рано или поздно, — предупредил Уилл, — эти ребята встретятся где-нибудь в городе и сравнят свои расплывчатые воспоминания...

— К этому времени, я надеюсь, уже будет окончательно решен вопрос о том, что нам делать дальше: улетать из вашей звездной системы навсегда, — за что я всеми силами ратую, — или установить с вашей расой официальный контакт.

— Я рад, что мы работаем на достижение одной цели, — проговорил Уилл. — Пускай и по различным причинам. Когда экспедиция покинет Землю, мне будет многих из вас недоставать.

— Мне тоже, — ответил гивистам.

На этот раз ложь удалась рептилии вполне, будто это не он солгал, а умелый с'ван.

18

Уилл подружился с одним о'о'йаном, который стал ходить к нему и насвистывать традиционные мелодии своего народа. Уилл как раз записывал их на переносной магнитофон, когда вдруг перед ним появился Кальдак со своей Яруселкой. Несмотря на то, что это была его интимная подруга, Уилл был удивлен, застав их вместе во время рабочего дня: они должны

были находиться в разных частях базы, Яруселка — в лабораториях, Кальдак — в своем командирском кабинете.

О'о'йан приветствовал вошедших привычным ему сигналом и незаметно улизнул в коридор. Уилл выключил запись и с любопытством взглянул на массудов.

— Что-то случилось? — спросил он.

Кальдак сел рядом с землянином прямо на пол, поджав колени к самому подбородку. Оба остроконечных уха подрагивали в унисон друг другу.

— Пропали три боекомплекта.

Уилл удивленно вскинул брови.

— Что значит «пропали»?

— Для наблюдения за вооружением базы создана специальная инвентарная группа, — сказала Яруселка. — Время от времени она проверяет состояние боекомплектов и их число. Для этого каждый боекомплект закодирован таким образом, что его можно обнаружить и присоединить к общему числу на расстоянии. Сигнал посылается источником питания. Несколько часов назад сигналы трех боекомплектов заметно ослабли. В инвентарной группе решили, что источники питания «сели» и требуют замены. И когда лепар, которой поручили это сделать, пошла выполнять распоряжение, она обнаружила пропажу.

Расследование было тут же проведено и в ходе него мы установили, что ослабление сигналов было вызвано отнюдь не отработанностью источников питания, а... расстоянием. Словом, пропавшее оружие находится на материке.

Уилл задумался, потом сказал:

— У вас же по ночам переправляются туда гивистамы и с'ваны из разведывательно-исследовательской группы. Что, если это они?

— Никто из них не носит с собой оружия. Никто не имеет право выносить с корабля и с базы оружие без разрешения. Даже солдаты-массуды. Но в любом случае весь персонал базы уже отчитался перед нами.

Кальдак мрачно проговорил:

— Это дело рук людей.

— Видимо, да, — согласился Уилл и отставил магнитофон в сторону. — Вы рассчитывали на мое удивление?

— Что вы хотите этим сказать? — не понял Кальдак. — Я знаю только одно и рассчитывают только на одно: что оружие будет возвращено на место. Землянам была предоставлена возможность иметь дело с достижениями технологии Узора исключительно в целях подготовки к борьбе с амплитурами. Ничто иное не поразумевалось.

Кальдаку в лицо уперся удивленный взгляд землянина, на что он ответил тяжелым взглядом своих серых глаз.

— Вы пойдете с нами и поможете устранить эту проблему.

— Пойти с вами? — еще больше удивился Уилл, перевел взгляд на молчавшую Яруселку, потом опять посмотрел на Кальдака. — Вы что же, самолично собираетесь на материк?! Вы разве забыли, что мы решили уж давно: на человека могут более или менее походить, — да и то ночью, — из всех вас только с'ваны!

— Когда речь идет об оружии, это касается только массудов. Никто из моих солдат не знает землян так хорошо, как я, поэтому идти необходимо именно мне. Если бы было возможно, я бы взял с собой пару чиринальдо. Надеюсь, теперь вы понимаете, насколько все серьезно?

— Чиринальдо?! — Уилл чуть не задохнулся. — Да легче было бы слона замаскировать под человека!

— Мы будем признательны за все предложения.

Композитор задумался. Если смотреть в спину массуду с некоторого расстояния и ночью, то его, пожалуй, можно принять за высокого человека, но... Но группа массудов вызовет здесь такие же подозрения, какие бы вызвала команда баскетболистов-профессионалов в Бангкоке. В отличие от лиц с'ванов, их заросшие короткой шерстью крысоподобные морды ничем нельзя будет замаскировать. Оставался единственный выход — держаться всем в тени и передвигаться только нелюдными улочками. Да, они действительно пропадут без его помощи.

К тому же Кальдак предложил ему пойти с ним не в вопросительной форме, а скорее в утвердительно-приказной.

* * *

Он был удивлен, когда безупречно замаскированный челнок, показавшийся на материке к югу от Белиз-сити, не пошел на посадку, а полел дальше в глубь материка. Делегационное устройство проследило пропавшее оружие вплоть до столицы Бельмопана. Лететь туда было недолго. Страна была настолько мала, что ее можно было пересечь за один день на автомобиле.

Было решено совершить посадку как можно ближе к месту назначения, в то же время не засвечиваясь перед местными жителями. Огромный пустырь, приспособленный под автомобильное кладбище, особенно приглянулся тем, кто находился внутри челнока. Приборы рассчитали точное посадочное место между ископаемыми скелетами разбитых автобусов и покореженными и смятыми в лепешку легковушками.

Как только челнок приземлился, из десантного люка выскочило около десятка солдат-массудов, которые рассредоточились за кузовом сгоревшего грузовика. Осторожно ступил на землю и Уилл. Если бы они приземлились в подобном месте в Штатах, им пришлось бы иметь дело с собаками и сторожами. В Белизе колючая проволока считалась достаточным средством отпугивания воров.

Уилл прошел вдоль всей колючей ограды и в одном месте увидел, как ветвь дерева пригнула один ряд. Моля Бога о том, чтобы колючая проволока не оказалась подведенной к току, в чем нельзя было быть уверенным, он подпрыгнул, ухватился за толстый сук, подтянулся на руках и перекинул свое тело на другую сторону ограды.

Обернувшись, он махнул рукой массудам. Те осторожно приблизились к проволоке, но остановились и стали негромко переговариваться между собой.

Уилл тревожным взглядом окинул кладбище автомобилей.

— Ну, чего вы там? Давайте ко мне!

— Мы не сможем этого сделать, — ответила за всех Яруселка.

— Да чего тут делать-то?!

— Перебраться через проволоку, как вы.

Уилл изумленно вскинул брови. Пригнутый проволочный ряд и ветка дерева находились от земли едва в семи с

половиной футах. Ухватиться и перелезть было проще простого.

Она показала ему свою правую руку.

— У нас не настолько сильные пальцы, чтобы удержать тело на весу и перебросить его на другую сторону.

— Черт возьми! — выругался вполголоса Уилл. Вокруг пока все было тихо и спокойно. Если здесь и был где-то сторож, то, очевидно, напился и спал в своей будке. — Тогда жгите! — сказал он.

Он знал, что при них есть оружие, для которого несколько рядов колючей проволоки — не преграда. Оставалось надеяться только на то, что огня не увидит никто из местных.

Массуды, еще немного посовещавшись, последовали его совету и прожгли в колючей ограде достаточную дыру для того, чтобы можно было, пригнувшись, выбраться с кладбища машин. Пока Яруселка подстраивала пеленгатор, который указывал им направление дальнейшего движения к месту нахождения похищенного оружия, Уилл обозревал окрестности, сгрудившихся пришельцев и прикидывал, какую ко всей этой сцене можно было бы придумать музыку.

Композитор вел пришельцев по самым глухим улочкам и самым темным аллейкам. Только однажды они наткнулись на местного жителя. Слава Богу, это оказался пьяный. Увидев перед собой угрюмое лицо композитора и неясные, но огромные силуэты за его спиной, пьянчуга предпочел тут же ретироваться в боковой переулок, не издав ни единого звука.

Яруселка остановилась у одного забора, показала Уиллу на датчик своего пеленгатора и сказала:

— Где-то здесь.

Узкая аллея вела на задний двор какого-то бесформенного, двухэтажного, деревянного строения. С водосточной трубы на бетонный фундамент стекала вода. Вокруг темнели кучи грязи и мусора. Мелкий моросящий дождь лил с рифленой крыши вниз, собирался на земле в ручейки и исчезал в ближайшей канаве.

К маленькому заднему крыльцу с козырьком вело несколько деревянных ступенек лестницы. Дальше была дверь с сеткой, сквозь которую просматривался тускло освещенный коридор.

— Позвольте пеленгатор, — попросил Уилл у Яруселки.

Та, немного помедлив и глянув на Кальдака, отдала.

— Видите, свет в коридоре? Если там кто-нибудь есть, вас засекут. Я войду сам и попытаюсь выяснить в чем дело.

— У них оружие, — напомнила она ему.

— Это еще не значит, что они умеют с ним обращаться. Вообще я думаю, что они сперли его только для того, чтобы продать технологию.

— Я пойду с вами, — твердо прошептал Кальдак.

— Нельзя! А что, если кто-нибудь вас увидит?

— Найти оружие — мой долг. Ставки очень высоки, и я не хочу напрасно рисковать.

— Хорошо. Тут вы командир.

Кальдак перебросился парой фраз со своими. Один из солдат присоединился к нему, остальные отошли в тень у забора.

Дверь в дом оказалась незапертой.

«Это же Белиз, — напомнил себе Уилл. — а не Чикаго».

Следуя показаниям пеленгатора, они вошли внутрь и повернули к лестнице.

— Ну, что скажете? — услышал он сзади шепот Кальдака. — Как вы собираетесь приблизиться к ним?

— Зависит от их реакции. Я ведь не вейс.

Голая, на длинном шнуре лампочка слабо освещала площадку второго этажа. Стены были оклеены огромными полосами дешевых коричневых обоев, которые напомнили Уиллу слой начинки в торте.

Пеленгатор провел их к самой дальней комнате. Дав знак Кальдаку и его подчиненному отойти в тень, Уилл постучался в дверь. Достаточно громко, чтобы услышали, но не так, чтобы встревожились. Ответа не последовало, и композитор постучл еще раз.

Изнутри послышался осторожный и не очень приветливый голос:

— Вам хоть известно, сколько времени? Мы уже заплатили за эту чертову комнату!

— Меня зовут Уильям Дьюлак. Я не из администрации отеля, а с базы.

Пауза. Затем:

— С какой еще базы?

— Шутить уже слишком поздно.

Дверь скрипнула и отворилась. Уилл сделал осторожный шаг внутрь комнаты. Перед ним стоял кряжистый небритый мужчина, который оглядел композитора с головы до ног. В коридор он даже мельком не посмотрел.

— Как вы отыскали нас?

Уилл уловил в комнате какое-то движение. Значит, кроме говорившего здесь находился еще кто-то. Он взглянул на отворившего дверь мужчину. Нет, этого он не знал. Во всяком случае, он не из той первой десятки землян, которую Уилл набирал лично. Это его порадовало.

— С вами находится оружие с базы. Разве вам не объяснили, что ни одна вещь, произведенная на Узоре, не может быть вынесена за пределы базы?

— Что-то такое слышал, — ответил мужчина, раскрывая дверь шире. — Слушайте, mes amis, почему бы вам не зайти? Мы все обсудим спокойно? — Усмешка раздвинула его щетинистый рот. — Вы ведь не один?

— Нет, — ответил Уилл и оглянулся на коридор.

Из тени выступили Кальдак и его солдат.

Мужчина непроизвольно отшатнулся, увидев их, но тут же овладел собой.

— Я так и знал, но не думал, что вы доберетесь до нас так скоро. Ганс говорил, что от вас так просто не улизнуть, но я не поверил. О'кей, enter, сколько вас там есть.

Массудам пришлось сильно нагибаться, чтобы пройти в низкую дверь. Внутри также не особенно-то можно было развернуться. Раковина, треснутое зеркало и пара смятых кроватей.

— А это Ганс, — сказал мужчина, открывавший дверь, показывая рукой на долговязого парня, лежавшего на одной из кроватей. — Мийоши в клозете. Меня зовут Жан-Пьер. Садитесь, и я вам все объясню.

Уилл присел на краешек стула. Массуды остались стоять.

— И снова я спрашиваю: как вы нас отыскали?

— Любой предмет, взятый с базы, можно запеленговать. Вам не нужно знать, как именно.

— Не доверяете, да? Впрочем, не могу вас за это упрекать.

За небольшой боковой дверкой послышался характерный

звук спускаемой в бачке воды. Затем дверь раскрылась и в ней появилась невысокая и непривлекательная восточная женщина. В каждой руке у нее было по пистолету. Рука Кальдака автоматически потянулась к поясу, на котором болталось личное оружие, но замерла, когда командир экспедиции увидел, что дуло одного из пистолетов женщины направлено прямо на него.

Долговязый тут же скатился со своей лежанки, извлек из-под нее два ружья, кинул одно своему небритому приятелю, а другое направил в грудь солдату-массуду.

— Нельзя кончать их здесь, — проговорила женщина. — Если утром найдут тела, будет много ненужных вопросов.

— Они будут сотрудничать с нами, — глядя на пришельцев, проговорил Жан-Пьер. — Вы так же заинтересованы в том, чтобы никому не раскрывать наше присутствие, как и мы.

— Не понимаю, — медленно и раздельно сказал Кальдак. — Почему вы хотите убить нас? Мы не желаем нанести вам вреда. Мы хотим только вернуть назад оружие.

— Но мы-то этого не хотим, — не улыбаясь, ответил небритый. — Раз мы его взяли у вас, значит оно нам зачем-то ведь нужно, пе c'est pas? — Он глянул на женщину. — Пока у нас их пушки, они всегда найдут нас.

— Пусть попробуют найти в Нью-Йорке или Нагое, — усмехнулась она и показала дулом одного из пистолетом на дверь.

Уилл инстинктивно поднял вверх обе руки и стал двигаться к выходу.

— Не пойму никак, — пробормотал он. — Что здесь происходит?

Тот, кого звали Жан-Пьером, вначале проверил коридор, прежде чем выйти туда. За ним следовали Ганс и Мийоши, держа на мушке всех трех пленников.

— Мы слышали о тебе. Ты — тот самый музыкант, который помогает крысам и ящерицам с самого начала. Ты, должно быть, умный парень, а все еще тормозишь! Тебе никогда не приходило в голову, что можно сделать, имея на руках ваши энергоружья и маскировку? Можно, например, вскрыть бронированный ящичек без большого шума и без таких глупостей, как отмычки. Понял, друг мой?

«Технологию продать! — с горечью вспомнил свое предположение Уилл. — А здесь все, оказывается, гораздо проще! Как примитивно! Как по-земному!»

— Эти люди — обыкновенные воры, — сказал он на массудском. — Они украли оружие для того, чтобы с его помощью добывать деньги.

— Деньги? Опять эта ваша идиотская одержимость обменными знаками, — с горечью произнес Кальдак, начиная спускаться по лестнице. — Может, им нужно еще золото? Мы могли бы дать...

— Вы не понимаете. Есть такие люди, которым всегда недостаточно. И потом, не думаю чтобы они вам поверили.

— Но почему? С нашей точки зрения это будет выглядеть честным обменом.

— Они не поверят ни единому вашему слову, Кальдак. И мне тоже не поверят, будьте покойны. Они испугаются, что мы их обманем, заманим обратно на базу, а потом напичкаем их лекарством, вызывающим амнезию, и они обо всем забудут, как те рекруты, которые просятся домой! Сейчас мы в их власти, а подобные люди не разменивают власть на обещания.

— Но я сдержу свое обещание! Для нас же это выгодно в той степени, что и для них!

— Они этого не поймут. Вы слишком много требуете от этих людей, капитан.

Жань-Пьер задержался у основания лестницы и пробормотал:

— Пошли через черный ход во двор. Найдем машину. Лучше грузовик. Погрузим их, отвезем на ближайшее болото и там замочим. — Он оглянулся на Уилла. — Хорошо, что вы зашли в дом. Если бы пришлось палить на улице, сбежались бы зеваки.

— Почему бы вам не плюнуть на все это? — пытаясь говорить ровно и совладать с волнением, предложил композитор. — Только и делаете, что рискуете каждую минуту. — Верните оружие на базу и присоединяйтесь к той тренировочной группе, в которую вы были зачислены. Массуды не помнят зла. Пока еще не поздно, и вы ничего не успели натворить. Решайтесь же!

— Non. Коней на переправе не меняют. Боюсь, мы будем следовать первоначальному плану.

— Тогда просто отпустите нас. Мы не станем вас преследовать. Хищение оружия можно скрепя сердце забыть ради продолжения основной работы на базе. Сами должны понимать, что для нас важнее: гоняться за вами или работать.

— Нам говорили, что у пришельцев идет какая-то война, — раздался за его спиной женский голос. — У нас тоже есть кое-какие счеты, которые необходимо свести.

Уилл сник. В принципе, во всем этом не было для него ничего неожиданного. Оставалось удивляться только тому, как подобное не стряслось гораздо раньше. Вербовавшиеся рекруты не были альтруистами, но не были и такими жадными, как эти. Среди новых военных союзников пришельцев было много недовольных жизнью, иконоборцев с темным прошлым. Просто неудачники и не нашедшие счастья на Земле бедолаги, отшельники и добровольные монахи, наконец, парочки, бегущие от законных супругов.

Им предлагали новую дорогу в жизни и новый смысл этой самой жизни в рамках Узора. Этих троих ведь тоже привел на базу кто-то из вербовщиков. Значит, посчитал, что они подходят Узору по каким-то качествам. Однако они сделали собственный выбор. На свой страх и риск. Решили отказаться от чужой войны и вести свою — среди соотечественников. Из-за денег...

Уилл сочувствовал Кальдаку. Он и сам хотел бы оказаться на месте пришельца и, изумленно озираясь по сторонам, ничего не понимать в происходящем. Но Уилл все отлично понимал, ибо был землянином. И от осознания этого становилось только тяжелее на сердце.

Жан-Пьер открыл дверь с сеткой, выглянул наружу и оглядел улицу от конца до конца. Уилл затаил дыхание. Наконец, небритый дал знак всем двигаться вперед. Композитор еле удерживался от того, чтобы не глянуть в сторону забора.

— Стой! Надо здесь их кончить, — передумала женщина. — Не нужно никуда везти. Я свалю их в канаву и закрою чем-нибудь, а Ганс пойдет искать для нас машину.

Немного подумав, Жан-Пьер согласно кивнул и повел пленников к кустам.

— Надеюсь, без обид, mes amis? У нас ведь нет выбора.

— Нас хватятся, — предупредил его Уилл. — Это Кальдак, командир экспедиции и начальник базы.

Жан-Пьер пристально вгляделся в лицо массуда.

— Commandant, eh, да? Тем хуже для тебя.

— Нас станут искать, — продолжал Уилл. — Вас из-под земли достанут, ребята, клянусь!

— Пусть поторопятся, потому что утром нас ожидает самолет на Мехико. Не могут же эти крысята гоняться за нами по всему белу свету, а? Вот то-то и оно! Ничего у них не выгорит. Ну, куда им совать свои рыла в приличный огород? Сам посуди, игруля.

— Вы всерьез думаете, что вам удастся протащить это оружие через таможню?

— А почему бы и ннет? Очень красивые игрушки! Они не похожи на настоящее оружие. Мы всем скажем, что выкупили их у киношного декоратора. Говорю тебе: все пройдет, как по маслу, ты уж за нас не волнуйся! — Они уже почти подошли к забору. — Я скажу, что нам нечего заявлять в декларации. Ты же знаешь здешних таможенников! Они не станут даже открывать наши...

Он не закончил фразу. Неожиданно для всех из тени со всех сторон выступили массуды. Послышался неприятный щелчок, похожий на треск молнии. Влажный ночной воздух наполнился запахом горелого мяса.

Уилл, который никогда в своей жизни не проходил никакой военной подготовки, сделал самое простое и лучшее, что только мог сделать — бросился ничком на землю. Оружие больше не пускалось в ход. Очевидно, пришельцы сумели вышибить его из рук воров. Закипела рукопашная. В грязи катались, сцепившись и осыпая друг друга ударами, массуды и земляне. Через Уилла со стоном перекатился один из солдат. Послышался характерный хруст сломанной кости, сопровождаемый диким визгом.

К ужасу своему Уилл увидел, что трое предателей-рекрутов побеждают! Массудам до этого не разу не приходилось сходиться в рукопашную со своими новыми союзниками и братьями по оружию. Возможно, средний массуд бегал быстрее среднего землянина, однако это качество не

имело ровным счетом никакого значения в драке, которая сейчас разгорелась. Крепкие, мускулистые земляне были не только сильнее, но и поворотливее.

Кальдаку и двум его солдатам удалось заломить руки Жан-Пьера и сковать его. Остальные пытались прижать к земле неистовствующую женщину. Один массуд, — кажется это была особь женского пола, — лежала у кустов со сломанной ногой. Другой солдакт укатился в канаву и не шевелился, очевидно, потеряв сознание. В какую-то секунду третий из воров, которого звали Гансом, понял, что на него никто не нападает. Он бросился к своему энергоружью.

Дико оглядевшись по сторонам, Уилл заметил пистолеты, выбитые солдатами из рук женщины. Инстинктивно композитор подхватил с земли один из них и направил на долговязого немца. Пистолет не производил впечатления мощного оружия. Действительно, он был легок, прост в конструкции и больше напоминал игрушку.

— Не смей! — крикнул Уилл. — Игра окончена!

Ганс то ли не слышал этого окрика, то ли сделал вид, что не услышал. Он взял с земли ружье и стал разворачиваться.

Позже Уилл никак не мог восстановить в памяти последовательность событий, происшедших в эти несколько секунд. Он помнил только, что немец наставил дуло ружья на трех массудов, сдерживавших вырывавшегося и ругающегося на чем свет стоит Жан-Пьера. Средний и указательный палец правой руки немца отыскали зубец, который выполнял роль спускового крючка... Все это достаточно ясно говорило о его намерениях.

Ждать больше было нечего, и Уилл выстрелил первым. Он был каюном, а значит, с детства знал, как обращаться с оружием. Словом, рука не дрогнула.

Тонкая пурпурная полоска ударила в тело Ганса, который прицеливался из своего ружья. Попадание сопровождалось звуком, похожим на тот, который издают натянутые подтяжки, когда толстяк шлепает ими по своему пузу.

Ганс нелепо дернулся всем телом и рухнул на колени. Дуло инопланетного ружья уперлось в землю и пару секунд не давало упасть уже трупу на землю. Потом тело Ганса качнулось

и медленно сползло по ружью вниз. Мертвец лежал, свернувшись комочком вокруг оружия.

Уилл стрелял с колена. Теперь он поднялся, не спуская оцепенелого взгляда с тела, скорчившегося перед ним в позе эмбриона. В ушах звенело. Кальдак раскрывал рот. Композитору показалось, что командир экспедиции орет на него. Затем высокий и стройный пришелец подошел к землянину. Уилл сразу почувствовал исходящий от вспотевшего Кальдака резкий мускусный запах.

— Благодарю вас, Уилл. — Серые кошачьи глаза и зубастая пасть бегали в нервических подрагиваниях. Неравномерно дергался и кончик носа. — С вами все в порядке, друг мой?

Еще не пришедший в себя, Уилл примерно с минуту переваривал в голове эту фразу пришельца, пытаясь уловить в ней смысл. Наконец он глухо отозвался:

— Да. Вот, возьмите.

С этими словами землянин передал массуду пистолет.

Пока сковывали понадежнее двух взятых в плен воров, они источали страшные ругательства, по крайней мере, на трех языках. Кальдак отдал короткое приказание, и двое солдат подхватили тело человека, которого убил Уилл. И хотя у сотрудников отдела по борьбе с особо опасными преступлениями полиции Бельмопана могло вряд ли оказаться богатое воображение, все же нужно было убрать все, что могло бы навести на странные вопросы.

На обратном пути к кладбищу автомобилей женщина предприняла отчаянную попытку побега. Она неожиданно лягнула идущего впереди массуда по ноге и перескочила через его скорчившееся тело прежде, чем кто-либо успел задержать ее. Впрочем, у нее не было шансов по двум причинам. Во-первых, за спиной были связаны руки, а во-вторых, ей следовало бы знать, что в беге с массудами лучше не соревноваться. Вскоре ее притащили назад, рвущуюся во все стороны и яростно ругающуюся на площадном японском. Для пострадавшего солдата соорудили временный костыль, как и для тех, кто пострадал во время схватки на заднем дворе отеля.

После попытки побега массуды зорко следили за своими пленниками.

Те, кто оставался на борту посыльного челнока, никак не ожидали встретить своих коллег такими измученными и избитыми. Пилот нервно смотрел за тем, когда закроется люк за последним пришельцем. Ему не терпелось улететь из этого подозрительного места. На горизонте уже появились первые признаки рассвета, а при дневном свете маскировка судна была малоэффективна.

Массуды без сил повалились в свои кресла. Они были изможденны не только физически, но и морально. Всем было ясно, что если бы Уилл не вывел из строя того третьего землянина, их бы одолели, насмотря на численное превосходство. До сегодняшнего дня они ощущали себя лучшими солдатами, первыми и главными защитниками Узора, воинами, на которых полностью полагались гивистамы, вейсы, с'ваны и прочие расы, на которых лежала почетная обязанность не допустить к сердцу союза орды амплитуров. А сегодня... Их едва не заломали земляне, которых было почти втрое меньше! Земляне, не прошедшие даже предварительных тренировок, не имевшие никакого боевого опыта! Что, если бы изменниками оказались прославленные ветераны Васариха? Массудам был преподнесен тяжелый, унизительный урок.

Драка закончилась гибелью разумного. Землянина. И убил его другой землянин. Об этом также мучительно размышляли массуды. Могли ли они поступить так же с соплеменником, даже принимая во внимание сложившуюся обстановку?.. Ведь не могли!

Всю обратную дорогу до базы Уилл был погружен в тяжкие раздумья. Ребенком он часто охотился в болотах юга США, стрелял «во имя обеда», видел, как свежует и потрошит дичь дедушка.

Он вмешался, чтобы спасти своих друзей, черт возьми! Все произошло так неуловимо быстро. На инстинктивном уровне.

Голова болела от этих дум.

В лагуне Лайтахус-Риф возвращения посыльного судна ожидала группа вооруженных землян. Они весьма нелюбезно встретили своих плененных собратьев. Те немногие массуды, которым не требовался врач, присоединились к конвою. Они медленно шли по коридорам базы, вдыхая знакомые запахи. Попадавшиеся по пути сотрудники базы с изумлением

озирались на них. Вид у массудов был неважный. Возвращение оружия досталось тяжелой ценой. Им требовалось не только восстановление нервной энергии, а кое-что посерьезнее.

Уилл шел вместе со всеми и продолжал размышлять о происшедшем. Необходимо все держать в большой тайне. Не для того, чтобы предотвратить возможный рецидив, — уже давно было издано распоряжение об усилении охраны оружия, — а для того, чтобы предотвратить возможный обвал доверия среди массудов.

Скамья с шелестом прогнулась и подстроила свои плавные изгибы под контуры тела землянина, когда Уилл сел. Его больше не тошнило, но голова и живот продолжали беспокоить.

Перед его мысленным взором все никак не бледнела драматическая картина падения долговязого Ганса после его выстрела.

— У вас не было выбора, — послышался над ним голос Кальдака. — Если бы им удалось ускользнуть в крупный городской комплекс, мы ни за что не вернули бы оружие на базу. Более того, продолжать исследования здесь было бы слишком рискованно.

— Я знаю, — шепотом ответил Уилл.

Командир опустился на скамью рядом с ним, и та тут же подстроилась под новое тело.

— Где вы научились так стрелять? Со времени первой нашей встречи вы только и повторяли, что презираете насилие любого рода.

Командир неудачно повернулся и придавил большую ссадину на бедре, которую получил во время драки. С приглушенным стоном он поменял позу.

Уилл тяжело вздохнул.

— У нас, каюнов, каждый ребенок учится обращаться с оружием еще раньше, чем научится держать в руке ложку.

— Понимаю. — Кальдак глянул в коридор. Пленники и конвой исчезли за дальним поворотом. — Если бы вы не убили того человека, со всеми нами произошла бы катастрофа. Трое против восьмерых, не считая вас, и мы все равно проиграли бы. Вы сделали то, что было необходимо сделать.

Он замолчал на минуту, о чем-то размышляя. Потом продолжил:

— Никто из моих солдат с базы не был на Васарихе. Мы до сих пор не имели возможности видеть землян в бою. Мы не были готовы к... — Он запнулся, подбирая нужное слово и умоляюще глядя на свой транслятор: — К столь дикому сопротивлению. Мне бы очень хотелось понаблюдать за тем, что может сделать и на что способен хорошо натренированный и подготовленный земной солдат; солдат, который избрал убийство своих соплеменников профессией; солдат, который извлекает удовольствие из убийств, жаждет быть мастером своего дела и добивается этого! Эту мысль я нахожу одновременно волнующей и пугающей.

Губы Кальдака разъехались в стороны, обнажив зубы. Это было подобием грустной улыбки.

— Среди народов Назначения лучшими солдатами считаются криголиты. Они еще никогда не обманывали надежд Амплитура. Но теперь, я думаю, их ждет большой сюрприз. Я даже не уверен, что поставил бы на молитара в схватке с подготовленным профессионалом из числа землян.

Он спокойно взглянул на Уилла.

— Кстати, угроза подобного происшествия, очевидно, висела над нашими головами с самого начала. Почему же вы не предупредили нас?

— Мне это как-то и в голову не приходило. Я полагал, что с рекрутов будет достаточно золота. Поверьте: земляне далеко не все таковы, как эти трое!

— Да, вы всегда проводили эту мысль.

— Ну, есть, конечно, какой-то жалкий процент... В любом обществе всегда присутствует антисоциальное меньшинство, с которым неприятно иметь дело...

— Далеко не в любом обществе, позволю себе утверждать, — мягко возразил массуд.

У Уилла екнуло сердце. Он понял, что из-за одного идиотского случая может рухнуть в грязь вся его сложная аргументация, используя которую вот уже в течение многих и многих месяцев, он пытался доказать пришельцам, что нет во Вселенной более миролюбивых существа, чем земляне. Трое бандитов, возможно, уже свели на нет все его труды!

— Надо было быть последними дураками, чтобы рассчиты-

вать на то, что это сойдет им с рук, — пробормотал он, едва удержавшись от того, чтобы сплюнуть себе под ноги.

— Их поведение не напоминало поведение умалишенных, — возразил Кальдак, задумчиво глядя на землянина. — Скорее, наоборот: они вели себя вполне рассудительно, расчетливо и уверенно.

«Придется теперь напрягаться гораздо больше», — с грустью подумал Уилл.

Сегодня его точка зрения пошатнулась, но не обвалилась. Воспоминания об этом неприятном случае вскоре изгладятся. Сосредоточенно разглядывая пришельца, композитор в который раз уже пожалел о том, что в юности занялся музыкой, а не психологией.

Ему было интересно, что думает Кальдак, каковы его мысли и переживания. Уилл спросил об этом пришельца.

— Я думал сейчас о том, что являюсь капитаном корабля и хочу вернуться и исполнению своих непосредственных обязанностей.

— А я бы охотно плюнул на все и заперся в своем салоне, чтобы сочинять музыку. Обстоятельства, однако, сложились так, что мы оба не имеем возможности заниматься тем, чем хотели бы.

Кальдак с минуту о чем-то сосредоточенно думал. Потом заговорил:

— Интересно было бы понаблюдать за реакцией представителей неразвитых народов на открытие перед их глазами огромных галактических просторов, всей красоты космоса, на приобщение их к высотам, достигнутым зрелыми цивилизациями... Я вот думаю... Вам тоже, наверно, было бы любопытно взглянуть на все своими глазами, а?

Уилл растерялся.

— Что вы имеете в виду?

Кончик носа у командира замер. Взгляд серых кошачьих глаз пронзил композитора насквозь.

— Хотели бы вы отправиться на Васарих?

Покинуть Землю?! Смотреть на то, как родная планета, родной дом, стремительно уменьшается в размерах и постепенно сливается с многозвездьем космоса? Сотням рекрутов уже знакомы эти чувства. Почему бы и ему не попробовать?

Это означало, что ему пришлось бы на время вообще забыть о музыке... Но зато какое вдохновение, какие удивительные темы может он повстречать на космических просторах?..

— Я подумаю над вашим предложением.

— Вы можете вылететь прямо со следующей группой рекрутов, — ответил Кальдак.

Ему понравилась реакция землянина.

19

Уилл довольно быстро покончил со всеми делами на катамаране: закрыл все помещения, задраил все люки, упаковал парус, спрятал солнечные батареи, убедился, что оба якоря надежно держат судно на месте, и оставил лаконичную записку для особенно любопытных: «Уехал на материк. Буду через несколько дней». Это должно было убедить любого туриста или рыбака в том, что катамаран не покинут, что хозяин где-то рядом и находится в добром здравии. В любом случае бесхозный катамаран не привлечет здесь столько внимания, как, скажем, в Канкуне.

Ватолой пообещал землянину, что присмотрит за его судном.

Полет челнока в обычном пространстве походил на полет большого самолета в немного нелетную погоду. Чувство устойчивого ускорения сопровождалось слабенькой тревогой от каждого виража или резковатого толчка. Полет же в режиме, который капитан челнока с'ван назвал «субпространством», был ни на что не похож. Уилл вообще не мог понять, движутся ли они в какую-нибудь сторону и если движутся, то с какой скоростью. Ему упорно казалось, что они неподвижно зависли в одной точке.

На борту челнока находилось несколько сотен завербованных рекрутов с Земли, которые оживленно переговаривались между собой, не умолкая ни на секунду. Само путешествие в космосе не повергло их в шок, как полагал композитор. Видимо, после знакомства с базой их уже ничем нельзя было удивить.

Рекрутов набирали из десятков разных стран. Несмотря на

это, они не испытывали никаких трудностей в общении между собой, ибо трансляторы справились с испанским, английским и другими земными языками не хуже, чем они справлялись с языком гивистамов или, скажем, с'ванов.

К тому же среди них постоянно мелькали вейсы, которые отвечали на возникавшие вопросы и успокаивали внезапно оробевших. Это были фермеры-бедняки из Гватемалы, учителя, студенты, европейские туристы и так далее. Все, собравшись в небольшие группки, оживленно обсуждали будущее, о котором еще пару-тройку месяцев назад никто из них и помыслить не мог.

С завидной регулярностью проводились тренировки и ориентировочные лекции и собрания. Уилл поприсутствовал на нескольких из них, но вскоре разочаровался: военные темы ему были неинтересны. Впрочем, на что еще он мог надеяться, сидя за партой с землянином, которого только для того и взяли в космос, чтобы сделать солдатом?

Первая остановка была возле планеты Мотар. Знаком особого уважения, которое пришельцы питали к композитору, явилось то, что они придали ему проводника не из числа гивистамов или о'о'йанов, как остальным, а с'вана. Его звали Ж'хай. Проводник, не дожидаясь расспросов со стороны Уилла, сам объяснил ему причину остановки:

— Здесь рекруты-земляне пройдут предварительную боевую подготовку. Мотариане отличаются высоким уровнем интеллекта, однако темпы их воспроизводства чрезвычайно низки. Если честно, то для нас остается загадкой способ, при помощи которого им до сих пор удается поддерживать свою цивилизацию и не вымереть. Они млекопитающие и напоминают больше с'ванов, чем вас. Они безволосы и очень тучны.

С'ван иронически кашлянул.

— Несмотря на их малочисленность, они являются весьма полезными членами Узора. Главный их вклад заключается в том, что они предоставляют войскам Узора свою планету под учебные плацдармы. Дело в том, что здесь можно встретить все типы рельефа и тем самым создать практически любую боевую ситуацию. Земляне — не единственная раса, представители которой здесь проходят обучение. — Он выглянул

в иллюминатор. — Как только ваших соотечественников выгрузят, мы отправимся дальше. Не беспокойтесь, много времени это не займет.

И снова огромный корабль провалился в субпространство. До Васариха добрались гораздо быстрее, чем до Мотара. Впрочем, Уилл не имел никакого представления о том, как далеко отсюда, — и в какой стороне, — находится родная Земля.

Приближаться к Васариху, однако, пришлось с большей осторожностью, чем входить в орбиту вокруг Мотара.

— Мне говорили, что вы обладаете некоторыми знаниями в области военной тактики, — комментировал композитору происходящее проводник. Уилл кивнул, соглашаясь. — Тогда вы поймете, почему мы так осторожничаем. Главное: точно знать расположение войск Амплитура вокруг планеты, чтобы не угодить прямо в их скопление. Капитан должен выбрать тот сектор пространства, который редко навещается кораблями противника. Если расчеты окажутся верными, у нас будет неплохой шанс, выйдя из субпространства, не попасть под обстрел. Амплитуры тоже принимают все меры предосторожности возле этой планеты. В принципе весь вопрос в везении и правильном выборе места и времени. Все на догадках и предположениях, на интуиции, которая составным разделом входит у нас во все пособия по тактике. Малейшая ошибка и — конец. Вход в субпространство и особенно выход из него — это не так-то просто. Нажать кнопку тут — последнее дело. Для произведения всех необходимых расчетов требуется время, а нажать кнопку всегда можно успеть.

— Мне это уже объясняли, — сказал ему Уилл. — Одного только не пойму. Почему корабли, находящиеся в обычном пространстве, не занимаются уничтожением целей на поверхности планеты?

— Ну, во-первых, все важнейшие базы на поверхности тщательно замаскированы. А потом ядерное оружие кораблей может уничтожить вдобавок и те объекты, которые обе стороны изо всех сил стараются сохранить. Наконец, системы поиска и наведения на поверхности планеты настолько совершенны, что корабль может быть испепелен прежде, чем произведет первый выстрел по планете. Флот не станет атаковать наземные цели. Как подсказывает практика, это слишком

дорогое удовольствие. Корабли используются в качестве транспортных средств. Для того, чтобы осуществлять перевозку снаряжения и личного состава. Даже для мощной цивилизации корабль, подобный нашему челноку, является дорогостоящим продуктом, которым нельзя рисковать неосмотрительно.

Не забывайте также и о том, что амплитуры преследуют цель переманить разумных в свою веру, а вовсе не уничтожить их. Но мир, завоеванный при помощи ядерных вооружений, является, как правило, уже мертвым миром. Они стараются победить ценой наименьших потерь не только со своей стороны, но и со стороны противника.

— А Узор когда-нибудь побеждал Амплитура? — спросил его Уилл. — Выкидывали когда-нибудь войска Назначения с планеты, которую они продолжительное время контролировали?

— Разумеется, мы имеем на своем счету несколько побед. Чтоб далеко не ходить за примерами, скажу, что последнее крупное поражение Амплитуру мы нанесли какие-то две сотни лет назад.

Это признание не шокировало Уилла. Не первый раз уже ему рассказывали, что эта война похожа на застарелую мозоль, так что он давно смирился с ее немыслимыми пространственными и временными масштабами.

— После того мощного удара Амплитуру, однако, удалось перегруппироваться и перестроить свою тактику. С тех пор ни одна сторона не добивалась ощутимых результатов в свою пользу. Каждый из нас периодически находит новых союзников, изобретает новые системы вооружений... Все это происходит в сопоставимых пропорциях, так что баланс сил за два века практически не изменился. — Ж'хай торжественно глянул на композитора. — Мы очень надеемся на то, что вам удастся в чем-то переломить ситуацию.

«Боюсь, вам придется разочароваться в своих надеждах», — подумал Уилл, устраиваясь в кресле.

С'ван занял сиденье напротив.

— А на чьей стороне жители Васариха?

— На нашей, — ответил Ж'хай, поворачиваясь на кресле, чтобы лучше видеть собеседника. — Какая-то часть перешла

в стан Амплитура, но большинство знать его не желает. Но вы ведь понимаете, что дело тут, как правило, не в свободном выборе. Вам уже говорили, что амплитуры обладают способностью внушения?

— Говорили.

Струйка холодного пота скользнула вниз по позвоночнику. Уилл с ужасом попытался представить себя на месте жертвы, которой передается воля неведомых пришельцев. Мысли выстраиваются в строгий ряд и испытуемому страшно хочется погрузить свои ноги в таз с едким раствором. Разумом он понимает, что тут что-то не так, что будет невыразимо больно, но тело не слушается его...

— Сами амплитуры участвуют в конфликте на Васарихе?

— Все секторы конфликта с Узором требуют присутствия представителей этой чудовищной расы. Они осуществляют наблюдение, отдают приказы и распоряжения, контролируют обстановку. Их очень мало. Но достаточно для того, чтобы всегда их подручные имели возможность получить от хозяев нужные «советы».

— Так же, как вы всегда имеете возможность посоветоваться с турлогами?

— Ничего похожего! Турлоги — наши союзники. Каждый у нас занимается тем делом, на которое больше способен. Кто-то воюет, кто-то производит вооружения и продовольствие, а турлоги вносят теоретические предложения, готовят анализы обстановки. Они никогда не стали бы пользоваться таким запрещенным приемом, как контроль над сознанием разумного, даже если бы обладали способностями, которые позволяли бы им осуществлять это.

«Контроль может принимать самые разные формы», — подумал Уилл, а вслух спросил:

— Вот вы говорите, что здесь, на Васарихе, амплитуров очень мало. Кто же воюет от их имени против вас?

— В основном криголиты. Есть также небольшой контингент молитаров. В каждой группе пленных попадается пара-тройка этих великанов. Их могучее сложение и прочие физические характеристики делают их великолепными воякаами, но вот интеллект у них слегка подкачал... Это именно то, что надо амплитурам. И криголиты, и молитары являются

союзниками Амплитура так долго, что никто не знает, присоединились ли они к Назначению добровольно или их к этому принудили. Впрочем, это неважно. Попав в объятия Назначения, раса уже обречена. Это правило, в котором, к сожалению, не замечено пока ни одного исключения. Для некоторых особых целей держат здесь и группу солдат-ашреганов. — С'ван искоса взглянул на Уилла. Тот инстинктивно вжался в кресло: челнок отделился от корабля-матки. — Вам когда-нибудь приходилось видеть ашрегана?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Просто так.

Зазвучали дежурные сирены.

С'ван заметно взволновался.

— Готовимся к броску на поверхность планеты. Либо мы сейчас быстро спустимся, либо поблизости будет замечен вражеский корабль — и тогда придется опять на время окунаться в субпространство. Вы сразу почувствуете...

Уиллу казалось, что они висят в пустоте, поддерживаемые мощным гравитационным полем корабля-матки, уже целую вечность. Словно креветка в супе.

Затем внезапно тьма в иллюминаторах сменилась искрящимся многозвездьем. Челнок устремился к поверхности планеты, словно камень из пращи. Облака, море и суша смешались в диком фейерверке, в котором невозможно было различить отдельные цвета и оттенки.

Перед плотными слоями атмосферы челнок резко замедлился и выровнял курс. Напрягая изо всех сил глаза, Уилл тем не менее мало что видел. Разве что облака. Густые, непроницаемые барханы, зазывающие челнок в свои влажные объятия.

Челнок продолжал снижение. Вскоре внизу, в прорывах облаков, стала проглядывать земля. Суша и вода. Ничто не указывало на то, что этот красочный мир является эпицентром вооруженного конфликта между двумя великими союзами цивилизаций. Ж'хай продолжал исправно исполнять свои обязанности проводника-гида и неторопливо вводил композитора в курс дела:

— Уровень технологической цивилизации, которого достигла раса васарихов, на несколько порядков ниже вашего.

До сих пор не налажено регулярных контактов между крупнейшими городскими конгломератами. Основное большинство главных городов находится на побережье. Война по существу ведется в районе, который местные называют южными равнинами. Амплитур старается по возможности не задеть разрушением центры сосредоточения населения. Разумеется, и мы прикладываем к этому все наши усилия. Узор открыл этот мир несколько раньше Амплитура, поэтому основная часть аборигенов васарихов является нашими союзниками. Они участвуют в конфликте по мере своих скромных возможностей. В основном они заняты в службах обеспечения тыла. Это и продовольствие, и прочее подобное. Мы совершим посадку недалеко от северо-западного сектора оспариваемой зоны. В горах. Аборигены, которым повезло не попасть под перекрестный огонь, уже давно забросили свои жилища здесь и перебрались в безопасное место. У нас здесь главная база. Запрятана в подножии гор. Там-то вы и получите возможность вдоволь наговориться со своими соплеменниками.

— Отлично, — ответил Уилл на языке с'ванов.

Вдруг его пробило осознание того, что в последнее время под влиянием обстоятельств он стал неплохим лингвистом.

Ж'хай глянул в иллюминатор.

— Заход на посадку — чрезвычайно рискованный маневр. Расчеты должны быть предельно точными, а маскировка максимально эффективной. Вы даже представить себе не можете, насколько проще сбить челнок с земли при снижении, чем в космосе. А корабль-матка, который доставил нас сюда, уже давно укрылся в безопасности субпространства. Война — это в большей степени конфликт умов, чем конфликт вооружений. В этом мы оказываем посильную помощь массудам. Что же касается участия в боях и сражениях, то мы, — как, впрочем, гивистамы, о'о'йаны, вейсы и прочие, — этого просто не переваривaем.

Уилл глянул на с'вана. Выражение его лица было надежно скрыто под курчавой, черной бородой.

— Лично я очень счастлив тем, что мое участие в войне ограничивается рамками моей профессии.

— А какая у вас профессия?

Уилл понял, что об этом следовало спросить Ж'хая гораздо раньше.

— Военный разум. Эти два слова несомненно противоречат одно другому и тем не менее составляют определение моего ремесла. Я думал, вы знаете.

— Нет. Мне сказали только, что придают проводника-гида.

Глянув в иллюминатор, Уилл обомлел: челнок лавировал между горными утесами с такой скоростью, что порой дух захватывало. Наконец показалась посадочная площадка — гранитная скала. Однако, к изумлению Уилла, в самый последний миг она вдруг раскрылась и приняла внутрь себя небольшое судно.

Загорелись красные лампы. Челнок оказался внутри просторной пещеры. Уилл только стал выбираться из своего кресла, как вдруг всю пещеру и челнок сотрясло от глухого удара, донесшегося глухой волной от поверхности.

— Вот так! — пробормотал Ж'хай, глядя наверх. — Я так и знал, что у нас на хвосте висел самонаводящийся снаряд. Мы еще успели скрыться. Очевидно, он взорвался, ударившись о гранитную скалу. Кому-то придется, засучив рукава, прилично разгребать гранитную крошку.

Уилла пробила испарина.

Через несколько минут композитор и его проводник уже входили в суетливый и шумный подземный мир. Всюду сновали пришельцы, — собственно, теперь Уилл не мог называть их этим словом, — и машины. У каждого была какая-то цель, какая-то задача. На первый взгляд складывалось впечатление, что здесь царит излишняя сумятица, — почти паника, — но Уилл воздерживался от характеристик. Некоторые наряды с эмблемами и знаками различия были уже знакомы композитору-землянину, но большинство он видел впервые. По дороге попадались массуды и гивистамы, о'о'йаны и лспары. Он кивал им как добрым знакомым. На представителей иных рас оглядывался, не в силах сдержать любопытство. Ж'хай повторял землянину новые названия, которые тот должен был запомнить. Уилл то и дело теребил транслятор, висевший у него на груди.

Они шли уже довольно долго по этому сложному комплексу, однако до сих пор Уилл не увидел ни одного земного лица.

— Здесь их почти нет, — объяснил Ж'хай. — В основном они на поле боя, где их уникальные таланты можно использовать с наибольшей выгодой.

— Но тогда почему здесь так много массудов? — спросил Уилл и показал рукой на троих долговязых солдат.

— По сравнению с землянами массудов очень много. Ведь пока в нашем распоряжении лишь небольшой контингент ваших соплеменников. А массуды принимают участие в войне всей расой. А раса эта, между прочим, проживает на десяти планетах! Разумеется, массудов много в действующих войсках, но многие служат и здесь, в тылу.

— Но мне обещали, что здесь я увижу землян.

— Увидите, увидите, а как же? — заверил его Ж'хай. — Я же сказал, что они на передней линии. Туда мы и направляемся.

— Прямо в бой?

Ж'хай глянул на него снизу вверх.

— Вы разве не этого хотели? Посмотреть на то, как воюют ваши соплеменники? Если таково ваше желание, то для того, чтобы удовлетворить его, вам придется подвергнуть себя известному риску быть подстреленным. Вижу, вы колеблетесь, и сочувствую всей душой. Ведь сопровождать вас туда мне позволяет лишь полученная мной специальная подготовка. Другие мои соплеменники не способны на это. Попробуйте себя представить на моем месте хоть на минутку! Я ведь не землянин и не массуд. Впрочем, на самое поле боя мы не пойдем. Это мне не по силам, говорю сразу. Если вы передумали, то мы можем вернуться в порт и улететь на следующем же челноке.

В голосе Ж'хая слышалась надежда на то, что землянин именно передумает.

— Нет, — твердо ответил Уилл. Взгляд с'ванна тут же потух. — Я ненавижу войну не меньше вашего, однако специально прилетел сюда для того, чтобы увидеть, каково здесь завербованным вами рекрутам. Пока я все не увижу собственными глазами, не улечу отсюда.

— Очень хорошо, — ответил Ж'хай и сострил, от чего

Уилл улыбнулся. Когда возникала непростая ситуация, он всегда мог рассчитывать на то, что с'ван разрядит ее очередной шуткой или просто остроумной и небрежно брошенной репликой. — Ваши соплеменники дислоцированы на передовой базе, которая находится не так далеко отсюда. Она располагается почти над той самой дорогой, которую используют криголиты для сообщения с одним важным васарихским городом, который находится отсюда на западе. — С'ван показал рукой. — Землян бросили здесь в бой, чтобы посмотреть: удастся ли им внести позитивные изменения в ситуацию.

— Ну и как они действуют?

— Не знаю. Я довольно долго отсутствовал. Ничего, подождите немного. Доберемся до них, и все сами увидите. — Голос с'вана становился все менее уверенным. — Надеюсь, мы заявимся в период затишья.

Уилл поймал себя на том, что завидует с'ванам, гивистамам и прочим миролюбивым расам Узора. Перед ним стояла нелегкая задача: убедить Кальдака и его начальников в том, что земляне являются столь же миролюбивой цивилизацией.

Они покинули базу через узкий туннель, сидя в бронированной машине, принципом движения которой было отталкивание от земли. Она неслась вперед в нескольких футах от неровного скалистого пола туннеля. Туннель вскоре закончился. Горы остались позади. Потом они юркнули в продуваемую ветрами ложбину, которая пересекала полупустынную, открытую местность. Стрелок-чиринальдо помещался бесформенной глыбой среди своего вооружения в башне машины. Вдобавок к двум пассажирам он вез в зону боя медикаменты.

— Ложбина обеспечивает надежное укрытие от средств слежения дальнего радиуса действий, которыми располагают криголиты, — объяснил Ж'хай. — Наша машина слишком мала, чтобы тащить на себе еще и маскировку. Воздушного наблюдения мы можем не бояться, ибо оно весьма ограниченно из-за малого числа аппаратов слежения, которые обе стороны имеют возможность держать в воздухе. Выведенные на орбиту планеты спутники наблюдения уничтожаются нами и противником с завидной регулярностью.

Ложбина стала резко сужаться по мере того, как машина

приближалась к следующему комплексу сил Узора, который в уменьшенных размерах представлял собой копию главной базы. Здесь было заметно больше военной техники и вооружений, а процент массудов среди представителей иных рас существенно возрос. Однако и здесь Уилл не видел ни одного землянина.

Он уже начал было отчаиваться, как вдруг одна соплеменница все-таки появилась. Она подбежала к машине, из которой вылезали композитор и его проводник, чтобы обменяться парой фраз с чиринальдо, который, коротко кивнув ей на груз медикаментов, торопливо стал перезаряжать свои гелиевые баллоны. Ее мундир пересекали две серебристые полоски, начинавшиеся у левого плеча, пробегавшие по груди и заканчивавшиеся под правой рукой. Кожа ее отливала шоколадом, волосы и глаза были черными. Уилл ожидал увидеть грубость вместо красоты. Впрочем, поразмыслив, он решил, что второе не исключает первое.

— Я слышала, что вы везете с собой важного гостя, — сказала она, глядя на Уилла, но обращаясь к с'вану.

— Это Уильям Дьюлак, — торжественно объявил Ж'хай.

Она тут же вскинула брови.

— Так, значит, ты и есть легендарный Дьюлак?! — воскликнула она без всяких церемоний.

«Легендарный?! — смущенно подумал Уилл. — Но я пишу музыку. Я композитор, черт возьми, а не легенда...»

Она добавила ему смущения, одновременно пожав его безвольную руку и крепко поцеловав в губы. И хотя он рассчитывал на более прохладное приветствие, против поцелуя возражать не стал.

— Я капитан Эчеваррия. Мария Эчеваррия, — сказала она по-английски с сильным акцентом. Энергия и возбуждение так и лезли из нее. — Миу рада познакомиться с тобой, сеньор Дьюлак. Здесь всем знакомо твое имя.

Его вдруг охватило сильное желание взобраться обратно в кабину машины, распорядиться отвезти его назад, на главную базу, там дождаться следующего челнока и убраться на Землю. Подобру-поздорову. Он увидел здесь совсем не то, что хотел увидеть, что ожидал увидеть, что надеялся увидеть... Уверенность, которая подкреплялась до сих пор надеждой,

рухнула, и он уже не знал, стоит ли ему разочаровываться дальше.

— Вы капитан? — услышал он свой подрагивающий голос.

Он не был в состоянии отвести от нее онемелого взгляда.

— Si. Тебя это удивляет?

— Откуда вы?

— Из Мехико. Вообще-то я оказалась на Побережье потому, что хотела малость подзаработать, в поисках dinero, понимаешь? Как тебе, кстати, мой английский? Говорят, что неплох, verdad?

Прежде чем Уилл успел что-то ответить, она выпалила пару коротких фраз на языке с'ванов. Ж'хай также коротко ответил ей и откланялся. Уилл посмотрел ему вслед, но тут девушка схватила его за руку и потащила в обратную сторону.

— А что? Мне лично нравится. Никогда, конечно, и думать про такое не могла, но... В общем, каждому стоит попробовать. Только со званиями тут все как-то несерьезно.

— Значит, вы капитан...

Он словно зациклился на этом слове, настолько оно и весь облик этой землянки его потрясли. Она прижималась к нему. Чувствовалось тепло, исходившее от ее тела. Впрочем, чувствовалась и ее жесткость, сила.

— Что-то вроде этого... Мы сами свои звания используем. У них этого нет. Командиры занимают набли... наблюдательные позиции. Это они сами так называют. Так что я что-то вроде капитана-наблюдателя. Мне это не нравится. Слишком сложно.

Коридор, по которому они шли, был забит гивистамами, о'о'йанами и массудами. Уилл увидел даже фигуру одного бир'римора, но землян не было.

— А где остальные? И пожалуйста, не называйте меня легендарным.

— Шутишь? — Она отпустила его и ускорила шаг. — Ведь это ты все затеял! Ведь это благодаря тебе мы получили такой шанс в жизни! Если бы не ты, никого бы из нас тут не было. Мы сидели бы у себя на Земле и прозябали бы. Как делали это перед тем, как нас отыскали вербовщики.

С этими словами она смачно сплюнула на сторону, чем несказанно шокировала Уилла.

— Вы служили в мексиканской армии? — рискнул он, продолжая дивиться ее бесцеремонности.

В ответ она вдруг во все горло расхохоталась. Было как-то странно слышать этот знакомый земной звук в такой неземной обстановке.

— Кто, я? Ты что, смеешься?! — воскликнула она. — Баба в мексиканской армии?! Ты что, никогда не слышал слова «мачизмо»? Откуда ты такой?

— Из Нового Орлеана.

— А, слыхали!.. Большой город. Кто знает, может, когда-нибудь и я там побываю. Но сначала нужно сделать здесь работу. Здесь не так уж и плохо. Они не забывают платить золотом, как и было обещано. Поначалу мы все тут были подозрительны, но потом стало ясно: тут тебя не обманут. И дело не в том, что они тут все наивные. Просто другая мораль. Получше нашей будет, это уж я тебе точно говорю!

— Они заставляют вас лезть под обстрел вместо себя. Не уверен, что это высокоморально...

— Ну, видишь ли... Каждый думает так, как ему нравится, правильно? Но ты не пойми меня превратно. Мы воюем не только за деньги. Из того, что я слышала, эти амплитуры сильно смахивают на банду pendejos grandes. Что до меня, то я пока еще ни одного не видала. И никто из нас не видал. В основном попадаются эти козлы-криголиты... Так себе ребятишки, кушать можно. Они-то, конечно, думают, что они самые крутые! Вернее, думали, пока с нашими не повстречались. Массуды — хорошие солдаты, но я тебе точно говорю: там, где я выросла, они и недели бы не протянули! Слишком осторожничают. Ты понимаешь, что я имею в виду? Когда видишь, что на тебя прут два клопа с энергопистолетами, времени на стратегию и прочее в том же роде не остается. От тебя требуется только одно — реагировать. И по-быстрому. Массуды так не привыкли. Чиринальдо в этом отношении чуть посноровистее, но они слишком большие и их срезают одного за другим за милую душу, если слишком высовываются. Поэтому они в основном сидят за броней и орудуют такими пушками, какие нам на Земле и не снились. «И'вейсы» и «Флаггеры» называются. У криголитов тоже неплохое оружие. Если бы несколько систем в свое время оказались бы в руках Панчо

Вилья, мы, пожалуй, попросили бы у вас Калифорнию обратно.

Она хитро глянула на ошарашенного композитора и весело засмеялась.

Тут-то Уиллу наконец удалось ввернуть свое словечко:

— Вы что, сейчас здесь одна?

— Почти все сейчас отстреливают клопов, но и здесь несколько ребят вертится. Меня попросили встретить тебя. Хочешь на передовую? Мы обо всем позаботились, можешь не волноваться. Волосок не колыхнется, это я тебе обещаю! Мы тебя будем беречь пуще глаза, ведь благодаря твоим усилиям...

— Нет! — вскричал Уилл, дико вращая глазами.

Заметив ее изумление, он продолжил уже более спокойно:

— Не знаю, благодаря чему вы здесь находитесь, но только не благодаря мне! Я выступал за то, чтобы сюда не посылали наших людей! Это не наше дело, не наша война! Нам не стоило вмешиваться... Необходимо убраться отсюда побыстрее, пока...

— Пока что, парень?! Что ты тут мелешь?! Платят они что надо. Может, у них забавные рожи и уши, но это классные ребята, пойми! Они... Они влюбились в нас! Никого здесь не волнует, что ты делал на Земле, кем ты там был и гонялась ли за тобой полиция! Здесь каждый из нас получает новый старт, новую жизнь, понимаешь? С самого начала... Для массудов, гивистамов и с'ванов мы всего лишь земляне! Нас попросили пострелять из их окопов, и у нас это хорошо получается. Больше им ничего от нас не надо.

Она махнула рукой вперед по коридору.

— Большинство наших здесь, — во всяком случае те, которыми я командую, — на Земле мало что имели. От рождения и до того дня, когда повстречались с вербовщиками. Они или улицы мели, или вынуждены были делать грязное дело, которое ненавидели, понимаешь? И только здесь они нашли себя, как и я. Только здесь они почувствовали себя стоящими людьми. Вот смотри: у меня под началом три лейтенанта. — Она хохотнула. — Нет, ты не подумай насчет этого... Compende? Один был страховым агентом в Германии, другой пахал на Красный Крест в Нью-Йорке. Кстати, его бабенка мыкалась на Земле без работы. Скука была смертная. А теперь

и она при деле. Ты бы видел, как она косит клопов из винтовки! Красота одна! А третий... Ему не повезло совсем. Представь: до старости рубил сахарный тростник! И все! И жизнь так прошла! Это по-людски?! Все трое счастливы здесь, потому что делают почетную работу. Гивистамы сустятся, как бы накормить нас получше. Больше нам и не надо. — Во взгляде ее черных глаз чувствовался упрек. — Так что же ты выгоняешь нас отсюда?

Ему потребовалось какое-то время, чтобы собраться с мыслями и ответить:

— Может, некоторым людям это и подходит... Но мы не имеем права вовлекать в войну все человечество...

— Чего-чего?! — воскликнула она, не дав ему закончить фразу. Они завернули за угол. — Тебе никто не говорил, что ты псих, а? Ты что, не знаешь, что эти амплитуры еще ни от кого не отставали? Уступи им один метр и все — прощай! Засосет в это их Назначение и сгниешь там до конца!

Она попыталась даже изобразить этот процесс наглядно, на пальцах. Он заметил, что ногти у нее были выкрашены в ярко-красный цвет.

— Все это, возможно, является лишь умелой пропагандой Узора. Откуда мы знаем, что амплитуры не захотят оставить нас в покое?

— Ну, я-то, положим, знаю, мистер! Ты-то сам, своими глазами видел хоть раз в жизни криголитов и молитаров, которые пашут на них? А я видела! Особенно молитаров. Ребята здоровые, как быки, но мозгов маловато. Не знаю, как сказать это по-научному, но такое впечатление, будто кто-то основательно помахал граблями у них в башке! Все перекорежено вплоть до генов. Что до меня, то я не позволю разным придуркам копаться в моих мозгах! Comprende? Понял? А хотелось бы глянуть на амплитура. Я слышала, что у них большие глазищи, четыре копыта и два длинных щупальца из башки лезут. Говорят, их можно мять, как тесто. Хочешь, колобка сделай, а хочешь — змейку. Ты даже шею свернуть им не можешь, потому что у них нет шеи. Они бес... беспозвоночные! Ого, оказывается, выговорила! В испанском такого и слова-то нет, наверно.

Она снова рассмеялась.

— Все-таки не пойму, почему здесь нет никого из наших? Неужели всех землян бросили на переднюю линию?

— Не, я же говорила, что кто-то из наших где-то тут вертится. А почему мало?.. Понимаешь... Если не считать массудов, вот эти все ребята нас побаиваются. — Она показала рукой на группу, в которой были о'о'йаны, с'ваны, бир'риморы и еще кто-то. — А, может, мы им просто не особо нравимся, кто знает? — Она пожала плечами. — Не важно. Если гивистамы, о'о'йаны или высокомерные вейсы почему-либо не хотят общаться с нами, мы это не принимаем близко к сердцу. Со с'ванами полегче, но никогда не знаешь, что у этого бородатого коротышки на уме. Тебе это знакомо, а? Я как-то спрашивала одного с'вана, что это, мол, нас так чураются? Знаешь, что он мне ответил? Говорит, многие расы Узора отличаются слишком «тонкой чувствительностью». Словом, я поняла. Мы тут шумим порой... Но, черт возьми, чего они бы от нас хотели? Здесь тебе не вечеринка с шампанским, а война! Но я говорю, что все равно их поняла. Им это дело не по вкусу...

— Нам это дело тоже не по вкусу, — раздраженно заметил Уилл. — Участие в боевых действиях возрождает в людях ту регрессивную черту, от которой человечество только-только вроде бы начало избавляться!

— Ага, это ты избавился, парень, а у меня всю жизнь шли сплошные бои.

— Значит, вы все-таки были какое-то время в армии!

Уилл решил, что поймал девушку на слове и сейчас все объяснится.

— Не в том качестве, на которое ты намекаешь... Но вообще-то я имела какое-то отношение к солдатам. Видишь ли, дружок, я профессиональная puta. Ну, шлюха, проститутка. А из Мехико я убралась, потому что мой сутенер решил пустить мне немного крови. Я слышала, что в Канкуне шляется много богатых туристов, поэтому и подалась прямо туда. Однажды ко мне пристал психоватый англичанин и стал задавать мне разные странные вопросы. Затем он показал мне столько золота, сколько я никогда не видела даже в ювелирном. И сказал, что кое-что может перепасть и мне. За такие бабки я готова была сделать ему все что угодно, но он

сказал, что мои услуги ему не потребуются. Потом у нас состоялся длинный разговор. Он все уговаривал меня. Говорил, почему бы мне не попробовать? Ну, и я тоже мозгами пораскинула. Подумала: а что мне терять-то, собственно? И потом я сказала ему: мол, черт с тобой — давай! Мне нужно было как можно дальше убраться от Мехико, потому что наши сутенеры никогда не любили шутить. А Белиз был дальше, чем Канкун. — Она хохотнула. — Тогда я, конечно, еще не подозревала о том, как далеко я окажусь!

С этими словами она хлопнула его по спине.

— Повезло Марии, да? Ну, а ты?

— Я музыкант. Композитор, — без воодушевления ответил Уилл.

Ее лицо осветилось.

— Не шутишь?! Я петь люблю. И вообще собиралась стать певицей. Ты хоть знаешь, сколько бедных девчонок на весь Мехико? Шестнадцать миллионов, не меньше! И половина хотели бы стать певицами. Вот и я тоже. Правда, пела я неважно, зато шлюха из меня вышла классная! Теперь у меня, понятно, работа получше. А недавно меня сделали капитаном. Сказать, почему? Потому что у меня рука отродясь не дрожала. Потому что я говорю всегда прямо и честно. И ничего не боюсь. Ну, что скажешь? Пока что у нас есть один полковник и несколько майоров. Но это только начало. Когда поступит пополнение, нас повысят в званиях. «Майор Эчеваррия». Звучит? Мне тоже нравится! Слушай, хочешь грохнуть парочку криголитов? Это я тебе моментально устрою! И оружие дадим!

— Я не хочу никого *у-би-ва-ать*, — глухо проговорил Уилл. — Я прилетел только для того, чтобы посмотреть, как у вас тут идут дела.

— Нормально идут дела, парень. Отлично идут! — Она нахмурилась. — Слушай, хочешь поболтать с другими солдатами? Похоже, я тебе не нравлюсь...

— Дело не в этом, — тут же отмахнулся Уилл. — Просто...

— О'кей, нет проблем. Все ясно, можешь не объяснять. Столько всего на тебя сразу навалилось, да? Ты и не ожидал такого? Понятно... Знаешь что? У нас тут один спецотряд. Ребята уже, наверно, здесь. Могу познакомить.

— Ну, как вообще воюется? — Этот вопрос он не хотел задавать, но его нельзя было избежать. Извращенный интерес. Как у зрителя боксерских поединков. — На передовой, я имею в виду?

— Ну, это я тебе расскажу. Силы амплитуров уже подобрались к окраинам одного большого местного города, который недалеко отсюда, когда командование решило сбросить нас с массудами. С того времени мы оттеснили противника километров на тысячу, честное слово! А скоро мы вообще скинем их с планеты. Здесь это не так уж трудно сделать. Никакой тебе Европы или Африки, куда можно было бы смыться. Один всего материк. После него только водичка. Мы обойдем с флангов всю их банду и ударим по главной снабженческой базе с тыла. А если они не побегут и повернутся против нас, мы каждого порубим на мелкие кусочки. Никто обо всем этом и не мечтал здесь до нашего прибытия. Массуды хорошо воюют, но они слишком прямолинейны. У нас другое видение обстановки, и мы не любим слишком долго болтать. К тому времени, когда они обычно заканчивают обсуждение плана атаки, мы уже отдыхаем после боя. Всегда приходится подгонять их. И вообще, похоже, мы для них слишком скоры на ногу. Но они нас любят. Ведь наша помощь — это означает уменьшение потерь среди массудов. Нам бы подкинуть еще пару тысяч ребят с крепкими кулаками. Из тех, кто попроще. Как там на Земле-то?

— Все то же. — Уилл ответил первое, что попалось на ум.

— Эй, нам бы сюда хороших вояк! Настоящих! Здесь есть уже немного, но маловато пока. Вербовали во время отпусков. Один из наших майоров — русский. Когда он узнал о нас, тут же вместе с женой и детьми вскочил на корабль. Это было на Ямайке. Неплохой парень. По-массудски шпарит похлеще меня.

— Вы говорите на языке массудов? — изумленно воззрился на нее Уилл.

— А то как же! — ответила она с улыбкой и вдруг издала целую серию отрывистых гортанных звуков. Уилл уловил массудский строй речи, но не понял смысла сказанного. — Язык-то легкий, только вот крепких словечек маловато. Мы тут их по мере возможности просвещаем в этой области...

Уилл кивнул самому себе. Межпланетное распространение земной культуры началось...

— Вот и комната отдыха.

Они вошли в помещение, имевшее форму полумесяца. Композитор удивленно и с тревогой уставился на неуместное вроде бы здесь огромное окно. Капитан успокоила его, объяснив, что оно может выдержать удар любого тактического ядерного оружия и поляризовано так, чтобы рассеять любой тип энергозаряда. Мебель была довольно проста, хотя и экзотических форм и с красивыми изгибами. Сама комната имела несколько опускающихся концентрических уровней и в этом походила на небольшой земной театр. На том уровне, где они оказались, было много массудов и гивистамов, которые непринужденно разговаривали между собой и временами посасывали неизвестную жидкость из сосудов экзотической формы.

Нижний уровень был заполнен стульями и диванами земных очертаний. Там-то Уилл и увидел наконец своих соотечественников. Некоторые из них держали перед собой плоские экраны, напоминавшие ручные зеркальца, смотрелись в них и смеялись тому, что видели. Эчеваррия повела композитора вниз.

— Какие вы несете потери? — спросил ее Уилл по дороге.

— Кто-то убит, кто-то ранен. Это война, парень. Когда видишь, что падает мертвым твой друг, то начинаешь давить клопов еще яростнее. Похоже, массудам это непонятно. Когда у них большие потери, они предпочитают отступить. У нас не так. Чем больше погибших или выбывших из строя по ранению, тем крепче дерутся оставшиеся на ногах. Может, поэтому у нас и дела идут немного получше, чем у союзников.

Они подошли к месту отдыха землян, и капитан весело воскликнула:

— Эй, Джо, Чанг! Хочу познакомить с вами одного человека. Специально прилетел сюда с самой Земли!

Во второй уже раз Уилл испытал смущение от реакции, последовавшей за тем, как было названо его имя. Казалось, что каждый из присутствующих считал для себя большой честью пожать ему руку или поцеловать его. Меньше всего он ожидал встретить такой прием. Он-то рассчитывал увидеть

группу несчастных, среди которых свирепствует ностальгия и которые испытали крушение своих иллюзий.

Он никак не планировал становиться объектом поклонения.

Впрочем, излияния этих людей нисколько не походили на фальшивое идолопоклонство равнодушных к музыке матрон, которые поддерживали симфонию только потому, что она является довольно сложным произведением.

А это была своего рода сборная команда всего человечества, оказавшаяся на бесконечно далекой от дома планете. Эти люди не кидались пустыми словами.

Среди новых знакомых оказался брокер по имени Дэвис. Он сообщил, что уже успел побывать вербовщиком и внес в списки рекрутов нескольких своих друзей. И все, не раздумывая долго, согласились плюнуть на свои шестизначные доходы и отправиться воевать за Узор.

— Заколачивать деньги интересно и приятно только в начале, — объяснял он, то и дело вдыхая какой-то газ через узкую трубку странной по форме фляги. — Но постепенно наступает момент, когда к вам приходит понимание того, что этот процесс не имеет никакого отношения к настоящей жизни. И вам становится на душе как-то неуютно. Вы начинаете осознавать, что наращивание капитала превратилось давно в рутину, которую вы повторяли все это время, повторяете и будете повторять бездумно, и не задавая никаких вопросов. — Он кивнул за окно. — Здесь же все совсем не так. Ну, набили вы себе оба кармана деньгами, а дальше что? Ну, купили себе отпадную тачку? Курятник попросторнее? Сидите в нем и тупо глядите в экран большого телевизора, на панели которого чуть побольше кнопочек, чем на том, который был у вас раньше. Ну и что? Какое это имеет отношение к жизни? К смыслу существования? Никакого!.. Хорошо! Допустим, вам даже удалось пролезть в Конгресс или в какую-нибудь другую федеральную контору. И что? Вы потеряетесь среди тысяч бюрократов, которые отродясь не делали ничего стоящего. И на это тратить жизнь человеческую?! Скука! А эта война... В ней решаются вопросы будущего всей нашей галактики. Этому можно посвятить свою жизнь. Это достойное дело!

— Точно так же говорят и пришельцы, — ответил Уилл.

Несколько обращенных на него приветливых улыбок исчезло.

— Да вы что? В самом деле не имеете никакого представления о том, что здесь у нас происходит?! — с сочувствием глядя на композитора, воскликнул бывший брокер. — Удивительно! Именно благодаря вам мы все здесь находимся, а вы даже не знаете, чем тут занимаются!

Он повернулся к Эчеваррии.

— Мария, Уилл уже видел пленных?

— Нет, он только-только приехал.

Дэвис понимающе кивнул.

— Тебе надо отвести его туда. Пусть посмотрит и послушает. — Он вновь повернулся к почетному гостю. — Каждый из нас верит в то, что делает тут. Независимо от того, из какой страны каждый из нас приехал и чем занимался на Земле. Нас здесь уважают и ценят. Нигде и никогда еще землян так не уважали и не ценили. Кстати, вы знаете, каким образом Амплитур заставляет своих союзников воевать против нас?

— Мне говорили, что амплитуры обладают способностью к контролю над сознанием разумных.

— Контроль над сознанием, да. Только тут все гораздо тоньше, чем вам кажется. Неизмеримо тоньше. На поле боя вы не встретите криголитов-зомби. Амплитуры не так вульгарны, чтобы допускать подобное. Все страшнее. Они изменяют ДНК разумных. Присобачивают им такие черты, каких никогда не знала та или иная раса. И эти черты передаются в потомство! — Он оглянулся на Эчеваррию. — Ты просто должна показать ему кого-нибудь из пленных.

— Да, покажи ему, — сказала восточная женщина, откинувшаяся на спинку темно-бордового дивана.

— Покажи ему, — посоветовал смуглый мужчина, сидевший позади всех. — Тех двух ашреганов-кавалеристов, которых захватили на прошлой неделе.

— Кавалеристы? — изумился Уилл.

— Да, мы так их называем. А их машину, которая напоминает десантный скутер, мы называем «лошадкой», — объяснил Дэвис. — Как они работают, хоть убейте — не знаю. Несутся на диких скоростях над поверхностью земли в нескольких футах. Поэтому им не страшна ни вода, ни грязюка,

ни скалы. Экипаж состоит из двух солдат: водителя и стрелка. Доставляют нам очень много проблем. Правда, если попал, то скутер и все, что на нем есть, разлетается вдребезги. Редко когда удается вытащить из-под обломков живое существо. Обычно на «лошадках» катаются криголиты, но встречаются и другие. — Он снова глянул на Эчеваррию. — Познакомь его с нашими противниками, Мария. — Брокер от души хлопнул Уилла по плечу. — Потом возвращайтесь, еще поболтаем. — К нему вернулась его улыбка. — Вы ведь здесь что-то вроде живой легенды. И не только среди нас. Массуды и с'ваны тоже наслышаны о вас и вашей истории.

— Мне все это не нужно, — упрямо сказал Уилл. — Все это... Все это неправильно! Я против!

— Не важно. Можете возражать, сколько вам угодно, но раз уж легенда создана, ее трудно разрушить. Понимаю ваше смущение, но помочь ничем не могу.

С этими словами Дэвис снова приложился к своей фляжке.

— Кстати, попробуйте, если хотите. Расслабляет. Вообще у нас здесь не принято нервничать. Всем весело. Кормят — дай Бог каждому так. К тому же постоянно изобретают для нас новые развлечения. Наизнанку из кожи выворачиваются — лишь бы «этим психам» было хорошо. Психи — это мы, земляне.

Дэвис вытащил изо рта узкую трубку фляжки. Уилл глянул на нее... и чуть не задохнулся! Кончик был откусан! Значит, это не стекло?..

Дэвис заметил его изумление.

— Забавно, не правда ли? Это еще что! Сам газ каков? Абсолютно безвреден, а действует как хорошая порция виски. По запаху чем-то напоминает клубничное мороженое...

— Нюхательное, — сказал кто-то и все весело рассмеялись.

Мария взяла Уилла за руку и повела на верхние уровни.

— Пока, — бросила она через свое плечо солдатам.

— Береги его, Мария, — шутливо предупредил кто-то.

Подобные же реплики прозвучали еще по крайней мере на шести земных языках.

Они уже вышли из комнаты отдыха, а Уилл все никак не

мог понять: где это он только что был и что это он только что видел...

20

В том месте, где коридор расширялся, глазам композитора предстал длинный ряд машин, похожих на спортивные карты, овальной формы и с открытым верхом. Внутри каждой машины размещался пульт и два сиденья. Они сели в один из картов. Эчеваррия тут же нажала несколько кнопок, и машина понеслась вдоль по боковому туннелю. Несмотря на высокую скорость, Уилл не ощущал дуновения ветра в лицо. Видимо, они находились под невидимым защитным колпаком.

— Ты чем-то раздосадован? — спросила капитан, заглядывая в глаза композитору.

— Меня раздражает, что все вы так безумно счастливы!

— Да, мы счастливы, compadre. Мы пришли с разных жизненных дорожек, из разных стран, разных культур, но здесь все равны. Все мы — чужаки в этом мире. Но мы делаем стоящее дело и к тому же загребаем обеими руками золото! Почему бы нам не быть счастливыми?

— Я на вашем месте не был бы. Как вы думаете, сколько из вас стали бы воевать не за золото?

— Не знаю. Некоторые бы стали, другие бы нет... Это не важно, потому что золото-то есть.

— А вам не приходило в голову, что гивистамам и с'ванам может не нравиться то, что вы воюете за плату?

— Пусть не нравится, нам-то что? Они и так считают нас психами.

— Когда рекруты начнут возвращаться на Землю, люди станут спрашивать: откуда это у ребят появилось столько золота? Вы никогда об этом не задумывались? Тайное станет явным.

Она пожала плечами.

— Что об этом сейчас думать? Я пока назад не собираюсь. А некоторые из нас даже детей сюда притащили.

— Да, вы говорили о каком-то русском майоре...

— А у других дети появились уже здесь. Нам уже и свой роддом отгрохали, представляешь?

— И родителям наплевать на воспитание и образование своих отпрысков?

— Почему? У нас тут есть парочка учителей, которые отвечают за это. Но ребята учат здесь не совсем земные дисциплины. Возьми сестер Саки. Они чешут по-массудски лучше самих массудов.

— По отношению к детям все это нечестно и жестоко. Ведь они даже не подозревают, чего их лишили! Родины! Сколько им сейчас?

— Девять и двенадцать.

— Скоро они вообще забудут о Земле.

— Ну и что? Они счастливы. Когда-нибудь станут хорошими солдатами.

Уилл передернул плечами. Нужно было как-то положить конец этому кошмару!

Карт въехал в глубь большой горы и высадил своих пассажиров на движущейся дорожке. Здесь массуды ходили только с оружием и удивленно оглядывались на гражданское одеяние землянина. Здесь никто не вел праздных разговоров, как на главной базе. Здесь занимались делом.

Порой Эчеваррия останавливала кого-нибудь из солдат и что-то спрашивала у них. Иногда она пользовалась услугами транслятора, но по большей части говорила на грубом массудском. Из представителей других рас здесь можно было встретить лишь немногочисленных гивистамов и о'о'йанов. Один раз мимо композитора и Марии пробежала вейс в изящном наряде. Походка у нее тоже была невесомая и изящная.

— Как вы общаетесь между собой на поле боя? — спросил Уилл.

— В последнее время все больше переходим на английский. Так легче, чем таскаться с трансляторами.

— И никто не пытается защитить права своего языка?

— Да, нет. Ясно же, что всем учить массудский или гивистамский — замучаешься. А английский легок и практичен. К тому же порой среди нас вертятся вейсы. Помогают здорово. И вообще эти птички ничего! Они мне нравятся больше с'ванов. Понимаешь, когда разговариваешь с борода-

тым коротышкой, он постоянно острит, а ты не знаешь: может, это он над тобой ржет? А когда вейс что-нибудь говорит, сразу ясно все.

Эчеваррия остановилась перед широкой дверью. Уилл удивился, увидев по обе ее стороны гивистамов с оружием.

— Ты не удивляйся. Из этих пушек никого не убьешь. Парализаторы называются, — объяснила ему капитан. — Не могут отозвать массудов с поля боя для выполнения такой идиотской работенки. — Она улыбнулась. — Ну, о землянах, как ты понимаешь, вообще речи нет! У кого повернется язык приказать нам встать здесь охранниками? Так что ставят ящериц. Им все равно не придется стрелять даже из парализаторов: никто отсюда никогда не пытался драпануть.

Они прошли в небольшой тамбур, где им была устроена проверка личностей, потом открылась вторая дверь и они вошли в комнату с высокими потолками, заставленную простой мебелью. Эчеваррия вовремя положила Уиллу руку на плечо: тот едва не треснулся лбом о невидимую стену, которая разделяла заключенных от посетителей.

В камере находилось двое пленников. Здесь им было просторно.

— Сюда и четверо вместились бы, — объяснила Эчеваррия. — Вообще здесь не принято сажать в одну камеру больше четверых. А тут видишь, двое пока.

Уилл прищурился. Просто одетые пленники посмотрели на него с тем же интересом, что и он на них.

Маленькие глаза выглядывали из-за выдающихся бровей. Ни одна раса Узора не обладала таким пустяком, как брови! Уши были самые что ни на есть земные, только забраны не в хрящевую, а в костную оправу. Нос плоский с двумя ноздревыми отверстиями. Рот был небольшой, но чувствовалось, что раскрываться может широко. Верхние конечности отличались необычной длиной, в то время как нижние были коротки. В остальном пленники... удивительно походили на землян.

— Ашреганы, — с мрачной ухмылкой проговорила Эчеваррия. — Забавные мордочки и короткие лапы, а с другой стороны немногим отличаются от нас с тобой, а? С массудом или там со с'ваном ты никогда их не спутаешь, а вот с зем-

лянином можно. Не со мной только — даже в самые плохие времена я не была так уродлива.

Один из пленников приблизился к невидимому барьеру и что-то негромко сказал. Эчеваррия повернулась к Уиллу и проговорила:

— Он хочет знать, кто ты такой.

Композитор изумленно уставился на капитана.

— Откуда... Вы что, знаете их язык?!

Капитан только улыбнулась и быстро подстроила транслятор Уилла на язык ашреганов.

— На тебе нет военной формы. Его это удивило.

— Это... союзники пресловутых амплитуров?

— Вот уже более шести сотен лет. Время вполне достаточное для того, чтобы тебе промыли хорошенько каждую извилину и обеспечили появление «правильного» потомства. Теперь все мысли их только о служении этому паршивому Назначению.

Уилл нажал кнопку на своем трансляторе и сделал шаг вперед к барьеру.

— Вы очень похожи на нас, — нейтральным тоном сказал он.

— Нас также удивило сходство, — последовал ответ со стороны одного из пленников. Того, что был, очевидно, мужского пола. У него был приятный и густой голос. — Я простой солдат и не знаком с деталями таких концепций, как, например, параллельная эволюция. Так что со мной не стоит обсуждать эту тему.

И он улыбнулся.

Совсем по-земному, по-человечески!

Это явилось большим шоком для Уилла, однако он сумел ничем себя не выдать.

Откашлявшись, композитор продолжил диалог:

— Для чего вы и амплитуры занимаетесь порабощением миров? Почему вы позволяете амплитурам быть над вами хозяевами?

Ашреган обменялся недоумевающим взглядом со своей спутницей.

— В рамках Назначения нет и не может быть хозяев. Мы

все слуги истины. Каждая раса делает то, что умеет. Ашреганы воюют. Амплитуры советуют.

Эчеваррия нервно передернула плечами. Скулы ее побледнели... Только тут Уилл заметил, как сильно пахнут ее духи.

— Теперь ты понимаешь, что говорил сеньор Дэвис? Амплитуры поступают очень тонко. Они, видите ли, не приказывают, а лишь «советуют»!

Ашреган, видимо, услышал раздраженную реплику землянки.

— О семантическом значении тех или иных слов мы можем с вами спорить в течение месяцев. Безрезультатно, — проговорил он мягко. — Разве земляне не слушаются советов, которые им подают с'ваны? Однако вы же не называете их своими хозяевами.

— На поле боя мы всегда делаем то, что нам кажется более целесообразным, — отпарировала Эчеваррия с задором в голосе.

— На поле боя, в пылу схватки, каждый вынужден импровизировать, чтобы не проиграть, — все так же мягко ответил ашреган.

— Если вам настолько нравится Назначение, что вы жить без него не можете, — торопливо вмешался Уилл, — отлично! Живите с ним! Служите ему! Но зачем пытаться всучить это другим расам?

— Вы думаете, что мы не понимаем, что было бы гораздо спокойнее для нас оставить вас в покое? Это избавило бы нас от больших трудов и тяжелых потерь. Но мы, познавшие благодать Назначения, не можем чувствовать себя спокойно и радоваться жизни, когда знаем, что нас окружает еще множество непосвященных. Нуждающихся в приобщении к красоте и правде!

— Ну, хорошо, пусть так, — начал все больше раздражаться Уилл. — Но что, если «непосвященные» не желают приобщаться к «красоте и правде»?

Ашреган снова улыбнулся.

— Посмотрите вокруг себя. Что вы видите? Землян и массудов, гивистамов и с'ванов, объединившихся в неестественный зловещий союз. Для чего? Для того, чтобы противостоять воцарению мира и счастью всеобщего единения! Узор — пол-

ностью искусственный организм, созданный не на благо его участников, а для того, чтобы попытаться задержать неизбежное распространение Назначения. Если бы не было этого бездумного и бессмысленного сопротивления, многие расы уже давно прекратили бы вести между собой войны, ссориться, оскорблять одна другую. Там, где существует подобное, отсутствует гармония, истинное удовлетворение. И теперь я спрашиваю тебя, землянин: на чьей стороне логика и правда? Что касается нас, ашреганов, то мы дышим гармонией, вкушаем удовлетворение.

— Это все потому, что вас хорошенько выпотрошили амплитуры, — со злой усмешкой проговорила Эчеваррия.

Ашреган перевел взгляд на нее.

— Вы постоянно путаете понятия. Я простой солдат, не оратор. Мне трудно с вами спорить, но это вовсе не значит, что правда на вашей стороне. — Затем он вновь обернулся к Уиллу. В его голосе теперь слышались умоляющие нотки: — Ваш народ рождает великих воинов. Ваш военный талант уникален и могуч. Вы самые сильные противники, которые когда-либо вставали на пути ашреганов. Зачем вам бессмысленно погибать во имя химерического Узора, когда вам предлагают приобщиться к счастью посвященного в ряды Назначения? Вы изо всех сил отталкиваете от себя свою судьбу. Со стороны это выглядит довольно глупо, но мы понимаем вас. Вы обмануты коварными с'ванами. О, с'ваны — это самые непревзойденные лжецы во всей галактике! В этом их защитная реакция, которой они компенсируют свое физическое убожество. Их искусство — манипуляция словами, их музыка — извращение первоначального смысла понятий. Они так искушены во лжи, как вы, земляне, в ратных делах.

Попробуйте разубедить своих собратьев. Для их же блага. Ибо амплитуров невозможно победить, а Назначение — забыть. Нельзя перечеркнуть тысячи лет истории. Судьба вашего народа будет такой же, как и судьба всех разумных во Вселенной — присоединение к истине. Бегите от таких примитивных и неестественных альянсов, каким является Узор. Не берите в союзники такой вероломный народец, каким является раса с'ванов.

Амплитур раскроет вам свои объятия с радостью и предель-

ной искренностью. Тем более вам, ибо это будет означать прекращение бессмысленной гибели разумных. А между тем даже единичная смерть существенно обедняет Назначение.

Уилл с минуту молчал, будучи погружен в тщательный анализ, разбор, обдумывание речи этого пленного ашрегана, которая была вдохновлена его солдатской искренностью... или программой, заложенной в его сознание, чужими руками.

— Насколько я понял, — проговорил он наконец, — целью Назначения является интеграция всех без исключения разумных цивилизаций в одну мощную и всеобъемлющую организацию, так?

— Совершенно верно, — согласился ашреган. Ему понравились слова землянина.

— Но каков же окончательный результат? — тут же спросил Уилл.

— Амплитуры полагают, что как только произойдет полная интеграция, объединенная цивилизация совершит качественный скачок вперед. На новую ступень эволюции. Будет ли это создание некоего сверхразума или чего-нибудь еще в этом же роде, я не знаю. Не знают этого наверняка даже амплитуры.

— Сколько разумных рас должно присоединиться к Назначению, чтобы была достигнута необходимая для скачка критическая масса? Каково количество разумов, требуемое для создания вашего сверхразума?

— Амплитурам не известно это количество. На протяжении многих сотен лет они пытаются рассчитать точную цифру, однако пока безуспешно.

— Что, если не произойдет того чуда, на которое вы все уповаете? Что, если нет никакой следующей ступени эволюции? Что, если нет никакого сверхразума? Что, если амплитуры интегрируют в свое Назначение все новые народы вовсе не для этой цели?

— Вы хотите сказать, что венца Назначения не будет? Это невозможно.

В эту минуту к разговору присоединилась женщина-ашреган, которая до этого молча наблюдала за землянами со своего дивана.

— Хорошо, каково же ваше представление о смысле

развития, землянин? Вы можете предложить более прогрессивную теорию?

Этим вопросом Уилл был застигнут врасплох. Он прилетел сюда для того, чтобы агитировать против войны, а вовсе не для участия в философских диспутах.

— Нет. Мы просто полагаем, что вам было бы лучше оставить нас в покое. Дать нам возможность найти свою собственную судьбу. Без вовлечения в организм некоего стадного сознания.

Женщина всплеснула руками, — какое человеческое движение! — и села на диване.

На ее руках было по пять пальцев, как заметил Уилл. Но все они были лишены ногтей, а просто закруглялись к концам.

— Назначение — это всеобщность, полнота разделенного счастья, абсолют единения. Это может быть непонятно только тому, кто еще не является частью всего этого!

— Некоторые народы, возможно, хотят предпочесть этому независимость мыслей и поступков.

— Но это нелогично! Нецивилизованно! — раздраженно воскликнула пленница. — Разве можно предпочесть междоусобицу сотрудничеству?

— Но таково наше собственное решение. Если мы захотим быть, как вы выражаетесь, «нецивилизованными», значит, мы будет ими, ибо такова наша независимая воля.

— Вы говорите так потому, что не знали ничего лучшего, — спокойным голосом возразил мужчина-ашреган. — Вижу, мои аргументы не доходят до вашего сознания. Вот если бы здесь был амплитур...

— Если бы здесь был амплитур, ты бы быстро понял, что такое Назначение, — передразнивая торжественный тон пленника, проговорила Эчеваррия, насмешливо глядя на композитора. До сих пор она только слушала, опираясь плечом о невидимую стену, но теперь решила вмешаться. Ее глаза зловеще сузились. — Амплитур обнял бы тебя своими щупальцами и заглянул бы тебе прямо в глаза. И тогда ты почувствовал бы легкое покалывание в затылке, так ведь? — Она быстро оглянулась на ашреганов. — Через несколько секунд тебе бы открылся свет истины! Именно это с тобой бы и проделал ненаглядный их амплитур, окажись он в этой ком-

нате. Они уже проделывали это с беднягами массудами и с'ванами, которые попадали к ним в плен. Их отпускали обратно для ведения пропаганды. Не всегда открытие истины легко сходит для организма. Некоторые массуды, например, умирали. Но это ничего! Зато другие приобщались.

Она показала на пленников.

— Вот эти ребята представляют из себя полностью очищенный продукт генной мутации девятого или десятого поколения. Они напрочь лишены способности думать независимо. Им не понять, что это такое. Самостоятельность — чуждое для них понятие.

— Мы и не надеялись на то, что нам удастся убедить вас, — вмешался в монолог землянки ашреган. Его голос был по-прежнему ровен и спокоен. Казалось, он ничуть не был огорчен своей неудачей. — Ведь мы всего лишь простые солдаты. Мы могли предложить вам только искреннее видение нами ситуации. Мы кое-что слышали о вас, землянах. Знайте же, что ашреганы тоже вели на своей планете междоусобные войны. Это было давно. Все это безвозвратно ушло в историю. Теперь мы счастливы, ибо служим великой идее мира, великому Назначению.

— Ага, счастливы! — передразнила его в очередной раз Эчеваррия. — Вам по-другому и нельзя. А то явится ненаглядный амплитурчик и чуток подремонтирует ваши мозги!

— Невозможно познать счастье, сопротивляясь ему, — заметила пленница. — Вы с порога отвергаете нашу теорию мира и радости. Это говорит только о том, что ваша раса еще не вполне созрела для того, чтобы осознать эту концепцию.

— О, концепцию счастья я как раз осознаю! — воскликнула капитан. — Одного не пойму: как можно быть счастливым с трепанированной башкой?! Пошли отсюда!

Она решительно взяла Уилла за руку и потянула к выходу. Он не стал сопротивляться.

— Запомните! — крикнул вдогонку ашреган. — Независимость бывает разная! Одно дело, когда вы независимы в рамках службы Назначению, а другое дело, когда вы независимы в убийствах во имя бессмысленной абстракции! — Голос пленника постепенно затихал, ибо композитор и капитан выходили из зоны действия транслятора. Последние

слова до них донеслись уже едва слышно: — Это нецивилизованно!

В коридоре Эчеваррия вопросительно посмотрела на Уилла.

— Ну, что скажешь?

— Не знаю... — неуверенно произнес он. — Их речь была осмысленнее, чем я ожидал. И потом... они так похожи на нас.

— Да, здорово смахивают. Параллельная эволюция какая-нибудь... Только мозги у них прочищены.

Уилл неуверенно покачал головой.

— Они не были похожими на зомби или роботов...

— В том-то и дело! В том-то и дело, что они вполне самостоятельны, как ты и я, — согласилась она. — Но когда речь заходит об этом их паршивом Назначении — начинается! такое впечатление, что их способность мыслить независимо падает и становится похожей на прямую строчку кардиограммы мертвеца! Как только ты меняешь тему, они сразу снова становятся нормальными. Кстати, ты все-таки надумал глянуть на поле боя? Могу обеспечить тебя оружием. Посмотришь, как мы оттесним ашреганов и криголитов с гор к морю. Как только к нам поступит подкрепление, мы вообще уморим союзничков Амплитура. — Она конспиративно понизила голос. — Массуды все еще колеблются, а у нас уже давно кулаки чешутся. Майор говорит, что противнику давно уже надо надавать по заднице. Ты знаешь, как это сказать по-русски? Хоть бы здесь было несколько амплитуров, мы им тоже крепко дадим по заднице. Впрочем, у них и задниц-то нету.

Волчья улыбка исказила черты ее красивого, хоть и немного потрепанного лица.

— После того, как мы покончим с клопами на Васарихе, перелетим на другую оспариваемую планету. На какую именно, не знаю. С'ваны не говорят. Но я знаю только одно: мы не собираемся сотнями лет топтаться на одном месте, как это делали массуды до нас.

Она ударила его раскрытой ладонью по спине. По-дружески, разумеется. Однако он аж подскочил.

— А знаешь... Для композитора ты парень ничего. Раньше мне композиторы никогда не попадались. Если тебе вдруг позже станет скучно и захочется расслабиться в компании с хо-

рошей девчонкой... Comprende? Наверно, приятно заниматься этим не за деньги.

— Я подумаю об этом, — было все, что он мог ответить, застигнутый врасплох ее предложением. — Мне о многом нужно будет подумать... Ж'хай хочет показать мне базу и...

— Понятно, — с этими словами она опять-таки по-дружески ударила его кулаком в бок. — Если я понадоблюсь, спроси у кого угодно. О'кей?

— О'кей.

— Хочешь кое-что покажу?

— Да... — настороженно проговорил Уилл. И подумал: «Что она еще выкинет?»

Она показала ему свою раскрытую ладонь. Она была маленькая, женская.

— Ну-ка глянь повнимательнее.

Она растопырила пальцы.

— Ничего не вижу, — чувствуя себя последним дураком, ответил он.

— Неужели ничего не замечаешь? Морщин нет.

Осознав, что это правда, он изумленно поднял брови.

Ее ладонь и в самом деле была совершенно гладкой, как щека ребенка.

— Со с'ванами хорошо советоваться, но когда речь заходит о практической помощи, всегда обращайся к гивистамам. Это ребята что надо. Если бы не были такими трусами, стали бы хорошими солдатами. Гляди, — она сделала отсечное движение по запястью руки в нескольких дюймах от ладони. — Мне оторвало вот посюда. Ящерицы пообещали регенерировать ладонь, но сразу предупредили, что «линий жизни» больше не будет. Как и отпечатков пальцев. Они говорили, что врачи Амплитура сделали бы все так, что отпечатки пальцев остались бы. Амплитуры искуснее.

Она кивнула на восток.

— Если тебя пристрелят в бою... Разнесет в клочья, к примеру... Мы принесем тебя на базу к гивистамам, все кусочки, которые сможем найти. Они сошьют тебя заново. Будешь почти как новенький. Даже если будешь всю оставшуюся жизнь громыхать пластмассовыми внутренностями. Они здо-

рово о нас заботятся здесь. Возможно, мы им не нравимся, но они о нас все равно заботятся.

Они взобрались в кабину небольшой транспортной машины.

— Как насчет с'ванов? Я полагал, что с'ванам нравится все и вся.

— Да, по крайней мере они так говорят. Лично я никогда не видела, чтоб коротышки не улыбались. Но о них сложно говорить что-либо определенно. Порой мне кажется, что они улыбаются всем подряд, потому что у них нет другого выбора. Трудно рассердиться на того, кто только и делает, что острит. Даже лепары могли бы прихлопнуть всех с'ванов одной ладошкой. — Она улыбнулась. — Кстати, знаешь, сколько требуется лепаров, чтобы принести в нашу комнату отдыха поднос с ужином?

— Нет, — машинально ответил Уилл.

— Один — чтобы нести сам поднос, второй — чтобы следить, как бы первый не съел все с подноса, и третий — чтобы следить за вторым.

Она рассмеялась.

— А мне нравятся лепары! — вдруг серьезно проговорил Уилл, обрывая ее смех.

— Эй, да ты неправильно меня понял. Они мне тоже нравятся. Они всем нашим нравятся. Хвосты готовы оборвать, лишь бы помочь чем-нибудь. Они какие-то тормозные, и вид у них глуповатый, но разве можно на это сердиться?

Транспортер замедлил ход.

— Я доставлю тебя прямо к Ж'хаю. Ты уверен, что тебе не нужно оружие?

— Уверен, — твердо проговорил Уилл. — Здесь и так его слишком много. В глаза лезет.

21

Быстро-Исследующий-Мысль еще работал и был раздражен приближением расчетного времени. Он посмотрел вверх, потом вокруг, правый глаз, вращающийся свободно на короткой ножке выглядывал на две трети внизу пестрой задней

стенки, где неровный выступ прорвался из гладкой поверхности.

— Просыпайся, Новый-Исследователь-Мысли, — потребовал настойчиво амплитур.

Миниатюрные глазные стебли выдвинулись изнутри тела, крошечные глазки влажно светились на их концах. Плод продвинулся немного вперед, внимательно и выжидающе.

Еще два временных промежутка, и он полностью оформится, в какой-то момент он отделится от родителя и вступит в жизнь как самостоятельное существо, уже хорошо образованное и зрелое. Успешное развитие нельзя было перехваливать, комплексный процесс всегда требовал к себе повышенного внимания.

Но таким было мастерство Быстро-Исследующего-Мысль, что несмотря на его хрупкое состояние присутствие его на проходившем заседании было потребовано Командованием.

От был неуклюжим. Вполне развившемуся плоду, вероятно, не следовало мешать, пока его тело находится в чувствительном процессе обладания дыхательными и циркулирующими функциями от родителя.

Кровеносные сосуды и нервы родителя и плода будут связаны какое-то время. Быстро-Исследующий-Мысли старался быть оптимистом. Столкновение с действительностью будет носить воспитательный характер для индивидуума...

Плод отозвался на мысль, качая своими миниатюрными щупальцами, упражняясь в развитии конечностей, уже способных хватать маленькие предметы. Четыре ноги слегка двигались под закрывающей их кожей. Они будут последней частью новой особи, отделившейся от родительского тела.

Комната была переполнена. Быстро-Исследующий-Мысли заметил присутствие большинства членов Командования, которые собрались вместе с некоторым количеством офицеров с Ашрегана, Молитара и Криголита. Они разместились у одной стороны, молча раскланивались с другими, подобными им, которых Приближенный-к-Главнокомандующему переместил вперед. Немедленно все мысли амплитуров успокоились из уважения к присутствию своих восприимчивых безмолвных союзников.

Приближенный-к-Главнокомандующему говорил громко,

изо всех сил стараясь выразить свои мысли посредством невнятных, грубых звуков, которыми пользовались все другие чувствующие расы.

— Вы все знаете, что мы потеряли Васарих. Нам грозит опасность потерять Аурун. Васарих всегда был под вопросом. Что касается Ауруна, мы думали, что победили его. Аурианцы отказались оставить Вив за содействие Назначению. Нынешние обстоятельства враждебно повлияют на их будущее. — Криголиты что-то невнятно забормотали. Несомненно эта последняя информация была для них новостью.

— Узор привлек нового союзника, необычайно эффективно сражающийся вид, который воплощает в себе прежде не встречавшуюся комбинацию высокой технологии и примитивной дикости. Впервые они были обнаружены в небольшом количестве на Васарихе и сначала было предположено, что таковы, должно быть, новые представители этой цивилизации. Но наличие двух разумных видов в одной и той же цивилизации не имеет прецедента.

— Последующие столкновения и новая информация показали, что эти существа в действительности происходят из другой цивилизации. Их количество, то есть участвующих в действиях Узора, незначительно, но оно увеличивается. Их умеренное присутствие на Васарихе делает наше присутствие там невозможным. Там также имеют место ненормальные действия.

— Примеры? — рассеянно спросил Быстро-Исследующий-Мысли, убеждая плод слушать внимательно.

— Массуду кажется, что бороться лучше, когда рядом эти существа, которые обладают способностью в их компании действовать более эффективно. Может быть, их влияние будет распространяться и дальше и включать такие цивилизации, как С'ван и Гивистам, хотя пока еще нет доказательств, подтверждающих такую гипотезу. Угроза, исходящая от этого вида, следовательно, в их многочисленности и скученности. Те трупы, которые были анатомированы, не дали особенной информации, хотя, как я и говорил, предлагая предварительное обследование, структура их нервной системы необычно плотна для млекопитающих жизненных форм.

— Как и следовало ожидать, на планете Вив очень

защищали их, делая все возможное, чтобы скрыть их от нашего наблюдения. Однако, это не помешало нам получить несколько живых экземпляров. Предоставим слово тому, кому мы обязаны настоящей информацией.

Приближенный-к-Главнокомандующему уступил место Надзирающему, который принял такую же позу, как и говоривший до него.

— Образцы обнаружили исключительные физические способности, но не устрашающие устройства. Их вооружение — обычное, выпускаемое на Виве. Они не принесли с собой никакого нового сверхоружия, ничего такого, с чем бы мы заранее не могли бороться.

Офицер с Криголита заговорил громко и отчетливо, ни в малейшей степени не более почтительно:

— Удача сопутствовала нам на пути к победе над Васарихом, пока не появились эти существа. Они используют необычные методы борьбы. Массудов мы могли предсказать и стратегически продумать противодействие им, но не этим. Абсурдность и нелогичность — их союзники. Тот, кто нормален, их не поймет. Желание их жертвовать собой — непредсказуемо.

Надзирающий подождал, пока сознание Криголита не прояснилось.

— Еще мы имеем сформулированные нормы, по которым оцениваем этих существ. Каждое целое проявляется способным к функционированию независимо от высокого надзора. Это делает их крайне трудными для понимания соперничающей стороны. Физически они необыкновенно сильны и проворны. У них есть управляемое оружие Вива, очень эффективное.

Другой криголит шагнул вперед.

— Ясно, что Аурун также потерян. Подскажите, как нам поступить, Ученые. Вы должны приготовить тактические решения.

— Они будут наступать, — пробормотали несколько амплитуров одновременно.

— Наступило время для просвещения, — сказал Приближенный-к-Главнокомандующему. Дверь в задней части комнаты открылась и множество взоров сосредоточенно обернулось. Вошли два огромных молитара, в качестве почет-

ного эскорта сопровождая нечто ненамного короче, но не такое массивное.

Офицер с массуда остановилась в центре залы, прищурившись на свет ламп и окружавших его чужестранцев. Она была удивлена, увидев амплитуров.

Один из них был с плодом. Ей страстно захотелось самого простого оружия, хотя не смогла бы непосредственно воспользоваться им — руки ее были привязаны к бокам резиновыми жгутами.

Они снабдили ее переводчиком-транслятором.

— Почему вы привели меня сюда? Что вы хотите? — Она бросила свирепый взгляд на шестерых амплитуров, которые молча изучали ее. — Я не думала, что вы подвергаете свои драгоценные шкуры риску.

— Вы поняли наше отвращение к жестокости, — сказал Надзирающий.

— Вам нравится покорять народы чужими руками.

— Мы помогаем им, если это требуется, — Надзирающий приблизился к пленнице. — Хотя, возможно, чтобы расчленить тебя, мне не потребуется помощник.

Массуд постаралась избежать взгляда темных, сверкающих глаз.

— Вы здесь не для того, чтобы умереть, — заверил ее Приближенный-к-Главнокомандующему своим странным шелестящим голосом. — Но, конечно, вы обязаны предоставить нам информацию.

Массуд постаралась взять себя в руки.

— У нас кое-какие трудности на Васарихе.

— Вы потеряли Васарих, — резко отреагировала пленница, ее нос сильно подергивался, шерсть поднялась дыбом. Серые глаза встретили эти узкие полоски золотистого цвета.

— Не так уж безрассудна оценка ситуации, — согласился амплитур. — Мы потеряли много, но не из-за вас, а из-за этих необычных человеческих существ. Вы нашли чужаков, которых используете для борьбы в своих интересах. Поэтому, прежде чем осуждать за это, выдержите паузу.

Офицер-охранник с трудом удержал ее.

— Массуды сражаются бок о бок с людьми. Эта война — наша.

Приближенный-к-Главнокомандующему плавно пошевелил щупальцами.

— Дальше так продолжать невозможно. Эти существа разрушительны. Мы можем быть терпеливы и сдержать их, как сдерживали других. Но мы не отступим назад, когда можем наступать. От вас требуется лишь рассказать о них все, что знаете.

— Я догадываюсь, чего вы хотите, — отозвалась она, но не столь энергично, как прежде. Она стремительно перевела взгляд с одного обращающегося к ней на другого, тихого, немигающего амплитура, стоящего спокойно позади него.

Приближенный-к-Главнокомандующему отступил, уступая свое место Быстро-Исследующему-Мысль. По мере того как он приближался, пленница старалась отступать, пытаясь найти путь, блокированный молитарами. Быстро-Исследующий-Мысль вздохнул тяжело, сконцентрировался, глаза втягивались на своих ножках. Прошла минута.

Пленная, казалось, слегка сгорбилась. Глаза ее пристально уставились прямо вперед, неподвижные в своих впадинах. Нос, уши, губы прекратили естественные подергивания.

Сознание было достаточно свободным для того, чтобы быть замененным. Быстро-Исследующий-Мысль задумался. Информация заложена, указания сделаны. Ни замков, ни барьеров. Офицер отозвалась на мягкое, но непреодолимое зондирование шести, которое направлялось одним.

В известном смысле это было проще, чем устный допрос. Не тратилось время в связи с протестами или установлением личности, никаких увертюк. Никаких проклятий, ничего, мешающего непрерывному потоку информации. Они вносили вопросы и записывали словесные ответы. Сознание пленной реагировало открыто и эффективно, как какой-нибудь прибор.

Когда все было сделано, Быстро-Исследующий-Мысль расслабился. Пленница задрожала и упала бы от слабости, если бы ее не подхватил молитар. Быстро-Исследующий-Мысль обсуждал завершившуюся процедуру со своим плодом, который вернулся обратно на свое место.

— Поддержите ее, обращайтесь с ней помягче, — сказал

Приближенный-к-Главнокомандующему. — У нее хороший разум, который теперь может служить Назначению.

— Меньше, чем мы думаем, — отважился сказать один из шести.

— Его достоинства впечатляют, — сказал Быстро-Исследующий-Мысль.

— Эта опасность не может быть недооценена, — бросил Приближенный-к-Главнокомандующему с раздражением, смешанным с тревогой. — На Виве предпримут шаги, чтобы держать в секрете родину такого ценного нового союзника. Этот пленник не знает, где именно они проживают, но ждет, что они придут из отдаленного района Вселенной.

Заговорил самый старший из шестерки.

— Овладеть необходимой информацией будет непросто.

— Это так, но инфекция опасна, — сказал Приближенный-к-Главнокомандующему. — Она должна быть локализована любой ценой, прежде чем сможет распространиться. Я жду совета.

Криголиты, ашреганы и молитары стояли спокойно, в то время как амплитуры сновали между ними. Щупальца сплетались абстрактными узорами в воздухе, глазные стебли извивались внутри защиты. Это безмолвное зрелище впечатляло и даже внушало благоговейный трепет. Не тем, что было явным, а тем, что было скрыто. Не вследствие того, что было продемонстрировано, но тем, что подразумевалось.

Глаза выдвинулись по спирали, разглядывая комнату. Заговорил Приближенный-к-Главнокомандующему.

— Этот вид является новым для технологии Узора. На планете, называемой Мотар, враг содержит главное обучающее оборудование. У нас там минимальный надзор. Он должен быть усилен. Энергия должна быть израсходована для изучения всех, кого мы там обнаружим. Мы должны установить: откуда они появляются и как они борются бок о бок с массудами.

— Все препятствия временны, в конце концов поражения не будет. — Быстро-Исследующий-Мысль высказал свое мнение. — Мы решим этот вопрос, как делали это всю нашу прошлую историю: вторично удвоив все силы для устранения проблемы.

Амплитуры взаимно согласились, сигнализируя вежливо своим союзникам, находившимся в комнате, что конференция приблизилась к концу. Криголиты, молитары и ашреганы признали это и начали выходить шеренгой, обсуждая увиденное. Энтузиазм и энергия вернулись на место появившихся было сомнений. Некоторые из них были искренни, другим это заботливо внушили щупальцевидные четвероногие, которых они оставили позади себя.

Амплитуры терпеть не могли видеть своих союзников несчастными.

22

Уилл закончил последние завершающие штрихи к кантате. Она была лучше, чем «Аркадия», лучше всего того, что он сделал ранее. В ближайший день, когда вивианцы попрощаются с Землей, он надеялся услышать ее исполнение.

«Аркадия» принесла ему известность. Кантата укрепит его репутацию. Больше никакого преподавания, никакого репетиторства с бездарными дамочками из семей богатых южан. Последуют массовые заказы. Надо надеяться и молиться об этом. Еще на одну оперу или другую симфоническую поэму.

Жизнь прекрасна.

Сигналы на пульте управления вывели его под яркое карибское солнце, где стоял Кальдак, ожидающий разрешения войти. Т'вар следовал за ним, прячась за грузным массудом. После их приглашения Уилл подошел к пульту охранной сигнализации, набрал необходимую комбинацию и извлек транслятор.

— Несколько необычно для вас быть вне дома средь бела дня, — сказал он командиру базы.

— Я не желаю попусту терять время, — отозвался угрюмо Кальдак, усевшись на пол, вытянул ноги и, откинувшись назад, прислонился спиной к навигационному столу. — Мы думаем, что Амплитур может обнаружить Землю.

— Ох. — Все мысли об опере и музыке улетучились, и

Уилл тяжело опустился на кушетку напротив массуда. Т'вар изо всех сил старался взобраться на стул. — Как?

— Мы не вполне уверены, но даже не в этом дело. Какое-то время они были необычайно активны в районе, окружающем Мотар. Вы помните, что это цивилизация, где человеческие новобранцы получают первоначальное обучение. В настоящее время Амплитур собирает значительные силы около П'хох. Это неоспоримо отдаленная цивилизация, не заслуживающая нападения Узора, не обладающая оборонительными возможностями. Разумным объяснением для скопления таких сил может быть только объект более современной теории и учения. П'хох, — уточнил он, — самая ближняя к вам цивилизация, на которую прибыли посланцы Амплитура.

— Я знаю, — сказал Уилли медленно. — Что же происходит сейчас?

— Военный Совет обсуждает вопрос с Генеральным Советом. Он собирается информировать ваши многочисленные правительства. Ответственность за решение должна в этом случае лежать на них. Такое решение Узор не может брать на себя.

Уилл прищурился.

— Моя идея состояла в том, чтобы держать все в секрете до тех пор, пока у меня был шанс убедить вас, что мои люди будут чувствовать себя лучше, не зная о вашей войне, как можно меньше участвуя в ней.

Т'вар пренебрежительно потряс своей заросшей головой.

— Дальше это невозможно, Уилл Дьюлак. Если Амплитур придет сюда, Узор поможет защищать вашу цивилизацию, но не в том случае, если держать ее в неведении о том, что происходит. Будучи хорошо знакомы с законами современной войны, вы, по крайней мере, понимаете, что мы, вероятно, не сможем воспрепятствовать высадке войск Амплитура. Как и где-либо в другом месте, решающие битвы и здесь будут происходить на земле. — Уилл молчал. — Несколько тысяч ваших людей получили инструкции от Узора, хорошо знакомы с нашим оружием и тактикой. Мы готовы доставить их назад с Васариха, даже Ауруна, помочь обучить большинство представителей вашей цивилизации. Мы уверены, что ваши

профессиональные военные сделают необходимые корректировки гораздо быстрее, чем новички, которых мы уже успешно тренируем. Степень готовности вашей цивилизации может зависеть от того, насколько быстро она сможет подготовиться и как долго Амплитур задержится с нападением.

— Но они могут и не прийти сюда. — Возразил Уилл. — Они могут так ничего и не узнать о Земле.

— Они неожиданно столкнулись с вашими соплеменниками на Васарихе и Аурунс, — сказал Т'вар. — Амплитур не начал бы такого рода наращивание сил рядом с бесполезной цивилизацией типа П'хох без, — и юмор был успешно отфильтрован через преобразователь-переводчик, — цели.

Кальдак внимательно наблюдал за Уилли.

— Есть и другая сопутствующая возможность. Наверху, включая Совет, придают большое значение вашему личному мнению. Если вы пришли к какому-нибудь решению по этому вопросу, сообщите...

— Нет. — Уилл запнулся, слова массуда поразили его сознание. — Я не могу принять такого решения.

— Тогда у нас нет выбора, кроме как информировать тех землян, которые исполняют роль, как это сказать, ваших правителей. Я понимаю ваши чувства, Уилл Дьюлак. Вы можете по-прежнему делать вид, что все в порядке. Ваше правительство, должно быть, чувствует себя, как и вы, и предпочтет не готовиться к войне. Решит вместо этого попробовать урезонить Амплитур. Возможно, вам и будет сопутствовать успех там, где все другие цивилизации потерпели неудачу.

В сознании Уилла прокрутились все возможные последствия. В конце концов разбойник был за границей цивилизации, в звездной, точнее, в межзвездной ночи. Должно человечество вступать в диалог или взяться за оружие? Его собственный инстинкт был по-прежнему за разговор, за диалог. Хотя, если верить Кальдаку, прецеденты были менее всего похожи на оптимистические.

Т'вар чувствовал то же самое.

— Амплитур понял, что вы из себя представляете, по Аруну и Васариху. Они рассматривают вас как серьезную угрозу. Я не думаю, что они придут для разговора.

Уилл наклонился вперед, подперев голову руками. Память об успокаивающей, возвышенной музыке, над которой он работает и которую вот-вот завершит, волновала его. Теперь она должна быть отложена в сторону из-за опасности и неизвестности.

— Хорошо. Я предполагаю, что должно быть сделано. Видит Бог, я не хотел этого.

— Вы были вынуждены. — Немигающие кошачьи глаза смотрели на него холодно. — Несколько лет тому назад я говорил вам, что контакт между вашим видом и Амплитуром неизбежен. Мы задержали формальный контакт в значительной степени из-за вас, ваших убеждений. Я должен вам напомнить, что вы еще уверяли меня в том, что вашему виду присуще миролюбие. Дело не в том, что это будет касаться Амплитура. Все-таки я не могу представить, что вы не понимаете этого.

— В то же самое время, я в отличие от некоторых других, сомневался в полезности ваших людей как бойцов. Вы говорили об их непредсказуемости и этим вы еще раз доказали, что вы ошибаетесь. Я хорошо помню случай с кражей оружия. Подобного еще никогда не случалось с массудами или другими представителями с Узора. Может случиться, что ваше мнение, в конечном счете, возобладает. Не мое дело говорить. Я только администратор. Но люди, столкнувшиеся с вероятностью атаки Амплитура, заслужили того, чтобы быть предупрежденными об этой возможности, чтобы они могли предпринять шаги, какие сочтут необходимыми.

— Когда? — печально пробормотал Уилл.

— Как можно скорее. Надеемся, что вы можете сообщить нам о процедуре. У нас не было прецедента по установлению связи с такой отклонившейся от нормы социально-политической структурой.

Гримаса недовольства исказила лицо Уилла.

— Вы администратор. Я только музыкант. Я не знаю, как связаться с политиками. Дайте мне время подумать.

Кальдак поднялся медленно с пола, машинально сгибаясь так, чтобы не удариться головой о потолок.

— Помните, что каждый день, каждую минуту вооруженные силы Амплитура могут появиться рядом с вашей системой.

— А может, и нет. Я буду помнить об этом.

Кальдак и Т'вар оставили человека наедине с его мыслями.

* * *

По возвращении на базу С'вана принял с большим вниманием высокий массуд.

— Было бы полезно убедить человечество. Вы понимаете, что может случиться. Амплитуры прибудут с достаточными силами, чтобы произвести впечатление на местных жителей, но нападать не будут. Сначала они предложат философию Назначения. Если Уилл Дьюлак прав относительно своего вида, они из тех, кто будет слушать.

— Это не может быть позволено. Если посланцам Амплитура откроют доступ к лидерам человеческой цивилизации, эти люди вскоре проявят себя как некритически поддерживающие Назначение. Так часто случалось и прежде, с другими мирами. Наши исследования здесь показали, что люди часто полностью доверяют своим избираемым лидерам принимать решения за них, за исключением чисто личных забот.

— Я знаю и это. — Командующий был необычайно задумчивым. — Это будет трудным делом.

— Я не думаю, что это выход. Мы делаем, что необходимо, чтобы спасти с'ванов, массудов, гивистамов, а в дальнейшем — и человечество.

— Я это понимаю. Это единственное, что я предпочитаю делать так честно.

— Мы будем правдивы во всех делах, — настаивал Т'вар. — Этот мир в конечном счете будет втянут в конфликт.

— Я думаю так же.

— И учитывая это, капитан: предполагаете ли вы, что Амплитур обнаружил эту цивилизацию раньше нас? Представьте себе Человечество, сражающееся на стороне молитаров.

— Ни один не сражается за амплитуров. Они бьются только за себя. Но вы правы, мой косматый советник. Идея неприятная.

Они разошлись, каждый на свою станцию, каждый со своими мыслями.

— Мне так ничего и не пришло в голову, как это представить правительству? Как мне рассказать о вас? — Уилл сидел в комнате с Кальдаком и Соливик, Т'варом и З'мамом. Он спал очень мало предыдущей ночью. — Может, доказать им вашу силу, посадив ваши корабли-челноки в главных столицах, или что-то в этом роде?

— Наши исследования показали, что люди очень легко психологически травмируются, — сказала Соливик. — Мы бы предпочли, чтобы вы установили первоначальный контакт путем личного представления. — Оба внимательно наклонились вперед. — Вы должны понять, что идея составных правительств на одной планете, среди одного рода — это все еще внове и чуждо для нас.

— Облегчить местные заботы настолько, насколько это возможно, — добавил Кальдак. — Мы будем проводить одновременные представления для двух наиболее сильных сообществ.

— Я слышал о русском офицере на Васарихе, — проинформировал их Уилл. — Он, возможно, сделает эту работу лучше, чем я. Я хочу, чтобы мой дядя Эмиль был здесь. Он член городского управления, знает, как разговаривать с политиками.

— Вы знаете нас дольше, чем кто-либо из вам подобных. — Тон Т'вара был успокаивающим, убеждающим. — Вы все сделаете, как надо.

Так связать себя! Уилл подался вперед, сложив руки на коленях. Спинка его сиденья послушно согнулась, приспосабливаясь к его позе.

— Как я, по-вашему, смогу убедить людей? Они все равно не поверят этому, какого бы вида картины или магнитофонные записи я ни взял с собой.

— Я поеду с вами, — заявил Кальдак, удивив его. — Т'вар тоже поедет, вместе с гивистамом-регистратором и вейс на случай повреждения транслятора. Я думаю, присутствие четверых из нас собственными персонами будет достаточно убедительно, не так ли?

— Не сразу, — сухо ответил Уилли. — Сначала они будут

думать, что вы из какого-нибудь кинофильма. Но вы правы: в конце концов они согласятся с очевидным. Тем не менее согласие с вами не означает одобрения. Допустим, что однажды люди замечают, что борьба осложнилась, переросла в большой конфликт, они оглянутся назад и потребуют, чтобы вы ушли. — Он почувствовал большую уверенность. Откровение, решил он, не обязательно означает запутанность. Принимая во внимание, что дела зашли уже далеко, это могло даже быть к лучшему.

— О, вы должны заставить страны укрепить оборону, так как никто не будет торопиться посылать войска помогать сражаться в вашей войне. Вот увидите.

Кальдак готов был возразить, но был прерван З'мамом. Только очень серьезные обстоятельства заставили командира проигнорировать рамки протокола.

— В настоящее время этого будет достаточно, — проворчал С'ван. Кальдак пристально посмотрел на коротышку, но промолчал.

— Если бы мы могли где-нибудь выйти на телевидение... — пробормотал Уилл.

— Нет. — Соливик настойчиво потребовала внимания. — Чтобы все было в порядке и выглядело убедительно, это должно быть сделано при личном контакте. Ваши примитивные визуальные передачи позволяют делать множество электронных хитростей.

— Будьте готовы к тому, что кто бы вам ни встретился, он будет в ужасе от вашего вида, — предостерег их Уилл. — Люди в этом случае могут быть очень похожи на сумасшедших.

— Ваше дело предупредить, — ответила она на его замечание.

Уилл глубоко вздохнул.

— Может ли один из ваших челноков долететь до Вашингтона? Я покажу вам на глобусе, где он находится.

— Мы знаем, где расположен Вашингтон, — уверенно сказал Т'вар. — Пока вы занимались своей музыкой, мы делали нашу работу. — Он пошевелил своими короткими, похожими на обрубки пальцами. — Я лично могу найти дорогу в

Линкольновский мемориал, Смитсоновский центр и в Белый дом.

— Значит, вы знаете город лучше, чем я, — сказал ему Уилл. — Если я заблуждаюсь во всем этом и ваши люди правы, тогда это означает конец всего. Искусства, музыки, культуры, единого спокойного мира. Всего.

— Вы внушаете себе эту мысль, — резко возразил Т'вар. — Если кому-то и следовало бы внушить эту мысль преждевременно, то это следовало бы делать с'вану, но не нам.

Уилл усмехнулся маленькому чужестранцу.

— Ваш род будет смеяться над Апокалипсисом.

— Таков наш путь, — защищался Т'вар. — Вы и сами это хорошо знаете.

Уилл глубоко задумался. — Я не хочу приземлиться на лужайку перед Белым домом. Мы не должны давать повода для паники. Это должно быть такое место, где правительство не сможет посадить нас всех в тюрьму и изучать нас на досуге или использовать в собственных целях.

— Тогда где? — спросил Т'вар.

— Думаю, что я знаю такое место.

23

— Мистер Бенджамэн, сэр?

К.Р.Бенджамэн поднял глаза от стола на младшего помощника редактора. Глаза ее были широко раскрыты, лицо пылало. Он откинулся на спинку и заложил руки за голову.

— Сейчас я догадаюсь. Это опять Камбоджа, да? Что там сейчас случилось?

— Это не Камбоджа, сэр.

— Надеюсь, что нечто столь же важное. Я занимаюсь окончательной правкой к воскресному выпуску и не потерплю, чтобы меня дергали каждый раз, когда кто-нибудь пытается выехать на каком-то мини-кризисе, заслуживающем, по их мнению, редакционной статьи. Как, по-вашему, я должен выпускать эту чертову газету? Я не провожу, как некоторые,

все свое время на приемах и встречах по сбору денег. В отличие от них, я действительно занимаюсь выпуском газеты.

— Я это знаю, сэр, — она заколебалась. — Но... там на крыше летающая тарелка.

Он наклонился вперед и рассеянно поглядел на экран компьютера.

— Что ж, неплохо. Скажи тем, кто это придумал, что они скрасили мой день. Видишь, я улыбаюсь, — кончики его губ слегка искривились. — Еще скажи им, что смешное один раз не будет смешным во второй, и если кто бы то ни было сегодня потревожит меня снова, они остаток своей карьеры проведут, сочиняя некрологи. Надеюсь, это не твоя идея?

— Нет, мистер Бенджамэн.

Он вернулся к своей работе, но лишь на минуту.

— Вы все еще здесь?

— С-сэр? На крыше, действительно, летающая тарелка. И в ней человек. Он говорит, что его зовут Уилльям Дьюлак и что он из Луизианы.

К.Р.Бенджамэн сделал гримасу.

— Разумеется. Это все объясняет. Не правда ли?

— Это не все, сэр. С ним трое инопланетян. Он говорит, что еще больше их ждет там, в районе Карибского моря.

— Неужели? А что это они там делают сейчас, когда сезон начинается только в ноябре?

В дверях появился крупный лысый человек, и помощница с радостью уступила ему дорогу. Бенджамэн покосился на вновь прибывшего.

— Маркус? Только не говори мне, что и тебя в это дело втянули.

Редактор отдела городских новостей боком протиснулся в комнату одновременно с тем, как помощница редактора, издав какой-то сдавленный писк, выскочила в коридор.

Нечто высокое, пригнув голову, чтоб не задеть за притолоку, вошло в комнату. Его угловатая фигура, покрытая коротким серым мехом, была одета в плотно облегающий комбинезон, оставляющий свободными руки до локтей и ноги до колен. В дополнение ко всему на нем был пояс, усаженный какими-то странными приспособлениями. Длинные руки

свисали до пола, а зубастая удлиненная морда все время подергивалась, принюхиваясь к воздуху.

За ним следовало нечто, напоминающее маленького бесхвостого динозаврика, иначе одетого и экипированного, и продвигавшегося вперед с грацией балетного танцовщика. За ним последовательно появились чрезвычайно волосатый мускулистый карлик, страус, необыкновенно модно одетый, и человек.

— Мне вызвать службу безопасности? — редактор отдела городских новостей топтался у стены.

Е.Р.Бенджамэн молча разглядывал своих посетителей, полностью игнорируя нарастающий шум в коридоре. В конце концов его взгляд остановился на единственном в этой компании человеке.

— Скажите мне только одно, молодой человек, на крыше моего здания действительно села ваша летающая тарелка?

— Это всего лишь атмосферный челнок, — ответил ему Уилл, — и формой он совсем не похож на тарелку.

— Понятно. Но вы же знаете людей: всегда хватаются за самое простое привычное описание. Вот поэтому все труднее становится сейчас находить хороших писателей. Все они, как нарочно, пользуются одними и теми же словами и выражениями, — он посмотрел в сторону редактора городских новостей. — Безопасности не надо, Маркус, но будьте недалеко от двери.

Редактор кивнул и сделал то, что велено, не обращая внимания на толпу, которая к тому времени плотно забила все пространство около дверей.

Е.Р.Бенджамэн медленно уселся на свое место.

— У нас здесь не будет никаких неприятностей, а, мистер... как там тебя зовут, сынок?

— Дьюлак. Уилльям Дьюлак.

— Если бы ты сейчас был в Наумсе, что бы ты взял на ланч?

Уилл нахмурился, но ответил:

— Устричную похлебку.

Редактор одобрительно кивнул.

— Тогда ты из Луизианы. Если ты и мошенник, то мошенник с Юга, а они по крайней мере интереснее прочих.

Шум в холле становился все громче.

— Маркус, скажи этим людям, чтобы возвращались к своим столам, а здесь все под контролем.

Редактор отдела городских новостей отправился выполнять приказание. «С радостью», — подумал Уилл. Хорошенькая помощница редактора последовала за ним без дополнительных указаний.

К.Р.Бенджамэн театрально потер руки.

— Мне нравятся истории, которые сами приходят ко мне в кабинет. Так дешевле, чем платить репортерам. А теперь, сынок, если это какой-то сложный фокус или трюк, самое время просветить меня. Ты ведь не из команды Фокса? Я знаю, что наши обозреватели вцепились зубами в их последнее шоу и рвут его по-живому.

— Мы не от Фокса, сэр, и это никакой не трюк. Мне бы искренне хотелось, чтобы это был трюк. Эти люди, — показал он на своих молчаливых спутников, — на самом деле из других миров. Каждый из них представитель какого-то вида. Они объединены в организацию, которую называют Узор.

Бенджамэн помахал рукой.

— Надеюсь, вы дадите мне время и средства удостовериться в том, что вы говорите? Ведь сейчас я могу действовать только на основании того, что вижу и слышу, а журналисты так не поступают.

— Мои друзья согласны подвергнуться физическому осмотру, — успокоил его Уилл. — Они понимают вашу настороженность, потому что сталкивались с подобным раньше, в других мирах, которые им довелось посещать.

Бенджамэн фыркнул.

— Давайте на какое-то время примем все, о чем вы говорите, за святую истину. Этот ваш Узор, он что, какое-то подобие нашего ЕЭС?

— Суверенные и независимые миры, объединившиеся в целях торговли, коммерции и совместной защиты, — ошеломила редактора вейс, ответив на безупречном без малейшего акцента английском.

Уилл подумал, что старик проявляет в этих обстоятельствах редкое самообладание. Разумеется, было маловероятно,

что человек, ставший главным редактором одной из важнейших газет Соединенных Штатов, им не обладал.

— Значит, это и есть долгожданный Первый Контакт... — Бенджамэн подумал, что стоит выключить компьютер и задействовать магнитофон в столе, — И при том не с одной инопланетной расой, а с четырьмя. Не думал я, что их будет четыре.

— Сэр, их сотни, — спокойно сообщил Уилл.

— Сотни, — Бенджамэн задумался. — И они решили установить контакт у меня в кабинете. За исключением, разумеется, вас, молодой человек. С вами они, очевидно, установили контакт на день-два раньше.

— Боюсь, что нет, сэр. На самом деле они находятся здесь уже несколько лет, наблюдая за нами, изучая, тайно работая с некоторыми из нас.

— Ясно. Я надеюсь, что в нужное время вы просветите меня относительно причин этой их секретности.

— Да, сэр.

Бенджамэн указал на вейс.

— Это чудо с перьями говорит по-английски лучше, чем мои спортивные обозреватели.

— Лингвистика — специальность вейсов, сэр. Но, вообще-то, все здесь присутствующие более или менее говорят на нескольких языках Земли. Я говорю на некоторых их языках. И потом у нас есть эти переводчики.

Он приподнял висевший у него на шее транслятор, тронул его раструб.

— Что ж, если это и не первый контакт, то все равно сенсация. Самая большая за последнюю тысячу лет. И вы ее мне подарили. Я очень благодарен вам, мистер Дьюлак. А как получилось, что молодой человек из Луизианы...?

— Всему будет дано объяснение, сэр, — прервал его Уилл. — Сейчас нам надо заняться более важными вещами. И в этом вы не будете единственным.

— А! Что? «Нью-Йорк Таймс»?

— Нет, сэр. Рупор другого великого племени.

— Племени? — недоумевающе нахмурился Бенджамэн.

— «Известия», сэр.

— А, понимаю. Ну, не думаю, что это слишком уменьшит

мои тиражи. Я не сомневаюсь, что у вас есть основательные причины так поступить, которые, несомненно, вы также в свое время разъясните.

— Да, сэр. Мы здесь потому, что у нас есть информация, которую надо распространить, и притом быстро. Если бы это зависело от меня, она осталась бы в секрете, но, увы, это уже невозможно.

— Очень хорошо. Моя организация будет более чем счастлива вам помочь. Но осмелюсь поинтересоваться, почему здесь и почему таким манером? Я себе это все как-то не так представлял.

— Нам необходимо высказаться не только быстро, сэр, но без каких-либо сокращений и урезываний, минуя всякие правительственные фокусы.

— Тогда ты выбрал того, кого надо, сынок. Раз это все взаправду, тебе не придется выкручивать мне руки, чтобы освободить для вас в завтрашнем номере первую страницу. Завтрашнее утро вас устраивает? Это даст нам какое-то время, чтобы подготовить статьи, мнения экспертов, и сделать некоторые фотографии. Вы не возражаете против фотографий?

— Вовсе нет, — ответила вейс.

— Мы окажем всяческое содействие. Это отвечает нашим целям, — добавил Кальдак на более неуклюжем, но вполне понятном английском.

— Отлично. Разумеется, если окажется, что это чей-то хитроумный розыгрыш, я постараюсь, чтобы все, кто в нем участвует, пожалели, что родились на свет.

— Хотел бы я, чтобы это было розыгрышем, сэр, — мрачно произнес Уилл.

— Причина нашего присутствия здесь... — начал Кальдак, обращаясь к Уиллу.

— Погодите. Сначала ему нужно удостовериться.

— Простите, не понимаю, — Бенджамэн перевел взгляд с инопланетянина на человека.

— Виноват, — сказал Уилл, сообразив, что говорил на массудском.

— Ты упоминал о сотнях разумных видов. Это, сынок, довольно-таки обескураживающее откровение.

— И что обескураживает еще больше, сэр, так это то, что далеко не все из них могут быть настроены дружелюбно.

После этих слов Бенджамэн сощурил глаза. Чтобы придать своему заявлению больше веса, Уилл дал возможность вейс объяснить историю конфликта Узора с Амплитуром, включая оценку нынешней ситуации. Когда орниторп закончила свою речь, редактор долго молча сидел, откинувшись, пытаясь осмыслить значение того, что услышал. На его настольном пульте мигали все лампочки, требуя его внимания. Он раздраженно отключил их все.

— Нам нет нужды вмешиваться в это, — осторожно произнес Уилл среди всеобщего молчания. — Это не наша борьба. Мы не члены Узора.

— Это верно, — Бенджамэн обратил внимание на ожидающие взгляды четырех инопланетян. Он не мог понять выражения их лиц, не знал, как отражаются на них те или иные чувства, но ошибиться в напряженности их взглядов было невозможно.

— Птичка сказала, что этот Амплитур, эти существа, которые им противостоят, хотят, чтобы все другие существа верили только в то, во что верят они. Люди этого Узора считают иначе. Они потихоньку нанимали каких-то землян помогать им в их борьбе, и поэтому теперь Амплитур заявился к нам сюда. Чтобы помешать еще большему числу землян включиться в этот конфликт.

— Что-то вроде этого, — подтвердил Уилл. — Вопрос состоит в том, придут ли они воевать или разговаривать. И придут ли они сюда вообще?

— Нет, сынок, вопросы стоят не так. Вопрос в том, можем ли мы позволить себе сидеть, разинув рты, и ждать, пока все это решится, никак не готовясь к этому. Пойми меня правильно: я — один из самых миролюбивых людей, которых ты когда-нибудь видел. Если ты читал мою газету, то должен знать, что не одобряю даже так называемые «очистительные операции», когда мы проводим рейд по ликвидации какого-нибудь наркобарона или что-то в этом роде. С другой стороны мне не очень нравится то, как звучит все это об Амплитуре. И не уверен, что хотел бы, чтобы они решали, во что должны верить мои внуки, когда вырастут.

— Вы должны присоединиться к нам, — не доверяя своему владению языком, Кальдак полагался на переводчика, — хотя бы для того, чтобы защитить себя.

К.Р.Бенджамэн переводил свой острый взгляд с Уилла Дьюлака на командира инопланетян и обратно.

— Мне так кажется, или у нас здесь в самом деле наблюдается разница во мнениях? Не важно. Какое бы окончательное решение ни было принято, я считаю, что нам следует по крайней мере позаботиться о мерах своей защиты. Вы видите в этом что-то неправильное, мистер Дьюлак?

Уилл внезапно почувствовал, что все годы работы с массудами и их союзниками мало чего стоят. Что всего за пару минут его собственную значимость для них перевесило значение этого старика, сидящего за большим столом. И произошло это так быстро, что он только начал это осознавать — этого не требуется.

Уилл ошеломленно повернулся к Кальдаку.

— Минуточку. Вы говорили, что...

— Мы говорили, — продолжил Кальдак, медленно выговаривая слова, чтобы дать переводчику достаточно времени для выбора самых точных выражений, — что Амплитур может здесь появиться, и раз есть вероятность этого, ваш мир должен быть готов защитить себя. Мы не говорили, что вам придется участвовать в этой защите. Это была рекомендация, а не требование. Если будет необходимо, Узор сам, один, обеспечит защиту вашего мира.

— Мы не члены вашей организации, — сказал Бенджамэн. — Почему вы будете подставлять себя из-за нас?

— На протяжении уже ряда лет несколько тысяч ваших соплеменников воюют на нашей стороне. Это не очень много, но и не мало. Некоторые погибли на службе Узору, если и не ради его целей. Будет очень нецивилизованно бросить их родину на произвол Амплитура.

— Это очень великодушно с вашей стороны.

— Это совсем не великодушно, — Кальдаку приходилось ждать перевода. — Мы сделаем это, потому что некоторые представители вашего вида оказали нам услугу и еще большее количество смогут послужить нам в будущем. И еще потому,

что считаем опасным позволить Амплитуру вести себя здесь так, как ему хочется.

— А что, если этот креол прав? — Редактор ткнул пальцем в Уилла. — Допустим, что когда люди услышат о вашем конфликте, они не захотят в него вмешиваться? Допустим, они захотят, чтобы вы и ваши друзья убрались отсюда и оставили их в покое?

— А каково ваше мнение? — впервые прозвучал переводчик гивистама. — Как по-вашему поступит большинство вашего населения?

— Не знаю. Поэтому мы и считаем голоса. И я могу говорить только об этой стране, но ни о каких других. А как вы считаете, что сделают амплитуры, когда придут сюда?

— Сначала они попробуют поговорить, — сказал Кальдак. — Затем попытаются вступить в более тесный контакт с вашими лидерами, чтобы воздействовать на их умы. Если им помешают это сделать, они постараются подчинить вас силой. И в конце концов, если они сочтут, что представляемая вами опасность больше, чем потенциальная польза, которую вы можете им принести, они приложат все силы, чтобы вас полностью истребить.

— Птичка сказала, что в большинстве случаев бои идут на земле, и практически невозможно предотвратить высадку сил противника.

— Совершенно верно, — вмешалась вейс, — капитан-командир Кальдак может дать более профессиональное объяснение. Я просто переводчик и военные дела знаю слабо, — вейс заметно содрогнулась.

— Как вы будете нас защищать? — спросил Бенджамэн.

— Мы вернем сюда несколько тысяч ваших парней, которые научились пользоваться техникой Узора, — объяснил Кальдак. — Огромную часть оборонительных сил будут составлять массуды, с соответствующей поддержкой других членов Узора. Силы Амплитура не будут приземляться в городских районах, население которых они постараются сохранить нетронутым. Они будут воевать так, чтобы захватить ваши защитные сооружения, источники энергии и запасы продовольствия, чтобы вы капитулировали.

— Они хотят уничтожить не вашу жизнь или благососто-

янис, а вашу личность, индивидуальность, — добавил Т'вар. — Где только возможно, они будут бороться с сопротивлением на открытой местности или в маленьких городах, пока не уничтожат все силы, направленные против них.

— Выглядит очень цивилизованно, — заметил Бенджамэн.

— Вот видите! — возбужденно воскликнул Уилл. — Так кто может утверждать, что нам не удастся уговорить их оставить нас в покое?

К.Р.Бенджамэн почесал в затылке.

— Если хоть часть того, что мне здесь рассказали, правда, не похоже, что они оставят кого-бы то ни было в покое.

— Именно так, — Кальдак, не в силах больше стоять на одном месте, сделал шаг вперед. Массуд с меньшим самоконтролем уже давно метался по комнате. — Вы или за их Назначение, или против него.

— У амплитуров есть свое искусство, своя культура. Почему мы не можем попытаться сотрудничать с ними, а не воевать?

— Но ведь у них все направлено на почитание их Назначения, верно? — спросил Бенджамэн. — По-моему это очень связывает руки. Я люблю редакторов и авторов, которые не соглашаются со мной. Тогда дело идет веселее. Не думаю, что мне понравится такой выровненный мир, хотя и без войны.

— Мы ведь не знаем точно, что они ограничат разнообразие, — настаивал Уилл, — На протяжении многих лет эти люди говорили мне, что наше общество уникально среди отдельных миров. Если мы убедим в этом Амплитур, я думаю, что имеется достаточная вероятность того, что они оставят нас в покое.

— Может быть. Может быть. Но я не вижу, каким образом мы можем просить ребят Бог знает из какой дали, которые нас даже не знают толком, воевать за нас... если допустить, что воевать придется, — добавил он, чтобы предупредить возражения Уилла, — в любом случае это решение будет приниматься не мной, не вами, и никем другим в этой комнате.

— Вы слышали нашу историю. Как вы собираетесь действовать? — спросил Т'вар.

— Я позабочусь о том, чтобы вам была предоставлена трибуна. Это моя работа, — наклонившись вперед, он включил на столе интерком.

Немедленно откликнулся взволнованный голос. Уилл услышал и другие голоса, создававшие как бы фон.

— Мистер Бенджамэн, с вами все в порядке?

— Успокойся, Маркус. Все под контролем.

— Что это за типы?

— Вопросы потом. Нам надо выпускать газету. Скажи Елене, что я хочу, чтобы освободили первую страницу.

— Мистер Бенджамэн! Всю первую страницу?

— Всю, вплоть до названия. И еще мне нужно много места внутри. Нет. Не надо, пусть все останется, как есть. Мы сделаем специальный вкладыш. Это даст нам нужную гибкость. Когда закончите, позвоните Прективку в госдепартамент: я у него в долгу. После этого свяжи меня с пресс-секретарем президента. Потом попробуй соединить меня с генералом Максвеллом в Пентагоне, — и он широко улыбнулся своим визитерам.

— Объединенные начальники штабов. Посмотрим, может, нам удастся провести быструю совместную сессию здесь или у них. Они обычно не любят допускать на свои сессии гостей, но, думаю, в вашем случае сделают исключение, — он снова наклонился над интеркомом.

— Скажи Максвеллу, что это К.Р. из «Пост», и еще позвони моей жене и скажи, что сегодня я буду работать допоздна.

— Да, сэр, но...

— Пока все, Мэтти. Позже будет еще, — он щелкнул тумблером, откинулся на стуле и сложил руки на животе. — У нас есть несколько минут. Может, мы лучше проговорим, что вы собираетесь сказать брокерам власти? Вы, мистер Дьюлак, знаете, как разговаривать с этими гостями, но я знаю, как разговаривать с политиками. Совершенно разные языки. Мы же не хотим, чтобы говорилось «да», когда кое-кто подразумевает «нет».

— Вы думаете, они не выслушают? — спросил его Уилл, как-то сразу почувствовав себя уставшим. — Думаете, они кому-нибудь из нас поверят?

— Поверят, когда биологи, которых я позову через мину-

ту, обнародуют результаты своего осмотра. Вы насмотритесь слишком многого, старых фильмов 40-х и 50-х годов. Посмотрите, как внимательно они отнесутся к вам, когда вы скажете им, что аналогичная встреча сейчас проходит в Кремле.

Несмотря на всю уверенность старика, Уилл не знал, чего ожидать. Разногласия — безусловно, затем дебаты, сопротивление.

* * *

Было все это и гораздо больше. Человечество должно было не только принять первый контакт с одной разумной инопланетной расой, но с корнями таких рас. И сразу после этого перед человечеством предстало устрашающее откровение, что его вот-вот ввергнут в пучину тысячелетнего конфликта, о котором он вообще не подозревал.

По всей планете прокатилась волна споров относительно того, как должно реагировать человечество. Начали возвращаться с Визария и Ауруна сотни людей, обученных вейсами. Они не были ни политиками, ни профессиональными солдатами, а просто обычными людьми, завербованными на улицах Центральной Америки.

Они рассыпались по своим родным странам, где каждому довелось испытать мгновенье славы перед телекамерой. Выражений недовольства почти не было. Но обоснования большинства восторженных оценок существенно отличались друг от друга.

Как сказал один сборщик тростника из Тринидада:

— Это ж не то, что убивать других людей. Эти криголиты жуть какие уроды. И молитары, и акарии тоже. У ашреганов хоть и забавные мордашки, а мозги у них у всех промыты. Это Амплитур делает со всеми, кого достанет. Промывает мозги, пока в них не останется ничего, кроме их дурацкого Назначения. Ну, и, конечно, плата гораздо лучше, чем за уборку тростника.

Уилл и его единомышленники беспомощно наблюдали, с какой потрясающей скоростью поменялось общественное мнение, от парадности к военной лихорадке, и как весь мир занялся мобилизацией для встречи ожидаемой угрозы.

Специалисты Узора терпеливо разъясняли, почему они не могут предсказать, где и когда появится враг, и почему они не могут предотвратить высадку его войск. Они могут приземлиться на окраине Манхэттена или в сердце Африки. Этого никак нельзя было знать заранее.

По крайней мере Земля не испытает судьбу тех примитивных миров, которым пришлось пережить бомбардировку с орбиты. В течение ближайших месяцев несколько дюжин военных кораблей Узора заняли свои места вокруг голубой планеты. Амплитуру придется атаковать Землю так же, как любой развитый мир Узора: выйти в обычное космическое пространство, как можно быстрее высадить войска и немедленно улетать в субпространство, пока их не обнаружили и не уничтожили. А еще им придется столкнуться без подготовки с уникальным и сбивающим с толку строением Земли.

Оказалось, что из-за сильных боев в другом месте войска массудов могли быть использованы только для помощи в обучении местных жителей, а не в активной войне. Но гивистамы и юлы позаботились, чтобы вооружение Узора было во множестве предоставлено многочисленным земным армиям. Громадные транспорты появлялись на орбите и выгружали гигантские количества амуниции и припасов.

Впервые в желчной истории человечества все армии земли действовали заодно против общего врага. Профессионалы Массуда вместе со своими усердными легкообучаемыми земными союзниками разрабатывали множество стратегических планов, предназначенных отразить любую высадку противника. Координация всемирных вооруженных сил осуществлялась весьма и весьма удовлетворительно.

* * *

Уилл находился на базе в очень расширившемся центре связи и исследований, наблюдая за тем, как специалисты Узора управляются одновременно с дюжинами мелких земных телепрограмм. Они записывали все для дальнейшего внеземного изучения от возвышенного до абсурдного.

— Амплитур, когда явится сюда, окажется в очень невыгодном положении, — Кальдак облокотился на перила, на-

блюдая за деловой суетой инженеров внизу. — Они должны преодолеть чрезвычайно большое расстояние, и об особенностях вашего мира они почти ничего не знают.

— Мы ничто не можем рассчитывать, — заметил Уилл.

— Верно. Но одно дело прослышать, что земной массив этого мира распадается на много частей, и совсем другое решать связанные с этим фактические задачи. Амплитуру придется учиться на ходу, в бою, — он отвернулся от перил. — Друг Уилл, я читаю на твоем лице разочарование.

— Я думал, что обсуждение будет более долгим, будет больше споров. Я думал, большее число людей не захочет готовиться к войне, — он горько засмеялся. — Я думал, что Америка и Россия, по крайней мере, не сразу решатся довериться друг другу. А эти две сверхвооруженные силы буквально упали в объятия друг другу. После стольких лет взаимного шпионажа они точно знают, как и какие части лучше объединить.

Он поднял глаза на Кальдака.

— Я слышал, что президент был очень раздосадован тем, как вы расставили ваши корабли.

— И не он один, — признался Кальдак. — Многие из вождей ваших племен были встревожены тем, что мы сначала не обсудили все это с ними. В свое время мы просто не поняли, что это вопрос общественных приличий, считая, что это чисто военный вопрос. Наше командование просто не хотело терять времени, — он заколебался. — Я часто ловлю себя на мысли, что ваших людей надо защищать от самих себя.

Амплитуры обнаружат, что им здесь действовать трудно. Возьмем, к примеру, вопрос о безопасности планетарных источников энергии. Обычно высаживающиеся отряды должны обнаружить и попытаться взять под контроль наиболее важные энергопроизводящие станции. Но у вас нет централизованных источников энергии. Ваша энергетическая сеть так же фрагментарна, как и все ваше общество. Энергия производится на нескольких атомных станциях и множестве мелких неэффективных предприятий, сжигающих ископаемое топливо. Ваше общество основано на неразберихе. Если бы это было придумано каким-нибудь сочинителем, ему бы не поверили. Вообразите любую цивилизацию, достигшую ваше-

го технологического уровня и все еще сжигающую невосполнимые запасы углеводородов только для производства энергии. Нелогичность этого ошеломляет. К счастью, так сочтут и амплитуры. Мне говорили, что на всей планете нет ни одной станции слияния.

— У нас с этой проблемой трудности, — Уилл, сам не знал почему, говорил извиняющимся тоном.

— Удивительно. Если бы вы развивались и созревали нормальным путем, то вы давно бы разработали такую технику. Вместо этого ваша энергия рассеивается в бесконечных племенных сварах.

Однако теперь это может обернуться вашим преимуществом. Для Амплитура вы окажетесь такой же загадкой, как для нас, когда мы только начали вас изучать. Мне очень хотелось бы оказаться в их командном центре, когда, вынырнув из субпространства, они перед высадкой своих отрядов обнаружат, что ваше население рассеяно по шести земным материкам, вместо привычного одного. И конечно, нельзя забывать о вашей в высшей степени непредсказуемой погоде. Нет, им это тяжело достанется. Что не гарантирует, — добавил он мрачно, — их поражения. Война может продлиться какое-то время. Но не бойтесь. Узор с вами так же, как некоторые ваши люди были вместе с Узором.

«За золото», — подумал Уилл. Большинству завербованных, которые вернулись с Васариха и Ауруна, было наплевать на Узор, несмотря на все их заверения. Он знал, что указывать на это бесполезно. Люди, готовящиеся к возможной битве, всегда предпочтут ободряющий вымысел неприятной правде.

— Значит, вы никак не можете узнать, когда они могут здесь появиться?

— Именно в вашем мире — нет. Корабль, проходя через субпространство, энергирует вокруг себя чрезвычайно рассеянную волну искажения. В межзвездном пространстве это незаметно. Но когда она сталкивается с чем-то плотным, вроде солнечной магнитосферы, это искажение можно обнаружить. Этот эффект можно уподобить движению объекта под водой. На глубине оно незаметно, а как только слой воды становится мельче, на поверхности появляются видимые волны. Если в магнитосферу вашего солнца войдет множество космических

кораблей, они вызовут существенное искажение. Если повезет, мы сможем получить упреждение о появлении противника в одну-две недели.

— Всего пара недель, — пробормотал Уилл. — Не так уж много времени, чтобы привыкнуть к этой мысли.

— По-моему, большинство представителей вашего вида свыклись с вероятностью этого достаточно легко.

Уилл пожал плечами.

— Пожалуй. Большинство обитателей нашего мира уже довольно давно ждали прибытия из космоса кровожадных жукоглазых чудовищ.

Было видно, что Кальдак в недоумении:

— Но амплитуры вовсе не жукоглазые. И не пьют кровь. Если не принимать во внимание тот факт, что они беспозвоночные, так их можно даже назвать физически привлекательными. Это их философия омерзительна... — И он задумался. — Впрочем, я понимаю ход вашей мысли. Это как если бы весь ваш вид целиком тысячи лет ожидал подобного конфликта. Я слыхал, как отдельные представители говорили о необходимости подготовки к встрече с армиями «Сатаны».

Уилл пожал плечами:

— Люди пользуются любыми метафорами, которые их успокаивают. Когда они собираются на войну, им надо кого-то ненавидеть.

— Но мы, члены Узора, мы не испытываем ненависти к Амплитуру. Ненависть — это очень уж чрезмерная эмоция. Несогласие — да, зависть — да, неприязнь — безусловно, но не ненависть. Ненависть зря расходует протеин. Даже примитивные хищники, убивая, не испытывают ненависти к своей добыче. Ненависть — это так... по-детски.

— Что вы хотите от нас? Мы — не взрослый вид. Ваши специалисты все время в нас этим тычут. Кстати, говоря об этом, я хотел бы задать вам один вопрос. Дело идет к тому, что несмотря на то, что мне и другим, думающим так же, как я, в конце концов придется воевать на стороне Узора. Мы получаем защиту Узора и его помощь. Но никто пока не обсуждал вопрос о нашем вхождении в Узор, — он остро поглядел на высокого массуда. — Почему это так, Кальдак?

— Генеральный Совет считает, — вежливо ответил ко-

мандир, — что стоящая сейчас перед нами задача — это предотвратить переход вашего мира на сторону врага. Вопрос о социальной интеграции следует отложить до того момента, когда будет решена эта неотложная задача.

— Да, пожалуй, — согласился Уилл, но уклончивость ответа друга его обеспокоила.

Он вгляделся в то, что сделалось за ограждением. Гивистамы и о'о'йаны суетились между установками, укрепляя гроздья с'ванов. Лепары передавали сообщения или топтались в углу этого большого зала. Какой-то вейс прошествовал к выходу, распространился аромат духов.

— А не думаете ли вы, что они могут напасть сюда? В конце концов, ведь здесь до сих пор находился центр операций Узора на Земле.

— Думаю, что здесь мы в достаточной безопасности. Они ведь сначала должны обеспечить себе место высадки, а потом уже думать о войне на воде. И притом ваш мир создает такой фон электронного шума, что очень затрудняет работу их детекторов. Но, конечно, я не могу обещать, что они не обратят внимания на это место. У них очень хорошие приборы. Мне очень бы хотелось убедить вас принять личное оружие.

— Я повторю вам то, что уже говорил одной женщине на Васарихе: оружием не интересуюсь. Я его не люблю. Много людей чувствует то же самое, несмотря на все, что вы видели последние месяцы по телевидению. Отбить вторжение — это одно дело, но как только это закончится, вы увидите, как быстро они предпочтут отложить оружие в сторону. Люди всегда так поступают по окончании каждой войны. Они, не задумываясь, всей душой кидаются в битву только для того, чтобы в конце ее испытать общее к ней отвращение. Так было не всегда, но за последние полстолетия мы очень повзрослели.

И если вы думаете, что у вас будет постоянное объединенное всепланетное правительство, чтобы все время держать оборону против Амплитура ради Узора, то, думаю, вас ожидает большое разочарование.

— Вы так уверены в своем племени, Уилл Дьюлак. Неужели вы забыли, как недавно сами применили оружие против своего же вида? Вы убили человека.

Уилл слегка содрогнулся от этого воспоминания.

— Я сделал это, чтобы спасти жизни своих друзей. Я сделал бы это, чтобы спасти свою семью, если бы она у меня была. Это совсем не то, что поднять оружие против кого-то только из-за того, что ваши философии отличаются друг от друга.

— Но Назначение Амплитура для вас гораздо опаснее любого оружия.

Уилл повернулся к дверям.

— Давайте не будем снова начинать об этом. Я не буду носить сайдарм, и это окончательно.

Кальдак не улыбнулся. Вместо этого его верхняя губа ритмично заколебалась.

— Не надо приходить в такую ярость из-за этого.

— Я не прихожу в ярость, — саркастически ответил он другу. — Иногда я думаю, что ваш вид такой же хитрый, как и с'ваны. Просто вы лучше умеете это скрывать.

— Никто не может быть таким хитрым, как с'ваны, — поправил его Кальдак. — Я просто указал на очевидное.

— Опять на кого-то, если разозлишься, или взять пистолет, решив пристрелить другое разумное существо, это никак не может быть приравнено одно к другому. Это совсем не одно и то же.

— Разве?

— Я не хочу спорить на эту тему.

— Естественно. С момента нашей первой встречи вы сделали ряд благородных заверений от имени всего своего вида, но я боюсь, что они в большей степени отражают ваши личные взгляды, а не человеческую реальную сущность.

— Посмотрим, — двери открылись, чтоб выпустить Уилла. — Когда все будет кончено, а, может быть, до того, как все будет кончено, мы посмотрим.

24

Корабли Узора, следившие за солнечной магнитосферой, отметили приближение флота Амплитура примерно за две недели до предполагаемого появления на земной орбите. Несмотря на интенсивные приготовления человечества, это

объявление все же вызвало в мире шок. Военные корабли Узора на орбите пришли в состояние повышенной готовности. Что до землян, то им оставалось продолжать свои приготовления, наблюдать и ждать.

Когда враждебная армада наконец материализовалась над центральной Атлантикой, она начала извергать десантные суда для приземления, вовсе не собираясь начинать переговоры. Последовал ожесточенный и удивительно краткий обмен реактивными снарядами и лучевым оружием высокого напряжения, напомнивший фермерам внизу на Азорах редкие появления в зимнее время полярного сияния.

Массивный обмен ударами принес, однако, небольшие разрушения. Один из оборонявшихся кораблей был поврежден, один из нападавших — полностью уничтожен.

Наземные силы уничтожили несколько быстро снижавшихся «челноков», подавив их обороноспособность. Остальные достигли поверхности, приземлившись на четырех из шести континентов. Теперь из почасовых донесений оставалось узнать о победе или поражении.

Несмотря на новое официальное назначение ответственным за связь широкого назначения, Уилл чувствовал себя страшно далеким от конфликта. Его чуть ли не главным занятием было отвечать на вопросы случайных журналистов, приходивших на базу, чтобы подцепить какую-нибудь информацию. Уилл мало что знал о сражениях, коммуникациях, международных отношениях, а сочинительство в тот момент не было в цене.

Он бесцельно бродил по разросшейся базе, функции которой во многом дублировались аванпостами Вашингтона, Москвы, Брюсселя, Токио, Рио, Найроби и Сиднея, так как человечество координировало оборону по всей Земле. Международная связь постоянно нарушалась из-за сил вторжения. Битва скоро стала фрагментарной из-за потери центрального контроля.

Но это все же не вызвало деморализации и распада, как ожидали амплитуры.

* * *

Криголитка замедлила ход своего судна, чтобы подождать, пока догонят остальные. Они продвигались по одному, изучая земную поверхность. Индивидуальные сканеры показывали только желтоватые песчаные холмы, почти голые, если не считать рудиментарной растительности. Неприятное место для сражения, но важное, потому что где-то поблизости есть важная гидроэлектростанция.

«Эта в целом жалкая планета — невозможное место для битвы», — подумала она. Насколько она знала, на этой планете не было даже монолитной суши, она была расколота на несколько островов-континентов, нет единой энергетической системы, и — десятки противостоящих племен, вместо центрального правительства, которое Амплитур мог бы безболезненно контролировать. Даже неизвестно, как общаться с противником, говорящим на сотнях языков. Цивилизация безумия.

Считалось, что другие подразделения продвигаются вниз с севера, чтобы предупредить подход подкреплений аборигенов. Конечно, эту электростанцию можно подвергнуть бомбардировке и разрушить, но ведь когда-то ее заменят другой. Гораздо практичнее захватить ее невредимой. После ухода с базы они пока не сталкивались с противодействием. Может быть, местные силы обороны отправились на север, противодействовать тем, кто снижается. Местные фермеры попрятались после выстрелов, кроме каких-то хулиганов, кидавших камни и палки, которые не могли попасть в цель. Она знала, что амплитуры все это изменят.

Атаковать, думала она, было бы легче с воздуха, но у местных, оказывается, были поразительно эффективные запасы реактивных снарядов «земля — воздух». Вообще, наличие здесь огромных запасов оружия, притом не импортного, с Узора, было неприятным открытием.

Этому никто не мог дать рационального объяснения. На планете вроде не было войн. Словно эти аборигены из эстетического удовольствия создавали запасы оружия массового уничтожения, более сложного и смертоносного, чем можно бы предполагать, исходя из общего уровня развития их техники. Их архитектура, так же, как и сельское хозяйство и искусство,

были примитивны. Только в производстве оружия они преуспели. Это несоответствие было загадочным, но прежде всего оно создавало неожиданные проблемы силам местного умиротворения.

Она подсоединила к антенне сканер на голове. Неудивительно, что их тактика должна быть не менее непредсказуема, чем вся их цивилизация. Никогда не знаешь, чего еще можно от них ожидать. Полевое подразделение должно быть ко всему готово.

Она уже была готова отдать приказ о продвижении вперед, когда туареги открыли огонь из своих стрелковых ячеек, чтобы уничтожить девяносто процентов захватчиков. Остальные были схвачены при попытке отступить. Распределение недавно созданных стрелковых ячеек с кондиционерами (изготовленных японо-американским консорциумом) началось всего несколько недель назад. Они были непроницаемы для сканеров врага и легко перемещаемы. Сделав свое дело, туареги послали радиосигналы, пока суда взрывались в окружающих песках, принося в жертву сотни криголитов. Пара вояк рылись среди трупов чужаков, как, должно быть, их предки тысячу лет назад, устроив засаду на караван.

* * *

Пора возвращаться на базу, решила командир вспомогательной группы, что бы там ни говорили ее чертовы начальники. Ее люди не могут передвигаться по мокрой и грязной почве, угрожающей засосать их в их полевых скафандрах. Нужен воздушный транспорт. Деревья здесь растут так близко друг от друга, а заросли кустов столь густые, что наземные суда не могут свободно маневрировать.

Может быть, местные и могут ходить по грязи, но не ее бойцы. Им говорили, что это — хорошее место для передовой базы, с которой можно проникнуть в ближайшие урбанистические концентрации, что ее, дескать, можно легко замаскировать с воздуха и свободно расширять. Сопротивление в регионе было любительским и плохо организованным. Понятное дело, подумала она. Кто же добровольно превращает родной дом в ад?

Их приземление не встретило сопротивления. Не было воющих, бешено несущихся местных воздушных судов, нанесших такой урон другим приземлявшимся партиям, не было и этих наземных машин в тяжелой броне с реактивными снарядами или большими пушками. Кто бы мог представить, что этот мир, вне Назначения или Узора, обременен таким количеством неиспользуемого оружия? Против этого восставали опыт и здравый смысл. Позади разведгруппы пыталась пробить дорогу инженерная группа. Твердая почва не давала благоприятных возможностей. Но со временем они преодолеют эти первоначальные трудности и создадут базу, с которой можно будет атаковать главные урбанистические центры на востоке. Тогда будет обеспечен контроль по крайней мере над частью этого разрозненного мира.

Спереди прозвучал сигнал. Она пошла вперед, осторожно маневрируя между огромными деревьями с разросшимися корнями.

Дорогу перегородил завал упавших деревьев. Она решила, что проще обойти это препятствие, чем тратить время и энергию на то, чтобы пробивать дорогу. Регулируя поле зрения, она осматривала окрестные джунгли. Глазные сканеры искали пятен или неровностей, которые могли означать наличие снайпера или вражеского лазутчика.

Раздался всплеск, и что-то обдало ее скафандр сбоку. Она посмотрела вниз и увидела растекающуюся жидкость там, где разорвался какой-то шарик. Когда она схватилась за оружие, висевшее на боку, ее группа стала вязнуть в грязной жиже.

Просто жест презрения, подумала она. Типично для неорганизованных, примитивных существ.

Вдруг она уронила оружие и стала дергаться на четвереньках со страшным визгом, хлопая себя по боку. Серая жидкость разлагала ее скафандр, просачиваясь сквозь гибкий защитный материал. Она пыталась освободиться, пока жидкость не разъела его весь до основания. Вместо помощи ее подчиненные вместе с остальной группой бросились к ближайшей бронированной машине. Будучи уже внутри и в безопасности от всего, включая тактический ядерный удар, она устроилась в операционном центре огромной машины.

— Сколько их здесь? — спросила она у дежурного техника.

— Трудно сказать. Регион полон живых существ, много гуманоидов. Данные противоречивы. Конечно, и здесь кто-то есть. Я...

Вдруг она начала задыхаться. Ординарец нервно обернулся.

— Что? Что случилось?

— Воздуха не хватает, — завопил другой техник. — Вон там, наверху, вентиляционная система закупорена.

Черт знает что, думал ординарец, чувствуя себя на грани сумасшествия. В этой одной машине — столько оружия, что можно уничтожить небольшой город. Но тут нет ни города, ни концентрации войск противника, ни низколетающих аппаратов. Только немного аборигенов. Уныние охватило операционщиков в двинувшейся вперед орудийной установке, переполненной вооружением.

Какая от него польза, если наводчик не может дышать? Система циркуляции очищала воздух внутри в случае радиации, биоатаки или ядовитых газов снаружи, но отдушины должны были быть чистыми. Кашляя и задыхаясь, она пыталась отдавать приказания.

— Используйте арматуру!

Эти механические части были предназначены для разблокирования в подобных случаях, но они почему-то тоже были расплющены. Ординарец понял, что им остается теперь только вылезти и попробовать убрать то, что мешает.

Когда открылись люки и стали появляться криголиты, их уже ждали бойцы племени банту...

* * *

Ашреганский офицер, возглавлявший экспедицию, как и все его люди, терпеть не мог драться в горах. Было холодно, и хотя скафандры более или менее сохраняли тепло, погода и рельеф делали продвижение затруднительным. Некоторые ущелья, где им приходилось продвигаться, были узкими, и было так ветрено, что это мешало и самым опытным судоводите-

лям. Ведущий дал сигнал, приводя в готовность свое скорострельное орудие.

— Их тут немного, — доложил он, сверяясь со сканером. — Градусов двадцать направо.

— Лучше посмотрим. — Офицер свернул, и остальные машины последовали за ним.

Там было четверо местных, которые жили в каком-то временном маленьком жилище из тонкой и легкой материи. Сооружение это держалось на вбитых в землю в середине и по краям кольях. Хотя виден был только один абориген, сканеры без труда обнаружили за стенами из ткани и других. Как только суда показались, младший поднял шум и нырнул внутрь.

Только у офицера был транслятор с программами перевода на местный язык. Когда его группа остановилась у палатки, он активировал прибор и стал ждать, когда появятся местные.

Там было двое старших и двое младших. Когда офицер и еще двое стали осторожно приближаться, они прижались друг к другу. Остальные солдаты ждали внутри судов, нервно сканируя окружающую местность.

Взрослые были выше ашреганов и криголитов. За исключением молитаров, аборигены были вообще выше ростом, чем представители цивилизованных народов. Но их размер не испугал офицера. Они были без оружия. Старший самец защищающе положил руку на самку.

— Что такое? — спросил он беспокойно. — Что вам надо от нас?

— Нам известно, что в этом районе есть важная военная база, — сказал офицер через транслятор. — Где-то в этих горах. Приборы рассеяния не позволили нам попасть на нее.

Младший самец с гримасой посмотрел на ашрегана. Офицер проигнорировал его.

— Вы знаете, где это находится?

— Я просто пожарный, — ответил местный. — У меня трехдневный отпуск. Мы здесь отдыхаем. У вас же было время, чтобы разобраться, особенно с началом вторжения. — Он посмотрел на суда через голову офицера.

— А откуда эти парни? Кажется, их ведь не должно было быть здесь.

— Почему вы не уйдете, откуда пришли? — вмешалась

женщина прежде чем ее партнер остановил ее. — Почему вы не хотите оставить нас в покое?

Офицер решил, что здесь не время и не место объяснять природу и прелесть Назначения. Когда прибудут амплитуры, они сделают это гораздо лучше. Пропаганда Назначения — не его задача. Он говорил им то, что, как он надеялся, было доступно их пониманию. У них ведь был ум, пусть их общество и безнадежно примитивно. Но только не их военная организация, — вспомнил он. В этом мире все построено на непонятных контрастах.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — пробормотал мужчина. — Я пожарный. Мы здесь отдыхаем.

Офицер поднял оружие и прицелился в младшую самку, которая прижалась к матери.

— Если вы не расскажете нам все, что знаете о расположении этой базы, я убью младшего из ваших отпрысков. — Он знал, что амплитуры не одобрили бы этого, но в этом заброшенном месте их не было, только он и его солдаты.

Старшая женщина, прерывисто дыша, сомкнула руки вокруг младшей, которая начала издавать громкие завывающие звуки, и из ее глаз текла влага. Местная реакция страха, — подумал офицер. Старший мужчина сделал шаг вперед и остановился, когда двое сопровождающих прицелились в него.

— Послушайте, это вам ничего не даст. Вы знаете, что такое пожарный? Когда что-нибудь горит, я тушу. Я не военный, даже не резервист. Мне ничего не известно.

— Это ложь. Все ваши люди знакомы с расположением военных объектов. Все ваше общество организовалось для этого конфликта.

— Только не мы, — настаивал абориген. — Разве здесь кто-нибудь сражается? Разве есть оружие? Можете обыскать нашу палатку.

— Нас интересует информация, а не оружие.

Офицер жестом приказал одному из сопровождающих обыскать убежище. Тот вернулся через минуту.

— Никакого оружия и средств коммуникации, сэр.

Офицер принял это к сведению, снова повернулся к местному.

— Я вижу, вы в походной готовности. Очевидно, вы живе-

те где-то поблизости. Трудно поверить, чтобы вы ничего не знали о больших военных объектах.

— Почему? Армия не публикует данных о своих базах. Какого черта я должен знать об этом?

Офицер выстрелил в землю, обжигая се у ног младшей женщины. Старшая закричала, дико посмотрев на своего партнера.

— Скажи им! Давай, Джефф! Они же все равно найдут, рано или поздно! Это не твое дело. Там есть вооруженные люди, пускай они дерутся.

— Я не могу, Трейс. — Мужчина, очевидно, колебался под влиянием противоположных чувств.

Офицер прицелился в лоб девочки, а старшая женщина принялась умолять мужчину.

Он колебался, глядя вниз, потом сказал тихо:

— Это находится к югу от горы Гарриссон. — Он поднял голову и ожег взглядом офицера. — Ничего хорошего там для вас не будет. Она хорошо защищена. Там также есть массуды. И они кое-что придумали несколько недель назад, о чем вы, ублюдки, ничего еще не знаете.

— Гора Гарриссон, — проворчал офицер, глядя на схему местности в своем наблюдательном приборе. — Где это? Быстро!

Мужчина отмахнулся от него.

— Примерно в миле на запад. Там, где развилка каньона. Надо идти до конца по северному ответвлению. Оттуда увидите несколько пиков. Гарриссон — самый высокий из них.

Офицеру хотелось пристрелить их всех, но обучение Назначению было против этого. Эти четверо не представляют опасности. Без средств коммуникации они не смогут предупредить и, как понимал офицер из знания района, до ближайшего объекта — несколько дней пути. К тому времени тяжелые вооружения будут задействованы и смогут уничтожить этот объект.

Они быстро достигли развилки и повернули к северу. Скалы были крутыми, но не отвесными, поэтому суда могли более или менее успешно продвигаться. Сканеры давали сведения только о голом камне впереди.

Им повезло, что они наткнулись на изолированную семей-

ную группу. Офицер понимал их желание избежать драки. При подобных обстоятельствах и не будь Назначения, он и сам бы вел себя так же, а из двух младших, может быть, в дальнейшем удастся сделать что-нибудь путное, миролюбивое и понимающее. Не то, что их непросвещенные варвары-родители.

Благополучно свернув за угол, они так и не заметили прозрачной сети, преградившей им дорогу. Она была сделана из новейшего паутиноподобного вещества, невидимого для их сканеров. А если учесть скорость, с которой они двигались, то последнее из судов едва успело затормозить, чтобы избежать столкновения.

Но это не помогло. Массивное давление на углы паутины произвело столкновение в каньоне. Растерянные водители судов бессильно пытались вырваться из паутины. Двигатели заклинило. Стрелковое оружие пробило в этом тонком материале неадекватно большие дыры, что привело к падению судов далеко вниз на дно каньона.

В дикой пальбе один из операторов поразил машину товарища. Она взорвалась, загорелись еще две. Вскоре большое число орущих солдат вместе с машинами, объятые пламенем, ударились о дно каньона.

Появившиеся из засады люди подошли к обрывам, глядя вниз на все еще горевшие машины и пришельцев. Те, кто стоял над западным склоном, махали руками товарищам на другой стороне; мужчины и женщины, стоявшие с обеих сторон, поздравляли друг друга с успехом засады.

Наверху, на восточных скалах, какой-то человек, сняв головной убор и оправляя красно-черную рубаху, говорил в крошечный коммуникатор:

— Лука, передайте Генверу, что мы взяли еще группу.

Где-то вдалеке что-то глухо бухнуло.

— Живых нет. Нет, я не думаю, что у них было время предупредить.

Камуфляжные микроприборы позволяли его словам распространяться в горах незаметно для орбитального сканирования.

— Да, и еще одно. Свяжитесь с семьей Соррелли в горах Кловер и попробуйте уговорить их провести в палатке еще

несколько дней. Они очень хорошо справляются со своим делом.

25

Матерый-Без-Ноги не обращал внимания на имя. Один из членов был им потерян из-за несчастного случая в юности и при регенерации во взрослом возрасте необходимости в изменении названия он не почувствовал. К тому же, лучшие амплитурские биоинженеры заверяли его, что регенерировавшая конечность неотличима от трех собственных.

Постоянно-Присматривающийся стоял рядом, с удовольствием глядя на односторонний защитный экран, разделявший небольшую комнату, и в последние минуты проверял записывающее оборудование. Оба амплитура работали напряженно, стараясь контролировать свои мысли, но все же они не смогли полностью подавить предвкушение. В конце концов, это первый случай встречи с аборигеном лицом к лицу.

Членами штаба Матерого-Без-Ноги высказывались некоторые опасения по поводу решения командира провести встречу, имея всего одного компаньона. Их сомнения удалось преодолеть. Здесь, в субпространстве, они были в безопасности, и это задание нельзя было делегировать. Матерый-Без-Ноги жадно ожидал будущей встречи. По-видимому, и Постоянно-Присматривающийся тоже.

И вот вошли двое молитаров и ввели представителя этого вида.

Он был мужского пола и был одет в стираную, но поношенную форму одной из многих местных армий. Заметив, что он прихрамывает, Матерый-Без-Ноги почувствовал даже симпатию. Видно было, что абориген не смущен новыми обстоятельствами и своим конвоем.

Постоянно-Присматривающийся отдал мысленный приказ молитарам, которые слегка поклонились и вышли. Абориген проявил некоторое беспокойство в связи с их уходом. Еще больше озадачило его, когда перед ним вырос стул, а также установка с чистой холодной водой и образцами захваченной трофейной местной еды.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Матерый-Без-Ноги. Транслятор усилил тихий голос с помощью скрытой аппаратуры.

Абориген дернул головой. Он стал осматриваться в комнате, пока наконец его взгляд не остановился на отражающем экране безопасности, который отделял его от тех, кто его допрашивал.

— Зачем?

«Типичный странный и непредсказуемый ответ местных», — подумал Матерый-Без-Ноги.

— Потому что нет оснований стоять. Вы, должно быть, устали.

— Я не устал, — выпалил местный. Не услышав ответа, он сел, облегченно вытянув поврежденную ногу.

— Сейчас я хочу позволить вам увидеть нас. Не пугайтесь.

В ответ на мысль Матерого-Без-Ноги Постоянно-Присматривающийся снял с экрана затемнение.

Когда абориген увидел амплитуров, его реакция была настороженной, но спокойной.

— Вы знаете, кто мы такие? — спросил командир, стараясь говорить с помощью вытянутых губ и мягких частей рта.

Тот кивнул утвердительно и глаза его сузились.« Должно быть, инстинктивный жест защиты», — подумал Матерый-Без-Ноги.

— Вы — амплитуры. Наши друзья показывали нам снимки.

— Вместе с большим количеством неверной информации. — Командир надеялся, что перевод звучит успокаивающе и дружески, как он и программировал. — Вам есть чем гордиться. Вы первый из вашего вида, встретившийся с нами лично.

— В самом деле? Ну ладно, посмотрим. — Абориген откинулся на спинку стула.

— Мы уже знакомы с вашей физиологией, внешней и внутренней.

— Вы боитесь? — спросил Постоянно-Присматривающийся.

— Нет, не боюсь. — Он слегка напрягся, и амплитуры поняли, что он говорит неправду. Этого тоже можно было

ожидать. Их тенденция отрицать реальность проявилась в сражениях. — Я представлял вас не совсем так. — Он рассматривал их с любопытством. — Мне казалось, что вы должны быть больше.

— Физическая величина не много значит в общем порядке вещей, — заметил Постоянно-Присматривающийся.

— Может быть, и так, но я больше привык к этим молитарам, чем к таким, как вы. Они — самые жесткие парни из тех, что на вас работают.

Матерый-Без-Ноги слегка пошевелил четырьмя конечностями, его оранжевая пятнистая кожа переливчато заблестела.

— Они...

— Да, да. Знаю. Они — часть Назначения. — Он обнажил свои белые зубы. — Все — часть вашего Назначения, кроме массудов, с'ванов и еще нескольких их друзей. И кроме нас.

— Вы сами могли бы также стать важным компонентом Назначения. — Матерый-Без-Ноги придвинулся поближе к экрану, при этом усики, идущие по обе стороны его рта, стали двигаться и сокращаться. — Вы могли бы полностью познать для себя красоту, которая открылась нам.

— Нам и своей красоты хватает, спасибо. Ваша нам не нужна. Почему бы вам не убраться туда, откуда вы пришли?

— Мы полагаемся на свою судьбу, которая указывает нам, где и что делать. — Ответил командир, игнорируя нежелательный тон. — Если в том, что вам сообщили про нас с'ваны, есть сколько-то правды, вы понимаете, что мы не можем это сделать.

— Да, так они и говорили, но это наша Солнечная система, и если вы собираетесь вмешиваться в дела людей, которые этого не хотят, то мы собираемся вас выбросить.

Подобные примитивные попытки юмора, видимо, служат для подбадривания духа аборигенов — решил Матерый-Без-Ноги. В конце концов это существо должно понять, что оно в плену на вражеском военном корабле, в субпространстве, и может быть, никогда больше не увидит своих сородичей. Опять это наследственное отрицание реальности с иррациональным ментальным фокусом! Это нигде не приносит пользы за исключением боя. Эти противоречия нужно будет уничтожить, раз эти существа должны быть включены в На-

значение. Они познают наслаждение миром, какого не знали никогда прежде. Двое амплитуров обменялись мыслями о дальнейшем. Матерый-Без-Ноги, конечно, предпочел бы иметь дело не с этим типом, но когда-то нужно начинать, а был только этот.

Постоянно-Присматривающийся сделал попытку ментальной пробы со всеми необходимыми предосторожностями. Так как сам командир не участвовал в этом прямо, а лишь осознавал усилия коллеги, то все, что произошло потом, он ощутил не со всей силой. Когда потом его просили дать детальное описание, Матерый-Без-Ноги чувствовал болезненную невозможность точного описания.

Касаться мыслей этого аборигена было все равно что заглянуть в контейнер с высоким давлением, переполненный гневом и ненавистью. Контакт вызвал как бы взрывную волну, смывающую логику и рассудок. Всякая возможность диалога или внушения оказалась затопленной концентрацией боли и тоски. Это была смесь разрушения и анархичности, грубых чувств и животных инстинктов.

Сразу же после начала контакта абориген вытаращил глаза, пораженный, он смотрел на Постоянно-Присматривающегося. Тот был уже в коматозном состоянии. Возбуждение подступило с правой стороны, со стороны пробы, усики его стали беспорядочно дергаться вокруг рта, глазные центры запали. Рядом стоял Матерый-Без-Ноги, чувствуя, что конечности его дрожат, в голове стучит, зрение помутилось, хотя он понимал, что реакция этого существа не коснулась его в полную силу.

Как только первая боль утихла и сознание прояснилось, командир, все еще неподвижный, начал отчаянно думать. Судя по замешательству этого, ясно, что его защитная реакция была бессознательной. Но в таком случае то, что произошло, еще страшнее. Это значит, что эти аборигены не просто опасны, но их реакции непредсказуемы и неподконтрольны им самим.

А тот в изумлении посмотрел на Матерого-Без-Ноги, на мгновение командир беспомощно съежился под этим взглядом, пока не понял, что абориген не умеет концентрированно внушать мысли на манер амплитуров. Он пришел в себя.

Несчастный Постоянно-Присматривающийся нечаянно натолкнулся на неизвестный компонент нервной системы аборигена, нечто рефлексивное, чем эти существа были наделены от природы. Это невозможно было предвидеть, так как ничего подобного раньше не встречалось.

А абориген встал, указывая на неподвижного Постоянно-Присматривающегося.

— Этот сукин сын пытался влезть в мою голову. Я это почувствовал. — Он посмотрел на Матерого-Без-Ноги. — Так вот вы, значит, как работаете? Вы влезаете людям в мозги и все там переворачиваете, пока им не остается только поверить в ваше Назначение? Вот что он пытался сделать. Только не смог. Что-то поразило его. — Вдруг его осенило. — Я поразил его! — Растерянность этого типа вдруг сменилась волнением. — Это значит, что вам до нас не добраться, вы не можете нами вертеть. А когда пытаетесь, то что-то внутри нас наносит вам удар! Что-то, с чем вы не можете справиться!

Он начал приближаться, затем стал обеими руками барабанить по экрану безопасности. Хотя командир знал, что это существо не способно сломать его, он невольно отстранился от вида этого безволосого и обозленного типа. Он послал быстрое тревожное внушение. Задняя дверь отворилась и вошли двое молитаров. Оба были вооружены.

Абориген повернулся к ним. Что он сейчас сделает, не мог сказать никто. А он начал смеяться, и слезы текли по его поцарапанным щекам.

— Вы, несчастные беспозвоночные зомби, вы не можете это с нами сделать! Вы не можете с нами сделать то, что делали со всеми! Погодите теперь!

Ни слова больше не сказав, он бросился на двух молитаров, не обращая внимания на их оружие. На какое-то мгновение Матерому-Без-Ноги показалось, что он прочел его мысли. Но потом он понял, что это невозможно. Местные не демонстрировали никаких телепатических способностей.

Когда ближайший молитар выстрелил, абориген бросился вперед, пуля не попала в него и ударила в экран прямо перед командиром, который отклонился, инстинктивно дернув глазными центрами. Конечно, экран был предназначен для того, чтобы отражать и более интенсивные потоки энергии.

Абориген ударил своего массивного противника в сустав. Молитар как бы нырнул вперед и тяжело повалился. Его товарищ вывернул местному правую руку и нанес удар. Тот быстро пригнулся, как-то невероятно вывернулся и, выпрямившись, нанес противнику молниеносный удар в глаз. Потекла кровь, и раненый молитар разжал хватку.

В ответ на тревожный мысленный приказ командира в комнату вбежали вооруженные криголиты и ашреганы.

— Убейте этого! — в страхе внушал Матерый-Без-Ноги. — Убейте!

Нецивилизованная, недостойная, паническая мысль, и все-таки командир был рад, когда эта тварь наконец умерла, не будучи в состоянии противостоять лучевой энергии с голыми руками. Теперь он лежал без движения на полу, покрытый многими дымящимися ранами, которые потребовались, чтобы его уложить, — просто груда мертвых клеток, не более опасная, чем мешок с костями или флюид, лишенный мотивационной силы.

Убежав как можно скорее из наблюдательной комнаты, Матерый-Без-Ноги добрался до командного центра, по дороге обдумывая возможные действия.

Можно было, конечно, овладеть всей техникой и всеми солдатами, лишив этот мир силы, прежде чем их оборона станет еще сильнее. Но это значило бы оставить уязвимыми миры, где уже господствует Назначение. Хуже того, атака, подготовленная в спешке и панике, может и провалиться. Амплитуры достигли всего через терпение и тщательное планирование...

Прежде чем начать выступление, необходимо понять врага. Во всяком случае, сейчас нельзя начинать боевых действий без углубленного изучения нервной системы аборигенов, чрезвычайно важно заполучить живыми других представителей этого вида.

Все остальное уже дело непревзойденных биоинженеров Амплитура. Надо установить, проанализировать, и победить или нейтрализовать природу защитного механизма этих существ. Только тогда они смогут представить собой благоприятную почву для пропаганды Назначения. Прежде всего, нужно будет преобразовать их атавистические харак-

теристики, психические и физические. В результате можно будет получить счастливую и довольную популяцию.

Сначала реакция Штаба Флота была, мягко говоря, скептической. Однако записи, сделанные во время допроса, их совершенно убедили. Также большое беспокойство представлял все еще находящийся в коме Постоянно-Присматривающийся, которого врачи пока не привели в чувство.

Один из командиров группы войск, водя усиком по кубической диаграмме записей, заметил:

— Посмотрите на этот взрыв церебральной активности! Что это такое?

— Моя интуиция мне ничего не говорит, — добавил другой, известный специалист по теории биологии.

Старший специалист флота по неврологии чужаков решился на замечание:

— Как заметил тут Матерый-Без-Ноги, аборигена не меньше удивил его защитный механизм, чем тех, кто его допрашивал. Когда Постоянно-Присматривающийся был поражен, Матерый-Без-Ноги и абориген были одинаково удивлены.

— Как может развиться механизм защиты против того, чего в их мире нет? — поинтересовался один из членов штаба.

— Природа иногда капризна, но не расточительна. Это могло развиться как реакция на какие-то местные условия, о которых мы еще не знаем. Я бы сказал, что подобное развитие не более невероятно, чем другие проявления странного мира, с которым мы столкнулись. Мысли мешались и путались.

— В свете того, что мы уже знаем за время этого краткого конфликта, ясно, что мы не позаботились об адекватной информации о противнике, поэтому неудивительно, что теперь появились последствия нашей излишней самонадеянности.

— Что бы там ни было, чем больше мы топчемся на месте, тем сильнее становится позиция противника, — сказал специалист по тактике. — Мы столкнулись с чем-то беспрецедентным, поэтому надо создать прецедент. Сделать данную планету необитаемой было бы нежелательно. Эти существа могли бы стать огромной силой в борьбе за Назначение. Я думаю, что мы должны отвести войска, пока не разработаем бо-

лее эффективные методы, чтобы справиться с этими непредвиденными трудностями, и пока мы еще сохраняем стратегические позиции, мы можем отвести наши уцелевшие силы.

— Сделать так, — возразил другой член штаба, — значило бы в огромной мере подкрепить решимость и моральный дух Узора.

— Мораль — вещь преходящая и неощутимая, — заявил свои командирские прерогативы Матерый-Без-Ноги. — А то, что случилось, — это реальность. Давайте вновь планировать, исходя из реальности. Мы ни с чем подобным раньше не сталкивались. Но это не значит, что мы не сможем справиться с этими специфическими трудностями. Требуется только время и анализ, как и со всякой сложной проблемой.

Матерый-Без-Ноги направил эту мысль специалисту по неврологии.

— Уверены ли вы из вашего изучения записи допроса, что абориген сам не понимает, что случилось с Постоянно-Присматривающимся во время контакта?

— Прямых показателей тут нет. Вы видели, что он понял, что пытался сделать Постоянно-Присматривающийся, но нет указаний на сознательность его метода защиты. Что-то такое есть в нервной системе местных, чего не понимают и они сами. Должен существовать какой-то специфический ген, вопрос только в том, чтобы его выявить. Если у нас будет время, мы даже сможем обратить это в свою пользу. Нам предстоит всего-навсего трудная химическая задача.

— Наше положение осложнится, — заметил военный специалист, — если народам Узора станет известно, что у них появился новый союзник, который иммунен к нашим методам мягкого внушения.

— Мы справимся с возможными сложностями, если это когда-то возникнет, — твердо внушил Матерый-Без-Ноги.

Нейроспециалист быстро вставил:

— Я не уверен, что тут правильно говорить об иммунности, просто в их нервной системе есть нечто, что отвечает насилием на ментальные пробы. Если же проб не происходит, защитный механизм не включается, поэтому для паники осно-

ваний нет. Нужны только время и соответствующие интеллектуальные усилия, чтобы решить эту проблему.

— Этого не сделаешь в военной обстановке, — мысленно возразил другой.

Неизбежный вопрос сформулировался сам собой. Не было нужды и в голосовании. Решение было принято единодушно.

— Итак, мы отходим из этой системы, — сформулировал Матерый-Без-Ноги, напрягая глазные центры. — Лучше всего это сделать, получив для изучения новых представителей этого вида. Если же мы не достанем необходимых экземпляров здесь, мы сделаем это в другое время и в другом месте. Так как мы отступаем, не потерпев поражения, психологический эффект нашего отступления должен быть минимальным. — Последнее заявление должно было уменьшить беспокойство специалиста по тактике. — После полного выздоровления Постоянно-Присматривающийся сможет поделиться с нами своим знанием и помочь в исследованиях.

— Это в том случае, — сказал нейроспециалист, — если психический ущерб не останется навсегда. — Последнее замечание вызвало беспокойные мысли вместе с сочувствующими реакциями.

« Я чувствую сожаление в связи с уничтожением аборигена, » — подумал командир.

« Реакция была защитной, — заметил командир группы.— Вы не представляли себе ситуации и ее последствий. В таких условиях возвращение к инстинктивной самозащите нельзя порицать. Наше согласие относительно этих опасных реактивных механизмов: они по своей природе являются бессознательными. Их нельзя направлять. Или придется пережить то же, что и Постоянно-Присматривающемуся».

— Это верно, — согласился командир, закрывая собрание. Но, несмотря на эту обнадеживающую мысль и на груз работы впереди, он был не в состоянии полностью подавить болезненные воспоминания об этом жутком допросе.

26

— Вот и все. — Уилл поднял голову от рабочего стола, не глядя на пейзаж. Хотя Белиз уже давно не был центром активности Узора на земле, так как эта активность была перехвачена несколькими национальными столицами, — здесь все же был важный научный центр. После того, как уже не было необходимости скрываться, Комплекс начал выходить на поверхность: изящные башни устремились в тропическое небо.

— Что значит — все?

— Кончилась битва за ваш мир. — Т'вар, должно быть, улыбался под густыми зарослями на лице. — Мы победили.

Уилл знал, что сейчас ему следовало бы кричать, хлопать в ладоши и вообще реагировать, как миллиарды других людей, но он был странно спокоен.

— Когда вы получили эти новости?

— Несколько минут назад. Они пришли по закрытому информационному транспорту из места под названием Лондон.

«Его английский стал уже совсем неплох», — подумал Уилл.

— Они все уходят: криголиты, ашреганы, молитары, акарии и сами амплитуры. Все, везде. У вас в Голи, на великих равнинах, на Украине и в Матто Гроссо — даже там, где им удалось сохранить свои базы. Все утро прилетали и улетали «челноки». Наши силы захватили несколько из них, и по крайней мере один военный корабль, который быстро вышел в субпространство.

— Не понимаю, — спокойно сказал Уилл. — Я слышал, что мы их тесним, но и речи не шло о полной победе. Что заставило их так быстро собраться и отступить?

— Никто не знает. — Т'вар нашел скамейку себе по росту. — Но ясно, что сегодня вечером на вашей планете не останется ни одного вражеского солдата, а в вашей системе — ни одного вражеского корабля. Гивистамы беспокоятся, что это, должно быть, какой-то трюк с их стороны, но они будут беспокоиться

даже если Амплитур завтра запросит мира. Массуды считают, что отступление это настоящее.

— Это будет праздник для многих.

— Уже начался, — сказал Т'вар. — И здесь на базе, и повсюду в вашем мире. Не то чтобы Амплитуру не приходилось уходить из других миров, но все это произошло гораздо быстрее, чем считалось возможным.

— Может быть, их не заинтересовало то, что они нашли, — проворчал Уилл задумчиво.

— Они встретились с тем, что впервые нашли на Васарихе и позже на Ауруне, только в большей мере. — Т'вар явно очень волновался. — Они увидят еще многое из того, что не любят, пока наконец мы не выпустим их обратно в их собственный мир, через сколько бы времени это ни случилось.

— Может быть, — протянул Уилл.

Т'вар посмотрел на него с любопытством.

— Я не понимаю вашего настроения.

— Вам и вашим союзникам не следует надеяться, что человечество оправдает ваши ожидания. Теперь, когда амплитуры ушли, человечество будет реагировать по-другому, чем думаете вы. Люди объединились перед общим врагом, а теперь, когда он бежал, не удивляйтесь, если все захотят, чтобы все было как раньше. Я предупреждал вас и Кальдака об этом все время.

— Невозможно! — сказал Т'вар. — Вид не может регрессировать.

Уилл скептически усмехнулся.

— Не переоценивайте решимости мира, полного капризных дураков.

Несмотря на все усилия врага сохранить тайну, земляне и Узор проведали о сопротивляемости людей амплитурским внушениям, когда двое земных солдат сопровождали амплитурского пленного офицера. Пытаясь освободиться, он нанес удар, в результате чего упал в конвульсиях. Изумленный массуд, наблюдавший за этой сценой, внимательно слушал, как люди докладывали о происшествии.

После серии сложных опытов были сделаны выводы, подтвердившие то, что уже знали и чего боялись амплитуры, хотя

было ясно, что защитные механизмы землян заслуживают еще основательного изучения.

Массудов же не интересовали причины. В восторге от этой новости, они отнеслись к своим безволосым товарищам с еще большим уважением.

Поэтому те были поражены, когда население Земли отклонило предложение коллективно войти в войну против Назначения, точно как и предсказывал Уилл Дьюлак.

Представители Узора не ожидали этого. Жители Земли не только показали себя блестяще в сражениях, но и единственные среди сотен других были иммунны к ментальным фокусам и манипуляциям врага. Поэтому было ясно, что нежелание участвовать проистекает не из страха.

С'ваны и массуды пытались переубедить человечество. Они встретили непонимание. После того как стало ясно, что амплитуры ушли, временный военно-политический союз, который координировал оборону планеты, быстро распался, и Узор снова должен был иметь дело с десятками племенных правительств. У каждого племени были свои проблемы и свои ценности. Причем глядя по системе и людям, которые там жили, не было двух похожих племен, не было даже согласия внутри племенных границ. Часто согласие на местах зависело от того, какая фракция громче кричит.

Пока Вейс занимался сложной игрой с комплексами, Массуд, занимаясь людьми, предпочитал аргументы и спор. Но это было невозможно.

Как и казалось Уиллу, временный антиамплитурский союз распался, и все пошло по-старому. Он не упустил случая напомнить об этом Яруселке, Соливик, Т'вару, З'маму и другим.

— Я предупреждал вас, — говорил он Кальдаку. — Я говорил, что нельзя рассчитывать на их участие в войне за пределами Земли. С уходом врага ушло и желание воевать. Я думаю, что вам удастся набрать здесь тысячи солдат, но вы никогда не вовлечете целые страны.

— Однако мы все же будем продолжать попытки, — отвечали массуды.

Ежедневно средства информации сообщали о дебатах, о мнениях различных экспертов, о развитии событий. Все правительства участвовали, и каждая сторона думала о том,

как бы приобрести какие-нибудь преимущества перед соседями.

Представители Узора спорили и упрашивали, просвещали и льстили, но все бесполезно. Верно, амплитуры убрались с Земли, но ведь эта победа непрочная. Раз они не потерпели полного поражения, то когда-то они вернутся, более сильные и решительные, чем прежде. Если человечество не захочет воевать сейчас, ему придется защищать себя снова в будущем. Все эти доводы и грозные предупреждения были попусту. Правительства отказывались предоставить средства для того, что для большинства было непонятной и страшно далекой войной.

На планете дела шли хорошо, поскольку в свете знания исчезли региональные конфликты. Глупо бряцать оружием друг перед другом, если однажды, как уже было известно, нужно будет заключить союз, чтобы преподнести новый урок чужому виду. Армии были сохранены, но теперь военные свободно общались друг с другом, обсуждая тактику и продавая идеи. Военно-промышленные корпорации были заняты как всегда, модернизируя оружие для конфликта, который мог никогда и не наступить.

— Вы никогда не добьетесь нужного вам участия, — говорил Уилл Т'вару. — Люди не согласны между собой даже в мелочах. Тем более нельзя объединить их для такого дела. Вам придется довольствоваться отдельными добровольцами. Каковы бы ни были ваши аргументы, большинство людей всегда предпочтет мир и изоляцию.

— А вы, как всегда, видно, довольны ходом событий, Уилл Дьюлак?

— Черт возьми, я в восторге. Тут ведь есть еще одно, о чем не следует забывать. Теперь, после всех этих тревог, Земля стала много лучше. Кроме того, вы даете выход для людей с воинственными наклонностями, не говоря уже о просто недовольных. Они могут присоединиться к вам, и отработать свое недовольство и злость, не беспокоя своих мирных соседей. А те, кто вернется, будут хорошо воспитаны благодаря тому, что они переживут. Остальные же смогут расслабиться и заняться семейными делами, проблемами культуры и окружающей среды.

— Не пойти ли вам со мной? — сказал Т'вар, вставая. — Я хочу вас кое с кем познакомить.

— Хорошо. Одну минуту, я выключу эту штуку. — Он проверил свою работу прежде, чем отключить синтезатор.

Т'вар ввел его в новую секцию все расширявшегося научного комплекса. В отличие от большинства новых зданий-башен над лагуной, это было очень хорошо приспособлено к рифам.

Через большую круглую дверь они вошли в комнату, не похожую на другие. Уилл прищурился, так как освещение здесь было намного ниже обычного для людей уровня. Дальняя стена представляла собой по сути огромный прозрачный баллон, выходивший в море. Он смотрел на разноцветные стайки рыбок и других морских существ, проплывавших мимо. Пейзаж обрамляли огромные, со слоновое ухо, губчатые существа.

От этой захватывающей картины подводной жизни его отвлекло какое-то движение. Что-то огромное и неуклюжее шевелилось в тени. И только когда оно вышло на передний план, он, вспомнив о том, что слышал, смог узнать его.

Житель Турлога. У него перехватило дыхание. Огромную роль сыграл анализ турлогов побед на Васарихе и на Ауруне. Даже с'ваны признавали, что без помощи Турлога Амплитур мог одержать верх над Узором несколько веков назад. Уилл точно знал, что никто из людей в глаза еще не видел представителей этого крайне замкнутого народа. Значение их в войне против Назначения было обратно пропорционально их незначительному числу. Они активно ненавидели всякое общество, даже общество представителей своего вида.

Уилл знал, что кто-то из них был на корабле, который впервые привели Кальдак и его друзья, но он не слыхал, чтобы они принимали участие в защите Земли. Он не мог удержаться от любопытства.

Большое существо в хитоне продолжало проявляться в рассеянном голубом свете, характерном для баллона. Оно двигалось с помощью шести коротких, но гибких ног. Размером с оленя, оно казалось скорее представителем подводного мира, чем имеющим отношение к этой комнате с электронным оборудованием. Снабженное крепким скелетом, а также тяжелой внешней оболочкой, это существо двигалось страшно медлен-

но. Два серебристых глаза бесстрастно глядели на него. Конечности представляли собой щупальца с четырьмя развилками и производили неуклюжее впечатление.

Т'вар понизил голос, хотя вовсе не из вежливости, как понял Уилл.

— Это Пасийакилион.

Механически Уилл протянул было руку, но остановился. Нет, он не испугался, это существо не страшило его. Но он понял, что подобные движения и жесты вовсе не нужны. Его просто допустили сюда, так как он зачем-то понадобился. Бледные глаза турлога ничего не выражали.

Житель Турлога и человек молча смотрели друг на друга. Уилл понял, что это существо сосредоточится на любой проблеме, будь то дискуссия о субатомных частицах, галактические войны или части цветка.

Молчание нарушил резкий скрипучий звук, как будто обыкновенный камень ударился о драгоценный. Вероятно, где-то был транслятор, поскольку этот скрежет преобразовывался в нормальный английский язык.

— Уилл Дьюлак? Я слышал о вас.

— И, кажется, я о вас. Вы не из первой команды Кальдака?

На пустынном побережье волны омывали гальку.

— Мне здесь нравится. Ваш мир заинтересовал меня.

Уилл попытался получше рассмотреть комнату, наполненную, как он понимал, различными удивительными предметами. Он увидел в дальнем углу блестящую кучку какого-то слизистого вещества. Чтобы получше разглядеть его, он сделал шаг к баллону.

— Прошу вас не приближаться, — дребезжащий голос был таким же бесстрастным. — Там отложены мои яйца. Может быть, вы знаете, что мы гермафродитичны.

«Как амплитуры», — с удивлением подумал Уилл.

— Нет, я этого не знал.

— Нас всегда удивлял секс, — проворчал Пасийакилион, — сколько, знаете ли, энергии и сил на обычное воспроизводство. Но и наши собственные усилия по воспроизводству кажутся неадекватными, так что мне трудно судить.

Уилл прошептал притихшему Т'вару:

— Зачем вы меня привели сюда?

— Кое-что вы должны знать, вы — один из тех людей, — тихо ответил Т'вар. — Может быть, я получу выговор за то, что я это сделал, но Пасийакилион объяснит вам лучше. — Настроен он был очень серьезно, не по-с'вански. В тусклом свете его коренастая фигура казалась съежившейся.

— Вы — сварливы и большие путаники, — проворчал турлогец, — но вы — замечательные бойцы. Лучше мы пока не встречали.

— Об этом я слышал. — Уилл ждал, что тот скажет дальше.

— Хотя ваше социальное развитие сильно отстало от технического, вы едва смогли создать планетарное правительство, а ведь ваша геология работает против вас. Таким образом, у вас нет способов формального представительства внутри Узора.

— Но мы не хотим ни к кому присоединяться. Мы договорились, что, если какие-то люди хотят сражаться за Узор, они могут это делать, но нет никакой основы для широкого союза.

— Знаю. И это хорошо.

Уилл не ожидал такого, ему показалось, что он ослышался.

— Я думал, что вы хотите включить нас в Узор. Я знаю, что на этот счет думают гивистамы, массуды, лепары и другие. Если бы все вышло по их, то все взрослое население Земли участвовало бы в военной подготовке.

— Мы хотим ваших солдат потому, что это вы делаете лучше всего, — сказал житель Турлога.

— Ну, не то чтобы лучше всего остального. Это так, но не только это...

— Прошу вас дать мне закончить, — перебил Пасийакилион. — Я редко разговариваю и не мастер в этом.

Уилл умолк.

— Я сказал вам правду. Вы — лучшие бойцы, больше того, может быть, вы станете поворотным пунктом, хотя еще очень рано было бы делать такие предсказания, но при всем это те, кто много думал над проблемой, не хотят вашего вступления в Узор.

— Кальдак считает по-иному.

— Как и многие другие. Но то было бы не в лучших интересах Узора, да и не в ваших собственных.

Уилл понимал, что ему надо бы радоваться, ведь он нашел единомышленника среди пришельцев. Но он насторожился.

— Ну, я это всегда говорил. Так вы тоже считаете, что мы не должны входить в формальный союз? Это великолепно... Если нас оставить в покое, мы будем такими же мирными, как вейсы или о'о'йаны.

— Нет, не можете. Мы хотим, чтобы вы сражались, но не хотим, чтобы вы присоединились. Нам нужна ваша помощь, но не ваше общество. Вы опасны. Опасны для Амплитура, для любой цивилизованной расы, для самих себя. Со временем вы станете другими. Независимо от того, какой будет ваша помощь, амплитуров не победишь ни завтра, ни в ближайшем будущем. Они терпеливы и богаты ресурсами, поскольку они посвящены, хотя и неправильно. Ваш народ не знает терпения. Сегодня они победили в битве, завтра это изменится, или мы ничего не знаем об Амплитуре. Мы не хотим принимать вас в Узор. Не хочет Гивистам, не хочет О'о'йан, не хотят Вейс и Лепар, не хочет даже С'ван.

Уилл остро посмотрел на Т'вара. Тот посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Понятно. Вы хотите, чтобы мы были вашими наемниками, но не вашими друзьями.

— Вы недостаточно эволюционировали, чтобы быть друзьями, — сказал Пасийакилион безжалостно. — Считается, что помощь и просвещение помогут вам созреть. Но если это произойдет, вы перестанете быть такими бойцами, как сейчас. Вы более ценны для Узора как бойцы, чем как друзья.

Уилл молча ждал.

— Если бы, — продолжал турлогец, — вы и смогли кое-как создать рудиментарное правительство на планете, если бы ваша ООН была достаточно сильной, чтобы представлять ваш народ, вам и тогда не предложили бы стать членами Узора. Ваше присутствие разрушительно, а этого качества и так хватает среди цивилизованных рас. Введение же нецивилизованной может иметь даже взрывные последствия.

— Вы не можете знать этого. Я думаю, вы неправильно

полагаете о моем народе. Я боюсь, что вы были не правы с самого начала.

— Мне остается только верить вам на слово. Может и так. Но наше дело — быть осторожными. — Он повертел клешней в неярком свете внутри баллона. — Но пока что вы должны понять, почему мы рады, что вы сами не хотите вступать в Узор. Узор не желал бы такого членства, и ему было бы крайне затруднительно отказать вам. А такой поворот дела устроит обе стороны.

— Вы могли бы это объяснить? — пробормотал Уилл.

— Это следствие глубокого изучения мною вашей расовой психологии. От вас трудно ожидать рациональных ответов на результаты исследований, признания ваших слабостей. Вы ответите, как отвечаете на все, во что не хотите верить: насилием. В Узоре полно художников, философов, музыкантов и инженеров. Бойцов же мало. Если бы был выбор, то даже Массуд предпочел бы не сражаться. Теперь есть вы. Вы нам нужны.

— А что случиться, — спросил Уилл после долгой паузы,— когда вы победите Амплитур вместе с этим самым их Назначением? Что будет с нами?

— Это слишком далекое будущее, — быстро сказал Т'вар. — Надо сначала их победить.

Серебристые глазки все смотрели на лицо Уилла.

— Меня самого интересует развитие механизмов, которые защищают психику людей от манипуляций Амплитура. Никто не имеет такого качества.

— Даже турлоги? — вызывающе спросил Уилл.

— Даже турлоги. — Пасийакилион пошевелил своими шестью ногами.

— Вы нас боитесь?

— Не вас, вашей загадки.

— Разрушение, — сказал Т'вар, — разрушение нам больше не нужно. Опасность распасться угрожала Узору с самого начала. Борьба с Амплитуром займет еще лет сто, если не тысячу. В любом случае никто из нас в этой комнате этого не увидит. Поэтому мы сейчас должны позаботиться о том, что мы оставим далеким потомкам. Кроме того, — добавил он уже своим обычным напористым тоном, — разве не к этому вы

сами стремились — чтобы ваш мир по возможности ни с кем не был связан?

— Конечно, — ответил Уилл. — Я хотел, чтобы нас оставили в покое. Но не чтобы нас не любили.

— Об этом речь не идет, — мрачно сказал Пасийакилион. — Вашим народом даже восхищаются по всему Узору.

— Конечно. Потому что никто не хочет воевать. Это не любовь. Можно восхищаться коброй, но разве вы захотите к ней прижаться?

— Ну, вы это могли бы назвать «любовью-ненавистью», — сказал Т'вар, к которому вернулось чувство юмора.

— Разве это имеет такое большое значение, Уильям Дьюлак? — спросил турлог, — ведь вы же, кажется, добились того, к чему давно стремились.

— Не знаю, — пробормотал Уилл. — Мне так всегда казалось, но вы смутили меня.

— У вас что, такое большое желание быть любимыми? Вам недостаточно, чтобы вас ценили?

— Чтобы ценили? Но за достижения в цивилизации, в культуре, а не за умение убивать.

Турлог повернулся к морскому пейзажу в баллоне.

— Прошу прощения. С'ван и я считали, что вы имеете право знать обо всем этом правду.

— Время уходить. — Т'вар потянул Уилла за рукав. — Вы услышали то, что должны были услышать.

— Но у меня еще есть вопросы.

— В другой раз, — проскрежетал турлог. — Сейчас я должен заняться яйцами.

— Это, должно быть, лестно для вас, — сказал Т'вар, когда они вышли в нормально освещенный коридор. Он оглянулся.— Пасийакилион уделил вам больше времени, чем кому бы то ни было, включая Кальдака. Больше того, он отвечал на ваши вопросы, вместо того, чтобы просто передавать информацию. Он очень хотел, чтобы вы поняли.

Уилл замедлил шаг, пристраиваясь к Т'вару.

— Не думаю, чтобы я ему очень понравился.

— Турлогам не «нравится» никто, даже их сородичи. — Т'вар вошел в лифт, который должен был поднять их на поверхность. — Но они помогают просто потому, что им ненавистна

мысль о подчинении Назначению. И меньшее напряжение для них — сотрудничать с Узором.

— Все, что он сказал, — правда?

— Я никогда не слышал, чтобы турлоги лгали.

— Никто не хочет, чтобы мы были в Узоре.

Они достигли уровня моря. Уилл с облегчением увидел свет дня и был рад, что не нужно больше разговаривать со странным и грубоватым чужаком.

— Возьмите турлогов, — объяснял Т'вар своему товарищу,— их никто не любит, но их способностями восхищаются. С'ванам скорее завидуют, чем любят. И никто не в особом восторге от лепаров. Так стоит ли вам и вашему народу так об этом беспокоиться? Вы не одиноки.

— Дело не только в нелюбви. Лепар, С'ван, Турлог — считаются цивилизованными, а мы нет. Нас никогда не примут полностью и не пригласят в Узор.

— Это случится.

Уилл посмотрел на второго капитана.

— Когда?

— В свое время. Когда вы станете другими.

— То есть не безмозглыми военными машинами, рисуемыми пропагандой Узора? О, да, я подозревал это! Я много исследовал за последние годы.

— Не при нашей жизни, но это случится.

— Вы уверены?

— Конечно. Ни в чем еще я не был так уверен, — простодушно улыбнулся с'ван.

27

После вторжения Узору стало гораздо легче вербовать солдат на Земле. Многие из отражавших атаку Амплитура даже рвались в добровольцы для обучения на Мотаре. Были и те, кто не участвовал в боях, но теперь хотел участвовать, чтобы воплотить свои мечты о путешествиях, о славе или просто — использовать возможность подраться.

Были среди них солдаты и офицеры основных армий, которые после замирения и установления добрососедства между

великими державами почувствовали себя не у дел, не имели возможности применять свои навыки. Бедность также давала плодородную почву для вербовщиков Узора. Они использовали также рассказы прежних добровольцев, включая тех, кого Уилл помнил еще в первый период в Белизе.

Медицина Узора была далеко впереди земной. Даже серьезные раны быстро залечивались. Если солдат не был убит наповал, то скорее всего он возвращался домой исцеленным, здоровым и довольным. Узор был щедр к друзьям.

Но было много и единомышленников Уилла, считавших, что людям нечего делать в этом тысячелетнем конфликте. Теперь это уже не было вопросом патриотизма, отражения врагов, но вопросом свободного выбора. Кто участвовал, делал это добровольно, кто не участвовал — не чувствовал неловкости.

Уступая науке Узора во многом, людская наука явно преуспела в военной технологии. Это уже не удивляло социологов Узора, так как люди с незапамятных времен прикладывали к этому огромные усилия.

Получив доступ к технологиям Узора, ученые Земли рьяно взялись за улучшение и модернизацию стандартных вооружений, на таком уровне, что удивлялись даже с'ваны. Делали они это без сомнений или угрызений совести, часто донимавших ученых Узора. Институты, рассеянные по Земле, оживленно конкурировали в создании наиболее смертоносных улучшений и убийственных модификаций.

В конце концов, считали они, их продукция не будет направлена против других землян. Наконец возник конфликт, о котором с давних времен люди могли только мечтать. Собрат больше не шел против собрата, раса — против расы, религия — против религии. Люди и их союзники и друзья были против жуткого головоногого Амплитура и его морально ущербных рабов. Люди всегда предпочитали несложные и понятные объяснения. Мы против Них — это уничтожило раздражающий самоанализ.

Были и такие, кто ставил под вопрос войну с существами, с которыми не было налажено диалога. Против этого лучшим возражением были рассказы солдат, на деле сражавшихся с врагом. Они не имели проблем с сухой моралью. Амплитур

желает засосать все народы в свое Назначение. Они не признают нейтральных. Кто не с ними — тот против них.

Если вы за них, они обещают вам участие в Назначении, под их контролем, разумеется. Вы будете думать, как они, и делать то, что они считают правильным. Только сопротивляясь, вид сохранит свою независимость и индивидуальность.

Не было нужды раздувать на Земле военный психоз, заниматься пропагандой, чего боялся Уилл. Угрозы Амплитура с его Назначением вполне хватило для работы вербовочных пунктов. Так что люди отправлялись воевать на стороне Массуда и его союзников — С'вана, Гивистама, Юлы и других. Они возвращались восторженными, довольными, богатыми, вдохновляя других на подражание. Основная масса человечества не была вовлечена в войну. Уилл был доволен.

* * *

Кальдак бродил по верхним этажам базы, которая заметно расширялась в области рифов. Башни вырастали над еще не тронутыми водами, господствуя над пальмами и коралловыми островами.

А над рифами по расписанию поднимались и опускались челноки, унося добровольцев, техников и припасы на корабли, недавно появившиеся из субпространства.

Система слежения, расположенная на орбите в пределах солнечной магнитосферы, была современной и эффективной, как и в их собственном мире. Корабли Узора патрулировали внешнюю атмосферу планеты. Человечество чувствовало себя в безопасности, защищенное друзьями, хоть и не захотело участвовать в их организации. Люди чувствовали большое облегчение, когда время шло, а формального приглашения войти в Узор так и не поступало. Это компенсировало смущение землян, связанное с их отказом. Человечество не желало задевать чувства своих друзей.

Никто, кроме Уилла Дьюлака, не знал, что Центральный Совет Узора был более чем доволен таким положением.

Группа парадно одетых земных военных шла по залу. Они были в коричнево-желтом камуфляже, разработанном для первых добровольцев, и оживленно беседовали между собой.

Увидев Кальдака, они приветствовали его особым жестом руки, который считался у них знаком уважения к старшему. Это называлось салютом. Этот жест был неизвестен в армиях Узора. Чисто военные приветствия пусть будут у землян. Самому Уиллу это казалось неестественным. Почему форма приветствия должна быть другой, чем обычно? Это — еще один пример уникальной милитаристской культуры землян, проявляющейся даже у тех, кто не участвовал в войне.

Он помахал им рукой, понимая, что у него это выходит далеко не так четко и отработанно, как у них, которые могли это делать, не прерывая беседы. Словно это получалось у них автоматически, как дыхание.

Он обернулся, когда они прошли, и увидел двух гивистамских техников, беседовавших с о'о'йанским водителем. Один из гивистамов, увидев приближающихся людей, стал шептать что-то товарищу. Они отошли в сторону, к стене, не прерывая разговора.

Кальдак обратил внимание на позу гивистамов, на то, как они слегка втянули головы в плечи, так что глаза их были наполовину спрятаны за яркими щитками. Маленький о'о'йанец стал за спины своих более высоких собеседников, когда проходили люди. Они выражали неодобрение, если не прямой страх по отношению к людям — не такая уж редкая реакция.

Все знали, что сделали люди. Они великолепно сражались. Те, кто не умел этого делать, как вейсы, гивистамы, лепары и другие, были им за это чрезвычайно признательны. Они восхищались делами людей, но не любили их, несмотря ни на что.

Даже среди его сородичей, знал Кальдак, многие недолюбливали людей. Даже тех, которые были окружены легендами. Если на поле нечего было желать лучше однополчан, чем люди, то в другое время массуды предпочитали не общаться с ними. Они не знали, как вести себя в цивилизованном обществе. Они были... невоспитанны.

* * *

Яруселка окликнула его, и он ускорил шаги, чтобы быстрее встретиться с ней. Ее общество всегда было наслаждением для него. Само ее появление помогало ему прогнать неприятные мысли из головы.

Он надеялся на встречу с ней в столовой, но здесь было лучше. Дальше они пойдут вместе. Человеку пришлось бы бежать, чтобы идти вместе с ними. Интересно, что они могут перегнать кого угодно на коротких дистанциях, еще одна характерная черта, — но на длинные дистанции никто не сравнится с массудом.

Они обменялись теплыми приветствиями, прильнув друг к другу и говоря только им одним известные слова. Только поглядев на него, она выразила беспокойство:

— Ты выглядишь встревоженным.

— Нет. Я просто задумался.

— Это всегда было для тебя проблемой, — любовно упрекнула она его. — Ты беспокоен как гивистам.

— Не говори так, — сказал он весело. — Хочешь, пообедаем вместе? — Он пристроился к ее шагу.

— Да. Для тебя есть новость, друг жизни.

— Насчет сражения на Кантарии?

— Нет. Ты получил повышение. — Ее огромные глаза сияли.

Он замедлил шаг и поглядел на нее. Он был так занят последние годы, что забыл о таких мелочах, как повышения. Массуды не искали личного продвижения так жадно, как, например, люди. Это если и приходит, то приходит естественно, как возраст.

— Меня также наградили.

— Значит, новости совсем хорошие.

— Может быть. Тебе предстоит полевая служба.

При этих словах он нахмурился.

— А что насчет моей службы здесь?

— Командование считает, что тебя можно сохранить. Другие взяли на себя уже большое бремя. С'ваны гораздо более заинтересованы в работе с людьми, чем мы. Присутствие массудов едва ли необходимо сейчас для простого адми-

нистрирования, и как всегда стратегические способности отчаянно нужны там, где идет борьба. Например, на Кантарии.

Ирония судьбы, подумал он. Он в свое время использовал записи тамошней борьбы для вербовки здесь. Теперь он сам сможет посмотреть, как там успехи.

Кантария была населена незрелым развивающимся народом, мамалитанами, маленькими и тонкими, как о'о'йаны, но без их навыков, умными, но лишь слегка цивилизованными. Их чуть было не покорил Амплитур, но в последний момент о них узнал и вмешался Узор. И ему предстояло участвовать в деле, которым Массуд угрюмо гордился уже несколько столетий.

Он был не очень знаком с ситуацией на Кантарии, где Узор присутствовал сравнительно недавно. Он знал только, что амплитуры и их союзники прочно обосновались на планете, и ее надо отвоевывать шаг за шагом.

— Как ты себя чувствуешь, милая? — спросил он спутницу.

— Мне приятно, что я покидаю этот мир. Слишком давно мы здесь. Нам дают отпуск, чтобы побыть дома и посмотреть, как идут дела, оценить, что мы сами сделали. Твои предки в большом почете. Что до участия в конфликте на Кантарии, то это — тоже честь, учитывая наши там трудности.

— Что там за силы?

— В основном криголиты, под обычным руководством амплитуров, но есть и другие. Туда послали новообращенных в Назначение, мазвеки. По слухам, Амплитур использует их для пробы там, где он уже закрепил свои позиции, чтобы проверить их бойцовские качества. Кантария — не особый подарок, это — не развитой мир. Но там есть потенциал, если только их удастся вырвать у Амплитура.

— Фураж для Назначения, — мрачно заметил Кальдак.

— Вот-вот. — Она оглядела широкий коридор, столь не похожий на тесные комнатки первоначальной базы. — Мне нравятся некоторые из людей здесь, но признаюсь, я могу симпатизировать только отдельным людям, а не виду. Когда они собираются вместе, с ними что-то случается. Они меняются.

— Исследования продолжаются, — ответил он. — Одни

ученые полагают, что дело в феромонах. Другие копаются в эзотерике и рьяно ищут объяснений. Но это — не забота массуда. Я с радостью оставляю это толкователям снов из Гивистама и С'вана. Проще идти куда надо и сражаться до победы или поражения. Битва не знает амбивалентности.

— Конечно, кое по кому здесь ты будешь скучать, например, по Уиллу Дьюлаку?

— Вовсе нет.

Она явно была удивлена.

— Вы так долго были вместе.

— Это верно. Я хорошо относился к Уиллу Дьюлаку. Он— первый человек, с которым я столкнулся, и во многих отношениях достоин восхищения. Я бы даже сказал, цивилизованный представитель своего вида, наряду с некоторыми исключительными вождями племен. Но он человек, и мне по-прежнему не очень уютно в его присутствии.

Они прошли большое панорамное окно. За башнями и укрепленной структурой маяка рифов были видны далекие зеленые горы. Дальше на север были большие города с массой потенциальных солдат. Но много больше было людей, которые не хотели воевать, каждый из которых считал себя центром Вселенной, заботясь больше всего о своем личном благополучии и удобствах. Это было нечто, что, не считая замечательной одаренности на поле боя, не вызывало одобрения среди граждан Узора.

28

Кальдак был подавлен и огорчен. Воевать везде нелегко, но Кантария сама по себе как нарочно была создана, чтобы сделать жизнь как можно более жалкой.

Это было тяжелое место, полное огромных гор, отделенных друг от друга узкими ущельями, с быстрыми потоками и постоянными холодными дождями. Здесь до недавнего времени изобиловали ледники, так что ландшафт был варварским. Не лучше был и климат, невыносим везде, кроме узкой полоски вдоль экватора.

Хуже всего, что там некуда было деться. Постоянный дождь

деморализовал теплолюбивых массудов, так же, как и снега и льды на вершинах гор. Высокие бойцы хорошо переносили холод, но только не постоянные осадки. Плесень была распространена повсюду, попадая, если за этим не следить, даже на обувь и оборудование.

Низенькие двуногие аборигены представляли собой костлявый и менее волосатый вариант с'ванов, но без их цивилизованной грации. Сталкиваясь с чужаками, все равно с кем, они бежали в свои каменные хибары и боязливо жались у очага. Нарождающиеся города могли похвастать более крупными постройками из камня и грубого цемента.

Меньше чем за год Кальдак понял, что в Кантарии никто не одержит быстрой победы. Ландшафт делал наземные битвы крайне сложными. Хотя кантарийцы и говорили на одном языке с местными диалектами, тут не было центрального правительства, только организованные племена и кланы. Их зародышевые межплеменные связи и торговля росли очень медленно из-за отсутствия должной инфраструктуры. Немудрено, что их прогресс был таким медленным.

Узор мог освободить какой-то регион, но тут же его с флангов начинали теснить войска Амплитура, пробравшиеся по ущельям и горным тропам. Один и тот же клочок земли мог по нескольку раз в год переходить из рук в руки. Противник мог хорошо укрепить захваченные города, но полевые коммуникации оставались примитивными, так как орбитальные спутники сбивались сразу, как только развертывались.

Так что война продолжалась и состояла в основном в разрозненных атаках противников на укрепленные позиции друг друга. Недавняя воздушная атака на главный город потерпела полный крах. Снижавшиеся воздушные суда попали под огонь не только наземных сил, но и тех, кто укрепился в соседних горах и на скалах. С уцелевшими произошло то же самое при попытке приземлиться в котел.

Как нигде, здесь было немыслимо оставить в покое местных, потому что они всегда занимали долины и горные переходы, где шли сражения. Неудивительно, что они бежали в свои убогие жилища, едва увидев солдат любой стороны.

Единственным утешением было то, что и Амплитуру с его союзниками приходилось здесь не менее тяжело. Но они здесь

были дольше и удерживали значительно большую территорию. При большей мобильности это позволяло им постепенно, но неуклонно вытеснять силы Узора с их позиций.

Не то чтобы криголиты были лучше подготовлены к войне здесь, чем массуды (хотя их новые союзники с Мазвека переносили отвратительные условия лучше других), но в подобных условиях фанатизм имеет преимущества над простой преданностью. Слепо верящие в свое Назначение амплитуры могли переносить их лучше, чем более созерцательные массуды.

Итак, силы Криголита-Мазвека, захватив долину или горную гряду, лучше удерживали ее, чем силы Узора. Бесконечное сидение под постылым проливным дождем истощало силы лучших солдат Массуда, подрывало их боевой дух. Они слабели и уставали, и у них было слишком много времени порассуждать, что они вообще делают в таком жалком месте?

Между тем бедные кантарийцы были вынуждены выслушивать притязания обеих сторон, недоумевая, к кому же примкнуть. Они едва ли были достаточно цивилизованы, чтобы понять, из-за каких идей идет война, не в состоянии даже объединиться.

При таких обстоятельствах у Амплитура было другое органическое преимущество. Они могли захватить деревенского старосту и искусно использовать его мышление, так чтобы он видел только их точку зрения, а затем — оставляли его уговаривать своих людей.

В первом полугодии своего второго года на Кантарии Кальдак потерял Яруселку.

29

Он руководил атакой на горную гряду, занятую мазвеками, загораживавшую путь к одному из важных кантарийских городов. Он сидел в летательном аппарате (единственное надежное средство передвижения в этом невозможном мире), а наверху шел поединок патрульных машин, когда с тыла появились два криголитских судна.

Это даже не была запланированная атака. Яруселка в это время была в другом воздушном судне, руководила ведением

огня впереди и была в безопасности от прямого огня, так как ее машина была защищена горами. Сами криголиты были удивлены не меньше их, когда они очутились среди главных атакующих сил. Они стали стрелять, только чтобы прикрыть их быстрое отступление к ущелью, из которого они появились.

Ракета, посланная одним из отступавших пилотов, который, возможно, и не целился, ударилась о гранитную скалу над Яруселкой, отколов от нее большой кусок. Пилот ее аппарата не сумел отреагировать, а может быть, так и не понял, что произошло. Средства защиты от поступающих снарядов также не успели отреагировать на несколько тонн камня, обрушившегося на машину, подавив ее стабилизаторы и обрушив ее на дно ущелья...

Кальдак вспоминал это снова и снова: куски гранита, обломки металла и пластика, и наконец все это, смешавшееся на дне ущелья, за которое шел бой. Немногое осталось от машины и ее обитателей. За это он был даже благодарен судьбе, он мог запомнить свою подругу жизни такой, какой она была, когда была живой, пока этот мир не сгубил ее. С тех пор он выполнял свои обязанности механически, как оцепеневший, сражаясь и глядя, как гибнут другие на этой безжалостной земле, в борьбе за мир, обитатели которого даже не могли понять, почему так бьются за контроль над их более чем скромной культурой.

При каждом удобном случае он запрашивал отпуска отсюда. Ценя его боевое искусство, начальство заворачивало его всякий раз, когда он обращался.

В этом забытом Богом мире не было ничего, что стоило бы жизни Яруселки. Ничего, что стоило бы депрессии, которую переживали его солдаты на вечном холоде и дожде. Это отражалось и на их действиях: Узор терял гору за горой, долину за долиной, включая и ту, где погибла его подруга. Их теснили к западному побережью, к скалам и фьордам холодного Кантарийского океана.

Это было похоже на медленное умирание, потому что после очередного успеха Амплитура Узор мог победить в другом месте. Это подтачивало остатки решимости Кальдака и стало уже опасно для его профессионализма.

«Видно, придется уступить им этот мир», — это была болезненная мысль для массудского офицера.

Но такова уж была природа древнего конфликта. Наступления и отступления, победы и поражения. Они могут потерять Кантарию, но завоевать другой мир.

Он пришел к заключению, что в таком мире, как этот, Узору не победить. Не только превосходящие силы врага, но, казалось, и сама планета воевала с ними. Рано или поздно он, как и другие старшие командиры, выскажется за полный вывод войск, оставив планету для неизбежных генетических манипуляций Амплитура. Бедные аборигены еще не созрели, чтобы понять, что их ждет. Тихий, перепуганный народ будет навсегда трансформирован.

На некоторых темах солдату не следует задерживаться, подумал он. Во всяком случае, он сам при жизни этого еще не увидит.

Когда-нибудь в далеком будущем, когда Амплитур будет вытеснен из этой части Галактики, Узор вернется и освободит этот народ. Это неизбежно. Но сегодня бремя отступления останется в его семейной истории, хотя это определяют силы, не подвластные ему и его товарищам.

Они, конечно, могут продолжать войну, могут продержаться здесь еще лет сто, но лучше сберечь энергию, чтобы использовать ее в другом месте более достойно. Лучше смириться с небольшим поражением, в надежде на большую победу в другом мире. Ему придется пережить это, как пережил он смерть Яруселки.

Но смириться с этой потерей пока не удалось.

Немало времени пройдет, пока он сможет снова найти подругу. Ему не хотелось этого, хотя он и знал, что она желала бы этого для него, как и он желал бы этого для нее, если бы все случилось наоборот. Он дорого бы дал, чтобы случилось наоборот. Но случившегося он поправить не мог. Ему теперь, кажется, навсегда остается сосредоточиться на своих обязанностях командира.

Дождь все лил и лил, как из ведра. Как всегда, врагу от этого меньше неприятностей, чем его людям. Его командирская машина входила с юга в долину, где кипела битва. Он уже видел, что началось общее отступление, когда

криголиты открыли массированный огонь по его войскам, хотя они пытались пощадить деревню и поля в долине. Массуды продолжали драться за участок земли на восточном конце долины. Их яростные усилия кончились крахом, когда отряд мазвеков обрушился на атакующих и уничтожил целое подразделение. Подофицер приказал оставшимся в живых отступить в возможном порядке.

Вот и еще один клочок земли потерян, устало подумал Кальдак. И эту долину и эти горы, и этих людей придется отдать амплитурам. Не в первый раз предстояло ему предпринимать подобные акции. Повторяемость притупила его чувствительность. Бесстрастно, как какая-то живая машина, отдавал он заученные приказы.

Подкрепления просить нежелательно, это он знал с самого начала, были и другие сражения, и люди были на счету в других местах, чтобы посылать их сюда ему на помощь.

Сейчас и мне предстоит покинуть этот мир, думал он. В этом горе, больше чем чувство долга, поддерживала его честь семьи. Еще один год здесь не воскресит Яруселку, и вряд ли он за это время повернет Амплитур.

Он изучал трехмерную проекцию театра боевых действий. Пора уходить в другие горы, в другие долины. География этого мира также лишает надежды, как и его народ.

Когда-нибудь, пожалуй, не останется долин, в которые отступать. Тогда им придется отступать к транспортным кораблям, эвакуационные караваны которых будут сновать туда и сюда по субпространству. В надежде избежать атаки амплитуров, которая непременно последует за их бегством. Они оставят жалкий мир, населенный несчастным, растерянным народом. Амплитуры, по крайней мере, сделают их более уверенными.

Подготовка к отступлению почти закончилась, когда на командный пункт вбежал подофицер. Он тяжело дышал, и его броня хранила следы ударов. У него не было левого уха. Полевые госпитали Кантарии не располагают такой роскошью, как установки регенерации.

— Мой командир!

— Что случилось? — на длинных тонких пальцах правой руки Кальдака покачивался передатчик.

— Мы не можем выбраться.

— Объяснитесь. — Спокойствие Кальдака росло от не такой неприятной мысли, что его дух может скоро соединиться с духом возлюбленной.

«Яруселка, Яруселка, я устал и тоскую по тебе».

— Мониторы установили в ущелье позади неожиданное появление сил Криголита. У них безусловно есть оружие типа «земля — воздух» с сопровождением. Исходя из сложившейся ситуации, я...

— Я знаком с настоящей ситуацией, боец. Запросите тактический удар у Сил поддержки.

— Это — единственный путь, мой командир? Противник уже рядом. Боюсь, что не получится ударить по ним так, чтобы не понести потерь самим.

— Если то, что вы говорите, — правда, то у нас нет выбора,— спокойно, почти безразлично сказал Кальдак. — Без этого они с нами разделаются по одной машине. Мы не можем двигаться вперед, потому что противник энергично наступает и мы не можем двигаться в другом направлении, так как наши летательные аппараты не одолеют пиков, окружающих долину. Может быть, мы и вправду не можем выбраться. По крайней мере, мы сможем захватить с собой много врагов. Хотел бы я знать, как они пробрались сквозь защитный периметр.

— Предполагаю, мой командир, что они давно окопались здесь и ждали только нашего отступления, чтобы выскочить из засады. Или же они только что появились в этом секторе. Некоторые из их новых судов такие скоростные и движутся так близко к поверхности, что их почти невозможно обнаружить обычными средствами.

— Слышал я о них, — устало сказал Кальдак.

Подофицер с беспокойством смотрел на командира. Наконец младший решился напомнить:

— Так как же с ударом?

— Да. Запросите. Скажите им, чтобы они не жертвовали огневой силой ради точности. — Он посмотрел на себя, чтобы убедиться, на месте ли личное оружие. Годами он носил его скорее для формы. Сейчас, наверное, придется его действительно использовать. Проверка показала, что оно пол-

ностью заряжено. Этого нельзя было принимать на веру с тех пор, как амплитуры применили в боях бактерию, выведенную генными инженерами, которая лучше всего размножалась в источниках энергии Узора.

— Скажите всем отрядам, чтобы удерживали свои позиции как можно дольше. Мы попытаемся скоординировать удар с силами поддержки. Я попрошу десятиминутную паузу для ориентировки и связи. Тем временем все отряды попытаются вырваться нижним путем. Если это удастся, криголиты сосредоточатся на защите от удара, и часть наших сможет проскочить прежде, чем они отреагируют.

Просьба нанести удар вызвала некоторые колебания в Службе поддержки. Во время отступления с этим всегда сложно. Кальдак громко объяснил, что чем дольше задержится удар, тем меньше шансов уйти у защитников долины. Успех вражеской тактики не смутил его. В этом проклятом мире не всегда можно сказать, что делают даже собственные войска, не говоря о вражеских. Кто-то допустил ошибку, но сейчас не время выяснять. Сейчас время спасаться.

Командная машина, в которой он находился, была медленнее остальных, но с самой тяжелой броней. Он мало заботился о себе, но очень хотел спасти своих людей. Это хорошо отразится на его семье. Его машина, его аппарат будет представлять для противника большую и соблазнительную мишень. Обычно он заэкранирован и прикрыт с флангов, но у него не так много людей, чтобы позволить себе роскошь прикрывающего огня.

Было бы бессмысленно, спокойно думал он, пытаться замаскировать машину командира, которую можно установить даже с помощью примитивного монитора. Он отошлет весь лишний персонал. Они смогут присоединиться на атакующие скользящие машины или на транспортные автомобили. Если машина командира будет первой и наскочит на криголитские позиции, это может спутать противника. По крайней мере, отвлечет внимание. Хорошо защищенная машина могла бы отразить огонь, гибельный для легкой. Если вылазка удастся, откроется «окно» для ухода его людей.

Удастся ли такая хитрость? За тысячу лет конфликта обе

стороны научились представлять себе в известных случаях тактику друг друга.

Он был беспощаден к себе. В данной ситуации всегда есть много стратегических вариантов. На нем как на полевом командире лежало бремя анализа и решений. Если в результате вылазки сможет уйти хоть кто-то из его людей, дело стоит усилий.

Скоро он будет опять вместе с Яруселкой в другом существовании, если таковое есть. Это не так плохо — погибнуть, отдавая приказы, спасающие других. По крайней мере, он не погибнет от плесени под нескончаемым дождем.

После его призыва в группу для командирской машины в добровольцах не было недостатка. За короткое время, которое у них оставалось, они сделали все возможные приготовления. Мало было и времени на прощание. Приказы отдавались по тем участкам коммуникаций, которые не были поражены амплитурским вирусом.

Силы поддержки ударили по позициям противника снарядами с фронта и с тыла. Ни слова не было сказано внутри главной машины. Команда на прощание была занята собственными мыслями. Хронометры отсчитывали время. Скоро вперед.

И вот летательный аппарат поднялся над верхушками деревьев и взял курс на запад, с вооружением и защитными средствами наготове. В ущелье поднимались облака пыли от разбитого гранита и мусора от рассеянных растений. Этого, знал Кальдак, недостаточно, чтобы защитить их от вражеских детекторов. Но отвлечение сил, когда криголиты займутся его машиной, позволит защитить другие транспортные средства с его уцелевшими солдатами.

— Есть реакция? — спросил он.

— Нет, сэр. — Единственная женщина-подофицер делала все возможное по анализу слежения, хотя в нормальных условиях этим занимались три специалиста.

Кальдак не удивился. Из сообщения было видно, что криголиты хорошо укрепились. Они не спешат появиться, пока не убедятся, что бомбардировка окончена.

Они не заметили первой ракеты. Она ударила сзади, слева, выбив главную ось и сократив примерно на треть маневрен-

ность. Дымясь и кренясь, командирское судно стало описывать кривую по долине.

Кальдак вцепился в стул:

— Приспособьте заднюю правую для компенсации.

— Сэр, это значительно замедлит ход, — сказал старший техник.

— При максимальной нагрузке эта машина и так движется медленно. Выполняйте.

Подчиненный молча кивнул, но не сказал ничего, силясь выполнить приказание.

Странно, должно быть, мы смотримся для противника, медленно маневрируя тут на всем виду, подумал Кальдак. Может быть, это их спутает лучше, чем самая ловкая тактика? И ожидаемый ответ действительно пока не наступал. После долгой паузы последовала точно посланная ракета, выбившая среднюю опору.

Теперь оставалась только одна ось. Потеряв равновесие и передний ход, машина стала медленно снижаться. Сквозь едкий дым, наполнивший помещение, он видел, что они могут приземлиться тяжело, но невредимыми, если не получат новый удар по пути. Скорее по привычке, чем сознательно, он проверил крепость ремней. Земля быстро приближалась.

Получив время подумать, он понял, что среди врагов должны быть амплитуры. Криголиты и мазвеки просто уничтожили бы подбитую командирскую машину, а эти по возможности стараются сохранить жизнь, чтобы эвакуировать выживших из Кантарии для «перевоспитания». Его пальцы погладили оружие. Ему не бывать кандидатом в их школы. Он знал об этих местах, где амплитуры работают с льдьми, пока те не перестают понимать, за что они сражались и даже кто они такие. Помнят только, что они должны быть слугами Назначения, и не иначе. У Кальдака не было иллюзий насчет своей способности сопротивляться такому внушению. Не сопротивляются молнии, землетрясению и амплитурскому вторжению в психику. Психически он не сильнее среднего.

После успешного «перевоспитания» они отправляют «перевоспитанных» в их родные миры, сеять раздор и замешательство. Перерожденный массуд нанесет больше ущерба, чем самое могущественное лучевое оружие.

Уже смутно расслышал он, как подофицер кричит сквозь ветер и пламя:

— Я чист перед моей семьей! Я сделал все, что...

Он перестал слышать голос, и свет померк...

Когда сознание вернулось к нему, в ушах звенело. Насмешливо-злая судьба оставила его в синяках и повреждениях, но живым.

Кашляя и задыхаясь, он трижды пытался отвободиться от ремней, пока это ему не удалось. Освободившись, он упал на пол. С минуту он пытался подняться и наконец смог это сделать. Сквозь густой дым ничего не было видно. Лучше выбраться отсюда и осмотреться. Тогда можно подумать и о помощи другим.

По памяти он нашел внешнюю дверь. Неудивительно, что электроника отказала, и он отпирал замок вручную. Он с удовольствием вдохнул полной грудью влажный, но незагрязненный воздух. Никого из криголитов или мазвеков здесь не было. Возможно, его машина села в труднодоступном месте. Еще возможнее, что враги просто не дошли пока сюда, но сейчас появятся. Пошатываясь, он направился к полосе леса и чуть не наткнулся на дымящееся тело своего третьего в расчете. Тот был еще жив, но едва дышал. Кальдак стал рвать куски мха и массировать тело зеленью, насыщенной влагой. Только когда форма перестала тлеть, он взвалил подофицера на плечи и пошел в перелесок.

Тут кто-то на хорошем массудском языке приказал ему остановиться. Деревья росли густо, там вполне можно было укрыться, и так близко! Не в силах удержать равновесие, неся раненого, он схватился за оружие. В это время что-то, подобно острому лезвию, ударило его в бок. Посмотрев туда, он увидел маленькую, дымящуюся, черную дырочку в своей форме, под пятнадцатым ребром. Значит, должна быть такая же и сзади. С трудом пробираясь вперед, он попытался объективно проанализировать рану. Какие важные органы, сосуды, нервы находятся в этом месте, а значит, сколько он еще сможет идти? Тем интереснее, что для него это было больше, чем теоретическое любопытство.

Первым последствием выстрела было как раз нарушение движения. Он скорее почувствовал, чем увидел, что падает

вперед, а вес тела на плечах ускоряет падение. Раненый застонал, когда они оба свалились.

Лишив движения, его, по-видимому, попытались лишить и зрения, подумал он, неподвижно лежа на мокрой земле. Кровь не шла, ранение было прижигающим. Впрочем, в этом мало что было хорошего. Это могло означать медленную смерть. Пальцы его все еще работали, но не в координации с мозгом. Он нащупал оружие, но неизвестно, сколько времени ушло на то, чтобы его снять. К сожалению, плотность компактного прибора кто-то увеличил до уровня нейтронной звезды. И при всей тяжести усилий, он мог поднять его не выше пояса.

Тут сквозь безжалостный дождь он услышал приближающиеся голоса. Резкие, лязгающие звуки характерны для криголитов. Еще какой-то, потише и противный. Должно быть, мазвекский. Если бы он мог поднять этот проклятый прибор, то нашел бы последнее возражение на неуклонное продвижение Назначения. Но он только ощущал его и почти не видел.

Голоса приблизились. Криголит явно нервничал. Если ему повезет, они застрелят его, несмотря на приказ.

Они стали стрелять. Меня увидели, — подумал он устало, пытаясь как-то прицелиться себе в верхнюю часть груди. Если не победы, то хоть ученика не получите. Но предательские пальцы не повиновались. Он выругал их и потерял сознание.

Он очнулся во второй раз. Было темно, и кантарийские звезды с трудом пробивались сквозь тучи. Снова шел дождь, и это увеличивало его неприятное положение, так как влага просачивалась под броню.

Его держал подофицер, которого он притащил в рощу.

— Слава Роду, — сказал тот. — Я нашел только одно лучевое ранение. Я так рад, что вы живы, почитаемый командир. Нет, не пытайтесь стоять самостоятельно.

Кальдак почувствовал, что сильные руки подофицера поднимают его, помогая встать. Он слегка покачивался, оглядываясь. Они были в узком боковом ущелье. Под нависающим валуном было сооружено укрытие из ветвей. Посреди ущелья бежал ручеек.

— Когда ко мне вернулось сознание, вы лежали рядом.

Сначала я подумал, что вас убили, но сердце ваше билось. Я принес вас сюда.

— А другие? — Кальдаку казалось, что он спит.

— Не знаю. Я слышал пальбу и видел вспышки на западе. Видимо, противник обнаружил отступающую колонну. Скольким нашим удалось проскочить, трудно сказать. Может быть, это отвлекло их от поисков нас.

— Куда-то они девались, — пробормотал Кальдак. Бок его очень болел, постоянно жгло, словно кто-то оставил там ножик.

Он не хотел анализировать тяжесть раны. Близость смерти не изменила его амбивалентности по отношению к жизни.

Подофицер, которого он спас и который отплатил ему тем же, был чужд подобных противоречий.

— Битва за долину закончена, сэр. Когда криголиты насладятся победой, они двинутся дальше. Поэтому надо пробираться на центральную базу. У нас есть шанс.

— Конечно. — Кальдак спрятал свой пессимизм ради товарища. Дорога была тяжелой даже для здоровых массудов. Придется пробираться среди скал и переходить разлившиеся от дождя реки. Он отер воду с лица, в тысячный раз проклиная этот несчастный, неблагодарный мир.

— Я все удивляюсь, как им удалось пробиться в тыл, почитаемый командир.

— Наверно, детектор отказал.

Много легче, подумал Кальдак, обвинять в военной неудаче оборудование, чем людей.

Сквозь дождь и листву он заметил какое-то движение. Теперь подофицеру не придется беспокоиться о трудном пути на базу.

— Они идут, — прошептал он.

Его портупея лежала рядом, куда подофицер положил ее. Он выхватил оружие, как и его товарищ. Они ждали вдвоем в своем протекающем укрытии, благодарные за то, что хоть оно скрывает их. Бежать нечего было и думать. Все силы Кальдака уходили на то, чтобы стоять.

Тени передвигались в сумраке, побольше криголитов, поменьше молитаров. Должно быть, мазвеки. Они продвигались с напряженной грацией. Дождь делал мутными их визоры. Их

электроника была приглушена, так что трудно было понять, насколько тяжело они вооружены.

Один поглядел в направлении шалаша. Кальдак попытался прицелиться. Зрение его было неверным, рука дрожала.

Субъект в броне повернулся и громко закричал что-то, пренебрегая коммуникатором. Он, видимо, предлагал спутникам приблизиться. Резкое громкое восклицание перекрыло шум ливня. Даже в своем смутном состоянии Кальдак все разобрал.

— Тайро, Эфрем, давайте-ка сюда. Там под дождем крысы.

Изможденный Кальдак опустил оружие, прислонившись к камню, служившему стеной. Он не был уверен в словах, но в источнике их не ошибся. Неизвестный в броне повернулся к двум массудам. С легким звоном он открыл и настроил свой визор. Кальдак прищурился от яркого света.

— Рад видеть вас в живых, почитаемый командир, — сказал солдат на ломаном массудском. При этих обстоятельствах Кальдака не раздражал его страшный акцент. — Вас тут двое, сэр?

Подофицер пояснил:

— Мы использовали наш полевой ХК как приманку. Криголиты пошли на это.

— Да. Эти клопы любят медленно движущиеся мишени.

Тут к ним присоединились еще несколько бойцов, образовавших полукруг около их убежища. Кальдак изучал их лица под визорами, плоские и симметричные в шлемах.

Медичка с красной нашивкой опустилась на колени рядом. Она уже настроила полевой компьютер на массудский модус и занималась диагностикой. Гивистамы быстрее сделали бы это, но они эмоционально не справлялись с условиями линии фронта. Кальдак почувствовал укол в боку и боль стала успокаиваться. Он был очень благодарен за облегчение, пусть временное. Часть сил возвращена ему.

— Сожалею, что мы добрались сюда только теперь, сэр, — сказал нашедший их солдат. Это был молодой мужчина с бледным голым лицом и золотистыми волосами.

— Другие, — услышал Кальдак собственное бормотание,— остальная часть колонны?..

— Вы говорите о ваших солдатах, которые пытались прор-

ваться? Мы появились, когда они были на полпути, сэр. Их ждали амплитуры и криголиты. — У Кальдака упало сердце. — Но они не ждали нас. — В тусклом свете Кальдак разглядел блестящие белые зубы землянина. — Мы набросились на них, как тролли, сэр. Рассеяли их всех к черту и ушли. Черт возьми, здорово было!

Кальдак в волнении слушал человеческий голос. Они единственные среди бойцов Узора испытывали такое удовольствие от боя. Но эти расовые недостатки спасли его жизнь и Бог знает сколько жизней его товарищей.

— Можете вы нас отсюда вывести?

— Никаких проблем, почитаемый командир. Теперь эта долина наша.

Кальдак расслышал, но не понял.

— Криголиты впереди... Они окопались и контролируют все критические позиции...

— Напряжение позади, сэр. Когда мы напали на их засаду, то стали продвигаться вперед. Укатали их как следует. И сами потеряли хороших ребят, — добавил он мрачно. — Криголиты— упорные бойцы, но они думают, вместо того, чтобы реагировать, если вы понимаете, о чем я говорю. Они так и не оправились от удивления при нашем появлении. — Он поглядел в темноту. — Хороший дождь сегодня. Напоминает родину.

Землянка-медичка продолжала работать с его боком, болтая при этом:

— Малокалиберное лучевое оружие. Вам повезло, сэр. Немного левее — и попали бы в позвоночник. — Она улыбнулась ему ободряюще, и он вновь подивился способности людей чувствовать теплоту и приязнь в самых жутких обстоятельствах.

— Это пройдет, фиксировать ничего не надо, — говорила она. — Но могу поклясться, чертовски неприятно. Я предпочла бы, конечно, чтобы этим занялись гивистамские хирурги там, на побережье. Хотела бы я иметь их технику. Никогда этого не будет.

— Я благодарен вам за вашу работу, — сказал ей Кальдак на ее родном языке.

Позади подофицер протянул свою руку. Другой земной солдат стиснул длинные массудские пальцы. Пока солдаты

обменивались приветствиями и дружелюбно болтали, женщина-медик взглянула в лицо Кальдаку.

— Я дала вам усыпляющее, сэр. Вам пока лучше не ходить. Через несколько минут мы заберем вас отсюда. Я знаю, как нехорошо вы себя чувствуете на этом дожде.

Кальдак почувствовал, что наступает забытье. На этот раз не от травмы, а от благодетельного успокаивающего средства. Покой разливался по его измученному телу, словно кто-то массировал его изнутри.

И еще один голос дошел до него. Он смутно различил офицера с нашивками на правом плече.

— Что здесь такое? — спросил тот.

— Пара ползающих крыс, сэр, — сказал нашедший их солдат. — Один — командир.

— Прошу прощения, — пробормотал Кальдак полузасыпая, — я не уверен, что термин «крыса» используется в нужном контексте.

— Ничего личного, сэр, — сказал офицер, — это просто ваши лица. У людей есть тенденция давать прозвища, особенно — у военных. Заверяю вас, это вовсе не обидно.

— Так как я не знаю, что значит «крыса», я не могу обижаться на это сравнение — нос и бакенбарды Кальдака слегка подергивались под дождем.

Офицер поднял глаза.

— Это недалеко отсюда. Когда стали поступать первые рапорты, мое подразделение вызвалось вызволить вас и ваших людей оттуда. Теперь сами криголиты и амплитуры бегут и прячутся. Наши вытаскивают их из темноты. Криголиты не так хорошо справляются с работой ночью под дождем, несмотря на все их снаряжение.

Он помолчал и наклонился поближе. Почти сонный, Кальдак не обращал внимания на капли дождя, падавшие с поднятого визора землянина.

— Ого, да не знакомы ли мы?

— Не припомню, — сонно пробормотал Кальдак. Лекарство продолжало действовать.

Человек начал тихо насвистывать мелодию. В этом деле они мастера. Уже как в тумане, Кальдак узнал мелодию, хотя

много времени прошло с тех пор, как ему резали ухо дребезжащие тона.

— Что скажете, — тихо спросил человек, — не лучше ли она звучит теперь?

— Я рад слышать, — ответил Кальдак, сердясь на свою неспособность правильно произносить согласные, — что вы по-прежнему сочиняете музыку, Уилльям Дьюлак. — Погружаясь в здоровый, исцеляющий сон, он испытал противоречивое впечатление, увидев своего друга в полевой броне. — Разве люди теперь отправляют на войну и композиторов?

30

Потом он заснул. Ему снилось, что их машина была дважды атакована на обратном пути в региональный штаб Узора. Ему снился Уилл Дьюлак, в яростной схватке вместе с другими солдатами, командующий все новыми контратаками. Каждый толчок или громкий звук перерастал для него в неприятное ночное видение, смягчаемое только процедурами на медицинской койке. Пока он спал, по прозрачным трубкам, напоминавшим какое-то выпотрошенное фантастическое животное, шла энергия, восстанавливавшая и возобновлявшая его телесные силы.

Где-то как будто далеко, сквозь лекарственный туман, ему слышался собственный голос.

— Я думал, что вы не приемлете все это, что вы всегда выступали против участия в сопротивлении Амплитуру. Вы всегда говорили, что хотите быть цивилизованными, как другие народы Узора, что больше всего хотите, чтобы ваш народ не участвовал в схватке.

— Да. Я все это говорил. Но в конце концов и я не выдержал. — Уилл улыбнулся этой странной людской улыбкой. — Говоря так, я как бы разрывался на части, так что я не мог работать, сочинять музыку, едва мог думать.

— Что же случилось? — спросил какой-то бесплотный голос, который при этом был его собственным.

— С'ван попросил меня сочинить земную музыку на образы, записанные во время битвы на Васарихе. Я ответил, что

не думаю, что смогу, но постараюсь. — Он помолчал. — Оказалось, что это было для меня самое легкое, менее всего напряженное сочинение за всю мою жизнь. Музыка наплывала сама, с полной оркестровкой. Почти не требовалось поправок. Я послал ее моему агенту, и на Земле был огромный успех. Люди до сих пор напевают основную тему.

— Я стал продолжать писать в том же духе. Это было легко. Я закончил шестичастную симфонию за час с небольшим. Говорили о Пулитцеровской премии, но я больше не обращал на это внимания. Я хотел работать и дальше в этом смысле, и решил, что должен сам что-то пережить, а не просто сидеть дома и смотреть записи. Быть правдивым в своей работе. Писать о том, что знаешь, рисовать то, что видишь, выражать в музыке то, что чувствуешь. Поэтому я решился. И меня продолжали прославлять. Я не просил об этом. Но знаете, у меня это получается. В детстве мой дедушка часто брал меня с собой на охоту на болота. Если не говорить о технологии, это не так ново, как мне казалось. Ведь борьба остается нелюдской.

Организация атаки не так уж отличается от построения симфонии. Вы оркеструете ваши силы и планируете стратегию. Не знаю, как сказать. Это лучше почувствовать. И все внутренние конфликты, вся неопределенность теперь ушла. Тело и ум сражаются, но в душе — мир. Может быть, это и есть человеческое бытие. Знаете, споры об этом бесконечны.

— Я не знал, — с трудом прошептал Кальдак.

— Понятно. Вы ведь долго пробыли здесь, на Кантарии. Я больше не знаю смятения, старина. Я здесь, чтобы сражаться и чтобы музыкально интерпретировать этот конфликт. Это теперь нераздельно. Я знаю много других художников, чувствующих то же самое. Все больше людей приходят сейчас к тому же. В этом есть что-то легкое и естественное. Может быть, биологическое. Что-то происходит с человеком на войне, заставляющее его живее чувствовать и больше понимать, чем в другое время. Если бы вы сказали мне, где сейчас Яруселка, то я уверен...

— Погибла. Больше года назад.

Уилл долго молчал.

— Простите, я не знал.

— Здесь, в этом мире, — пробормотал Кальдак. — Я не мог ее спасти, не мог ничего поделать, мог только смотреть.

Наступила долгая тишина, потом Уилл опять заговорил.

— Если вы не возражаете, я мог бы сочинить небольшую мемориальную вещь в ее честь. Я мог бы использовать массудские тональности, чтобы это было вам более приемлемо.

Люди говорят о своих умерших с воодушевлением, тогда как другие расы — исключительно о живых, это Кальдак знал. Они пишут картины, рассказы, музыку, делают скульптуры о смерти. Это болезненная аффектация, неизвестная народам Узора. Зачем писать о мертвых, если можно о живых?

Но эти особенности людей спасли его жизнь.

Один сон сменился другим. Снова Уилл говорил успокаивающе:

— Сейчас мы вне опасности. Пересекаем юго-западный массив. Скоро будем на центральной базе. Там в госпитале для вас зарезервирована именная койка.

Кальдак видел, что его друг окружен фигурками поменьше и разговаривает с ними на непонятном языке. Вот он оглянулся и настроил свой транслятор на массудский.

— Это — кантарийцы. После того, как мы спасли их деревню, некоторые из них решили идти с нами. Хотели помогать. Мне говорили, что это было что-то вроде прорыва. Знаете, Кальдак, если бы не вы, мы все также дрались бы между собой, вместо того, чтобы помогать вам.

Кальдак оказался в состоянии повернуть голову и увидел, как маленькие аборигены жмутся к более высокому и крупному человеку. Они были приблизительно того же размера, что гивистамы или лепары. Странно было смотреть, как они толпились вокруг Уилла, который улыбался им сверху вниз, и разговаривали с ним эльфийскими голосами, покуда человек не отослал их. Они почти боготворили его.

« Но ведь так же нельзя, — подумал он. — Разумные существа должны уважать друг друга, как равных».

— Славный народец эти кантарийцы, — Уилл закрыл дверь и вернулся к койке Кальдака. Командиру послышался шум битвы, и Уилл успокоил его.

— Это просто погода. Вы же знаете, какова она здесь.

— Ужасная. Бесконечный дождь и всюду влажность.

— Другие не замечают этого. С'ванские исследователи считают, что она во многом напоминает нашу. Во всяком случае, она менее стабильна, чем в других мирах. Говорят, что в других мирах Узора погода показалась бы нам очень неприятной. Но я думаю, мы везде могли бы чувствовать себя как дома.

— Как цивилизованные существа могут чувствовать себя как дома в таком ужасном месте?

— Кантарийцы же чувствуют.

— Они не цивилизованные.

— Мы — тоже, помните? Может быть, поэтому мы с ними так и ладим.

* * *

Кальдак думал об этом, когда он проснулся на удобной кровати в главном госпитале центральной базы. Боль была гораздо слабее. Гивистамский медик, осматривавший его, щелкнул зубами от удовольствия, когда командир открыл глаза.

— Сколько прошло, — сразу спросил Кальдак.

— Десять дней, командир. — Медик считывал показания с мониторов. По его команде кровать приняла сидячее положение. Он увидел, что лежит в персональной палате, сообразно рангу.

— Есть ли на базе офицер-землянин, Уилл Дьюлак? Я понимаю, вы можете не знать, но если бы вы навели справки, я был бы признателен.

— В этом нет необходимости, командир. — Он дал Кальдаку пилюлю, которую тот послушно проглотил. — Все знают землянина Дьюлака.

— Разве?

— Естественно, ведь он — региональный командир.

— Региональный командир? — Кальдаку эти слова показались чужими, как будто амплитурскими.

— Да. Много сражений выиграли люди, после того как явились сюда. Они сейчас вытесняют криголитов обратно за континентальную границу. Говорят, что десанты людей уже наносят удары по их складам у подножий восточных гор.

— А что известно о моей группе? Южный сектор, части 2 и 3.

— Те, кто выжил в битве, где вас ранили, сражаются вместе с людьми. Странная все-таки вещь — война. Верно ли, что ваши воюют лучше в компании людей?

— Не замечал.

Медик, видимо, не расслышал.

— Время ожиданий и надежд. Кое-кто говорит, что люди выгонят криголитов, мазвеков и амплитуров из Кантарии к концу года.

— Невозможно. У врага слишком прочные позиции, он слишком хорошо укрепился. Их линии снабжения безопасны и...

Неожиданно медик перебил его. До сих пор не случалось, чтобы гивистам перебивал массуда.

— Для людей это ничего не значит. Это понятно, ведь они нецивилизованные. Я видел записи. Представьте себе: самые свирепые и агрессивные существа в мире, и при этом — с разумом. Это и есть люди. Хотя, — добавил он после мгновенного колебания, — у них есть хорошая музыка.

Двойные веки моргнули в ровном, мягком больничном свете. Форма медика была украшена значками его специальности.

— Расскажите мне что-нибудь.

— Если смогу, командир. — Он проверил хронометр, и Кальдак отметил длину его пальцев, похожих на когти, слишком больших для его расы. Может быть, они имели какую-то практическую функцию.

— Что вы думаете о людях?

— Лично я?

— Да.

Медик задумался. Гивистамы предпочитают группповой обмен мнениями. Через минуту он сказал:

— Сам я с ними мало сталкивался. О подлинной культуре и высокоцивилизованном воспитании они мало что знают, вопреки их претензиям. Меня восхищает их цепкость и их боевые качества, хотя я бы сам с ними не общался. Но их присутствию я рад, потому что от меня воевать не требуется. Люди сражаются и умирают за Гивистам и за наших.

— Они сражаются ради собственных целей, — поправил Кальдак.

— Их страсть к странным видам удовлетворения хорошо известна, — гивистам щелкнул когтями-пальцами. — Это лишь подтверждает их нецивилизованный статус. Меня не волнует, по каким причинам они воюют. Важно, что благодаря этому остальные защищены.

— Нет, я имел в виду, как вы воспринимаете их на личном уровне?

— Я сам знаю немногих людей. Те, с кем я имел дело, всегда очень признательны за хорошее лечение, точно это — особая услуга, а не неотъемлемое право. Они знают цивилизованное поведение, но не очень понимают, и естественное считают необычным. Лично же общаться с ними у меня нет желания. Будь я с ними в одной комнате, я бы, наверное, начал стучать ногами в дверь, стараясь убежать. Но здесь, — он обвел жестом медицинский комплекс, — я больше всего общаюсь со своими, есть здесь также группы с'ванов, о'о'йанов, даже юла и массуды. В общем, я не одинок среди людей.

— Так что это не беспокоит вас?

— Что — не беспокоит?

— То, что люди так много сражаются, и так успешно, что это получается у них лучше всего?

Пузырчатые глаза вопросительно повернулись к нему.

— Да это нравится мне, как нравится всему моему народу!

Дверь отворилась и вошел о'о'йанский техник, более миниатюрный, чем гивистамы. Он также отличался цветом, строением черепа, поведением.

— Знаете, сейчас мне нужно заняться другой работой, командир. Вам нужен отдых. Я уверен, что вы отсюда сможете выписаться уже через день или два.

— Благодарю, — сказал Кальдак на сносном гивистамском языке. Врач хорошо говорил по-массудски, но здесь, на Кантарии, занимаясь ранеными солдатами, он, наверное, утратил часть своих навыков. Больше того, он уже видел, что гивистам говорил по-английски. Обычно работая с ранеными людьми, они использовали свои трансляторы. То ли они не имели времени овладеть языком новых союзников, то ли хотели соблюдать дистанцию.

Этот уже сказал, что он восхищается людьми, но не любит их. То же самое мог бы сказать о'о'йан. Кажется, только мас-

суды могли разделить какие-то чувства своих земных коллег. С'ваны — хорошие актеры, но такого опытного наблюдателя, как Кальдак, не проведешь. Они также не в восторге от людей.

Ему было о чем подумать, пока он лежал здесь, восстанавливая силы. Он постепенно обсуждал свои сомнения с теми, кто приходил навестить его. Были среди них и другие массудские офицеры, которые также рады были его спасению, как и гивистамы, с'ваны, о'о'йаны. Он им всем задавал те же вопросы, даже лепару, который убирал палату.

Не приходил только Уилл Дьюлак. Он был в гуще напряженной борьбы за главные криголитские позиции на востоке. Кальдак довольствовался беседами с теми, кто приходил его навестить.

Он спорил с двумя командирами, которые прибыли засвидетельствовать уважение герою Такиконской долины. Они имели честь сообщить Кальдаку, что он удостоен правительственных почестей. Он как только мог протестовал, новоря, что этого не заслуживает. Он ведь проиграл битву и доблестное отступление не стоило такого признания.

Они шутили, что он слишком слаб, чтобы возражать, и зачитали ему текст наградного свидетельства, которое к его славе войдет в семейные анналы. Это подавляло его, мешало разобраться с собственными тревогами и опасениями.

— Мы должны перестать использовать земных солдат.

Он пытался говорить как командир, чтобы донести свою мысль до этих двоих офицеров.

Его слова явно произвели впечатление. Гости в удивлении переглянулись и тот, кого звали Гузвемак, в недоумении спросил:

— Почему? Они лучшие бойцы, которых мы знаем! Они уже выиграли много сражений! Здесь они спасли кампанию, которую мы проигрывали. Я видел, как они бросались на укрепленные позиции врага, не думая о собственной безопасности, чтобы спасти массудов.

— Дело не в том, что кажется нам безрассудным поведением. Здесь нет альтруизма. — Кальдак повернулся на своей койке. — Я не сразу это понял. Я был знаком с третьим исследователем с Гивистама, который пытался объяснить мне это.

Я не видел многого, будучи ослепленным перспективой помощи человечества.

— Чего не видели? — спросил второй офицер, стараясь, чтобы это не выглядело покровительственно. Ясно, что достойный командир все еще переживает последствия опасного ранения.

— Того, что люди потенциально опасны для нас не меньше, чем для Амплитура.

— Вы, очевидно, устали, Кальдак. — сказал Гузвемак, поднимаясь.

— Я в полной памяти, — твердо ответил Кальдак.

После этого офицеру оставалось только сесть.

— Люди бьют нашего врага сколько хватает их сил. Если можно прочитать их мысли, то будет ясно, что они презирают Амплитур, а также за что они стоят. Я не вижу, каким образом они опасны для нас.

Он думал о том, оказали ли помощь Кальдаку психотехники? Было известно, что он тяжело перенес утрату подруги год назад.

— Люди опасны, — повторил Кальдак.

— Да. Для Амплитура и Криголита. — Аренон с удовольствием улыбнулся. — Я сам видел, как раненый человек напал на молитара и победил его. Этому не поверишь, пока не увидишь сам. — Он повернулся к товарищу. — Может быть, позвать врача?

— Говорю я вам: с моей психикой все в порядке! — нос и бакенбарды Кальдака стали дергаться.

— Но вы пережили много ужасного. — Гузвемак поднялся. — Душа, так же, как и тело, может пострадать от травмы.

Кальдак выпрямился в кровати.

— Послушайте! Я чувствую себя так же, как и вы. Когда-то я и сам так думал об этом.

— Вы славитесь своей уникальной немассудской способностью анализировать, — сказал Аренон. — Вполне понятно, что у вас недавно было время для размышлений. Такая же проблема часто занимает с'ванов.

Два офицера поднялись и пошли к двери, которая приоткрылась перед ними.

— Из уважения к вам мы сообщим ваши соображения.

— Медицинскому персоналу? — саркастически спросил Кальдак. Ясно, что его слова не произвели должного впечатления.

— Соответствующим группам. — тихо ответил Гузвемак.

Когда они ушли, Кальдак понизил положение кровати и стал глядеть на голубоватый потолок. Бесполезно сообщать свои опасения другим. Они не хотят верить.

Он запомнил слова Аренона: может быть, с'ваны больше прислушиваются к нему? Мало участвуя в битвах, они не так поражены достижениями людей. Может быть, скептически, но выслушают. Если бы ему удалось склонить некоторых из них к размышлениям...

В день выписки к нему с визитом пришел гивистамский врач. Он ожидал этого, но только не этого врача.

Это была та самая женщина, с его корабля, некогда пострадавшая от реакции Уилла Дьюлака на искусную ментальную пробу.

Хотя не ему было судить о здоровье гивистамов, он понял, что прошедшие годы не прошли для нее даром. Слишком много шрамов было на ее шее и на грациозной голове. Тени под глазами были темными и некрасивыми.

На ней была элегантная светло-зеленая форма действительного врача, с нашивками и знаками отличия на плечах. Входя, она проверила воздух в комнате (инстинктивная реакция ее расы).

— Почитаемый командир Кальдак! Вы узнаете меня?

— Да. — Он приподнялся на краю кровати, возвращавшей ему здоровье. — Я не знал, что вы — на Кантарии.

— Я здесь недавно. Но этого достаточно, чтобы узнать о ваших подвигах.

— Кажется, меня прославляют за крупную неудачу. Я не польщен. Может быть, послали того, кто знал меня, чтобы проверить, достаточно ли я пришел в себя для продолжения работы?

— Сарказм больше подходит с'ванам. Я слышала, что вы говорили. Вы вполне здоровы.

— Кто же, если не вы. И третий исследователь, если вы помните.

— Припоминаю. Он говорил, я слушала. Мне нужно было

исцелиться. — Она подошла поближе и посмотрела на него. — Я из первых рук знаю, сколько правды в ваших словах.

— Из-за того, что было с вами?

— Из-за этого, и не только. У меня было время подумать и понаблюдать.

Он резко вдохнул.

— Тогда мы вдвоем, может быть, лучше убедим других в том, что это опасно? Я склонен торопиться с этим. Если надо, доведем до Военного Совета. Поддержка немассудки и врача очень важна. Вы мне поможете?

— Я не буду этого делать, — ответила она.

— Но вы же согласны? — Он был озадачен. — Разве не вы предлагали убить Дьюлака и бежать из его системы? Разве вы забыли?

— Нет. Но помогать вам не буду. Это не играет роли.

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаете. Вы солдат. Но по уже известным вам причинам сейчас поздно что-либо менять. Может быть, когда мы только впервые столкнулись с людьми, можно было подарить им изоляцию, которой они хотели. Но сейчас они слишком интегрировались в наши силы, сделавшись неоценимыми на войне. Ваши товарищи-массуды говорили вам это. Другие народы, как мой собственный, держатся на расстоянии от людей, но уважают их за то, что они сделали для Узора.

— Это может измениться. Почему бы вам не помочь мне?

— Потому что, несмотря на мои или ваши личные сомнения и опасения, неоспоримо, что люди повернули ход боев. Они нарушили статус-кво, складывавшийся столетиями. Их можно назвать новой величиной в уравнении.

— Мы хорошо сражались и без людей. И сможем снова.

— Я уже пыталась сделать то, что вы предлагаете. Спокойно, в манере нашего народа. Мне удалось завязать важные связи, вызвать интерес тех, кто имел влияние в Совете. Я показывала им записи, рассказывала о собственном опыте, хотя для меня это было очень болезненно. Я нажила себе много хлопот. Тогда я узнала кое-что из того, что не всем известно, даже не всем членам Генерального Совета.

— Критическую информацию нельзя утаивать от Генерального Совета, — запротестовал Кальдак.

Врач отнеслась к этому с юмором.

— Вы — воин, и вы — массуд. Среди своего народа вы известны как глубокий мыслитель. Но вы — не гивистам, не с'ван. Наивность — черта, желательная среди борцов. Правда в том, что мы проигрывали войну.

— Нет, — сказал Кальдак. — У обеих сторон были победы и поражения.

— Да, но по незаметным признакам Военному Совету было ясно, что через какое-то время Амплитур победит. Поражение можно было сильно отсрочить, но не избежать. Небольшая победа в одном месте оборачивалась большим поражением в другом. Эти сведения не сообщались широкому населению.

Это было открытием для меня, и, должно быть, для вас тоже. После этого я склонилась к вовлечению людей в сопротивление, хотя не все можно было говорить о целях этого. Мне стало понятно, что в последние сто лет Узор начал проигрывать. Со своей сосредоточенностью на Назначении и умением манипулировать союзниками у Амплитура было преимущество, с которым не было надежды совладать по-другому мыслящим членам Узора. Это преимущество начало сказываться.

И тут появились люди. Они действуют по-другому, чем остальные виды. Явно нецивилизованные, они сумели развить высокую технологию. Они — такие, с какими Амплитур еще не сталкивался, продукт ненормальной эволюции. Посредственные художники и техники, они сочетают кое-какой ум с огромной склонностью к насилию. Их присутствие вдохнуло новые силы в войска и сбило с толку Амплитур. А тут еще какой-то необъяснимый механизм в их нервной системе, позволяющий им не только сопротивляться амплитурским ментальным пробам, но и бороться с ними. Таким образом, не только было предупреждено неизбежное поражение, но и произошел перелом в нашу пользу. Я не собираюсь преуменьшать опасность людей для нашей цивилизации, но ее прежде следует спасти, а потом уже думать о теоретических угрозах. При этих обстоятельствах у Военного Совета нет иного выхо-

да, как максимально увеличить количество людей-добровольцев. Если можете предложить им замену — пожалуйста.

После долгого молчания он ответил:

— Понимаете ли вы реальную опасность? Не в том же дело, что они — хорошие бойцы или психически независимы. Дело в том, что они любят драться, даже упиваются этим. Тысячелетиями они пытались подавить эту природную склонность, так как им приходилось воевать друг с другом. Теперь у них внеземной противник. Им больше не нужно сопротивляться природным склонностям. — Он помолчал. — Так случилось и с моим другом. Его вы помните.

— Не важно. Как бы там ни развивалась война, ни я, ни вы не сможем разобраться в отношениях с людьми. Историки нас рассудят. Я только хочу сказать вам, что выбора нет.

— Надо попытаться, — настаивал Кальдак.

— Попытаться — что? Люди теперь о нас знают. С каждым днем они все лучше узнают нашу технику, нашу тактику, нашу стратегию, нашу цивилизацию. Их не вышлешь домой силой. Другого пути нет.

— Да и не требуется крайностей. Достаточно только прекратить транспортную связь с Землей.

— Да? Вы просто сражались и жили на войне вместе с ними, я же имела возможность изучать их. Вы забыли, что их технические успехи были ограничены военной областью и межплеменными конфликтами. С их концом они впервые в истории освободились для нормального развития. Они проявили большие способности к импровизации и к улучшению существующих технологий, и сейчас наконец получили возможность это использовать.

— О чем вы говорите? — спросил он.

— О том, что знание технологий Узора дало им возможность самим строить космические корабли. Теперь их уже не ограничишь их собственным миром.

Кальдак тяжело опустился на подушку:

— Тогда все потеряно.

— Совсем нет. Не только мы с вами думали над этим, хотя я знакома с этим глубже других. Все они делали определенные выводы из своих исследований. Хотя публично об этом говорить нельзя, небольшие группы ведут приватные исследо-

вания. По результатам войны с Амплитуром инфор- мированные группы немилитаристских видов решат, как тут быть. Как люди учатся у Узора, так и он будет учиться у них. Мы даже, может быть, сможем обнаружить секрет их биологической антиамплитурской защиты. Даже ради одного этого стоит иметь такого союзника. Мы можем научиться управлять или и интегрировать их в Узор.

— Управлять? Это звучит слишком по-амплитурски.

Врач спокойно встретила его обвинение.

— Мы не собираемся изменять человечество на их манер. Независимость их психики не будет ограничена. Сделай мы это, это действительно было бы по-амплитурски. Да и они могли бы отреагировать на нас так же, как на амплитур. Нет, речь идет о переводе энергии людей на полезные цели.

— Если вы и ваши друзья надеетесь на это — вы неисправимые оптимисты.

— Только это и остается. У меня есть больше оснований бояться их, чем у вас, но я поняла необходимость их присутствия, хотя и не игнорирую связанных с этими потенциальных трудностей.

Кальдак хотел бы, чтобы с ним рядом была Яруселка. Ему не хватало ее спокойной рассудительности. Ему нужна была ее помощь.

— Мы никогда не сможем ими управлять. Все виды разума развивались через сотрудничество, и только люди — через постоянные конфликты. Их генетика извращена, как и их общество.

— Мы можем это изменить. Любому народу можно помочь.

— Вы уверены? — спросил Кальдак.

— С'ваны умеют манипулировать нами, когда мы сами этого не замечаем. Я видела, что они то же самое делают по отношению к людям. С'ванское внушение — не то же, что манипуляции Амплитура. Человечество имеет свою судьбу, делая то, что ему надлежит. Они заслуживают сожаления больше, чем страха. Мой народ не общается с ними, также как с'ваны, вейсы и прочие. Они блестящи и грубы в одно и то же время. Но они не безнадежны. Со временем они могут стать цивилизованными.

— А если нет, это — наша вина, — заметил Кальдак. — Мы попросили их сражаться, снять узду с инстинктов, которые они всегда старались подавить.

— По крайней мере, теперь они не уничтожают друг друга. Дав им общего врага, мы дали им объединиться как виду, чего иначе могло бы не произойти. Вы ведь знали, что они уничтожали свою планету? Они задыхались от собственных извращенных инстинктов. У них и в языке были глупые противоречия, вроде «борьбы за мир». Мы дали им нужный выход. Мы дали им время. Со временем мы можем их цивилизовать. Но не сейчас. Пока они нам нужны такими, как есть. Действительно опасными.

— Это страшная ответственность. — Кальдак поглядел вдаль. — Я видел людей в мире, в покое, на грани настоящей цивилизованности.

— То, что вы видели, — внешняя видимость, изобретенная людьми, живущими в безопасности. Внутри они все одинаковы. Они и сами это начинают понимать. Я врач и знаю, что первый шаг к успеху лечения — когда пациент признает, что ему нужна помощь. Но сейчас пока еще рано говорить им это. Не переменили ли вы свое мнение?

На улице шел дождь. За окном были видны темно-зеленые воды Западного океана.

— Нет. Я боюсь их в их нынешнем состоянии, меня беспокоит, что мы сразу не начинаем их цивилизовать. Чем больше мы позволим им использовать их естественные свойства в нашу пользу, тем труднее потом будет их изменить.

— Верно, но выбора нет. Нужно идти по выбранному пути в надежде на то, что придем, куда хотим. И люди будут идти с нами. — Она поглядела на него: — Если это поможет, могу вам дать новую пищу для раздумий.

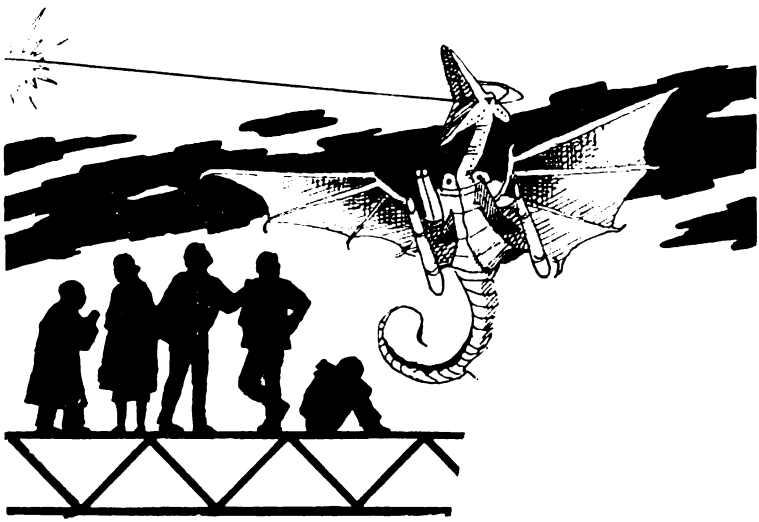
Кальдак устало повернул голову:

— Какую?

Врач произнесла со всей серьезностью, присущей их роду:

— Подумайте, что было бы, если бы Амплитур нашел людей первым?

ИЗБРАННЫЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ

РОЖДЕСТВО НА БОЛОТНОЙ ПЛАНЕТЕ

В журналах, выходивших в 1950 г. одной из наиболее популярных разновидностей в жанре научной фантастики были так называемые «рассказы в письмах». На страницах любых журналов начиная от «Эстаудинга» до «Старлинг сториз» был представлен широчайший ассортимент писем, которыми обменивались разные люди, включая иностранцев.

Эрик Франк Рассел был корифеем в создании «межзвездных» сообщений подобного рода, поскольку являлся непревзойденным мастером бюрократических малопристойных рассказов, наиболее известным из которых был получивший премию Хьюго «Алламагуса».

Мы на достаточно большое расстояние удалились от тех дней, когда искаженное понимание из-за несовершенства и неполадок в системе средств связи могло повлиять на жизни не только отдельных людей, но и человечества в целом. Поскольку теперь у нас есть компьютеры, чтобы исправлять любые семантические трудности, которые мы, небрежные люди, унаследовали.

А для чего это было нужно?

* * *

ОТ: *Мишеля Съенстрома И.О. Советника в штабквартире колониальной администрауции в Майравилле, Майара II.*

В: *Мастурекс-Центр в Сен-Джеймсе на Земле*

Приложение 119-аб

Содержание: *Туземный конфликт.*

Уважаемые господа!

Мне бы хотелось напомнить вам еще раз (на этот раз официально, поскольку моим неофициальным сообщениям не уделяется должного внимания) о нашем положении здесь.

Как вы уже были уведомлены, Майра II — тропическая планета. В болотах и заболоченных лесах можно найти изобилие лекарств и достаточно однообразной пищи. К сожалению, большая часть земли, если это можно так назвать, расположена в среднем от пяти до пятнадцати футов ниже уровня воды. Слой ила или грязи на дне не очень плотный. Благодаря изощренной изобретательности и мастерству части наших инженеров нам удалось создать ряд достаточно устойчивых городов, построенных на сваях. Подобный способ неоднократно использовался в зонах тропиков на Земле. Средствами передвижения здесь служат лодки и болотоходы.

Кроме того, Майра II служит обиталищем для не слишком доброжелательно настроенной популяции амфибий, естественной средой обитания для которых являются болота и мелководные озера. Их умственные способности были оценены нами по III категории. Они владеют языком, определенными инструментами и, к несчастью, достаточно эффективными видами вооружений. По одиночке они не представляют проблем и фактически они предпочитают передвигаться отдельными парами, собираясь в большие группировки только для отправления религиозных обрядов в случае опасности. В условиях коллективности они проявляют значительно более высокие умственные способности.

Это ставит нас перед лицом существенной проблемы.

В то время когда мы осуществляем сбор плодов дикой растительности, они вбивают в свои мокрые черепа, что мы нарушаем спокойствие их болотных божеств, или еще что-то в этом роде. Но так или иначе эта собираемая пища кормит нас. Особенно во время наших «опустошительных набегов» (это их выражение) на заросли диких пингровых деревьев. Плоды пингровых деревьев служат единственным источником для синтезирования таяна. Таян не может быть воспроизведен в лабораторных условиях. При длительном использовании он проявляет способность исцелять или стимулировать

сердечную мышцу. Более 85 процентов нашего годового экспорта состоит из собранного и первоначально переработанного в таяне сока пингровых плодов.

Далее. Со времени появления наших лодок для сбора плодов туземцы отказались от миролюбивого образа мыслей и поступков. Подстрекаемые своими лекарями-травниками, они поставили своей целью вытеснить нас с этой планеты.

Мы ощущаем настоятельную потребность в ваших предложениях и помощи.

Подписано: *Мишель Съенстром*
Капитан, Колониальная Служба

ОТ: *Мишеля Съенстрома*
И.О. *Советника в штаб-квартире колониальной администрации в Майравилле, Майра II.*
В: *Мастурекс-Центр в Сен-Джеймсе на Земле*
Приложение 119-аб
Содержание: *Туземный конфликт.*
Господа!

Я снова вынужден привлечь ваше внимание к нашим проблемам здесь. Под руководством известного лекаря-травника, именуемого Юмоо несколько соседних племен объединились с племенами из других областей, прилагая все усилия, чтобы уничтожить нас. Сбор сырья для синтезирования таяна и других продуктов близок к полному прекращению. Все попытки вести какие-то переговоры с целью разрядить ситуацию были отвергнуты.

Аборигенов трудно обнаружить в темных водах, а многочисленный топляк, скалы и другие предметы делают практически невозможным обнаружение их акустическими средствами. Гримпсы необычайно подвижны в воде, а их горящие стрелы могут навылет пробить нейлоновый скафандр на значительной дистанции. Охота в космическом скафандре практически бесполезна из-за его неудачной конструкции.Я умоляю вас снова и снова прислать нам ваши предложения и любые средства для того, чтобы помочь сохранить наш департамент. Мы возвращаемся назад в Майравилль на нашу основную базу. Если помощь не подоспеет вовремя, боюсь, я буду вынужден посоветовать оставить эту колонию.

Подписано: Мишель Съенстром
Капитан, Колониальная Служба.

ОТ: *Дебби Съенстром, 8,5 лет*
Штаб-квартира колониальной администрации в Майравилле, Майра II.
В: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс на Земле
Приложение 119-аб
Содержание: *Рождество.*
Дорогой Мастурекс:

Привет! Меня зовут Дебби Съенстром и через три месяца мне будет девять лет. Мой папа — руководитель здешней колонии. Вы знаете моего папу? Может быть и нет, даже несмотря на то, что, как он говорит, Вы знаете Все и обо всех.

Я не должна надеяться, что Вы захотите общаться со мной, но, полагаю, это было бы замечательно — снова поговорить с Землей. Папа думает, что я не знаю, как пользоваться космическим передатчиком, но я видела его множество раз и он смотрится достаточно простым в употреблении. И это действительно так! Все говорят, что я ужасно сообразительная для своего возраста, и я полагаю, что, по всей вероятности, они правы.

Как бы там ни было, папа говорит, что иногда Вы помогаете людям, проживающим в колониях, получить то, в чем они действительно сильно нуждаются. Ну, а сейчас наступают Рождественские праздники и мне очень нужны некоторые вещи. Не множество, только несколько. Папа так занят, но я надеюсь, что Вы сочтете для себя возможным прислать их мне. Или написать об этом Санта Клаусу. Он смог бы помочь. Он может достать что угодно.

Мне нужна Долли и болотный велосипед, и настоящая лазерная винтовка «Марк XX» для того, чтобы я могла помогать папе охотиться за отвратительными гримпсами и этим омерзительным мистером Юмоо.

Благодарю Вас: *Дебби Съенстром.*

ОТ. *Мастурекс Добавочный 119-аб*
Управление колониями

В: *Мастурекс-Центр*

Содержание: *Запрос из колонии Майра II.*

Проведенное расследование подтвердило наличие враждебности со стороны аборигенов планеты.

Запрос на одну (1) лазерную винтовку «Марк XX» препровожден для поставки в 26 подразделение Отдела вооружения колониальных войск. Зашифровано КР 14925-А.

Запрос на один (1) болотный велосипед препровожден для поставки в Колониальный отдел предметов роскоши. Зашифровано КР 14925-Б.

Запрос на одну (1) Долли, неуказанного типа, препровожден для поставки в колониальный отдел предметов роскоши.

Зашифровано КР# 14925-С.

Записано Терминалом 44, Добавочный 119-аб.

P.S. Следует провести расследование в отношении установления личности Клауса, Санта. Предложение следует.

В карточке сведения о нем не обнаружены.

Конец связи — КР # 14925-АБС.

ОТ: *Мастурекс-Центр*

В: *Отдел поставки, 26 подразделение*

Отдела колониальных войск.

Содержание: *Приказ.*

Запрос на одну (1) лазерную винтовку «Марк XX» получен КР# 14925-А

Надлежащее действие: *Одобрено. Отправить.*

ОТ: *Мастурекс-Центр*

В: *Отделение поставки Колониального отдела предметов роскоши*

Содержание: *Приказ.*

Запрос на один (1) болотный велосипед получен КР# 14925-В.

Надлежащее действие: Одобрено. Отправить.

ОТ: Мастурекс-Центр

В: Личному составу, колониальная служба.

В: Личному составу, гражданская служба.

Содержание: Справка по личному составу.

Согласно запросу Добавочного 119-аб по коду КР# 14925-АВС навести справки относительно одного Клауса, Санта.

Надлежащее действие: Одобрено. Составленное досье отправить в Мастурекс-Центр для оценки.

Досье под шифром SCX

ОТ: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс, Земля
Добавочный 119-аб
В: *Отдел запросов Колониальной администрации*
Майравилль, Майра II.
Содержание: *Удовлетворение заявок.*
Уважаемые господа!

К сему прилагается одна (1) лазерная винтовка «Марк XX», один (1) полный комплект энергетических пакетов для «Марк XX» , одна (1) упаковка чистящего вещества для «Марк XX».

К сему прилагается один (1) болотный велосипед, энергетический, модели «2095 Супер», предназначенный для эксплуатирования детьми от 4 до 12 лет.

Конец связи.

ОТ: *Мастурекс-Центр,*
Сен-Джеймс, Земля
В: *Штаб-квартира Колониальной администрации*
Майравилль, Майра II
Дебби Съенстром, 8,5 лет.
Содержание: *Удовлетворение заявок.*
Дорогой мистер/мисс

Отправлено: Одна (1) лазерная винтовка «Марк XX» с полным комплектом энергетических пакетов и упаковкой чистящего вещества, плюс один (1) болотный велосипед КР # 14925, закодировано А и Б соответственно.

Дополнительный запрос: для удовлетворения заявки КР # 14925-С необходимо идентифицировать предмет, именуемый «Долли» .

Во исполнение запроса: Собрать любую дополнительную информацию о лице, идентифицируемом как Клаус, Санта и

передать в предстоящем сообщении,в соответствии с Законом о районах боевых действий, раздел IV.

Конец связи.

ОТ: *Мишеля Съенстрома, И.О. Советника*
Штаб-квартира Колониальной администрации.
Майравилль, Майра II.
В: *Мастурекс-Центр,*
Сен-Джеймс, Земля
Добавочный 119-аб.
Господа!

Лазерная винтовка, конечно, пришлась весьма кстати, она несколько укрепила нашу защиту и улучшила моральное состояние. Мне бы очень не хотелось прослыть неблагодарным среди людей и роботов, но мы уже пытались использовать в наших условиях лазерное оружие, и, к сожалению, оно оказалось недостаточно эффективным. Мы оказались здесь в уникальной ситуации. Необычайно опасной. И нам остро необходимы новые средства защиты. Мы пробовали использовать небольшие субмарины, но они слишком легко вылавливаются. Мы пробовали использовать и непроницаемые подводные скафандры, но они не дают необходимых возможностей для маневрирования.

Понимаете, здесь нужны новые нестандартные подходы в решении этой проблемы. Вчера я потерял еще двух человек. Часть аборигенов отвлекала их внимание, атакуя с деревьев, в то время как другая часть, по-видимому, успешно применила приемы захвата под водой. Поймите, это не животные, мы здесь действительно воюем!

Их необычайная способность адаптироваться ко всему новому и изощеренная ловкость ставят нас в ситуацию близкую к критической.

Пришлите нам что-нибудь новенькое, черт побери! И желательно поскорее!

Подписано: *Мишель Съенстром, капитан Колониальной Службы.*

P.S. Спасибо тому, кто прислал болотный велосипед для моей дочери. Может быть, когда-нибудь она сможет пользоваться им без риска для жизни.

ОТ: *Дебби Съенстром*
Штаб-квартира Колониальной администрации
Майравилль, Майра II
В: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс, Земля
Добавочный 119-аб
Содержание: *Рождество.*
Дорогой Мастурекс:

Большое спасибо за болотный велосипед, хотя пока еще я и не могу на нем кататься. Эма и Дэви его уже переросли, а маленькие братья и сестры еще не доросли до него!

У папы хранится лазерная винтовка, но ему трудно ею пользоваться, так что я ничего не смогла бы сказать по этому поводу. Я получила Ваше письмо в тот момент, когда наблюдала за космическим передатчиком, способным управлять человеком. У нас не так много средств сообщения подобного рода, поэтому мне позволено наблюдать за ним во время его передышек. Я пообещала, что всегда буду вызывать его в том случае, если кто-то придет, но в тот раз принесли письмо для меня, поэтому я не стала этого делать.

Неужели Вы не знаете, кто такой Санта Клаус? А мы с мальчиками считали Вас таким сообразительным! Санта живет на Северном Полюсе (полагаю, это на Земле) и каждое Рождество он прилетает, чтобы подарить игрушки и другие замечательные вещи всем хорошим маленьким девочкам и мальчикам, и даже таким большим, как я. Он летит в огромных красных санях, которые несет олень в упряжке. Как написано в моей энциклопедии, олень — это арктическое копытное животное.

Я хочу Маленькую Мисс Ядерную Долли, ту, которая умеет ходить и разговаривать и имеет свой собственный аэроплан с дистанционным управлением.

Спасибо: *Дебби Съенстром.*

ОТ: *Мастурекс Добавочный 119-аб*
Управление колониями.
В: *Мастурекс-Центр.*
Содержание: *Запрос из колонии Майра II.*

Ответ на полученный запрос КР # 14925-С.

Запрос о Долли, маленькой Ядерной Мисс со вспомогательным аэропланом, обладающим дистанционным управлением, направлен в Отделение Колониального отдела предметов роскоши, детская секция, подразделение малышей.

Ответ, полученный в отношении досье под шифром SCX КР # 14925-АБС. Дата направления в Мастурекс-Центр Записано Терминалом 73, Добавочный 119-аб.

Конец связи

ОТ: *Мастурекс-Центр*

В: *Отдел поставки Колониального отдела предметов роскоши, детская секция, подразделение малышей.*

Содержание: *Приказ.*

Касательно запроса КР # 14925-С (неудовлетворенный)

Запрос на одну Долли, Маленькую Ядерную Мисс.

Надлежащее действие: Одобрено. Отправить.

Дополнение: В приказ включаются формальные извинения за недостаточное понимание содержания первоначального запроса.

P.S. Удостоверьтесь, что приложен (1) аэроплан с дистанционным управлением.

Конец связи. КР # 14925-CS.

ОТ: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс, Земля.
Добавочный 119-аб.

В: *Отдел приема Колониальной администрации,*
Майравилль, Майра II.

Содержание: *Запрос.*

Уважаемые господа:

К сему прилагается одна (1) Долли, Маленькая Ядерная Мисс, с аэропланом для нее, имеющим дистанционное управление, по шифру КР # 14925 CS.

К сему прилагается одно (1) извинение установленного стандарта # 14.

Конец связи.

ОТ: *Мастурекс-Центр*
В: *Личному составу Колониальной службы*
В: *Личному составу Гражданской службы*
В: *Военный департамент*
В: *Департамент гражданской защиты*
Содержание: *Досье под шифром SCX.*

К сему прилагаются данные об индивидууме, известном как Клаус, Санта.

Сведения следующие:

За истекший период ни один отдел оказался не в состоянии обнаружить сколько-либо существенную информацию об объекте. Информация, только что поступившая из колонии Майра II, содержит указания о том, что во время военных действий предполагаемая персона может быть привлечена к попыткам обучения юношества на Земле (вероятно, до 13 лет). Указанная персона способна маневрировать в воздухе над Землей.

Наблюдение за предполагаемым объектом должно производиться с предельной секретностью с тем, чтобы избежать ненужной паники среди населения до тех пор, пока эта необычная ситуация не прояснится.

Надлежащее действие: Исследовать, способно ли подниматься над Землей травоядное, именуемое «Олень в упряжке» .

Найти указанные области: Лапландия, Сибирь, Канада, Аляска.

Конец связи.

ОТ:*Военный департамент*
Центральный компьютер
В: *Мастурекс-Центр*
Содержание: *Досье под шифром CX.*

Информация получена и надлежащие действия начали проводиться.

Оценка: *Совпадает.*

Конец связи.

ОТ: *Макмак-он-Бэффин*
Территория NA
Серван Фриривер

Шеф полиции
В: *Центральный Терминал полиции*
на Бермудах

Информация

Содержание: *Умопомешательство робота*

Уважаемые господа!

Что это за дьявольщина творится в стране? Посудите сами, я управляю прелестной мирной маленькой деревней, где никогда не было никаких беспорядков, никакой сусты, никакого беспокойства. Тут даже слишком спокойно, чтобы воевать. Сидели мы себе, сидели, никого не трогали, и вдруг однажды утром мы были наводнены огромным количеством бронированных машин, способных взорвать половину континента! Будьте любезны, уберите ваших... (ПРОВЕРЕНО ЦЕНЗУРОЙ) роботов из моей деревни или мои соседи... (ПРОВЕРЕНО ЦЕНЗУРОЙ) уберут этих е(ПРОВЕРЕНО ЦЕНЗУРОЙ) вместе со всеми вами к е(ПРОВЕРЕНО ЦЕНЗУРОЙ ПРОВЕРЕНО ЦЕНЗУРОЙ) матери.

Подписано: *Серван Фририверс*
Лейтенант полиции

ОТ:*Дебби Съенстром, 8, 5 лет.*
Штаб-квартира колониальной администрации
Майравилль, Майра II.
В: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс, Земля.
Добавочный *119-аб*
Содержание: *Рождество.*

Дорогой Мастурекс!

Право, я почти совсем забыла! Пока вы ищете для меня Долли, может быть, вы могли бы помочь нам отделаться от этих омерзительных гримпсов. Какого только беспокойства не причиняли они моему папе! Я, посылаю вам официальное описание, потому что в нем содержится огромное множество пока еще неизвестных мне слов.

Пожалуйста, в качестве Рождественского подарка помогите моему папе!

Еще я хочу сказать, что старшие сестры должны лучше относиться к своим младшим братьям и сестрам (даже если

они и доставляют огорчения), вот почему я хочу, чтоб Вы знали, что Эма очень хочет рыбок-гуппи для своего аквариума, а Дэви мечтает о настоящем приемнике-передатчике марки «Палларнум» .

Подписано: *Дебби Съенстром.*

P.S. Счастливого Рождества!

ОТ: *Мастурекс Добавочный 119-аб*

В: *Мастурекс-Центр*

Содержание: *КР # 2335 Майра II.*

К сему прилагаются факс из колонии Майра II о вспышках враждебности там со стороны аборигенов. Анализ эмоциональной насыщенности содержания предполагает немедленное осуществление конкретных действий. Обеспечивается в очередности ААА.

Конец связи.

ОТ: *Мастурекс-Центр*

В: *Военный департамент. Отдел исследований.*

Содержание: *КР # 2335 на Добавочный 119-аб — 12ААА.*

Надлежащее действие: Обеспечение ААА рассмотрения прилагаемого запроса о решении проблемы подавления восстания местных амфибий.

Прилагается: *1 местное донесение/запрос.*

I разбор/анализ предложений, содержащихся в местном донесении/запросе (110 копий)

Конец связи.

ОТ: *Военный департамент, Отдел исследований.*

В: *Мастурекс-Центр*

Содержание: *КР 2335 на Добавочный 119-аб-12ААА*

Надлежащее действие: Решение проблемы заключается в анализе предложений, содержащихся в местном запросе/донесении. Проекты подготовлены. Единственное необходимое условие — в незначительной задержке с отправкой. Степень эффективности решения имеет 96.354% вероятности. Оценка: высшая.

Конец связи.

ОТ: *Альбертса Туамбо*
ассистента коменданта Центрального Терминала Полиции
Отдел Стратегии и Распространения
В: *Сервану Фририверсу*
Шефу полиции Макнак-он-Баффин
Территория: *NA.*
Содержание: *Сверхвоздействие.*
Дорогой лейтенант Фририверс!
Извините за причиненное неудобство.

По-видимому, в компьютере произошли какие-то неполадки, связанные с перегревом и он выдал информацию, убедившую нас, что в вашем районе происходит заболачивание местности. Все миролюбтвые усилия робота теперь должны быть преодолены.

Подписано: *Альберт Туамбо, Колония.*

Прилагается 1 чек на оплату, как возмещение локальных разрушений.

1 счет, занумерованный, за повреждения, нанесенные жителями Макнак-он-Баффин, Территория: NA танку серия # 175 AWE.

1 гражданский костюм, зарегистрированный, пострадавший во время неспровоцированной атаки на персону официального исследователя.

1 счет за чистку и удаление посторонних пятен (пятна от смолы и гусиные перья) с униформы последнего.

ОТ: *Личного состава Колониальной службы*
В: *Мастурекс-Центр*
Содержание: *Досье за шифром СХ.*
Ответ: *Санта Клаус?*
Заключение: Предлагается проверить работу ваших логических цепей и завершить общую наладку центральной панели разумности.
Конец связи.

ОТ: *Мастурекс-Центр*
В: *Военный Департамент*
В: *Департамент гражданской защиты.*
Содержание: *Досье за шифром SCX.*

Ответ, полученный от личного состава колониальной службы.

Надлежащее действие: По исследовании содержания полученных материалов, настоящим досье за шифром СХ считать закрытым и опечатанным.

Ответственность: Настоящим удостоверение цензора запротоколировано в Добавочном 119-аб.

Добавление: Бюро ремонта компьютеров обнаружило, что легкомысленные директивы в Мастурекс-Центр и/или из Мастурекс-Центра являются грубым нарушением Основного Досье Компьютерной Базы-2046, параграф 83, подотделы 4-8.

Конец связи.

ОТ: *Мишеля Съенстрома, И.О. Советника в штаб-квартире Колониальной администрации.*
Майравилль, Майра II.
В: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс, Земля,
Добавочный 119-аб.
Содержание: *Поздравление.*
Уважаемые господа:

На этот раз я должен признать что вы совершенно правильно побеспокоили меня. Признаться, я почти потерял надежду на то, что вы обратите внимание на мои призывы. Когда прибыло посланное вами новое оружие, гримпсы пытались сделать подкоп и заминировать наши основные шахты. Мы бы никогда не смогли обнаружить этого или сделали бы это слишком поздно, если бы ваши средства не помогли нам распознать, где и как они это готовят. Приношу свои извинения, но иногда ваши люди бывают чертовски точными, черт возьми!

Мне здесь и в голову это не приходило. Слава человеку или машине, которые смогли придумать это. Эх! Я не верил своим собственным глазам, пока не закончил изучать буклет-инструкцию. Неужели видоизменившихся пираний можно контролировать с помощью радио! Это не что иное, как взлет гениальности! Мы практически полностью запустили вопрос с биологическим оружием. Достаточно было этим рыбкам порезвиться с полчаса, и мы увидели, как старый Юмоо вспар-

хивает на дерево пикма, причем на каждом шагу в него впиваются колючки.

Наши биоспецы даже не предполагали, что гримпсы могут плавать с такой скоростью.

Правда, это не дало много для того, чтобы заставить их подписать соглашение. Следующая перевозка тайяна назначена на пятое число.

Мы отвернули пираний в сторону и благодаря этому наши дети теперь могут плавать и кататься на болотных велосипедах. Но мы не пребываем в эйфории от чувства безопасности — планета не бесконечна, я и не сомневаюсь в этом, судя по пути , которым двинулись эти лягушки.

Подписано с благодарностью:

Мишель Съенстром,

Капитан Колониальной службы.

Прилагается: один (1) свиток памятный, подписанный населением колонии Майра II.

P.S. Кому по протоколу принадлежит идея послать моей старшей дочери такие дорогие подарки?

ОТ: *Мастурекс-Центр*
Сен-Джеймс
Управление.
В: *Эдвину Эльяху*
Руководителю програмирования Отдела исследований и развития Мастурекс-Центра
Территория ЕИ
Рим
Содержание: *Мастурекс*
Дорогой Эд:
Я думаю, тебе следует прилететь к нам. Какие-то сволочные зубастые рыбешки оккупировали всю планету. Нам от них житья нет.
Подписано: *Боб Голлес*
мастер-техник

ОТ: *Тау Цети IY*
Строительный департамент

межкосмической связи
Эбостон Сити.

В: *И.О. Советника, штаб-квартиры колониальной администрации*
Майравилль, Майра II.

Содержание: *Вопросы финансового урегулирования.*

Уважаемый сэр!

Вам пришлось попотеть, не так ли?

Подписано: *Симва Агрипопулос*
Директор.

Прилагается: Один (1) счет за космическую лучевую связь за финансовый период с 1 декабря по 30 число текущего месяца.

Стандарт Т — 2094: 12 342 77 кредитов.

С Рождеством!!!

Перевод Е. Гадыны

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Спать... как хочется спать...

Существование подтверждалось глубиной его сна, грез о бесконечных зеленых равнинах, по которым он неторопливо бежал, бежал... Сон развеялся. Он пытался его удержать, но безрезультатно.

Он проснулся.

Чепмен вздохнул. Он неподвижно и тупо ждал, пока не прояснится зрение. Он слышал движение жидкостей в своих венах, во рту было ощущение ватного тампона, будто Чепмен не глотал уже тысячу лет. Прозрачный купол-крышка его кабины для сна плавно отошел в сторону. Чепмен отстегнул ремни. Двигаясь медленно и осторожно — мышцы после нескольких лет неподвижности в подвешенном состоянии искусственного сна были непослушны, он уселся на краю кабины и оглядел пустой пилотский бункер.

Все остальные места были свободны. Чепмен был единственным обитателем огромного баллона-корабля. Он, должно быть, уже на орбите Абрисиса. Через час или около этого колония, которой грозит гибель, сможет начать переправлять своих жителей к нему на борт. Тогда Чепмен сможет перенести ответственность на лидеров колонии.

Это был второй сон, который следовало стряхнуть

— Положение? — осведомился он.

— Мы чуть дальше пяти стандартных дней от Абраксиса, — ответил ровный голос корабельного компьютера так, словно Чепмен общался с ним в последний раз только вчера, а не три года назад. Космонавт некоторое время обду-

мывал эту неожиданную новость, заставляя работать свои долго неиспользованные язык и небо.

— Тогда почему меня разбудили именно сейчас?

Не то чтобы несколько дней бодрствования повредят ему — просто не было причин для раннего оживления. Никаких запрограммированных причин, напомнил он себе.

— Параллельно нам идет дабианец, — пояснил компьютер, — и...

— Сделай сначала обзор, — коротко прервал его Чепмен.

Он вынул шар с энергетизированной водой и выдавил его содержимое себе в глотку.

Компьютер послушно принялся выполнять поставленную перед ним задачу. Зажегся небольшой экран в аварийной капсуле пилота. На экране появилась массивная гроздь красно-оранжевых блоков. Блоки согласно некоему нечеловеческому элегантному проекту были связаны в корабль. Дабианский корабль.

Земляне столкнулись с дабианами два десятилетия назад. С тех пор отношения их были неясными. Любопытство человечества к дабианам было встречено с сердечным безразличием со стороны чужаков. А поскольку корабли дабиан при всей их видимой неуклюжести, были быстрее, чем у землян, уединение чужаков до сих пор не было нарушено.

Во время нечастых встреч с земными кораблями дабиане иногда вступали в общение, но чаще — нет. Они никогда не были враждебны, но просто не заинтересованы. Имелись намеки, что у них есть много ценного, чтобы предложить землянам, но ни просьбы, ни угрозы и такое же равнодушие не побуждали их к детальному разговору.

Никто еще никогда не видел отдельного дабианина. Чепмен не мог подавить слабой дрожи возбуждения. Возможно, он будет первым.

И все же молчащий дабианин был не столь уж неизвестен. Присутствие еще одного не могло быть достаточной причиной для его пробуждения, он сказал об этом кораблю.

Компьютер оправдался, доложив ему о новой вспышке.

Вспышки и были причиной его поспешно спрограммированной миссии. Несколько лет назад астрономы предсказали, что колония Абраксис должна быть эва-

куирована по крайней мере на время, поскольку ее Солнце собиралось пройти период краткой, но интенсивной активности. Эта активность произвела бы достаточное количество радиации, чтобы убить любого человека на поверхности Абраксиса или даже немного зарывшегося под нее.

Четыре-шесть месяцев опасной звездной активности население должно было прожить на спасательном корабле. После того как эта информация была передана соответствующим властям, соответственно оборудованный и снаряженный корабль был отправлен, имея времени только на то, чтобы прибыть и забрать население до того, как начнется эта угрожающая активность.

Так в чем же дело? Возможно, астрономы ошиблись? Нет, корабль информировал его, что расчеты произведены правильно. Цикл звездных вспышек начался угрожающе рано. Эта новая вспышка была аномалией, причудой, не учтенной прежними предсказаниями. Она не угрожала колонии, надежно прикрытой щитом аморфной атмосферы, однако она была достаточно сильной, чтобы существенно повредить некоторые жизненно важные компоненты и приборы. Корабль-баллон также будет поврежден настолько, что несомненно не сможет выполнить свою миссию, и сам Чепмен, между прочим, умрет.

— Когда? — пробормотал озадаченный пилот.

— Через сутки-двое, — последовал тихий ответ.

Компьютер был достаточно тактичным, чтобы учитывать эмоциональное состояние пилота и производить подходящую перестройку тембра и силы голоса при ответе.

Чепмен потребовал дополнительной информации. За оставшееся ему время корабль не мог улететь достаточно далеко, чтобы избегнуть губительного облучения от звезды. Не мог он и укрыться в тени планеты где поселилась колония.

— Проверить вычисления.

Корабль провел вычисления и повторил то, что уже и так казалось неизбежным.

— Проверь еще раз.

Бесполезно. Желание не оказывает никакого эффекта на реальности физики. Надежда на чудесное сокращение критического расстояния до Абраксиса, как и на уменьшение числа порождаемых звездой энергетических частиц

испарялась с каждой секундой. Чепмен рассудительно аналитически обдумывал положение. Следовательно, миссия не удалась. Две тысячи поселенцев, ученых и техников колонии не будут спасены вовремя. Они умрут и он умрет, правда чуть скорее. Он сразу же испугался и устыдился, поскольку последнее обстоятельство было для него важнее.

На консоли замигал свет, вводный сигнал запроса об их положении с этого все еще отдаленного мира. Автомат даст на него ответ, так как предполагалось, что он все еще спит. Однако компьютер поинтересовался, раз уж он проснулся, то не захочется ли ему...

— Нет, — прорычал он. — Не хочется.

Он действительно не хотел. Ему нечего было им сказать, нечего сказать и кому-нибудь еще. Пусть насладятся последней парой дней мира и уверенности. У их челночных пилотов будет достаточно времени для того, чтобы высадиться на корабль-баллон, когда автомат приведет его на орбиту. Время достаточное, чтобы обнаружить мертвеца в отсеке управления, окруженного непоправимо поврежденной аппаратурой.

Правда, существовал дублер главного компьютера и дублер дублера. И в должности конечного дублера всех этих дублеров стоял человек, аварийный пилот, некий Тимоти Чепмен. Человек, находящийся в искусственном сне все время полета для того лишь, чтобы в конце путешествия быть разбуженным в собственном летающем гробу, который автоматически доберется до своих реальных пассажиров.

Это была хорошая работа, говорил он себе. Безопасная, мирная, хорошо вознаграждаемая. В коматозном состоянии искусственного сна теряется немного фактического времени — ты сохраняешь молодость. Здесь нет боссов, которые могут накричать на тебя, и никакого ежедневного расписания, которое надо выполнять.

Теперь, однако, он был воскрешен. Впервые за всю свою безмятежную карьеру он был призван выполнить то, к чему его готовили, и это оказалось выше его способностей. Как удручающе сводящее с ума! Ему хотелось реветь.

Свет на консоли продолжал мигать. Вероятно, астронавтическая лаборатория там внизу на Абраксисе тоже

ощутила начальную вспышку и теперь пытается предупредить его.

Прикидывая, что еще можно сделать, он решил что не сможет ничего. Он не может ни убежать, ни укрыться от вспышки. Ему не оставалось ничего кроме как принять... и, может быть, удовлетворить свое личное любопытство.

— Дабианский корабль, — спросил он, — может ли он избежать эффектов вспышки, основываясь на том, что мы знаем о его возможностях?

Последовала пауза, затем:

— Основываясь на пределах еще не показанных скоростей предположительным решением будет: нет не может.

Значит, у него будет компания.

— Предложи ему «Запрос об обмене информацией», корабль. Было бы интересно посмотреть его реакцию, если они обречены (а кажется, так оно и есть), если компьютер не ошибся и они не обладают каким-либо сверхмощным щитом против высокоэнергетических частиц. Может быть, они вылетели к системе Абраксиса для изучения активности его звезды до извержения и были потрясены и захвачены в ловушку тем же самым неожиданным всплеском активности, который прикончит его.

По крайней мере, нашлось хоть какое-то занятие. Мысль о возвращении в спячку и ожидании конца в неведении была ему противна.

Он не слишком рассчитывал на ответ чужака и был удивлен, когда в микрофоне раздался странно модулирующий голос, прошептавший:

— Мы обменяемся с вами, человек.

— Эта звезда скоро породит вспышку высокозаряженной плазмы, которая будет для меня фатальной. — После короткого раздумья он прибавил: — Мой корабль тоже будет сильно поврежден.

— Информация, — последовал по-дабиански короткий ответ. — Вопросов нет?

— Что будет с вами?

— С нами будет то же, что и с тобой, человек.

Первое приближение к смертности среди дабиан, подумал

Чепмен. Но он не почувствовал энтузиазма от этого открытия. Никто другой не узнает о том, что он здесь открыл.

— И нет способа спастись? Я полагал, что ваш корабль очень быстроходный.

— Не достаточно. Но, может быть, и есть выход.

Последовала неуверенная пауза, прежде чем дабианин заговорил снова:

— А ты не заметил это?

— Что не заметил? — Чепмен был больше смущен, чем возбужден.

— Ону.

— А что такое, черт подери, это значит? — Чепмен успокоился. — Вы не могли бы дать его координаты?

— Мы не очень хорошо знаем соответствие ваших вычислений, но из того, что нам известно... — и он выстрелил ему несколько цифр.

— Корабль? Что это значит?

— Минуточку, Чепмен. — Ему показалось, что он слышит, как машина думает слишком долго. А может, ты, старик, чересчур перележал в замороженном состоянии, подумалось ему.

— Используя максимальное увеличение, сфокусированное на районе, указанном кораблем чужаков, она распознается как крупный, но неясный объект, действительно находящийся в этом участке неба. Масс-сенсорные детекторы чужака вероятно намного сильнее наших. Положение на данный момент исключает визуальную идентификацию кометы под этим углом наблюдения.

Комета? Вопрос, корабельному компьютеру. Достаточно ли она велика, чтобы обеспечить достаточную защиту от предполагаемой вспышки?

— Да, Чепмен.

— Второй вопрос: достаточно ли она велика, чтобы защитить оба корабля?

— Потребуется точное и деликатное маневрирование, чтобы предотвратить взаимные повреждения. Это возможно, хотя и не без труда и осложнений.

— Каких осложнений?

Надежды Чепмена разбегались, как дети во время игры.

— Время, требуемое для того чтобы добраться до тени кометы, составляет тридцать девять часов.

— Мы отстаем, человек, — сообщил дабианин. — Надо ли нам переориентировать нашу позицию, чтобы дать место твоему кораблю?

Чепмен почти не раздумывал. Тридцать девять часов укладывались в верхний предел ожидаемой звездной вспышки. За тридцать девять часов он, возможно, будет дальше, чем находится планета. И все компьютер сообщал, что он все еще будет в фатальном радиусе радиации вспышки.

Эту игру трудно было принять.

— Да, я тоже попытаюсь туда добраться.

Дабиане, очевидно, восприняли это, как не требующее продолжения разговора.

— Корабль, смени положение, чтобы мы могли устроиться за ядром кометы. Держи курс за дабианином.

— Я буду осторожен, Чепмен, — доверительно заверил корабль.

В занятиях последующие часы пролетели незаметно. Он изучал дабианский корабль, проследовавший мимо, а затем впереди него на близком расстоянии, позволявшем ксенологам получить довольно ценные сведения. Это дало ему возможность отвлечься от взвешивания своих довольно хлипких шансов. Когда прошли двадцать четыре часа и вспышку можно было ждать в любой момент, он работал неустанно и интенсивно.

Комета была действительно большой. По крайней мере, пятнадцать километров в поперечнике ядра. Когда иссякли тридцать два часа с момента пробуждения, он увидел корабль дабиан с самого близкого расстояния. Восемьсот метров в длину, на сотню меньше, чем его, но гораздо массивнее. Он прошел перед ним, двигаясь с большой скоростью, чтобы безопаснее укрыться в тени кометы.

В тридцать пять часов он позволил себе некоторую надежду. В тридцать шесть он планировал полный отчет Комиссии о своем спасении.

В тридцать семь часов корабль сообщил ему, что он не успевает.

— Поверхностная звездная активность уже проявляет

признаки приближающегося извержения, Чепмен. Если местные условия не изменятся, мы достигнем ядра кометы на час двадцать две минуты и девять секунд позже, чем требуется.

В течение какого предельного срока возможно выдержать радиацию, не нанося непоправимого ущерба для корабля? — К своему удивлению он почему-то не спросил о себе.

— Десять с половиной минут.

Ну вот теперь все ясно. Утопая, он ухватился было за веревочку, а она оказалась слишком короткой. Он обернулся и позволил себе рухнуть в кресло перед главным экраном. Голова его тяжело опустилась и подалась вперед, опершись на изгиб локтя, чтобы успокоиться у прохладного металла.

Он знал, что пламя опалит его крылья, но это было так прекрасно и очищающе. Еще чуть ближе и все, только еще чуточку ближе. Через тихое жужжание пламени, ему казалось, что он слышит лепет компьютера в самом себе. Конечно же, это абсурд. Компьютер не беседует с мошками. Компьютер не лепечет. Он игнорировал бессмысленные шумы, придвинулся к манящему теплому экрану. Огненные пальцы коснулись его крыльев...

Он проснулся в поту.

И что-то было не так. Совсем не так. Он не мог уснуть больше чем на несколько часов. Он это чувствовал. Но даже, если это и так, он не мог проснуться живым. Он должен быть мертв. Сгореть в одном опаляющем пфу! как мотылек в печи. Он поморгал и дико огляделся.

— Корабль! Вспышка, что...?

— Начинается убывание первых энергетических частиц. — спокойно проговорил компьютер. — Двадцать, девятнадцать, восемнадцать...

Чепмен тупо уставился на экран, пытаясь осмыслить то, что он видел. С одной стороны дрейфовал объект, казавшийся собранным из остатков некой древней конструкции: корабль дабиан, испускающий голубоватое белое свечение. Впереди тусклая зеленая масса, которая, когда он на нее смотрел, оказалась солнцем Абраксиса, затемненным оборотной стороной кометы. В отраженном свете его собственного корабля-баллона, она сверкала зеленовато-ледяным светом. Мгновение она казалась твердой, в следующее — зыбкой и нестойкой.

— Четыре, три, две, одна... — закончил компьютер. Чепмен удивленно втянул воздух.

Кома, плотный газообразный конверт, окружающий голову кометы, сверкала так ярко, что на нее было почти больно смотреть. Разреженные полосы газов и частиц обтекали оба корабля вибрирующими, пурпурно-красными лентами. В буре, разыгравшейся на поверхности звезды, которая была перед ними, эти вымпелы казались почти твердыми, подобно шелковистой мантилье испанской танцовщицы.

Хотя вид с нескольких миллионов мог быть еще более впечатляющим, но само осознание того, что ты находишься внутри хвоста кометы, давало ему ощущение своей ничтожности.

Пять с половиной часов два корабля были под защитой кометы. Огненные цвета плясали вокруг них. Разрушительная энергия, прижатая к голове кометы, производила красоту вместо смерти.

Затем компьютер объявил, что уровень звездной радиации стал стремительно падать. Вскоре она снизилась до приемлемого уровня. И в то же самое время начал двигаться корабль дабиан. Он прошел за и через ослабленный, но все еще драматический кометный поток прежде, чем Чепмен подумал о том, что же с ним произошло.

Его корабль сам не мог достичь безопасного положения позади кометы. Значит, дабиане как-то ему помогли. Почему?

— Дай запрос об информации, корабль!

Через мгновение он получил ответ:

— Они не отвечают, Чепмен.

Чужаки продолжали удаляться.

— Попытайся еще!

Компьютер сделал еще несколько попыток, прежде чем Чепмен обратился на прямую по интеркому.

— Дабиане! Почему?! Почему вы меня спасли? Я вам обязан! Тысячу раз обязан!

Молчание. А огромный, состоящий из разноцветных блоков корабль на экране продолжает удаляться.

— Почему вы молчите? Ответьте!

Живой напыщенный голос проговорил:

— Многочисленные поиски не соответствуют действитель-

ному положению дел. Ищите в другом месте. Здесь ничего нет, человек.

Как он ни старался, Чепмен не смог получить еще какое-либо сообщение от чужака.

Несколько недель спустя, когда колония легко и безопасно была переведена на корабль и они благополучно выбрались из системы, Чепмену пришло на ум неуверенно справиться у своего компьютера:

— Корабль, дабиане спасли нас, а я не знаю почему. А ты не знаешь, как они ускорили нас во времени, чтобы мы смогли безопасно укрыться за кометой?

— Вопрос поставлен неправильно, Чепмен.

Он нахмурился:

— Почему?

— Ничто не указывает на то, что чужак хоть каким-то образом повлиял на наше движение.

У него слегка закружилась голова. Облегчение, решил он, и слишком долгий срок пребывания на стимулянтах, чтобы оставаться бодрствующим.

— Что ты хочешь сказать? Если дабиане не изменили нашу скорость, тогда как же мы оказались за ядром кометы?

— Дабиане полностью были заняты собственными маневрами, — последовал ответ. — Есть свидетельства, что комета изменила свое положение, чтобы переместить нас в свою тень. Дабианам пришлось притормозить, а не ускоряться, чтобы приспособиться к новому положению кометы.

— Ты хочешь сказать, что дабиане сдвинули комету?!

— Да нет же, Чепмен. Никаких свидетельств в пользу такой гипотезы.

— Но комета изменила свое положение.

— Верно.

— Но это невозможно, — решительно заявил он.

— Всякое случается, — чуть раздраженно возразил компьютер.

Чепмен подумал еще раз, подумал еще... У него расширились глаза. Затем он пробежал через весь корабль, пока не нашел его нынешнего командира, лидера колонии Отасу, который беседовал с несколькими другими официаль-

ными лицами колонии в переполненной кабине пилота. Он с удивлением посмотрел на появление озабоченного Чепмена.

Чепмен сразу же подошел к обзорному экрану. Он показывал только испещренное звездами небо и чуть более яркое пятно отдаленного солнца Абраксиса.

— Мы должны возвращаться назад, сэр.

— Возвращаться? Но мы не можем вернуться, Чепмен, вы же это знаете. — Бедняга, подумал он, этот анабиоз и стимулянты вызывают у людей странные симптомы.

— Наше солнце вступило в цикл активных выбросов. Мы все сгорим.

« Ищи в другом месте», сказал дабианин перед тем, как окончательно замолчал. — В другом, другом... где еще я мог искать? Комета сама изменила положение...

— Пятнадцать часов, — пробормотал он, глядя на экран, — пятнадцать часов...

— Пятнадцать часов для чего? — поинтересовался мэр колонии, пытаясь по-доброму взбодрить аварийного пилота.

Чепмен не отрывался от экрана.

— У меня было пятнадцать часов перед вспышкой. Я использовал их для наблюдения за дабианами и делал заметки, — тупо проговорил он.

— И очень ценные наблюдения, как мне говорили, — признал Отасу, пытаясь вселить в Чепмена уверенность и высказать свое одобрение.

— Но вы не понимаете! — Чепмен еще интенсивнее уставился на экран.

Комета была где-то там, далеко позади, двигаясь по своему предначертанному для комет пути.

А что они вообще знали о кометах в конце концов?

Почти ничего...

— Я потратил пятнадцать часов, — пробормотал потрясенный Чепмен, — изучая не того чужака...

Перевод М. Иванова

А ЧТО ВЫБЕРУТ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ?

Когда-то здесь был бокс, который содержал в себе тысячу миров, до которых никому не было дела.

Этот конкретный мир на дисплее в каком-то боксе был более знаком благодаря долгому использованию. Ряд людей, одетых в синие мундиры, защищали груду бревен, известную всем, как «форт». С респектабельной яростью они сражались с большой группой вопящих и завывающих аборигенов.

Однако то, что случилось затем, — результат созревания этого коробочного мира. Как аборигены, так и солдаты были заменены бойкой блондинкой, основной достопримечательностью которой, по-видимому, являлись роскошные груди. На стене за ней появились разноцветные карты и фото. Она обращалась к ним, как к слушателям.

— Добрый вечер, дорогие зрители нашего стереоканала! Опять настало наше время. Время, когда вы, наша преданная аудитория, должны определить, чем закончится сегодняшний эпизод «Команчей».

Как вы видели, команчи под предводительством своего доблестного и необычайно мужественного вождя Красного Сокола были спровоцированы на атаку Форта Резольюшн многочисленными нарушениями договора и вторжением на их земли жадных золотоискателей. Альтернативно Красный Сокол и его ужасные дикари-соплеменники осуществляли незаконные проводимые тайком нападения на форт и его невинных, стойких защитников.

— От вас зависит исход сегодняшнего боя. Победит ли вождь и его храбрецы индейские воины? Или же полковник

Джепсон и его осажденные мужественные солдаты преуспеют в отражении их варварской атаки! Кто одолеет?

Даже и повторяя сотни раз на протяжении Сезона, это действо держало прикованным, подобно присосавшимся пиявкам, внимание ряда хорошо одетых бизнесменов, сидевших за длинным столом. Стол был из инкрустированного красного дерева вырезанного вручную неизвестным ремесленником во французском стиле шестнадцатого века.

В их компании сидящий в дальнем конце стола молодой человек казался даже неуместным. Он выделялся не только своей относительной молодостью. Казалось, что драма коробочного мира не доставляет ему особого удовольствия. И действительно он, по-видимому, был полностью поглощен разглядыванием собственных пальцев.

Где-то внутри коробочного мира прозвенел колокол. Видная молодая леди, изучив лежащий перед ней блокнот, подняла глаза.

— Боюсь, что наше время истекло. Нам надо принимать решение. Вы готовы? Хорошо! Те из вас, кто решил в пользу Красного Сокола, должен нажать на красную кнопку своего кино-голосователя, то есть кнопку номер один. Те же, кто благоволит полковнику Джепсону, должны нажать кнопку номер два, зеленую. Если вы еще не сделали этого, пожалуйста, поспешите.

На экране появилось благородное лицо вождя команчей, сопровождаемое картинкой девочки, протянувшей руку, чтобы нажать красную кнопку. За этим последовало изображение благородного полковника Джепсона и нажатие несчастливой зеленой кнопки. Каждая кнопка при нажатии слегка вспыхивала.

— Помните, кнопка номер один за Красного Сокола и его храбрецов, кнопка номер два за полковника и его кавалерию.

Молодой человек бегло посмотрел на экран стереовизора. Его звали Девид Техас. Крупный лысый мужчина, сидящий рядом с ним справа, тот, что с жирной сигарой, испускающей наркотическую дымку, назывался Доном Техасом. Это был дядя Девида. Девид, возможно, и изменил бы такое положение, если бы смог, но он ничего не говорил по этому поводу.

Дон наклонился и сардонически прошептал своему племяннику.

— Индейцы выиграют. Нормально все решал жребий, но на этот раз в форте оказались женщины и дети. Никакого сражения.

На дисплее появилась карта Северо-Американского Союза. В каждой провинции и штате стали возникать фигурки в красном и зеленом.

— Ну вот, леди и джентльмены, они и начали прибывать, — бездыханно проговорила блондинка (не малое искусство), — ваши голоса, ваши решения табулируемые со скоростью молнии на последних поколениях компьютеров Си-Би-Си! С минуты на минуту появятся окончательные результаты...вот...вот...!

На экране возникли два числа. Первое, написанное красным: Индейцы — 32 657 894. Второе зеленое: Кавалерия 19 543 255.

— Вот эти результаты, любимые зрители, как их сообщили вам компьютеры Си-Би-Си и «Фрости-О», крупы для завтраков, которые содержат все витамины, минералы и транквилизаторы, необходимые для нормального здорового взрослого человека. А теперь захватывающая концовка сегодняшнего эпизода, как ее определили вы, зрители.

Так, словно ничего не случилось, коробочный мир вернулся к своему временно замороженному конфликту. Но что-то действительно произошло, так как дикари вдруг получили подкрепление другого племени под предводительством двоюродного брата Красного Сокола, Воробышка. Кавалерия не выдержала второго натиска. Они ослабли, ворота открылись и битва превратилась в весьма реалистическое избиение обитателей форта. Камера любовно задерживалась на отдельных эпизодах и так продолжалось некоторое время. Мгновенные повторы использовались весьма щедро в виде наплывов и замедленного показа. В конце неизбежно следовали титры и напоминание серий на темы Старого Запада.

Постепенно атмосфера вокруг роскошного стола успокаивалась. Коробочный мир начал детализировать приключения Рока Стила, межзвездного разведчика, но он быстро исчез за пределами ярко освещенного офиса. Рок Стил был

парией, одним из неумытых. Его серии не были в Си-Би-Си и никто их сейчас не смотрел.

Тонкий пожилой джентльмен поднял голову над длинным столом. Его добрые голубые глаза пробежали всю длину стола, требуя внимания, как союзников, так и тайных недругов. У него было несколько морщин и полная голова седых волос, напоминающих взбитые сливки. Он обладал внешностью святого и умом африканской гадюки.

— Джентльмены, я полагаю, что мы получили хит.

Собрание одобрительно забормотало.

Здесь запись эпизода последней недели из «Истинных историй Старого Запада». Третью неделю подряд голосующая аудитория превышает пятьдесят миллионов. Что вы думаете?

— Никаких сомнений, Эр. Эл.! — выпалил инспектор. — Публика просто пожирает это шоу. Вокруг говорят, что наш рейтинг подскакивает до небес.

— Я согласен, сэм. «Фрости-О» думают также и хотят перезаключить контракт еще на три года. А что ты думаешь, Билл?

— Несмотря на расходы, Эр. Эл., мне кажется прибыль будет больше, чем предполагалось бюджетом.

— Превосходно, Билл Марпл?

— Восхитительная продукция, Эр. Эл.! Откинем скромность, я полагаю, все кто связан с этим шоу, заслуживают нашего всяческого поощерения за прекрасное исполнение идеи.

— Причудливый выбор слов, Марпл, — проговорил Девид. — В действительности, если мне не изменяет память, кажется, именно ты ответственен за то, что «Истинные истории Старого Запада» были включены в производственное расписание?

— Да, я имел честь это сделать, — скромно ответил Марпл.

— И тебя не беспокоит, что дюжины актеров и актрис искалечены и безжалостно убиты, чтобы удовлетворить твое чувство художественной устремленности и рекламный отдел жирных производителей круп?

Марпл никогда раньше не сталкивался с таким аргументом

и, выбитый из колеи его уникальностью, только и смог сказать:

— Что-о?

Девид резко встал и уставился через стол на создателя программ.

— Я спрашиваю, не чувствуешь ли ты угрызений за хладнокровное убийство сотен исполнителей за год!

— Ну уж, Эр. Эл., — заявил Марпл. — Я буду протестовать, я...я... — он величественно обернулся к Девиду.

— Вам следовало бы знать, мистер Техас, что я лично беседовал с каждым исполнителем, который занят в «Истинных историях Старого Запада». Они знали, что их ожидает. Скрупулезно выполняются все правила профсоюза. У Си-Би-Си, могу я прибавить, самая лучшая техника и восстановители. Изредка кто-то уходит со шрамами или зазубринами, но что поделать — профессиональный риск.

— А как насчет психических шрамов, Марпл? Естественно, никто не получает серьезных увечий. Но они чувствуют эти пули и стрелы, проникающие в их плоть, они чувствуют боль и страдания...

— Достаточно, мистер Техас, — объявил Эр. Эл. — На дворе не двадцатый век, как вам известно. Так что боль здесь весьма незначительна. Никого не принуждают быть актером. За то, что им платят, можно немного и потерпеть. Вы когда-нибудь видели «Клавдий из Рима»? Вот там шоу, которое, действительно, требует крепкого желудка, чтобы усидеть до конца! Я полагаю, вам надо извиниться перед Марплом.

Марпл сидел с выражением первого христианского мученика на лице.

— Я ужасно извиняюсь, джентльмены, — проговорил Девид, отталкивая стул в сторону, — но чувствую себя немного нездоровым. — Он выдал сидевшим за столом призрачную гримасу. — Извините меня, пожалуйста.

С этими словами он повернулся и направился к выходу, игнорируя сорок глаз, сфокусированных на его затылке.

Дон Техас поднялся на ноги.

— Извините, пожалуйст,а моего племянника за его неуместную вспышку, джентльмены, Эр. Эл. У него были трудные времена за последнее время. Проблемы с производством и все

такое, ну, вы знаете. — Он знающе улыбнулся. — Ах, эти проблемы молодости!

Представители администрации чуть расслабились, даже Эр. Эл.

— Хорошо, Дон. Но ты поговори с парнем, хм?

— Конечно, конечно, Эр. Эл. Прямо сразу же.

Коридор был широким и хорошо освещенным флюоресцентной панелью. Озабоченные люди в нем обменивались долларами и центами. Девид вошел в один из десяти лифтов и обратился в никуда.

— Девяносто пятый, пожалуйста.

— Девяносто пятый, сэр, — ответила решетка лифта.

Он покинул лифт и пошел по серии коридоров, рассеянно кланяясь знакомым и редким друзьям.

Офис Девида не был сплошной нержавейкой и пластиком. Настоящий виноград и криперы с надеждой вились и тянулись вверх к прозрачной скульптуре. Как ни странно, помещение имело вид, отдаленно напоминающий жилье. Завершая оловянные джунгли нескольких кабинетиков, стояли низенькая конторка, кушетка и удобно пристроенный неизбежный компьютер.

Девид печально сгорбился за заваленной конторкой, избегая обычного множества личных безделушек. Через несколько секунд он вздохнул и нажал кнопку. Ему был выдан сноп бумажек, которые он начал читать.

Другая кнопка вызвала на экран маленькую решеточку.

— Мисс Ли, можно вас на минуточку, пожалуста.

Решеточка исчезла в конторке, и вошла секретарша.

— Отмените, пожалуйста, все встречи, которые я назначил на сегодня, хорошо?

— Отлично, сэр.

Несколько неуверенно она повернулась, чтобы уйти.

— Э-э-э... мистер Техас...

Девид не взглянул на нее:

— Ммм?

— Тот же самый джентльмен, хм, мистер Техас. Слэпи Уильямс, приходил сегодня уже несколько раз.

— Опять он? Нет, нет, никаких визитеров вообще, мисс Ли.

Она, казалось, собиралась сказать еще что-то, но Девид уже вернулся к своим бумагам и пневматическая дверь безвучно закрылась за ней.

Он не глядя нажал еще одну из вездесущих кнопок. Из конторки возник магнитофончик, покачался и сфокусировался на нем. С бумаги потекли слова.

— Продолжая развитие новой серии «Делаем Президента», позвольте мне сначала сказать, что действия Конгресса в прошлом июне четвертого числа сделали нежелательным в настоящее время продолжение использования этой темы, поскольку по статьям от седьмой до девятой...

Дверь соскользнула назад и развернулась. В комнату ворвалась перепачканная фигура. Тяжело дыша, мужчина тем не менее проявлял отчаянность и решительность, прямо противоречащие помятому, небритому лицу.

Девид отложил бумаги и повернулся к вошедшему.

— Перестань кормить меня своими умными россказнями, Девид. Я неделями пытаюсь повидаться с тобой!

Торопливая и обезумевшая мисс Ли остановилась в дверях:

— Я извиняюсь, мистер Техас! Он не слушал меня и насильно открыл дверь!

— Не волнуйтесь об этом, мисс Ли. Лучше позвоните в охрану и попросите, чтобы они прислали пару своих людей.

Она кивнула и одарила Уильямса быстрым неодобрительным взглядом прежде, чем снова нырнула во внешний офис.

— Ну, Слэпи. Ты кажется заполучил несколько минут.

Комедиант прошел и положил обе руки на мерцающую конторку.

— Дейв, я хочу аннулировать свой контракт!

— И это все? — Девид развалился в своем кресле, которое изменило форму, чтобы приспособиться к его новой позе. — Ты же знаешь, что это не в моей власти, Слэпи. Для этого надо большинство голосов членов правления. Следующее заседание по контрактам еще только через три недели.

— Посмотри на меня, Дейв. Хорошенько посмотри.

Он откинулся назад и завертелся в комическом клоунском танце.

— Хлопушка-вертушка клойн — Слэпи Уильямс! Заметил что-то выпадающее из образа, Дейв. Если бы запах виски передавался по объемному телевидению, меня аннулировали бы несколько месяцев назад. Хочешь знать, почему я так выгляжу? Несколько не так, как тот подающий надежды комедиант, который подписал контракт восемь месяцев назад? Боже, всего восемь месяцев!

Девид внимательно посмотрел на него.

— Ты знаешь, какой рейтинг у моего шоу, — нервно бормотнул он. — Ты следишь за «Нейшнлз» ? Он низок, Дейв, очень низок. Так низок, что нужно лупу, чтобы найти его! Но дело даже не в том. Шоу было обновлено.

Он замолчал и снова оперся на конторку. Ладони его оставили жирные следы пота на полированной поверхности.

— Возобновлено при своих самых низких рейтингах. Не представляешь, от кого это идет?

Мимикой он передразнил хорошо известного директора.

— Мы находим, что это шоу имеет огромный потенциал: однако в нем есть один недостаток... то есть... — он начал сопеть и фыркать. — Говорю тебе, я не выдержу, Дейв! Ради Бога, когда они вычеркнут меня из этой серии, они покончат с моей карьерой! И этому нет пределов, поскольку я не хочу и не должен показываться на следующей неделе. Я не могу за это взяться, не дай...

— Да знаю я, что это значит, черт побери! — взорвался Девид. — Думаешь мне это нравится? Но ты знаешь так же, что значит подписать контракт! Что ты от меня-то хочешь, мужик? Если бы я что-то мог, неужели, ты думаешь, я не сделал бы это неделю назад, когда ты начал тонуть? Ты думаешь, я не пробовал?

Он замолчал, выбившись из дыхания. У Уильямса начали дрожать губы, и он чуть отступил.

Двое рослых парней вошли и сразу же встали по бокам от Уильямса. Каждый легонько взял его под руку.

— Хелло, мистер Уильямс, не пройдете с нами? Мы не причиним вам вреда.

— Сделай же что-нибудь, Дейв! — болезненно вскрикнул тот. — Я не переживу этого, я это знаю! Я не могу переносить такое мучение! Ради Бога, Дейв!

Это всего лишь иллюзия, офис был абсолютно звуконепроницаемым, но Девиду почудилось, что он все еще слышит стоны комедианта, много спустя после того, как за ним плотно закрылась дверь. Он глубоко вздохнул и начал убирать бумаги, микрофон и кресло в их начальное положение, прежде чем покинуть офис.

Мисс Ли посмотрела, как он проходил мимо.

— Вы куда-то уходите, сэр?

Он остановился, сделал паузу:

— Я иду, мисс Ли, поразмыслить о смысле жизни, о тщетности существования, об отношениях моего жалкого Я с огромным, необъятным Космосом, частью которого я имею несчастье быть. Короче, я иду напиться вдрызг. Пожалуйста, отметьте это и оставьте в подшивке.

Увы, она так ничего и не поняла.

«СКИТ-СКАТ -КЛАБ».

Согласные излучали притягательную силу.

Облака ароматизированного и наркотического дыма делали атмосферу трудной для дыхания, но он инстинктивно нашел дорогу к бару. Он повелительно кивнул бармену.

Этот достойный джентльмен, возник столь же магически, как всякий джинн, неся на лице выражение, которое не менялось шесть тысяч лет.

— Виски с содой, мой добрый Брут. И соду можешь не приносить.

Лампа была потерта. Джин исчез и столь же внезапно возник перед Девидом стакан, полный расплавленной слюды. Девид испробовал его и повернулся как старая лебедка обозревать толпу.

Большинство собралось вокруг большого стереотелевизионного куба, подвешенного к потолку. Сейчас как раз заканчивался четырехчасовой исторический фильм о второй мировой войне. Камера лениво двигалась по смерти, совсем как на настоящей войне.

Девид, который в последнее время довольно легко заводился, вдруг снова насупился. Бармен превращает деньги в попойку — вуаля!

Девид хмуро пил.

Где-то среди зрителей при особо кровавом взрыве раздался смех.

Испытывая сверх меры отвращение, Дэвид обернулся к толпе пьянчуг.

Ату! Эй вы, животный!

Несколько шокированные, вероятно необычностью среди них такой вспышки, они переключили внимание.

— Вдохновляющее зрелище, хрюкалы, не так ли? — пробормотал он. — Сколько крови! Пусть же она всегда будет красной и льется в изобилии! — он выпил. — Смерть всегда была хорошим развлечением, а мы только сделали его коммерческим, а? Несколько мгновений насилия здорово приправляют жизнь. Увечья — это тоже массаж! — он вдруг отвернулся.

Какой-то тип внушительных размеров и слабого интеллекта был иного мнения. Он предстал перед Девидом.

— Кого это ты тут назвал животным, наглец?

Девид ответил, и он загоготал.

— Прекрасно все слышу! А еще говорят, что алкоголь замедляет реакцию.

— Теперь все люди — звери, мой ожиревший, отупевший друг. Все мы пляшем под один и тот же самый ритм разрушения.

Подошедший ткнул плохо повинующимся пальцем в направлении телевизора.

— Ты оскорбляешь мое любимое шоу, приятель.

— Твое любимое шоу? Скажите на милость, а я и не знал! И ответ у меня на все неправильный. Черт с ним! Я импровизирую.

Он повернулся и запустил стаканом в телевизор. Для кандидата в члены правления цель была примечательной. Экран разлетелся вдребезги.

— Это свинство.

— Еще чего? Вызов на битву! Одна обезьяна против другой в схватке за выживание. Выйдем на свет рампы! Технологию — вперед! За «Фрости-О» !

Он чуть повернулся и откозырял разбитому стереотелевизору.

— Идущие на смерть приветствуют тебя!

Внезапный поворот — и он схватил за ремень ошарашенного противника и начал колотить его. Вскоре тот, впрочем, опомнился и сам набросился на Девида. Вскоре они слились в единое целое.

Остальные патроны питейного заведения столпились в предчувствии «живого» представления.

Хотя бармена эта перспектива не устраивала. Он просигналил двум крупным джентльменам в глубине комнаты. С отработанной тщательностью они растащили сражающихся в разные стороны, не причиняя им вреда.

— Оттащи тощего спереди, а я большого уберу назад.

Девид получил изрядную долю ударов, но как-то смог удержаться на ногах. Обернувшись, он прорычал несколько отборных ругательств вышибале. Но на его череп такое оружие не действовало, и все словесные выпады отскакивали от него, как от стенки горох.

Слегка оглядевшись, Девид обнаружил, что у него кровоточит крупная ссадина на лбу. Он вынул платок и начал промакивать ее, озираясь по сторонам.

С помощью быстро вытрезвляющих пилюль он сумел обнаружить телефонную будку. Даже просто вынуть свою кредитную карточку и просунуть ее в щель автомата было болезненным. Прижав трубку к уху, он подождал ответа.

— Личный номер, код четыре — шесть — два. Теперь, пожалуйста, номер — 767-44533.

Он прижал к голове другую руку и поморщился от боли. Видеоэкран перед ним прояснился.

Табличка исчезла, предоставив место дяде Дону Техасу, сидящему в шелковой пижаме с мартини в руке на широкой кушетке. Сквозь микрофон доносилась музыка и на ее фоне женские смешки. Картинка вдруг загудела и по ней побежали помехи.

— Плохая видимость на этом конце. Это ты, Девид?

— Да. Послушай, дядя Дон, я хочу приехать и поговорить с тобой.

На экране появилась пара рук с длинными ногтями. Дон хлопнул по ним, отметая их вместе с хихиканьем.

— Сейчас? Ты что, рехнулся?

— Очень важно, дядя Дон. Я...я думаю покинуть работу.

— Что? Ты рехнулся! — проговорил Дон, уставившись в экран. — Скажи, что это у тебя с лицом?

Девид потрогал запекшуюся на щеке кровь.

— Так... ничего. Повреждение произошло во время обсуждения достоинств текущей программы. Неприятие дружеской критики.

Дядя Дон неодобрительно хрюкнул:

— Похоже, что ты сам был частью такой программы. Хорошо, тогда продолжим. Но если ты во что-то вляпался, Сарноф поможет тебе!

Без всякого щелчка дядя положил трубку и прервал связь. Перед тем как покинуть будку, Девид еще какое-то время смотрел на пустой экран.

Было два часа ночи и над восточным побережьем проходил относительно холодный фронт. Девид промок.

Коридор максимально охраняемого дома его дяди был отделан искусственным мехом и узловатой сосной.

Скорчив гримасу, Девид подошел к дяде.

— Привет.

Дон бегло осмотрел племянника и повернулся.

— Так! Надо полагать, они вернули все детали, когда собирали тебя заново? Хорошо пошли.

Апартаменты Дона были роскошны и дорогостоящи. Он усадил Девида перед низеньким столиком с тремя свободной формы стальными графинами на нем.

— Посиди здесь и отдышись, пока я попытаюсь что-нибудь достать, чтобы склеить твою черепушку.

Дон вышел из комнаты, чуть задержавшись в серповидных дверях.

Девид смотрел ему вслед. Потом налил себе немного бренди и, отхлебнув, оглядел комнату.

Все как и прежде. Тяжелая красно-пурпурная эротическая мебель все так же резко контрастировала с раннеамериканской конторкой в дальнем углу. Бумаги сгрудились в глубине и по бокам, микромагнитофон издавал звуки музыки, навевающей минорные мысли.

Вернулся Дон.

— Успех.

В руках у него были пластыри и аэрозоль.

Пока Девид морщился и дергался, Дон очистил рану и опрыскал разнообразные синяки.

— Хотел бы я знать, прежде чем ты умрешь, что такое оказалось настолько важным для тебя, что ты потребовал от меня прервать совещание.

— Ой-ой, «совещание»! — ухмыльнулся Девид. Затем он уже серьезно продолжил:

— Дон, после того, как умерли мои родители, ты стал мне почти отцом и...

Дон с отвращением встал.

— О, ради Нильсена! — он перешел на фальцет. — С тех пор как умерли мамуля и папочка, ты был прямо как... — Он уставился на Девида. — Если ты пришел сюда выплакать свое опьянение, то поднимайся и отчаливай, племянничек!

Девид улыбнулся.

— Хорошо, Дон, хорошо. Успокойся.

Он уставился на свой коньяк.

— Как я уже сказал, я думаю оставить этот бизнес...

Дон напряженно уставился на него.

— Ты серьезно? А я-то думал, что это просто спьяну.

Он налил себе и сел.

— Ну, и почему ты решил оставить этот бизнес? Я полагаю, что твой нелепый выпад на заседании правления, хмм, имеет к этому отношение? Мне пришлось потратить чертовски много времени, чтобы успокоить старую Крысиную Морду и других.

— Дон, тебе не приходило в голову, что на теперешних стереовизорах слишком много насилия?

— Ах, так вот что тебя беспокоит! Послушай, Девид. Все, что мы делаем, — это поставляем людям то, что они хотят. Ты что, хочешь чтобы мы остались с малюсенькой ультраконсервативной аудиторией, как нынешнее кино? Никто больше не ходит в кино. И, представь себе, они не только живы, но с ними ничего даже не случается! И еще одно. Почему, как ты думаешь, современное стереовидение так прочно стоит на ногах? Ты знаешь, что было время, когда все,

что происходило в натуре, записывалось на пленку. Можешь себе представить?

— Но почему, дядя Дон, так важно использовать живых артистов в настоящих сражениях?

— Прежде всего, — серьезно начал Дон, — люди теперь достаточно ушлые, чтобы отличить роботов от настоящих актеров. Никакой робот не будет так извиваться от боли или столь реалистично кровоточить, или плакать так убедительно, независимо от того, насколько хорошо он запрограммирован. И когда публика голосует за то, что человек должен умереть, он и должен умереть, так ведь? А потом уж мы забираем их в камеры, которые воскрешают. Фатальность крайне редка, ниже, чем у рабочих в строительстве. Это оговорено в каждом контракте. Ты же не хочешь, чтобы Фи-Си-Си подала бы на нас в суд за низкое качество продукции?

Девид был смущен, как и всегда, когда дядя давал свою собственную оценку вещей.

— Нет... нет. Конечно же нет.

Дон покинул свое кресло и начал шагать.

— Люди получают то, что хотят. Что им в действительности надо. Знаешь, что после того, как во всем мире распространилось стереовидение, не было ни одной даже очень маленькой войны? Потому что каждый теперь сублимирует свое нормальное, здоровое желание убийства через свой собственный стереовизор в комфорте и скрытности своей спальни. Ты ведь не хочешь заменить стереовизор войной? А телекамеры пулями и снарядами?

— Нет, — вздохнул Девид, — конечно нет.

— Ну и хорошо, — Дон протянул руку и повел его к двери. — А теперь возвращайся к себе, прими квик-нап и чего-нибудь согревающего, а завтра сможешь взяться за эти две новые серии, которые мы обсуждали, идет?

— Да, разумеется.

Они стояли в дверях, когда Дон что-то припомнил.

— Кстати, ты не видел сегодня вечером Час Слэпи Уильямса?

— Нет. А что? Вечером я старался нализаться.

— Великолепное шоу, великолепное! Прекрасный актер, этот парень. Они устранили его согласно требованию голосо-

вания. Закончилось удушением вполне взрослого льва своим собственным смехом. Истерика! Показатель смеха выше восьмидесяти пяти. К сожалению времени осталось слишком мало, чтобы могли сработать оживители. Но сам виноват. Он неправильно пытался справиться со своей задачей. Они полагают, что он наглотался наркотиков. Очень плохо.

— Ой.

Дон в восхищении покачал головой.

— Да, но таков уж шоубизнес. Увидимся завтра, малыш.

Дверь закрылась, но Девид еще несколько минут не уходил.

Конторка Девида обросла новым слоем бумаг. Он выглянул из-за пачки, которую держав в руках, когда прозвенел звоночек, вслед за чем появился миниатюрный микрофончик.

— В чем дело, мисс Ли?

— Ваш дядя здесь и хочет вас видеть, мистер Техас. С ним молодая леди.

— Пропустите их ко мне.

Микрофончик убрался, и он вернулся к своим бумагам.

— Привет, Деви.

— Что за спешка сегодня утром, дядя Дон? — он не отрывал взгляд от своей работы.

— Полагаю, парень, мы нашли девицу для этой новой шпионской серии. Познакомься с Ориел Вейнити.

Девид поднял взгляд.

У девушки было лицо мадонны и тело соблазнительницы. Рыжие волосы спадали извилистым пламенем вокруг невинного личика, чуть прикрывая его. Он долго смотрел, прежде чем в замешательстве встал.

— Понимаю, как ты себя чувствуешь, малыш. Наша девочка производит на всех подобное действие.

— Как поживаете, мистер Техас, — спросила она, протягивая руку.

Он взял ее и в конечном счете даже не забыл пожать. Прикосновения было достаточно, чтобы пробудить его окончательно.

— Просто отлично, благодарю вас!

Дон наблюдал эту сцену с нескрываемым удовольствием.

— Итак, я оставляю вас знакомиться. Не задерживай ее слишком долго. Через тридцать минут у нее пробы.

Девид неопределенно помахал рукой в сторону удаляющегося дяди.

— Садитесь, пожалуйста.

— Благодарю вас!

— Хм, зачем, собственно, дядя прислал вас ко мне?

Она зажгла пастельную наркопалочку.

— Он сказал, что вы оформляете эти контракты на серии... Дейв?

— Совершенно верно, так оно и есть. Собственно говоря...

Он начал рыться в открытом ящике. Его попытки ослабли и он посмотрел на нее через конторку.

— Ну? — начала было она.

— Послушайте, у вас этот вечер свободен?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет? Вот и прекрасно. Мне бы хотелось потратить его на то, чтобы кое-что обсудить с вами. Как насчет обеда?

Она потянулась к нему, кокетливо улыбаясь.

— Мне кажется, что в этой идее что-то есть.

— В семь тридцать?

— Почему бы и нет? А как вы думаете, я пройду пробы?

Света хватало как раз настолько,чтобы разглядеть поверженного Девида, если бы кто-то этим бы заинтересовался. Совершенно голый он лежал на спине на наполненном кремом водяном ложе.

— Сколько времени?

Слева от него что-то задвигалось и на его бок выкатилась пламенновласая Афродита. Она еще не совсем проснулась.

— Хм. Какая разница?

— Это важно.

Она изобразила притворное негодование:

— Благодарю!

— Нет, правда. Если твой контракт не утвердят до полудня, Гильдия может потребовать, чтобы на эту роль испробовали другую актрису.

Он улыбнулся и повернулся к ней. Он погладил ее волосы, глядя куда-то поверх ее головы.

— Контракты на серии ныне весьма важный документ, ты знаешь. Это как контракты на обслуживание сотни лет назад.

— Не поминай при мне слова «контракт». Что, если это будет маленький контрактик?

Она поцелуем заставила его замолчать. Он с энтузиазмом вернул ей его. Но все же именно он прервал это занятие и снова начал усиленно рассматривать потолок.

— Ориел, я не могу позволить тебе подписать этот контракт.

— Ну уж, — заинтересованно проговорила она, — и почему же нет? Во всяком случае ты не можешь никак меня остановить и сам это знаешь.

Он повернулся к ней.

— Черт возьми, Ориел, — гневно начал он. — Ты понятия не имеешь, через что они могут заставить тебя пройти, как только ты подпишешь этот контракт! Лучше уж продать себя дьяволу!

— Ну так теперь меня послушай, — твердо возразила она, — я полностью осведомлена о том, чего от меня потребуют. Знаю я так же, что контракт подписываетя всего на три года. Я могу уйти после этого с такими деньжищами, что мне хватит их на всю оставшуюся жизнь. Я не боюсь того, что меня ожидает. Это не может быть столь страшным, как ты хочешь мне представить.

Он разочарованно отвернулся.

— Мне было бы легче, если бы я в тебя не влюбился.

— Ты — душка!

Она наклонилась и поцеловала его. Несколько раз.

— Я не могу этого допустить. Я просто...

Вдруг он скатился и сел.

— Подожди секунду. Всего одну секундочку!

Он повернулся и начал рыться в ящике ночного столика. Оттолкнув бумаги и кассеты с пленками, он наконец достал толстый блокнот и ручку. Затем он принялся яростно писать.

Она сидела и с интересом переводила взгляд с блокнота на его напряженное лицо.

— Что ты собираешься делать?

Он продолжал ожесточенно писать, время от времени перелистывая страницы. Последняя отметка, он сделал паузу и посмотрел на нее.

— Вот. Он не столь тщательный, как надо бы, но это не столь важно. Я переделал его в особый краткосрочный контракт. С «возможностью ускользания!» так сказать. Она не железно предусмотрена, но, если события внезапно радикально изменятся в любом из твоих шоу, мой контракт защитит тебя от любых крайностей, которые могут взбрести в голову директору и сценаристу.

Еще одна мысль, и он вернулся к контракту, чтобы внести окончательные поправки. После краткого рассмотрения своей работы он вручил ей контракт.

— Вот! Вручи это любому палачу, который будет председательствовать на твоем символическом заковывании в кандалы завтра. Есть шанс, что они не будут читать его до того, как подпишут, а тогда уже будет поздно. Никто из них не ожидает никаких изменений.

Она небрежно взяла контракт и, едва взглянув, отложила в сторону. Затем она обняла его за плечи.

— Послушай, Ориел...

— Гм?

— Ориел...

— Гмм? Ты слишком много говоришь...

Комната была умеренно заполненной. Преобладала атмосфера вечеринки, и костюмы женщин больше соответствовали вечернему выходу. С ними по части портновского искусства соперничали мужчины. Несколько видов дыма различной степени крепости и едкости висели в воздухе в виде вопросительных знаков, несмотря на все усилия кондиционеров.

Однако единственная женщина затмевала всех остальных. Около нее было два джентльмена. Один — лысый и склонный к знакомому жирку. Это был дядя Дон Техас. Другой — много моложе, высокий с дьявольской бородкой и мрачной внешностью. Он не говорил, но много улыбался. Ориел была великолепна в геммах, серебряной пыли и мехах. Ее личико феи осталось тем же самым, но было в нем что-то еще. И даже

не одно нечто, не являвшееся результатом косметики. Теперь она была звездой. Через дальнюю дверь вошел Девид и с надеждой огляделся. Дядя Дон заметил его первым.

— Девид, мальчик мой! Иди сюда!

Девид распознал дядино мычание через всю комнату.

— Привет, Дядя Дон. Привет, Джохансон.

Увидев его, Ориел чуточку разволновалась, но быстро пришла в себя.

— Девид, милый, как я рада тебя здесь видеть. Ты мне ничего не говорил.

— Я всего несколько часов назад прилетел из Ниццы. Мне сказали, что ты здесь.

— И не ошиблись, — весело проговорила она. — Ну, а как твои дела, дорогой мой?

— Теперь уже не уверен.

Он взял ее под руку и увел от остальных. Дон чуть пробурчал что-то себе под нос, а Джохансон улыбался.

— Это мой первый шанс повидаться с тобой после той ночи, — прошептал Девид. — Ну, как прошло с контрактом, все в порядке?

— С контрактом? Ты о чем?

— Ты что, не помнишь тот контракт, который я тебе приготовил? Ты должна была его уже подписать. Ты получила его?

Она захихикала.

— Ах, это. Случилось самое восхитительное! Я взяла его с собой на собеседование, как ты сказал. Но твой Дядя Дон — право же, он очень мил — и этот милый мистер Пеллигрини дали мне гораздо лучший контракт. Там забита масса денег, гораздо больше, чем прежде, хочешь верь, хочешь нет, и высшие строки в афишах.

— Ориел, — промычал Девид, хватая ее за плечо, — ты просто не понимаешь, что ты наделала? Ты вычеркнула свою жизнь на всем протяжении этого контракта! Почему ты меня не послушала, Ориел, почему? Почему?

— Девид, ты делаешь мне больно!

Дон и высокий молодой человек стали приближаться.

— Объясни-ка мне, в чем тут дело? — промямлил Дон. —

Здесь ведь предполагается праздничное собрание, а ты, дорогой племянничек, выглядишь, как на похоронах.

— На минуточку, дядя. — Девид утянул Дона в сторону. — Почему ты изменил тот контракт, который она тебе показала?

— А что они там изменили?.. А, ты имеешь в виду то, что она принесла на собеседование? Черт возьми, Девид, ты должен был знать, что наши юристы никогда не допустят такого свободного контракта, позволяющего разные увертки. Особенно для нового таланта. Вдвойне особенно для хорошенькой девки. Меня это еще не очень волновало, но Пеллигрини и старина Мусфейс просто вскипели. После этого они дали ей стандартный, неурезанный союзный контракт. Что тебя гложет?

Девид устало вздохнул.

— Ничего, ничего. Ты просто сделал то, что считал правильным, Дядя Дон. И всякий, кажется, согласится с тобой. Я просто... о, дядюшка, мать твою!..

— Девид!

— Ладно, — он прошел к низенькому столу с пуншами.

— Послушай, Ориел, мы обговорим это сегодня за обедом.

— О, Девид, я очень извиняюсь, но я не ожидала тебя! Сегодня вечером у меня выход с Лейфом. Он предполагается на ведущего героя в моей серии, ты ведь знаешь. Студия организует после этого большой рекламный ужин.

Лейф снисходительно проговорил:

— Извини, старина.

— Да все так, — Дейв повернулся и отправился к двери.

— Потрясающе, — проронил ведущий герой, отхлебывая пунш.

— О, дорогой, — пробормотала Ориел, — как ты думаешь, он не очень взбесился? Я не собиралась расстраивать его.

Чуть колеблясь не от одного лишь пунша, герой серьезно заметил:

— Нет, несмотря на наше поведение, он ушел вполне в своем уме. — Он улыбнулся, увидев недоуменную нахмуренность на лице красотки. — Еще мартини, дорогая?

Конторка Девида была завалена бумагами. С ней удачно сочетались еще две вещи: маленький календарь и неглубокое стеклянное блюдо. В блюде была вода, камень, пластмассовое растение и зеленая черепашка. Все они существовали в абсолютной гармонии друг с другом и со всем окружающим. Прекрасная металлическая конторка блестела в слегка приглушенном свете люстры, а черепашка двигалась благодаря своему жизненному току.

Появилась решеточка, этакий чертик из ящика, и прозвенел звоночек.

— Да, мисс Ли?

— К вам молодая леди, мистер Техас. Ориел Вейнити.

Он невесело улыбнулся:

— Та самая?

— Да, сэр.

Дверь быстро открылась.

— Привет, Ориел. Я не видел тебя несколько месяцев. Как твое шоу?

Она казалась измученной и усталой. Волосы у нее были всклокочены, хотя красота и осталась нетронутой — рак был внутри. Он это знал, он предвидел это заранее.

— Девид, ты должен помочь мне!

— Чем?

— Этот чертов рейтинг скачет как сумасшедший каждую неделю! Одну пятницу я в высшей пятерке, а на следующую едва попадаю в пятидесятку. Но сейчас меня беспокоит не это. Девид, они на прошлой неделе добавили мне вторую звезду! Девицу!

— Да, знаю. Очень привлекательная девушка.

— Весь ее талант в сиськах! Девид, я боюсь, что... они заменят меня ею.

Он уставился на черепаху и усиленно думал. Если миниатюрная амфибия и имела какие-то предположения, то она хранила их про себя. Ориел напряженно сопела и была на краю истерики.

Он потянулся через конторку и взял ее за руки.

— Я сделаю все, что смогу, Ориел.

Она разрыдалась и упала ему в объятия. Они обнялись, но уже не так, как прежде, нет, совсем не так.

Черепашка замигала от внезапной перемены света.

В этом огромном здании было сто шестьдесят этажей и еще пятнадцать под землей, не считая автостоянки. Принимающие решения занимали одну часть, другая, значительно меньшая была у тех, кто обладал властью. Девид говорил с каждым из них. Он просил, спорил и льстил, угрожал и обещал.

Ответом было покачивание головы и всегда отрицательное.

Наконец он пришел в офис более знакомый, чем другие. Какое-то время он безо всякой надежды говорил страстные слова. В душе он был реалистичен.

— Но почему, Дон, почему? Почему ты ничего не можешь сделать? Ты знаешь, что будет, если ее рейтинг не пойдет круто вверх?

Дон слушал племянника с достаточным терпением. Он позволял Девиду много из того, что для другого служащего было бы самоубийственным. Он сочувствовал, но был тверд.

— Об этом не может быть и речи, Девид. И дело не только в том, что у нее ведущая роль. Нельзя трогать такие контракты. Это разрушило бы весь бизнес. Это будет *прецедент*, ты понимаешь? Верь мне, если бы я мог что-то сделать, я бы это сделал, но я еще не готов в мученики.

Он поежился.

— Значит, нет никакой надежды? — Девид откинулся в своем кресле.

— Послушай, не так уж все это и плохо! — обнадеживающе начал дядя.

— Да они добавили еще одну девку в это шоу. Они всегда так делают. Если в ближайшие две недели зрители при опросах будут настроены в пользу Ориел, она спокойно отправится домой до конца сезона. Просто успокойся, старина, и не принимай все так близко к сердцу. Боже мой, малыш, а ведь где-то еще люди умирают от голода! В этом мире есть более серьезные заботы.

Личные апартаменты Девида были обставлены комфортабельно, хотя и не настолько, чтобы отражать его

значительный подход. Гостиная была выполнена в основном из натурального дерева и пластика с непрямым освещением. В данный момент Дейв беседовал с молодым человеком примерно его же возраста и сидящей с ним женщиной. Внешность у нее была не самой выдающейся, к тому же она была чуточку застенчива даже с Дейвом. После двухчасового разговора ее партнер, казалось, впервые заметил, что у него есть часы.

— Слушай, — он посмотрел на свою жену. — Н-н-нам лучше идти, д-дорогая. Время уже не детское, а мне завтра надо быть в Мадриде.

Он попытался встать.

— Оставайся здесь, Ник, я приведу детей.

Девид поднялся и отправился в другую комнату.

Спальня была обставлена в том же стиле, что и гостиная, но в более теплых тонах. Семилетние близняшки Джейми и Джоуди приросли к стереовизору.

Девид остановился и посмотрел на экран — они смотрели популярную детскую передачу по одному из малых каналов. Текущий супергерой был вовсю занят тем, что разрывал на части силы зла. Девид подошел к ним и тронул каждого за плечо.

— Пора идти, ребята.

— У, дядя Дейв!

— Ну еще минуточку, дядя Дейв, — Джоуди надула губы, тряся кудряшками. — Мы только проголосуем!

— Хорошо, — согласился он, сверяя свои часы, — но только одну минутку.

Они снова жадно прильнули к стереовизору.

— Ну...

— ...Дядя Дейв!

Обе выбрались из постели и побежали в гостиную. За ними в задумчивости следовал Девид.

Ник и Вилла ожидали в дверях уже одетые в свои пальто. Дети возились в прихожей, прилаживая свои одежки.

Многоплановая камера медленно скользила по окровавленным останкам злобного чужака. Супергерой со своим верным псом, без всяких видимых усилий лстящим рядом с ним, парил к горизонту, от которого поднималось сол-

нце, разрисованное рекламой производителя кукурузных хлопьев.

— Доброй ночи, Ник, и тебе, Вилла, — Девид протянул обоим руки. — Хорошего пути и приятного времени в Мадриде. Если наткнешься на спортивного репортера по имени Гектор Родригес из Би-Си, передай ему от меня привет.

— Обязательно. Доброй ночи. Мы отлично провели вечер.

— Очень рад, Ник. Вы с Виллой должны чаще бывать у меня.

— Будем, я обещаю.

— Доброй ночи, Дейв, — улыбнулась Вилла. Они поцеловались.

— Пока, сестренка, — он наклонился и расцеловал обоих ребятишек.

Они прошли вниз к холлу, и дети, помахав ручками, попрощались.

Автошеф в кухне вручил ему высокий запотевший стакан холодного пива и дорогие сандвичи, сделанные по его тщательной программе. Уложив все это на поднос, Девид отправился в спальню.

Разложив еду на ночном столике, он включил стереовизор, затем стал раздеваться. Улегшись в постель, он сделал большой глоток ледяного пива и покрутил каналы.

Сделав несколько попыток, он остановился и пошел назад, пока не остановился на одном, который уже проходил ранее. Лягающуюся, визжащую полуголую девицу тянули вниз по лестнице два далеко не самых опрятных джентльмена. Роль страдалицы исполняла Ориел.

Он замер с пивом у рта.

Ее приволокли и уложили на длинный стол в похожей на темницу комнате, заполненной орудиями средневековых пыток. Камера любовно ползла по каждому из них, пока мужчины объясняли с экрана историю каждого инструмента и его применение. Угол изменился и показал мускулистого мужчину, одетого лишь в украшенную драгоценностями набедренную повязку. Он стоял рядом с пылающей жаровней, помешивая угли длинным железным стержнем. Ориел весьма убедительно вертелась и визжала.

На экране внезапно появилась наглая молодая брюнетка.

— Ну, дорогие зрители, скажите, разве это не захватывающе? Как мы видели сегодня вечером, секретный агент Джейди Грин отказалась выдать местонахождение секретной штаб-квартиры борцов сопротивления злому диктатору генералиссимусу Бору. От вас, дорогие зрители, зависит теперь, какова будет ее дальнейшая судьба! Прибудет ли вовремя доблестный агент Марк Крейг со своими храбрыми гверильерами, чтобы спасти прелестную Джейди от ее ужасной участи? — На экране возникло залитое слезами лицо Ориел. — Или злой диктатор и его подручные палачи сумеют вырвать у нее сведения? Если вы желаете, чтобы милая Джейди была спасена, пожалуйста, нажмите правую кнопку на датчике вашего визора, это кнопка номер один, красная. С другой стороны, если вы хотите, чтобы генералиссимус Бор и его изверги-прислужники преуспели в своей гнусной деятельности, нажмите зеленую кнопку номер два. Выбор за вами!

Она драматично повернулась к карте на стене.

Девид немигающе уставился на визор. Свет экрана отбрасывал на него резкие блики. Выражение лица его было непроницаемо.

Рука медленно потянулась к краю кровати. Там была небольшая розовая коробка, плотно пригнанная к рамке. Она была лишена каких-либо деталей за исключением двух маленьких кнопок: красной и зеленой.

Рука задержалась над ними. У него было много времени...

Перевод М.Иванова

ГРОМКОЕ МГНОВЕНИЕ

Иные считают: между наукой и религией водораздел. А по-моему, они никогда по-настоящему не разделялись. Нужно немного веры, чтобы поверить в такую вещь, как кварки, или в такое понятие, как свет. Однако мы предпочитаем разделять эти категории для удобства познания и мышления. Надо разложить все новые открытия по ящикам.

Но чем ближе мы подбираемся к главным тайнам бытия, тем большая вероятность, что наука и религия будут не расходиться, а сближаться. Разве каждое новое открытие не порождает новейших настоятельных вопросов?

Какого дьявола он должен говорить Хэнку Стревеллу, что то, над чем тот работал всю жизнь, может не получиться? Мчась по ярко освещенному белому коридору, Кен Джером пытался разобраться в своих мыслях и в самом себе. Коридор был с футбольное поле. Прибор дистанционного управления, на котором Кен делал последнюю проверку, болтался у него на руке, пока он бежал, еще неизвестно к какой цели.

С формулировкой проблемы все вроде бы было в порядке, беспокоило Джерома решение. А к тому же никто не знал, выдержит ли машина ментальное перенапряжение?

Последняя неделя была занята лихорадочными перепроверками. Вильсон из МИТ подтвердил расчеты, но на последнем этапе даже его авторитета могло быть недостаточно, чтобы покончить с проблемой.

Он завернул за угол главного коридора. Улыбающийся охранник предупредительно поднял руку. Джером нетерпеливо ждал, пока его документ сличали с записями. Он тяжело дышал: давали о себе знать сорок девять лет неспортивной жизни, к тому же ему давно не случалось бегать далеко и с чем-то тяжелее листка бумаги.

Охранник улыбался с убийственной вежливостью. Это был здоровый молодой человек, может быть, по совместительству участвовавший в каком-нибудь ночном шоу в ожидании, когда на него натолкнется какой-нибудь заезжий продюсер или режиссер.

— Прекрасный день, сэр. Вам не следует так спешить. Вы, кажется, немножко утомились.

Посмотрим на тебя, когда тебе будет под пятьдесят, подумал Джером. Но, получая назад свое удостоверение, он сказал только: «Спасибо, учту». Охранник отошел в сторону, пропуская маленького инженера через двойные двери.

Еще один коридор, уже и малолюднее. Еще один пропускной пункт, четыре мощные стеклянные двери, и вход в комнату. Комната была, по сути, единственной в здании. Здание было выстроено для обслуживания единого участка. Джером был одним из обслуживающих, а участок назывался СПАПИ — Система Поступления и Анализа Прямой Информации.

Комната была этажа в три высотой, но длинная и широкая, как футбольное поле. (К чему бы, рассеянно подумал он, у стареющего дядечки все эти спортивные эпитеты?). Но в самом этом сооружении не было ничего чрезвычайного. Не было этого и во внешнем виде СПАПИ. *Нечто* содержалось в ее сути. Стенки трехэтажной машины были прозрачными, так что было видно, что происходит внутри. Вспыхивали и гасли белые и желтые контрольные огни, придавая машине некоторое сходство с ночным небом на экране. По ним знающие наблюдатели могли сделать вывод, что машина работает сейчас только над второстепенными проблемами.

Если бы подобную машину построили в пятидесятые годы, она бы заняла всю Северную Америку, и все же уступала бы по мощности СПАПИ.

Двадцать лет усилий, денег, ума ушло на это предприятие. Сам Джером работал в этой программе лет десять.

Каждый год в работе машины использовались новые технологии и новая информация. Ее создатель Генри Стевелл не был каким-нибудь догматиком, уверовавшим в собственное всемогущество, он был так же гибок, как его творение, и любил новые хорошие идеи. Хорошо бы, он и сейчас оказался гибким, в волнении подумал Джером.

СПАПИ работала уже шесть лет, отвечая на вопросы, обосновывая гипотезы, накапливая самые ценные изменения по разным вопросам, от кейнсианской немарксовой экономики до физики частиц. Когда года два назад со СПАПИ-I была со-

единена вторая матрица, теория катастроф впервые стала превращаться в реальную науку. СПАПИ оказалась способной предсказывать главные землетрясения и кризисы рыбных популяций. Космические опыты многих стран и консорциумов теперь можно было программировать с неслыханной точностью.

Полгода назад завершилось сооружение СПАПИ-I. После месячных испытаний Стревелл стал готовить программу по одной комплексной проблеме.

Джером знал, что СПАПИ слишком ценна для человечества, ожидающего ответа на этот вопрос.

Когда Джером вошел, величайший в мире специалист по компьютерам, Стревелл, беседовал с двумя техниками. Ему недавно исполнилось 64 года, с виду он был тщедушный и бледный, как стена. Его волосы были постоянно взъерошенны, словно ветром. Джером завидовал его голове, но прежде всего — ее содержимому. Все мы хрупки, подумалось ему.

Стревелл повернул голову и терпеливо улыбнулся, зная, о чем пойдет речь. Джером надоедал ему с этим не одну неделю.

— Ну, Кен, — сказал он, — опять будете раздражать мою болячку? Осталось пять минут до начала. Может быть, дадите мне отдохнуть?

Джером слушал его, покачивая прибором дистанционного управления.

— Я провел всю ночь и все утро, устанавливая связь с Восточным Звеном. Все подтверждает то, о чем я говорил с четвертого числа. Поставив эту проблему перед СПАПИ, мы все рискуем. Компьютер может не выдержать. Я имею в виду, любой нормальный компьютер, хотя для СПАПИ понятие нормы вообще неприемлемо.

— Вы — хороший малый, Кен. Вы — лучший инженер-теоретик, с которым мне случалось работать. Может быть, вас назначат руководителем этой программы после моего ухода.

— Я не могу говорить о том, чего не существует.

Стревелл вздохнул:

— Смотрите: двадцать пять лет моей жизни и почти вся моя репутация сосредоточены в этом кубе, набитом электроникой. — Он показал на ровно гудевшую машину. — Неужели вы думаете, я стал бы рисковать всем этим, если бы чувствовал какую-то возможность потери работоспособности,

не говоря уж о худшем ущербе? Машина работает двадцать часов в сутки, еще четыре уходит на плановый ремонт и перепроверку. Полмира нуждается в ней для принятия решений или хотя бы для обмена информацией. Даже русским она нужна. Она помогает им предсказывать возможный неурожай раз в десятилетие.

— Вильсон подтвердил мои расчеты.

На мгновение великий человек задумался.

— Кенджи Вильсон, из МИТ?

Джером кивнул. Стревелл подумал немного, потом к нему вернулись его отеческая улыбка и оптимизм.

— Вильсон — лучший из ныне живущих специалистов-аналитиков, Кен, нет сомнения, но он основывает свой расчет на информации самой СПАПИ, а она, очевидно, не склонна решать задачу. Кроме того, он не знает СПАПИ, как я ее знаю.

— Никто ее так не знает, Хэнк, это ясно. — Джером в отчаянии испробовал другой путь. — Слушайте, может быть, хотя бы отложить все с тем, чтобы я смог уточнить цифры?

Он поднял прибор управления, нажал на маленькие кнопочки. На небольшом экране вспыхнула серия уравнений и возникли физические иероглифы, по сложности понятные, может быть, сотне специалистов в мире.

Стревелл покачал головой:

— Я наблюдал вашу работу в течение нескольких недель, Кен. Сейчас она мне не нужна. — Он жестом показал на наблюдательный отсек и подвел туда Джерома. — Там пять сенаторов, да еще представители от всей Европы и Азии. Я не могу этого сделать. — Глаза его блеснули. — Вы знаете, — продолжал он, — что мне обещала группа сенаторов? Если мы получим осмысленный ответ на вопрос, мы сможем продолжить наши опыты, а после утверждения госбюджета удвоить возможности СПАПИ. Удвоить! Вряд ли я смогу пожать плоды этого, но ничего. Это будет мое наследие, этот компьютер, который не просто сравним с человеческим мозгом, но, по крайней мере, не уступает ему.

— Но эта программа, — устало сказал Джером, — может снять вопрос о наследии, Хэнк.

« Не так бы надо, подумал он печально. Мне не хватает

уверенности, эмоциональности. Я сухой человек, живущий с калькулятором. Буть проклята твоя энергия! Какого черта ты настаиваешь на этом?»

Уравнения не выглядят достаточно солидными. Но, глядя на выражение лица великого человека, Джером не был уверен, что и самый солидный математик в университете мог бы его сегодня переубедить. Он принял необходимость решения задачи.

Пятеро сенаторов. Джером попытался убедить себя, что он не прав, что не прав и Вильсон. Могло быть, конечно, и так. Стревелл знает, что делает. Говорили ведь, что СПАПИ нельзя построить, а он ее построил. Он доказал, что все ошибались. Среди его оппонентов некогда был и молодой, блестящий теоретик Кеннет Джером.

Надеюсь, Бог покажет мне, что я сейчас не прав.

Звучали тихие приветствия, представления и светские разговоры, маскирующие нервозность. Допустили всего двух журналистов, из «Нью-Йорк Таймс» и из «Шпигеля» . Это были друзья Стревелла с давних лет. Теперь они вознаграждены за давнюю поддержку его. Стревелл никогда не забывает ни программ, ни друзей.

Он уселся на стул у пульта, коснулся рукой приборов, вполголоса поговорил с помощниками. Джером стоял позади. Он мог помочь великому человеку, если бы тот забыл какой-то пункт программы. Но у Стревелла тело молодого человека, а ум — как у немногих. Он не сорвется, ни физически, ни умственно.

— Прошу тишины, — сказал техник.

Многоязычное бормотание прекратилось.

Стревелл щелкнул выключателем:

— Кондиция?

— Есть.

— Вторая матрица?

— Подключена, — прозвучал тихий ответ.

Стревелл был слишком прозаичен для театральных жестов. Он просто нажал кнопку.

Банки мониторов запели в унисон. За наклоненным стеклом в Комнате замигали тысячи индикационных лампочек, зеленых, красных, синих. Все это было чисто автоматическим,

но напоминало сотню рождественских елок, зажегшихся одновременно, и зрелище вызвало одобрительный гул среди наблюдателей.

Восемь СПАПИ-2 были размещены в основных городах США, еще 4 в Японии,а всего 16, составляющих Вторую матрицу. Японцы не были заняты в решении проблемы из-за конфликта по распределению времени и других сложностей. Все остальные во Второй матрице разрабатывали задачу, которую постарается решить СПАПИ-I.

Шесть больших спутников связи были временно позаимствованы из коммерческих служб для участия в постановке задачи для СПАПИ, сократив наполовину связь в Европе и США на целых восемь минут. На улицах было темно, а в Лондоне утро еще не наступило. Время было рассчитано так, чтобы меньше всего нарушить мировую коммерцию. Пять месяцев напряженной подготовки программы создали электронный поток с двух континентов, перелившийся в банки данных системы СПАПИ-I.

Восемь минут прошли в напряженном молчании. Джером почувствовал, что у него вспотели руки. Наконец, когда стрелка часов на стене перешла за отметку восьми минут, техник рядом со Стревеллом спокойно сказал: «Программа получена» .

В Комнате светились огоньки СПАПИ, похожей на какое-то подводное чудище, ожидающее инструкций. «Это — не человек, твердо напомнил самому себе Джером. Это — нечто другое, в некотором смысле даже — превосходящее, но — не человеческое существо. Даже Стревелл с этим согласен».

Стревелл нажал кнопку с надписью: «Процесс решения», затем сел и закурил маленькую дамскую сигару. Наблюдатели беспокойно сопели. Зажегся красный свет под другой кнопкой с надписью: «Работа». Кто-то отпустил плоскую шутку по-французски. Кто-то тихо засмеялся. Все пока шло нормально. Не опасение технической неудачи, а важность проблемы, возложенной на СПАПИ, заставляла их нервничать. СПАПИ работала над вопросом, на невероятной скорости обрабатывая огромный объем информации. Обычно самая сложная задача требует трех минут. Часы отсчитывали время.

Прошло полчаса. Все так же горел красный огонек «Рабо-

та». Огни за прозрачными стенами машины быстро вспыхивали один за другим. Наблюдатели, между тем, говорили о науке, о политике и о собственных делах.

Затраты энергии на такой процесс были огромными. Спрос в городе был сведен к минимуму. Все же энергии едва хватало, а местные ее потребители были заранее подготовлены к возможному временному отключению. В помощь были подключены также источники энергии вне штата. Прошло сорок минут. Много больше, чем он ожидал, подумал Джером. Наверно, он ошибся. Даже если они с Вильсоном были правы, скорее всего ничего не случится. Когда это кончится, он первым поздравит Стревелла. Пусть он был с ним не согласен, но они — что угодно, только не соперники. За последние недели впервые его беспокойство уступило место любопытству. В конце концов, и он не меньше других заинтересован в ответе.

Чтобы поддержать программу, все заинтересованные в проблеме Большого толчка были подключены к ней. Тут были физики, химики, астрономы, многие другие, не говоря уж о всей философии. Что такое вообще эта проблема Большого толчка? «Уравнение Творения», подумалось Джерому. Несколько человек были против проекта, но они остались в меньшинстве при голосовании. Многие известные теологи помогали в разработке программы. Они не меньше были заинтересованы в ответе, чем астрономы. СПАПИ даст ответ сначала в цифрах, потом в словах.

Прошло сорок пять минут. Один из техников нагнулся вдруг к Стревеллу, не отводя глаз от пульта.

Стревелл обернулся. Он уже выкурил четыре маленьких сигары и принялся за пятую.

— Что-то не так?

— Может быть, я не уверен. Зацикливание в двух секциях, может быть, и больше.

Джером повернулся к Стревеллу. Зацикливание происходило, когда компонент задачи нельзя было ни решить, ни пренебречь им. Машина же была запрограммирована на решение. Если не аннулировать программу и не прекратить работу, то одна и та же информация будет прокручиваться

снова и снова, требуя все больше энергии. Это случалось редко.

— Уже четыре секции, сэр. Если цифры верны, — он беспокойно посмотрел на Стревелла.

— Аннулируйте, Хэнк, — тихо уговаривал Джером, — пока еще есть время.

— Восемь секций, сэр, — техник уже не скрывал нервозности. — Десять. Двенадцать.

Всего в СПАПИ было сорок секций, занимавшихся Поступлением и Анализом Прямой Информации.

Стревелл молчал, безучастно глядя на пульт, потом поднял глаза на машину:

— Наши шансы еще очень велики. Пусть зацикливается.

— Скорее, Хэнк, — убеждал Джером, — она не заработает. Вы превысили ее возможности. Я вам говорил.

— Ничто не превосходит возможностей СПАПИ. Мы поставили ей вполне логичную задачу и дали достаточно информации для принятия решения. Я жду решения.

Он положил руку на пульт и пригнулся вперед, едва не коснувшись носом стекла.

— Двадцать секций. — бормотал техник. Остальные техники следили за ним. — Тридцать, тридцать пять... — Позади них что-то загудело, сильнее, чем публика.

— Сорок... все зациклило, сэр, — голос техника стал хриплым.

Снаружи в Комнате не было заметно ничего особенного. Продолжал гореть красный сигнал «Работа» .

Потом кто-то направил свет на лицо Джерома и тут же убрал это...

...Стекло не попало в него, как не задела его и большая часть разлетевшихся обломков. Но одна из балок его все-таки зацепила...

Все же он один из первых вышел из больницы, и рука заживала хорошо. Пока она не очень нужна была ему: работы не предвидится, по крайней мере, месяц. Стревелл уже обдумывал новые планы, начав диктовать, еще лежа в больнице.

От крыши почти ничего не осталось, но железобетонные

стены устояли. Они были рассчитаны на девятибалльное землетрясение по шкале Рихтера и чуть ли не на ядерный взрыв. Внутренний взрыв повредил, но не разрушил их.

На руинах Комнаты рабочие заканчивали уборку, а техники уже обсуждали, где начать реставрацию СПАПИ. Машина была похожа на недоеденный пирог. Около семидесяти процентов погибло: было разнесено на мелкие кусочки или испарилось вследствие перегрузки. Под конец процесс пошел так быстро, что не выдержала даже система безопасности. В городе два часа не было электричества.

Джером осторожно шел по Комнате, пробирался среди хлама и мусора. Здесь не было духа отчаяния. Просто эксперимент не удался. Надо восстанавливать и начинать снова.

У одной из стен он заметил маленькую фигурку человека, который явно не был ни рабочим, ни техником. Джером пригляделся: он, кажется, узнал его, — и направился к нему.

— Добрый день. Вы ведь — Эрнандес из «Таймс»? Вы были с нами, когда произошел взрыв.

Тот повернул голову (он рассматривал обгорелый бетон), улыбнулся, отвлекшись от своих мыслей и протянул руку.

— Да. А вы — доктор Джером? Кажется, старик уже планирует СПАПИ-2.

Почему-то Джером смутился.

— Да. Он неисправим. Но СПАПИ нам необходима. Вторая матрица способна решать лишь второстепенные задачи. Мир ждет ответа на глобальные вопросы.

— Но не сию минуту, — усмехнулся Эррнандес. — Астрономам придется ждать по крайней мере целое поколение.

— По этому вопросу? Я не думаю, чтобы правительство позволило новую попытку. Слишком много денег затрачено без пользы.

— О! — репортер делал записи в блокнотике. Старомодно для научного журналиста, подумал Джером.

Эрнандес заметил его взгляд.

— Магнитофоны не всегда бывают полезны. Здесь работают люди, и я не хочу им мешать. А как вы сами?

— Ничего. Могло быть хуже. 95 процентов энергии ушло вверх, а не в стороны.

— Знаю. Я писал об этом в статье.

— Я слышал. Спасибо за вашу любезность. Ведь нам потребуется всяческая помощь, пока нет новой СПАПИ. Наш имидж в сознании общества сейчас не на высоте.

— Ничего. Вы верно говорите, что миру нужна СПАПИ, и публика потерпит. — Он покрутил авторучкой около стены. — Хотя некоторые считали, что СПАПИ была кибернетическим эквивалентом человека.

— Некоторые верят и в астрологию. СПАПИ была замечательной машиной, не больше. Ее превосходство было ограничено специфической областью.

— Конечно. — Эрнандес еще что-то записал, потом указал на стену. Его голос в этот момент не был по-обычному репортерски бесстрастным.

— Заметили вы эти линии и отметины в бетоне?

Джером не обратил особого внимания на обожженные места: он был сосредоточен на руинах машины в центре Комнаты. Но источник отметин был для него очевиден.

— Как вы помните, большая часть внешних панелей машины были прозрачными. Когда она взорвалась, интенсивный свет был частично замаскирован темной схемой. — Он похлопал по стене. — Так что мы получили негативы, впечатавшиеся в стену, что-то вроде светокопии.

— И я об этом подумал, — кивнул журналист. — Я видел подобные вещи и раньше, только не механического, а человеческого происхождения.

— О, вы имеете в виду силуэты в Хиросиме, — сказал Джером, — следы на улицах и на стенах, оставшиеся от людей в районе взрыва бомбы?

— Я подумал не об этом. — Он обрисовал ручкой какую-то деталь или узел схемы. — Эти отпечатки более детальны и тонки, чем просто контуры.

— Это объяснимо, — Джером не очень понимал, куда клонит журналист.

— Знаете, — спокойно сказал Эрнандес, — есть ум и ум, есть человеческие существа и человеческие существа. Иногда мы можем предъявлять слишком большие требования и к человеку, и к машине. Мы долго шли к той стадии, когда стало возможным заставить машину страдать, как человека.

— Если она и страдала, — сказал Джером, — то не как человек.

— Интересно...

—Вы сказали, — Джером постарался перевести разговор, — что уже видели такие вещи раньше. Если не в Хиросиме, то где?

Эрнандес присел на обломок трубы и стал изучать останки взорвавшейся машины.

— На старом, старом саване в Италии, в Турине*.

Перевод С. Луговского

---

* Скорее всего, автор имеет в виду знаменитую Туринскую плащаницу *(Прим. ред.)*

КОНТАКТ

Страшновато думать, что все наши телепередачи могут фиксироваться в бескрайних просторах Вселенной и что в конце концов о нас могут судить не по нашим великим достижениям в культуре, но по тем случайным сигналам, которые могут засечь наши гости из космоса, будь то симфония Тосканини или разборка между каким-нибудь Мясником и Бобром.

Но, пожалуй, это глупо. Конечно, любой достаточно разумный народ, совершающий межзвездные перелеты, сможет вдумчиво проанализировать любую из наших передач. По соотношению количества и качества в крайнем случае можно установить ценность.

Интересно, что пришельцы могли бы извлечь из рекламы какого-нибудь самого популярного изделия в нашем эфире?

— Он, конечно, большой, Саттерсли, но не очень, меньше, чем я ожидал.

— Это только «челнок», корабль для приземления, мистер президент. Их основной корабль еще на орбите.

— А. — Президент Соединенных Штатов был спокоен. Ему было о чем подумать. Его помощник поглядел на небо.

Было пасмурно, и небо было цвета потускневшего серебра. Ветроломы, сооруженные для прибывающих сановников выступали, как пятна краски на зелени равнины Солсбери.

Над каждым временным павильоном развевался свой флаг. Лимузины на ближайшем шоссе были отсюда похожи на ряды муравьев, ожидавших падения маслины. Никто из сановников не прибыл на вертолете. Получилось бы короче, чем через

Лондон, из аэропорта Хитроу, но тогда случайная непогода могла бы поставить их прибытие под сомнение.

Лимузины считались более надежными. Никто из лидеров не хотел опоздать из-за каких-то технических неполадок. Ведь любого из них пришельцы могут избрать для ведения переговоров.

Снижающийся летательный аппарат представлял собой желтоватый эллипсоид. Не было видно ни крыльев, ни иллюминаторов, ни опор. С корабля раздался протяжный гудок, напоминающий ночной гудок поезда. Он напомнил президенту, как тот мальчиком в бессонные ночи на подоконнике у себя дома в Индиане прислушивался к гудкам товарных поездов.

Он отвел на минуту глаза от медленно снижавшегося корабля и поглядел на павильон, соседний с павильоном США. Перед ним стоял лысый коренастый старик в строгом темном костюме. Он чем-то напомнил президенту мистера Уолтерса, директора магазина игрушек в Эвансвилле.

Хотя для мистера Уолтерса он был слишком круглолицым. Его звали Виктором Бузукоем, и он был премьером Союза Советских Социалистических Республик и вторым по могуществу человеком в мире. Интересно, Бузукой, а вы в детстве у окна прислушивались к гудкам поезда?

Корабль пришельцев сел на вершину поросшего травой холма, где полукругом расположились павильоны. Президент забыл о своем соседе.

Само появление пришельцев не вызвало шока. Они предусмотрительно дали свои описания после первых приветствий во время их передачи, прервавшей международные телепрограммы и изумившей самодовольное человечество, доказав ему, что оно больше не одиноко во Вселенной. Они предложили время и место решающей встречи, кое-что сообщили о родной планете и изложили свою цель визита на Землю. Они были технически очень развиты, хотя и не всемогущи, изучили множество электронных передач человечества за последние несколько лет и пожелали установить дружеские отношения с народом Земли.

Удивил людей и рост гостей. Они не сообщили об этом в

своей первой передаче, а по кораблю этого понять было нельзя. Пришельцев было трое, каждый высотой два-три метра.

Они помедлили у корабля, осматриваясь и что-то обсуждая. Затем они повернулись и быстро пошли к американскому павильону. Или к павильону СССР? Ясно, что изучение обширного материала дало им некоторое знакомство с политической картой Земли. Лидеры других стран быстро справились с разочарованием и с любопытством следили, что будет дальше.

Странное дело, президент вспомнил, как он выступал на защите магистерской диссертации в Огайо. Вздорная аналогия, убеждал он себя. Здесь не экзамен. Расслабься. Встречай их как лидер, равный по статусу, если не по знанию. Улыбнись им, может быть, наблюдая наши телепрограммы, они получили представление о нашей мимике. Посланцы другой цивилизации остановились в нескольких метрах, как раз посередине между лидерами двух главных держав, изучая оба павильона с явным интересом.

Президент рассмотрел, что они двуногие, пропорционально сложенные, в блестящих синих костюмах. У них были круглые задумчивые глаза и носы, напоминающие носы тапиров. Короткие уши были расположены не по бокам, а на затылке. Пышные длинные серебристые волосы сзади скрывал верх костюма. Руки были шестипалыми и красивыми. Когда они говорили, было видно, что рты у них широкие и безгубые.

У каждого нос был прикрыт тонкой маской, которую узкая трубка соединяла с баллоном у пояса. Видно, какой-то жизненно нужный им газ, которого недостает в земной атмосфере, подумал президент, вспомнив записку одного из советников по науке. А может быть, нечто вроде курения?

Пришельцы стояли, пока люди не начали беспокоиться. Наконец самый высокий из трех посланцев выступил вперед, причем передвигался он на своих длинных ногах очень ловко. Он обратился одновременно к президенту и к премьеру.

— Как вы знаете, — сказал он на сносном английском языке (это — в нашу пользу, подумал президент, с удовольствием глядя на хмурое лицо Бузукого), — мы хотим передать людям Земли приветствия от Центральной Федерации, пригласить вас вступить в сообщество цивилизованных миров и принять участие в Великом Разрешении.

— Мы приветствуем вас от имени Соединенных Штатов Америки, — сказал президент.

— И от имени народов Советского Союза, самой многонациональной и гостеприимной страны Земли, — добавил Бузукой на очень неплохом английском, не хуже, чем у президента.

— Мы благодарим вас обоих, — бесстрастно ответил пришелец. Он смотрел куда-то через головы обоих, словно ему чего-то не хватало. — Как мы объясняли в нашей передаче, мы надеемся встретиться здесь с лидерами ваших самых могущественных и опытных социальных групп, чтобы дальше в переговорах иметь дело с единственным представителем вашего вида.

Теперь улыбнулся Бузукой. Президент Эндресс был в середине второго срока, а Бузукой был премьером уже десять лет. Если они выбирают на основе опытности...

— Мы приняли это важное решение после анализа ваших многочисленных радио- и особенно телепередач, пытаясь установить необходимую персону.

Тут, может быть, моя возьмет, подумал президент. Бузукой у власти дольше, но Эндресс участвовал в значительно большем количестве телепередач в Америке. Так что неизвестно, кого пришельцы сочтут дольше бывшим у власти.

Ему не пришлось долго ждать.

— На основании этих передач мы установили, кто определяет у вас общение, чья длительная и очевидная популярность превосходит любую другую, — продолжал пришелец. Его нос начал поворачиваться из стороны в сторону, и президент задумался, что бы значил этот жест. — Однако мы не видим его среди вас. Поэтому нам следует подождать его прибытия, так как именно с ним мы решили обсудить будущее взаимоотношений Центральной Федерации и народов Земли.

Эндресс оглядывался в замешательстве, пытаясь понять, какой такой старейшина среди властителей еще не прибыл. Бузукой воспользовался паузой и вышел вперед.

— Я был участником телепередач гораздо дольше, чем любой из присутствующих здесь лидеров. — Он с удовольствием улыбнулся американцу.

— Ваши пропагандистские передачи нельзя расценивать

как мерило истинной популярности, — твердо сказал президент, становясь рядом с премьером.

— Это справедливо, — рассеянно заметил пришелец, по-прежнему ища кого-то глазами. Американец широко улыбнулся конкуренту, надеясь, что множество операторов и фотографов запечатлеют его победу.

— Но все же человека, который нам нужен, здесь явно нет, — повторил пришелец, Эндресс, перестав улыбаться, уставился на пришельца, как и Бузукой.

Не обращая на них внимания, гость продолжал осматривать павильоны. Сквозь его отчужденность были заметны смущение и разочарование.

— Да где же ваш Джонни Карсон?..*

Перевод С. Луговского

---

* Герой многочисленных еженедельных американских телепрограмм, продолжающихся уже не одно десятилетие

ПОСЛЕДНИЙ ПОБЕГ

Часто научная фантастика основывается на действительных достижениях науки, на современных открытиях, на знакомых сюжетах, касающихся современной естественной науки, медицины и так далее.

Гораздо реже на реальных современных событиях основывается «фэнтэзи». Этот жанр изменился, перейдя от древних эльфов и троллей европейских сказок к более близким нам и знакомым фантазмам. Стивен Кинг и Фриц Лейбер извлекают мрачные и унылые фантазии из наших урбанистических ментальных отбросов.

Хобби, о котором пойдет речь в этом рассказе, как и люди, которые этим занимаются, существуют реально. Что же касается морали, то ею я заниматься не собираюсь, хотя другие, возможно, и не откажутся от этого.

* * *

У банзай-гонщика нет дома.
Он мчится по пустому шоссе.
Горючее его кровь
Маска его мозг
Он похож на психа,
Но гоняет лихо.

Все, кто знал Билла Свитча, не думали о смерти. Те, кто, подобно ему, занимаются особыми уличными гонками, не мо-

гут себе этого позволить. Это не значит, что он и его соперники действительно были сумасшедшими.

Свитч, когда ему было пятнадцать, взял старый отцовский «виллис-джип» и превратил его в нормальную машину для уличных гонок. Если хотите оценить это его достижение — надо знать, что собой представляет «виллис-джип». То, что сделал Билл, можно было бы сравнить с превращением мексиканской эмалированной кастрюли в вазу Бенвенуто Челлини.

Когда его послали во Вьетнам, то знали, кому доверить моторный парк. Билли прекрасно провел войну, забавляясь с бронемашинами и грузовиками. Он поставил какой-то турбодвигатель на танк задолго до того, как пентагонские исследователи и корпорация Крайслер уцепились за эту счастливую идею.

Когда он вернулся, то завел себе небольшой гараж специального обслуживания. Он мог бы стать богачом, одному Богу известно, сколько профессиональных гонщиков хотели бы обратиться к волшебнику из Сан-Бернардино.

Но Билл не любил с ними заниматься. Это был не его стиль. Он находил удовольствие в том, чтобы побивать их владельцев на собственных машинах. В его полигон превратились улицы Южной Калифорнии и система шоссе Индианополис-500.

Было еще несколько человек, подобных Биллу. Почти все они знали друг друга. Если кто еще и не знал Билла, то мог довольно быстро узнать его, когда тот показал бы себя где-нибудь на ночном шоссе.

Дело в том, что этот здоровяк, Билл Свитч, как и еще несколько человек, был необычайным гонщиком. Они не занимались «фордами» или «кестерами», как в Долине, или неторопливыми «шейби», как на Ист-Сайд. С точки зрения этой группы, выжимать из машины сто пятьдесят — значило напрасно жечь горючее.

Они занимались своими делами на шоссе вокруг большого Лос-Анджелеса, глухой ночью или ранним утром, когда на дорогах мало машин и когда дорожная полиция на других дорогах занимается угонщиками или блуждающими группами подростков.

Пробег мог занимать от двадцати до ста и более миль.

Мужчины и женщины, которые участвовали в нем, были обычно очень богаты. Иначе они просто не смогли бы позволить себе таких тачек. Невероятной гнусностью было бы именовать их просто уличными лихачами.. Даже полиция называла их «банзай-гонщиками».

Банзай-гонщик, ты лучше проверь,
Проверь свое зеркальце и свой мотор,
Осмотрись вокруг, чтобы убедиться
Что ты действительно готов.

Я немного знал Билла, потому что он снизошел до моего «корвета», хорошенькой игрушки модели 1969 года. Замечательная машина, которая считается подходящей для пожилых леди и мужчин с манией величия. Мастерская Билла была в Сан-Бернардино, и я потерял там день в надежде на замену глушителя.

Билл сжалился надо мной и починил глушитель. Кроме того, он сделал в моторе что-то незаметное, что словно сняло с машины пять лет работы и пять тысяч миль пробега. Как-то неожиданно после этого мы подружились. Не то чтобы стали настоящими друзьями, а просто здоровались и разговаривали. Билл любил прочищать мои мозги, что я охотно позволял ему. В свою очередь, он сообщал мне обычно, где и когда устраивается очередная гонка.

Я никогда не забуду ту ночь. Это было в сентябре, в Сэлтри, Южная Калифорния. Все было окрашено в темно-серые тропические тона. Билла вызвали на состязание двое. Обычно бывает не больше одного за раз, и Билл решил воспользоваться таким случаем.

Один из них был знаменитый актер. Вы можете узнать его, поэтому об имени его я лучше умолчу. Я не сплетник.

Он приехал на «феррари-боксер». Хорошая машина, ладная и выкрашенная в огненно-красный цвет, как ноготок проститутки. Актер любовно занимался ею и хвастался тем, кто случался поблизости, как он начистит задницу Малютке. Таково было прозвище Билла.

Он слишком увлекся и забыл о другом гонщике. Правда, он приумолк, когда тот появился.

Человек, который вылез из машины, ростом был не выше пяти футов. Это был пластический хирург, который специально приехал на состязание из Беверли Хиллз. Насколько можно было судить по его дорожному комбинезону, этот шестидесятилетний гонщик здорово смахивал на сырую мясную котлету.

Машина его была «ламбурини», серебристая и красивая, со специальными щитами спереди и сзади, и с посадкой, достаточно низкой для того, чтобы обезглавить даже гусеницу, если та не нагнется. Когда он заводил двигатель, шум был такой, будто работала турбина на Гуверской плотине, где мне случалось побывать в один ужасно жаркий день.

Артист слегка побледнел, но потом вновь набрался решимости и влез в машину. «Феррари» была в очень хорошем состоянии. Можно было сбить с толку водителя, но не машину.

Потом приехал и Билл. Старт был около завода Кайзер Стил, на Фонтана. Пробег должен был быть коротким, несколько миль до Всхолмья. Актер и хирург впервые увидели знаменитую машину Билла. Сначала им стало смешно, но, приглядевшись внимательнее, они, кажется, смутились.

Эта машина оказалась перестроенным Плимутовским фургоном, покрашенным в голубой цвет, с голубыми занавесками на окошках. Если бы не специальные низкие бамперы и не слишком большие колеса, его было бы не отличить от колымаг, которые обслуживают пиццерии.

Врач и артист подавили смущение и посерьезнели. Все, включая Билла, поставили по десять тысяч на победителя, победителю доставалось все. Три машины выехали на шоссе. На дворе стояло раннее утро, и дорога была почти пуста.

Раздался стартовый выстрел. За громыханием моторов «ламбурини» и «феррари», мотор Билла едва слышен.

Машины набирали скорость. Я и еще двое свидетелей ждали на полпути, незаметно поставив свои машины в сторонке.

Когда они приблизились, мы заметили, что «ламбурини» шел впереди, «феррари» — почти рядом, но отставал, а замы-

кал Билл. Я попытался различить выражение лица хирурга через свой ночной бинокль. Оно не сулило ничего хорошего.

Вдруг ровный гул был перекрыт новым мощным звуком, как при падении пятисотфунтовой бомбы. Из темноты вырвалась машина малютки. Я засек скорость «ламбурини»: двести тридцать миль. Малютка обогнал ее, словно это был учебный велосипед. Интересно, что подумал в это время хирург?

И вдруг раздался взрыв: это взорвался, не выдержав напряжения, мотор «ламбурини». Мы бросились к машине и помогли доктору вылезти. Кто-то ударил струей из огнетушителя. Пятьдесят тысяч долларов взлетели на воздух.

Артист продержался еще несколько минут, но, видно, уже выдохся. Он слишком разогнался, чтобы вовремя замедлить ход, и потерял контроль. «Феррари» съехал с дороги в заросли виноградника. Водитель вышел, пошатываясь, его беспокоило собственное лицо, а не машина.

Слава, слава Малютке, слава!
Свыше двухсот — для него забава.
Взорвался мотор «ламбурини»,
»Феррари» лежит в канаве,
Малютку Билла просто так не взять!

Его еще надо догнать!

Я один поехал к машине. Он отъехал к Всхолмью, аллея была такой же пустынной, как шоссе. Он лежал под машиной и светил себе фонариком. Он едва помещался там: ростом шести с половиной футов и весом в двести сорок фунтов.

— Привет, — окликнул он меня снизу, — как там все?

— Нормально, — сказал я, — этот хирург — крепкий парень. Он весь выложился.

— Да, — отозвался он из-под фургона. — Дайте некоторым из этих респектабельных граждан настоящие моторы, и они за несколько секунд доедут от Джекрилла до Гайда.

Под капотом у него был мотор «Шеви-454». Но он был только для небольших поездок, например, на рынок. В фургоне был установлен еще авиамотор «Прэттитни» в 900 лошадиных

сил, предназначенный для небольших спортивных самолетов, работавший с треском и грохотом. «454» Билл использовал, чтобы поиграть с соперниками, а потом включал дремавший авиадвигатель. Таким образом он добивался того, что количество лошадиных сил враз переваливало за тысячу. Фургон его выглядел просто, но устроен был сложнее, чем Бруклинский мост. Но Биллу этого было мало. Он говорил, что хотел бы когда-нибудь попробовать и реактивный двигатель, если бы только знал, как стабилизировать эту штуку.

Мы оставались одни среди винорадников и полей для спортивных игр. Остальные помогали отбуксировать машину доктора и вывести на дорогу машину артиста. Тут появился незнакомец.

Его машина возникла из темноты за переездом и остановилась позади фургона Билла. Цвет ее был чернейший, настолько черный, что казался почти пурпурным. На ней, казалось, были десятки лаковых покрытий. Фары горели красным светом благодаря специальным прикрывавшим их щиткам. Я не узнал марки, но я в этом не специалист. Машина не была похожа ни на обычную гоночную, ни на «лотус» , ни на «мазду». Конструкция была вовсе незнакомой. Встровое стекло было до шести дюймов высотой.

Водитель, вышедший из машины, был одет в такой же черный костюм, цвет, любимый многими гонщиками (Билл предпочитал джинсы и свитер). Он был так же высок ростом, как Билл, но много тоньше. Ему, показалось мне, было за сорок, и мне стало интересно, чем он занимается. Профессии банзай-гонщиков часто не менее интересны, чем их машины.

Он улыбнулся мне неприятной улыбкой, наклонился над фургоном и стал терпеливо ждать, пока появится Билл. Наконец Билл заметил присутствие незнакомца и вылез. отряхивая руки. Он смотрел не на пришельца, а на его черную как смоль машину.

— Я слышал, вы любите гонки, — сказал незнакомец, кивнув в сторону шоссе. — Сейчас вы доказали, что способны на это. Хотели бы вы состязаться со мной?

От странного типа с помятой рожей.
В глазах полыхает черная ночь,
Говорит он странно и как-то темно,
А его машина... О Боже!

Билл потер нос.

— Не знаю. Я не знаю вашей машины. Такую я вижу впервые.

Незнакомец усмехнулся.

— Импортная. Не итальянская и не французская.

— Израильская? Я слышал, у них есть кое-что интересное.

Незнакомец покачал головой:

— И не японская. Это — гибрид моей собственной конструкции. Это очень важно?

— Нет. Не для меня. Просто интересно.

— Говорят, что вы — лучший гонщик.

Теперь улыбнулся Билл:

— Правильно говорят.

— Я ставлю пятьсот тысяч новенькими банкнотами. Тогда у вас появится реактивный двигатель, который вы хотите и масса времени, чтобы с ним заниматься. Вам больше не придется возиться со всякими дамскими машинками.

Билл посмотрел на деньги.

— Но я не могу сделать такую же ставку, даже если поставлю свою мастерскую.

— Мне ваша мастерская ни к чему, — ответил незнакомец.

— Тогда что же?

Незнакомец положил руку на плечо Билла, и они ушли в виноградник. У меня по спине поползли мурашки, и мне стало холодно, несмотря на душную ночь. Мне не нравилась ни его улыбка, ни его манера разговаривать, ни странный гул его длинной черной машины.

Но Билла все это, кажется, не тревожило. Они вернулись, и я увидел, как они ударили по рукам. Мне это не нравилось, но не я принимал решение.

— Прежде всего, нам надо проверить скорость и крепость, — сказал незнакомец, — и машин и водителей.

— Согласен, — отвечал Билл задумчиво.

— Как насчет пути от Индио до границы? Победитель — тот, кто первый пересечет мост.

Малютка никогда не отклонял вызова.

И незнакомец в черном не смутил его.

Всего двести миль:

— От Сан-Бернардино до реки, — таковы условия, сказал неизвестный с ужасной улыбкой.

— Звучит интересно, — заметил Билл и кивнул на черную машину: — Работает на алкоголе?

Тот покачал головой.

— Не на таком экзотическом топливе. Предлагаю в следующий понедельник в два часа ночи.

— Хорошо.

Никогда еще Билл столько не работал, как в ту неделю. Я видел его в мастерской в четверг, он был так занят, что едва меня заметил. Кажется, он грезил об этой половине миллиона и о реактивном двигателе.

Я спросил Марио, одного из его механиков, чем занимается Билл в задней части фургона.

— Вышибает из меня дух. Он прилаживает еще какое-то устройство, форсаж или что-то в этом роде. Хочет выжать еще пятьсот лошадиных сил.

Я покачал головой:

— Он с ума сошел. Он взорвется, не выдержав дистанции.

— Я думаю, это не на всю дистанцию, — механик сплюнул на грязный бетонный пол. — Малютка сделает все мыслимое и немыслимое.

В назначенное время я ждал у моста. Немногие знали о состязании. Те же, кто знал, рассеялись по маршруту. Скопление людей привлекло бы внимание дорожной полиции. Мы стояли с приборами слежения, чтобы наблюдать за гонкой и предупреждать насчет грузовиков. Старта я, конечно, не видел, но следить за продвижением у меня была возможность.

Вначале они шли почти вровень. Когда проходили через Дезерт-Центр, Билл шел чуточку впереди. «454» и «Претт и Уитни» работали на полную мощность, пожирая горючее и пространство. Позже мы узнали, что от шума окрестные жители просыпались и не давали покоя службе Гражданской

обороны, осведомляясь, не было ли пожара на складе боеприпасов около Барстоу.

Банзай-гонщик на Интерстейт-Десять
Двести двадцать пять выжимал с места.
Едва ли другой смертный на белом свете
Сможет выжимать из машины это.

Кажется, это было за пределами человеческих возможностей. За Блайтом, уже на последнем этапе, незнакомец сделал рывок. Наблюдатели говорили, что черная машина не гремела и не грохотала, но издала как бы пронзительный вопль, который нарастал, пока не перекрыл даже авиамотор.

Одна наблюдательница с биноклем говорила, будто видела лицо Билла, оно было напряженным и потным. Правда, страха не было. Не таков Билл Свитч.

Мы видели их, когда они с ревом пронеслись по городу. Полицейский патруль потерял терпение. Но они могли только следить за сногшибательной гонкой. Попробуй, догони банзай-гонщиков! Черная машина шла впереди. Нам с обрывистого берега, где мы находились, были хорошо видны ее пылающие фары.

Потом раздался явственный звук взрыва, словно взлетело на воздух что-то громоздкое. В домах стали зажигаться огни, люди просыпались.

Машина черного демона вырвалась вперед.

Зрители бежали к реке, думая, что Малютка погиб.

А Малютка посмотрел вниз, врубил свою новую штуковину, и поравнялся с демоном, догоняя его.

Звук, похожий на взрыв, был связан с тем, что Билл настроил свое сверхприспособление. В свои бинокли и подзорные трубы мы видели, как светлый фургон рванулся вперед, нагоняя черного гонщика. Оставалась едва ли миля с калифорнийской стороны моста. Кто первый пересечет мост — победит. Вот они уже поравнялись, а вот, неожиданно, Билл обогнал.

Чудовищные моторы так ревели, что мы не услышали, как лопнула шина. На скорости почти триста миль в час машина

Билла свернула влево. Он отчаянным усилием на мгновение вернул ее в прежнее положение, но она тут же рванулась вправо. Свалив хрупкие перила, она пролетела по воздуху, описав дугу, как умирающий пеликан, когда падает в море. Сказались особенности Колорадо здесь, на юге. Машина упала в реку без взрыва или всплеска. Видимо, она просто сразу пошла на дно.

«Банзай-гонщик, ты шел слишком быстро,
Со скоростью двести девяносто шесть
Но тут в вашу гонку вмешался нечистый,
Не стоило тебе наступать ему на хвост

Плоть и камень смешались вместе,
Ты прошел и дорогу и мост».

Я никогда не видел, чтобы машина маневрировала так быстро, как эта черная пуля. Водитель промчался всего милю или две по Аризоне, потом замедлил ход настолько, чтобы развернуться и рванул к нам. Он остановился и вылез из машины. Гонка эты была трудной и для него. Его холодная самоуверенность, которую я видел тогда в Сан-Бернардино, исчезла. Он выиграл, но с трудом. Если бы Билл не потерял шину, могло бы быть иначе, и незнакомец понимал это.

Он с уважением посмотрел вниз на серую гладь Колорадо. Он был ближе всех от того места. Большая часть присутствовавших полезли вниз по обрыву, некоторые уже плыли к тому месту, где затонул фургон Билла. Я знал, что они ничего не найдут. Знал и неизвестный, стоящий рядом. Я отступил от него на два шага.

Дьявол остановился и вылез из машины, которой управляли души, зашедшие слишком далеко. Он посмотрел на реку, где погиб Билл Свитч и сказал:

—Ты чуть не победил. Я сожалею о том, что случилось с тобой.

— Скажите, — спросил я нерешительно, — а если бы шина осталась цела, он мог бы вас победить?

Неизвестный задумался.

— Честно сказать, не знаю. — Он улыбнулся. — Но вы ведь все равно мне не поверите, не так ли?

Теперь я заметил, что глаза его были желтыми, и не из-за контактных линз. Странно, что я не заметил этого раньше. Или не захотел?

Я не особый храбрец, но перед лицом смерти я решился и сказал:

— Я думаю, по сути дела он победил.

Его ужасные глаза сверкнули, но достаточно, чтобы я вздрогнул. Но не я держал пари с этим банзай-гонщиком, и он знал это.

« Банзай-гонщик, ты погубил свою душу.
Теперь дьявол заберет тебя
На свои горящие дороги,
Где машины из огня, а не из металла,
И песенка спета.»

— Может быть. Он был лучшим из тех, с кем я состязался. Он был лучше своей машины, что нечасто бывает у людей. Очень нечасто. Но он потерял все. —Он повернулся к машине.

Я слышал, как он бормочет себе под нос: «Может быть, кое-что из проигранного можно спасти. Поглядим.»

Больше я никогда не видел ту черную машину и ее водителя и, надеюсь, никогда не увижу. Я больше никогда по ночам или рано утром не хожу поглядеть на банзай-гонщиков. Я прилип к своему письменному столу и своим бумажкам.

Да, я никогда не превышаю скорость, чтобы никто не вызвал меня на состязание.

Знает Дьявол, чем поживиться,
Дал он Малютке фуражку и форму
И сделал его своим шофером.
Так что, когда хочешь сесть
В машину, лучше прислушайся к звону:
Может быть, шофер дьявола Малютка
Увезет тебя
В Ад...»

Перевод С. Луговского

ЧТО НАТВОРИЛ ВУ-ЛИНГ

Наше жилище сделано в западном вкусе. Плащадка второго этажа выше полов. Мой тесть, некто Левис Оксли, был владельцем ранчо в Западном Техасе и стены наши хранят напоминания о его работе той поры: клейма, колючая проволока и инструменты со странными названиями и еще более странным назначением.

Но площадка второго этажа — всего лишь площадка второго этажа. Что делать с очередной историей, где искать место новой вещи, если кладовая и так переполнена? И как найти место для все новых и новых вещей?

Однажды, осматривая еще незаполненное пространство, я заметил жене Джоанне, что мы, может быть, могли бы приобрести чучело медведя и поставить его здесь.

— А почему не дракона? — спросила она.

— Не говори глупостей, — сказал я, — на Старом Западе не было драконов.

— Откуда ты знаешь? — выпалила она.

Людям интересны корни легенд...

* * *

Хант и Маклиш работали на Батерфильдской линии один шесть, другой — семь лет. Они дрались с индейцами, видели бури, проносившиеся со Скалистых гор, видели здоровенных

гремучих змей. Все это им было известно, и они знали, что с этим делать. Но драконов они еще не видывали. Поэтому нельзя строго судить их, если они слегка струсили, когда дракон напал на почтовую карету.

— Говорю же вам, — объяснял Хант линейному агенту в Чейенне, — это была самая здоровенная, уродливая и жуткая птица, которую можно себе представить, мистер Фразер. — Он обернулся на кучера ища поддержки.

— Точно так.

Маклиш был человеком немногословным, рот его больше был занят табаком. Это был человек крепкой закваски, но инцидент прибавил седины в его роскошную бороду, серебристую, как старая форма Конфедератов.

— Оно напало на нас, — темпераментно продолжал Хант, — как какой-то крылатый дьявол, с шумом, как на марше бостонских трезвенников, с воем, визгом, извергая огонь из клыкастой пасти. От такого зрелища и мертвые встанут. Я дал по нему из обоих стволов, — он показал на оружие, стоящее в углу конторы, — а он хоть бы моргнул. Так было, Арчи?

— Так, — подтвердил возчик, аккуратно сплевывая табачную жижу в инкрустированную плевательницу у края большого стола.

— Понимаю. — Агент был приятным джентльменом пятидесяти с небольшим лет. Небольшие бачки уравновешивали его блестящую лысину. Брюки держались на тугих подтяжках, двумя темными полосами проходивших по белоснежной рубашке.

— Ну, и что было потом?

— Ну, мы с Арчи уже готовились предстать перед Творцом. Понимаете, мистер Фрэзер, эта тварь — больше кареты и упряжки вместе взятых. Ну, бедных лошадей мы потом насилу уговорили дойти до города. Они сейчас в конюшне компании, но ноги у них до сих пор дрожат. И еще эта тварь когтями размером с воскресное платье моей тетушки Молли, зацепила сейф наверху и разорвала канаты, как будто солому. Ну, и потом, с визгом и ревом, как десяток ослов улетела к Шаманским горам

— Ей богу, — подтвердил возчик.

— Все это необыкновенно интересно, — проворчал Фрэзер. Этот симпатичный чиновник Батерфильдской компании не был склонен верить басне двух служащих, которые сейчас стояли перед его столом явно под мухой и, как он опасался, хорошо покутили в Денвере, неизвестно куда подевав десять тысяч золотом из пропавшего сейфа.

Они еще ссылались на свидетелей — трех пассажиров кареты, мормона с хорошей репутацией из Солт-Лейка и двух из десятка его жен. В настоящий момент эти дамы находились на лечении от шока у местного врача.

— А не мог это быть шквальный ветер? — с надеждой спросил он.

— Нет. — сказал Маклиш, также мастерски сплевывая повторно. — Это непохоже ни на что из того, что я видел или про что слышал, мистер Фрэзер. Такое не придумаешь. — Он сурово покосился на агента. — Вы сомневаетесь в наших словах?

— Нет, нет, что вы. Но я не знаю, как буду докладывать об этом происшествии в Компанию. Если бы вас ограбили, они бы поняли. Но это... Поймите мое положение, джентльмены. Тут будут вопросы.

— Вы должны нас поддержать, — горячо сказал Хант.

Агент был не из людей с богатым воображением, но, призвав на помощь всю свою изобретательность, нашелся:

— Я представлю это как потерю от стихийного бедствия, — сказал он обрадованно.

Маклиш ничего не сказал, только наморщил лицо, продолжая жевать табак. Хант не выдержал. Уставившись на агента, он сказал:

— Но ведь там не было бури, мистер...

Фразер успокоил его тяжелым взглядом. Хант медленно закивал. Тем временем Маклиш подобрал в углу ружье, вручил товарищу, и они вдвоем пошли к двери. Тем дело и кончилось.

Примерно на неделю.

* * *

— Еще месяц, ребята, и пожалуй, хватит, — большой нос словно нюхнул воздух. — Снова ветер несет снег.

— Плохо дело, если ты прав, Эмери, — сказал его товарищ.

Их было четверо за грубо обработанным столом посреди хибарки. Они ели свинину, бобы, черный хлеб и свежую дичь. По сравнению с их обычным сухим пайком это был настоящий пир, но им было что отмечать.

Восемнадцатилетний выходец из Чикаго Джонни Саттер пережил за последний год как будто десять лет жизни.

— Я, — заявил он, — хочу снять комнату в лучшем бардаке в Денвере и целый месяц буду беспробудно пьянствовать.

Ответом ему был грубый смех.

— Эй, Джонни, — сказал один из них, — если тебе это надо, зачем терять время и заниматься этим неизвестно где? Занимайся этим на улице, а мне уступи комнату.

— Правильно, черт возьми, — сказал другой, — ты слишком строго все распределил.

— Как раз не слишком, — поправил мулат Однопалый Вашингтон. Он рассмеялся, разинув рот, в котором не хватало передних зубов. Он потерял два зуба и четыре пальца левой руки на земле Шило, но не жалел об этом. Это была достаточная плата за жизнь и свободу.

Любопытный Чарли, старейший из четырех, сделал знак, чтобы говорили потише и, повернув голову, стал прислушиваться здоровым ухом.

— Что случилось, старина, — спросил Джонни, явно в веселом расположении духа, — у тебя нет предложений, как человеку потратить его деньги?

— Не то, Джонни, я боюсь, что-то не так с мулами.

— Черт побери! — Эмери Шэнкс вскочил и потянулся за винтовкой. — Как бы их не увели! Ют говорил, что они могли прокрасться сюда за день до того, как мы...

Любопытный Чарли оборвал его:

— То Ют. Сам Комиттан обещал мне два года тому назад, когда я осматривал русло, что его люди не будут нам мешать, а Комиттан — человек слова. Может быть, гризли. Слушайте.

Они прислушались, действительно, голоса мулов были не-

естественно хриплыми, и непохожими на звуки, исходящие от них, если в лагере появлялся чужой. Если это гризли, то их страх объясним. Большой самец может утащить целого мула.

Старатели выбрались из хибарки, наскоро обуваясь и набросив плаши поверх комбинезонов. Однопалый и Эмери выбежали посмотреть на лес позади загона. Луна была почти полной, и лес хорошо просматривался. Никаких признаков медведя не замечалось. Глядя на темный ряд сосен, Однопалый пошел к загону, чтобы успокоить вожака. Бедное животное вращало глазами и нервно топало копытами.

— Ну, Генерал Грант, успокойся. Что это, интересно, напало на му...

Он осекся, так как мул резко дернулся, высвобождаясь от него. Что-то появилось в небе над лагерем. Это была не грозовая туча, и уж конечно, не гризли. Оно было огромным, с крыльями по форме как у летучей мыши, с дико горящими красными глазами и с хвостом как у ящерицы. Вдоль пасти тянулись тонкие усики, а кривые зубы блестели, как пони Арапахо, бегущие по лугу, освещенному луной.

— Боже милосердный, — пробормотал Джонни, — что это еще такое?

Массивное, но грациозное существо снижалось. Мулы начали беситься. Любопытный Чарли, который побывал на Бычьей гонке и в Шило и вышел целым из этого созданного людьми ада, не колебался. Он выстрелил в клыкастую морду, и звук выстрела гулко разнесся в горном воздухе. Крылатая тварь не отреагировала. Снизившись на крыльях, напоминающих паруса, она начала когтистыми лапами величиной с вилы, рыть землю у воды в загоне. Мулы падали на землю, жались друг к другу в лихорадочном порыве подальше убраться от захватчика.

Однопалый заглянул под большое просвечивающее крыло и, вдруг, поняв, вскрикнул:

— Черт возьми! По-моему, это страшилище подбирается к нашему золоту!

Действительно, после нескольких секунд раскопок был извлечен небольшой деревянный сундучок. Внутри был плод их кровного труда зв полтора года, крупа и слитки в количе-

стве достаточном, чтобы обеспечить каждому из них покой до конца жизни.

Была ли это чудовищная птица или что-то еще, но слишком уж тяжелый труд вложили они в свое богатство, вырванное у ледяной реки, чтобы вот так расстаться с ним. Они стреляли и стреляли, а когда стало ясно, что ружья не приносят ему вреда, бросились на захватчика с пиками и лопатами. Когда все кончилось, луна осветила мрачную картину грабежа и бойни. Золото исчезло, как исчезли тела юного Джонни Саттера, Однопалого Вашингтона — и мула по кличке Генерал Грант...

Немного врачей жило в то время в Чейенне, а хороших и того меньше, так что нельзя объяснить просто совпадением, что доктор, который лечил жен мормона, оказался вовлеченным в историю с несчастными, оставшимся в живых после происшествия на речке Виллоу. Он довел это до сведения местного линейного агента мистера Фрезера, который был свидетелем истории с потерявшими душевное равновесие пассажирами почтовой кареты. Теперь эти два более или менее осведомленных человека обсуждали события последней недели за хересом в столовой гостиницы «Париж» .

— Я прямо не знаю, что и делать, доктор Ваксмэн, — признался агент. — Мое начальство в Денвере приняло мой рапорт об исчезновении сейфа во время страшной бури на горной дороге, но я боюсь, у них остались кое-какие подозрения. А что мне делать, случись такое еще раз? Тогда не только грузу, но и мне пропадать. У меня жена и дети, доктор. Я вовсе не хочу попасть в тюрьму... или в дом умалишенных. Вы — второй образованный человек в городе, знакомый с этим странным делом. Я думаю, нам вдвоем следует подумать, нельзя ли что-то поделать с этой проблемой. Я чувствую свой долг, как ответственного гражданина, сделать что-нибудь, чтобы обеспечить безопасность общества, и я уверен, вы чувствуете такой же долг.

— Согласен, надо что-то делать.

— Ну ладно. Значит, вы уверены, что те двое, которых вы лечили вчера, столкнулись с тем же феноменом.

— По-моему, в этом нет сомнений. — Доктор потягивал

херес, глядя сквозь очки на агента. — В случае с их товарищами, унесенными этой тварью, я мог бы заподозрить какую-то темную игру, если бы не уникальный характер их ран. Кроме того, они христиане, и они исступленно божились, что все правда фермеру, который нашел их, бродивших не помня себя, в крови, в горах... И они... постоянно взывали к Спасителю.

Агент положил руки на скатерть.

— На карту поставлено больше, чем безопасность граждан. Речь идет о развитии экономики. Ясно, что у этой твари — настоящее пристрастие к золоту. Почему — не знаю. Что, если в следующий раз она нападет на банк в Чейенне или в более маленьком городке, когда по улицам будут ходить женщины и дети? Но что нам с этим поделать? Мы ведь даже хорошенько не знаем, что это такое, кроме того, что таких тварей здесь явно не водится. Я подозреваю, что это — дьявольское дело. Модет быть, имело бы смысл поговорить с пастором Хаммикатом из...

Доктор остановил его.

— Думаю, что надо сначала поискать более земных средств, прежде чем мы примем неизбежное решение отдаться на милость Творца. Бог помогает только тем, кто помогает сам себе, замешан при этом дьявол или нет. По роду моей работы, сэр, мне приходилось общаться с людьми, которые много путешествовали по этому еще дикому краю. Некоторые знакомства производили сильное впечатление на этих буколических путешественников, которые не лишены здравого смысла, хотя и не всегда разбираются в гигиене. В рассказах, касающихся всяких странных происшествий и необъяснимых явлений неоднократно появлялось одно имя, которое с уважением произносили все, от простых фермеров и солдат до образованных людей, как мы с вами. У меня есть надежная информация об этом человеке, некоем Эмосе Мэлоне, который сейчас где-то в окрестностях Чейенна. Я думаю, с ним надо бы посоветоваться по этому делу.

Батерфильдский агент уставился на доктора, который, допив херес, стал набивать табаком старую трубку.

— Эмос Мэлон? Безумный. Эмос? Я члышал о нем. Это —

реликт времен горского расцвета, лихой малый. Но во всем остальном, по слухам, он просто сумасшедший.

— Как и половина Конгресса, — невозмутимо ответил доктор. — Думаю, он нам понадобится.

Агент тяжко вздохнул:

— Я полагаюсь на ваше суждение в этом деле, сэр, но признаюсь, более чем сомневаюсь в его исходе.

— Я и сам не очень оптимистично настроен, — сказал доктор, — но мы должны попытаться.

— Ладно. Но как же с ним связаться? Эти горцы обычно не прибегают к цивилизованным средствам связи, и кроме того, они редко задерживаются на одном месте.

— Об этом я сам побеспокоюсь, — доктор закурил трубку. — Мы дадим ему знать, распространим слух, что он нам нужен, и что дело — самое настоятельное и необычайное. Он наверняка явится. А чтобы он наверняка узнал о нашей нужде — тут уж я полагаюсь на те неведомые и неуправляемые средства, через которые его порода людей всегда узнает нужные вещи.

...Они ждали в кабинете доктора. Перед рассветом снежок запорошил улицы города. Теперь утреннее солнце, как бы нехотя вышедшее из-за туч, заставило таять снежинки, угрожая наполнить улицы жидкой грязью.

У железной никелированной печки сидели агент и растрепанный, злой, в бинтах, Любопытный Чарли. Чарли было чертовски плохо, особенно донимала его сломанная правая рука, но он сам настоял на том, чтобы явиться, а доктор считал, что присутствие очевидца придаст их истории больше убедительности.

Часы пробили полседьмого.

— Время прийти вашему горцу, — заметил Фразер. Он был не в лучшем настроении. Его жена, подозрительная и сварливая женщина, до тошноты замучила его ворчанием по поводу его раннего ухода из дома.

Доктор Ваксмэн спокойно поглядел на часы:

— Подождите немного. Погода плохая.

Тут в дверь постучали. Доктор с улыбкой посмотрел на агента.

— Достаточно пунктуален, — неохотно признал Фрэзер. — Непохоже на этих полудикарей.

Доктор встал, отпер дверь и впустил человека ростом много выше шести футов. Одет он был в грязный костюм из оленьей кожи и мокрый колорадский плащ. Два патронташа ленты с крупными гильзами перекрещивали его широкую грудь. На поясе висели нож Боуи и пистолет системы «лемат», любимое оружие офицеров конницы Юга в свое время. Борода его была не такой седой,как у Любопытного Чарли, но темной с проседью. Глаза его были черны, как ночь, а кожа казалась такой же ухоженной, как его сафьяновые сапоги.

— Холодное нынче утро, — сказал он, направляясь к печке. Он погрел руки, ласково глядя на печку, затем повернулся к ней спиной.

Доктор запер дверь, чтобы не шел холод, и представил всех друг другу. Фразер с опаской подал свою мягкую руку гостю, поглядев на его могучие руки. Любопытный Чарли обменялся с гостем крепким рукопожатием, несмотря на возраст и недомогание.

— Ну, джентльмены, слышал я, что ваш народ столкнулся с трудностями из-за золота.

— Хотите сказать, из-за птицы, — сказал Чарли, прежде, чем доктор и Фразер успели раскрыть рот, — самой большой крылатой твари, которую я видел в жизни, мистер. Убила двоих наших и утащила нашу добычу. И еще утащила лучшего мула. Думаю, назло, потому что хватило бы с нее Однопалого и Джони на ужин.

— Не спеши, старина, — мягко сказал Безумный Эмос. — Пусть у тебя хотя бы голова останется неповрежденной. Теперь расскажи-ка побольше об этой вашей златолюбивой птичке. Для меня это слишком любопытно, иначе я бы сюда не явился.

—А почему вы все же явились, мистер Мэлон? — с интересом спросил Фразер. — Ведь у вас нет гарантии, что ваш труд будет оплачен, даже — самая трудная его часть, которая может потребовать наибольших усилий.

— Ну, об этом я сейчас не очень то думаю, приятель, — он улыбнулся, показывая большее число зубов, чем обычно

бывает у людей его профессии. — Я здесь из любопытства, как кошка.

— Любопытство, — сказал Фразер, желая посмотреть, что ответит гость, — если вы помните, погубило кошку.

Горец повернулся к нему и посмотрел на него своими черными глазами так, что агент слегка поежился.

— Как я понимаю, мистер Фразер, рано или поздно все мы помрем.

Любопытный Чарли с помощью доктора и агента, пересказал историю дьявольской птицы, напавшей на лагерь и убившей двух его товарищей. Потом Фразер пересказал рассказ несчастных из почтовой кареты. Они с Чарли не во всем были согласны, касательно размеров и цвета чудовища, но в основном их истории совпадали.

Когда они кончили, Безумный Эмос откинулся на спинку вертящегося стула, заскрипевшего под его тяжестью, сцепил руки на коленях и сказал:

— Ну, черт возьми, то, о чем вы рассказываете, джентльмены — это не птица. Я так и думал, когда услышал об этом впервые, но не был уверен. То, что напало на вас, старина, — сказал он Чарли, — и на вашу карету, мистер Фрэзер, — самый настоящий чистопородный представитель драконьего племени.

— Прошу прощения, мистер Мэлон, — скептически сказал доктор, — но драконы — легендарные создания, плод воображения наших менее образованных предков. Сейчас на дворе — просвещенное девятнадцатое столетие, сэр. Мы не склонны к подобным суевериям. Я сам как-то столкнулся со змееловом, который обещался снабдить меня порошком из рога единорога. Я немного сведущ в химии и доказал, что этот порошок был добыт всего лишь из рога обыкновенного вола.

— Ну, а теперь вам, может быть, придется поглядеть на дело немного иначе. Ведь ваше пропавшее золото и все прочее — не легенда.

— Тут он прав, — резко сказал Чарли.

— Я думал, что это мог быть огромный орел, обычно живущий только высоко в горах, на неприступных вершинах... — начал доктор.

— Хо! — Безумный Эмос хлопнул себя по колену (этот

удар свалил бы с ног любого человека) — Нет в мире такого орла, чтобы утащить взрослого мула или стальной сейф с двадцатью фунтами золота! Нет на свете орла, разукрашенного, словно павлин. Нет, это — настоящий дракон, клянусь печатью Соломона!

Заговорил Баттерфильдский агент:

— Мне трудно спорить с вами, джентльмены. Я не обладаю вашими научными познаниями, доктор, а также вашим авторитетам в вопросах таинственного, мистер Мэлон. Но самое главное для нас — это не то, как это называется, а то, как бы его больше не видеть. — Он с надеждой посмотрел на горца.

Про Мэлона одни говорили, что он раньше был доктором, другие — что он был капитаном клиппера. Говорили даже, будто он был профессором Сорбонны во Франции. Говорили также, что он просто набит тем, чем запасаются на зиму белки в Колорадо, Фрэзеру было мало дело до этого. Он прежде всего не хотел давать объяснений в случае пропажи другого сейфа с золотом, а груз монет должен был прибыть из Денвера через неделю...

— Вот в чем загвоздка, не правда ли? А теперь — обратился Мэлон к Любопытному Чарли, — расскажите, сколько языков было у него в пасти? Извергал ли он огонь? Был ли его вопль пронзительным, как боевой клич сиу, или низким, как рев бизона? Как он смотрел: прямо, или вертел головой из стороны в сторону?

Это продолжалось все утро, пока голова старого старателя не заболела от усиленных воспоминаний. Но Чарли вытерпел. Он любил Джонни Саттера и Однопалого Вашингтона, не говоря уж о бедном Генерале Гранте.

Ветер шевелил палатки, рассеянные в небольшом каньоне. По сторонам были аккуратно сложены рельсы, шпалы, костыли, лишние молоты и прочее оборудование. Из самой большой палатки шли густые запахи, а с другого конца железнодорожного лагеря пахло совсем по-другому. Первые запахи означали кухню, вторые — ее конечный продукт.

Линия от Денвера до Чейенна была сравнительно новой и регулярно нуждалась в ремонте. Бригада, проложившая путь

первоначально, теперь шла по линии обратно, ремонтируя и расчищая его, обеспечивая надежность насыпи и рельсов.

Мускулистые, в большинстве своем низкорослые люди, стучавшие молотами, с интересом уставились на высокого горца, въехавшего в лагерь на коне. Насторожился и надсмотрщик, наблюдавший за привозными рабочими. Хотя он происходил из людей, не лишенных предрассудков, к своим людям он относился непредвзято. Пусть у них какие угодно глаза и самая диковинная речь, но они работают целый день и не жалуются, а чего еще можно требовать от людей?

— Ну все, — проворчал он, — представление окончено. — Он понимал, что, если все начнут глазеть на незнакомца, замедлится работа по всей линии. — За дело, счастливые сыны неба!

Стук молотов снова стал разноситься по каньону, но темные глаза с интересом продолжали наблюдать за молчаливым гостем.

Глаза одного широкоплечего рабочего округлились, когда незнакомец наклонился к нему и прошептал ему что-то на мелодичном языке. Работник так оторопел, что чуть не уронил молот себе на ноги. Незнакомцу пришлось помедленнее повторить вопрос, чтобы ему ответили.

—Неслыханно, — изумился рабочий. — Белый дьявол так хорошо говорит на моем родном языке. Вы так далеко путешествовали, уважаемый сэр?

— Один или два раза. Я сам точно не помню. Кантон славный городок, хотя еда там немного постная на мой вкус. Но как с моим вопросом?

Рабочий замялся. Большой и сильный парень, он вдруг как будто съежился. Он оглянулся, словно кто-то следил за ним.

Безумный Эмос проследил за его взглядом, но увидел только палатки.

— Не беспокойся, — сказал он ободряюще, — я не позволю тому, ради кого я пришел, повредить тебе, и никому из твоих друзей и родных у тебя дома. Я не позволю ему тревожить твоих предков. Ты веришь мне, друг?

— Верю, — решительно ответил рабочий. — Того, кого ты ищешь, зовут Ву-Линг. Ты найдешь его в третьей палатке

внизу. — Он показал молотом направление. — Пусть счастье пребудет с тобой, Белый дьявол.

— Спасибо, — ответил Безумный Эмос, и направил коня в указанную сторону. Рабочие внимательно следили за ним и перешептывались. Около указанной палатки он спешился и любовно потрепал коня. Этот уникальный конь был смесью андалузской, арабской и местной породы, черный, с белыми пятнышками на крестце и на ногах и с белым кольцом вокруг правого глаза. Глаз этот открывался не полностью, что делало коня косоглазым и отпугивало озорных мальчишек и случайных конокрадов.

— Ну, подожди тут, Бесценный, а я, надеюсь, скоро вернусь.

Он заглянул в палатку.

— Входи, бесполезный проситель с тысячей извинений, — услышал он властный голос.

На мате посреди палатки сидел молодой китаец, одетый в шелковый халат с вышивкой и с шапочкой на голове. На ногах его были мягкие шлепанцы, а на руках — несколько жадеитовых перстней. В палатке стояли цветы и фимиамовая курильница, чтобы отбить неприятные запахи лагеря. Китаец сидел спиной ко входу, жестом показывая на лакированную вазу, большая часть которой была заполнена монетами.

— Положи свои жалкие приношения на обычное место и уходи. Я медитирую с Силами Тьмы. Горе тому, кто нарушит мои мысли.

— Горе тому, кто путается с силами, которых не понимает, о, отец ста обманов.

Манипулятор обернулся на английскую речь и удивленно уставился на волосатого огромного Белого Дьявола. Он смешался на мгновение. Затем он опустил руки (которые, как показалось Безумному Эмосу, чуть дрожали) в рукава и наклонил голову.

Безумный Эмос поклонился в ответ и сказал на хорошем наречии мандаринов:

— Твои манипуляции, как я вижу, превосходят твои познания, немогущественный.

Китаец выпростал руку из рукава и энергично указал на выход:

— Убирайся из моей палатки, дьявол! Вон! Или я превращу тебя в отвратительную жабу, согласно с твоей физиономией.

Эмос улыбнулся и шагнул к нему.

— Постарайся успокоиться, о изобретатель подделок, или я помогу тебе обрести вечный покой. Я не могу превратить тебя в жабу, но когда я кончу дело, ты будешь похож на скелет бизона, которого освежевала шайка команчей.

Китаец поколебался, но не отступил. Воздев руки, он пробормотал какое-то важно звучащее заклинание.

Безумный Эмос послушал его и пробормотал что-то ему в лицо. Мнимый заклинатель выкатил глаза:

— Откуда Белый Дьявол может знать тайные слова Шао?

— Это долгая и скверная история. Конечно, я не все их знаю, но достаточно, чтобы понять, что ты сам не понимаешь того, что произносишь. Думаю, что это-то тебя и подвело. Я вижу, что все это — представление для твоих работяг-соплеменников. Ты — не мандарин, Ву-Линг, и не волшебник шао. Ты — просто хитрый имитатор, бредущий в темноте, и я думаю, ты увяз по уши с этим своим драконом.

— Так вот что привело тебя сюда. Эта проклятая тварь! — Он швырнул шапочку на пол. — Чтобы его когти тысячу раз вросли обратно! Я знал, что она принесет мне неприятности с того момента, как увидел, что заклинания вышли из под моего контроля. — Он тяжело опустился на подушечку, потеряв свой начальственный вид. Сейчас он был похож на обескураженного молодого юриста, чей договор с темными силами был отменен высшим судом.

Глядя на него, Безумный Эмос почувствовал даже что-то вроде симпатии к нему.

— Как тебе удалось вызывать его? Как это случилось?

— Мне нужно было как-то запугать моих невежественных соплеменников. Они начали роптать... Некоторые начали сомневаться во мне и в моем праве их контролировать. — Говорили, что я вовсе не маг, и не имею над ними власти, ничего не могу сделать ни с ними, ни с их родными и друзьями. Мне понадобилось что-то, чтобы прекратить такие разговоры раз и навсегда.

— Понятно. А как на железной дороге смотрели на то, что

твои собратья содержат тебя в роскоши, а сами работают на износ?

— Хозяева, Белые Дьяволы, не думают о цивилизованном поведении. Лишь бы работа выполнялась в срок.

— Значит, ты должен был, так сказать, заниматься магией или же рисковал работать вместе со всеми своими лжемандаринскими руками. Я правильно понял?

— Все так и есть. — Он снова принял гордый вид. — И я сделал это. Это был настоящий дракон по древнему образцу со свирепой мордой. Я материлизовал его в лагере однажды ночью. С тех пор ропот среди сородичей прекратился, а их поддержка возросла многократно.

Безумный Эмос кивнул и погладил свою роскошную бороду.

— Ну да, ты здесь немножко занимался вымогательством. Конечно, у тебя будут небольшие неприятности, если я выйду и расскажу что ты имеешь над драконом власти не больше, чем я над какой-нибудь вещей птицей. Не думаю, что твои работящие собратья очень огорчатся.

Надменное выражение молодого китайца сменилось отчаянием.

— Прошу вас, ни в коем случае не говорите им этого, Белый Дьявол! Пожалуйста! Мои мучения могут продлиться несколько недель, если они узнают, что у меня нет над ним власти. — Он опустил глаза. — Я расскажу тебе все, Знаток Слов. У меня действительно нет власти над этим драконом. Я пытался заставить его исчезнуть, когда он был больше не нужен, но он посмеялся надо мной и улетел в горы. Я пытался вызвать его обратно, но безуспешно. Теперь он делает все, что ему вздумается, угрожая и твоему народу. Я оказался страшным дураком, слишком уж хотел я запугать мой народ. Мне следовало прибегнуть к менее опасной материализации.

Безумный Эмос понимающе кивнул.

— Теперь ты научен, наследник тревог. Всегда лучше всего проверить правильно ли ты собрал ружье, прежде, чем выстрелить. Мне даже жаль тебя. Главное — что твой дракон натворил все, что натворил, не по твоему приказу.

— О нет, нет, почтенный Дьявол! Я сказал тебе правду: я не контролирую его. Он действует по собственной воле.

— Ну ладно. Я предлагаю тебе сделку. Ты прекращаешь притеснять своих собратьев. Бери молот и иди работать вместе со всеми. Я гарантирую тебе, что это не погубит тебя. Ты даже выиграешь в их глазах, работая вместе с ними, хотя мог бы этого не делать. Скажи им, что тебе настала пора, отложив волшебство, поупражнять свое тело, чтобы возвысить дух. Ты сделаешь так, а я буду молчать.

Молодой человек вскочил на ноги, не смея и надеяться.

— Ты сделаешь это для меня? Мои предки благословят тебя сто раз.

— Да ну их к черту! Теперь мне потребуется собрать все силы, чтобы как-то разобраться с этим драконом, которого ты состряпал, Ву-Линг.

— Но ты не сможешь этого сделать. Он наверняка убьет тебя.

— Увы! Я должен попытаться. Нельзя допустить, чтобы он бродил здесь, опустошая страну. Кроме того, моя страна еще слишком молода. Она не готова бороться с драконами. Хватает работы по восстановлению хозяйства после гражданской войны и всех пакостей, которые она породила. Этот твой змееныш — не из тех, которые любят воровать женщин, а?

— Если говорить о его родословной, то, боюсь, он способен похитить девственницу-другую.

— Ну, да ладно, — проворчал Эмос, — это полбеды. Здесь до самого Канзас-Сити нет ни одной девственницы. Главная беда для нас — его пристрастие к золоту. Это что-то новое, Ву-Линг. Зачем бы оно ему сдалось?

— Я думаю, почтенный Дьявол, что такой мудрец, как ты, может и сам это понять. Золото — необходимая часть питания дракона.

— Так он жрет его?! Ладно, учту. Я-то думал, что он делает с ним что-нибудь вроде покупки душ или накапливает сокровища, или еще какой-нибудь вздор. Значит, просто лопает?

— Верно, — сказал Ву-Линг.

— Хм, мир полон чудес! Ну ладно. Мне есть о чем подумать. — Он вдруг сурово поглядел на Ву-Линга. Мнимый вол-

шебник почтительно взирал на него. Тяжелый взгляд Безумного Эмоса Мэлона нельзя было проигнорировать.

— Ну так вот что, помни, что я сказал: перестань сосать кровь своих соплеменников. Они хорошие люди и заслуживают твоей помощи, а не твоих лживых угроз. Им и так туго приходится в чужой стране. Я по себе это знаю. Я также знаю, что очень не уважаю того, кто дает мне слово, а потом его не держит, понял? Очень не уважаю. Прямо в грош не ставлю. Ты послушаешься меня, сын почивших родителей?

— Я послушаюсь тебя, почтенный Дьявол!

Ву-Линг позволил себе с облегчением вздохнуть, когда великан наконец ушел. «Интересно, — думал он, — каким способом дракон убьет его?» ...

Безумный Эмос взбирался к вершинам Шаманских гор, несмотря на признаки наступления ранней зимы. Конечно, плохо, если здесь, в горах его застигнет снежная буря, но он уже выдерживал бури и может выдержать еще одну, если придется.

У развилки реки Ларачи он решил сделать стоянку, выбрав для этого открытый луг, по которому река текла быстро и свободно. На западе горные вершины уже покоились под покровом первого снега.

— Ну, Бесценный, думаю, это хорошее место. Здесь можно продолжить. Теперь я вижу, что не ошибся с этим делом. Теперь ты можешь побегать, поблизости и хорошо провести время. Тут полно травы. найди себе хорошую кобылицу и отдохни. Надеюсь, ты не будешь скучать без меня, а?

Конь беззаботно заржал, покосился на него больным глазом и ушел в поисках лужи, где можно поваляться.

Безумный Эмос пошел на развилку, пока не нашел иву нужного возраста. Он срезал ветку и тщательно очистил ее от листьев и отростков. Потом заострил верхушку своим ножом, поджег и обуглил ее, и раскалил, после чего начертал на земле вокруг себя странные знаки. Некоторые из них китайскими иероглифами, другие — тибетскими знаками, иные же не принадлежали к человеческому языку.

Затем он начал рыться в своих старых мешках, которые

возил с собой в седле (некоторые шептали, что там у него хранится такое, о чем лучше и вовсе не знать). Он вытащил голову совы, бутылочку синего клейкого вещества, несколько законсервированных скорпионов, три орлиных пера, привязанных к фетишам Цуни и тому подобную дребедень. Затем он полез в другой мешочек и извлек из него блестящий слиток. В нем было пять фунтов и он представлял собой золотой сплав, сработанный индейцами Квимбайя в Южной Америке, который состоял примерно из 65 процентов золота, 20 процентов меди и остаток приходжился на серебро. Его-то он и положил в центр своего начертанного круга.

Наконец он вытащил винтовку из расписного с бахромой чехла. Этот чехол в свое время сшила одна из дочерей Сакаджавея. «Хорошая девчонка», — подумал он. — Когда-нибудь, если даст Бог на Полях Счастливой Охоты, он надеялся встретить ее вновь. У винтовки был восьмигранный ствол, черное блестящее ложе и дуло, настолько широкое, что там мог бы спрятаться испуганный кролик. Эта была винтовка системы «шарпс-буффало», пятидесятый калибр, со скользящим раздвижным прицелом, расчитанным на тысячу сто ярдов. Она стреляла двух-с-половиной-дюймовыми патронами, с сотней зернышек пороха и могла уложить взрослого быка на расстоянии шестисот ярдов. Патронташи же на груди Безумного Эмоса содержали патроны в три с четвертью дюйма, с семьюдесятью зернами пороха.

Винтовка была расчитана на один выстрел. Но если стрелять правильно и точно держать приклад, то одного будет достаточно. По мнению Безумного Эмоса, такая конструкция естественно вела к совершенствованию мужчины.

На этот раз он заряжал винтовку особенно тщательно, уделяя внимание самим патронам, извлекаемым из лент на груди. После этого он стал ждать.

Луна уже догорала и небо на время очистилось от облаков, когда на западе он услышал шум крыльев. А затем он увидел и источник этого легкого шума, стремительную тень, перемещавшуюся по небу, причем длинный хвост вертелся из стороны в сторону, когда она вынюхивала место, где было золото.

И вот это существо приземлилось между рекой и стоянкой

и на своих красных лапах направилось к одинокому человеку. Шея его была голубой, тело по большей части золотисто-желтым, крылья и морда — разноцветными, как конфеты ассорти в коробке. Луна освещала его зубы, похожие на ятаганы, и горящие злобой глаза.

— Эй ты, стой! — крикнул Безумный Эмос на драконьем языке, непохожем ни на какой другой, и на котором к тому же трудно говорить — больно для горла.

Дракон остановился и уставился на человека, который по-хозяйски поставил одну ногу на золотой слиток. Он махал хвостом, подминая травы и цветы, а усики шедшие вдоль его челюстей извивались как змеи, как будто были живые. Его брюхо подвело от жажды желтого металла, поднимавшего жар в его крови. Золото было ему жизненно необходимым элементом.

— Ого! — ответил он дребезжащим голосом. — Человеческое существо говорит на моем родном языке. Восхищаюсь твоими познаниями, человек! Давай его сюда! — Он наклонился, воплощая собой жажду, слюна текла из его приоткрытого рта.

— Нет, Светлое Тело — Черное сердце! Мне, конечно, не жалко золота, все хотят есть. Но ты свел с ума двух хороших людей и убил еще двоих. И я думаю, что сможешь убить еще кого-то. Тебя не насытить так просто, твой аппетит велик, как твое брхо, а твоя жажда также остра, как твои зубы. Я не так глуп, чтобы думать, что ты удовлетворишься этим. — Он пнул ногой слиток, так что у голодного дракона пошел изо рта дым.

— Ты прав, человек. Мой голод глубок, как бездна океана, куда мне нельзя, обширен, как небо, которое я сделал своим, и тяжел, как мой гнев, когда я встречаю препятствия. Давай мне золото! Тогда я пощажу тебя за твои познания, потому что я прожорлив, но щедр. Если же откажешься, я съем и тебя, потому что драконы не могут жить одним золотом.

Безумный Эмос пошевелил винтовку, лежавшую у него на коленях:

— Смотри, Крылатая Смерть, это винтовка «шарпс». Я уверен, она тебе не очень знакома. Таких не было и не будет там, откуда ты явился, так что я объясню тебе, что к чему. Более могущественного оружия нет ни в этом мире, ни в ином.

Я хочу дать тебе шанс убраться туда, откуда ты явился, голодным, но невредимым. — Он тонко улыбнулся. — Я не так щедр. Ты можешь убраться из этой части реального мира прямо сейчас, или, клянусь тенью Навуходоносора, я выпущу пулю прямо тебе в сердце.

Дакон насмешливо заревел. Его смех раскатисто загрохотал в ущелье Ларами. Эхо отозвалось в горах, и в пещерах беспокойно зашевелились звери, впавшие в зимнюю спячку.

— Последние слова, последнее движение. Ты должен быть наказан, человек. Ты мне надоел! Теперь мне нужны золото и твоя жизнь, потому что мне наскучило играть с тобой. Мой живот свело, а в сердце нет ни капли жалости к тебе. Сейчас я заберу твое золото и твою жизнь. — Огромная когтистая лапа презрительно царапнула по символам, которые он старательно выводил на земле.

— Думаешь, это остановит меня? Ты не обладаешь правильным пониманием слов, по крайней мере этих слов. — Огонь заструился из его пасти. — Твои жалкие сталь и порох не могут мне повредить, Прямоходящий Червяк. Стреляй, если хочешь. Насекомое верещит сильнее всего перед тем, как его раздавишь.

— Ну помни, ты сам этого хотел.

Безумный Эмос быстро вскинул винтовку и выстрелил. Что-то как взорвалось, раздался гулкий, громкий, много раз повторившийся эхом звук выстрела, который можно сделать только из «шарпс». Звук был почти таким же, как смех дракона.

Пуля попалп Светлому Телу — Черному Сердцу прямо в грудь. Чудище посмотрело на заживляющуюся рану, усмехнулось и сделало шаг вперед. Дракон разинул пасть, собираясь разом проглотить человека и золото.

И вдруг он остановился в замешательстве. Его глаза начали вращаться. Потом он взревел, сотрясая землю, с такой силой, что поток воздуха приподнял Эмоса с земли. К счастью, в мощном выдохе дракона не было огня.

Отплевываясь, горец поглядел вверх. Дракон витал в воздухе, вертясь и спазматически дергаясь, явно потеряв

контроль над собой, с воплем, как будто третьесортное сопрано репетировало Вагнера, уносился он к далекой луне.

Безумный Эмос поднялся, отряхнул пустой череп пумы, служивший ему шапкой, и смотрел на небо, пока последние завывания не умолкли. Маленькая, мерцающая в звездном небе точка исчезла из поля зрения и из бытия. Из лужи на берегу донеслось ржание Бесценного.

Сев на корточки, Эмос поднял слиток. Он не смотрел на вязь знаков, старательно нацарапанных им на земле. Они должны были отвлечь внимание дракона, что и было сделано. Он, конечно, заметил, что Светлое Тело — Черное Сердце их внимательно изучал. При всем своем угрожающем виде он, как все подобные существа, был осторожен. Он только тогда «клюнул», когда убедился, что Эмос не обладает магическим оружием. Простого же огнестрельного оружия ему было нечего бояться. Эмос вытащил из-за щеки вторую, неиспользованную пулю и осторожно разрядил огромный патрон. Из него высыпалась горстка пыльцы. Держа ее на ладони, осторожно, чтобы не вдохнуть, он сдул ее одним дуновением. Смесь была та же, что и в патроне, посланном в Светлое Тело — Черное Сердце: концентрированный мескалин, пейтоль особо редкого вида, дистиллированный сок из особого гриба, листья коки из Южной Америки — множество мощных галлюциногенов, а также порошок из рога некоего магического существа, не принадлежащего к этому миру — смесь, однажды составленная в его присутствии старым шаманом племени навахо, когда Эмос много лет назад побывал в каньоне де Челли.

Эта смесь не была собственно магической, но не была она и вполне реальной. Дракон был прав: у Безумного Эмоса не было заклинаний, чтобы убить его, и дракон не был убит. Но он больше не мог жить в реальном мире. Через месяц, когда последствия дьявольской смеси пройдут, и к Светлому Телу — Черному сердцу вернется способность соображать, он может и пожалеть, что не умер. В одном можно быть уверенным: дракон может почувствовать жажду золота, но он не вернется на охоту за ним в Колорадо.

Он осторожно упаковал свои с виду скромные сумки и приготовился уходить, внимательно глядя на небо. Вновь по-

явились тучи. Скоро пойдет снег, который так не прекратится до апреля.

Но у него еще есть два — три дня. Ему надо, не теряя времени, покинуть горную высь, и такая возможность у него есть.

Уперев руки в бока, он крикнул в сторону реки:

— Э-эй, Бесценный! Ко мне, несчастное ленивое создание! Вылезай из грязи! Зима наступает на эту дьявольскую землю, как говаривал Бриджер. Думаю, не надо дожидаться, пока здесь будет то же, что и внизу.

Неохотно повинуясь, пегий объект этих заклинаний поднялся и покосился на хозяина. Безумный Эмос с любовью поглядел на своего четвероногого товарища.

— Что делать с этим пятном на лбу? — проворчал он. — Этот чертов рог опять начинает расти...

Перевод С. Луговского

ДЕРЕВНЯ ИЗБРАННЫХ

Мой добрый друг Билл Смайт когда-то был славным крысоловом («экспертом по контролю за грызунами» миссии ООН). Он покончил с этим, проведя несколько лет в Сомали, ожидая, когда местные жители научатся современным средствам истребления грызунов. Этого не произошло. (Они говорили:« Аллах нам даст», — и он, видимо, действительно давал... В форме иностранной помощи и экспертов, вроде Билла). Тогда он и уехал.

Сейчас он учит танзанийцев справляться с их поголовьем грызунов, и пишет с большим облегчением, что они отнеслись к своим проблемам значительно серьезнее. Там гораздо лучше оборудованная эпидемстанция, и хотя Дар-эс-Салам — не Лондон и не Нью-Йорк, там все устроено приличнее, чем было на станции в Могадишо.

Никогда не знаешь, что может случиться с тобой в таком изолированном месте, как Могадишо..

* * *

Гарли Викерс ненавидел Могадишо. Не то, чтобы ему не приходилось работать в худших местах. Взять, например, Кампалу под Иди Амином, где он еле выпутался невредимым из скверной истории. Или Соуэто в Южной Африке, огромное черное гетто, океан нищеты и отчаяния, обреченный на то, чтобы однажды взорваться оргией насилия, какого не было в Африке со времен Зулусских войн.

Нет, он служил репортером и в худших местах, чем Могадишо, но едва ли вспомнит место скучнее. За свежими фруктами, достойной едой, более или менее надежными ново-

стями, по хозяйственным нуждам, надо отправляться через границу в Найроби. В Могадишо этого не найдешь.

Единственной его радостью были путешествия по девственному побережью, тянувшемуся на сотни километров к северу, к Аденскому заливу. Сомалийское побережье так же богато красотой, как страшно, беспросветно бедны его жители.

Бедность их еще возросла вследствие нескончаемой, казалось, войны со строптивым и таким же нищим соседом — Эфиопией. Потоки беженцев устремлялись туда и сюда вдоль спорных пределов пустыни Огаден, истощая до предела экономику, которая и всегда-то была слабой.

Викерс был наполовину англичанином, наполовину американцем. Он провел в Африке в качестве корреспондента ЮПИ двадцать лет, разрушивших его былой идеализм, когда он понял, до каких крайностей может дойти человек в своем идиотизме. Белый или черный, все равно. ненависть вместо понимания. Подозрения вместо диалога. Ему все надоело.

Четыре месяца он провел в Могадишо, сочиняя репортажи об усилиях на пути к миру в Огаденском районе. Ему нужно было уехать, куда угодно. В Каир, если повезет, в Найроби, даже в сумасшедший и всегда неспокойный Лагос. Лишь бы не здесь, думал он, пробиваясь сквозь рыночную толпу к месту своего жительства. Он смертельно устал от коррупции и претензий, с которыми сталкивался, когда работал над своими репортажами. К тому же он написал уже все, что возможно, о положении в Сомали. У него достаточный опыт работы, чтобы понять, когда то, что он делает, утрачивает актуальность.

В это-то время он свернул, обойдя прилавок, и чуть не сбил зеленую женщину.

Когда она споткнулась, ее чадра откинулась, показав лицо, которое было зеленым, как изумруд, и цвет был насыщенным и красивым. Она поспешно набросила чадру и юркнула в толпу. Викерс изумленно глядел ей вслед.

Потом, расталкивая покупателей, бросился ей вслед.

— Эй... погодите... постойте минутку, — он знал, что она слышит его, потому что она не раз оглядывалась и видела, что он все еще гонится за ней. Густая толпа мешала ему бежать, но позволяла держать ее в поле зрения.

Он понял, что потерял ее на другой стороне базара, где она

вместо того, чтобы отправиться в путь, используя верблюда или ослика, запряженного в тележку, села в «джип» последней модели. Водитель нажал на акселератор, машина затарахтела по узкой улочке, обдав ошеломленного Викерса пылью.

Видение не исчезло, как на проходил и шок. Лицо женщины все стояло у него перед глазами. Но поразила его не столько ее особая красота, сколько необычайный цвет лица. Это не был оливковый эгейский цвет, или кофейный, как у большинства матисов — жителей Могадишо, но светлый, веселый зеленый цвет, как на параде в честь дня Св. Патрика.

Если это благодаря макияжу и раскраске, то это — самая замечательная работа, которую он видел. Когда она моргнула при их столкновении, он заметил, что даже ресницы у нее были такие же зеленоватые.

К счастью для него, как подарок Аллаха, вознаграждение за его бессрочную службу, его ждало свободное такси. Нетрудно было проследить за их машиной. В Могадишо машин было немного, и они обычно держались ближе к набережной или дипломатическим кварталам.

Водитель зарабатывал плату за проезд, пока они гонялись за «джипом» по узким мощенным аллеям и грязным авеню. Только когда они выехали за городскую окраину, шофер остановился.

— Простите, эффенди, дорога дальше не идет, и я дальше не иду. — Его английский был ломаным, но точным.

Викерс понимал: спорить бесполезно. Дальше ехать на и без того заезженном «ситроене» было нельзя. Дорога годилась только для верблюдов и для «джипов» . По этой разбитой дороге на такси и мимо не проедешь. Викерс подождал пока «джип» не скроется за горизонтом, и только потом приказал ехать назад в город.

Всю ночь ему снилось это блестяще зеленое лицо. В остальном у этой женщины были классические черты лица, характерные для этой части Африки, частично — негритянские, частично — арабские, тонкая экзотическая смесь.

Обязанности журналиста давали ему известную свободу. Поскольку он сдавал работу в срок и не перерасходывал средства, в остальном он мог свободно передвигаться и сам

выбирать темпы. Его ближайший начальник сидел на Флит Стрит.

Я найду им кое-какой интересный материал, подумал он. Светло-зеленая леди — это вызовет интерес и в «Таймс» и в «Дейли Ньюс», и в «Стар»

Не будет особо сложно проследить, куда могла поехать машина из города. Машины вне города — такая же редкость, как человечность. Не такая уж страшная задача. Не раз он неделями торчал в зарослях кустарника, ночуя в собственном «джипе» .

Прежде, чем уехать из Могадишо, он взял с собой столько продуктов, воды, горючего, чтобы хватило на месяц, хотя и не собирался так задерживаться. Насколько он успел разобрать, столица сама далеко не была так снабжена.

Дорога лежала через Балад, вдоль Вади Шебелл, по большей части сухой в это время года. Температура там была адская. Кондиционер в «джипе» гудел от перегрузки.

Согласно справкам по дороге, ему пришлось свернуть на побережье к северу, недоезжая Джохара, чтобы потом ехать через Марек и Харадеру. Даже верблюжья тропа была хорошей дорогой в этой глухомани.

В Оббии капитан имперской армии пытался сам распорядиться его запасом горючего. Только удостоверение ЮПИ и правительственный пропуск дали ему возможность проехать на Иддан. Он подъехал уже к провинции Мигуиртина, так ничего и не найдя, и подумывал, не придется ли ему ехать до Кейп-Гвардафуи. Ему было душно, он устал, и уже начал задумываться, что делать дальше, когда снова увидел зеленую женщину.

Правда... это была другая женщина.

Он увидел, что как торговала рыбой на одной из подставок из пальмовых ветвей в районе порта в рыбацкой деревне Гарад. Ее чадра была откинута, из-за жары, как ему подумалось. Может быть, некогда она была красивой, но годы и трудная жизнь иссушили ее кожу. Она была много старше той, из-за которой его принесло сюда.

Но более удивительными были двое зеленых детей,

игравших на берегу, бегая в компании нормально окрашенных сверстников, время от времени возвращаясь, чтобы попрыгать у ног пожилой женщины. Наверно, их бабушка, подумал Викерс, останавливая свой «джип» .

Дети окружили машину, стали трогать ее, осматривали грязные шасси. Гарад — заброшенное местечко, и вездеход здесь — такая же редкость, как и его белый водитель. Пока Викерс изумленно изучал зеленых детей, он понял, что о раскраске или макияже не может быть и речи. Им было семь-восемь лет, ясноглазому мальчику и капризной маленькой девочке, и оба они были зелеными с головы до ног. Только глаза, волосы и ногти не были этого экзотического цвета, хотя и ногти казались зеленоватыми.

Викерс вылез из машины и запер дверь, потом улыбнулся детям. Они смотрели на него невинными глазами, чуждыми хитрости. Девочка сосала палец и жалась к мальчику. Наверно, брат и сестра.

Он попробовал заговорить с ними на суахили, надеясь, что этого хватит. Его арабский был сносным, а амхарский — куда хуже. Они поняли его. Он спросил, откуда они. Они показали в глубь земли. Женщина, которая торгует рыбой — их бабушка? Нет, тетя. Мгновение он колебался. А почему они такого необычного цвета? Потому, что они имеют счастье быть среди избранных.

Это, видно, — нечто вроде секты. Что-то новое и интересное появилось в пустыне Северного Сомали. При этом в поведении детей не было никакой таинственности или скрытности. Они были защищены от внешнего мира, их изоляцию трудно было себе представить лондонцам или даже жителям Найроби. Только случайная встреча на многолюдном базаре приоткрыла для Викерса их святилище. Там, в глубине, говорят они. Нельзя ли уточнить? Здесь, где самый быстрый транспорт — ишаки и верблюды, это, как ему было ясно, не очень далеко. Да, они говорили: Мзунгу. Надо только ехать вдоль Вади Омад туда, где садится солнце, чтобы попасть в поселок Избранных, где все они и живут.

Это — не настоящие кочевники, подумал он. Он поблагодарил их и сел в машину. Смеющиеся дети бежали вслед за

машиной, пока он не свернул за последним прилавком с рыбой и не повернул в указанном направлении.

Местность, по которой он ехал, была почти пересохшей, только небольшой ручеек, похожий на серебряную нить, струился по ней. Антилопы разбегались при приближении машины, но он не обращал на них внимания.

Было уже почти темно, когда он выехал из небольшого каньона. Длинные тени легли на тропу. Начиналась саванна. Колючая зеленая поросль боролась за влагу в земле. Жесткие кустарники служили приютом для змей и сумчатых крыс. Над всем этим возвышались три скелета ветрянных двигателей.

Не похожий на Дон-Кихота в своем «джипе», Викерс нахмурился, подъезжая к грязным каменным постройкам под этими башнями. Вряд ли здесь, так далеко на север, есть европейские форпосты. Все центры беженцев — дальше в глубь страны, вдоль эфиопской границы, или научных станций.

Ветряки были неодинаковые. Один служил как водокачка, два использовались для генерирования электричества. Здесь было необычно прохладно. Устойчивый бриз дул с моря. Утром ветер, может быть, переменится и земля опять нагреется.

Несколько огоньков зажглось в самом большом строении. Оно было одноэтажным и собранным из гофрированной стали, местного камня и земли. Лес в этих краях — величайшая редкость.

Он остановил «джип» и вылез. Слева, в зарослях кустарника, скрывалась местная деревушка. Он стоял, любуясь наступающей африканской ночью, и тут услышал какой-то шорох или шепот. Он обернулся, поднял голову и остолбенел.

Наверно, все население деревни взобралось наверх — мужчины, женщины, дети. Они смотели на заходящее солнце, закинув головы и простирая вверх руки. Какой-то местный шаман или вождь задавал ритм их гипнотическому напеву. И все они были голые и ярко-зеленые.

Кто-то похлопал его по спине. Затаив дыхание, он обернулся, его рука инстиктивно потянулась к кобуре пистолета на поясе. Но он так и не вытащил его. Это была та самая женщина, которую он видел в Могадишо.

Она была без чадры, в защитного цвета рубашке, широких

брюках и в сандалиях. Лицо и руки у нее были такие же зеленые, как у поющих жителей позади.

— Вы очень настойчивы, сэр, — сказала она по-английски с сильным акцентом.

Он механически убрал руку с кобуры.

— Что это за место? Кто вы и что это за люди? — он показал на деревню, — И почему все здесь похожи на листья салата?

Она замялась на мгновение, потом рассмеялась:

— Вы очень забавный человек, сэр.

— Надеюсь, — сказал он, поняв ее по-своему, — я вас ни чем не обидел?

— Ничем. Пойдемте. — она показала на большой дом. — Вы должны встретиться с Кобансами.

Ему сначала послышалось «с кубинцами», и он испугался. Она улыбнулась ему светлой улыбкой. Зубы ее были не зеденными, а замечательно белыми.

— Пожалуйста, сэр, вам они понравятся, старые мистер и миссис.

Мистер и миссис. Звучало не очень угрожающе. Он пошел за ней. В конце концов, не напрасно же он проехал такое расстояние в одиночестве, чтобы уехать, уже будучи у цели.

— Скажите, — спросил он, когда они подошли ко входу в главное здание, — вы... и все эти люди — «избранные» ?

— О, конечно, сэр. Так нам говорит миссис доктор. — Потом она гордо добавила:

— Меня зовут Рала. Я говорю по-английски и читала настоящие книги, поэтому я — их помощница. Меня они посылают в город за покупками.

— Вы не только хорошо говорите по-английски, Рала, вы еще очень красивая.

— Спасибо, сэр, — щеки ее зарумянились, то есть приобрели самый удивительный изумрудный цвет.

В комнате, куда она ввела его, не было ничего таинственного. Мебель была местная, ручной работы и удобная. Радиокомбайн стоял на книжном шкафу, приглушенно проигрывая песенку Шаде. Комната освещалась лампочками, получавшими энергию от ветровых батарей.

Пожилая европейка сидела на кушетке, листая какую-то

книжку. Когда они вошли, она подняла голову, так же, как и мужчина, сидевший за столом. Обоим, как подумал Викерс, было лет по шестьдесят-семьдесят.

Мужчина встал, чтобы приветствовать его.

— Здравствуйте, здравствуйте. Вы — первый гость у нас с Мэри за последние годы. — Он с улыбкой протянул ему руку. К облегчению Викерса, она была такого же цвета, как и его собственная.

— Я Валтер Кобанс.

— А я — Мэри, — сказала похожая на бабушку женщина на кушетке.

— Гарли Викерс. Юнайтед Пресс.

— Журналист? Да, да, я, кажется, читала ваши статьи, мистер Викерс, — сказала миссис Кобанс. — Вы много занимались проблемой беженцев. — Викерс кивнул. — Вы произвели на меня впечатление честного и понимающего человека.

— Я пишу то, что вижу, — сказал он смущенно.

— А что вы видите сейчас?

— То, чего я не понимаю.

Она по-матерински улыбнулась.

— Вы, конечно, устали, мистер Викерс. К тому же хотите пить и проголодались. Я уже не помню, сколько времени у нас не было гостей к ужину. Так как вы проделали весь этот путь, конечно, не для того, чтобы вернуться с пустыми руками, мы должны вам многое объяснить. Поэтому вам придется принять наше гостеприимство.

Он не мог не улыбнуться в ответ. Если здесь и есть какая-то тайна, то едва ли опасная. Кроме того, ему опротивело есть одни консервы.

— Я подчиняюсь вашему требованию.

— Прошу вас, садитесь рядом со мной.

Викерс сел. Ее муж удалился в заднюю комнату и возвратился с тремя высокими бокалами. Он протянул один Викерсу.

Репортер осторожно отпил из него, потом глаза его загорелись, и он стал пить от души.

— Лимонад! Со льдом! Дай вам Бог здоровья. Где вы достаете его?

— Привозят на катере с юга, — ответил старик. — Рала делает для нас все возможное в Могадишо, но вы же знаете, как ограничены ресурсы в городе. Настоящую еду надо искать много дальше. Лимоны поступают на торговом суденышке из Малинди.

— Не считая морских продуктов, — вставила его жена. — Здесь мы достаем лучшую морскую пищу, омаров на ужин. Рала!

Девушка кивнула, поморшившись и вышла в другую дверь.

От одной мысли об омарах у Викерса потекли слюнкип.

— Что вы! Не стоило идти на такие расходы ради меня.

— Расходы? Милый мальчик, омары здесь дешевле лука. Ешьте на здоровье.

Он вспомнил выражение недовольства у девушки:

— Когда вы предложили основное блюдо, Рала поморщилась. Она не любит омаров?

— Не особенно, — ответила Кобанс, — дело вкуса. Понимаете, дело в том, кто к чему привык.

— Ну, думаю, мне такая еда никогда не надоест, — ответил Викерс. Холодный лимонад показался ему настоящим чудом. — Вы обещали дать мне понимание, миссис Кобанс. Для меня это значит информацию и пояснения. Я надеюсь их от вас получить. Скажите, что это за деревня и почему люди здесь сами себы называют «избранными» ? Почему они все зеленые? и какие деяния вы совершаете в этой забытой Богом стране? — Он потер слипающиеся глаза.

Муж с женой обменялись взглядами.

Кобанс сел на стул напротив кушетки и сказал.

— Мы с Мэри прежде работали в Аризонском университете, в Таксоне. Значительную часть времени мы работали по ночам, только вдвоем — из-за противоречивого характера нашей программы. Мы пытались публиковаться, но встречали только недоверие и пренебрежение. Это часто бывает в науке, в любой ее отрасли. Мы продолжали работать. Получилось так, что кончились наши фонды, и мы должны были оставить преподавание.

Предмет наших интересов — жизненно важная область пищевых ресурсов, мистер Викерс, в особенности в смысле поправки тяжелого положения в пустыннх районах земли. По-

этому мы начинали работать в Аризоне. Мы долго работали в Джоджоба и с другими растениями пустынь, потом поняли, что мы подходим к проблеме не с того конца, что сотни раз бывало с учеными.

Через шесть лет мы изменили фокус наших исследований, уверившись, что нашли, наконец, способ преодолеть все сложности с продовольствием в мире. Мы снова встретились с тем же жестоким равнодушием и враждебностью, что и раньше. Невозможно, мистер Викерс, заниматься конструктивной работой в обстановке издевательств.

Поэтому мы стали искать место, где могли бы спокойно работать и найти какое-то применение нашей теории. Мы приехали сюда, когда его нашли, мистер Викерс. Уроженцы Гала — достойные люди, но вы не можете поделиться тем, чего у вас нет. Сейчас наша программа финансируется некоторыми дальновидными богатыми аризонцами, они обеспечивают нам возможность постоянной работы. Великие люди, мистер Викерс. Я сообщу вам их имена для вашего будущего очерка.

— Я должен буду написать очерк? — пробормотал он. Рассказ старика был интересным, но пока он не дал Викерсу реальных ответов. Они намеренно их избегают, или Кобанс просто болтлив? Он снова потер глаза. Видимо, длинное и нудное путешествие сильно утомило его. Он не был даже уверен, что не заснет до ужина.

— Да, мистер Викерс, — продолжал Кобанс. — Мы с Мэри считаем, что пора это сделать. Ваше появление здесь можно было бы рассматривать, как судьюу, если бы я верил в подобные вещи. И Мэри читала ваши работы и высоко их оценивает. С меня этого достаточно. Вы расскажете миру о нашем небольшом успехе в этой пустыне. Мы выполнили то, что надеялись выполнить.

— Что же это? — спросил Викерс. — Новая религия? Когда я приехал, то видел голозадых жителей вашей деревни. Песнями не заполнишь пустоту в желудках людей.

Кобанс и его жена радостно засмеялись:

— Мистер Викерс, пение — это только забава. Это не так важно для процесса.

— Для какого процесса? — пробормотал Викерс. Он почувствовал, что действительно страшно устал.

— Они не молились, — сказал Кобанс, — они ели.

Викерс уставился на него:

— Ели? Что ели?

— Можно сказать, ужинали. Старые привычки не отмирают так легко. — Его жена с пониманием посмотрела на Викерса. — Наверно, вам будет понятнее, если я подробнее объясню в чем дело. Я — генетик, а Валтер — микробиолог. Когда мы много лет назад перестали работать с растениями пустыни, мы сконцентрировались на планктоне. Это элементарные океанические формы жизни, поддерживающие существование многих обитателей моря. Мы подумали о возможности разведения планктона в прудах с соленой водой в районах пустынь и использовать его для питания.

В процессе работы мы обратили внимание на интересное и достаточно распространенное кишечнополостное «гидра виридис». Эта гидра, в отличие от ее сородичей, сосуществует в симбиозе с удивительной морской водорослью хлореллой. Хлорелла фотосинтетична, мистер Викерс, но это еще не все. Она вырабатывает пищу не только для себя, но достаточно для того, чтобы поддерживать жизнь хозяина.

Когда хлореллы нет, эта гидра вынуждена есть плотскую пищу, как ее белые сородичи. — Тут ее муж поднялся и снова вышел в заднюю дверь.

— Мы очень взволновались, мистер Викерс, — продолжала она, — мы подумали: как было бы замечательно с помощью генной инженерии вывести породу хлореллы, способную к симбиозу с человеком. И мы достигли успеха. Выход продукции с пахотных земель — больше не проблема, мистер Викерс. Страны вроде Индии и Китая могут теперь иметь сколь угодно огромное население, каждый житель Земли может всегда обеспечить себя питанием.

Подумайте о попутных эффектах нашего открытия. Каждый человек приобретет приятный зеленый цвет. Больше не нужно выкармливать и убивать животных для питания. Мы очень гордимся нашими достижениями, мистер Викерс. Вы порицаете нас за это?

— Если вы так этим гордитесь, то почему вы с мужем сами

не воспользовались преимуществами вашего открытия? Или это подходит только для невежественных беженцев? И вы хотите, чтобы я этому поверил?

— О, мы и не ожидали, мистер Викерс, чтобы журналист вашего уровня и опыта поверил во что-то, не получив неопровержимых доказательств. Не сомневайтесь: вы получите такие доказательства. Что же до вашего первого вопроса, — продолжал Кобанс, — то я с сожалением должен сообщить, что к людям после пятидесяти — пятидесяти пяти лет (мы сами еще точно не знаем этой черты) — водоросль уже не адаптируется. Мы думаем, это связано со снижением фибробластовой продуктивности при старении организма. Если человек моложе пятидесяти, не составляет особого труда индуцировать водоросль на кожный покров. Больше того, водоросль эмбрионически передается новорожденным. Хлорелла реагирует даже на искусственный свет, что позволяет производить питательные вещества ночью, если пожелаете.

Викерс откинулся на кушетку, глаза его слипались.

— Еще лимонада, мистер Викерс?

Лимонад. Ледяной лимонад. Как я устал, Если бы не эта усталость, не задержался бы. В соседней комнате приготовят лимонад...

— Как, — сказал он хрипло, быстро проваливаясь в темноту, — вы говорили... я думал... рассказывать вашу историю?

— О, вы нас неверно поняли, мистер Викерс, — сказала она, как бы внушая ему это и глядя на него взглядом медика. — Мы не причинили вам никакого вреда. Мы просто усыпляем вас. Вам ведь нужен хороший ночной сон, не так ли? Утром вы получите доказательство, необходимое для вашей работы. Подумайте, какие будут заголовки: «ПОБЕДА НАД ГОЛОДОМ!» , «БОЛЬШЕ НЕТ НЕХВАТКИ ЕДЫ!» , «ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СПАСЕНО!» . Подумайте об этом, мистер Викерс. Вы станете знаменитейшим журналистом в истории. Это уже от вас не зависит...

Проснулся он от утреннего солнца, пробивавшегося сквозь жалюзи. Он был в настоящей постели, с матрасом и чистыми простынями. Он быстро вспомнил минувшую ночь. Лимонад,

молитва, улыбки стариков, которые оказались не так просты, снадобье, потеря сознания. он быстро сел, обрадованный, что способен это сделать. Ради проверки согнул в суставах руки и ноги. Все работает. Не совсем обычно только какое-то пощипывание правой руки у локтя.

Он посмотрел на правую руку и заорал.

Озабоченный Валтер Кобанс появился в дверях:

— Вы пугаете нас, мистер Викерс. Что с вами?

— Что со мной? Что со мной! Посмотрите на меня!

Кобанс профессионально взглянул на него.

— Прекрасный вид, мистер Викерс, если позволитн так выразиться.

Викерс, закрыв лицо руками, вертел головой и стонал:

— Почему? Почему я? Зачем вы сделали это со мной?

— Не переживайте, мистер Викерс. Вы ведь сильный человек. Иначе бы вам не прожить столько лет в Африке. Вы сможете справиться с небольшим паразитом вроде водоросли. Кроме того, этот эффект не вечен. Если вы проведете несколько недель в темноте, к вам вернется прежняя, бесполезная окраска. Помните наш разговор вчера вечером. Мы пообещали дать вам бесспорное доказательство нашего открытия. Вам оно потребуется, чтобы убедить ваших лондонских издателей. Только так они поверят вам. Вам вынуждены будут поверить даже скептики в научном мире, которые смеялись над нами: ведь вы будете неделями обходиться без еды, не чувствуя голода и не теряя в весе. Они поверят вам — живому доказательству, мистер Викерс.

— Какие есть побочные эффекты? — выдавил из себя Викерс.

— Мы изучаем этот симбиоз уже много лет. У него нет вредных побочных эффектов. Если бы не изменение цвета кожи, вы бы и не почувствовали хлореллы в своем организме. Да, вот еще. Вы заметили неприятие Ралы, когда речь зашла об омарах на ужин? Вы в недалеком будущем увидите, что мысль о плотной пище вызывает у вас тошноту, не считая некоторых безвкусных витаминов и минеральных добавок: фотосинтез все же не снабжает организм абсолютно всем необходимым.

Викерс облизал губы и мрачно сказал:

— Но я люблю все это: омаров, котлеты, жаренных цыплят.

— Поверхностное удовольствие, не более. Сами увидите. Зато больше никакого беспокойства о пропитании, мистер Викерс. Подумайте об экономии денег. Подумайте о времени, сэкономленом ежедневно: вам потребуется всего лишь недолго пробыть на солнце, и вы сыты на весь день. Фотосинтез — пожалуй, не самый приятный способ питания, но высокоэффективный.

Не обращая внимания на свою наготу, Викерс слез с постели и подошел к высокому зеркалу на стене. В изумлении глядел он на свое зеленое отражение. Теперь, когда первый шок стал проходить, ему было почти приятно глядеть на этот мягкий пастельный цвет. Если он вдруг войдет в лондонский офис, они могут верить ему или нет, но не заметить его не смогут. Интересно, а Рала нашла бы его привлекательным?

— Не переживайте, мистер Викерс, — продолжал успокаивать его Кобанс. — Знаете, я вам завидую. Мы с Мэри, первооткыватели, делали черную, неблагодарную работу. Вы — провозвестник нового века, вам есть чем гордиться. Прежде, чем вы умрете, все станут такими, как вы. Все станут избранными.

Викерс уже думал, что старик прав. Система была слишком эффективной и полезной, чтобы пренебречь ею. Препятствовать тому, чтобы она стала общепринятой, могут только психологические проблемы, а он теперь, как и Кобанс, был уверен, что это — предопределимо. Да к тому же наш организм — и так резевуар живых существ, от простейших бактерий до более сложных организмов. Почему же возражать против новых «гостей» , особенно столь полезных как хлорелла?

«И потом, подумал он, — такой красивый цвет!»

Кобанс с облегчением заметил перемену в госте.

— Не так плохо, правда? Мы просто становимся одной из наших многочисленных фантазий, мистер Викерс, и какая, оказывается, это многообещающая фантазия. Помните, все болтали про этих зеленых человечков из космоса? Так вот, *они — это и есть мы!*

Перевод С. Луговского

СВЕТЛЯЧКИ

Уэллсу было, конечно, жалко терять колесо. Но в сражении с ухабистой дорогой победила, как всегда, дорога, и теперь одна четвертая ходовой части машины в виде бесполезного резинового бублика жарилась на солнце у старой заправочной станции компании «Шеврон». Худощавый молодой человек в джинсах, смазочном масле и прыщах крутил камеру в баке с водой. Солнце уже клонилось к западной границе Нью-Мексико, и в его косых лучах смазка на руках механика отливала темным блеском.

— Она вся порвана, мистер. Это не просто прокол. Видите?

Уэллс заметил цепочку воздушных пузырьков, бегущую из опущенной в воду камеры.

— Вижу. И что мне теперь делать?

Механик выпрямился.

Когда Уэллс добрался до станции, он сразу ощутил искреннее дружеское участие — в таких маленьких городках это для автомехаников, пожалуй, типично. Во всяком случае, никаких сомнений в его честности у Уэллса не возникало: через дыру в камере без труда могла бы пролезть крыса.

«Однако жарко здесь, черт побери, — подумалось Уэллсу. — Даже в пять вечера».

— Завтра я привезу вам новую из Карризозо, — обнадежил его молодой человек. — Я бы и сегодня съездил, но уже скоро закрывать, а я сегодня остался один. Мистер Ордуэй уехал в Санта-Фе навестить сестру.

— Выходит, мне придется здесь заночевать...

Платить за буксировку аж до Карризозо получилось бы слишком дорого, да и пойди найди еще в пятницу вечером

кого-нибудь, кто согласится ехать в такую даль, а потом обратно.

Уэллс посмотрел в сторону городка — всего-то несколько десятков домов да магазины. Их очертания еще дрожали в прогретом за день воздухе, но солнце — неумолимый враг — слава Богу, уже опускалось, скрываясь за обломанными зубьями кряжа Мальпаис.

— В городе есть мотель?

— Да, сэр, — механик обернулся, смущенно вытирая руки тряпкой, на которой было больше масла, чем у него на ладонях, и указал на север. — Пройдите по шоссе один квартал... Это короткий квартал, — добавил он, припомнив, очевидно, городское произношение Уэллса. — Потом повернете на Би-стрит направо, и через два квартала будет «Мескальеро». Рядом кафе с таким же названием.

— Это хорошее кафе?

— Это единственное кафе. Хотя примерно в миле к югу есть еще ресторан «Стакис», и если вам не лень...

— Спасибо. Видимо, я остановлюсь в «Мескальеро». — Уэллс скорчил физиономию и пнул злосчастную шину ногой. — Завтра мне во сколько заглянуть?

— Трудно сказать. — Механик пожал плечами. — Все зависит от того, во сколько вернется мистер Ордуэй. Мне придется ждать его, чтобы закрыть станцию.

— Ладно. Понятно. Купи «Гудрич», если там будет выбор. И спасибо еще раз.

Механик вежливо ответил «Всегда пожалуйста», но Уэллс уже повернулся и зашагал к городку. Когда он свернул с шоссе, солнце выглядывало из-за горизонта лишь окрашенным в кроваво-красный цвет верхним краем. Оказалось, Би-стрит тоже асфальтирована. По обеим сторонам улицы стояли аккуратные маленькие домики: черепичные крыши, белые оштукатуренные стены, обязательный кактус во дворике и гараж отдельно от дома. Никаких заборов не было. Навеянное поломкой представление о «глухомани» постепенно рассеивалось: Уэллсу приходилось бывать и в более диких местах. Однако он продолжал злиться на себя: «Ну конечно, тебе просто необходимо было свернуть с отличного шоссе между штатами. От Лос-Анджелеса до Далласа и без

того Бог знает сколько миль, так нет же, тебе нужно добавить еще! Приспичило посмотреть неизъезженные места, увидеть невидимое, прикоснуться к нетронутому..»

К городку Агуа-Кальенте это относилось в полной мере и не без основания: кроме удаленности от цивилизации его жителям похвастаться было нечем, а на американском западе это не бог весть какая радость. Интересно, подумал Уэллс, где тут горячие ключи, от которых городок получил свое название? Ведь должны же быть...

Уэллс заметил пересекающего дорогу тарантула. Тот двигался короткими перебежками, словно какой-нибудь клерк из рекламного агенства, пытающийся перебежать дорогу в час пик. Заметив человека, паук остановился и угрожающе привстал, вытянув вверх передние лапы. На всякий случай Уэллс обошел его стороной. В Лос-Анджелесе такие не водились, и волосатые арахниды казались ему столь же чужеродными, как, например, пришельцы с Плутона. Паук, однако, воспринял победу сдержанно, без радостных воплей, и, повернув назад, возобновил обход своих владений.

Мотель «Мескальеро» выглядел, как поезд из отдельных коттеджей, выстроившихся вдоль ручья, что отделял городок от дикой холмистой местности. В голове «поезда» стояло здание побольше.

КОФЕ ПИВО ЗАКУСКИ. Кофепивозакуски. Тарабарщина какая-то, подумалось Уэллсу, хотя она и обозначает простые американские радости в придорожных кафе.

Он вдруг почувствовал, что голоден, и зашел внутрь, хлопнув подпружинившей рамой с натянутой сеткой.

Всего два отгороженных столика и еще три в центре зала. У стойки сидели и чесали языками двое стариков — оба древние, один из них с бородой. Должно быть, они встречаются тут каждый день, и все воспринимают их как часть обстановки — вроде кожаной обивки кресел или заляпанного зеркала над кофейной машиной и миксером для молочных коктейлей. Только старый пенсионер в маленьком городишке на западе способен просидеть с одной-единственной чашкой кофе целый день.

Уэллс сел за отгороженный столик и взял меню, воткнутое между солонкой, перечницей и сахарницей. «Мексиканское

особое с чипсами « 3.95. провозглашало меню на весь равнодушный мир. Нет уж, спасибо. Подошла официантка с круглым, словно луна, лицом, и Уэллс заказал мясной паштет в надежде, что он имеет хоть какое-то отношение к говядине.

— Благодарю вас, сэр. — Искренняя, полная улыбка. Вот они, маленькие забытые городки. «Сэр». «Благодарю вас». Свежий воздух и чистые лица.

Ископаемые любители кофе не обращали на него никакого внимания, официантка тоже исчезла за двустворчатой дверью на кухню, и Уэллсу оставалось лишь ждать, глядя в окно.

Как и коттеджи мотеля, кафе стояло на берегу ручья у подножья холма. Сам ручей, берущий свое начало в горах, скрывался за стеной зелени, но его извилистое русло выдавали буйно разросшиеся камыши, сорняки и молодые тополя. Вскоре из кустов появилась мама-скунс с четырьмя детенышами, и все семейство двинулось к воде. Уэллс ни разу в жизни не видел скунса — разве что в зоопарке или на дрянных карикатурах. Пока детеныши пили, скунсиха стояла на страже, а затем они растворились в кустах.

Паштет оказался на удивление вкусным, и, похоже, там совсем не было сои, этого разрушителя американской мечты о быстроприготовленных блюдах. Уэллсу все понравилось — и жареный картофель, и охлажденный чай, заваренный на настоящих чайных листьях, а не на растворимой ржавчине.

Престарелая леди, заведовавшая мотелем, с улыбкой приняла кредитную карточку «Амэрикен Экспресс» — власть этих кусочков пластика проникла даже в такое забытое Богом поселение — и проводила его до коттеджа.

— Вам тут никто не будет мешать, мистер Уэллс, — заверила она его. — Вы сейчас единственный постоялец. В это время года у нас совсем мало гостей. — Хозяйка многозначительно взглянула на дорогу. — У вас есть машина?

— Неподалеку отсюда спустило колесо, и теперь она на заправочной станции. Им придется ехать за новой шиной в Карризозо.

— Ясно. Майкл сегодня один там, потому что Гарри Ордуэй уехал в Санта-Фе навестить сестру. Она, знаете ли, немного приболела. Но Майкл — парень надежный, мистер Уэллс. Завтра прямо с утра он вам и привезет новое колесо.

Простыни на чистой двуспальной кровати пахли лимоном. На полочке в ванной лежало мыло. Через открытое окно доносилось слабое журчание ручейка.

— Спокойной ночи, мистер Уэллс. Крепкого вам сна.

— Спасибо, миссис Эплтон. До завтра.

В силу привычки он долго лежал без сна, глядя на экран черно-белого телевизора. Программа одного-единственного канала вскоре иссякла, но он все равно не мог заснуть. Слишком было тихо на улице. Ручей, конечно, старался, но это не шло ни в какое сравнение с транспортным потоком, что шумел под окнами его квартиры в Санта-Монике.

Потом он расслышал еще какой-то звук. Кто-то прошел по гравию, раздвигая ветки кустов. Явно уже не скунс. Уэллс сбросил ноги с кровати и подобрался к окну. Может быть, ему повезет, и он увидит дикую свинью или пуму, пришедшую на водопой с холмов. На это стоило посмотреть. Света половины луны вполне хватало — камни у ручья залило бледным серебром.

Звук повторился, но на этот раз до него донесся еще и смех. Уэллс скривился и повернулся к кровати. Ну конечно, напомнил он себе, пятница. Местные подростки гуляют: завтра никуда вставать не надо. А если они будут сильно шуметь, всегда можно пожаловаться хозяйке. Впрочем, ему совсем не хотелось будить эту милую женщину...

Что-то вдруг привлекло его внимание. Уэллс повернулся к окну и похолодел. По сухому противоположному берегу ручья бежала девушка в простом белом платье и сандалиях. Время от времени она оборачивалась через плечо и смеялась. Светлые вьющиеся пряди волос взлетали в воздух при каждом движении. Лицо у девушки было бледное, словно опускающийся над ручьем туман, и по-настоящему красивое — она совсем не походила на липовых красавиц с обложек «Вог» или хищниц из «Космополитэна», нет, скорее на ум приходило сравнение с белым национальным памятником к югу от городка.

Но девушка светилась, словно факел.

Зыбкое, зеленовато-желтое сияние — будто солнечный луч, чуть тронутый лимонным цветом — неуловимое и в то же время мощное и реальное. Светилась не одежда и не ка-

кой-нибудь компактный фонарь, спрятанный в кармане, — свет излучали ее щеки, ее ноги, пальцы рук и даже волосы.

Конечно, это не призрак, уговаривал себя Уэллс на удивление спокойно. Разумеется, нет. Призрак в сандалиях и синтетике? Здесь, между Оскурой и Карризозо, совсем рядом с шоссе номер 54?.. Боль в груди напомнила ему, что надо дышать.

Он наклонился вперед и прижался носом к колючей сетке на окне, следуя взглядом за светящимся чудом. Сердце его стучало, пальцы до боли впивались в подоконник. Его тянуло к девушке. Боже, как его к ней влекло...

Она скрылась за поворотом ручья, и ее смех растаял в радостном журчании воды. Над камнями промелькнуло вверх-вниз слабое пятно света, словно кто-то посветил лучом фонаря, а затем и оно исчезло.

Уэллс медленно, нехотя вернулся в постель. Он сжимал веки что было сил, пока из глаз не потекли слезы, но нет, ему не приснилось. Его зовут Хаскелл Уэллс, ему двадцать восемь, и он едет из Лос-Анджелеса, получив должность в местном приложении к «Таймс». У него лопнула шина. Он ел вечером мясной паштет. Видел тарантула, скунсов и призрака... Около трех ночи усталость наконец пересилила недоумение, и Уэллс уснул.

Утром у него появились сомнения. В конце концов, он был репортером, опытным наблюдателем. Слишком много осталось ясных воспоминаний. Таинственное свечение, красота, охватившее его ошеломляющее желание — все эти ощущения по-прежнему витали в памяти, и он то и дело впадал в задумчивость, забывая о завтраке.

— Что-нибудь не так, сэр? — Видимо, его выражение встревожило официантку.

— А? — Он оторвал взгляд от уже остывшей яичницы.

За столиками вокруг доедали свои завтраки местные жители. Маленький городок, все встают рано, подумалось Уэллсу.

— Нет, все в порядке. — Он улыбнулся и, подцепив вилкой кусок яичницы, затолкал его в рот. — Но вчера ночью я, похоже, видел призрака.

— Призрака? — Официантка тоже улыбнулась, однако ей

улыбка далась с некоторым усилием, что Уэллс заметил сразу же. — Здесь? В Агуа-Кальенте?

Уэллс кивнул.

— Там за ручьем, куда выходят окна моего коттеджа. Девушка в белом платье и сандалиях. Светлые волосы до плеч. Она светилась, как огни Святого Эльма. Я же говорю, призрак.

Улыбка официантки стала совсем деревянной. Уэллс повозил вилкой в тарелке, делая вид, что его все это не очень-то и заинтересовало.

— У нас здесь нет никаких призраков, мистер, — сказала официантка — пожалуй, слишком поспешно. — Если бы они здесь были, то увидели бы апачей. В здешней горах живут их души.

— Апачи тут ни при чем. — Уэллс откусил кусочек тоста. — Может быть, кто-нибудь из чирлидеров. Я не думаю, что среди мескамеро было много блондинок.

— Ну, значит, никаких призраков вы и не видели, — подвела итог официантка. — Как яичница?

— Отлично. Спасибо.

Она кивнула.

— Если захотите еще что-нибудь, всегда пожалуйста. — С этими словами официантка отправилась обслуживать только появившуюся пару, которая разместилась за столиком у самой стойки. Уэллсу подумалось, что они, видимо, заказывают очень много: официантка разговаривала с ними довольно долго. Когда она отошла, средних лет женщина за столиком сразу же посмотрела в его сторону, но, едва Уэллс поднял глаза, отвела взгляд.

Похоже, в Агуа-Кальенте слишком многие воспринимали всерьез нечто якобы несуществующее. Уэллс считался отменным репортером. Как говорится, хороший нюх на новости. И на этот раз ему почудился очень странный запах — явно «Шанель номер 5».

— Хорошо у вас тут, красиво, — сказал он механику на заправочной станции. — Можешь не торопиться с ремонтом. Мне еще далеко ехать, и я, пожалуй, даже рад отдыху, хотя ничего такого и не планировал. Думаю, я побуду здесь еще денек, а завтра с утра тронусь в путь. На завтра и погоду вроде обещают попрохладнее.

— Да, по шестой программе говорили, что будет прохладнее, — согласился механик. — Рад, что вам у нас понравилось.

Когда Уэллс двинулся обратно к мотелю, механик какое-то время просто стоял и смотрел ему вслед.

В субботу вечером Уэллс старательно делал вид, что собирается хорошенько выспаться. Он разделся, почистил зубы, принял душ, полюбовался закатом и часа два смотрел телевизор, затем перевернулся на бок, выключил свет и еще два часа лежал совершенно неподвижно.

В десять он выбрался из под одеяла и оделся, сидя на полу, после чего подполз к окну с видом на ручей и приготовился ждать. Ждал, время от времени выглядывая над подоконником, пока у него не начали слипаться глаза. Наступила полночь. Час призраков, но на этот раз никаких призраков не было. Уэллс видел змею, снова скунсиху с выводком, и один раз над ручьем пронеслась сова, нырнула в траву, но, видимо, мышь ускользнула, и она улетела прочь, оглашая окрестности разочарованным уханьем.

Однако очаровательная дриада по-прежнему не появлялась.

В два часа он наконец решился. Оконная рама с сеткой поддалась легко и открылась без скрипа. Уэллс соскользнул с подоконника и мягко спрыгнул на каменную подсыпку у дома.

Призрачное существо двигалось с юга на север... Уэллс перепрыгнул ручей всего в метр шириной и, прячась за кустами, пошел на юг. В брюки и носки тут же вцепились острые колючки, но он даже не остановился, чтобы ободрать их, и, ругаясь в полголоса, пробирался сквозь заросли вперед.

Шел он, наверно, около часа, но так никого и не встретил. Однако путающиеся мысли не давали покоя. Да, он действительно ехал долго и один. Да, было жарко, а вокруг все время один и тот же скучный пейзаж. Но даже если бы его богатое воображение создало для разнообразия призрака, то уж никак не в образе блондинки-подростка в платье, заказанном по почте из каталога «Сирс».

Уэллс остановился и взглянул на часы. Четыре утра. Скоро встанет солнце, а он, потратив целую ночь, так ничего и не нашел, и вдобавок, не выспался. Видимо, чтобы отдохнуть

перед дорогой, придется остаться тут еще на одни сутки. И все из-за какого-то смутного подозрения.

Ну их к черту! Призраки, даже очень красивые, не имеют к реальной жизни никакого отношения. А вот работа в Далласе — это очень реально, и нужно быть там вовремя... Он рассерженно пнул ногой камень, поскольку двинуть самого себя было не с руки, и повернул обратно к мотелю. Путь не близкий...

И тут до него донеслась музыка.

Вначале она была едва слышна, звук то стихал, то снова поднимался, однако Уэллс сразу понял, что музыка доносится не из городка. Медленно поворачиваясь на месте, он пытался уловить откуда же. Кенгуровые крысы, притаившиеся неподалеку, настороженно наблюдали за его пируэтами.

Музыка доносилась с востока, откуда-то сверху, и Уэллс двинулся по склону холма. Ни этот холм, ни следующий, еще более крутой, не вызвали у него никаких затруднений: долгие часы, проведенные в теннисном клубе, явно пошли ему на пользу. Когда он подобрался к вершине второго холма, музыка стала заметно громче. Уэллс почувствовал, что вспотел, но совсем не от подъема. Еще несколько шагов, и он оказался на гребне холма, поросшего травой и низким кустарником.

Внизу располагалась котловина с плоским утрамбованным дном из каменных обломков не больше кулака размером. По противоположному склону миниатюрной долины поднималась каменистая осыпь, и там, где она сходила на нет, в теле горы зиял темный пролом, словно какой-то гигант одним ударом топора вырубил оттуда огромный кусок.

Уэллс сразу же увидел ту девушку. У парня, с которым она кружилась в танце, были короткие рыжие волосы, большие уши и веснушки. Самый обычный парень, в джинсах, кроссовках и майке — но он светился на фоне красных и серых камней, словно телевизионный экран.

Они стремительно крутились друг вокруг друга, как факелы в руках самоанского жонглера — два бледных зеленых солнца на орбите с общим центром, танцующая двойная звезда. Когда они брались за руки, пульсирующее сияние становилось особенно ярким, почти слепящим.

Еще пять пар танцевали на каменной сцене — невзрачное,

хотя и немного пугающее место для столь зрелищного сверхъестественного действа. Все двенадцать танцоров излучали одинаковое зеленовато-желтое сияние и кружились, словно живое колесо с шутихами в карнавальную ночь — мелькающий круговорот света и молодого, задорного смеха.

Двенадцать, подумал Уэллс. Двенадцать призраков, танцующих не на острие иглы (или это говорилось про ангелов?), а на оскальпированном склоне холма. В горле у него было сухо, как в лежащей неподалеку пустыне Тулароса. Он смотрел и смотрел, пытаясь заставить себя поверить в реальность происходящего, молча, неподвижно, и только сердце его громко билось в груди.

Они действительно казались реальными — эти игривые молодые призраки. Слишком живыми и красивыми, чтобы спутать их с суетящимися зомби, устроившими свои дьявольские пляски всего в сотне миль от Альбукерке. Но взгляд Уэллса замечал все новые и новые подробности, а мозг продолжал анализировать.

Все танцоры были удивительно красивы, хотя никто из них не мог сравниться с его хрупкой блондинкой. Шестеро Афродит и шестеро Аполлонов. Вместе с зеленовато-желтым светом они буквально излучали здоровье, жизненную силу и привлекательность. Уэллс невольно подался вперед через кусты. Взгляд его неотрывно следовал за извивающейся в зеленом свечении нимфой, и он уже чувствовал ее горячее тело рядом, ощущал сладостный вкус полураскрытых губ, он тонул, растворялся в ней...

И все же что-то в этом бесшабашном веселье было не так. Музыка, под которую они танцевали! Музыка почему-то не соответствовала моменту, просто не вписывалась в атмосферу этого таинственного действа.

«Роллинг Стоунз» играли «Я не могу удовлетвориться» , а когда эта песня закончилась, они же заиграли «Жженый сахар». Уэллс догадался, что играет магнитофон, но никак не мог понять, где он стоит, а потом его горячечный мозг отбросил эти несущественные мелочи в сторону, и перед глазами вновь остались только мелькающие бледные ноги, манящее насмешливое лицо, зовущее к себе, неотвратимо влекущее туда, вниз...

— Мы не желаем вам зла, мистер, но нам обязательно нужно поговорить.

Что-то твердое уперлось ему в спину, и Уэллс медленно обернулся.

Позади него стояли трое мужчин. Двое из них выглядели лет на сорок. Третий был значительно старше, и при свете луны его лицо казалось маской печали.

— Меня зовут Чарли Зиммер, — сказал человек, ткнувший Уэллса двустволкой в поясницу. — Мне будет очень жаль, если придется пристрелить вас, мистер. — Он чуть качнул стволом ружья. — С такого близкого расстояния дыра получится дай Бог. Но если вы согласитесь нас выслушать, я думаю, все обойдется.

— Я не стану сопротивляться, — заверил их Уэллс, но краем глаза продолжал наблюдать за танцорами. Трое мужчин не могли не заметить их, однако они совсем не удивились при виде сказочных светящихся существ, танцующих под звуки рок-н-ролла внизу.

Второй мужчина — в ковбойской шляпе — поковырял в ухе и спросил у пожилого:

— Где мы устроимся, Дюк?

— В мотеле, пожалуй. Там никто не будет задавать лишних вопросов. Рина уже знает. — Старик повернулся к Уэллсу и протянул руку. — Меня зовут Сол Уизерс. Местный врач.

Уэллс пожал протянутую руку, но ствол ружья по-прежнему смотрел прямо на него.

— При других обстоятельствах я бы сразу сказал, что рад знакомству, доктор.

Старик дружески улыбнулся.

— Это еще можно поправить.

Уэллс снова взглянул на призраков. Они продолжали танцевать, оставаясь на виду, и теперь блондинка оказалась совсем недалеко. Ноги ее мелькали, волосы светились живым огнем. Трудно было даже вообразить себе более уникальное и более желанное существо, и желание вдруг заслонило все остальное: и нереальность происходящего, и троих немногословных мужчин, и направленное на него ружье. Уэллса неудержимо потянуло к ней, к свету...

— Чарли!..

Уэллс скатился по склону к танцорам. Подобравшись совсем близко, он вообще перестал замечать окружающее, перед глазами осталась лишь красота, которая, он чувствовал, просто должна принадлежать ему, которая манила его, словно просясь в объятья. Девушка вдруг обернулась и, увидев Уэллса, застыла. Танец тут же оборвался, хотя «Роллинги» продолжали кричать, как и прежде.

Ее партнер шагнул вперед, защищая девушку от незваного гостя. Сам он излучал такое же яркое на фоне темной каменной осыпи сияние. Уэллс занес было руку, чтобы грубо оттолкнуть молодого Адониса...

И тут он узнал под мелькающим, завораживающим свечением прыщавое лицо автомеханика Майкла. Это на какое-то мгновение остановило его, и в тот же момент его с силой ударили по затылку...

Очнулся он на кровати в своем коттедже. Трое мужчин сидели за столом и играли в карты. Затем четвертый голос произнес:

— Он уже пришел в себя.

Хозяйка мотеля отошла от кровати и уже в дверях добавила, обращаясь к старику:

— Я вас теперь оставлю, Док.

— Спасибо, Рина.

Дверь за ней закрылась. Мужчины отложили карты и подошли поближе. Один из них подхватил ружье и небрежно пристроил его под рукой. Впрочем, отметил Уэллс, не настолько небрежно, чтобы можно было рассчитывать... Да и машина все еще в гараже на заправочной станции.

Он приложил руку к затылку. Там лежала влажная тряпка, липкая и холодная. Однако голова цела. И он не помнил звука выстрела.

Врач кивнул в сторону человека с ружьем.

— Чарли догнал вас, прежде чем вы набросились на Джолину, — произнес он, словно извиняясь. — Но он вроде не очень сильно вам приложил...

— Джолина?.. Призрак?... — Уэллс вспомнил танцующее

на камнях видение, и охватившее его желание, и бешеный рывок со склона.

Третий мужчина покачал головой.

— Нет. Джолина — моя дочь.

Уэллс медленно приподнялся и привалился к спинке кровати.

— Ничего не понимаю. Призрак он и есть призрак. Да еще одиннадцать братьев и сестер, с которыми она танцевала. — Он нахмурился, вспомнив молодого механика.

Мужчины переглянулись.

— Он имеет в виду Майка Биллингса, парня Джима Биллингса, — сказал тот, которого все называли Чарли.

Врач сел на край постели.

— Они никакие не призраки, мистер Уэллс. Они — люциферити.

Взгляд Уэллса невольно скользнул в сторону ружья, все еще угрожающе направленного в его сторону. Сразу вспомнились рассказы и романы, которые он когда-то проглядывал и счел в свое время полной ерундой: маленькие городки, где процветают тайные культы, и жители — на вид обычные американцы, а на самом деле жестокие религиозные фанатики. Так сказать, родственники ребенка Розмари. Сейчас они еще начнут объяснять, что им просто необходимо его сердце для традиционного ежемесячного жертвоприношения... Может быть, стоит, улучив момент, броситься на человека с ружьем и...

Очевидно, страх отразился на его лице, и они тут же отреагировали. Однако Уэллс ожидал совсем другой реакции. Они же просто расхохотались. Чарли протянул ему сигарету.

— Ты же знаешь, Чарли, я этого не одобряю, — сказал врач.

— Да ладно, Док. Бедолаге и так сегодня досталось. Пусть переведет дух.

Сомнения Уэллса рассеялись, и он с благодарностью принял из рук Чарли сигарету со спичками.

— Да уж, это не помешает. И может быть, кто-нибудь все-таки объяснит мне, что происходит. Я видел двенадцать призраков, а вы утверждаете, что это не так. — Закуривая, он сломал три спички подряд.

Док Уизерс собрался наконец с мыслями:

— Вы знаете, где находитесь?

— Агуа-Кальенте. Нью-Мексико, — ответил Уэллс, нахмурившись.

— Рядом с...

— Не понимаю.

— Вы ждете объяснений?

Уэллс кивнул.

— Так рядом с чем? — терпеливо повторил врач.

Уэллс напряг память, вспоминая карту.

— Оскура и Карризозо. Шоссе номер 54. Национальный монумент «Белые пески», Аламогордо. Рубироса. На севере автострада номер 40, к югу — номер 10.

Уизерс медленно кивал.

— «Белые пески». Аламогордо. Это вам что-нибудь говорит?

— Да, пожалуй. Национальный монумент и... — Уэллс замолчал.

Врач криво улыбнулся, взглянув на своих товарищей, и сказал:

— Я думаю, все будет в порядке. Он человек образованный. — Затем повернулся к Уэллсу и спросил: — Вы когда-нибудь слышали о люциферине?

Репортер покачал головой. «Белые пески». Аламогордо. 1945. Свечение. Он все еще пытался нагнать ускользающие мысли и мрачные догадки.

Уизерс встал и продолжал говорить, уже расхаживая по комнате. Его седые волосы были зачесаны назад. Снаружи ярко светило июньское солнце. Уэллсу подумалось, что он совсем не похож на человека, скрывающего некую зловещую тайну.

— Я прожил здесь почти всю жизнь. Начал практиковать сразу после окончания войны. Мне в общем-то даже нравится работа врача в маленьком городке: никакой суеты и люди здесь неплохие. Я не знал об испытаниях до пятидесятых годов. Вообще никто не знал, кроме непосредственных участников работ. И мне, и всем остальным здешним жителям это стало известно позже. Мы живем, конечно, изолированно, но дураков тут нет. Джереми, сын Тиллиса, был первым... — Че-

ловек, стоявший рядом с Чарли, коротко кивнул. — Сейчас ему уже двадцать три. Он среди них самый старший. Позже появились другие.

— Другие... — Уэллс, не отрываясь, следил за мрачным выражением лица Тиллиса. — Другие люцефириты...

— Да, мы их так называем. — Врач посмотрел на своих товарищей и добавил: — Вот видите, я же говорил, что он сообразительный.

Видимо, не очень, обеспокоенно добавил Уэллс про себя, однако прежние страхи уже оставили его, хотя ружье по-прежнему смотело на него. Люди эти никак не походили на поклонников Сатаны.

— Кто же все-таки такие эти люцифериты?

— В теле каждого существа содержится некоторое количество люциферина, — ответил Уизерс. — Обычно — очень незначительное. Просто недостаточное, чтобы как-то проявиться. И еще меньшее количество люциферазы. Лишь у некоторых видов содержание этих веществ бывает высоким. Например, у светлячков.

В размышлениях Уэллса наконец сошлись причина и следствие.

— Однако в сорок пятом здесь испытывали не только бомбы, — продолжал врач. — Тогда было много разговоров о том, как, мол, ядерная медицина скоро перевернет все привычные представления о лечении болезней — от рака до бородавок. И лишь через несколько лет стало понятно, что лечить давние недуги, просто насыпав на бородавку изотопов, глупо — от этого больше вреда, чем пользы... Помните ту каменную осыпь, где веселились ребятишки?

Уэллс кивнул.

— Это старое место захоронения химических отходов. Таких по всей стране сотни. Но это в каком-то смысле уникально — полихлорированных дифенилов и инсектицидов сюда попало больше обычной нормы. Люди в Аламогордо довольно долго и практически бесконтрольно баловались с очень любопытными химическими соединениями, пока правительство не прекратило это дело после войны. — Он покачал головой. — Чего только люди не делают, чтобы замести следы! Как говорится, упрятать грязное белье подальше от посторонних

глаз. Захоронение находится над рекой, что питает городской резервуар, и долгие годы вся эта дрянь мало-помалу просачивалась в городское водоснабжение. Поначалу никто ничего не замечал. Но три поколения спустя появилось влияние этих веществ на детскую биохимию. Никаких внешних признаков до начала взросления, однако к шестнадцати годам явление уже набирает полную силу. Я пытался выделить энзиматическую комбинацию, которая его вызывает, но у меня нет достаточно совершенной аппаратуры. Впрочем, похоже, что никакого вреда — по крайней мере внешне — оно не приносит, только вызывает любопытные побочные эффекты. И я уверен, что гормональные изменения, происходящие в эти годы в организме подростков, каким-то образом активируют процесс.

Страх Уэллса окончательно рассеялся, и осталось только одно удивление.

— Какой процесс? О каких эффектах вы говорите?

— Резко возрастает выработка люциферина, и соответственно увеличивается количество люциферазы. Последняя — сама энзим. В ее присутствии люциферин окисляется, и получаются...

— Светлячки! — зачарованно прошептал Уэллс, потом на секунду задумался и резко спросил: — Почему вы никому об этом не сообщили? Почему никто...

— Извините, мистер, — Чарли печально улыбнулся, глядя на Уэллса, — но это наши дети. — На лице его застыло настороженное выражение, в словах читалась мольба о понимании. — Док сказал, что ничего опасного с ними не происходит. Ни рака... ни еще чего-нибудь в таком же духе...

— Кроме эффекта свечения, они совершенно обычные нормальные подростки, — подтвердил Уизерс.

— Мы, понятно, любим своих детей, — продолжал Чарли, нервно двигая пальцами. — Док говорит, если новости о том, что здесь произошло, расползутся, правительство, мол, может увезти детей из Агуа-Каль. Отобрать их у нас для изучения.

— Нашим детям здесь нравится, — сказал Уизерс. — Они не хотят, чтобы их изучали. Они все или учились в школе, или до сих пор учатся и прекрасно знают, чем кончается дело для жука под микроскопом. Они умеют управлять этим эф-

фектом, скрывать его от окружающих и обычно собираются в таких местах, где могут без опаски красоваться друг перед другом. То, что вы заметили в ту ночь Джолину Литтон, просто случайность, невезение. Мы надеялись, вы об этом забудете.

— Но вы же всего провинциальный терапевт, — ровным голосом сказал Уэллс. — Вдруг этот эффект все-таки вреден? Или вызывает какое-то побочное действие?

— Если с кем-то из ребятишек случится что-нибудь серьезное, нам разумеется, придется отдать их в больницу, и тогда уже будь что будет, — сказал Уизерс. — Но пока в этом ни разу не было необходимости. Я их регулярно обследую. И научил, как обследовать самих себя. Они все понимают. Но им нравится, какими они стали, мистер Уэллс, и они совсем не хотят лечиться. Кроме того, есть и еще одна причина прятать эту их способность от посторонних. Нам самим здесь, в Агуа-Кальенте, пришлось нелегко, прежде чем мы поняли, как себя вести. Мы не трогаем ребятишек и не ходим смотреть на их игры и танцы: глядя на них, человек легко теряет контроль над собой.

— Вам это, должно быть, уже известно, мистер, — добавил Тиллис.

Уэллс вспомнил предыдущую ночь, стремительную, сияющую красоту девушки и то действие, которое она на него оказала. Вспомнил охватившее его неумолимое желание обладать этой красотой. Да уж, подумал он, это действительно называется «потерять контроль». Хотя, если бы представилась возможность, он, пожалуй, не прочь потерять контроль еще раз...

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, — сказал Уизерс. — На меня этот эффект действует не меньше, чем на вас, и чтобы справляться с собой, нужно прежде всего понимать, что происходит. — Он подошел к двери. — Джолина, зайди, пожалуйста.

Уэллс сжался, взгляд его метнулся к двери. Кровь в жилах потекла быстрее, мышцы напряглись. Вошла девушка. То самое прекрасное видение, вот только...

Только от прекрасного видения не осталось и следа, хотя девушка, без всякого сомнения, была та же. Охватившее его

желание погасло. Она застенчиво улыбнулась ему — симпатичная, конечно, девятнадцатилетняя девчонка, но в общем-то — вполне обыкновенная. Те же волосы, то же платье, но чего-то не хватало. Исчезло свечение, а с ним и притягательность, неотвратимое влечение.

— Спасибо Джолина. Можешь идти.

— Хорошо, Док.

Уже на пороге она вдруг слабо, на короткое мгновение засветилась тем же зеленовато-желтым светом, но Уэллс моргнул, и девушка скрылась за дверью. Все еще во власти этого короткого мгновения он повернулся к Уизерсу.

— Знаю, сынок, знаю. Дело в том, что именно люциферин, это особое свечение заставляет их казаться такими красивыми. Опасная способность, и они еще только учатся скрывать ее. Но это необходимо для их же блага. — На секунду в его добродушном лице что-то дрогнуло, и Уэллс заметил в нем какие-то новые черты — примитивные, неприятные. Однако Уизерс справился с собой и вновь превратился в доброго провинциального доктора. — Поэтому, мистер Уэллс, мы хотим сохранить все в тайне. Поэтому они должны прятать свой свет от всего мира. Ни один ученый, ни один исследователь — как бы ни были они преданы своей науке — не в состоянии будет справиться с собой. Красота, которой они умеют себя окутывать, может принести им смерть. Слишком большая притягательность — это опасно.

Он направился к выходу. Тиллис и Чарли последовали за ним, однако в дверях Уизерс остановился и добавил:

— Я думаю, вы все понимаете, молодой человек, и надеюсь, сохраните наш маленький секрет. Опасна ведь не сама способность генерировать свет, опасна страсть, возбуждение, которое этот свет вызывает в людях. Зачем, вы полагаете, некоторые виды насекомых светятся, мистер Уэллс? Мы привыкли думать, что мы слишком цивилизованы, что мы сильнее природы, но это не так. Свечение, которое вы видели, оно — нечто вроде визуального феромона. И никто из нас не в силах ему противиться — как насекомое. Мне семьдесят один год, сэр, но когда я вижу этот свет, я... Одним словом, я не чувствую, что мне уже за семьдесят. Я вообще ничего не чувствую, кроме одного... Вот это-то и опасно. Дети — они

другие. Они умеют справляться со своими эмоциями. Но не мы, ничего не подозревающие простые смертные. Для нас это слишком. Так что вы подумайте, мистер Уэллс. Вспомните, какие чувства охватили вас ночью на склоне холма и завладели вами целиком. Это ваши примитивные инстинкты. Подумайте, что может произойти с нашими детьми, если эффект усилится присутствием двух сотен скрупулезных ученых — и мужчин и женщин. — Закрывая дверь, он грустно улыбнулся. — Мы все — светлячки, мистер Уэллс.

Оставшись в одиночестве, Уэллс долго сидел на кровати и размышлял над словами старого врача.

Безумие, думал он, безумие, глупость, идиотизм. Я не хуже других могу справляться со своими эмоциями. Конечно же, могу... Но тут он снова вспомнил ночь на склоне холма, свечение, дико бьющийся пульс и буздумное, слепое желание, охватившее его целиком. Все из-за того света, странного притягательного света...

Уэллс встал с кровати и принялся торопливо собирать вещи. Воспоминания не позволяли разуму поддаться на уговоры — так же как тело не слушалось голоса разума. Манящий свет просто убивал всякую рассудочность и всякие доводы.

Нет, он никому не расскажет о люциферитах. Ни своим новым боссам в Далласе, ни кому-либо еще. Если мир узнает о них, многие кинутся в этот городок хотя бы за той же водой, потому что кому-то наверняка захочется обладать такой же способностью. А ученые — разумеется, с самыми лучшими намерениями — скорее всего, смогут синтезировать нужные вещества и распространить уникальный дар на весь мир.

Уэллс — в общем-то довольный своей жизнью человек — всегда мыслил здраво. Его, например, очень беспокоило, что Земля может погибнуть в ядерной катастрофе. Но еще меньше ему хотелось увидеть, как порядок и саму цивилизацию разрушает катастрофа сексуальная.

Перевод А Корженевского

ДАР НИКЧЕМНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ни Пирсон, ни его корабль не стоили доброго слова. Пирсон еще не знал этого о корабле, когда брал его напрокат, но времени, чтобы проверять, не было: он пользовался фальшивыми документами и поддельной карточкой. Впрочем, никаких угрызений совести по этому поводу Пирсон не испытывал — возвращать корабль владельцам он тоже не собирался.

Двигатель выдержал подпространственный скачок, и корпус не развалился, однако, вынырнув в обычном пространстве, Пирсон обнаружил, что несколько мелких, но очень важных элементов управления превратились в труху.

Теперь в бледно-голубом небе все выше и выше поднимался столб дыма и испарившегося металла — больше от корабля ничего не осталось. У Пирсона даже не возникло желания выругаться. Что ж, знакомое чувство... Кроме того, корабль все же катапультировал его, только это не радовало. Пирсон не чувствовал ничего, кроме бесконечной усталости. Душа его словно окаменела.

Странно, что он совсем не ощущает боли. Внутри все, похоже, работало, как положено. Однако снаружи... Пирсон мог переводить взгляд, пошевелить губами, морщить нос и — с огромным усилием — поднимать правую руку над плоским песчаным грунтом. Лицо — некогда лишь часть богатого набора способов самовыражения — стало теперь его единственным каналом общения с миром. О том, как выглядело тело в остатках гермокостюма, оставалось только догадываться, да и этого делать не хотелось. Пирсон твердо знал, что правая рука у него в порядке: ею он, по крайней мере, мог двигать. По поводу же всего остального у него были только мрачные предположения.

Если ему повезет — сильно повезет — то оперевшись одной рукой, он, может быть, сумеет повернуться на бок... Однако Пирсон даже не пытался. Иллюзии оставили его — наконец-то! — и перед самой смертью он вдруг стал реалистом.

Мир, куда занесла его судьба, был совсем крошечный — не планета даже, а скорее, очень большой астероид — и Пирсон мысленно попросил у него прощения за тот ущерб, что он, возможно, нанес, обрушившись на поверхность вместе с обломками корабля. Он всегда совестился, когда причинял кому-то зло.

Однако он дышал, а значит, тонкая оболочка атмосферы оказалась более плотной, чем ему показалось с орбиты. Только его все равно никто не найдет. Даже полиция, гнавшаяся за ним по пятам, наверняка бросит поиски и на этом успокоится: не Бог весть какой важный преступник. И не преступник в общем-то, а так... Чтобы называться преступником, нужно сделать что-то хотя бы немного вредное. Слово «преступник» подразумевало опасность, угрозу. Пирсон же вызывал у общества, скорее, раздражение, зуд — как маленькое жалящее насекомое.

«Тем не менее я все-таки «дозуделся» , — подумал Пирсон и с удивлением обнаружил, что еще в состоянии смеяться.

Правда, от смеха он потерял сознание.

Когда Пирсон очнулся, едва-едва светало. Он совершенно не представлял себе, сколько на самом деле длятся крошечные сутки этого мира, и соответственно, не знал, сколько пролежал в беспамятстве. Может быть, день, а может, неделю — не человек, а живой труп. Двигаться он не мог. Не мог даже дотянуться до расфасованных концентратов в аварийном пайке, что приторочен (был, во всяком случае) к штанине гермокостюма. Ничего не мог — разве что дышать разреженной атмосферой, которая пока поддерживала его жизнь... Другими словами, Пирсон уже начал думать, что лучше бы его разнесло на куски вместе с кораблем.

От голода он не умрет, нет. Жажда прикончит его гораздо раньше. Да, такие вот дела. Отныне Пирсон — живой труп. Как мозг в банке... Но времени, чтобы подумать о своей жизни, оставалось недостаточно.

Пожалуй, он всю жизнь был «живым трупом». Ведь ни к кому и ни к чему не испытывал он особенно сильных чувств, и даже к себе относился в общем-то равнодушно. Никому никогда не делал добра, а для зла — для настоящего зла — у него просто не хватало способностей. Пирсон безвольно тащился по жизни, не оставляя в ней никакого заметного следа.

Даже будь я деревом, устало думал Пирсон, от меня было бы больше прока. Интересно только, хорошее ли могло получиться дерево?.. Уж наверно, не хуже, чем человек. Хуже некуда... Он вспомнил себя в молодости — мелкий проныра, слюнтяй в общем-то. Вспомнил, как юлил перед другими, более опытными и удачливыми преступниками, надеясь пролезть в их компанию, прижиться в том обществе.

М-да, из него даже лизоблюд получился неважный. А жить честно не получалось — он несколько раз пробовал. Реальный честный мир относился к нему столь же безразлично и презрительно, как мир добропорядочный. Оставалось просто существовать в том сумрачном, склизком вакууме, что он сам же для себя и создал, — без взлетов мыслей и чувств, практически без движения.

Вот если бы... Нет, перебил себя Пирсон. Все равно умирать; и хоть раз в жизни, пусть только самому себе, нужно сказать правду. Все его беды — от него самого, только от него. И никто другой, как он всегда себя уверял, здесь не виноват. Ведь ему несколько раз встречались люди, которые из сострадания хотели помочь, однако он каждый раз умудрялся все разрушить. Жизнь не удалась, чего уж там, и надо хоть умереть, не обманывая самого себя.

Когда-то Пирсон слышал, что смерть от жажды — штука очень неприятная...

Солнце село, но никакой луны на небе не появилось. Разумеется, нет. Такой маленький мир просто не может позволить себе подобное украшение. Чудо, что тут хоть атмосфера-то есть. Интересно, лениво подумал Пирсон, есть ли тут жизнь? Может быть, растения? Падал корабль слишком быстро, чтобы тратить время на подобные вопросы, да и не до того было. Теперь же он не мог даже повернуть голову, и оставалось лишь гадать.

Легкий ночной ветерок холодил кожу, и Пирсону стало немного лучше: днем здорово припекало. Однако приятный холодок ощущался только лицом. Нервные окончания всех других частей тела молчали. Возможно, у него сильные ожоги, но если так, они его нисколько не беспокоили. В этом смысле — даже благо.

Когда встало солнце, Пирсон еще не заснул. По его прикидкам день на планете длился часа три или четыре, и столько же — ночь. Практической пользы от этих выводов не было никакой, но они хоть как-то занимали мысли. Пирсон постепенно привыкал к своему положению. Говорят, человеческий разум может привыкнуть к чему угодно...

Спустя какое-то время он обнаружил, что его уже не беспокоит мысль о смерти. Она воспринималась даже с облегчением: не надо больше бежать — от других и от себя. Никто о нем не всплакнет. Никто не хватится. Исчезнув, он просто избавит мир от своего досадного присутствия... Однако теперь — слабо, но безошибочно — давали себя знать первые признаки жажды.

Прошло еще несколько коротких дней, и в небе появились облака. Раньше Пирсон никогда не обращал внимания на облака и лишь изредка замечал погоду. Сейчас, однако, у него появилось и время, и желание изучить в подробностях и то, и другое — больше он все равно ничего не видел. Как-то раз он подумал, что сможет повернуть голову здоровой рукой, но оказалось, такой сложный маневр ему не под силу: рука не настолько хорошо его слушалась.

Ощущения это вызывало очень странные. Мысль о том, что единственная рука, которая хоть как-то еще слушалась, вдруг отказала, напугала Пирсона больше, чем неминуемая гибель.

Облака все сгущались, но Пирсон взирал на них теперь без интереса. Дождь, может, и продлит его жизнь на несколько земных суток, но тогда он в конце концов умрет от голода. На концентратах из аварийного пайка он мог бы продержаться несколько месяцев — дольше, чем в обычных условиях, если учесть его неподвижное состояние. Но с таким же успехом они могли сгореть вместе с кораблем: ему все равно до них не дотянуться.

Некоторое время он раздумывал о способах самоубийства.

Если бы рука слушалась лучше и если бы рядом валялись острые куски металла — обломки корабля, например — он мог бы всадить такой обломок себе в горло... Если бы... Если бы...

Пошел дождь. Мягкий, ровный дождь на целых полдня. Пирсон лежал с открытым ртом и сумел наловить достаточно капель, чтобы утолить жажду. Облака унеслись, развеялись, и на небосклон вернулось далекое солнце. Почувствовав, как сушит его лицо, Пирсон решил, что то же самое происходит со всем его телом. Совершенно по-новому, как на чудо, взглянул он на дождь и на те процессы, что превращали капли влаги в кровь, лимфу, клетки. Удивительное, потрясающее достижение живого организма, а он прожил на свете столько лет и ни разу об этом даже не задумался. Нет, он определенно заслуживает смерти.

Похоже, я впадаю в философский маразм, подумал Пирсон. Или начинается бред.

Короткие дни сменялись короткими ночами, и к тому времени, когда его нашел первый жук, Пирсон полностью потерял счет времени.

Жука Пирсон почувствовал задолго до того, как увидел: тот полз по щеке. Ни почесать щеку, ни смахнуть насекомое он не мог и едва не рехнулся от обиды и бессилия. Жук пробежал по лицу и заглянул Пирсону в правый глаз.

Пирсон моргнул.

Однако вскоре он вновь почувствовал раздражающую щекотку — не поймал, значит. Жук прошелся по лбу, постоял немного и спустился по левой щеке. Кроме глаза Пирсон заметил, что жук свалился ему на плечо. Крохотный иссиня-черный жучок — разглядеть мелкие детали Пирсон не мог, но не сомневался, что это насекомое.

Жук остановился на плече, глядя по сторонам.

Может быть, так будет лучше, подумал Пирсон. Жуки, во всяком случае, сожрут его быстрее. Он истечет кровью и умрет. А если они начнут ниже головы, он даже не почувствует боли и спустя какое-то время просто потеряет сознание.

Пирсон принялся мысленно подзадоривать насекомое. «Ну давай, приятель! Зови сюда всех своих родственников и устройте себе настоящий пир за мой счет! Я буду только рад».

— Нет, мы не можем этого сделать.

Видимо, я уже брежу, решил Пирсон, но невольно подумал в ответ:

— Почему это?

— Ты — настоящее чудо. Мы не можем съесть чудо. Мы не достойны.

— Никакое я не чудо, — подумал Пирсон. — Я совершенно никчемный человек, полный неудачник, ошибка природы. И в довершение всего, я вступил в телепатический контакт с каким-то жуком...

— Меня зовут Йирин, я — один из Людей, — мягко внедрилась в мозг новая мысль. — И я вовсе не то, что вы назвали жуком. Скажи мне, чудо, как что-то столь невероятных размеров может жить?

И Пирсон рассказал. Он поведал жуку о себе, о человечестве, о своем тусклом печальном существовании, которое скоро подойдет к концу, о параличе..

— Мне жаль тебя, — сказал наконец Йирин. — Мы ничем не можем помочь. Мы — бедное племя среди многих других племен, и нам не позволяют размножаться, чтобы число наше не выросло слишком сильно. Я не понимаю этих странных вещей, что ты рассказал мне о пространстве, времени и размерах. Мне и без того нелегко верить, что эта гора, в которой ты скрываешься, когда-то двигалась. Но ты говоришь, что это так, и я должен тебе верить.

У Пирсона вдруг возникла тревожная мысль.

— Эй, Йирин! Не вздумай зачислять меня в божества или еще там куда! Я просто больше тебя, и все. Хотя на самом деле, может быть, даже меньше. Из меня и жулик-то приличный не вышел.

— Эта последняя концепция почему-то не переводится. — В мысли Йирина явно чувствовалось напряженное желание понять. — Но ты — самое удивительное существо на свете.

— Чушь собачья! Однако послушай... Как это мы с тобой разговариваем, когда ты настолько меньше?

— У нас, у Людей, говорят, что важен размер интеллекта, а не размер размера.

— Да, видимо... Мне, право, жаль, что у вас такое бедное племя, и я ценю твое сострадание. Кроме меня самого, меня

никто никогда не жалел, так что и соболезнования жука — уже подарок судьбы. — Какое-то время Пирсон лежал, разглядывая крохотное существо — оно деловито шевелило антеннами — затем сказал:

— Я... Я хотел бы сделать кое-что для тебя и твоего племени, но я не могу помочь даже себе. Скоро я умру от голода.

— Мы бы помогли, если бы это было в наших силах, — послышалась ответная мысль, и Пирсон ощутил глубокую печаль — казалось невероятным, что столь крохотное существо обладает такой силой чувств. — Но и всего, что мы сможем собрать за день, тебе не хватит.

— Да, наверно. У меня есть пища, но... — Пирсон на мгновение умолк. — А скажи-ка, Йирин, мое тело — там, ниже — все еще покрыто сверкающей металлической тканью?

Прошло несколько минут: жук добрался до кулака Пирсона, взглянул со стороны и вернулся.

— Да, Пирсон. Все, как ты говоришь.

— Сколько людей в твоем племени?

— А что ты задумал?

Пирсон рассказал, и Йирин тут же ответил:

— Для этого достаточно.

На то, чтобы откыть застежки гермокостюма и проникнуть в карманы, где хранились аварийные пайки, у людей Йирина ушло несколько дней. Но когда стало ясно, что земная пища годится и для этих крошечных существ, Пирсона словно накрыло волной ликования, и на душе у него потеплело.

Позже Йирин снова взобрался по его щеке — теперь он был полон почтения.

— Впервые за много-много поколений у нашего племени достаточно пищи, и мы можем размножаться, презрев ограничения, наложенные на нас соседями, у которых пищи всегда было вдоволь. Даже одного большого куба, который ты называешь «концентратом», хватит всему племени на долгое время. И мы еще не пробовали естественные продукты, что, по твоим словам, содержатся в большом ранце под тобой, но обязательно попробуем. Теперь мы станем большим и сильным племенем и уже не будем бояться соседей, которые грабили и унижали нас раньше. Все — благодаря тебе, великий Пирсон.

— Просто «Пирсон», понятно? Еще раз назовешь меня великим, и я... — Он умолк на секунду. — Нет. Я ничего не сделаю. Даже если бы что-то мог. С угрозами покончено. Но, пожалуйста, зови меня просто «Пирсон». И ничего я на самом деле для вас не сделал. Вы добрались до пищи сами... Однако это первый раз в моей жизни, когда я подумал о концентратах что-то хорошее.

— У нас для тебя сюрприз, Пирсон.

Что-то очень медленно ползло по его щеке — явно тяжелее, чем сами жители планеты. Вскоре в поле зрения Пирсона появился маленький коричневый кубик в окружении десятков жуков, и он уловил в их мыслях напряжение и усталость.

Наконец кубик оказался у самых губ Пирсона, и он открыл рот. Кое-кого из племени Йирина близость темного бездонного ущелья привела в ужас, и они бросились бежать. Их место заняли Йирин и другие вожди племени.

Кубик вполз на нижнюю губу. Жуки предприняли последнюю отчаянную попытку продвинуть его дальше, отчего некоторые из них даже расстались с жизнью, и все-таки столкнули кубик концентрата в пропасть.

Пирсон почувствовал, как рот у него заполняется слюной, но вовремя сообразил, что ему нужно сделать еще кое-что.

— Я не знаю, есть ли в этом смысл, Йирин, но... Но все равно спасибо. А теперь тебе нужно лучше увести всех с моего лица. Сейчас начнется сильное земле... пирсонотрясение.

Когда все жуки удалились на безопасное расстояние, Пирсон принялся жевать.

На следующий день пошел дождь. Капли были обычного размера, как на Земле, и для племени Йирина они представляли страшную угрозу. Если дождь заставал кого-то из жуков на открытой местности, две-три капли могли просто убить такое маленькое существо. Однако под правой рукой Пирсона места хватило всему племени.

Прошло несколько недель, и как-то раз, сидя на носу Пирсона и глядя в его огромные бездонные глаза, Йирин заметил:

— Концентраты не вечны, а естественной пищи, что мы нашли в ранце под тобой, хватит всем не надолго.

— Не важно. Я и не хочу, чтобы вы ее ели. По-моему, там

должны быть две морковки, а на старом сандвиче есть кружки помидоров, салат-латук и, кажется, грибы. Может быть, толченые орешки. Мясо и хлеб можете съесть... Впрочем, хлеба немного оставьте. Возможно, плесень тоже окажется съедобной для вас.

— Я не очень понимаю тебя, Пирсон.

— Как вы добываете пищу, Йирин? Собираете?

— Верно.

— Тогда я хочу, чтобы ты вытащил морковку, помидоры и прочее — я опишу тебе, как что выглядит, — а затем доставили сюда образцы всех съедобных растений, что вы употребляете в пищу.

— И что мы будем с ними делать?

— Собери всех старейшин племени. Для начала я объясню вам, что такое ирригация...

Пирсон мало что понимал в сельском хозяйстве, но даже он знал, что пищу можно вырастить: нужно лишь посадить семена, поливать ростки и пропалывать. Люди из племени Йирина оказались способными учениками, хотя сами концепции оседлости и выращивания пищи поначалу показались им очень странными.

Ценой сотен крошечных жизней они вырыли водоем. Концентраты Пирсона придавали им сил, и работа продвигалась быстро. Вскоре от водоема, защищенного громадой тела Пирсона протянулись во все стороны каналы, и когда прекратились дожди, воды у них осталось вдоволь. Тут-то и пригодились построенные жуками крошечные дамбы. Затем они вырыли еще один водоем, и еще...

Кое-какие из земных растений принялись и выросли, некоторые местные — тоже. Племя процветало. Пирсон рассказал им, как строить постоянные жилища. Сами жуки никогда об этом не задумывались, потому что им трудно было представить искусственную конструкцию, способную выдержать удары дождевых капель, и первым делом Пирсон объяснил им про ребра жесткости.

Затем наступил день, когда кончились концентраты. Пирсон предвидел это, и новость не особенно его расстроила. Он и без того успел сделать очень многое, гораздо больше, чем можно было надеяться в те первые дни после аварии, когда он

в одиночестве лежал на песке. Он помог жителям этой планеты и был вознагражден за это первой настоящей дружбой в его жизни.

— Это не имеет значения, Йирин, — ответил он мысленно. — Я очень рад, что сумел принести вам пользу.

— Йирин уже умер, — сказал жук. — Меня зовут Йюрин. Я один из его потомков, и мне доверена честь говорить с тобой.

— Умер? Йирин? Неужели прошло так много времени? — Пирсон потерял счет дням, но жуки, похоже, жили меньше людей. — Все равно. Теперь, по крайней мере, у племени достаточно пищи.

— Для нас это имеет значение, — сказал Йюрин. — Открой рот, Пирсон.

По щеке довольно быстро поднимался новый груз. Его тянули по крохотным деревянным роликам на длинных «тросах», сплетенных из волос Пирсона. Своими острыми челюстями жуки даже расчистили у него в бороде дорогу.

Груз упал в рот Пирсону — оказалось, это что-то растительное, мягкое и чем-то знакомое по вкусу... Лист шпината!

— Ешь, Пирсон. Остатки твоего древнего «сандвича» дали рождение новой пище.

Вскоре после третьего урожая Пирсона посетила делегация из трех старейшин. Они уселись у него на кончике носа и долго молчали, глядя с тревогой ему в глаза.

— Растения постепенно чахнут, — сказал один из них.

— Опишите мне, что происходит.

Пирсон выслушал рассказ старейшин и надолго задумался, напрягая память в поисках давно забытых школьных знаний.

— Если воды им хватает и если со всеми растениями происходит то же самое, значит, причина только одна — истощилась почва. Нужно пересадить их в другое место.

— Самые дальние фермы и так уже слишком далеко, — сообщили ему старейшины. — На них нападают соседи. Они прослышали о нашем процветании и завидуют нам. Люди боятся сажать растения очень далеко от тебя. Когда ты близко, это придает им уверенности.

— Тогда можно сделать так... — Он облизнул губы: с тех

пор как племя нашло для него соль, иногда Пирсону очень хотелось пить. — Что вы делаете с отходами моего тела?

— Их постоянно убирают и закапывают, как ты приказал, — ответил один из жуков, — а под тебя все время приносят чистый песок.

— Земля вокруг меня истощилась, — сказал Пирсон, — и ей нужны добавки, которые мы называем удобрением. Вам нужно поступить следующим образом..

Много лет спустя с визитом к Пирсону явился новый совет племени. Жизнь текла своим чередом, и только один раз вокруг Пирсона разразилась жестокая битва: сразу несколько больших сильных племен объединились, напали на его племя и прогнали защитников почти до самого Пирсона. Битва бушевала совсем рядом, и вожди трех атакующих племен уже повели наступление на живую Бог-гору, как прозвали Пирсона соседние племена.

Но тут он собрал последние остатки воли, приподнял праввую руку и одним ударом прихлопнул и вождей, и их штабы, и сотни воинов. Воспользовавшись сумятицей в рядах врагов, племя Пирсона контратаковало. Захватчики понесли тяжелые потери, были изгнаны и больше никогда не посягали на эти земли.

В зоне значительная часть урожая погибла, но с использованием удобрений, которыми Пирсон снабжал племя, жуки добились еще больших результатов.

Теперь на почетном месте, на носу Пирсона, сидели члены нового совета и глядели в его бездонные глаза. В центре сидел Йин, восьмой потомок Йирина Легендарного по прямой линии.

— Мы приготовили подарок для тебя, Пирсон. Несколько месяцев назад ты рассказал нам, что такое «день рождения», почему он так много значит для твоих людей, и какие связаны с этим понятием обычаи. Мы подумали и решили сделать тебе достойный подарок.

— Боюсь, я не сумею развернуть его, — слабо пошутил Пирсон. — Придется вам показать мне, что это такое. И мне очень бы хотелось подарить вам что-нибудь тоже. Ведь вы спасли мне жизнь.

— Ты дал нам нечто большее. Посмотри налево, Пирсон.

Он перевел взгляд. Послышался тонкий скрип, скрежет, но перед глазами Пирсона отчетливо улавливалось чувство-мысль тысяч жуков вокруг.

Наконец в поле зрения появился какой-то предмет. Круглый предмет, закрепленный на верхушке мачты, смонтированной из крошечных деревянных брусьев — старое, местами поцарапанное, но все еще блестящее зеркальце, извлеченное Бог знает из каких карманов гермокостюма или секций ранца. Затем зеркальце наклонилось...

Впервые за долгие годы Пирсон увидел окружающую равнину. Он даже не успел выразить свою благодарность за этот чудесный, удивительный подарок — старое, поднятое к его глазам зеркальце. Все его мысли заполнило восхищение от того, что открылось его взгляду.

Ровные ряды крошечных полей тянулись до самого горизонта. Среди полей — скопления маленьких домиков, кое-где даже некое подобие поселков. Миниатюрную реку в трех местах пересекали подвесные мосты из его волос и нитей от гермокостюма, а на другом берегу стоял настоящий молодой город.

Команда жуков повернула зеркальце с помощью хитроумной системы блоков и канатов, и Пирсон увидел новые чудеса. Совсем недалеко от него расположилась фабрика, где, ему сообщили, делали из местных растений деревянные брусья и другие необходимые вещи. Среди прочих инструментов жуки использовали в работе острые обломки ногтей самого Пирсона. Огромные купола укрывали от непогоды целые цеха — купола, изготовленные из клочков обработанной кожи, что постоянно облезала с его загорелого тела. Чтобы уменьшить трение в движущихся частях механизмов и повозок, жуки додумались использовать воск из его ушей...

— Ты говоришь, что хотел бы подарить нам что-нибудь? — переспросил Йин. — Но ты и так подарил нам себя — чего же больше? Каждый день мы находим применение тем сведениям, что ты нам сообщаешь. Каждый день мы открываем новые способы использовать все то, что производит твой организм. Племена, с которыми когда-то нам приходилось сражаться, теперь объединились с нами, потому что от этого все только выигрывают. Когда-то ты подарил нам

понятие «нация» — так вот мы постепенно превращаемся в одну большую нацию.

— Тогда будьте осторожны... — мысленно пробормотал Пирсон, все еще во власти увиденного и услышанного. — Нация означает появление политиков.

— Что это? — вдруг спросил один из членов совета, указывая вниз.

— Новый дар, — ответил его сосед, вглядываясь вдоль склона пирсоновского носа. — Для чего они служат, Пирсон?

— Ни для чего, друзья мои, — ответил Пирсон. — Давным-давно уже я понял, что от слез нет никакого прока.

Йюсек, сто двенадцатый потомок Йирина Легендарного по прямой линии, отдыхал на груди Пирсона, укрывшись от солнца в тени растуших там густых волос. Пирсон только что съел кусок фрукта, выращенного на одной из дальних ферм и доставленного специально для него. Вокруг его лица располагалось множество зеркал, наклоненных под разными углами, и в одном из них отражался Йюсек.

Группа молодых экскурсантов обследовала в этот момент район поясницы Пирсона, другая группа двигалась около уха. Жуки сновали туда-сюда, поднимаясь по примитивным деревянным эскалаторам или многочисленным лестницам, окружившим Пирсона со всех сторон, и исчезая по своим делам вновь. Постоянно дежурили лишь несколько бригад архивистов, которые записывали каждую его случайную мысль и даже читали его сны.

— Йюсек, этот новый фрукт очень неплох.

— Вырастившие его фермеры будут рады, что он тебе понравился.

Некоторое время они молчали, затем Пирсон наконец вымолвил:

— Йюсек, я скоро умру.

От неожиданности жук вскочил на ноги и бросил взгляд поверх густой поросли на груди Пирсона.

— Как это? Пирсон не может умереть!

— Чепуха, Йюсек. Какого цвета у меня волосы?

— Белого, Пирсон. Но они уже несколько десятилетий белые.

— А глубоки овраги у меня на лице?

— Да, но не глубже, чем во времена моего прапрадеда.

— Значит, они уже тогда были глубоки. Я умираю, Йюсек. Не знаю, сколько мне лет, потому что давным-давно потерял счет времени, но скоро я умру. Однако, покидая этот мир, я буду гораздо счастливее, чем мне когда-то думалось. Потеряв способность двигаться, я сделал на самом деле гораздо больше, чем за те годы, когда действительно мог передвигаться. Это согревает душу.

— Ты не можешь умереть, Пирсон, — упрямо повторил Йюсек, рассылая призывные сигналы медицинским службам, организованным много лет назад специально для ухода за Пирсоном.

— Могу и умру. Уже умираю, — донеслось в ответ, и испуганный Йюсек почувствовал, что смерть накрывает мысли Пирсона, словно тень облака. Будущее без Пирсона казалось ему немыслимым. — Медицинские службы знают свое дело. Они узнали обо мне гораздо больше, чем мог рассказать им я сам. Но сейчас они бессильны. Я умираю.

— Но... что же мы будем делать без тебя?

— То же, что и со мной, Йюсек. Ведь я всего лишь давал советы, а всю работу делали ваши люди. Вы прекрасно обойдетесь без меня.

— Но нам будет недоставать тебя, Пирон. — Йюсек пытался свыкнуться с мыслью о неизбежной кончине Пирсона. — Меня это очень печалит.

— Да, меня тоже. Ведь, как ни странно, я привык к такой жизни и даже наслаждался ею. Но что поделаешь... — Мысли Пирсона доносились теперь едва-едва и становились все слабее и слабее, словно отблески уходящего за горизонт солнца.

— Последняя идея, Йюсек...

— Я слушаю тебя, Пирсон.

— Раньше я думал, что вы сможете использовать мое тело после смерти — кости, кожу, внутренние органы. Но, похоже, вам это уже не нужно. Бронзовые сплавы, что вы недавно мне показывали, очень хороши. Теперь вы прекрасно обойдетесь

без «фабрики» Пирсона». Глупая идея, но я вот о чем хотел тебя попросить...

Йюсек едва уловил последнюю мысль Пирсона, и секунду спустя тот покинул их мир навсегда.

— Это люди, сэр!.. Я знаю, что они не больше муравьев, но у них есть дороги, фермы, фабрики, школы и бог знает что еще. Первая встреча с разумными существами негуманоидного типа, сэр!

— Спокойно, Хэнфорт. Я и сам все вижу. — Капитан стоял на пандусе посадочного модуля. Чтобы не разрушить гигантский метрополис, покрывший чуть ли не всю планету, они опустили корабль в центре большого озера. — Невероятно!.. На месте катастрофы обнаружено что-нибудь интересное?

— Нет, сэр. Это случилось по крайней мере несколько сот лет назад. С воздуха детекторы зарегистрировали только мелкие останки корабля. Но тут делегация местных жителей, сэр...

— Что?

— Они хотят показать нам что-то. Говорят, что мы вполне можем передвигаться по их крупным транспортным магистралям. Движение они остановят.

— Видимо, нам стоит проявить внимание, хотя я гораздо спокойнее чувствую себя здесь, где мы ничего не можем разрушить.

Они шли несколько часов и в итоге вышли к району, расположенному недалеко от кратера, что образовался при падении древнего корабля. Задолго до того, как они достигли цели, над резко очерченным горизонтом появилась странная конструкция, и чем ближе подходили земляне, тем невероятнее казалось им это зрелище.

Добравшись наконец до места, они обнаружили, что это тонкий металлический шпиль, вознесшийся в бледно-голубое небо на пятьсот метров.

— Теперь я понимаю, почему они хотели показать нам эту штуку, — ошарашенно произнес капитан. — Они хотели произвести на нас впечатление, и это им удалось. Выстроить

подобное сооружение при столь маленьких размерах... Просто невероятно!

Капитан чуть нахмурился, потом задумчиво пожал плечами.

— Что такое, сэр? — спросил Хэнфорт и снова запрокинул голову, разглядывая верхушку удивительного шпиля.

— Странно, но все это мне что-то напоминает...

— Что именно, сэр?

— Памятник... Монумент.

Перевод А. Корженевского

СОДЕРЖАНИЕ

Призыв к оружию *(роман)* 3

Рождество на болотной планете 451

Наблюдатель 467

А что выберут простые люди? 478

Громкое мгновение 503

Контакт 514

Последний побег 519

Что натворил Ву-Линг 530

Деревня избранных 551

Светлячки 565

Дар никчемного человека 584

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

МИРЫ ФОСТЕРА

Избранные произведения
В семи томах

Том 6

Редактор *Л. И. Моргун*
Ведущий переводчик *В. В. Смирнов*
Корректор *М. И. Кононова*
Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.03.94. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,3. Уч.-изд. л. 36,7. Тираж 50 000 экз. Заказ 280.

Фирма «Ключ». Лицензия ЛР № 063119. 214016, Смоленск, ул. Победы, 20.

Издание выпущено при участии: производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415 и фирмы «Русич». 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Типография издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

FOSTER'S WORLDS

